

Е.М. П Р И М А К О В

СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ

в 10-ти томах

Торгово-промышленная палата
Российской Федерации

Издание собрания сочинений Е.М. Примакова осуществлено при поддержке следующих лиц и организаций:

- Публичное акционерное общество «Сбербанк России»,
Президент-Председатель Правления — Греф Герман Оскарович;
- Усманов Алишер Бурханович — основатель Благотворительного фонда «Искусство, наука и спорт»;
- «Уральская горно-металлургическая компания», генеральный директор — Козицын Андрей Анатольевич;
- Публичное акционерное общество «Трубная Metallургическая Компания», председатель Совета директоров — Пумпянский Дмитрий Александрович;
- Акционерное общество «ЕВРОЦЕМЕНТ групп», президент — Скороход Михаил Анатольевич;
- Акционерное общество «Негосударственный Пенсионный Фонд “Торгово-промышленный пенсионный фонд”», президент фонда — Рошак Александр Валерьевич;
- Открытое акционерное общество «РТИ», генеральный директор — Боев Сергей Федотович;
- Открытое акционерное общество «Центр международной торговли», генеральный директор — Страшко Владимир Петрович;
- Закрытое акционерное общество «Экспоцентр», генеральный директор — Беднов Сергей Сергеевич.

Редакционный совет:

В.И. Матвиенко, сопредседатель

С.Е. Нарышкин, сопредседатель

С.Н. Катyrин, заместитель сопредседателей

Члены совета:

В.П. Андросов

Р.С. Гринберг

А.А. Дынкин

С.В. Лавров

В.А. Садовничий

В.Е. Форттов

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
в 10-ти томах

Том 3
ГОДЫ В БОЛЬШОЙ
ПОЛИТИКЕ

Москва
2016

УДК 35.08:005.96

ББК 66.033.141.3

П76

Рабочая группа

(составление, введение, предисловия, комментарии, указатели,
биобиблиографические материалы):

А.М. Рыбаков (руководитель)

Г.А. Бордюгов

В.Л. Малькевич

И.Л. Митрофанов

И.Б. Примакова

А.И. Шкирандо

Научно-вспомогательная работа выполнена
в Научно-исследовательском центре
Ассоциации исследователей российского общества
(НИЦ АИРО-XXI).

Отв. за подготовку тома – *Д.Г. Коробков*

Художественное оформление, дизайн – *С.П. Щербина*

Примаков Е.М.

П76 Собрание сочинений. В 10-ти томах. Том 3: Годы в большой политике. – М.: Издательство ТПП РФ; Издательство «Российская газета», 2016. – 592 с. – ISBN 978-5-91022-316-9.

В книге «Годы в большой политике», включенной в данный том и впервые опубликованной в 1999 году, автор пишет о своей работе в Институте мировой экономики и международных отношений, в Службе внешней разведки и в Министерстве иностранных дел, а также предлагает личный анализ событий внутреннего и внешнеполитического характера в 1980-х и 90-х годах.

УДК 35.08:005.96

ББК 66.033.141.3

© Примакова И.Б., 2016

© ТПП РФ, 2016

© ЗАО Издательство «Российская газета», 2016

© Рабочая группа проекта, 2016

ISBN 978-5-91022-316-9

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	13
ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА	15
ДИССИДЕНТЫ В СИСТЕМЕ	
I. Трудное избавление от идеологических пут.....	17
Сталин извратил Ленина?.....	18
В эпицентре – ИМЭМО	23
Против «кривых зеркал»	32
Международные отношения: что за кадром.....	45
Отказ от догм в контактах с США.....	58
Индийская и китайская «карты»?	67
Превратности судьбы.....	72
II. Парадоксы перестройки	82
Горбачев–Ельцин: роль партии	82
Горбачев–Ельцин: проблемы союза.....	91
Преобразования в тупике.....	99
III. Запад не спешит помочь.....	107
В СЛУЖБЕ ВНЕШНЕЙ РАЗВЕДКИ	
I. Пошел в разведку	123
Случайно и неслучайно	123
Президент Ельцин в «Ясенево».....	129
Такой непростой период	140
Почему прекратили вербовку Белгарда	150
И все-таки перемены	161
Как трудно, но как важно (контакты с ЦРУ, СИС, «дело Эймса»)	169
Промышленный шпионаж сегодня	190
Мысли вслух.....	197

II. Вереница лиц	205
Первая встреча с Милошевичем	205
Подходы к таджикскому урегулированию (от Ахмад Шаха к Нури).....	213
У Фиделя Кастро.....	223
У Цзян Цзэминя	233
В МИНИСТЕРСТВЕ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ	
I. Первые шаги.....	238
Из «Ясенева» на Смоленскую площадь	238
Внешнеполитическое кредо	245
Заявления нового министра	256
Надежный тыл	262
II. В центре внимания – НАТО	267
Закулисная история доклада разведки	267
О чем поведали архивы.....	273
Мы не привыкли спать с ежом	281
Остановились на «третьем варианте»	287
В преддверии переговоров.....	292
На авансцене Солана – за кулисами США.....	298
Натоцентристская модель безопасности в Европе?	305
Сказочное «Мещерино» и далее	311
Мадлен Олбрайт – госсекретарь и человек	319
«Приоритетные контакты» в Вашингтоне	326
Два «послеоперационных» президента в Хельсинки	330
Последний шаг – он трудный самый	336
Финишная прямая	350
Два сценария	357
III. Региональная дилемма: сила или другие методы	361
Ирак: история не повторяется?	363
В прицеле Косово	399
IV. Ближневосточное урегулирование:	
неиспользованные возможности	423
Мифы и реальность	424
Упущенный шанс	434
Единственный путь.....	438

V. Проблемы СНГ	453
Интеграция: неудачи и перспективы	454
Нагорный Карабах: есть ли шанс на урегулирование?	465
Россия и грузино-абхазский конфликт	485
ПОСЛЕСЛОВИЕ.....	500
P.S. ЧТО НА ДУШЕ: СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ	504
ПРИЛОЖЕНИЯ	
Примечания	517
Именной комментарий.....	526
Именной указатель	570
Географический указатель	579
Список сокращений.....	585

---

*Родным и друзьям — ушедшим и живым
посвящается эта книга*

ПРЕДИСЛОВИЕ

В третий том Собрания сочинений включена книга Евгения Максимовича Примакова «Годы в большой политике». Она была выпущена в 1999 г. издательством «Совершенно секретно» огромным по тем временам тиражом (50 тыс. экземпляров) и иллюстрирована личными и историческими фотографиями. В первой части – «Диссиденты в системе» – автор рассказывает о внутрисистемных конфликтах в научно-партийном аппарате Советского Союза в 80-х – начале 90-х гг., а также о своей работе в Институте мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) Академии наук и в Верховном Совете СССР. Вторая и третья части содержат описания событий и встреч, сопровождавших автора на постах директора Службы внешней разведки (1991–1996) и министра иностранных дел (1996–1998). Период пребывания Е.М. Примакова в должности премьер-министра (сентябрь 1998 – май 1999) стал предметом отдельной книги – «Восемь месяцев плюс...», включенной в четвертый том.

В интервью Артему Боровику («Совершенно секретно», № 9 (125) / 1999) Е.М. Примаков сказал, что «писал все сам», без соавторов и литературных помощников. Значительную часть книги, по его словам, он написал во время работы в МИД, а закончил ее уже после отставки из правительства.

И в беседе с журналистом, и в предисловии к самой книге Е.М. Примаков отдельно отмечает, что это не ме-

муары, но «тем более не историческое исследование». Вместе с тем, особый исторический интерес представляют приводимые автором документы из Архива МИД, его личный анализ деятельности руководства страны при принятии внешнеполитических решений и его впечатления, полученные при общении с коллегами в ИМЭМО, МИД и СВР, с президентами М.С. Горбачевым и Б.Н. Ельциным, а также с мировыми лидерами – от Фиделя Кастро и Саддама Хусейна до Мадлен Олбрайт и Цзян Цзэминя.

Книга начинается посвящением: «родным и друзьям – ушедшим и живым». В разговоре с Артемом Боровиком Е.М. Примаков подтвердил, что действительно не хотел бы посвящать ее кому-либо персонально – «это был бы большой список». Завершает же книгу стихотворный постскрипtum – стихи, написанные автором на разных этапах карьеры.

Весной 2015 года, за несколько месяцев до смерти Евгения Максимовича, издательство «Центрполиграф» выпустило книгу «Встречи на перекрестках», включающую в себя большую часть материала издания 1999 года.

Данный том в полном объеме повторяет оригинальное сочинение Е.М. Примакова. Ссылки и пояснения, которые дает автор, помечены звездочками и даются в конце страницы. В Приложении к тому даются подготовленные Рабочей группой проекта Примечания, Именной комментарий, Именной и Географический указатели, Список сокращений.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Эта книга не автобиографического характера, хотя автор находился в гуще всех описываемых событий. Это тем более не историческое исследование, несмотря на то что в книге рассматриваются явления и процессы, без анализа и оценки которых невозможно понять историю России конца второго тысячелетия.

Книга состоит из трех частей. В первой части показаны тенденции и внутренние силы, подготовившие и осуществившие перемены в нашей стране в 80-х и 90-х годах – неоднозначные, сложные, во многом незавершенные. Во втором и третьем разделах рассказывается о мотивах, которыми мы руководствовались на международной арене, делах, которые осуществлялись, и реальных возможностях, которые и не по нашей и по нашей вине были упущены на пути к созданию лучшего мира.

И все-таки я бы не отнес эту книгу к категории мемуарной литературы, так как был далек от того, чтобы сделать ее автора героем повествования, – этим, как мне кажется, отличаются мемуары от других жанров. Между тем совершенно ясно, что я пропускаю изложенное через призму своего личного восприятия и осмысления, заранее зная и не опасаясь того, что не все сказанное будет принято всеми читателями.

Книга заканчивается описанием двух событий, произошедших помимо моего желания и намерений, – прихода на пост Председателя Правительства и ухода с этого

поста. Те восемь месяцев, которые разделяют эти события, – предмет продолжения написанного, которое, как я надеюсь, не заставит себя долго ждать.

Я стремился написать честную книгу – не конъюнктурную, просматривающую произошедшее через восприятие сегодняшнего дня. Буду рад, если читатель согласится с этим.

ДИССИДЕНТЫ В СИСТЕМЕ

I. Трудное избавление от идеологических пут

У нас и за рубежом много писали и пишут о диссидентах, раскачавших советскую систему. Их имена хорошо известны. Это и Андрей Сахаров, и Александр Солженицын, и Мстислав Ростропович, и многие другие. Но они никогда не были частью системы. Они критиковали ее, боролись с ней, требовали ее ликвидации, – но все это «извне», даже в то время, когда некоторые из них еще жили в СССР, до своего вынужденного выезда из страны.

Вместе с тем гораздо реже упоминаются те люди, в том числе занимавшие далеко не низкие официальные посты, те научные учреждения и некоторые газеты и журналы, которые выступали не только против преступной практики массовых репрессий, но и против господствующих идеологических догм, нелепых, анахроничных представлений в области официальных теоретических постулатов. Активность таких «внутрисистемных» сил весьма способствовала переменам, причем качественным, основательным.

Обычно упор делается на вторую половину 80-х годов, на время горбачевской перестройки. Между тем деятельность сил, пытавшихся изменить обстановку в СССР, серьезно откорректировать ее базовую коммунистическую идеологию, не только имела место и раньше, но фактически подготовила последовавшие перемены. Точкой реального отсчета их активности стал XX съезд КПСС.

Я хотел бы написать об этом подробнее. Примитивным выглядит представление о том, что в советском обществе были только те, кто за прошлое, и те, кто против него. Это во-первых.

Во-вторых, нельзя недооценивать роль и деятельность не просто честных и порядочных людей внутри государственных и партийных структур – как раз о таких писалось и говорилось немало, – но и тех, кто, не ограничиваясь защитой незаслуженно преследуемых товарищей, начинал выступать за перемены в теории и практике социалистического строительства. Без показа этого явления общественные процессы в СССР будут выглядеть односторонне, не соответствовать реальности.

В-третьих, такая внутрисистемная деятельность не должна и не может игнорироваться и в сегодняшней внутрисистемной обстановке в России. Ее недооценка ведет в конечном итоге в пропасть коммунистическое движение. Внимательное и позитивное отношение к такой деятельности неизбежно будет подталкивать многих, кто не связал себя ни с государственным тоталитаризмом, ни с оголтелым антикоммунизмом, к выдержавшим проверку временем социал-демократическим ценностям.

Наконец, хотя книга, как уже говорилось, не автобиографична, я не мог пройти мимо описания внутрисистемных разночтений, противопоставлений и борьбы взглядов, так как именно в такой обстановке во мне формировались те черты политика, которые впоследствии вышли за рамки прежних представлений и во многом способствовали формированию моих позиций в последние десять лет нашего века.

Сталин извратил Ленина?

Можно говорить о двух взаимосвязанных направлениях деятельности «внутрисистемных диссидентов». Первое – стремление убедить общество в том, что Сталин извратил

тил Ленина, создал нечто, противоречащее его идеалам, мыслям и устремлениям.

Конечно, главное, на что опирались при этом, было обвинение Сталина в репрессиях, унесших миллионы жизней ни в чем не повинных людей, в варварских методах коллективизации, погубившей крестьянство. Но этим дело не ограничивалось. Начинаясь критика и другого рода, затрагивающая вопросы партийно-государственного строительства. Например, Л.А. Оников, консультант отдела пропаганды ЦК КПСС, справедливо выступал неоднократно на тему того, что при Сталине кардинально изменились принципы партийной жизни: наступила эра аппарата, захватившего власть в выборных органах, члены которых практически отстранялись от руководства, не могли даже участвовать в заседаниях бюро без специального приглашения, пришло время всеобщей закрытости, секретности¹. Все решалось на уровне секретарей, заведующих отделами, секторами, инструкторов райкомов, обкомов, ЦК.

Еще в начале 60-х годов, задолго до перестройки, главный редактор газеты «Правда», в которой я в то время работал, академик А.М. Румянцев написал ко Дню печати статью, в которой настаивал на необходимости возвратиться к ленинским принципам: по его словам, при временном отказе от фракционности в партии возник дискуссионный «вакуум» и Ленин предполагал, а также предлагал заполнить его своеобразным двоецентрием – партийным комитетом и партийными газетами и журналами, которые призваны были критиковать не только нижестоящие организации, но и тот комитет, печатным органом которого они являлись.

Алексей Матвеевич – человек, безусловно, незаурядный и очень, особенно по тем временам, смелый – настаивал на возобновлении этой «ленинской практики». Я дежурил в типографии, когда пришло от члена редколлегии, ведущего номер, указание статью снять. Позже

выяснилось, что к А.М. Румянцеву приехал заместитель заведующего отделом пропаганды ЦК и от имени Суслова, руководившего в ту пору всем идеологическим направлением работы партии, предложил исключить из статьи самую ее сердцевину. Румянцев наотрез отказался и вообще снял статью – мы поспешно «забивали» образовавшуюся «дыру» на полосе другими материалами.

А ведь Румянцев был далеко не рядовой партиец. Поэтому он смог противостоять «всемогущему» Суслову.

Второе направление объективного идеологического расшатывания существовавших порядков заключалось уже не только в показе отступничества Сталина от ленинских принципов, а в той или иной форме признания несоответствия догматических постулатов марксизма-ленинизма реальности. Давалось это нелегко – и потому, что встречало самое рьяное сопротивление «сверху», и потому, что «внутрисистемные диссиденты», поднявшие руку на идеологические догмы, опасаясь реакции начальства, да и по своим убеждениям, ссылались в выводах на того же В.И. Ленина.

Вновь обращаюсь к примеру Румянцева, которому принадлежали две «двухподвальные» статьи об интеллигенции, наделавшие много шума в стране, так как он, отказавшись от схемы, отводившей центральное место в обществе пролетариату, показал истинную роль интеллигенции². Как было принято, гранки статей такого рода рассылались членам Политбюро, от которых поступали замечания. На статьи Румянцева комментарии поступили от одного из помощников генерального секретаря, на что Алексей Матвеевич отреагировал запиской в ЦК, в которой заявил, что, будучи членом выборного органа, не намерен получать замечания от партийных чиновников. Статьи были опубликованы, но ему этого не простили – через некоторое время Румянцев оказался в Академии наук, а в «Правду» пришел другой главный редактор³.

А.М. Румянцев был одним из очень немногих высших должностных лиц в партии, который мог себе позволить такую манеру поведения. Когда он уже был в Академии наук, а мы с ним жили в одном доме и по вечерам нередко гуляли во дворе, я много часов проговорил с этим честнейшим, прямолинейным, но несколько «зашоренным» человеком, которого уважал и любил. Он рассказал, как попал в аппарат ЦК. В 1951 году шла очередная дискуссия, на этот раз об экономических проблемах социализма. Сталин, не участвуя в бурных обсуждениях, сидел в своем кабинете и через наушники слушал выступавших. Ему очень понравилась идея, высказанная Румянцевым (впоследствии сам автор признал ее абсолютно бредовой), о том, что капитализм после потери колоний «развивается на суженной основе». После окончания дискуссии Румянцева, тогдашнего директора Института экономики в Харькове, вызвал секретарь ЦК Маленков, отвечавший за кадры, и со ссылкой на Сталина предложил пост заместителя заведующего управлением науки ЦК КПСС (тогда это было управлением, позже стало отделом). Румянцев отказался, сославшись на свою «провинциальность», неуверенность в том, что справится с такой ответственной и масштабной работой.

Через две недели последовал новый вызов к Маленкову, который, по словам Алексея Матвеевича, сказал ему следующее: «Товарищ Сталин просил передать, что, если Румянцев не хочет быть заместителем, назначьте его заведующим, разделив управление на две части – естественных* и общественных наук». Так и поступили.

Румянцев был избран членом президиума на XIX съезде партии, возглавлял идеологическую комиссию, его заместителем был Суслов – тогда еще не столь извест-

---

* Заведующим этим управлением был назначен Ю. Жданов – сын известного партийного деятеля А. Жданова. (Здесь и далее примечания автора.)

ный партийный руководитель. В дальнейшем Румянцев стал шеф-редактором журнала «Проблемы мира и социализма» в Праге, организованного ЦК КПСС, но при членстве в редколлегии представителей ряда компартий. Этот журнал превратился в своеобразный партийный «центр инакомыслия». В журнале работала целая плеяда людей, которые в 70–80-х годах заняли ведущие позиции в международном отделе и в отделе соцстран ЦК КПСС. Не буду перечислять поименно, лишь скажу, что их активность постепенно, хоть и половинчато и далеко не последовательно – иначе в то время и быть не могло, – помогала приближать партию к реальному пониманию действительной, а не «марксистско-книжной» обстановки в мире, перспектив развития мирового сообщества. Их роль в этом трудно переоценить.

Вылетевшие из «румянцевского гнезда» пошли во многом дальше шеф-редактора. Но и они свои свежие, правильные идеи прикрывали подчас выдернутыми из контекста цитатами Ленина. Не думаю, что это был цинизм или попытки приспособиться, прикрыться, хотя и это имело место. Была в ту пору уверенность в необходимости вернуться к «ленинскому пониманию», к «ленинским оценкам» происходивших и происходящих процессов.

Характерно, что в этом направлении эволюционировал и секретарь ЦК, занимавшийся соцстранами, Ю.В. Андропов после своего перевода с поста посла СССР в Венгрии. Он окружил себя одаренными людьми, набрав их в группу консультантов, в основном выходцами из журнала «Проблемы мира и социализма». Один из них, Н.В. Шишлин, рассказывал мне, что в начале такого общения Андропов часто раздражался, а потом уже не мог обходиться без откровенных и достаточно острых «внутренних» дискуссий. С Ю.В. Андроповым работала в то время целая группа партийных интеллектуалов – таких, как Г.А. Арбатов, Ф.М. Бурлацкий, А.Е. Бовин, Н.В. Шишлин, и других.

В эпицентре – ИМЭМО

В стремлении преодолеть догматическое мышление, навязываемое официальной идеологией, большую роль сыграл Институт мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО), в котором я работал трижды. Первый раз – в 1962 году при переходе из иновещания Гостелерадио в газету «Правда». Это был вынужденный «транзит» – только что был назначен руководителем Гостелерадио М.А. Харламов и Н.С. Хрущев обещал ему, что подкрепит его журналистскими кадрами. А я был не на плохом счету, став в 1956 году, 26 лет от роду, главным редактором вещания на арабские страны, а затем, после структурной реорганизации, заместителем главного редактора информации на все зарубежные страны. Но «осязаво» чувствовал скверное отношение ко мне заведующего сектором ЦК – он занимался радио. Может быть, ему не понравилось мое выступление на партсобрании, может быть, были какие-то другие причины, но в течение нескольких лет после сопровождения Н.С. Хрущева в его поездке в Албанию в 1958 году, о чем пишу ниже, фактически оказался «невъездным». «Рубили» даже туристические поездки.

В это время Валентин Зорин, известный радиожурналист, познакомил меня с заместителем главного редактора «Правды» Н.Н. Иноземцевым, отвечавшим в газете за международную тематику. От него я и получил приглашение перейти в «Правду» обозревателем отдела стран Азии и Африки. Понимая, насколько ответственно работать в органе Центрального комитета, которым была газета «Правда», и искренне стремясь наконец-то поставить, как говорится, все точки над «і», я сказал Иноземцеву, что за мной тянется какой-то «хвост», так как с определенного времени мне начали отказывать в выезде за рубеж. Николай Николаевич при мне вызвал заведую-

щего отделом кадров и сказал ему: «Запросите соответствующие органы о возможности использовать Примакова в качестве собственного корреспондента “Правды” в одной из капиталистических стран». Я понял, что меня направляют на проверку по самому высшему разряду, и был этому рад.

Для проверки нужно было определенное время – такие уж тогда были порядки. Предполагая, что на мой уход может негативно отреагировать М.А. Харламов (так и получилось, причем к нему присоединился его первый заместитель, блестящий профессионал Э.Н. Мамедов), Иноземцев предложил мне подать документы на конкурсное замещение (я уже был кандидатом экономических наук) должности старшего научного сотрудника в ИМЭМО. Николай Николаевич сказал, что переговорит с директором ИМЭМО академиком А.А. Арзуманяном, чьим заместителем он был до перехода в «Правду», и объяснит ему временный характер моего нахождения в институте.

Я прошел по конкурсу в 1962-м, одновременно получив звание старшего научного сотрудника. Мое четырехмесячное первое пребывание в ИМЭМО закончилось после ночного телефонного звонка от главного редактора «Правды» П.А. Сатюкова*. Мне сказали, что он меня ждет и за мной уже выехала машина.

---

* О Сатюкове я сохранил самую добрую память. Конечно, он был «партийным боссом», безропотно выполняющим все указания сверху. Собственно, так делали и все другие. Но при этом он сохранял хорошие человеческие качества, симпатизировал мне, за что я ему очень признателен. Это проявилось, например, в том, что, когда я в 1964 году после неудачной операции аппендицита был, как говорится, на грани, по его указанию наши корреспонденты в США и Западной Европе прислали наисовременнейший антибиотик, что меня и спасло. Но дело не только в личном, хотя и оно имеет большое значение. Павел Алексеевич в меру своих сил, как мне кажется, тормозил негативные веяния, во всяком случае не ориентировал газету на их обслуживание. Сатюкова уволили с поста главного редактора вслед за снятием Н.С. Хрущева.

– Когда можете приступить к работе? – спросил Павел Алексеевич.

– Мне было бы крайне неудобно делать это без согласия Арзуманяна, и вообще в институте хорошо работает, да и окружают меня очень интересные и доброжелательные люди, – ответил я.

– Договоритесь с Арзуманяном, – Сатюков обратился к Иноземцеву. – Трех дней, я думаю, вам достаточно, – это уже было сказано мне.

Таков был стиль в партаппарате, даже в партийной печати, и я тогда воспринимал его как вполне нормальный. После того как мы вышли из кабинета «главного» – так в то время во всех газетах величали главного редактора, – Иноземцев передал мне, что у «соответствующих органов» нет возражений против моей поездки в качестве собкора «Правды».

– А что касается этого деятеля из сектора ЦК, то «Правда» вне пределов его влияния, – добавил Николай Николаевич улыбаясь.

Второй мой приход в ИМЭМО состоялся после того, как, будучи корреспондентом «Правды» на Ближнем Востоке, я «умудрился» защитить докторскую диссертацию, тоже по экономике. «Главным» в «Правде» в то время был М.В. Зимянин*. Он отнюдь не был сторонником моей научной деятельности, предоставив мне перед защитой отпуск на две недели без сохранения содержания. Но я его не виню в этом. Может быть, он знал, что

---

* Я многим обязан ему по-человечески. Например, хотя бы тем, что он категорически воспротивился уже подготовленной редакцией моей командировке на юг Аравии, в партизанский отряд в Дофаре, который вел вооруженную борьбу против англичан, все еще правивших в Адене. «Это слишком опасно, я дорожу тобой» – такие слова Михаила Васильевича меня тронули до глубины души, хотя по-журналистски ох как хотелось дать материал в «Правду» с места боев, тем более что очень хорошо были встречены читателями «Правды» – тогда она издавалась тиражом 11 млн экземпляров – мои репортажи из иракского Курдистана.

перед защитой, которая проходила в ИМЭМО, я получил предложение от Н.Н. Иноземцева, в то время уже назначенного директором института после смерти А.А. Арзуманяна, перейти на работу его первым заместителем. Аналогичное предложение мне сделал Г.А. Арбатов – директор нового, отпочковавшегося от ИМЭМО Института США и Канады⁴.

В это время Иноземцев и Арбатов очень тесно работали с генеральным секретарем ЦК Л.И. Брежневым. В группу, готовившую материалы пленумов, съездов партии, выступлений Брежнева, входили и другие, в том числе Зимянин. От Иноземцева и Арбатова я знал (вопреки тому, что пишут во многих СМИ, ни разу в то время не участвовал в таких группах, обычно собиравшихся на загородных дачах, и ни разу не виделся с Л.И. Брежневым), что между составителями этих материалов не было единства. К «прогрессистам», отстаивавшим необходимость отойти хотя бы от самых очевидных нежизненных догм, приблизиться к реальному пониманию действительности и внутри страны и в международной жизни, принадлежали Иноземцев, Арбатов, Бовин и некоторые другие. К противоположной стороне относился Зимянин, несмотря на то что его нельзя было, во всяком случае однозначно, отнести к самому консервативному крылу партии. Однако, как мне кажется, он обладал большим «партийным опытом», чем два академика, и четко придерживался «табу» на любое инакомыслие.

Характерно, что обе группы выходили и сближались с различными людьми в высшем руководстве партии. Тогда уже Иноземцев, например, с воодушевлением рассказывал мне, как отреагировал М.С. Горбачев – в то время секретарь ЦК – на замечания некоторых членов Политбюро, потребовавших исключить из готовившейся речи генсека ссылку на необходимость дать большую хозяйственную самостоятельность колхозам.

– Если это не пройдет, – с восторгом пересказал Иноземцев слова Горбачева, – тогда народ сам все равно решит эту задачу.

Я понимал, что дискуссии в рабочих группах идут нешуточные, и они давали определенный простор для новых идей. Но, опять-таки по словам Иноземцева, Брежнев, который был настроен на серьезную реформаторскую деятельность в партии и в обществе, коренным образом изменился после 1968 года – так его испугала Пражская весна.

– Николай, мы же с тобой фронтовики, неужели нам занимать мужества? – говорил он, прогуливаясь вдвоем с Иноземцевым во время работы на даче. За этим следовали рассуждения о необходимости радикальнейших перемен в стране, партии, кадрах. Такие разговоры прекратились после того, как советские танки вошли в Прагу. А потом к этому прибавились недомогание Брежнева и старческий склероз...

С постоянным нахождением Иноземцева в «брежневских группах», очевидно, было связано и сделанное мне предложение стать его первым замом в ИМЭМО – я оставался им с 1970 по 1977 год. Все серьезные, особенно кадровые, вопросы я решал только с Николаем Николаевичем, но повседневно практически руководил институтом.

Третий раз пришел в ИМЭМО уже в 1985 году, сменив на посту директора А.Н. Яковлева, который перешел на работу в ЦК заведующим отделом пропаганды. На моей кандидатуре настаивал Александр Николаевич. Горбачев вначале колебался, а потом под «прессингом» Яковлева все-таки согласился. Я переходил с директорской должности в Институте востоковедения – тоже очень важного академического института, не уступающего по размерам ИМЭМО. И все-таки ИМЭМО был значимее в плане выработки новых идей, новых подходов, нового отношения к процессам, происходящим в мире. Да и занимал особое

место среди других академических институтов гуманитарного профиля своей близостью к практике, к структурам, вырабатывавшим политическую линию.

ИМЭМО возник после XX съезда партии в эпоху «оттепели» как преемник закрытого при Сталине Института мирового хозяйства и мировой политики, руководимого академиком Е.С. Варгой⁵. До сих пор непонятно, как этот известный ученый, да еще с коминтерновским прошлым, осмелившийся писать о новых качествах капитализма, точнее, об «организованном капитализме», включающем в себя элементы плановости, и раскритикованный за это в пух и прах «самим», мог избежать ареста и умер своей смертью в 1964 году.

Когорта крупных научных исследователей – соратников Евгения Самуиловича Варги – влилась в ИМЭМО в 1956 году. Заслуга его первого директора, Анушавана Агафоновича Арзуманяна, заключалась не только в том, что он широко открыл двери для этой плеяды прекрасных ученых и привлек для работы в институт целый ряд талантливых молодых специалистов, в том числе с «подпорченными» для того времени биографиями, но и создал атмосферу творческого поиска. В 50-х и 60-х годах ему в немалой степени помогало то, что он и А.И. Микоян были женаты на родных сестрах, и в этих условиях партийным реакционерам было трудно помешать вернуться институту как учреждению новаторскому, творческому.

Арзуманян ненавидел Сталина. Помню, во время моего первого пребывания в институте в 1962 году я был определен в группу по национально-освободительному движению, возглавляемую прекрасным ученым и человеком, к сожалению так рано ушедшим из этой жизни, В.Л. Тягуенко. Мы писали тезисы для ЦК, которые потом были опубликованы как интервью Хрущева. Арзуманян «завернул» первый вариант со словами: «Вы замаскированно используете сталинскую методику в оп-

ределении разницы между буржуазной и национально-освободительной революциями. Это неприемлемо».

Разглядел все-таки...

По-настоящему ИМЭМО расцвел в те годы, когда его директором стал академик Николай Николаевич Иноземцев. У меня к нему особые чувства. Нас связывали, помимо служебных, дружеские и, что особенно важно, доверительные отношения. Это был несомненно выдающийся человек – образованный, глубокий, интеллигентный, смелый, – прошел всю войну офицером-артиллеристом, получив целый ряд боевых наград, и в то же время легкоранимый, главным образом тогда, когда приходилось решительно отбивать атаки своих личных противников, а таких было немало – злобных, завистливых.

Трудно было рассчитывать на то, что «старая гвардия» потеснится и уступит место тем, кто шел изнутри к обновлению системы. Противники ИМЭМО начали атаку на Иноземцева. Это было уже в то время, когда я перешел на работу в Институт востоковедения, но, что совершенно естественно, переживал за своих товарищей. Провокаторы пытались воспользоваться тем, что два молодых сотрудника ИМЭМО были арестованы по обвинению в связи с западной разведкой (позже обвинение не подтвердилось и они были с извинениями освобождены)⁶, затем последовали доносы на самого Иноземцева. В этой кампании активно участвовал член Политбюро и секретарь Московского комитета партии Гришин, а также отдел науки ЦК. Подробности мне рассказал Ник Ник, которого я навестил в больнице на Мичуринском проспекте – у него резко ухудшилось здоровье. В.Н. Шенаев, в то время секретарь парткома ИМЭМО, несмотря на прямые угрозы высоких партийных боссов, занял жесткую, непримиримую позицию в защиту института и его директора. Особенно злило тех, кто занес руку над ИМЭМО, что в нем не оказалось предателей. Изнутри взорвать институт не удалось.

Все близкие советовали Ник Нику пойти к Брежневу – он наотрез отказывался. Тогда вместо него это сделали Арбатов и Бовин. Брежнев при них позвонил Гришину, и тот, будучи председателем специально созданной по «делу ИМЭМО» комиссии, не на шутку перепугавшись, на вопрос генсека, что там делается с Иноземцевым и его институтом, ответил: «Ничего об этом не знаю, Леонид Ильич, разберусь незамедлительно». Это означало конец открытой атаки. Противники нового затаились...

Нельзя не сказать и о том, что в самые застойные годы настоящим «островом свободомыслия» была Академия наук СССР. Парадокс заключался в том, что преобладающая часть ученых-естественников – а они задавали тон в академии – была так или иначе, прямо или косвенно связана с «оборонкой». Казалось бы, эта среда меньше всего подходила для политического протеста, больше всего должна была бы подчиняться диктуемой сверху дисциплине. А получилось совсем не так. Я был избран членом-корреспондентом АН СССР в 1974 году, а в 1979-м – академиком. Естественно, посещал все общие собрания, и на моих глазах часто разворачивались события, отнюдь не характерные для тех времен. Помню, как все руководство чуть ли не «на ушах стояло», чтобы провести в академики заведующего отделом науки ЦК Трапезникова – одного из близких Брежневу людей. На отделении истории его избрали, а на общем собрании – прокатили. Не помогли ни заранее проведенная работа, ни выступления, в том числе и некоторых уважаемых академиков, с призывом избрать Трапезникова. Говорилось не только о его «научных достижениях», во что мало кто верил, – подкупающе звучали слова о том, как много пользы академия получает от его поддержки, что, очевидно, было правдой. Но при тайном голосовании все-таки провалили.

Срабатывал синдром негативного отношения, может быть даже не всегда справедливого, ученых к партийным

и советским функционерам, претендующим на членство в академии. Еще в члены-корреспонденты могли кое-кого пропустить, но в академики – как правило, нет. Вспоминаю общее собрание, на котором голосовалась в действительные члены АН СССР кандидатура члена-корреспондента министра высшего образования Елютина. Представлявший его академик – секретарь отделения – охарактеризовал Елютина как крупного ученого. Председательствующий, президент академии, спросил, есть ли замечания. Из зала потянулась рука и был задан вопрос: «Что сделал Елютин за тот период, который его отделяет от “членкорства”, то есть за четыре года?» В ответ был приведен целый перечень работ, написанных претендентом и самостоятельно, и в соавторстве, и научным коллективом под его руководством. После этого академик, задавший вопрос, вышел на трибуну и сказал: «Если Елютин так много успел сделать по научной части, то, следовательно, он плохо работал министром – у него попросту на это не могло хватить времени. Или наоборот». В результате при тайном голосовании Елютина прокатили.

Были и другие причины отказа в избрании. Помню, как при обсуждении кандидатуры одного почтенного и достаточно известного юриста взял слово академик Глушко – дважды Герой Социалистического Труда, один из крупнейших конструкторов-ракетчиков, – и зачитал несколько выдержек из работ этого юриста – и старых, и не очень старых, – где тот высказывался в пользу так называемой презумпции виновности, то есть достаточности самопризнания для обвинения. Академик Глушко не только провел параллель этой позиции с трудами А.Я. Вышинского, но и спросил, где работал соискатель в 1937 году. Последовавший ответ – «в генеральной прокуратуре» – был достаточным. Итоги голосования не смогли изменить объяснения коллег-юристов, что кандидат был тогда на низших ролях и никаких связей с генеральным прокурором Вышинским, прославившимся во время

процессов 1937–1938 годов, у него не было. Проявилась неприязнь, а подчас и прямая ненависть к тем, кто так или иначе ассоциировался с массовыми репрессиями. Картина была бы неполной, если не упомянуть, что репрессии не обошли и многих ученых, конструкторов, увешанных теперь орденами, тех, кто сидел в зале и голосовал.

Характерна и эпопея с А.Д. Сахаровым. Несмотря на то что некоторые коллеги подписались под письмом в «Правду», его осуждающим*, при всем давлении сверху ни разу даже не пытались поставить вопрос об исключении А.Д. Сахарова из состава академии⁷. Не было никаких сомнений, что тайное голосование по этому вопросу с треском бы провалилось.

Когда уже при Горбачеве Сахаров вернулся в Москву из своего вынужденного пребывания в Нижнем Новгороде (тогда г. Горький), все в академии, включая, я уверен, и «подписантов», вздохнули с глубоким облегчением.

Против «кривых зеркал»

Стараниями многих теоретиков партии марксизм, научный характер которого бесспорен, был превращен в своеобразную религию, заявлен как единственно пра-

---

* Президент академии М.В. Келдыш сказал нам, нескольким представителям общественных дисциплин, которых он пригласил для представления ответа американским ученым, выразившим протест против гонений на Сахарова: «Под письмом в “Правду” подписались не все, кому это было предложено. И вы, пожалуйста, не переусердствуйте. Сахаров – крупнейший ученый и сделал очень много для страны. Его высказывания и занятая им позиция – во многом не его личная вина». Академик Келдыш, а он мог себе это позволить, возмущенно говорил о том, что высшие руководители партии и государства с Сахаровым вообще не встречались, а должны были это делать с «такой величиной» регулярно и объяснять нашу линию, нашу политику, реальное положение дел и в стране и на международной арене.

вильное научное направление – все другие относились к «ереси». Утверждалось, что он универсален, сохраняя без всякой адаптации к меняющейся действительности правоту всех своих выводов, – попытки оспорить провозглашались отступничеством. Наконец, «классики» марксизма обожествлялись, превращались, по сути, в иконы. Не мешало бы добавить, что все это органично сочеталось с гонениями на истинные религиозные воззрения людей.

Характерно, что все это оставалось неизменным даже после публикации материалов о миллионах невинных жертв сталинских репрессий. Не могу сказать, что радикальный пересмотр отношения к Сталину произошел одновременно и безболезненно. Нельзя недооценивать просталинских настроений, имевших широчайшее распространение в обществе, особенно после войны. Лишь единицы (естественно, из сохранившихся после репрессий) думали иначе. Одной из таких была моя мать – Анна Яковлевна, вокруг которой «попадали» все близкие и друзья в 1937 году, «уединившаяся» на тбилисском прядильно-трикотажном комбинате и проработавшая там врачом бесценно последние тридцать пять лет своей жизни.

Помню, как, будучи еще студентом, в самом начале 50-х годов я приехал на каникулы в Тбилиси и разговорился с матерью на «сталинскую тему». Был взбешен ее словами о том, что Сталин – негодяй, примитивный душегуб. «Да как ты смеешь, ты хоть что-нибудь читала из трудов этого “примитивного человека”!» – полез я. Меня сразил ее спокойный ответ: «И читать не буду, а ты пойд и донеси – он это любит». Я покрылся потом и не возвращался больше к этой теме в беседах с матерью никогда.

Но после XX съезда отношение к Сталину менялось. И можно сказать, что к настоящему времени большинство населения России весьма далеко от позитивной оценки

его личности. И тем более удивительно, когда часть КПРФ уже в конце 90-х годов, не подвергаясь никакой ощутимой критике со стороны своего руководства, превозносит «великого вождя всех времен и народов». Удивительно и другое – партия, претендующая на одно из лидирующих положений в обществе, не переосмысливает догматические коммунистические постулаты, а если и делает это, то как бы мимоходом. Однако любому объективно настроенному наблюдателю понятно, что будущее у этой партии может быть в случае признания ею ценностей социал-демократии.

А ведь корни борьбы с партийным догматизмом, его отрывом от реальности уходят в общественную жизнь в СССР, особенно в последние десятилетия его существования. Хочу быть правильно понятым: конечно, реформаторские тенденции, затрагивающие теоретические коммунистические постулаты в 70–80-х годах, ни в коей мере ни по своим целям, ни по своей направленности не служили переходу партии на социал-демократические рельсы. Тогда вопрос так не стоял. Однако весь ход исторического развития в России в 90-х годах многое изменил не только в постановке вопросов, но и в задачах, подлежащих целенаправленному решению.

Сегодня, с расстояния пройденных лет, когда думаешь о том, какие идеи приходилось нам доказывать, пробивать через сопротивление, мягко говоря, консервативных элементов, иногда становится просто смешно. А тогда было совсем не до смеха – и еще задолго до массивной атаки на ИМЭМО, о чем писал выше.

Ну хотя бы такой курьезный случай из практики 70-х годов. ИМЭМО всерьез занимался долгосрочными прогнозами развития мировой экономики. Различные сценарии публиковались в нашем журнале. Один из его читателей – отставной генерал НКВД – пожаловался в ЦК на то, что во всех этих сценариях, содержащих прогнозные оценки до 2000 года, фигурирует «еще не отпра-

ленный на историческую свалку» капиталистический мир. Нас обвинили в ревизионизме, и пришлось по этому поводу писать объяснительную записку в отдел науки ЦК.

А сколько сил ушло, например, на то, чтобы доказать очевидное для нас, но не во всем совпадавшее с работами классиков марксизма-ленинизма положение о существовании универсальных законов в отношении производительных сил вне зависимости от характера производственных отношений. Иными словами, что существует ряд одинаковых закономерностей независимо от того, где развивается производство – в социалистическом или капиталистическом обществе. А ведь противники этого очевидного положения практически захлопывали дверь для использования у нас опыта западных стран.

Нас обуревала гигантомания. Мы строили огромные заводы – чуть ли не единственных производителей той или иной продукции в стране, считая, что выигрываем на производительности труда, и ставили себе в заслугу отсутствие конкуренции, в то время как на Западе давно уже поняли преимущества мелкого и среднего производства, рассредоточенного по всей стране. Или многоотраслевая структура управления – около 95 процентов корпораций в США многоотраслевые, а это высшая форма организации производства, над которой уже не стоят ни министерства, ни ведомства. Такая же картина в Японии, Западной Европе. Или создание всех условий, вплоть до организации безлюдных третьих смен, для того чтобы быстрее амортизировать передовое и дорогостоящее оборудование. Или создание «венчурных» предприятий, призванных решить определенную задачу на острие научно-технического прогресса. Или оптимальная организация сбыта и утилизации сельскохозяйственной продукции. Этот список, конечно, можно было бы продолжать и продолжать.

Эти и многие другие проблемы становились содержанием записок, направляемых руководству страны. Щедро

снабжал ими ИМЭМО и рабочие группы при Брежневем, а во времена Горбачева прорывался с такими записками на самый верх.

Но часто это происходило поистине в карикатурных формах. Уже в годы перестройки Николай Иванович Рыжков, тогдашний председатель Совета министров, понимая важность производственно-организационного преобразования подшипниковой промышленности для развития отечественного машиностроения, собрал у себя широкое совещание производственников и ученых. Мы в ИМЭМО серьезно подготовились к этой встрече, изучив опыт Швеции, ФРГ, провели несколько обсуждений, вовлекли в работу способных экономистов, в частности А.А. Дынкина и Р.Р. Симоняна. Были на совещании с ними в Кремле во всеоружии, предложив схему создания четырех научно-производственных объединений и подробно показав их структуру. На вопрос, как распределиться между ними качественное производство подшипников, ответили, к удивлению многих присутствовавших, что все четыре объединения будут выпускать однотипную продукцию – так мы обеспечим конкуренцию. Тогда взял слово министр автомобильного транспорта⁸ и, обращаясь к председателю Совмина, сказал: «Я обещаю прорыв в подшипниковой области другим путем – мне нужен еще один заместитель министра, вот его “объективка”».

Будучи умным человеком, Николай Иванович прервал заседание, сказав министру: «Вы явно не готовы к обсуждению». Но и в Кремль по этому вопросу нас больше не вызывали...

Помню, как, еще во времена Брежнева, Иноземцев пригласил меня к себе домой поужинать. Он был явно взволнован. Сказал, что впервые предложили ему, тогда кандидату в члены ЦК КПСС, выступить на пленуме Центрального комитета. «Не будьте “белой вороной”, напишите текст», – посоветовал я Ник Нику. «Не могу, буду выступать без бумажки».

Я оказался прав – уже одно это вызвало неудовольствие многих присутствовавших в зале. Еще больше покорило содержание выступления. Иноземцев возразил против монополии на внешнюю торговлю даже не государства, а, как он справедливо сказал, Министерства внешней торговли СССР. Кроме этого, Иноземцев говорил о необходимости целенаправленной работы для обеспечения наилучших результатов на прорывных направлениях научно-технического прогресса. И все бы ничего, но академик Иноземцев привел в пример капиталистическую Японию, которая концентрировала средства через министерство промышленности и торговли, чтобы помочь частному бизнесу вырваться вперед в производстве компьютеров. После успешного освоения этих средств и выхода на показатели нового поколения компьютерной техники компании снова «разбежались» по своим «квартирам» и продолжили конкуренцию за рынки.

Николай Николаевич был очень удручен, когда ему передали реплику одного из руководителей, сказавшего в своем «кругу»: «Вы разве не видите, он нас пытается поучать!» А бессменный помощник нескольких генеральных секретарей, безусловно, очень остроумный, едкий человек, А.М. Александров-Агентов сказал Иноземцеву: «Николай Николаевич, после вашего выступления стало ясно, что мы стоим перед дилеммой: либо нужно выводить из ЦК интеллигентов, либо делать ЦК интеллигентным».

Кстати, когда я в единственном числе уже на XIX партконференции⁹ выступил против антиалкогольной кампании, которая осуществлялась чисто административными мерами и привела прямо-таки к плачевным результатам в экономике и нанесла вред здоровью людей (начала развиваться, пожалуй, впервые в таких масштабах в России наркомания, токсикомания, исчез сахар – гнали самогон, вырубали виноградники и так далее и тому подобное), тот же А.М. Александров, который в то

время еще оставался помощником теперь уже у М.С. Горбачева, отвел меня в сторону и спросил:

– Любите Гашека?

– Конечно, его герой Швейк – один из самых моих любимых.

– Так вот, – продолжал Александров, – помните, как в кабаках висели портреты Фердинанда, обсиженные мухами? Теперь и ваши портреты в таком же виде будут висеть во всех советских пивных.

После моего выступления многие подходили и пожимали руку. Конечно, оно было далеко не главным в прекращении этой бессмысленной, волюнтаристской и совершенно неподготовленной антиалкогольной кампании, но вскоре ее свернули, а повсеместно созданные антиалкогольные комитеты канули в Лету.

Много шишек набил себе ИМЭМО, доказывая изменившийся характер капитализма. Очень нелегко было вопреки совершенно очевидным вещам, в эпоху научно-технической революции, быстро меняющей облик всего мира, преодолеть сопротивление тех, кто все еще считал, что производственные отношения при капитализме выступают как тормоз развития производительных сил. В штыки встречались догматиками – а они верховодили во всяком случае в соответствующих секторах отделов науки и пропаганды ЦК КПСС – такие бесспорные теоретические положения, выдвигаемые сотрудниками ИМЭМО и некоторых других институтов, как способность производственных отношений меняться в рамках капитализма, приспособляясь к требованиям научно-технической революции. Писали, в том числе и я, что этот процесс затрагивает такую политэкономическую «святая святых», как собственность, причем меняются не только ее формы, но и содержание.

Мы показывали, насколько серьезных успехов добился современный капитализм в контролировании инфляции, а подчас и в использовании ее для роста производ-

ства, вообще в регулировании на макро- и микроуровнях.

Известно, что Ленин, говоря об историческом месте капитализма, выстраивал следующую цепочку: свободная конкуренция способствует концентрации производства – концентрация в свою очередь приводит к монополии – монополия ограничивает и стесняет свободную конкуренцию. Конечно, и Ленин не считал, что монополии охватывают все, но главное все-таки заключалось в его выводе о том, что монополия является антиподом конкуренции, которая, как известно, выполняет функцию силы, движущей технический прогресс. А как сложилась жизнь, особенно во второй половине XX века?

Во время моего директорства в ИМЭМО мы создали кафедру на экономическом факультете Московского государственного университета, которую на общественных началах я возглавил. На 1 сентября 1996 года в 9 часов утра была назначена моя лекция для студентов третьего курса. Я тщательно к ней готовился, но, несмотря на последовавшие положительные отзывы, не заблуждался – был далек от успеха. В аудитории сидели студенты, не видевшие друг друга несколько месяцев летних каникул, и им было куда интереснее поделиться друг с другом своими впечатлениями. В общем, такого состояния, когда «слышно, как муха пролетит», в аудитории не было. Но все-таки вопросы задавали, и в том числе недоуменные по той части моей лекции, где я сказал: «Требуется корректировка понятие монополии, которое так часто трактуется в научной и учебной литературе со ссылкой на Ленина. Во-первых, хотел бы обратить внимание на неустойчивость монополий в капиталистическом мире в современных условиях – возросшая зависимость от рынка поставила даже многие крупные компании на грань банкротства. При высоком научно-техническом уровне современного производства те, кто получает первыми новую технологию, могут ликвидировать монополию,

выйдя на рынок с аналогичной продукцией. В таких условиях, приспособляясь к обстановке, преобладающее большинство монополий превращаются в многоотраслевые корпорации. Во-вторых, в капиталистическом мире происходит рост немонополизированного сектора. В 80-х годах на долю этого сектора в капиталистических странах приходилось более 40 процентов валового внутреннего продукта и 60 процентов численности занятых – и не только в наукоемких, но и в “традиционных” отраслях. В-третьих, конкуренция бурно развивается не только на национальном, но и на транснациональном уровне. Таким образом, можно сделать вывод, что концентрация и централизация капитала в новых условиях не вытесняет конкуренцию и не тормозит научно-технического прогресса».

Можно считать, что впервые в ИМЭМО всю заговорили об интеграционных процессах, о качественном сдвиге, связанном с созданием транснациональных компаний (ТНК).

Это кажется ныне забавным, но ИМЭМО не без причины считал тогда одним из своих несомненных достижений «идеологический прорыв», который заключался в том, что впервые было заявлено о необратимости и объективном характере экономической интеграции в Западной Европе.

Следовательно, сближение между государствами при капитализме, а не рост противоречий как магистральная линия развития? Если и происходят какие-то процессы, напоминающие переплетение экономик, то это лишь искусственное создание экономической базы для НАТО! Но несомненно, что и такое субъективное вторжение в экономику при капитализме недолговечно! Так рассуждали тогда очень многие, особенно «политэкономы».

А к каким только выкрутасам не прибегали, чтобы подтвердить «годную для всех времен» правоту Ленина, который «поверг ниц» Каутского, доказывая неизбеж-

ность абсолютного обнищания рабочего класса при капитализме!..¹⁰ Это была далеко не шуточная проблема. Ведь из этого постулата выводилась универсальная неизбежность революции, свергавшей капиталистический строй. Особенно трудно стало догматикам доказывать неизбежность представления об абсолютном обнищании рабочего класса, когда перестал существовать железный занавес и те, кто выезжал за границу – а их становилось немало, – убеждались, насколько улучшалась жизнь, поднимался ее материальный уровень за рубежом.

Для того чтобы отстоять вывод о том, что абсолютное обнищание рабочего имманентно капитализму во все времена, прибегали даже к такому «объяснению»: потребности трудящихся с развитием научно-технического прогресса растут быстрее, чем реальная возможность удовлетворять эти потребности. При этом игнорировался относительный, а не абсолютный характер обнищания даже в такой, тоже не соответствующей действительности, ситуации.

В ИМЭМО открыто дискутировались такие проблемы.

Новому осмыслению начало подвергаться и такое, казалось бы, «железобетонное» положение марксизма-ленинизма, как неизбежность циклических кризисов при капитализме, разрушающих производительные силы и отбрасывающих все общество назад. Этому противопоставлялось в виде несомненного преимущества бескризисное развитие при социализме. Вместе с тем становилось все очевиднее, что, во-первых, циклические кризисы в капиталистических странах теряли свою первоначальную остроту, видоизменялся сам цикл и, во-вторых, именно на время спада производства приходилась наиболее активная фаза его структурной перестройки в пользу наукоемких направлений и его модернизации, что позволяло делать очередной рывок.

Переосмысливалось отношение и к структурным кризисам капитализма. Я выступил с докладом на ученом

совете ИМЭМО по энергетическому кризису, разразившемуся в середине 70-х годов. Стремился не только показать неизбежность его развития, но и способность капиталистических стран справиться с кризисом, возникшим после того, как энергетическая составляющая стоимости продукции и услуг взлетела чуть ли не до небес.

На Западе действительно успешно отреагировали на кризис, начиная с экономии энергии, но не в банальном понимании этого, а целенаправленно изготавливая изделия, орудия и средства производства, потребляющие значительно меньше энергии, а также развивая новые «нетрадиционные» источники энергии. Что касается СССР, то, к огромному сожалению, мы явно недостаточно перестраивались в условиях, когда цены на нефть вздыбились и, как указывалось в докладе, не следовало ожидать их обвального падения, что, кстати говоря, многие предполагали.

Вместо того чтобы действовать так, как на Западе, адаптируя к новым условиям все свое хозяйственное развитие, мы сделали ставку на то, чтобы получить в этих условиях максимальную выгоду от увеличения экспорта нефти и других энергоносителей, а на вырученные средства закупали, увы, далеко не высокотехнологичное оборудование. К чему это в конце концов привело – хорошо известно.

Но самым главным препятствием, мешавшим реальному представлению об окружавшей нас действительности, было, пожалуй, отрицание конвергенции, то есть взаимовлияния двух систем – социалистической и капиталистической. Защита понятия конвергенции считалась полным отступничеством от марксизма-ленинизма. Впервые Ленин, а затем, в гораздо более отчетливой форме, Сталин утверждали, что, в отличие от всех других исторических формаций, социализм, как таковой, не возникает в недрах предшествовавшего ему капитализма.

Материально – заводы, рудники, города, сельскохозяйственные угодья – да, это достается по наследству. Но ни одного элемента, составляющего отношения к производительным силам. Отсюда и «весь мир насилья мы разрушим до основанья, а затем (лишь после полного разрушения. – *Е.П.*) мы наш, мы новый мир построим».

Отрицание конвергенции не укладывалось даже в систему самих марксистско-ленинских идеологических представлений, но это мало кого волновало. Утверждали же, что социализм оказывает влияние на все мировое развитие. Если так, то как можно абстрагироваться от того, что он влияет на капитализм, видоизменяя его хотя бы в определенных пределах? Но от признания этого – один шаг до признания и обратного воздействия. Открытых шагов ни в одном ни в другом направлении сделано не было.

Но косвенное согласие с тезисом о взаимовлиянии двух систем содержалось во многих экономических работах академических институтов и в меньшей степени – в работах высших учебных заведений. Главный вывод, который отстаивали мы, состоял в тезисе о совместимости социализма с рынком, рыночными отношениями. По этому вопросу ученые ИМЭМО, ЦЭМИ, Института экономики и некоторых других «наглухо» разошлись со многими обществоведами, преподавателями политэкономии*. Сама жизнь подталкивала к этому выводу. Здесь сказывалось большое влияние практики, которая демонстрировала ряд преимуществ рыночных отношений.

---

* Конечно, я не хотел бы, чтобы у читателя сложилось впечатление об ИМЭМО и отпочковавшихся от него институтах как о единственных научных центрах, противодействовавших догматическим и консервативным силам, пытавшимся сохранить и укрепить свои позиции в партии и государстве. Но факт остается фактом: многие прогрессивно мыслящие ученые, работавшие в других НИИ или высших учебных заведениях, тяготели к ИМЭМО.

Что касается влияния социализма на капитализм, то без понимания этого трудно объяснить те изменения, которые произошли в капиталистическом мире, особенно после Великой депрессии 1929–1930 годов.

В этом вопросе я разделяю взгляды Г.Х. Попова, изложенные в его интересной книге «Будет ли у России второе тысячелетие». Я так же, как и он, считаю, что в применении к сегодняшнему дню нет никаких оснований оперировать такими категориями, как социализм и капитализм. В чистом виде их попросту нет.

В работах ИМЭМО исподволь проглядывала эта идея. Были и «живые» примеры, ее подтверждающие. В середине 70-х годов я познакомился с Василием Васильевичем Леонтьевым – одним из крупнейших американских экономистов, получившим всемирное признание за разработку и внедрение в экономическую практику США линейного программирования. Леонтьев в 20-х годах работал в Госплане, в Москве, был направлен в торгпредство в Берлин, стал «невозвращенцем», а затем переселился в Соединенные Штаты, где смело и умно применил некоторые госплановские навыки и идеи.

В 70-х он был гостем ИМЭМО, и Иноземцев пригласил его поужинать к себе домой. Это, правда, не имело никакого отношения к теории конвергенции, но просто интересный эпизод. Незадолго до этого Ник Ник въехал в шикарную квартиру – построили дом для членов Политбюро, но те в последний момент не захотели жить все вместе. Этот «нестандартный» дом отдали Академии наук, которая распределила квартиры среди ученых. Василий Васильевич обошел многочисленные «закоулки» – зимний сад, библиотеку, гардеробную, сервировочную комнату, холлы – и, прищурив глаз, спросил: «Николай Николаевич, вот смотрю и думаю, а может, мне и не стоило уезжать?»

Международные отношения: что за кадром

Следовало отходить от догматических представлений и во внешнеполитической и военно-политической областях. Задача эта становилась весьма актуальной, но, приступая к ее решению, мы в ту пору и здесь прикрывались... Лениным. Вспоминаю, как я отыскал цитату, где ранний Ленин говорил, что в ряде случаев интересы всего общества могут стоять выше классовых интересов трудящихся, и переслал ее для использования Иноземцеву в то время, когда он трудился на даче¹¹. Цитата нашла свое применение.

«Свежему» прочтению подверглась и Декларация о мире – самый первый внешнеполитический документ Советской России – и, самое главное, ленинские комментарии к ней на II Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов. Подчеркивались слова Ленина о том, что призыв к справедливому демократическому миру был адресован не только народам, но и правительствам, так как, по словам Ленина, игнорирование правительств (империалистических со стороны созданного в России народного правительства) может привести к затягиванию заключения мира. «Важно также отметить, что предложение о справедливом демократическом мире, иными словами, о внедрении в международную практику абсолютно новых принципов, ни в коей мере не означало в понимании советского руководства отказа от всего, что было в системе международных отношений до рождения советской власти в России», – писал я в одной из работ, ссылаясь опять-таки на ленинские слова о необходимости «разумно принимать все пункты, где заключены условия добрососедские и соглашения экономические».

Через такие трактовки протаптывался и обосновывался путь к необходимым внешнеполитическим компромис-

сам, способным разрядить международную обстановку в условиях холодной войны.

В этой связи прежде всего встала проблема мирного сосуществования социалистической и капиталистической систем. Традиционно оно рассматривалось как «передышка» в отношениях между социализмом и капитализмом на международной арене. С появлением ракетно-ядерного вооружения, способного уничтожить не только две сверхдержавы, но и весь остальной мир, стали относить мирное сосуществование к категории более или менее постоянной. Но при этом не забывали добавлять, что это не означает прекращения противостояния и не притупляет идеологическую борьбу. Такое видение отношений с Западом, умноженное на стремление достаточно сильных и авторитетных кругов в США и некоторых других западных странах расправиться с Советским Союзом*, порождало перманентную нестабильность, неустойчивость на мировой арене. Создавался замкнутый круг, в котором раскручивалась гонка вооружений.

В конце концов установилось ценой огромных усилий и жертв с нашей стороны необходимое на тот период ядерное равновесие. Но гонка вооружений продолжалась, приближая все более вероятный сценарий уничтожения всего человечества. В это время в ИМЭМО и некоторых других научных центрах, от него отпочковавшихся, – особенно в Институте США и Канады, а затем в Институте

---

* Характерны воспоминания, относящиеся к 1946 году, личного врача У. Черчилля лорда Морана, который процитировал своего пациента: «Нам не следует ждать, пока Россия будет готова, – сказал бывший британский премьер. – Я полагаю, пройдет восемь лет, прежде чем она получит эти бомбы. Америка знает, что 52 процента машинной продукции России находится в Москве и может быть уничтожено одной бомбой. Это, возможно, будет означать гибель трех миллионов человек, но для них (американцев) это ничего не значит (он улыбнулся). Они скорее будут озабочены уничтожением исторических зданий вроде Кремля».

Европы, возглавляемом академиком В.В. Журкиным¹², – началась разработка новых внешнеполитических подходов с целью переломить тенденции, ведущие к термоядерной войне, и одновременно оптимизировать соотношение, с одной стороны, между средствами, выделяемыми в СССР на надежную оборону, и с другой – на рост гражданского производства и развитие социальной сферы. Появился термин «разумная достаточность».

Дело в том, что мы не только вынужденно наращивали свои вооружения, но отвечали США «зеркально». Между тем игнорирование принципа «достаточности» для сдерживания с учетом возможности нанесения «неприемлемого ущерба» для другой стороны стоило нам очень дорого: ВВП СССР был намного меньше американского, а на производство единицы национального дохода мы, по расчетам ИМЭМО, в 70-х годах тратили основных фондов больше почти в два раза, материалов – более чем в полтора раза, энергии – более чем вдвое.

Одновременно в ИМЭМО и ряде других институтов Академии наук серьезно анализировали деятельность Организации Объединенных Наций, которая, по нашему мнению, должна была сыграть самую активную роль в установлении нового миропорядка. Не скажу, что уже в то время мы всерьез задумывались над тем, что в конце 90-х годов США будут искать замену ООН в виде «натоцентристской модели», стремясь таким образом сохранить свою превалирующую роль при отходе от двуполюсного конфронтационного мира. Но уже в те времена, еще до отхода от глобальной конфронтации, мы в ИМЭМО и других институтах международного профиля просматривали варианты преобразований в ООН, которые позволили бы адаптировать эту организацию к реальностям будущего.

Основной фигурой в этих исследованиях был мой друг профессор Григорий Иосифович Морозов. Один из умнейших людей, с которыми я встречался, он прожил

сложную жизнь, на которую тяжелым отпечатком легла его женитьба на дочери Сталина Светлане. Брак закончился трагически: Сталин развел этих любивших друг друга людей, отец Морозова был арестован, Григория Иосифовича лишили возможности видеться с сыном, он был вынужден подрабатывать на жизнь, подписывая статьи чужими именами.

Когда Светлана эмигрировала, а затем с дочкой, родившейся в США, вернулась в Москву, Григорий Иосифович сделал все, что мог, чтобы помочь им войти в нашу жизнь, обустроиться. Возможно, Светлана рассчитывала на восстановление прежних отношений, но они стали к тому времени слишком разными людьми. В последние десять лет к Морозову наконец-то семейное счастье повернулось лицом – у него очаровательная, добрая и любящая его жена Оля, которая, будучи врачом, несомненно продлевает ему жизнь. Мы часто бываем у них с женой и всегда получаем от этих встреч огромное духовное наслаждение и радость.

В 70-х и первой половине 80-х годов, когда у нас были лишь эпизодические контакты с США и другими западными странами по правительственной линии – разве сравнить с сегодняшними периодическими встречами на высшем и высоком уровнях, постоянными телефонными разговорами лидеров, заседаниями министров, регулярными обсуждениями на межправительственных комиссиях? – особое значение приобрели дискуссии по самым злободневным внешнеполитическим вопросам, так сказать, на организованно-общественном уровне. Если по линии Советского комитета защиты мира (я был заместителем, а затем первым заместителем его председателя) мы главным образом пытались разъяснить нашу политику, приобрести друзей и единомышленников за рубежом, апеллируя, как правило, к интеллигенции, деятелям науки, культуры, то появились и другие каналы.

Вначале они решали такие же задачи, что и Советский комитет защиты мира. Но постепенно возник другой акцент – зондирующая возможность договориться по животрепещущим проблемам. Сыграли в этом свою роль связи ИМЭМО со Стратегическим центром одного из крупнейших в США научно-исследовательских институтов – Стэнфордского (Stanford Research Institute). Не обошлось без казусов. Так, на нашей встрече в Вашингтоне (другие проходили и в Москве, и в Калифорнии) представители Пентагона чуть ли не заплодировали профессору (впоследствии он заслуженно был избран действительным членом АН СССР) Револьду Михайловичу Энтову, который «разложил по полочкам» и доказал порочность и абсолютную непригодность методики подсчета советского военного бюджета, предложенную специалистами из Эс-ар-ай. Оказалось, что за эту методику военное ведомство США заплатило институту кругленькую сумму, – как было не порадоваться военным, когда «ученые-шпаки», получив деньги и, наверное, не раз подчеркнув при этом свою значимость, оказались нокаутированными.

Торжествовали свою «маленькую победу» и мы. Сколько сил было потрачено на то, чтобы Энтова выпустили в США, да еще и в первую его поездку за границу! Хорошо, что в КГБ в то время были толковые руководители и во втором главке, например В.К. Бояров, к которому я обратился, и он в конце концов решил вопрос. Помогал нам в этом плане и заместитель начальника Управления КГБ по Москве В.И. Новицкий.

Сопоставление методик подсчетов военных бюджетов подводило к началу сокращения вооружений. Большую роль в этом сыграли два движения – Пагуошское и советско-американские Дартмутские встречи¹³. Первое объединяло ученых различных стран, в основном естественников. Особое место в нем занимали физики, в том числе выдающиеся. Много сил отдали этому движению с нашей

стороны академики А.В. Топчиев, М.Д. Миллионщиков, Н.Н. Семенов, М.А. Марков, В.И. Гольданский, В.С. Емельянов. В недрах Пагуошского движения формировались общие идеи о смертельной опасности для всего человечества использования ядерного оружия. Участники движения провели расчеты, осуществили моделирование, доказав, что в случае ядерной войны в мире наступит «ядерная зима» – резкое понижение температуры, при котором нет шансов выжить не только людям, но и всему живому.

Немало сделали участники движения для того, чтобы запретить ядерные испытания в атмосфере, приблизиться к мораторию на испытания ядерного оружия во всех сферах.

Что касается Дартмутских встреч, то они регулярно проводились для того, чтобы обговаривать и сближать подходы двух супердержав по вопросам сокращения вооружений, поисков выхода из различных международных конфликтов, создания условий для экономического сотрудничества. Особую роль в организации таких встреч играли два института – ИМЭМО и ИСКАН с нашей стороны, у американцев – группа политологов, оставшихся руководящих деятелей из Госдепартамента, Пентагона, администрации, ЦРУ, действующих банкиров, бизнесменов. Долгое время американскую группу возглавлял Дэвид Рокфеллер, с которым у меня сложились очень теплые отношения. У нас – сначала Н.Н. Иноземцев, а затем Г.А. Арбатов. Активно участвовали в Дартмутских встречах В.В. Журкин, М.А. Мильштейн, Г.И. Морозов. Я вместе с моим партнером Г. Сондерсом – бывшим заместителем госсекретаря США – были сопредседателями рабочей группы по конфликтным ситуациям. Нужно сказать, что мы значительно продвинулись в выработке мер нормализации обстановки на Ближнем Востоке. Естественно, что все разработки обе стороны докладывали на самый «верх».

Встречи происходили и у нас, и в Штатах. Появлялась столь необходимая и непросто достигаемая по тем временам человеческая общность. Так, во время проведения встречи в Тбилиси в 1975 году родилась идея пригласить американцев и наших в грузинскую семью. Я предложил пойти на ужин к тете моей жены Лауры Васильевны – Надежде Васильевне Харадзе. Профессор консерватории, в прошлом примадонна Тбилисского оперного театра, она жила, как настоящие грузинские интеллигенты, довольно скромно, поэтому одолжила у соседней сервиз, и в результате весь дом, конечно, знал, что в гости к ней придет сам Рокфеллер. Кстати, там были и чета Скотт, который, будучи сенатором, выступил с инициативой импичмента президенту Никсону, и бывший представитель США в ООН Чарльз Йост, и главный редактор журнала «Тайм» Донован. Спросили разрешения у Шеварднадзе, который был первым секретарем ЦК Компартии Грузии, – в те времена это был далеко не жест вежливости – и, получив его согласие, двинулись в гости.

Квартира Надежды Васильевны на четвертом этаже, лифта в доме не было, стены подъезда городские власти не успели к нашему приезду побелить и нашли «оригинальный» выход, вывернув электрические лампочки. Мы поднимались во тьме, но подсвет был на каждом этаже – совсем как в итальянских кинокартинах, нас ждала одинаковая сцена: открывались двери каждой квартиры и нас молча рассматривало все ее население – от мала до велика.

Вечер удался. Прекрасный грузинский стол, пели русские, грузинские и американские песни. Д. Рокфеллер отложил вылет своего самолета и ушел вместе со всеми в три часа утра, после того как помог хозяйке вымыть посуду. Позже он мне много раз говорил, что этот вечер запомнился ему надолго, хоть вначале недооценил искренность хозяев и, может быть, считал все очередной «потемкинской деревней». Он подошел к портрету Хе-

мингуэя, висевшему на стене над школьным столиком моего племянника Сандрика, и, отодвинув портрет, убедился, что стена под ним выцвела – значит, не повесили к его приходу.

В Тбилиси Рокфеллер пользовался особой популярностью. Тэд Кеннеди, который одновременно с нашей группой был в столице Грузии, жаловался, что стоило ему появиться на улице, как все вокруг кричали: «Привет Рокфеллеру!»

Дэвид Рокфеллер старался много сделать для развития отношений между нашими странами. Этот незаурядный и обаятельный человек пригласил нашу группу, в том числе меня с женой, во время одной из поездок в США в свой родовой дом, непринужденная, теплая обстановка которого способствовала продвижению к договоренности по самым сложным международным вопросам. Кое-что в этом отношении удавалось, так была создана своеобразная «лаборатория» для анализа проблем, часть из которых в дальнейшем нашли решение на официальном уровне.

Большой смысл приобрели встречи (организатор с нашей стороны ИМЭМО) с японским Советом по вопросам безопасности («Ампокэн»). В первой половине 70-х годов по предложению бессменного инициатора таких встреч Суэцугу мы с Журкиным были в Токио и договорились о периодичности, составе группы и содержании диалога. Активно помимо Суэцугу в нем участвовали с японской стороны профессора Иноки, Саэки и многие другие, пользовавшиеся большим авторитетом в стране, но, может быть, еще важнее – влиятельнейшие фигуры (как и весь «Ампокэн» в целом) в правящей Либерально-демократической партии.

Вначале такие ежегодные «круглые столы» напоминали скорее разговор глухих. Каждая сторона высказывалась о важности развития отношений между СССР и Японией, но в то же время наши японские коллеги не

переставая твердили, что это невозможно без решения вопроса о северных территориях, а мы с не меньшим упорством отвечали, что такой проблемы не существует.

Но постепенно «лед трогался». Сказывалось, несомненно, и уважительное отношение друг к другу. Я, например, никогда не забуду того, как Суэцугу, узнав, что я потерял – это было в 1981 году – сына, всю ночь каллиграфически выводил иероглифы древнеяпонского изречения и подарил мне эту запись, смысл которой заключался в необходимости смиренно переносить все невзгоды, думая о Вечном. Конечно, японская мудрость не могла даже приглушить страшную боль от неожиданной смерти 27-летнего сына, но я высоко оценил и ценю по сегодняшний день этот порыв души японского коллеги¹⁴.

Мне представляется, что именно наши встречи заложили основу продвижению в отношениях между двумя странами. Ведь дело не ограничивалось академическими по своему характеру презентациями их участников. Суэцугу делал все, чтобы вывести меня и других на самых крупных политических руководителей Японии. Одним из них был бывший премьер-министр, влиятельный политик, Накасонэ. Встреча с ним – она была первой, но далеко не последней – проходила в старинном японском ресторане, приспособленном для иностранных посетителей. Туфли, естественно, снимали все при входе, сидели за низеньким столом вроде как на полу в креслах без ножек. Однако под столом было сделано углубление, куда опустили ноги и чувствовали себя комфортно.

– Господин премьер (обычно во всех странах так продолжают обращаться к «бывшим»), – сказал я, – давайте будем реалистами. Настрой вашего общественного мнения не позволяет вам отказаться от цели обрести суверенитет над островами. Не можем и мы отказаться от своего суверенитета над ними – никто в нашей стране этого тоже не поймет. Что делать в таких условиях?

Мы стоим перед дилеммой: или заморозить связи между двумя странами на долгий-долгий период, что противоречит и нашим и вашим интересам, или, отойдя от крайностей – мы в своем непризнании существования территориальной проблемы (как же нет проблемы, если они претендуют на острова, а мы не принимаем их претензий), а японцы в требовании передачи островов в качестве обязательного условия развития двусторонних связей, – начнем шаг за шагом взаимодействовать, особенно в экономической области. Это постепенно укрепит доверие и создаст основу для решения самых трудных вопросов.

К немалому удивлению, Накасонэ с такой логикой сразу согласился. Позже он разделил и вынашиваемую нами идею совместной хозяйственной деятельности на островах.

Накасонэ выдающийся политик. Я думаю, что равных ему нет в современной Японии. Может быть, именно поэтому мы и продирались без него (несмотря на несомненные успехи в середине и в конце 90-х годов) сквозь «дебри» наших отношений.

В немалой степени это происходило еще и потому, что в Японии очень трудно рассчитывать на конфиденциальность переговоров, особенно с представителями МИДа. Все тут же попадает в прессу. И что особенно неприятно, японская пресса очень вольготно обращается с такой информацией, зачастую переиначивая ее и даже придавая ей совершенно противоположный смысл. В последнее время, возможно, этого стало меньше, но тогда, когда диалог шел по линии «Ампокэн», Суэцугу и другие японские участники, бывало, негодовали и извинялись за такие «казусы».

Так было, например, когда, по просьбе Суэцугу, я, находясь в Токио, в конце декабря 1985 года встретился с директором департамента Европы и Океании МИДа Японии Нисиямой. Во время непринужденной беседы за

ланчем спросил – меня это действительно интересовало, – почему японское правительство упоминает только о заявлении Танаки и Брежнева в 1973 году. Что стоит за этим? Этот вопрос был весьма своеобразно интерпретирован в японских газетах. «Асахи», «Санкэй», «Иомиури» 27 и 28 декабря на первых полосах со ссылкой на японский МИД приписали мне призыв вернуться к совместной японо-советской декларации 1956 года¹⁵. Тут же был сделан вывод, что СССР предлагает урегулировать «территориальный вопрос», передав Японии два острова – Хабомаи и Шикотан (как известно, в названном заявлении с большими оговорками такая возможность не исключалась, но в дальнейшем мы от этой позиции отошли). Этот вывод, как следовало из «комментариев МИДа», приводимых в газетах, был сделан для того, чтобы не согласиться на «частичное решение» и возобновить требование о «возвращении» всех четырех островов.

В нашем посольстве подтвердили мою мысль, что вся эта дезинформация была затеяна ради того, чтобы показать твердую позицию МИДа и воспрепятствовать расколу японского общественного мнения – там просчитывали варианты и не исключали того, что в Москве может появиться идея возврата к заявлению 1956 года, кстати, единственному из всех советско-японских документов к тому времени ратифицированному парламентом Японии.

Просматривая свои записи контактов с японскими коллегами тех лет, я и сейчас убежден в том, что единственное решение – совместная хозяйственная деятельность на островах, которая постепенно сгладит прямую постановку вопроса о суверенитете. Этому будет способствовать, конечно, давно перезревшее подписание договора между двумя странами.

Переводил наши беседы и переговоры с японцами по линии «Ампокэн» прекрасный специалист, свободно владеющий русским, японским и корейским, Рю Хаку, или, как мы его называли, Юрий Михайлович. Я был

дружен с ним. По его просьбе взял его с собой сначала из ИМЭМО в Институт востоковедения, а затем снова в ИМЭМО. Рю Хаку прошел удивительную жизнь. Был солдатом в японской армии. Попал к нам в плен. Остался в Советском Союзе. Женился на русской. Защитил диссертацию. Во время одной из первых поездок в Японию он обратился ко мне с ошеломляющей просьбой разрешить ему позвонить в Южную Корею и поговорить с матерью, которая уже тридцать лет не знала, что он живой. Представляю счастье матери, услышавшей голос сына, которого считала давно погибшим. Об этом телефонном разговоре, естественно, мы в Москве не распространялись – была середина 70-х.

Потеряв жену, Рю уехал в Сеул, где снова женился, и опять на русской, преподававшей «по обмену» язык в местном университете. Уже в 90-х он переводил мою беседу с южнокорейским президентом, став гражданином Южной Кореи, но навсегда оставшись нашим другом.

Все большему сближению ИМЭМО с практической деятельностью способствовало то, что мы начали развивать абсолютно новое направление исследовательской работы с прямым выходом на политику – ситуационные анализы. Я возглавил разработку методики «мозговой атаки». Особую роль здесь сыграли В.И. Любченко и В.И. Гантман. Методика включала целый комплекс: подбор «совместимых» экспертов – ученых и практиков, выступающих от собственного имени; сценарий обсуждения, состоящий из ряда взаимосвязанных блоков; «домашние задания» экспертам; правила дискуссии; виды формализации; подготовка документа «на выход».

Обычно ситанализ проводился в течение всего дня; помимо выступавшего, по заранее определенному вопросу имели право в течение нескольких минут высказаться только те, кто были с ним не согласны. Три момента приобретали особое значение: подготовка сценария, что могло быть осуществлено только профессио-

налами, глубоко разбирающимися в теме обсуждения (при этом имело большое значение определение системы «переменных» и их иерархическое расположение), само «дирижирование» при проведении ситанализа и подготовка документа с выводами.

Мне довелось руководить большинством таких обсуждений. Назову лишь несколько результатов: мы спрогнозировали бомбардировки американской авиацией Камбоджи во время вьетнамской войны за четыре месяца до их начала¹⁶; после смерти Насера – поворот Садата в сторону Запада и отход от тесных отношений с СССР; наконец, после победы «исламской революции» в Иране – неизбежность войны между этой страной и Ираком, она началась через десять месяцев после проведения ситуационного анализа¹⁷. Этот список можно было продолжить. Не последнее место в нем заняли сбывшиеся прогнозы экономических результатов энергетического кризиса, начало которому положил последовавший за войной в 1973 году на Ближнем Востоке резкий подъем цен на нефть.

За разработку и осуществление ситуационных анализов группа ученых под моим руководством получила в 1980 году Государственную премию СССР. Проходили мы вместе с оборонщиками по закрытому списку. Когда каждому из нас торжественно вручали значки лауреатов и дипломы, мы удивились тому, что в зале было не меньше награжденных, чем тех, которые становились лауреатами по открытому списку. Вручавшие награды – секретарь ЦК, заместитель председателя Совмина и заведующий оборонным отделом ЦК – отреагировали без тени юмора на мой вопрос, следует ли значок лауреата носить с обратной стороны лацкана пиджака. «Вы можете носить его открыто», – последовал ответ.

К сожалению, такая эффективная форма анализа критических ситуаций с участием ученых-исследователей и практиков, насколько мне известно, в настоящее время используется далеко не достаточно.

Отказ от догм в контактах с США

«Новое политическое мышление» в СССР связывают в основном с «эрой Горбачева». Действительно, в это время было сделано много. Разрабатывались эти новые подходы на государственной даче в Лидзаве (Абхазия) в 1987 году. Главным автором был Александр Николаевич Яковлев¹⁸.

Что действительно нового было предложено к осмыслению? Прежде всего, идея о взаимозависимости двух противоположных систем и сохраняющемся при этом единстве мира. Такое единство рассматривалось в двух плоскостях: с точки зрения научно-технической революции, охватывающей в той или иной степени весь мир, и общечеловеческих ценностей и интересов, выражающихся в стремлении всех избежать термоядерной войны. Проблема выживания теперь справедливо оценивалась как проблема выживания всей человеческой цивилизации.

Вместе с тем единство мира интерпретировалось как часть общей формулы: единство и борьба противоположностей. Акцент впервые стал делаться на первой части этой формулы, а второй давалось ограниченное толкование, исключающее ядерное столкновение. Это уже было большим достижением, но, как представляется, гораздо устойчивее, органичнее и более последовательно выглядел бы вывод о единстве мира, если бы он базировался на признании взаимосближения по существу двух систем, то есть конвергенции. Но этого тогда не сделали.

Новые подходы к международным делам проявились прежде всего в решении задач безопасности СССР. При сохранении оборонного потенциала страны на первый план были выдвинуты политические средства обеспечения безопасности нашего государства. Именно в это время было осознано – и не просто осознано, а легло в осно-

ву политики, – что при накоплении такого количества и такого качества средств массового поражения в случае термоядерной войны не может быть победителя.

В период после 1985 года мы пришли к важнейшему выводу: военные меры сдерживания – равновесие страха – ненадежны, особенно в условиях «подъема паритета» с вовлечением в сдерживание новых сфер и средств: космоса, «экзотического оружия». Не исключено, что в таких условиях принятие важнейших военных решений становится прерогативой техники.

Именно этот вывод подтолкнул к идее сохранения паритета, но на возможно более низком уровне.

Известно, что с 1979 года не было советско-американских встреч в верхах, а М.С. Горбачев встречался с президентом Р. Рейганом пять раз. Мне довелось в составе группы экспертов находиться в Женеве, Рейкьявике, Вашингтоне, был в этой группе и в Москве¹⁹. Видел, можно сказать, с близкого расстояния, как трудно начинался диалог и каких усилий с советской стороны стоило отвести мир от опаснейшей черты.

В Женеву президент Рейган приехал со словами: сначала добиться доверия через решение проблем защиты прав человека, урегулирование региональных конфликтов и лишь затем приступить к сокращению вооружений. В конце концов после острой полемики согласились с тем, чтобы идти по всем направлениям одновременно. Но это, по сути, были лишь наметки на будущее.

В Женеве по-настоящему не были оценены американцами некоторые «домашние заготовки» советской делегации. Горбачев дал понять, что целью СССР является непрерывность движения к сокращению вооружений. При этом мы отбрасывали ту формулу, которой пользовались в прошлом, – «или все, или ничего». В такой постановке не было учтено реально существующее на Западе убеждение, что без сохранения какого-то количества ядерных боеголовок у Советского Союза и Соединенных Штатов не обойтись в обозримом будущем – с учетом

и накопившегося недоверия между СССР и США, и отсутствия гарантии нераспространения ядерного оружия, и даже возможности овладения им террористическими группами. Бывший министр обороны США Макнамара, которого я знал лично и очень высоко ценил не только как профессионала, но и человека, называл число таких «гарантирующих» боеголовок – 400, то есть на порядок меньше имевшихся на вооружении каждой из двух стран. У нас некоторые эксперты спорили с такими доводами, но в любом случае надо было считаться с распространёнными на Западе взглядами.

Вообще нужно сказать, что мы впервые начали соотносить свои внешнеполитические инициативы с общественным мнением на Западе – не отдельной его части, близкой нам по идеологическим убеждениям, а с господствующими, доминирующими в нём представлениями, в том числе и нелицеприятными. Ещё одна внешнеполитическая догма, от которой мы отказывались, перейдя к новому мышлению, заключалась в том, что общественное мнение на Западе, «где у власти находятся представители монополистического капитала», не играет сколько-нибудь важной роли в выработке решений. Однозначно уверовав в это, мы в прошлом как-то не задавались вопросом: а почему в таком случае руководящие круги на Западе тратят так много энергии и средств, чтобы создавать общественное мнение в поддержку своей политики?

Наш новый подход с учетом общественного мнения проявился – что особенно важно – в отношении проблем контроля. Раньше мы соглашались на контроль за процессом сокращения вооружений только с помощью национальных средств. Помню встречу Горбачева с экспертами в Женеве. Нас неожиданно пригласили в «защищенный кабинет»*, где, помимо Горбачева, присутст-

---

* Специально оборудованное помещение против прослушивания.

вовали Шеварднадзе, первый заместитель министра иностранных дел Корниенко и другие. И должен сказать, для нас, людей, профессионально занимающихся международными проблемами, но, в общем, «детей своего времени», довольно неожиданно прозвучали слова: нет, очевидно, смысла упорно держаться за прежнюю позицию по контролю. Дело даже не только в том, что национальные средства, как считают на Западе, не при всех случаях надежны, а в том, что своим отказом от других средств мы подыгрываем тем, кто говорит, будто наше общество закрытое, результаты соглашений непроверяемы и поэтому, дескать, с нами не стоит договариваться.

Известно, насколько мы выиграли в общественном мнении, как только приняли новую философию контроля: если подписываем соответствующее соглашение, то готовы на самый что ни на есть жесткий контроль, в том числе международный или инспекцию на месте, включая открытие лабораторий.

Услышав эти слова Горбачева, присутствовавший в «защищенной комнате» академик Е.П. Велихов тут же спросил, относится ли все это к нашим оппонентам. Здесь мы все были единодушны – никто не собирался открываться в одностороннем порядке. К сожалению, время показало, что обе стороны сохранили стремление уж во всяком случае не открывать своих лабораторий. Не знаю, как для американцев, но для наших разработчиков – в этом я твердо уверен, общаясь с ними, – такое «затворничество» во многом было и остается продиктованным настойчивым стремлением их зарубежных коллег в целом ряде случаев прибегать к двойному стандарту: «Мы хотим знать, к чему готовитесь вы, что у вас делается, но это отнюдь не означает нашу готовность пустить вас к себе на “кухню”».

Крайне неожиданно для западных политиков мы не исключали обсуждение вопроса о правах человека, но тоже на «обоюдоострой» основе. Это дало нам возмож-

ность превратиться из «подсудимого» в этой области, в чем не без успеха многие уверяли мировое общественное мнение, в равноправного партнера, обсуждающего один из самых животрепещущих вопросов современности. И не просто обсуждающего, но и серьезно озабоченного необходимостью найти соответствующие решения.

В общем, накапливался позитивный материал для перелома в лучшую сторону в советско-американских отношениях. Так мы подошли к октябрю 1986 года, когда состоялась встреча на высшем уровне в столице Исландии Рейкьявике. Могу засвидетельствовать, что это была уже совсем иная атмосфера: широкий диапазон обсуждаемых вопросов, интенсивные переговоры, во время которых не исключались компромиссы. Впервые Горбачев пошел на то, чтобы несколько «разбавить» мидовцев непосредственно в переговорных рабочих группах. Этому не сопротивлялся, во всяком случае в открытую, Шеварднадзе, наверное потому, что сам еще полностью не контролировал свой аппарат, но в дальнейшем престиж МИДа для него играл подчас самодовлеющую роль.

Я с советской стороны возглавлял подгруппу по конфликтным ситуациям. Моим партнером с американской стороны была заместитель госсекретаря Розанна Риджуэй – женщина с сильным характером и прекрасно подготовленная в профессиональном плане. И было вдвойне важно, что мы пришли к взаимопониманию по целому ряду проблем, согласовали многие формулировки совместного документа. Правда, на это понадобилось почти тридцать шесть часов непрерывной работы. Но все в конце концов зависело от того, договорятся ли в основной – разоруженческой группе. Не договорились, хотя были близки к этому. Поэтому не был подписан и наш документ.

Горбачев очень стремился к результативности встречи. Когда он вышел провожать Рейгана, то даже при открытой дверце лимузина президента США предложил

ему вернуться и подписать соглашение о сокращении вооружений. Рейган тогда не проявил готовности к этому.

Но тем не менее сближение сторон продолжалось, чему в немалой степени способствовало то, что мы впервые стали на деле признавать свои ошибки. Одна из них, очевидно, заключалась в размещении в Европе наших ракет средней дальности (по американской маркировке, СС-20). США в ответ решили размещать в Западной Европе «Першинги-2» с подлетным временем до Москвы в 6–8 минут. Если наши СС-20 не могли рассматриваться для США как стратегическое оружие, так как не достигали их территории, то «Першинги-2» именно таковым для СССР и стали. Специалисты-ученые, среди которых были люди моего поколения, например О.Н. Быков, и молодые – А.Г. Арбатов, С.А. Караганов и другие, писали об этом, резко критикуя тех, кто подсчитывал чисто арифметически и выражал свое неудовольствие, что мы уничтожаем боеголовок больше, нежели американцы по договору, подписанному в Вашингтоне в 1987 году, о ликвидации ракет средней и меньшей дальности.

В этом еще раз проявился наш устоявшийся менталитет. Значительная, если не большая часть специалистов, занимавшихся военно-политическими вопросами, главным образом изыскивала аргументы в поддержку принимаемых решений на высшем уровне в СССР – некоторые это делали более рьяно, другие менее. Конечно, далеко не все такие внешнеполитические решения были со знаком «минус» или ущербными по своей сути. Многие из них не могли не учитывать шаги, которые делались или предполагались с другой стороны. Но главное в том, что процесс предварительного осмысления перед принятием решения с привлечением специалистов со стороны, а не просто сотрудников аппарата, да и то лишь в лучшем случае тех, кто профессионально знал проблему, как правило, был довольно редким.

В этой связи особое значение имело признание ошибочности решения в 1980 году о вводе советских войск в Афганистан. Вывод наших солдат из этой страны был поддержан преобладающим большинством населения СССР. Может быть, лишь небольшая горстка людей сетовала по поводу того, что мы «бросаем своих друзей на произвол судьбы». Этот мотив, как мне кажется, имел право на существование, но только в том плане, что следовало бы больше сделать для укрепления позиций группы, возглавляемой Наджибуллой, которая имела потенциал, чтобы в союзе с другими оставаться одной из влиятельных сил в стране. Может быть, это предотвратило бы трагическое развитие событий в Афганистане, погруженном в многолетнюю перманентную войну. Но тогда в Москве все сосредоточились на главном для нас – исправлении исторической ошибки, стоившей жизни и здоровья многим тысячам наших ребят.

Так уж ли все сразу прозрели или решение о вводе «ограниченного военного контингента в Афганистан» с самого начала резко осуждалось внутрисистемными диссидентами? Ни то и ни другое. Нужно сказать, что журналисты, ученые (к их числу принадлежал и автор этих строк), поставленные перед фактом ввода войск, не выступали публично против этого, что не относится к небольшому числу закрытых обсуждений, об одном из которых пишу ниже. Руководствовались главным образом устоявшейся привычкой безоговорочно поддерживать все принятые наверху решения. Сказывался и привычный для того времени образ мышления, сформировавшийся в условиях жесткой конфронтации с Соединенными Штатами, осложнением отношений с Китаем.

Это все было характерно для реакции на ввод войск. И я не знаю исключений, несмотря на ретроспективные «пассажи» некоторых авторов, утверждавших, что с самого начала боролись против направления наших ребят в Афганистан. Такую борьбу – это нужно признать – вели

те, кто порвал с советской системой, а не те, кто ощущал себя ее частью. Но реакция на афганские события все-таки стала меняться даже среди «аппаратчиков», когда «временная мера пребывания ограниченного контингента» растягивалась на годы, да к тому же привела к негативным последствиям. Не забываем героический подвиг наших ребят, сражавшихся в Афганистане. Но это не должно уводить от трезвого анализа и того, как принималось решение о вводе войск, и того, как они там застряли на долгое-долгое время, и деятельности наших многочисленных советников, подчас далеких от понимания реальной обстановки в этой стране.

Признавая все это, вместе с тем нельзя закрывать глаза на действия Соединенных Штатов и их союзников, направленные на изоляцию СССР, создание для нас труднейших ситуаций в различных регионах мира. Поэтому иногда даже американские оппоненты – я имею в виду, конечно, наиболее объективных и, если хотите, интеллигентных из них – удивляются, когда некоторые наши участники многочисленных встреч за круглым столом, дискуссий на симпозиумах, семинарах так сосредоточенно посыпают голову пеплом, что забывают об оценке действий противоположной стороны. Позже, работая во внешней разведке, я знакомился с тем, что делалось по линии спецслужб США для «удержания» нас в Афганистане. Так мы знали и о поставках новейшего оружия, «стингеров», афганским моджахедам для нанесения максимального урона советским вооруженным силам в Афганистане. Такие уж были «правила поведения» во время холодной войны.

Кстати, скорее не по инерции, а в ведомственных или даже «общеглобальных» интересах американская поддержка отдельных групп в Афганистане продолжалась и после вывода наших войск. Когда Кабул захватили и установили контроль над большей частью территории Афганистана талибаны, или талибы (мы хорошо знали, что

это движение создавалось пакистанскими военными и спецслужбами, да и американцы, особенно на первых порах, не остались безучастными), я говорил госсекретарю США Мадлен Олбрайт: не повторяйте наших ошибок. Если вы хотите мира и стабильности в Афганистане, то достичь этого можно лишь на коалиционной основе. Одна какая-то сила, этническая или политическая, а талибаны – только пуштуны, не сможет контролировать ситуацию во всей стране. Думаю, что Вашингтон убедился в этом, и не только в этом, – Афганистан превратился в место подготовки террористических групп, протягивающих свои щупальца в другие страны и даже на другие континенты.

Думаю, что не все пакистанцы были вдохновлены деятельностью «Талибана». Во всяком случае, в середине 90-х годов премьер-министр Бхутто в разговоре со мной сетовала на то, что трудно, если вообще возможно, «загнать назад джинна, вылезшего из бутылки».

Но вернемся к концу 80-х. Когда в Белый дом пришел новый президент, наши надежды на то, что Буш в гораздо меньшей степени, чем Рейган, «идеалист» и в гораздо большей «прагматик», в целом оправдались. Немалое значение имел и тот факт, что за спиной Буша уже был накопленный в результате обоюдных советско-американских усилий потенциал стабилизации международной обстановки. Прагматик Буш, как представляется, оказался больше, чем Рейган, восприимчивым к процессу деидеологизации межгосударственных отношений, несколько отошел от типичных для американских политиков представлений: если мы, дескать, выходим в своих внешнеполитических акциях за советско-американские рамки, сосредоточиваемся на улучшении отношений со странами Западной Европы, с Китаем, то мы делаем это для того, чтобы расколоть НАТО или «разыграть» против США какую-нибудь очередную «карту».

Индийская и китайская «карты»?

Между тем накануне прихода к власти президента Буша состоялся визит М.С. Горбачева в Индию, а после – в Китай²⁰. Оба визита имели первостепенное значение.

К этому времени в практику поездок главы государства за рубеж стала внедряться новая форма подготовки визитов: за несколько дней до их начала в страну направлялась группа экспертов, состоявшая из ученых, практиков-международников. Участники группы встречались с коллегами, давали интервью, выступали перед серьезными аудиториями. Все это создавало отличную «пищу» для «свежего» восприятия обстановки и ложилось в основу тех рекомендаций, которые высказывались Горбачеву. Все начиналось с мимолетных реплик еще на аэродроме, где по прибытии он, здороваясь с нами, часто задавал вопросы, а затем все мы – а я принимал участие практически в каждой из таких экспертных групп – собирались в посольстве и в присутствии главы и членов делегации делились своими наблюдениями и соображениями.

Такая «подзарядка» до начала переговоров, очевидно, была небесполезной. Нужно сказать, что в практику Горбачева плотно вошел обмен мнениями с экспертами и в ходе переговоров, а некоторых из нас он включал в группу, сопровождавшую его при встречах с руководителями посещаемой страны.

Большое впечатление произвела на нас Индия. Естественно, поразили и древнейшие памятники культуры, зодчества, масштабы страны. Но, пожалуй, главное, что для некоторых членов советской делегации, ранее незнакомых с Индией, было полной неожиданностью, – это высокий уровень научно-технического прогресса. Во многих его областях Индия выходила в первые ряды. В условиях, благоприятствующих политическому сбли-

жению, развитию многосторонних экономических связей СССР с Индией, обоюдной заинтересованности в военнотехническом сотрудничестве, это создавало абсолютно новую перспективу взаимодействия двух стран. Об этом мы говорили, обсуждая итоги визита в Дели, в резиденции Горбачева в посольстве, но без наших дипломатов, работающих на месте.

На встречу мы ехали в машине, за рулем которой сидел советник нашего посольства. Разговорились. Он – я думаю, что это не было характерным для нашего посольства в целом – очень неуклюже высказался в адрес индийцев. Я резко прервал его: «Да как вы можете здесь работать, если так неуважительно говорите о людях этой страны?» Он что-то вяло промямлил в ответ. Когда пошел разговор в присутствии Горбачева и Шеварднадзе о перспективах наших взаимоотношений с Индией, я сказал, что для этого здесь в основном должны находиться другие люди. Меня поддержали, напоирая на то, что представители СССР в Индии должны по-настоящему понимать стратегическую ценность наших отношений с этой страной. Я рассказываю об этом так подробно, потому что произошедший разговор чуть не повлиял на мою судьбу. Но об этом потом.

Визит в Китай был не менее важен. Горбачев с «сопровождающими лицами», как они назывались во всех официальных документах, прибыл туда в то время, когда КНР была на распутье. С одной стороны, под патронажем Дэн Сяопина начались экономические преобразования – основательные, переводящие из ресурсного потенциала в реальность огромные возможности этого великого народа. С другой – китайское руководство было максимально заинтересовано в сохранении политической надстройки, в том числе партии, способной обеспечить стабильность и активно руководить преобразованиями в экономике. Конечно, в какой-то степени это создавало своеобразное раздвоение: определенная и ощу-

тимая демократизация в экономической сфере не подкреплялась сразу столь же действенной демократизацией в политической области.

Я не берусь судить сегодня о том, была ли заложена «житейская правота» в таком дисбалансе, продиктованная, кроме прочего, учетом исторического опыта и традиционной специфики Китая. Но такая двойственность сложилась и по отношению к визиту Горбачева. Его принимали как лидера обновления социализма, вставшего на путь, ведущий к рыночным отношениям, к новым нормам, которые могут, как считали тогда мы, да и в Китае, наконец-то показать преимущества социалистического способа производства. В то же время китайское руководство опасалось, как бы этот визит не «раскачал» страну, не подпитал ту часть населения, главным образом интеллигенцию и особенно студентов, которых явно вдохновлял советский пример внедрения гласности.

Студенты обратились к Горбачеву с просьбой выступить перед ними на митинге. Мы – я был среди самых активных в этом отношении – категорически не советовали ему делать этого. И, может быть, оказались правы.

При любых обстоятельствах, выступи Горбачев перед студентами, навряд ли оказалась бы столь дружественной и плодотворной встреча с Дэн Сяопином, на которой я присутствовал. Дэн всячески демонстрировал свое уважение к СССР, подчеркивал громадное значение для Китая оказанной ему в прошлом советской помощи и поддержки. Он говорил о чрезвычайной важности не только для наших двух стран, но для всего мира в целом развития китайско-советского сотрудничества.

Дэн сидел в большом кресле рядом с восседавшим в таком же большом кресле Горбачевым. Обращался к нему по-дружески, как мне показалось, демонстрируя свое уважительное отношение. Горбачев тоже был максимально дружелюбен. Нашел формулу, которая, по его словам, показывает наши различия, но не разделяет

СССР и КНР: «Мы начали перестраиваться с политики, а вы с экономики, но придем к одним результатам». Дэн в ответ молча кивал.

Даже по этой беседе, длившейся более часа, можно было представить, насколько светлым умом обладал этот уже очень пожилой человек и с каким огромным уважением относились к нему все присутствовавшие.

А «на дворе» бушевали страсти. Студенты демонстрировали на площади Тяньаньмэнь и блокировали «правительственный островок», где на многих гектарах располагались дома руководящего состава Китая и гостевые дачи²¹. «Островок» этот был живописнейшим местом: лужайки, пруды с причудливыми мостиками, деревья и кусты, заботливо пересаженные чуть ли не из всех концов Китая, и прекрасные, построенные в старокитайском стиле, но вполне комфортабельные дома с вышколенной, улыбчивой и доброжелательной прислугой. Когда каждый из нас подъезжал к выделенному ему для проживания дому, обслуживающий персонал – молодые ребята и девушки (на мой вопрос ответили, что их набирают из провинции и они здесь проходят хорошую школу) выстраивались в шеренгу в красивой китайской одежде и в обязательных белых перчатках и все разом кланялись. Это же повторилось при нашем отъезде.

Как-то Михаил Сергеевич пригласил меня прогуляться с ним по территории резиденции. Говорили обо всем, и, конечно, о чрезвычайной важности отношений с КНР. Это выходит далеко за двусторонние рамки. Сила нашей внешней политики, заметил я, в максимальном охвате различных государств, и особенно в развитии отношений с азиатскими странами. При такой конфигурации нам будет легче иметь дело и с Западом. Горбачев соглашался и неожиданно сказал, что у него связаны со мной некоторые планы.

Визит прошел хорошо, хотя обстановка была нелегкой. Сотрудник посольства Миша Медведев, который

впоследствии работал в моих секретариатах и в Министерстве иностранных дел и в правительстве, решил прокатить меня по городу. И как раз в это время разгорелись студенческие демонстрации. Возгласы: «Горби!» – и на русском языке: «Дружба!», «Товарищ!», машину со всех сторон обступила толпа. Мы проехали один километр в течение часа – так трудно было пробиться сквозь людскую массу, несомненно доброжелательную, более того, восторженно-дружескую. Узнавая нас, обращались к нам и по-русски. Было удивительно, как многие молодые, уже не те, которые учились или работали у нас, произносили русские слова, изливая свои чувства.

Результаты визитов в Индию и Китай сказались и в том, что мы переставали рассматривать советско-американские отношения изолированно.

Но означало ли это, что мы разыгрываем так называемые китайскую и индийскую «карты»? Я уже писал, что подобное мнение было широко распространено в США. Оно – просто примитивно, так как исходит из незыблемости «американоцентризма» (все прочее «вращается» вокруг США, и только). Такие суждения примитивны вдвойне, так как не учитывают заинтересованности СССР, а затем России в активном развитии отношений с этими быстро растущими азиатскими гигантами, население которых составляет половину всего человечества. Вместе с тем мы не могли и не можем не учитывать, что диверсификация связей, безусловно, укрепляет нашу роль как великой мировой державы, в том числе и в отношениях с США.

Но главным образом советско-американское будущее зависело – и это стало совершенно ясно – от способности или неспособности нового президента Буша или американского истеблишмента в целом отказаться от разговора с нами с «позиции силы». Не открыто, предъявляя ультимативные требования – мы понимали, что опытный Буш, по-видимому, осознает непродуктивность этого, – а наращивая опережающими темпами вооружения.

Две наибольшие опасности в этом плане виделись в следующем: во-первых, даже при договоренностях о сокращении вооружений – в тенденции на «компенсацию» таких их видов, которые выбывают из арсенала (например, модернизация тактических ракет после подписания договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности), и, во-вторых, в упорном нежелании вводить даже в сферу переговоров некоторые из вооружений, создающих асимметрию в пользу США. Такой «священной коровой» для Соединенных Штатов является военно-морской флот. Американские политики утверждали, что это диктуется особым положением «сверхморской» державы, которым якобы обладают исключительно США. Даже не споря с этим аргументом, можно было бы по той же логике утверждать, что СССР, будучи «сверхсухопутной» державой, имеет право на сохранение асимметрии в области сухопутных сил. Как известно, мы на этот путь не встали.

Превратности судьбы

Вслед за поездкой в Нью-Дели меня пригласили выступить перед сотрудниками отдела загранкадров ЦК. После выступления заведующий отделом С. Червоненко проявил ко мне особое внимание: он даже проводил меня до лифта, что было не принято в те времена. Его заместитель, с которым у меня сложились хорошие отношения, позвонил мне в институт и сказал: «Вы на меня не ссылайтесь, но уже в принципе решено – Горбачев это одобрил, – вы едете послом в Индию». Я встревожился не на шутку. Я знал, насколько важен пост посла в этой стране, но дело в том, что уже тогда резко ухудшилось здоровье моей жены, и я понимал, что индийский климат, очевидно, не пойдет ей на пользу. Позвонил А.Н. Яковлеву. Он находился в Завидове.

– Но ты ведь сам говорил, что нужны новые люди в Дели? Ну хорошо, – заключил Яковлев. – Ты позвони обязательно Шеварднадзе, и не откладывай.

Эдуард Амвросиевич в ответ на мои разъяснения причин отказа от «столь заманчивого предложения», как-то сразу потеплев, сказал: «Я не знал, что Лаура Васильевна больна; не волнуйтесь, конечно, не будем настаивать». Так я не стал послом в Индии. А вскоре я был избран кандидатом в члены ЦК КПСС, затем членом ЦК. Так что индийский «трамплин» не понадобился. Но жену потерял – она скончалась в 1987 году, и кто знает, может быть, индийский климат и был бы не столь уж плохим для ее больного сердца?

Потерю жены я переживал очень тяжело. Она была частью моей жизни. Прожили вместе 36 лет. До сих пор ловлю себя на мысли о том, что она принесла в жертву мне, детям свой разносторонний, незаурядный талант. Широко эрудированная, прекрасно разбирающаяся в искусстве, сама блестящий пианист, а по образованию инженер-электрохимик, прямолинейная, никогда не кричащая душой, неспособная соглашаться с ложью или лицемерием, в том числе и в официальной политике, интернационалист по своим убеждениям, но в то же время искренне восхищавшаяся Россией и Грузией, очаровательная женщина – именно такой видели мою жену и я, и все те, кто был рядом со мной и с ней.

Публикация в «Новом мире» солженицынского «Одного дня Ивана Денисовича», а затем «Матренина двора» была огромным событием для всей нашей семьи. Но жена восхищалась ими особенно, по-своему агрессивно, не терпя и не пропуская ни одного критического замечания, которые кое-кем инициировались в то время.

Когда умер Твардовский, то один из моих знакомых, работавших в КГБ, сказал мне, что похороны несомненно приобретут политический характер и будут зафиксированы все, кто примет в них участие. Об этом я не рас-

сказал Лауре, зная заранее, что она обязательно пойдет на похороны. И не потому, что была знакома с Твардовским, – нет, но присутствие на проводах в последний путь этого выдающегося человека считала своим долгом. И уверен, что ее ничто не могло остановить. Чувства гражданственности и справедливости были у нее неистребимы, и, что очень важно, она руководствовалась этими чувствами сугубо «для себя», а не демонстрируя их другим, – смотрите, мол, какая я.

Лаура прекрасно писала. У нее был обостренно зоркий взгляд. Она могла достичь определенных высот в творчестве, но посчитала меня главной фигурой в семье. В этом, конечно, заключалось мое счастье, однако, как я понял «с высоты прожитых лет», счастье с эгоистическим оттенком.

Мы любили друг друга беспредельно, но это не мешало нам нередко спорить до хрипоты. Я всегда знал и ценил ее неспособность приспособливаться. Домой, например, не мог пригласить людей, которых она внутренне заслуженно не принимала. Я знал, что, поступив иначе, мог бы остаться в какой-то момент беседы с ними без «гостеприимной хозяйки», которой срочно вдруг нужно будет куда-то уйти. Вместе с тем хорошо знал и не раз убеждался в том, что она буквально «глотку перегрызет» тому, кто отзовется обо мне дурно. Здесь Лаура становилась бескомпромиссной, даже с близкими подругами.

Лаура была равнодушна к моей карьере. Когда переходил из Гостелерадио в «Правду», спросила: «Зачем, ты же любишь свою работу в иновещании?» Когда защищал докторскую и уже «созрел» для перехода в Академию наук, сказала: «Ты же прекрасно чувствуешь себя в журналистике, к чему перемены?» Единственный раз, уже находясь в больнице, поинтересовалась: «А почему не надеваешь значок депутата Верховного Совета, мне хочется, чтобы ты его носил...»

Через семь лет после смерти Лауры женился второй раз. Судьба оказалась ко мне после моих потерь благосклонной. Ирина Борисовна – прекрасная женщина, друг. Ее любят и уважают все мои близкие; кстати, дочь Нана активно поддержала этот брак. Ира многими чертами своего характера напоминает мне Лауру, которую не знала, но с исключительной теплотой относится к ее светлой памяти.

После смерти Лауры с головой ушел в работу, которая в ИМЭМО меня удовлетворяла по всем статьям. И не только в ИМЭМО. Особое место занял только что созданный Советский национальный комитет Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества, первым председателем которого я был избран.

Формально комитет был образован как национальная ячейка, призванная способствовать приему нашей страны в АТЭС – Азиатско-Тихоокеанский экономический совет, – один из важных механизмов, способствующих развитию стран этого обширнейшего (включая тихоокеанские прибрежные государства Латинской Америки) и, пожалуй, самого перспективного по экономической динамике региона мира. В АТЭС вошли США, Япония, Китай и другие страны.

Вместе с тем для нас активность по линии Советского комитета имела и другой, не менее важный смысл. Комитет должен был способствовать ускорению развития нашего Дальнего Востока и Восточной Сибири – не только за счет более органичного их вписывания в мирохозяйственные связи АТР (конечно, не во вред единству нашей страны, однако, с учетом гигантских расстояний, несомненно более выгодными были и остаются непосредственные экономические отношения с расположенными вблизи от него азиатско-тихоокеанскими странами), но и внутренней перегруппировки финансово-экономических возможностей Советского Союза в их пользу.

Не было никакого сомнения ни тогда, ни сейчас, что будущее России во многом зависит от того, сумеем ли мы поднять эту громадную, богатейшую, но чрезвычайно малонаселенную часть нашей страны.

С группой экспертов Советского комитета совершил поездку по Приморскому, Хабаровскому краям, Амурской и Сахалинской областям. Встречался и разговаривал с сотнями людей – патриотами, умными, энергичными, готовыми к делам на благо развития своих территорий. Запомнил слова, сказанные одним из них – инженером по специальности: «США стали великими только после освоения своего тихоокеанского Запада. Это произошло не за такой уж большой период – после Второй мировой войны. Неужели это ничему никого не учит? А мы лишь принимаем постановления и их не выполняем».

Вернувшись в Москву, я прочел целый ряд материалов, статей, ознакомился со статистическими данными. Написал записку М.С. Горбачеву и отправил ее 12 августа 1988 года. Думаю, что она представляет интерес, поэтому излагаю ее достаточно подробно:

«1. Создалось впечатление – оно разделяется и местными руководителями, – что комплексная программа развития Дальневосточного региона, принятая в августе прошлого года, практически заваливается. Не обозначились даже подходы к началу ее осуществления, при этом она создавалась наспех и поэтому в ней не учтен ряд важнейших для Дальневосточного района проектов (пример: в программе нет строительства предприятий по производству извести, необходимой для обработки кислых почв, а это болезнь всей Амурской области, всего Приморского края). Нет четкой внешнеэкономической ориентации этой программы, не учтена необходимость автономного вписывания района Дальнего Востока в международное разделение труда.

2. Позитивным является уже наметившийся на Дальнем Востоке интерес к расширению приграничной и прибрежной торговли, созданию совместных предприятий с КНР, КНДР, Японией и даже Вьетнамом. Обозначился явно повышенный интерес к экономическому сотрудничеству и с нами со стороны наших соседей, особенно Китая. Все это хорошо. Однако уже сегодня настаивает ряд моментов, и главный из них – нежелание союзных министерств и ведомств выпускать из своих рук монополию на экономические связи с зарубежными странами. Энергичный и способный начальник порта Восточный в Находке говорил, что он мог бы резко увеличить контейнерные операции (специально построенный для этого терминал загружен лишь наполовину) и получить за это солидную выручку в валюте, если бы Министерство путей сообщения гарантировало перевозку контейнеров с Дальнего Востока до Бреста за 20–30 суток. Но такой гарантии, к сожалению, нет. Между тем эстафета, проведенная в экспериментальных целях, показала, что можно товары провозить за 12 дней.

Или такой совершенно необъяснимый казус. Сахалинский агропром договорился с японцами о продаже им до 150 тонн краба волосатика, который не вылавливается и не используется нами, но чрезвычайно высоко ценится в Японии. Были заключены соответствующие соглашения с рыболовецкими колхозами. Сделка с японцами сулила Сахалину 3 миллиона долларов, но она не состоялась, так как ее запретило Министерство рыбного хозяйства. Такой запрет тем более непонятен, когда японцы каждодневно занимаются браконьерством в нашей зоне, вылавливая такого краба и уходя от пограничников на более быстрых шхунах. Аналогичных примеров много.

Негативно сказывается также отсутствие надлежащей информации у наших производителей. Поэтому они часто вступают в контакты по прибрежной и приграничной

торговле не с теми, с кем нужно, не на самых лучших для нас условиях. Внешнеторговые организации на Дальнем Востоке – а их там немало – не развернули достаточной работы по информированию тех, кто вступает во внешнеэкономические сделки. Сказывается и неподготовленность кадров. Нужно здесь создавать школы бизнеса с привлечением иностранных специалистов.

3. Сложными подчас являются отношения между областями и краями. Много в них местничества. Один из примеров: завод Фармахим в Хабаровске с успехом экспортирует в Японию некоторые уникальные лекарства, мог бы экспортировать больше – сдерживает нехватка сырья, а в то же время Приморский край продает такое сырье японцам в необработанном виде.

Думается, что уже сейчас остро встает проблема создания в той или иной форме единого экономического района на Дальнем Востоке. Причем речь может идти, очевидно, не только, а может быть, и не столько о координации, а о выделении из министерств и передачи местным органам соответствующих производств и ресурсов.

4. Главный тормоз роста производительных сил на Дальнем Востоке – это недостаток рабочей силы. Создается впечатление, что нельзя решить эту проблему за счет надбавок к зарплате, предоставления бесплатных билетов для поездок в западные районы СССР и т. д. Все это – паллиативные решения. По-прежнему большая часть приехавших, накопив деньги, будет возвращаться.

Радикально решить проблему может лишь общий социально-экономический подъем в районе. А он зависит от достаточных масштабов жилищного и другого культурно-бытового строительства, от надежного снабжения населения, в первую очередь продовольствием. Причем на уровне, превышающем западную часть страны. Для этого нужна целенаправленная работа. Уже имеющийся опыт показывает (речь, правда, идет о единичных экспе-

риментах, осуществляемых в Амурской области и в Приморье и пока скрывааемых даже от Центра из опасения, что это проводится на “незаконном основании”) большую эффективность сдачи в аренду или в подряд небольших сельскохозяйственных угодий китайцам и корейцам. Речь не идет, естественно, о продаже земли или о бесконтрольном заселении иностранцами, этого допускать нельзя.

А в строительстве вообще вопрос решается просто, особенно в районах, прилегающих к границе. В Благовещенск, например, китайцы предлагают завозить на световой день строительных рабочих, которые потом будут возвращаться назад. Такой вахтовый метод использования рабочей силы может применяться достаточно широко. Разве это представит для нас опасность?

И, конечно, вопросы экономического и социального подъема на Дальнем Востоке нельзя решить без твердого внедрения принципа: все здесь должно быть открыто, что не закрыто по оборонным соображениям, а не наоборот, как происходит в настоящее время».

Мне кажется, что выводы этой записки не утратили своей актуальности и сегодня, и я горячо поддерживаю мнение губернаторов Хабаровского, Приморского краев, Амурской области и многих других, мыслящих такими же категориями.

Так что занимался тогда делами интересными и перспективными. Но опять подступали перемены в моей жизни.

Хорошо помню тот майский день. Сидел за столом в своем кабинете в ИМЭМО на 16-м этаже и правил записку, подготовленную сотрудниками о малом и среднем бизнесе в США. Вдруг зазвенела «вертушка», и в трубке раздался совершенно неожиданно для меня – он мне никогда не звонил до этого – голос Горбачева.

– Женя, помнишь наш разговор в Пекине? Я тогда сказал, что есть планы в отношении тебя. Теперь пред-

стоит их осуществить. Речь идет о твоей работе в Верховном Совете СССР.

– Ну что ж, Михаил Сергеевич, нужно так нужно, – ответил я, не сомневаясь, что мне как депутату предложат, пожалуй, возглавить комитет по международным делам.

– Хорошо отреагировал, – прозвучало в ответ. – Как ты отнесешься к предложению стать во главе одной из палат Верховного Совета?

Меня это предложение огорошило.

– Я ведь занимаюсь наукой.

– Ну и что, – сказал Горбачев, – дело требует, чтобы занялся другим.

– Но как быть с институтом?

– Обещаю, что ты примешь участие в подборе своего преемника.

Преемником стал мой первый заместитель, впоследствии избранный академиком, В.А. Мартынов, который достойно возглавил институт. Что касается меня, то во время представления моей кандидатуры депутатам, отвечая на вопрос: а как Примаков совместит свою работу председателя Совета Союза с работой в Академии наук (помимо директорства в ИМЭМО, я еще был академиком-секретарем Отделения мировой экономики и международных отношений, куда входили все научно-исследовательские академические институты международного профиля, и членом президиума АН СССР), – М.С. Горбачев заявил: «Он уходит со всех своих постов в академии». Следует отметить, что такой «поворот» со мной не оговаривался. Более того, когда несколько позже заместителем председателя Совета министров СССР назначили академика Л.И. Абалкина, он обусловил свое согласие сохранением за ним директорского поста в Институте экономики. Я же был поставлен перед фактом вынужденной отставки со всех академических должностей.

Сразу почувствовал себя неуютно на новом поприще. Страна в это время буквально жила сессиями Верховного Совета. Все было непривычно. И выступления, в которых звучали острые мотивы. И столкновения мнений, иногда переходящие в нелицеприятный спор. И самое главное: все это транслировалось без всяких купюр. Сначала «живьем», в прямом эфире. Потом, когда стало ясно, что люди просто-напросто перестали работать, собираясь перед телевизорами, решили передавать заседания Верховного Совета в записи по вечерам с переходом на ночное время, но все равно «по требованию трудящихся» полностью.

До работы в Верховном Совете я много раз руководил различными научными обсуждениями и в определенной степени уже выработался стиль: после очередного выступления в нескольких словах фиксируешь его главные, наиболее важные идеи, привлекаешь к ним внимание и предлагаешь остальным высказаться по тем или иным поднятым вопросам. Такой стиль руководства обсуждениями помогает «не растекаться мыслью по древу», дисциплинирует участников дискуссии, приближает ее к целенаправленному обмену мнениями. Попробовал, конечно без всякой навязчивости, прибегнуть к такой практике и на заседании палаты. В ответ тут же услышал: а кто, собственно, вы такой, чтобы комментировать наши выступления? Ваше дело предоставлять нам слово – и только.

Глазок телекамеры был нацелен на трибуну для выступавших, а ракурс был такой, что державший речь оставался все время на моем фоне. Выступления были разные. Некоторые очень интересные. Но сидеть с утра до вечера, зная, что ты перед глазами многомиллионной аудитории телезрителей, – занятие не просто неприятное, но иногда и опасное. О неприятной стороне дела жаловался своему помощнику Р. Маркаряну: «Это то же самое по времени, как ежедневно летать в самолете из

Москвы в Токио. Но там и кресло поудобнее, откидывается, да и можно выпить водки или виски». Что касается «опасности» от столь долгого и постоянного нахождения на экранах телевизоров, то вспомнил модную в то время песню: «Поручик Голицын, раздайте патроны. Корнет Оболенский, надеть ордена». Слова песни переиначили и даже исполняли в телепрограмме: «Поручик Нишанов*, ведите собрание. А ну-ка, проснитесь, корнет Примаков».

Естественно, что работа в качестве руководителя Совета Союза Верховного Совета СССР не ограничивалась предоставлением слова тому или иному депутату. Внутренне это была содержательная подготовка и серьезная деятельность, нацеленная на принятие тех или иных законов, по которым, как мы считали, должна начинать жить страна. А в целом мы все принимали – некоторые целенаправленно, а другие даже не ведая этого – участие в процессах, которым суждено было определить будущее устройство СССР, путь нашего государства на перспективу.

II. Парадоксы перестройки

Горбачев–Ельцин: роль партии

В конце 80-х годов дело шло к «президентскому правлению». И М.С. Горбачев вел к этому, может быть, искренне, как и многие в его окружении, считая, что это – единственный путь преодоления консерватизма партийной верхушки, не только, да и не столько в центре, сколько на местах сопротивлявшейся перестроечным сдвигам в стра-

---

* Рафик Нишанович Нишанов был председателем второй палаты Верховного Совета – Совета национальностей.

не. На самом деле речь шла о том, удастся ли отодвинуть партию от прямого – я хочу подчеркнуть это слово – прямого – руководства государством, так как вопрос об устранении КПСС из этой сферы вообще, по сути, не ставился даже большинством из тех, кто голосовал против 6-й статьи Конституции, утверждавшей руководящую роль партии в СССР.

Горбачев, как это позже сделал Ельцин, не выходил за такие ограниченные рамки. Модель президентской республики разрабатывалась не с целью ликвидации лидирующей роли КПСС. Именно поэтому Горбачев стремился не к тому, чтобы перейти с поста генсекретаря партии на пост президента СССР. Речь шла об объединении этих двух должностей в одном лице.

Характерно, что на XIX партконференции в докладе генерального секретаря говорилось о необходимости разделить функции: партии отводилась авангардная политическая роль в обществе и в подборе и работе с кадрами. Экономика, социальная сфера вроде передавались Советам. Но тут же была дана рекомендация: избирать во главе этих Советов первых секретарей соответствующих партийных комитетов.

Возможно, это имело целью не антагонизировать партийных руководителей. Но такая на первый взгляд компромиссная позиция отнюдь не вела к сплочению в обществе и не создавала лучших условий для отхода от командно-административной системы и развития реформ, так как заложенная в этой позиции некоторая перегруппировка сил у власти не сопровождалась ни упором на партийно-политический плюрализм, ни на демократизацию в самой КПСС. Дело ограничивалось чрезвычайно важным, но далеко не «компенсирующим» эти два направления развитием гласности, в рамках которой и решили на том этапе проблему плюрализма – не партий, а мнений.

Естественно, с расстояния прожитых лет легче видеть и недостатки, и ошибки, абстрагируясь и от инерции мышления всех (хотя бы на первых порах) лидеров государства в этот реформаторский период, и от реального соотношения сил в стране, выбирающей новый путь развития. Но факт остается фактом: первое противоречие, которое не было преодолено, что и обусловило неудачи перестроечного процесса, заключалось в том, что экономическое реформирование и демократизация общества не могли быть осуществлены при сохранении главенствующей роли мало измененного ЦК КПСС и партии в целом.

Половинчатость принимаемых решений привела к фактическому расколу в партии, который, однако, опасались закрепить организационно.

С одной стороны, партийные руководители, особенно на местах, самым активным образом сопротивлялись тому, чтобы их значение было принижено. Это принимало форму выступлений на общесоюзных форумах с резкой критикой «антисоциалистической» сущности перестройки. В большинстве случаев за такой критикой скрывались личные мотивы или чисто догматическое представление о социализме, но у части выступавших проявлялось искреннее несогласие с тем, что линия перестройки оказалась отнюдь не выверенной, особенно в хозяйственно-экономическом плане, не была развернута столь необходимая борьба с преступностью, поднявшей голову, против сепаратистских элементов, раскачивающих страну.

Я слышал много таких выступлений и на пленумах ЦК, и на заседаниях съездов народных депутатов, и в Верховном Совете СССР. Горбачев и целый ряд лиц из его окружения воспринимали их болезненно. Я принадлежал к тем, кто считал, что нужно взять на вооружение рациональное зерно из некоторых таких выступлений, но только в том случае, если ясно, что их авторы – за радикальные изменения в нашей общественной и эконо-

мической жизни. Вместе с тем, если в них звучали идеи возврата к прошлому, то это еще раз ставило во весь рост вопрос о демократизации партии, органично связанный с ее ролью в обществе и государстве. Лишь процесс демократизации позволил бы изолировать деструктивные, догматические элементы и идеи в партии. В противном случае мог встать вопрос об организационном ее расколе. К здоровой части несомненно могли бы отойти те, кто, не принимая тоталитарную систему, в то же время критиковал Горбачева и его окружение за серьезные ошибки в экономическом и государственном строительстве.

С другой стороны, можно было бы рассчитывать на то, что к здоровой части партии отойдет и уже отколовшаяся от нее и набирающая вес прослойка, состоящая главным образом из представителей интеллигенции, которая начинала сильно критиковать Горбачева за нерешительность в реформах, в демократизации страны. Именно отколовшиеся от партии, а не те, кто накачивал мускулы, изначально находясь вне ее.

Так Горбачев оказался между «молотом и наковальней». Примкнуть к одной из этих сил он не мог – это было совершенно ясно. Оставалось решительно менять свое отношение к обеим, на что он не пошел.

Борьба, развернувшаяся вокруг роли партии и степени ее воздействия на все государственные системы, отразилась и на работе Верховного Совета СССР. Было ясно, что нужны серьезные перемены в функциях и деятельности аппарата. Раньше все было более чем просто. Аппарат Верховного Совета получал указания из ЦК и проводил заданную линию. Депутаты выполняли в решении поставленных задач вспомогательную роль. Все готовилось в аппарате, все «ранжировалось» аппаратом, предусматривалось все, вплоть до последовательности выступлений, не говоря уже о том, что сами эти выступления, во всяком случае в своей основе, аппаратом и готовились.

Не думаю, что предложение избрать меня председателем Совета Союза было продиктовано стремлением изменить обстановку, повысить роль депутатов, многие из которых, кстати, уже сами выходили из предназначенного им «амплуа», и весь парламент становился, хотел кто-либо этого или нет, другим. Но, став председателем верхней палаты, я показал свою приверженность линии на самостоятельность Верховного Совета, считая, что лишь такой курс сможет превратить его в важный инструмент эволюционного перехода от командно-административной системы к новому обществу.

В аппарате ЦК, особенно в отделе оргпарработы, были другие настроения. Там ни за что не хотели терять власть над Верховным Советом и, опираясь на часть его руководителей, думали все сохранить по-старому. Так или иначе, но, когда заместитель заведующего этим отделом, курирующий Верховный Совет, пришел ко мне с готовым списком руководителей всех комитетов Совета Союза, которых «следовало избрать», и услышал в ответ, что кандидатуры я буду подбирать сам, он оказался совершенно неготовым к такому повороту событий.

– Список уже согласован с секретарем ЦК, – выдвинул он «бронейбойный» аргумент.

– Ну и что? Надо было предварительно узнать мое мнение.

Позже мне позвонил этот секретарь ЦК, кстати, гораздо лучше понимавший новую обстановку, чем в отделе, «надзирающем» над Верховным Советом, и извинился за «несогласованность действий». В результате подбирал кандидатуры я сам. Среди них, например, была Валентина Ивановна Матвиенко, которой я предложил пост председателя комитета, занимавшегося вопросами семьи, женщин, и не согласился с ее отрицательным отношением к этому. После того, когда она все-таки приняла мое предложение, начались наши дружеские отношения, сохранившиеся много лет.

Хорошо помню и партсобрание аппарата Верховного Совета, на котором я выступал с докладом. Позже мне сказали, что он был непривычен и по тональности, и по форме – я не зачитывал заранее подготовленный текст. Смысл сказанного заключался в необходимости коренной перестройки работы аппарата. Только помогая депутатам, понимая их первостепенную роль, исходя из того, что депутатов «не подстрижешь под одну гребенку», можно и нужно было менять всю систему работы. В этих выводах я опирался на своих единомышленников, а их было немало. Знаю, что подобных взглядов придерживался и председатель другой палаты – Совета национальностей – Р.Н. Нишанов.

Но существовало и иное направление. Возможно, его выразителем стал выступивший в прениях партсобрания первый заместитель председателя Верховного Совета А.И. Лукьянов – человек образованный, неординарный, близкий в то время к Горбачеву, о чем он мне не раз говорил, добавляя при этом, что это он предложил мою кандидатуру на пост руководителя Совета Союза и советовался с А.Н. Яковлевым, с которым, «не афишируя, находится в близких отношениях». С Лукьяновым у меня складывались неплохие рабочие контакты. Но его непредусмотренное выступление в прениях, очевидно, было вызвано несогласием с «крамольными» идеями моего доклада.

Вначале предполагалось, что я откажусь от заключительного слова. Но положение изменилось, и я решил еще раз повторить те мысли, ради которых выступал.

В сентябре 1989 года меня избрали кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС. Думаю, что это тоже было показателем того, что Горбачев и в новых условиях сделал ставку на укрепление роли партии в союзных органах. Перед XXVIII съездом Горбачев спросил, кто из нас хотел бы остаться в Политбюро²². Преобладающее большинство, в том числе и я, ответили, что считаем несовместимым

вхождение в ЦК при занятии государственных постов. С этим согласились. Тем не менее на съезде настояли, чтобы министры обороны, иностранных дел, председатель КГБ все-таки стали членами ЦК. Все занимавшие эти посты такую позицию приняли.

В это время в стране стал расти рейтинг Б.Н. Ельцина, который динамично выдвигался в лидеры. Без «ельцинского фактора» уже нельзя было ни оценивать обстановку, ни делать прогнозы ее развития.

В отношении роли и места партии в обществе Ельцин начал с позиции, которая в общем не отличалась радикально от позиции Горбачева. Работая первым секретарем Московского городского комитета КПСС и будучи кандидатом в члены Политбюро, Ельцин отнюдь не выступал против руководящей роли партии. Но уже на том этапе – а я присутствовал на пленуме ЦК, когда Борис Николаевич неожиданно для большинства находившихся в зале подал в отставку с поста кандидата в члены Политбюро, – он открыто выступил против порядков, существовавших в высшем партийном органе. По сути дела, это выступление служило идее демократизации партии. Ельцин очень волновался. Было ясно, что такое беспрецедентное выступление стоило ему многих сил. Но что хотелось бы отметить: он не просил отставки с поста первого секретаря Московской парторганизации.

Дальше расклад был вполне ожидаемым. Все выступавшие осудили – кто резче, кто мягче – «проступок» Ельцина. Ни один не выступил в его поддержку. Создавалось впечатление, что Горбачев в тот момент хотел ну если не вывести его из-под удара, то, во всяком случае, смягчить этот удар.

Просьбу Ельцина удовлетворили. Но сразу пошли дальше – через несколько дней освободили его и с поста первого секретаря МГК. Причем сделали это через хорошо подготовленную, главным образом отделом оргпартиработы ЦК, антиельцинскую кампанию в Москве.

Мне представляется, что в тот момент Горбачев не занимал крайних позиций, он даже пытался «оставить дверь приоткрытой», но тон в отношении Ельцина уже задавали другие, а Горбачев им не противодействовал, возможно, опасаясь усиления в партии «антиперестроечного ядра».

Но все это еще не привело Ельцина к отрицанию лидирующей роли партии. Об этом свидетельствовало его выступление на XIX партконференции, где он отстаивал линию на демократизацию ЦК, но вместе с тем признавал и свои ошибки. Лишь после этого «не услышанного» партией выступления Ельцин начал политически дрейфовать в сторону отказа от модели партийного руководства, ставя это условием демократизации общества, а затем, после путча ГКЧП, перешел на антикоммунистические позиции.

Как-то один из моих друзей-политологов сказал мне: «А знаешь, если б Ельцин был избран генеральным секретарем партии, она сохранила бы свое значение и место в обществе». Думаю, что он был прав для первого периода, закончившегося XIX партконференцией. А после этого развитие событий приобрело собственную логику. Я бы выделил в ней два основных элемента: во-первых, набирающую силу неприязнь, соперничество и борьбу между Горбачевым и Ельциным и, во-вторых, все большее влияние, которое оказывала на Бориса Николаевича координирующая свои действия, обладающая значительным интеллектуальным потенциалом Межрегиональная группа²³, явно подталкивавшая его к лидерству в стране.

Не думаю, что можно было бы однозначно с самого начала расценить отношения между Горбачевым и его «перестроечным» близким окружением и межрегиональщиками как «неприемлемо конфронтационные». В конце лета 1989 года некоторые видные фигуры этой группы даже хотели выйти из нее и конструктивно работать с теми в партии и правительстве, кто отторгал тоталитаризм.

литарное прошлое. Но в конце концов взяла верх тенденция на противостояние – в немалой степени этому способствовали экстремистские взгляды с двух сторон.

В 1989 году появился еще один «фронт» противостояния Горбачев–Ельцин: борьба с привилегиями. Была создана специальная парламентская комиссия, председателем которой я был назначен. Считал своей задачей прежде всего не дать превратить комиссию в орудие политической борьбы, а к этому дело шло, особенно после того, как ряд членов Межрегиональной группы начал в чем-то справедливую, а в чем-то чисто конъюнктурную атаку на льготы и привилегии государственного аппарата. Нужно было прислушаться к справедливым интонациям: действительно, государственная служба не должна быть «кормушкой» для «аппаратчиков», пользовавшихся незаслуженными льготами. Вместе с тем упор в работе комиссии был сделан на то, чтобы ни в коей мере не скатиться к уравниловке. Комиссия предложила Совету министров СССР выработать четкий статус руководителя любого ранга и в соответствии с этим рангом создать узаконенные условия, благоприятствующие его плодотворной деятельности. По рекомендации комиссии были приняты и конкретные меры, в частности переданы в общее пользование ранее находившиеся в так называемом IV управлении Минздрава, созданном для медицинского обслуживания высшего слоя государственных и партийных чиновников, все детские учреждения – санатории, дома отдыха, лагеря.

Бурное обсуждение моего доклада происходило на съезде народных депутатов СССР. Секретарь комиссии, много сил отдавшая ее успешной деятельности, Э.А. Памфилова говорила, в унисон докладу, о том, что нельзя поверхностно подходить к проблеме. В условиях постоянного дефицита, сложной экономической обстановки мы только загоним болезнь вглубь. А образовавшийся в результате ликвидации привилегий одной группы

«вакуум» быстро заполнится другой – может быть, и представителями «теневого экономики». Все 28 депутатов, входивших в комиссию, были в общем солидарны с такой постановкой вопроса.

Постепенно ажиотаж вокруг борьбы с привилегиями спал, а в 90-х годах эта столь острая тема вообще сошла на нет. Расправились с незаконными льготами? Просто произошли перемены – во властные структуры пришли другие люди...

Горбачев–Ельцин: проблемы союза

1990-й и первая половина 1991 года знаменовали собой резкое обострение внутрисоюзных отношений, что сказалось и по линии Горбачев–Ельцин. Именно в это время усилились процессы, которые привели в конце концов к развалу Советского Союза.

Не думаю, что самое продуктивное в настоящее время – искать виновных в этом. Сказались, безусловно, различные и далеко не одномоментные причины.

В.И. Ленин в последние годы перед своей смертельной болезнью, когда он мог руководить строительством страны или, позже, хотя бы принимать посильное участие в этом процессе, явно находился на стороне тех, кто противился созданию унитарного государства. Это видно и по его письмам, в которых не просто содержались обвинения ряда руководящих работников Центра (причем, как правило, нерусских) в шовинистических настроениях в отношении «националов», но и был сделан явный акцент в пользу федерализма.

В дальнейшем победила линия на «показной», «витринный» федерализм, отражаемый в сменявших друг друга конституциях. Однако, по сути, было создано абсолютно централизованное, унитарное государство. Союз-

ные республики лишь провозглашались суверенными, самоуправляемыми. На самом деле все в основном предписывалось Москвой.

Нельзя отрицать того, что создавались условия для развития национальной литературы, искусства, кинематографа, театра, образования, здравоохранения. Самым положительным образом сказывалось необходимое для этого тесное общение интеллигенции различных республик. На местах развивалась наука, промышленность. Но всем руководили из Центра. Даже вопросы строительства тех или иных предприятий в республиках часто решались не на основе экономической целесообразности, а по политическим мотивам. Характерно в этом плане сооружение металлургического комбината в Рустави, куда издалека поставлялись и руда, и коксующийся уголь. Но зато комбинат должен был способствовать созданию и укреплению настоящего рабочего класса в преимущественно «мелкобуржуазной» республике.

Из Центра диктовалась для неукоснительного выполнения и кадровая политика. Додумались до «наместников», направляемых из Москвы, в виде вторых секретарей ЦК республиканских компартий. С учетом того что партийные органы практически руководили всем и вся, из Москвы подчас направлялись и первые секретари ЦК – Каганович, а затем Мельников на Украину, Брежнев в Молдавию, а затем в Казахстан и так далее. Как сейчас говорят, лица «титульной» национальности обычно не занимали постов руководителей республиканских КГБ. Между тем понятно, что парторганы и КГБ были фактическими хозяевами в республиках. Да что и говорить, в республиканские правительства, даже на посты руководителей некоторых областей, тоже направлялись люди из Центра.

А как на деле осуществлялась «федеральная вертикаль» по парламентской линии? Каждая республика имела разнарядку из отдела парторгработы ЦК КПСС на

замещение работниками из Москвы целого ряда мест кандидатов от республик в депутаты Верховного Совета СССР (считай, депутатов, так как назначение кандидатов было идентично выборам в депутаты, которые происходили чисто формально). Когда, например, решили, что директор Института мировой экономики и международных отношений Академии наук должен стать депутатом Верховного Совета СССР, то меня выбрали от Киргизии. Вполне понятно, что альтернативных кандидатур не было, я провел ряд встреч с избирателями, которые живо интересовались главным образом тем, смогу ли я помочь тому или иному району, чтобы удовлетворили его заявки на стройматериалы, строительство школы или поставили местному колхозу давно обещанные комбайны и грузовые автомобили.

В середине 90-х годов положение стало меняться. В республиках начали брать верх силы, делающие ставку на самостоятельность, суверенитет. Однако в жизни это происходило на фоне роста настроений против «русского центра». При этом широкое распространение получила точка зрения, что в предшествовавшие годы якобы происходила своеобразная «перекачка» из «богатейших союзных республик» в РСФСР.

В 1990 году у меня взяло интервью грузинское телевидение, и после его показа многие мои тбилисские знакомые выражали искреннее недоумение и даже осуждали меня за слова: «Знаю, что у вас есть превосходные экономисты, – пусть они спрогнозируют торговый и платежный баланс суверенной Грузии, подытожат ее потребности в основных видах энергоносителей, сырья, металлов, продовольствия, посмотрят, насколько эти потребности покрываются за счет внутренних ресурсов и сколько будет необходимо затратить на их приобретение за рубежом. А если к этому добавить средства на содержание вооруженных сил, чиновничьего аппарата, зарубежных учреждений, наконец, необходимые затраты на образование, культуру, развитие социальной сферы?»

Многие тогда уповали на доходы от курортов, которыми славится Грузия. Но ведь трудно было представить себе конкурентоспособность этих курортов без гигантских вложений, да еще в условиях полной доступности для граждан бывшего СССР всех других мест отдыха.

Пусть не упрекнут меня в том, что я был или в настоящее время выступаю против самостоятельности Грузии. Речь лишь шла о трезвой оценке плюсов ее существования в едином экономическом пространстве, на котором центральную роль играла Россия. Будучи в то время членом Президентского совета, я располагал такой цифрой: при пересчете межреспубликанских поставок на мировые цены у РСФСР в 1988 году образовался бы положительный баланс в сумме 28,5 миллиардов инвалютных рублей, а у всех без исключения остальных республик – отрицательный.

Глаза на реальные направления потоков «перекачки» открылись позже, когда после развала единого экономического пространства в отделившихся республиках жизненный уровень стал значительно ниже, чем в России. Конечно, сказались и изнурительные межнациональные конфликты в некоторых бывших республиках СССР. Вместе с тем проявилась безосновательность обвинений в том, что РСФСР получала в прошлом больше от других республик, чем они от нее.

Закономерно, что настроения в пользу суверенитета стали быстро развиваться и в России. Они подпитывались стремлением консолидироваться на своей территории, раз и навсегда отойти от того положения, когда Россия командовала, но во многом растворялась в СССР. В немалой степени сказывалось и недовольство тем, что Россия оставалась донором в то время, когда приходили к экономическому запустению, упадку огромные ее территории – Нечерноземье, Зауралье, Дальний Восток.

В таких сложных условиях многое зависело от правильной, выверенной политики Центра, а такой линии выработано практически не было.

Хорошо помню обсуждение этих вопросов в Политбюро. В первую очередь звучала тревога по поводу того, что обособление России приведет к ослаблению, а возможно, и сломает тот «российский стержень», на котором держался Советский Союз. Это была реальная угроза. Но реальными были и те настроения, которые, подстегиваемые «суверенизацией» национальных республик, небывало быстро распространялись в русских областях, среди не только русского, но вообще российского населения. Одним из центральных стал вопрос о создании компартии России. Как известно, все союзные республики, хоть и формально, имели свои партии, входящие в КПСС, а Россия была лишена этого, и можно прямо сказать, по причине того, что союзные партийные руководители всегда опасались – и не без основания – создания мощного российского партийного центра, который, несомненно, мог бы выступать на равных или вообще отодвинуть ЦК КПСС на второй план.

Движение в пользу создания компартии Российской Федерации ширилось и начало приобретать организационные формы. Что было делать в таких условиях? Противодействовать этому – и бесполезно, и контрпродуктивно. На заседании Политбюро значительная часть его членов, кандидатов и секретарей ЦК, в том числе и я (об этом позже писал избранный первым секретарем ЦК И.К. Полозков), выступили за то, чтобы ЦК КПСС официально поддержал эту идею. Были и те, кто с этим не согласился, но линия на поддержку создания КПРФ победила.

Что это дало? Политбюро ЦК не пошло против воли значительной части партийных масс, но объективно это не укрепило центростремительные тенденции в Советском Союзе. Однако иного решения на тот период попросту не было.

В это время возник другой российский центр – во главе с Б.Н. Ельциным, который уже внутренне отошел от

признания авангардной роли компартии. Ельцин выиграл борьбу за Верховный Совет РСФСР, а затем стал первым президентом России.

С этого момента, с учетом истинного места России в экономике и политике СССР, можно было реально говорить о двоецентрии. Личные отношения Горбачева и Ельцина, слегка сглаженные отдельными «доверительными контактами», оказывали все более негативное влияние. Неприязнь подогревалась влиятельными людьми из их окружения.

Реальная сила и власть постепенно переходили к Ельцину. Процесс, конечно, был непростой. У всесоюзного руководства в руках оставались важнейшие рычаги управления. Но дело было в том, что они использовались все менее активно и здраво на благо развития экономики, сохранения союзного государства, преодоления и реальных, и во многом наносных противоречий с ельцинским центром. Не происходило и встречного движения.

Точку поставил так называемый ГКЧП. Горбачев, кто бы что ни говорил впоследствии, однозначно признал решающую роль Ельцина в ликвидации путча. В Форосе, куда я вместе с другими прилетал за Горбачевым (об этом – дальше), он при мне и Бакатине резко бросил А.И. Лукьянову: «Если ты не смог сразу собрать Верховный Совет СССР, чтобы разделаться с путчистами, почему не встал рядом с Ельциным?» Но выбор был сделан. Об этом свидетельствовала и унижительная сцена на заседании Верховного Совета РСФСР, куда вызвали президента Горбачева после его возвращения из Фороса.

Вместе с тем мне представляется, что такого финала могло бы не быть при успехах союзных властей в решении основных задач, стоявших перед страной.

Одним из наиболее актуальных и важных было со вмещение неумолимого процесса обретения республиками суверенитета с сохранением единого экономического пространства в рамках бывшего Союза и всеобщим

переходом к рыночным отношениям. Я бы даже назвал это главной задачей. На успех можно было бы рассчитывать лишь в случае согласованных и взаимообусловленных решений союзного руководства и руководства Российской Федерации. Их, к сожалению, не было.

В моем архиве сохранились записи с совещания экономистов у М.С. Горбачева 16 марта 1991 года. Среди участвовавших был эстонский экономист, несомненно влиятельный в балтийских депутатских группах, М.Л. Бронштейн.

– Главная причина трудностей, – сказал он, – резко растущее противостояние Центра и республик. Нужно разграничить во времени подписание экономического и политического союзного договора.

Эта мысль высказывалась не впервые. Я был среди тех, кто предлагал М.С. Горбачеву сначала подписать экономический договор, который – был уверен, так как предварительно проговаривал со многими руководителями союзных республик, – подписали бы все, в том числе и прибалты.

Наиболее отчетливо прозвучало это в ноябре 1990 года накануне Четвертого съезда народных депутатов. Мы сидели на даче в Волынском и готовили доклад президента СССР «О положении страны и мерах по преодолению сложившейся кризисной социально-экономической и политической ситуации» – А.Н. Яковлев, С.С. Шаталин, В.А. Медведев, А.С. Черняев, Г.Х. Шахназаров, Е.Г. Ясин и другие. Думаю, что большинство из них поддерживали идею о первоначальности экономического договора. Мое на этот счет предложение сначала было воспринято М.С. Горбачевым не скажу, что с большим энтузиазмом, но отвергнуто с ходу не было. На следующий день, однако, он сказал:

– Не пойдет.

– Почему? – спросил я. – Ведь это проходной вариант, причем все республики согласны с тем, что при подписа-

нии экономического договора они возьмут на себя определенные обязательства, без которых не сможет функционировать единое экономическое пространство.

– Если мы подпишем экономический договор, – ответил Горбачев, – то многие остановятся на нем и не захотят подписать союзный, который уже готов, и все заявили о своем согласии присоединиться к нему.

– Да, но ведь и экономический договор подразумевает создание наднациональных структур. Нужно начать с экономики, а затем наращивать политические структуры Союза.

М.С. Горбачев отверг эту идею. Думаю, что ему «помогли» оказаться в плену представлений о реальности союзного договора и он искренне верил в возможность его подписания. Так или иначе, но развести по времени экономический договор, приемлемый для всех, от политического не удалось.

Стало еще сложнее оттого, что вместо создания общесоюзной рыночной инфраструктуры ставку сделали на так называемый «региональный хозрасчет». В республике передавалась государственная собственность. В некоторых из них решалось, отчислять ли средства в союзный бюджет. Провозглашался приоритет республиканских законов над союзными.

Республики, в том числе РСФСР, приступили к подписанию «горизонтальных» соглашений друг с другом. Сама по себе такая практика, очевидно, была полезной. Но в то же время в соглашениях фиксировались взаимные поставки. Это подводило к мысли, что через такие соглашения будут осуществляться хозяйственные связи между предприятиями, расположенными на территории той или иной республики. Совершенно ясно, что такой порядок являлся антиподом рынку. Другое дело, если бы в таких соглашениях были дополнительно зафиксированы договорные обязательства предприятий, но, к сожалению, не на этом делался акцент.

В общем, дело шло к распаду не только Союза, но и единого экономического пространства.

Иногда можно было услышать: «Давайте действовать, как в Западной Европе, где самостоятельные государства с самостоятельными экономиками вошли в единый интеграционный поток». Такое сопоставление было абсолютно несостоятельным. Советский Союз представлял собой единое государство (я здесь не говорю о недостатках, а констатирую то, что государство было единым со всеми вытекающими из этого последствиями). Следовательно, лозунг: «Сначала размежевание, а потом интеграция» – означал разрыв тысяч устоявшихся производственных связей. Нож размежевания не мог не резать по живому – так и получилось.

Преобразования в тупике

На XXVIII съезде партии, как уже писал выше, я отказался баллотироваться в ЦК, так же как и некоторые другие члены Политбюро. Для меня такое решение диктовалось вполне определенной позицией – в своем выступлении на съезде я, в частности, заявил: «Я считаю твердо, что члены Президентского совета, например, не должны входить в Политбюро, и буду действовать на основе этого убеждения». В этом же выступлении, касаясь роли партии, подчеркнул, что одной из главных причин осложнения обстановки в стране был тот факт, что мы не действовали «опережающими темпами» в области обновления партии, которая после отказа от конституционно гарантированной ведущей роли в обществе должна встать на путь завоевания места ведущей силы.

Партия, по сути, на этот путь не встала. Оказалась не готовой действовать в тот момент демократическим путем, согласиться с существованием в ней «разномысля-

щих, но равно ответственных за перестройку сил», политическим плюрализмом в стране. Негативно сказалось и отсутствие новой идеологической основы деятельности. Ее не могли заменить сентенции типа «социализма с демократическим лицом». Необходим был крутой идеологический перелом, заключающийся не просто в отказе от несостоявшихся догм, но, да простит меня читатель за «навязчивую идею», в признании взаимовлияния социализма и капитализма, конвергенции как столбовой дороги развития всего человечества.

После XXVIII съезда я всецело сделал упор на работе в Президентском совете. Занимался не только внешнеэкономической деятельностью, но и вопросами, выходящими за ее рамки. Отношения с Михаилом Сергеевичем были хорошими, и я мог ставить перед ним проблемы довольно острые, решение которых, на мой взгляд, было необходимо. Но постановка этих вопросов вызывала определенную напряженность. Сознаюсь, главное, что меня волновало, даже возмущало, – это недостаточная решительность в укреплении власти Закона. Нельзя было не слышать, как на волне широкого недовольства бездействием государственных органов, падением порядка и дисциплины все громче звучали голоса, призывающие положить конец «демократическим играм» и вернуться к «жесткой руке». Опасность многократно усугублялась тем, что эти голоса были порождены не только ностальгией консервативных сил по прошлому. Они исходили и от тех, кто разочаровывался в способности властных структур в новых условиях перехода к демократии организовать дело и добиться результатов.

Горбачев, могу смело сказать, понимал такую опасность, но действовал крайне нерешительно. Когда 15 января 1991 года я ему сказал об этом, он мне ответил, что хочет избежать в тяжелые времена перехода к другому обществу гражданских столкновений – их могли бы спровоцировать решительные меры по наведению по-

рядка в стране в целом. Но, как мне представляется, в словах Горбачева была только частичная справедливость. Скорее даже справедливость намерений, а не возможных результатов отказа от такой активности, что в конце концов подтвердилось путчем, организованным ГКЧП.

Телефонный разговор проходил далеко не гладко и закончился фразой М.С.: «Я чувствую, что ты не вписываешься в механизм». На следующий день я передал Горбачеву личное письмо, в котором говорилось: «После вчерашнего разговора я твердо решил уйти в отставку. Это – не сиюминутная реакция и, уж во всяком случае, не поступок, вызванный капризностью или слабонервностью. Ни тем ни другим – думаю, Вы не сомневаетесь в этом, – никогда не отличался. Но в последние месяц-полтора явно почувствовал, что либо Вы ко мне стали относиться иначе, либо я теперь объективно меньше нужен делу. И то и другое несовместимо даже с мыслью о продолжении прежней работы». К письму было приложено формальное заявление с просьбой разрешить мой переход в Академию наук СССР.

Не спорю, мое решение подать в отставку подтолкнуло и то, что я связал первый раз проявившуюся в мой адрес раздраженность и неприязнь с упразднением Президентского совета. В этом, пожалуй, я был не прав. Горбачев решительно отказал мне в отставке, сказав, чтобы я даже не думал об этом. Его желание оставить меня в «активной команде» подтвердилось в начале марта во время выборов членов Совета безопасности. Не знаю точно, кто работал в Верховном Совете против меня, но работа велась и результат голосования был крайне неожиданным и обескураживающим – из всего списка не прошли я и В.И. Болдин. Думаю, что это было неожиданным и для многих других. Взволнованно, искренне, горячо выступил Горбачев, подчеркнувший, что мое членство в Совете безопасности будет служить делу и он ставит вопрос

о переголосовании. Я подошел к микрофону и сказал, что прошу не переголосовывать. Затем начались выступления. В такую минуту особую благодарность испытал к тем, кто поднялся в защиту, – все депутаты, попросившие слова по итогам голосования, вне зависимости от своей политической ориентации выступили в мою поддержку. Председательствующий Лукьянов обратился ко мне с вопросом, не изменил ли я свою точку зрения. «Не изменил», – ответил я.

Этот ответ был вознагражден хотя бы тем, что во время объявленного тут же перерыва ко мне подошла депутат Сажи Умалатова и назвала меня «настоящим мужчиной, каких мало в Верховном Совете». Все-таки состоялось переголосование, и на этот раз я был избран.

Совет безопасности был в ту пору конституционным органом, и это предполагало его большое значение в государстве. Многие считали, что, по существу, он берет на себя функции Политбюро, которое продолжало существовать, но уже строилось совсем по другому принципу – наряду с несколькими «освобожденными» членами в него вошли по должности все первые секретари ЦК союзных республик. Создание Совета безопасности означало смещение от оси федеральной власти в сторону государственных структур. Вместе с тем он так и не стал, за редким исключением, коллегиальным органом для открытого обмена мнениями и конкретных рекомендаций по многим животрепещущим вопросам. Больше действовали по линии контактов отдельного члена СБ, отвечающего за ту или иную сферу, с Горбачевым или с другим членом Совета безопасности.

Забегая вперед, скажу, что аморфность в работе Совета безопасности наблюдалась и после того, как он был возрожден в 1992 году. А ведь начиналось совсем не так. По моим записям, 20 мая 1992 года на Совете безопасности, в состав которого я вошел как директор Службы внешней разведки, выступил Б.Н. Ельцин и сказал: «Да-

вайте создадим такую обстановку, когда кто-нибудь, выражая свое мнение, не опасался бы за свою безопасность». Ельцин нацеливал на регулярную коллективную деятельность: собираться не реже одного раза в месяц (была даже названа каждая вторая среда в 11 часов); раздача документов для обсуждения утром за два дня до заседания; вопросов – не более трех; их обсуждение не формальное; упростить аппарат; все нацелить на помощь в осуществлении курса на реформы.

На первых порах Совет безопасности действительно формировался как важный инструмент президентской власти во внутренней и внешней политике. Многое сделал для этого его секретарь Ю.В. Скоков. Потом последовала череда других секретарей и Совет безопасности практически перестал функционировать. Работал аппарат, но не выполнял своих прямых функций – подготовки заседаний СБ, а фактически дублировал и просто пересказывал оценки и выводы других органов исполнительной власти.

Вернемся, однако, к деятельности членов Совета безопасности при Горбачеве. Я упорно пытался навести порядок в первую очередь в сфере внешнеэкономической деятельности, за которую нес в этом органе ответственность. Проблемы затрагивались широко, распространяясь на отношения союзного центра с республиками СССР, с другими странами СЭВ. Внимание заострялось на необходимости исключить из внешнеэкономической деятельности несогласованность, безответственность, коррупцию.

Вот несколько примеров.

Апрель 1991 года. Доложил президенту СССР о конфиденциальном письме, поступившем от заместителя председателя правительства Чехословакии, который утверждал, что принятая нами система, предусматривающая обмен между предприятиями стран СЭВ лишь через валютные отношения, с учетом реального положения

в СССР и странах-партнерах практически прекращает существовавшие кооперационные связи. Одновременно это ведет к прекращению товарооборота со странами СЭВ в децентрализованной его части.

Исходя из содержания письма и получив подтверждение от С.А. Ситаряна – одного из наиболее компетентных и знающих экономистов – о том, что эта практика установилась после развала СЭВ, предложил срочно пойти на разрешение товарообменных операций в 1991 году для предприятий перерабатывающих отраслей. Опасались, что это уменьшит отчисления в Фонд погашения внешнего долга и Союзно-республиканский валютный фонд. Но если оставить все по-старому, то вообще не будет реального экспорта и не из чего будет делать эти отчисления. Я писал это, зная, что за первые два месяца 1991 года взаимные поставки (кроме нефти) составили менее чем два процента от годовых.

К сожалению, наши связи со странами СЭВ после его распада не стали предметом специального обсуждения на Совете безопасности, и мы в дальнейшем потеряли годами отработанные экономические отношения.

Апрель 1991 года. Получив материалы от Комитета народного контроля СССР и Госплана, я поднял вопрос о совершенствовании работы по закупке и использованию импортного оборудования. Выяснилось, что министерства и ведомства, осуществляя эти закупки, предварительно не прорабатывали вопросов с местными органами власти. Проверки показали, что многие дорогостоящие станки, машины, автоматические линии и другая техника годами не вводились в эксплуатацию, выходили из строя, разукomплектовывались, подчас и расхищались. Что было особенно чувствительно, в период нехватки продовольствия в стране и его валютных закупок за рубежом на складах предприятий истроек агропромышленного комплекса на 1 января 1991 года находилось 29 тысяч единиц оборудования молочной и маслосыро-

дельной промышленности, почти 15 тысяч – мясоперерабатывающей, 4 тысячи – кондитерской и 11 тысяч единиц оборудования плодоовощной и консервной промышленности. В результате из 39 пусковых объектов, которые должны были быть введены в эксплуатацию в 1990 году на базе импортного оборудования, было запущено лишь пять.

Как мне напоминает это ситуацию, с которой я столкнулся, уже став в 1998 году Председателем Правительства России! Условия изменились вроде коренным образом. Закупки оборудования осуществлялись уже не государственными объединениями МВЭС, а главным образом самими предприятиями. Но тем не менее на складах оказалось запломбированным таможенной службой, не получившей причитающихся за импорт платежей, станков и технических линий – высокотехнологичных, остро необходимых – на сумму около 1,5 миллиарда долларов!

Апрель 1991 года. Направил руководству материал, свидетельствующий о нескоординированности нашей экономической деятельности за рубежом, о коррупции, внедрившейся во внешнюю торговлю. В качестве примера приводилась работа делегации, во главе с министром торговли посетившей Италию. Значительное время было затрачено на всевозможные развлечения. А между ними закуплено обуви на 300 млн долларов, в то время как у нас стояли шесть ранее приобретенных в той же Италии обувных фабрик из-за отсутствия подошв из синтетического материала, импорт которых обошелся бы в десять раз дешевле. Или приобрели колготок почти на 30 млн долларов в то время, когда у нас в Башкирии уже находилось оборудование стоимостью 200 млн долларов и нужно было затратить именно 30 млн, чтобы ввести в строй предприятие, которое могло бы покрыть потребности в этой продукции.

«Мне кажется, – писал я, – что очень желательны резкие решения, в том числе и персонального характера,

создание комиссии, которая расследует все и накажет виновных». К сожалению, этого сделано не было.

К этому же времени относится совещание, на которое были приглашены два главных в то время банкира: В.В. Геращенко, возглавлявший Центральный банк, и Ю.С. Московский – председатель правления Внешэкономбанка СССР. Мы все были встревожены тем, что начался отток валюты за границу.

– Неужели нельзя сделать так, чтобы вклады осуществлялись в ваши банки? – спросил я. – Нужно для этого установить, может быть, чуть больший процент, чем в зарубежных банках, дать государственную гарантию по востребованности и создать механизм, обеспечивающий быстрый перевод депозитов по желанию вкладчиков.

– Последнее сделать не можем, – отвечали банкиры. – У нас нет необходимых технических возможностей.

Но кто-нибудь об этом должен думать?

Май 1991 года. В записке на имя президента СССР я остро поставил вопрос о том, что, несмотря на меры по линии МВД и КГБ, резко возрастает число криминогенных проявлений в аэропорту Шереметьево, в том числе отмечается сращивание сотрудников правоохранительных органов с преступным миром. Предлагались конкретные меры по ликвидации «серьезного не только экономического, но и политического ущерба нашей стране».

Июнь 1991 года. По моему поручению в Западную группу войск вылетел консультант члена Совета безопасности Ю.А. Зубаков²⁴. Были установлены грубые нарушения при реализации имущества в связи с выводом советских войск из Германии, хищения валютных средств и другие злоупотребления.

Июль 1991 года. На имя президента СССР была направлена записка, подписанная не только мною, но и заместителями председателя Совета министров СССР В. Щербаковым, Ю. Маслюковым, С. Ситаряном, министром МВЭС К. Катушевым, в которой, в частности, под-

нимался важнейший вопрос о неминуемых тяжелых последствиях возрастающей финансовой зависимости СССР. Привлечение финансовых и товарных кредитов стало основным источником финансирования расходов по погашению задолженности и приобретению импортных товаров. Подчеркивалось, что это заметно повлияет на валютное положение страны в ближайшие годы, тем более что сокращалось производство, в частности, в сырьевых отраслях и, следовательно, уменьшался объем экспорта.

Опять напрашивается аналогия с положением в конце 90-х годов!

Список этот можно было бы продолжить.

Далеко не по всем поднятым вопросам были приняты решительные действия. Больше думали и спорили о стратегических направлениях изменений экономической системы в стране, меньше – о борьбе с коррупцией и экономической преступностью, которые уже тогда поднимали голову. Многие не понимали, что без этого не может быть перехода к цивилизованному рынку.

Целый ряд выявленных недостатков, ошибок, преступлений был характерен именно для периода, когда превалировала централизация, а предприятия не имели достаточной свободы действий. Это создавало совершенно иную экономическую ситуацию, не совпадающую с той, которая начала существовать в России в 90-х годах. Но тем не менее многое из того, что приходилось делать в то время, актуально и для сегодняшнего дня.

III. Запад не спешит помочь

Вообще, конечно, не приходилось рассчитывать на то, что нам радикально помогут извне обезболить или, во всяком случае, сократить трудности переходного периода.

Главное заключалось в нашей способности преодолеть эти трудности при отказе от административно-командной системы. Ждать второго «плана Маршалла» не приходилось. И все-таки...

Я сидел в своем кабинете в Кремле (раньше он принадлежал В.М. Молотову, затем Г.А. Алиеву) и обсуждал не помню уж какую проблему с моим старым, еще со времени совместной учебы в аспирантуре экономического факультета МГУ, испытанным другом академиком Степаном Арамаисовичем Ситаряном. Секретарша сказала, что пришел Г.А. Явлинский. Это была первая наша встреча.

Григорий Алексеевич рассказал, что получил приглашение принять участие в семинаре в Гарвардском университете, семинар этот – он уверен – будет иметь продолжение, речь идет о выработке конкретных мер экономической помощи Советскому Союзу, ее размер – он тоже в этом уверен – не менее 30 млрд долларов, но главное заключается в том, что помощь – целевая: каждая ее часть будет ответом на тот или иной наш шаг по пути реформ. Например, мы отпускаем цены – за этим следует товарная интервенция в СССР с Запада; мы делаем свой рубль конвертируемым – Западом создается стабилизационный фонд.

– Можете ли вы со мной подписать письмо о нашем согласии на такую схему? – спросил Явлинский. – Вторая моя просьба – устройте мне встречу с Горбачевым.

Я ответил утвердительно. На следующий день у меня на квартире мы отредактировали письмо – Григорий Алексеевич был искренне удивлен, что я, не согласовав ни с кем содержание этого письма, подписал его. Затем его принял Михаил Сергеевич.

Это было незадолго до поездки советской экономической делегации, которую мне поручили возглавить, в Соединенные Штаты. Много из нашего пребывания в США обросло сплетнями, домыслами. В действительности

вкратце дело обстояло так. Мы вместе с В.И. Щербаковым – в то время заместителем председателя правительства СССР – приехали в Вашингтон, чтобы разъяснить американскому руководству суть экономической политики нашего правительства. Горбачев попросил включить в делегацию и Явлинского. Американцы проявили к Григорию Алексеевичу особый интерес, настаивая, чтобы он был с нами не только у госсекретаря Бейкера, но и у президента Буша. Создавалось впечатление, что они хотели более выпукло показать наличие оппозиции вырабатываемому экономическому курсу в СССР и найти таким путем аргументы для оправдания своей «сдержанности» в поддержке этого «половинчатого» курса.

При всех разногласиях, нужно сказать, Явлинский в общем оставался в команде, хотя на встречах стремился демонстрировать «превосходство в интеллектуальном плане» над остальными членами делегации. Мы к этому относились в меру снисходительно.

После окончания официальных встреч 31 мая меня пригласил президент Буш на рабочий ланч. Присутствовал его помощник по вопросам национальной безопасности Скоукрофт и переводчик Афанасенко. Атмосфера была дружеской. Я сказал президенту, что он отлично выглядит. Это было хорошо воспринято, тем более что Буш незадолго до нашей встречи, будучи в Токио, потерял сознание во время приема. Питер Афанасенко позже рассказал, что один из наших генералов, принятый Бушем, начал разговор с ним со слов: «Вы что-то не очень сегодня хорошо выглядите, господин президент». Беседа, запланированная на полчаса, закончилась в пять минут.

Буш больше расспрашивал. Сам говорил о чем угодно, но без какой-либо конкретики. После ланча повел меня в «личный кабинет», где показал свою гордость – новый компьютер. Напечатал на нем письмо Горбачеву. Позвал свою секретаршу, попросив, по моей просьбе, снять копию для меня. Старая леди пробрюзжала: «Господин

президент должен был знать, что ему следовало нажать вот эту кнопку и сам компьютер выдаст необходимое число копий».

В общем, впечатлений было хоть отбавляй. Но никакого серьезного разговора об экономической поддержке наших реформ не было.

Фактически безрезультатно окончилась и столь многообещающая работа советско-американской группы в Бостоне. Во всяком случае, ни при каких условиях нам никто не предложил 30 млрд долларов. У участников группы – Аллисона, Явлинского и других – были разные объяснения неудачи. Но факт оставался фактом.

В это время я стал «шерпой» – так называют местных проводников – носильщиков, помогающих иностранцам взбираться на Гималайские вершины. По одному такому помощнику полагается и каждому главе государства, входящего в «семерку», а затем в «восьмерку». У нас, хоть мы в то время еще не были членами этого клуба, тоже появился «шерпа». В мои обязанности входили предварительные встречи с коллегами с целью подготовки саммита «семерки» в Лондоне. На 17 июля 1991 года была назначена встреча глав государств «семерки» с М.С. Горбачевым.

Я прибыл в Лондон раньше. Нужно было обговорить кое-какие детали с британским «шерпой», с которым условились встретиться после окончания заседания «семерки». Меня остановил полицейский в ожидании того, когда главы государств рассядутся по своим машинам. На пороге стояли Буш, Бейкер и другие. Площадь была пуста – журналисты, главным образом с телекамерами, сгрудились метрах в пятидесяти. Ближе их не подпускали. Вдруг президент Буш приветливо помахал рукой: «Примаков!» Я, естественно, подошел – пропустили. Рукопожатия, приветствия, вопросы – когда прибывает Горбачев? Бейкер, понизив голос, спросил, не привез ли я с собой тархуновой водки – он хорошо запомнил тот

напиток, которым нас потчевал Зураб Церетели на своей квартире в Москве. Я ответил, в шутку, что, если это будет способствовать успеху завтрашних переговоров с Горбачевым, достану тархуновую водку и в Лондоне.

Телевизионщики и фоторепортеры, не слыша, о чем мы говорили, активно снимали нас с расстояния. Через считанные минуты разнеслось: американское руководство что-то живо обсуждало с советским «шерпой».

– О чем это вы беседовали? – был первый вопрос, с которым ко мне обратился Горбачев на аэродроме, где я его встречал через пару часов.

На следующий день состоялся долгожданный разговор руководителей семи государств с президентом СССР. С советской стороны в зале были Горбачев и я. Остальные, в том числе В.И. Щербаков, С.А. Ситарян, министр иностранных дел А.А. Бессмертных, помощник президента А.С. Черняев, советник В.В. Загладин, были в другой комнате. Связаться с ними я мог по факсу, но воспользовался им единственный раз, передав, что обсуждение началось, – надо же было хоть как-то задействовать этот механизм после того, как мне долго объясняли, как им пользоваться.

Все главы государств заблаговременно получили послание Горбачева, в котором излагались основные направления предпринятых и предполагаемых действий по преобразованиям в стране – в экономике, развитии федерализма, вписывании в мировое хозяйство, создании условий для привлечения иностранных инвестиций. Явлинский позже резко критиковал это изложение. Не со всем был согласен и я, считая, что над посланием «семерке» могли бы поработать люди, более профессионально разбирающиеся не только в наших экономических делах, но лучше понимающие, какие направления наших реформ, их темпы, последовательность преобразований в наибольшей степени интересуют глав семи самых крупных индустриальных государств мира.

Горбачев выступил с разъяснениями в начале встречи, выступал и вторично, в конце, остановившись на некоторых аспектах реформирования в связи с вопросами, поставленными уже во время обсуждения. Но само это обсуждение со стороны глав «семерки» все-таки казалось запрограммированным заранее. Доброжелательность несомненная. Восторги в связи с завершением работы над Договором по СНВ и поздравления в этой связи Горбачеву и Бушу. Сопереживания тем трудностям, которые стоят на пути обновления в СССР, были высказаны практически всеми. Все отдавали должное роли Горбачева. Не было недостатка в хвалебных эпитетах. Но серьезного разговора о широкомасштабной экономической поддержке СССР не было, да он, судя по всему, и не предусматривался.

Я вел подробную запись, и вот что мне удалось «выудить» из всех выступлений по проблеме экономической помощи СССР.

«Дж. Мейджор. Мы полагаем, что в наибольшей степени в состоянии помочь вам на макроэкономическом уровне, оказывая консультативное содействие, а на микроэкономическом уровне – по некоторым конкретным направлениям, особенно в области энергетики. Но ключевое значение имеет общий инвестиционный климат. Помощь не может быть эффективной, если реформа не будет необратимой. Мы хотим помочь, осознавая в то же время, что главное бремя будете нести вы сами. Мы надеемся, что вы сможете плодотворно воспользоваться также помощью и содействием международных экономических организаций.

Дж. Буш. Энергичные усилия председателя Мейджора, его поездка в Москву, проведение там консультаций, а затем доклад “семерке” – это подход, который оставляет для *отдельных стран* достаточную гибкость для действий на *двустороннем уровне*.

Вопрос, который у меня возникает, касается распределения ответственности в рамках союзного договора. Наши эксперты подчеркивают необходимость четкого и детализированного решения этого вопроса. Я не без колебаний обращаю внимание на это – ведь мы не хотели бы, чтобы другие вмешивались в дела нашей федерации. Но данный вопрос важен с точки зрения капиталовложений. Предприниматели должны знать, с кем они имеют дело, например в плане налогообложения.

Перспективная сфера нашего сотрудничества с СССР – распределение продовольствия. Но и здесь, как подчеркивают наши эксперты, для того, чтобы оказать Советскому Союзу содействие, мы должны иметь четкое представление о распределении полномочий и ответственности внутри Союза.

Г. Коль. Было бы очень хорошо, если бы нам была предоставлена дополнительная конкретная информация о ваших проблемах и планах. Этому способствовало бы посещение Москвы нашими министрами финансов. В то же время необходимо отдавать себе отчет, что ни один из них не сидит на ящике с деньгами.

Хотелось бы иметь активную поддержку со стороны президента СССР предложениям по созданию западных консорциумов в области добычи нефти и газа, а также предложениям Международного энергетического агентства о содействии в усовершенствовании советских АЭС. Это связано с сохраняющимися опасениями после Чернобыльской аварии. Немцы хотели бы помочь в этом.

Ж. Делор (председатель Евросоюза). К сожалению, за последние полтора года кредиты иностранных банков Советскому Союзу сократились на 8 млрд долларов. Наверное, мы должны сегодня послать сигнал, который помог бы преодолеть это недоверие.

Мы пытаемся откликнуться на две ваши основные потребности. Во-первых, наполнение рынка, что важно для социального согласия и предотвращения социальной

напряженности в процессе оздоровления экономики. Вопрос состоит в том, как это сделать. Видимо, нужно стремиться лучше организовать этот процесс, чтобы помощь действительно поступала в нужный момент, давала эффект. И второе – техническая помощь, содействие в подготовке кадров, помощь в налаживании системы распределения продовольствия.

На Украине идет разговор о собственной валюте. Хочу подчеркнуть: без единой денежной системы невозможно разговаривать с МВФ и Всемирным банком, невозможно конвертировать рубль, а это важнейший шаг к рынку.

На финансовом уровне важное значение имеет внешняя платежеспособность. Верно, что Советский Союз выплачивает государственные долги. В то же время вам пришлось сократить закупки в Восточной Европе. Думаю, вам необходимо обсудить этот вопрос с министрами финансов, МВФ, дать информацию. Невозможно создать здоровую экономику без пространства для маневра.

Еще вопрос: есть ли связь между внешнеполитическими соображениями и сокращением вашего импорта из Польши, Чехословакии и т. д.? Мы могли бы подумать о механизме в целях восстановления ваших экономических связей с ними.

И, наконец, мы обсуждали с премьер-министром Павловым вопрос о том, чтобы кредит в 400 млн экю шел через единый союзно-республиканский механизм. Можете ли вы подтвердить, что этот механизм будет действовать и впредь? Для банка и других международных экономических институтов очень важно иметь дело с единым партнером, разумеется не слишком бюрократизированным.

Все эти вопросы важны для того, чтобы преодолеть дефицит уверенности.

Ф. Миттеран. Я полагаю, что наша помощь в оздоровлении экономики СССР действительно нужна. Какого рода помощь, какого рода гарантии и т. д. – все это нужно

конкретно уточнить. Вам необходимо вступить в члены международных экономических организаций. Это мощный канал консультативно-технической помощи. Плюс конкретная помощь по конкретным направлениям и проектам – в области энергетики, конверсии.

Есть четыре ведущие организации – МВФ, МБРР, ОЭСР, ЕБРР*. Я считаю, что ориентироваться надо прежде всего на них. Очень хорошая идея – пригласить в Москву министров финансов. Господин Мейджор имеет от всех нас мандат координатора.

Т. Кайфу. Хотел бы задать некоторые вопросы. В своем послании вы (М.С. Горбачев. – *Е.П.*) говорите, что необходимо избегать чрезмерного риска, указываете на трудности движения вперед. Однако полумеры в конечном счете обойдутся дороже. Как вы на это реагируете?

Второй вопрос касается финансово-бюджетного дефицита. Вы говорите, что пойдете на сокращение военных и других государственных расходов. Я приветствую это и считаю, что эти меры срочно необходимы. Однако в какие сроки вы намерены осуществить эти меры?

По таким вопросам, как бюджетная, налоговая, энергетическая политика и т. д., необходимо иметь большую ясность. Что касается двустороннего аспекта, то Япония готова оказать содействие и будет это делать, как я писал вам в своем послании.

Б. Малруни. Мы приветствуем акцент на частные капиталовложения. Весь вопрос в том, как привлечь частный капитал, чтобы он работал на удовлетворение растущих потребностей рынка. На днях я попросил приехать ко мне ведущих канадских политиков, предпринимателей. Я спросил их: что нужно, чтобы вы пошли на советский рынок? Ответ такой: во-первых, поли-

---

* Международный валютный фонд, Международный банк реконструкции и развития, Организация экономического сотрудничества и развития, Европейский банк реконструкции и развития.

тическая стабильность, ясность относительно юрисдикции над ресурсами; во-вторых, финансовая реформа, твердый рубль; в-третьих, реформа собственности, свобода предпринимательства.

Относительно рекомендаций. Я посоветовал бы г-ну Мейджору организовать поездки в Москву помимо министров финансов еще и министров, отвечающих за развитие малого бизнеса.

По двусторонней линии все здесь находящиеся согласны, что упор надо сделать на таких сферах, как продовольствие, энергетика, безопасность АЭС. У Канады имеется ряд конкретных соображений по техническому содействию в этих областях на двусторонней основе.

Дж. Андреотти. Я поддерживаю мысль о том, чтобы в Москву направились наши министры финансов с задачей разработать рамки для нового типа сотрудничества. Я не сомневаюсь, что сегодня поворотный день – отношения, прежде сфокусированные на военных проблемах, теперь переходят в экономическую плоскость. И в этой связи я хочу поддержать мысль о необходимости четкого распределения ответственности между Центром и республиками в СССР».

В некоторых выступлениях прозвучали интересные размышления по поводу происходящего в СССР и ценные предложения, не потерявшие своей злободневности. Приведу в этой связи слова президента Франции Миттерана:

«Я не советовал бы вам приватизировать все и вся. Суть в синтезе частного предпринимательства, конкуренции и в то же время роли государства. Во всех наших странах государство действует, различия – вопрос степени. Но есть нечто общее у нас – частная собственность и гарантии для иностранных владельцев, в том числе гарантии вывоза прибыли.

Мы не можем вам говорить: сделайте так или иначе. Надо уважать традиции Советского Союза. У вас в стране

есть традиции коллективной собственности. И вам надо найти средний путь. Что-то будет между нами общее, что-то нет. Но именно общее сделает вас восприимчивыми к помощи. За остальное несете ответственность вы сами, ответственность перед настоящим и перед будущим. Ресурсы вашей страны огромны, но вам не всегда удавалось приращивать богатство. Ваши главные технические достижения были в непродуктивных сферах, а система распределения продовольствия сделала ваше сельское хозяйство неэффективным».

Правда, в словах Б. Малруни прозвучали несколько иные нотки. В то же время были и весьма интересные замечания:

«В Америке фермер является владельцем земли, может передавать ее по наследству. Можете не сомневаться, если бы я отобрал землю в коллективную собственность, то производительность упала бы. Я понимаю ваши сложности, но все же ключ к рынку – частная собственность, а еще один ключевой фактор – правительство не может держать под контролем цены. Я понимаю, что для этого необходима психологическая перестройка.

И, разумеется, при этом на территории страны должна быть одна валюта, один центральный банк, инструменты фискальной и денежной политики в одних руках. И это не должно никем оспариваться, ибо это – инструменты создания равных экономических возможностей на территории всего государства».

Председательствующий Дж. Мейджор следующим образом резюмировал дискуссию, прежде чем выйти к изнемогавшей в ожидании прессе. По его словам, участники обсуждения договорились:

«Во-первых, о желательности предоставления Советскому Союзу особого ассоциированного статуса в международных экономических организациях в качестве шага к интеграции в эти структуры.

Во-вторых, как предложил президент Миттеран, мы просим все международные экономические организации наладить тесное сотрудничество с Советским Союзом и предоставлять ему консультативную и экспертную помощь в переходе к рыночной экономике.

В-третьих, мы намерены оказывать Советскому Союзу различную техническую помощь и интенсифицировать сотрудничество в осуществлении проектов в области энергетики, конверсии, продовольствия, транспорта.

В-четвертых, отдавая себе отчет в том, что, как отметил президент Горбачев, произошло разрушение экономических связей между Советским Союзом и его соседями, мы будем содействовать восстановлению этих связей, доступу на советский рынок товаров и услуг из этих стран.

В-пятых, вопрос о последующих действиях. Данная встреча не является одноразовым событием. Это начало процесса. Поэтому мы создадим своего рода механизм, в рамках которого председатель от имени “семерки” будет поддерживать тесный контакт с советской стороной. При этом участники считают целесообразным, чтобы до конца года я в качестве председателя посетил Советский Союз и затем доложил “семерке” о том, как идут дела. В будущем году эту функцию будет выполнять канцлер Коль.

И наконец, мы договорились о том, что в нынешнем году наши министры финансов и малого бизнеса посетят Советский Союз и обсудят конкретные вопросы, связанные с экономическими преобразованиями в СССР и нашим содействием Советскому Союзу в процессе его полной интеграции в мировое сообщество».

Все главы государств утвердили этот перечень в качестве итогов «исторической» первой встречи «семерки» с главой Советского государства.

Было совершенно ясно, что Запад не собирался спешить поддержать СССР. Может быть, уже имелась информация о чем-то готовившемся наподобие ГКЧП –

встреча в Лондоне действительно была накануне путча. Но, скорее всего, все-таки сказалась неготовность и нежелание Запада помочь «подняться» Советскому Союзу, войти *на равных* в мировое сообщество. Это была грубая ошибка.

19 августа 1991 года произошел путч. Я находился в это время с внуком Женей в санатории «Южный» километрах в восьми–десяти от дачи в Форосе, где отдыхал Горбачев с семьей. Со мной вместе в этом санатории были Р.Н. Нишанов, П.К. Лучинский, бывший в то время секретарем ЦК, министр внутренних дел Б.К. Пуго с женой Валентиной и другие. Здесь же жили помощники президента А.С. Черняев и Г.Х. Шахназаров, которые ежедневно ездили к Горбачеву.

В воздухе пахло грозой. 17-го вечером мы с Шахназаровым прогуливались по территории санатория и говорили о том, что предстоящее через несколько дней в Огареве (под Москвой) подписание уже готового Союзного договора, предоставлявшего большие права республикам, может быть сорвано просто потому, что его активных сторонников арестуют.

Прошло уже две недели, как я находился вблизи Фороса, но Михаил Сергеевич ни разу мне не позвонил. Год назад при том же расположении – в Форосе он, в санатории я – все было по-другому. Что случилось? Толя Черняев, чувствуя какую-то неловкость, тем более что Горбачев по несколько раз на день говорил с Нишановым, Лучинским, Пуго, уверял меня, что «шеф собирается пригласить перед отъездом». Скажу честно, мне такая «пауза» в отношениях – я не нахожу ей объяснения по сей день – не мешала прекрасно отдыхать. 16-го чета Пуго, с которыми я был в очень хороших отношениях, мой старый приятель Лучинский и я были приглашены председателем Крымского облисполкома Багровым в горы. В горах мы все отравились, думаю, что съели арбуз с нитратной начинкой. Когда 18-го Пуго с женой, еще далеко

не оправившись, вылетали в Москву, я сказал ему: «Борис, куда торопишься, побудь еще несколько дней!» Улыбнувшись, он ответил: «Не могу, нужно быть в Москве» – и больше ни слова.

18 августа, во второй половине дня, у меня и других отдохавших в санатории «ответственных работников» перестали работать телефоны спецсвязи и городской. На недоуменные вопросы разъяснили, что произошла поломка, починят. Не придавая случившемуся значения, поехал на ужин к только что прибывшему на отдых моему другу – в другой санаторий. Вернулся поздно.

В 7 утра 19 августа меня разбудил встревоженный до нельзя голос: «Быстро включайте телевизор!» Передавали обращение ГКЧП. Тут же запросил срочно билеты на самолет в Москву. После первого ответа, что постараются, но все билеты уже проданы, сказал: «Как депутат Верховного Совета имею право полететь первым же самолетом».

Вылетели днем – я с внуком вместе с ребятами из охраны. Проводили со всеми «почестями» – впереди до аэродрома шла автомашина ГАИ, а замыкала кортеж «Волга» «девятки»*. С аэродрома позвонили в Москву секретарше. Она передала моим друзьям, и меня встретили В.И. Бураковский, Н.В. Шишлин, В.А. Кузнецов, А.Н. Медведев и другие. Был рад этому – информации мало, ничего не следовало исключать: например, арестовывают в аэропорту, а я с внуком. Но все оказалось абсолютно спокойно.

Поехали ко мне домой. На улице Щусева**, недалеко от дома, где я жил, стоял танк. Очевидно, прикрывал

---

* Девятое управление КГБ занималось охраной руководящего состава государства.

** Название улиц дается на момент описываемых событий – позже им вернули (по-моему, не во всех случаях оправданно) старомосковские названия.

«с тыла» студию грамзаписи на параллельной улице Качалова²⁵. Один из моих помощников, побеседовав с офицером-танкистом, сказал мне: «Да они выпившие!» Дома к нам присоединился Л.А. Оников, а ночью ко мне зашел живший со мной в одном доме А.С. Дзасохов. Все были единодушны в оценке: ГКЧП – заговор обреченных. Поспорил с Колей Шишлиным. Он отводил путчистам два-три дня, я – на два дня больше.

На следующий день в 8 утра поехал в Кремль. Пропустили, как всегда, без задержки. Через полчаса зашел к Г. Янаеву, кабинет которого находился метрах в тридцати от моего. Спросил:

– Ты что, в своем уме?

Янаев был растерян.

– Если бы отказался, как тогда в апреле (?!), – ответил он, – то... – и выразительно указательным пальцем постучал по лбу. – Что делать сейчас?

– Пойди и выступи по телевидению, отказавшись от ГКЧП.

– Женя, поверь, все уладится. Михаил Сергеевич вернется, и мы будем работать вместе.

– Что-то не верится. Нужно немедленно убрать танки с улиц Москвы, – сказал я.

Создалось впечатление – да так и было на самом деле, – что Янаев, объявленный ГКЧП исполняющим обязанности президента, то есть первым лицом в государстве, был далеко не «первой скрипкой» заговора и искренне хотел, чтобы все случившееся оказалось дурным сном. Может быть, ему становилось легче от постоянного в то время общения с бутылкой?

Николай Шишлин в споре со мной оказался прав. Путчисты не продержались и трех дней.

Подробно говорить о том, как это произошло, нет смысла – основные события хорошо известны. Сорвать заговор удалось только потому, что страна уже стала дру-

гой. Заслуга в первую очередь принадлежала населению Москвы, Ленинграда, России. Большую роль сыграло личное мужество Ельцина. Проявилась, к счастью, и полная бездарность руководителей путча.

Закончился период, в котором существовали «диссиденты в системе», и теперь система становилась другой, и диссиденты появились иные...

В СЛУЖБЕ ВНЕШНЕЙ РАЗВЕДКИ

I. Пошел в разведку

Случайно и неслучайно

Через некоторое время после подавления путча моя судьба вновь изменилась – стал главой внешней разведки сначала Советского Союза, а после распада СССР – России. Можно ли считать это случайностью? И да, и нет.

Инициатором моего перехода в разведку был В. Бакатин. Вместе с ним я работал в составе Совета безопасности. Оба выступили против переворота, устроенного ГКЧП. 20 августа утром ко мне приехал А.И. Вольский – руководитель влиятельного Промышленного союза, бывший помощник Ю.В. Андропова и мой старый добрый товарищ. Настроения в отношении путча у нас были одинаковыми. Вольский подал идею мне вместе с Бакатиным выступить с заявлением. Тут же договорились с Вадимом, и в 11.30 по каналам Интерфакса, а затем многократно по радио «Эхо Москвы» было передано за нашими двумя подписями следующее:

«Считаем антиконституционным введение чрезвычайного положения и передачу власти в стране группе лиц. По имеющимся у нас данным, президент СССР М.С. Горбачев здоров.

Ответственность, лежащая на нас как на членах Совета безопасности, обязывает потребовать незамедлительно вывести с улиц городов бронетехнику, сделать все, чтобы

не допустить кровопролития. Мы также требуем гарантировать личную безопасность М.С. Горбачева, дать возможность ему незамедлительно выступить публично».

21 августа давали пресс-конференцию в помещении Промышленного союза, когда туда позвонил И. Силаев – председатель Совета министров РСФСР – и спросил, согласны ли мы с Бакатиным полететь вместе с российской группой в Форос. Сразу же ответили утвердительно, но все-таки я решил спросить по телефону мнение Б.Н. Ельцина. Он без всяких колебаний подтвердил предложение Силаева.

Нужно было спешить. В Крым уже вылетела группа, принимавшая участие в ГКЧП, и некоторые считали, что они могут посадить на борт Горбачева и увезти в неизвестном направлении. Сразу же выехали на аэродром Внуково-1. По дороге миновали уходящие из Москвы танки – поступил приказ из Министерства обороны, фактически означавший конец попыток заговорщиков решить вопрос силой. Дорога повреждена, грязь, машины заносило. В первой ехали В. Бакатин и Н. Столяров*, во второй – я. Уже «под парами» стоял Ту-134. Нас окружили кольцом офицеры, потому что самолет штурмовала группа корреспондентов, которые требовали взять и их, но из переполненного самолета пришлось даже высадить несколько охранников.

На борту уже были И. Силаев, А. Руцкой, Н. Федоров, министр юстиции РСФСР, и группа омовцев, в гражданской одежде, с автоматами. С нами также летели поверенный в делах Франции, несколько иностранных журналистов, корреспонденты «Известий», «Комсомольской правды», телевидения.

В самолете я предложил сделать старшим А. Руцкого. Во-первых, он единственный из нас был военным.

---

* Н. Столяров – депутат Госдумы, генерал-майор авиации, политический и общественный деятель, придерживающийся демократических взглядов.

Во-вторых, под мышкой у него на ремне висела кобура со стечкиным. В-третьих, слишком много было претендующих на начальство.

Поднялись в воздух и не знали, куда садиться. Нам сообщили, что база «Бальбек», находящаяся вблизи дачи Горбачева в Форосе, не принимает – на летную полосу выкатили самолет. Позже узнали, что командующий Черноморским флотом дал команду сбить нас на подлете, а когда все-таки расчистили посадочную полосу и разрешили посадку на «Бальбек» – стрелять на поражение. Но обо всем этом узнали позже. А в самолете Руцкой распорядился: «Первые высадутся автоматчики, они образуют каре, внутри которого расположимся мы».

На военной базе «Бальбек», куда приземлились часов в восемь вечера, было подозрительно тихо. Ни души. К этому моменту Горбачеву – это тоже выяснилось позже – восстановили связь, и он дал команду о беспрепятственной посадке нашего самолета. Сразу же на двух машинах Силаев, Руцкой, Бакатин и я (по два автоматчика сидели рядом с водителями) выехали в Форос на так называемый объект «Заря». Горбачев и его семья были рады встрече. В Москву вернулись вместе.

Через несколько дней, по согласованию Горбачева и Ельцина, Бакатин стал председателем КГБ. Спустя некоторое время он мне и предложил, как я уже писал, возглавить внешнюю разведку – причем тогда уже было достоверно известно, что она выделяется в самостоятельную службу.

Вначале я настолько не был готов к такой крутой перемене в своей жизни, что вообще несерьезно отнесся к этому предложению. Начисто забыл о нем во время сентябрьской поездки по Ближнему Востоку, куда полетел с большой группой представителей союзных и российских органов власти, дабы получить столь необходимые стране кредиты. Нам тогда это неплохо удалось сделать – сумма полученных только несвязанных займов составила более трех миллиардов долларов.

Прилетел в Москву окрыленный успехом. Во время поездок в Саудовскую Аравию, Кувейт, Объединенные Арабские Эмираты, Египет, Иран, Турцию в полной мере использовал и свои связи, но главное, конечно, было не в них, а в высоком авторитете нашей страны в арабском мире. Однако для личного доклада меня никто не вызывал. Позвонил по телефону Горбачев и, не спросив ни слова о результатах поездки, предложил в условиях ликвидации Совета безопасности стать его советником по внешнеэкономическим вопросам. Я понимал, что мне «подыскивается место». Может быть, сказала в какой-то степени и обида – предложение делалось как бы мимоходом, по телефону. Так или иначе, я ответил:

– Михаил Сергеевич, мне как-то уже надоело советовать.

– Тогда соглашайся на работу руководителем разведки, мне Бакатин говорил об этом.

– Хорошо, – с ходу ответил я.

Прошло несколько дней – никто не возвращался к этой теме. Бакатин позже мне объяснил причину. Тогда уже ни одно назначение на сколько-нибудь крупный государственный пост не проходило без Б. Ельцина, который отдыхал на юге. Бакатин позвонил ему – Ельцин вначале колебался, но, по словам Вадима, он его уговорил.

Борис Николаевич к этому времени знал меня неплохо. Будучи председателем Совета Союза, я отвечал за международную деятельность Верховного Совета. Он контактировал со мной в связи со своими зарубежными поездками в качестве депутата. Однажды, например, я передал Борису Николаевичу, что его поездку в Бонн хотят использовать в антигорбачевских целях.

– Откуда вам это известно? – последовал вопрос.

– Об этом написал в телеграмме наш посол, могу вам показать.

– Не надо, – ответил Ельцин. – Я не поеду.

Я был искренне против противопоставления или, точнее, «сталкивания лбами» Горбачева и Ельцина. А это делали многие, причем с обеих сторон, и не думаю, что за этим стояли в тот период «идеологические мотивы». Исходя из убеждения в контрпродуктивности для страны противостояния Горбачев – Ельцин я выступил перед Межрегиональной группой, созданной в Верховном Совете, к которой принадлежал Борис Николаевич. Выступил и на Верховном Совете РСФСР. Поводом были слухи о том, что на союзном уровне сопротивляются созданию Российского телевидения. Это не соответствовало действительности. Пришел к Ельцину и попросил предоставить мне слово на сессии руководимого им российского парламента. Находясь на трибуне, сказал: «Хватит наводить тень на плетень».

Говорил о необходимости налаживания отношений между двумя лидерами и Г. Бурбулису, в то время очень близкому Ельцину человеку, когда он однажды зашел ко мне в Кремль, где находился кабинет председателя Совета Союза.

У меня не было никаких оснований считать, что Борис Николаевич ко мне относится негативно, но причину его колебаний в связи с назначением руководителем внешней разведки я понимал – был в «команде Горбачева», не принадлежал к окружению Ельцина, а в то время на ведущие посты расставлялись люди, которые работали с ним раньше.

Так как разведка еще не была выведена из состава КГБ, меня назначили начальником ПГУ²⁷ – первым заместителем председателя КГБ. От генеральского звания отказался и нисколько в последующем не жалел об этом. Это было хорошо оценено и в коллективе, где оперативные работники много лет дослуживались до высших офицерских званий. Да и вообще, стал бы генералом, никто бы не вспомнил, что я академик.

Через месяц после назначения разведку выделили из Комитета госбезопасности, и она стала называться Центральной службой разведки (ЦСР). Так что пробыл первым заместителем председателя КГБ один месяц, но это отнюдь не мешает во всех моих биографических справках, опубликованных на Западе да и у нас, «жирно» подчеркивать этот период моей «карьеры».

После ликвидации союзных органов власти вышел указ Б.Н. Ельцина о создании на базе ЦСР Службы внешней разведки Российской Федерации (СВР). Сразу же позвонил Борису Николаевичу и задал далеко не праздный для меня вопрос: кто будет осуществлять этот указ?

– Это не телефонный разговор, – ответил он. – Приходите, поговорим.

В назначенный срок был на Старой площади. Тогда кабинет Б. Ельцина находился там.

– Я вам доверяю, пусть у вас не будет на этот счет сомнений, но в коллективе к вам относятся очень по-разному.

– Знаете, Борис Николаевич, если б вы сказали, что не доверяете, разговор, естественно, на этом бы и закончился. Ни главе государства не нужен такой руководитель разведки, которому он не верит, ни службе, да и мне самому это абсолютно не нужно. Но меня задело то, что вас информировали о плохом отношении ко мне в самой разведке. Признаюсь, я этого не чувствую, но нельзя исключить, что ошибаюсь.

– Хорошо, я встречу с вашими заместителями.

– Некоторых уже назначил я сам. Картина будет активной, если вы встретитесь со всем руководством – это 40–50 человек.

– Заезжайте завтра в 10 утра и вместе поедем к вам в «Ясенево».

В 10.40 в моем кабинете собрались руководители всех подразделений СВР.

Президент Ельцин в «Ясенева»

Глава государства впервые за всю историю приехал в разведку. Причину приезда узнали не заранее, а от самого Ельцина. Повторив, что он не имеет никаких оснований для недоверия, даже заметив, что «Примаков – один из немногих в Политбюро, которые не делали мне гадостей», Ельцин сказал: «Вы, разведчики, – смелые люди, поэтому я жду откровенных оценок вашего руководителя». Выступило 12 человек, и все без исключения в пользу моего назначения директором СВР. Борис Николаевич достал из кожаной папки и тут же подписал указ, добавив: «У меня был заготовлен указ и на другого человека, но теперь его фамилии я не назову».

Провожая президента, в лифте я сказал:

– Вы сняли огромный груз с моих плеч, назначив меня через такую процедуру.

– А я тоже кое-что понял, – ответил Ельцин.

Ни к источникам его информации обо мне, ни к фигуре альтернативного кандидата мы никогда не возвращались.

Итак, я – директор СВР. К неслучайным мотивам такой перемены в моей судьбе я бы отнес всю свою предшествовавшую работу, которая была связана так или иначе и с международной тематикой, и с аналитикой. Сказалось и другое. И будучи корреспондентом «Правды», и работая в академических институтах, я выполнял ряд заданий государственного руководства – таких, например, как миссия по мирному урегулированию между Багдадом и курдами. С 1966 по 1970 год включительно осуществил с этой целью целый ряд поездок на север Ирака, где имел многочисленные беседы с курдским лидером Муллою Мустафой Барзани. В Багдаде контактировал с отвечавшим за отношения с курдами Саддамом Хусейном (тогда он лишь входил в руководящее ядро, но

не занимал в нем лидирующей позиции), с Тариком Азизом, тогдашним главным редактором баасистской газеты «Ас-Савра». Встречался в Судане сразу же после его прихода к власти с генералом Нимейри. В Сирии был первым из иностранцев, кто увиделся с левобаасистскими руководителями, совершившими переворот в Дамаске в феврале 1966 года. Среди них был и Хафез Асад.

Уже будучи заместителем директора ИМЭМО, в 1971 году, после смерти Насера, я был специально направлен Центральным комитетом в Египет для того, чтобы изучить обстановку.

На самолете султана Омана²⁶ вылетел из Иордании в Маскат, где состоялась конфиденциальная договоренность об установлении дипломатических отношений СССР с этой страной. Несколько раз имел абсолютно закрытые встречи с израильскими руководителями с целью прозондировать возможность мирного урегулирования с арабами.

Воспоминания о каждой из поездок мне очень дороги. Хотелось бы когда-нибудь написать о них подробно. Но здесь я лишь перечислил эти миссии, чтобы подчеркнуть — они осуществлялись по решениям Политбюро или секретариата ЦК, в которых, как правило, меры безопасности и связь поручали КГБ. Слухи, которые мусолили некоторые авторы на Западе и которые охотно перепечатывал ряд газет в России, о том, что я чуть ли не сызмальства был сотрудником КГБ, не стоят, как говорится, и выеденного яйца. Один из американских политологов, А. Коэн, который вообще в своих письменах уделяет мне большое внимание, в издании Фонда «Наследие» договорился даже до того, что КГБ меня обучил языкам и чуть ли не дал образование²⁸.

Между тем многих работников в ПГУ я знал лично. Например, первым заместителем начальника был Вадим Алексеевич Кирпиченко. С ним и с его женой Лерой вместе учились в Институте востоковедения, а потом дружили

и дружим многие годы. В момент моего прихода Вадим Алексеевич уже подал в отставку, но я его попросил остаться и возглавить группу консультантов. Это было далеко не формальным назначением, советовался с ним, когда входил в совершенно новую для себя сферу деятельности. Кстати, этот заслуженный генерал, прошедший большую жизнь, начиная с участия в Великой Отечественной войне рядовым солдатом и кончая одним из руководителей внешней разведки, был оставлен на действительной службе, несмотря на все возрастные ограничения. И это еще раз доказывало: возраст – категория относительная. Одни могут быть стариками в 40–50 лет, другие – молодыми за семьдесят.

Вадим Алексеевич человек феноменальный. Кажется, что на него никак не накладывается отпечаток прожитых лет – блестящая память, жизнерадостность, остроумие, хорошее перо, быстрая реакция, завидная работоспособность, огромный опыт, безграничная преданность тому делу, которому он посвятил жизнь. Тесное общение с Кирпиченко очень помогло мне особенно на первых порах.

Со многими разведчиками, создавшими себе настоящие, незабываемые имена в службе и уже ушедшими в отставку, связывали меня давние товарищеские отношения. Назову среди них А.С. Воскобая, Я.П. Медяника, Ю.И. Попова, Б.А. Соломатина, В.Н. Федорова, В.Н. Спольникова, С.М. Голубева, Д.И. Якушкина и многих других. Для меня имела огромное значение их однозначная поддержка как бы со стороны, но несомненно, не со стороны в традиционном понимании этого слова – ведь у каждого из них было не только имя, но и многочисленные друзья, соратники, ученики в разведке. Некоторых из них, к огромному сожалению, уже нет в живых.

В разведке на весьма важном участке в это время работал мой старый приятель по Бейруту, а потом я его встретил в Афганистане, где он был уже представителем КГБ, В.П. Зайцев. Я видел в нем человека, всегда готового

поддержать, и ни разу в этом не ошибся. Вместе вспоминали, как во время гражданской войны в Ливане в 1976 году я должен был встретиться с руководителем маронитского лагеря Шамуном, с которым был знаком до этого, чтобы передать ему «сигнал» о готовности Москвы сыграть посредническую роль в прекращении кровопролития. Шамун находился в президентском дворце за чертой Бейрута. От советского посольства нужно было обязательно проехать по участку, где шли бои – на параллельных улицах Абу-Румана и Шиях расположились обстреливающие друг друга христиане и мусульмане. Наш посол Солдатов предложил взять его машину и ехать под флагом. Предложение отвергли, так как, по общему мнению, оно не обеспечивало, а, наоборот, ослабляло безопасность.

Нам повезло. Когда проезжали на двух машинах (со мной были И.П. Беляев и К.Е. Гейвандов, с которым дружу со студенческой скамьи, а за рулем второй, сопровождавшей машины сидел В.П. Зайцев), не прозвучало ни одного выстрела – на счастье, вроде в очередной раз договорились ну если не о прекращении огня, то о паузе. Приехав во дворец, решили отпустить машину сопровождения. Как только вошли в кабинет к Шамуну, раздался телефонный звонок. Ему сообщили, что только что христианская сторона расстреляла в порту более ста мусульман за то, что накануне в горах убили пять христианских юношей. И тут началось. Назад еле добрались. А выехавшую от нас ранее машину Зайцева расстреливали в упор. Он чудом остался почти невредим – пуля попала в запасное колесо в багажнике и по касательной поцарапало спину. А другому товарищу, сотруднику разведки, перебило позвоночник...

Забегая вперед, скажу, что, как только начался югославский кризис, направил генерала Зайцева на один из самых ответственных в то время участков – представителем СВР в Белград.

Из действовавших заместителей начальника ПГУ я хорошо знал и превосходно относился к Вячеславу Ивановичу Гургенову, который в качестве советника сопровождал меня в поездках в Ирак и другие страны во время кризиса в зоне Персидского залива. Я очень благодарен этому, так рано ушедшему (в 1994 г.) из жизни, светлому, прекрасному, высокоэрудированному человеку за то, что он во многом мне помог, в том числе познать все формальности вступления в новую должность.

Заместителем, руководившим подразделениями научно-технической разведки, был и оставался весь срок моего пребывания в СВР многоопытный Алексей Анатольевич Щербаков. Его подчиненные срабатывали отлично, очень результативно, но появилась тенденция некоторой обособленности этих подразделений внутри ПГУ. Во время одной из первых бесед мы договорились с Алексеем Анатольевичем, что будем активно противодействовать этой тенденции с тем, чтобы разведка была единым коллективом.

Смена кадров в руководстве разведкой не была и не могла быть самоцелью, если руководствуешься соображениями не разрушения, а созидания. На меня в этом плане нисколько не действовали ни отдельные, по-видимому заказные, статьи, появившиеся в средствах массовой информации, ни «нравоучения» некоторых бывших работников КГБ, в том числе небезызвестного О. Калугина, который пытался отдать на алтарь перестройки разведки весь свой «богатый опыт и знания». Советами Калугина, например «отдалиться от Кирпиченко», я, естественно, пренебрег. Знал к этому времени и об отношении к Калугину в коллективе, в том числе со стороны некогда близких ему людей. В то же время жил собственным умом и руководствовался теми соображениями, с которыми пришел в СВР.

Среди заместителей и начальников отделов, а затем управлений были проведены некоторые замены, но они носили ординарный, обычный характер.

Однако к ординарным не относилось назначение первого заместителя. Перед выделением внешней разведки в самостоятельное ведомство первым заместителем начальника ПГУ Л. Шебаршина без всякого согласования с ним был назначен сотрудник другого главка КГБ. Шебаршин в своих книгах и интервью не называл его фамилии, видимо, ничего не имел против этого человека лично, но тем не менее ушел в отставку, будучи возмущен способом, формой назначения.

Я понимал, что на посту моего первого заместителя нужен высокий профессионал, пользующийся несомненной поддержкой в коллективе, человек, которому полностью доверяю, а при создавшейся ситуации он должен быть обязательно «своим» в самой разведке.

Сразу же после своего прихода в разведку пригласил бывшего руководителя ПГУ Шебаршина и предложил Леониду Владимировичу вернуться в разведку ко мне первым замом или хотя бы консультантом. Считал, что это никак не ущемляет его достоинства: будучи при нем главным управлением, разведка превратилась в самостоятельное ведомство. О моем отношении к Шебаршину он, возможно, знал. Я был инициатором назначения его в августе 1991 года на пост председателя КГБ, в кресле которого, естественно не по моей вине, он просидел всего один день. Но Шебаршин, к моему сожалению, предложение вернуться не принял. Подумав, я пришел к выводу, что, находясь на его месте, мне тоже трудно было бы согласиться.

Мне с самого начала понравился полковник Владимир Михайлович Рожков, назначение которого первым заместителем и стало причиной отставки Шебаршина. Да и дальнейшая совместная работа убедила в его высоких профессиональных и человеческих качествах. Уверен, что он не рвался на руководящую должность в ПГУ – ему просто не повезло, так как попал в водоворот событий. Однако проблему все-таки следовало решить и с

учетом произошедшей коллизии, вызвавшей негативный отклик в коллективе, и проводимой реорганизации в условиях становления внешней разведки как самостоятельного ведомства. Объяснил Рожкову, что хотел бы переместить его с поста первого заместителя на пост просто заместителя. Владимир Михайлович сразу же, даже, как мне показалось, с облегчением согласился и ни разу впоследствии ни одним намеком не показывал своего недовольства. Через несколько лет он выехал на ответственную работу «открытым» представителем СВР в Бонн, где, к огромному нашему сожалению, в 1996 году скоропостижно скончался. Смерть этого скромного, трудолюбивого, преданного делу товарища вызвала чувство большой скорби в СВР. Добавлю, что к моменту своей смерти В.М. Рожков был уже генерал-лейтенантом.

Вообще, одной из специфических черт нашей разведки, очевидно, было и остается отсутствие фанаберии, отторжения всего «не своего». Конечно, существует кастовость – этого отрицать не следует. Но наряду с этим, именно наряду, проявляется, возможно не сразу, а после того, как достаточно присмотрелись к вновь пришедшему, доброе отношение к нему. Такая абсорбирующая способность разведки проявилась через некоторое время не только в отношении В.М. Рожкова, но и тогда, когда на должность заместителя директора СВР был назначен бывший министр внутренних дел Российской Федерации генерал армии В.Ф. Ерин. Мне сказали, что он сам просился в СВР – видимо, чувствовал, что ему будет легче вжиться в коллектив у нас, чем в некоторых других структурах, где бы он мог применить свои силы и знания. Вскоре этот трудолюбивый, доброжелательный и скромный человек (а ведь тогда он был единственным в СВР в таком наивысшем воинском звании, которое через несколько лет после этого получил В.И. Трубников) стал органичной частью руководящего ядра СВР.

Но все-таки – кому предложить работать первым заместителем?

Сразу же после перехода в разведку мне не раз по службе приходилось иметь дело с Вячеславом Ивановичем Трубниковым. Начальника ведущего в политической разведке первого отдела, занимавшегося Соединенными Штатами, отличали эрудиция, широкий кругозор – индолог по образованию, он стал прекрасным американистом, – интеллигентность, добропорядочность (ни разу не слышал от него недобрых слов о своих подчиненных, даже когда они не оказывались на должной высоте, хотя знал о его требовательности к ним), высокий профессионализм Трубникова не вызывали никаких вопросов. Он безукоризненно прошел путь от рядового оперработника до резидента в одной из крупных стран. Характерно, что его назначение первым заместителем директора СВР прямо с поста начальника отдела не породило никакого недовольства среди моих замов и было положительно воспринято в СВР в целом. В дальнейшем работал с ним рука об руку, а когда уходил из СВР, не было никаких сомнений в том, что он – наиболее подходящая фигура на пост директора, и с моей рекомендацией полностью согласился президент, который к тому времени уже хорошо знал Трубникова и прекрасно относился к нему.

Хотелось бы ответить авторам ряда статей о «своеобразном разделении функций» между мной – «политическим назначенцем» и профессионалом – первым заместителем. Мне, дескать, отвели функцию общего управления, связи с политическим руководством страны, а под началом первого заместителя оставалась вся оперативная деятельность СВР. Будучи глубоким, умным человеком, Вячеслав Иванович никогда не ориентировался на такое разделение ролей. В то же время по своей натуре я никогда не мог бы оставаться руководителем, если бы не занимался «профильными» сторонами деятельности того учреждения, где работал. На должность «зиц-председателя» я вообще не годился.

В. Кирпиченко, В. Гургенов, В. Трубников, многие другие плавно вводили меня в курс повседневной деятельности подразделений разведки.

В ПГУ я привел с собой только двух сотрудников – Роберта Вартановича Маркаряна, моего неизменного помощника в течение многих лет. Я сблизился с этим незаурядным человеком, организованным, понимающим меня с полуслова и оказывающим большую разностороннюю помощь. Вторым помощником пригласил в ПГУ Юрия Антоновича Зубакова. Во время его работы консультантом в Президентском совете и Совете безопасности я успел оценить превосходные рабочие и человеческие качества Зубакова и был очень рад, когда он дал согласие на мое предложение. Контр-адмирал (через несколько лет в СВР Зубаков стал вице-адмиралом), военный контрразведчик, он пришел в ПГУ не совсем «со стороны». Когда я увидел, что Зубаков, как и Маркарян, хорошо принят сотрудниками разведки и у него нет никаких проблем с адаптацией по служебной линии, я решил обратиться к Б.Н. Ельцину с предложением назначить Юрия Антоновича заместителем директора СВР по кадрам – все заместители директора внешней разведки назначаются указами президента.

Предшественник Зубакова был, как мне говорили, хорошим оперативным работником. Так оказалось и впоследствии, когда он с успехом работал на других ответственных участках и постах, но мое решение назначить на эту весьма важную должность в СВР Юрия Антоновича укрепилось после того, как мне на какой-то момент показалось, что его предшественник не очень хочет вовлекать директора в детали кадровой политики. Может быть, он искренне руководствовался стремлением «разгрузить» меня, но и в таком случае это было неприемлемо.

Размышления, которыми со мной делились мои старые друзья и новые товарищи, сама объективная дейст-

вительность, с которой столкнулся, заставляли думать о многих проблемах разведки, в первую очередь о ее назначении в принципиально новых условиях. Не было никакого сомнения, что внешняя разведка должна сохраниться как важнейший государственный механизм, и, естественно, свою миссию ее начальника я видел прежде всего в укреплении этого механизма. С этой мыслью пришел в разведку и еще больше утвердился в ней, переступив порог службы. И не только утвердился, но и почувствовал, понял, что следует действовать незамедлительно.

В СВР сосредоточен цвет офицерского корпуса. В большинстве это интеллигентные, образованные люди, многие из них знают несколько иностранных языков, государственники по своему призванию и профессии. В то же время ряд сотрудников был дезориентирован происходящими переменами, в том числе и разделением на части Комитета государственной безопасности, в котором прослужили уже не один год, а некоторые – и не один десяток лет.

Не хочу противопоставлять ПГУ остальным подразделениям КГБ – большинство сотрудников комитета тоже профессионалы, честные, патриотично настроенные офицеры. Но ПГУ как-то выделялось, стояло чуть-чуть особняком, в том числе по своим функциям. Это проявлялось не только в том, что успехи у ПГУ были, возможно, даже несколько большими, чем у некоторых других главных управлений, во всяком случае осязаемее. Но и ключевые кадры в руководстве КГБ тоже, особенно при В.А. Крючкове, рекрутировались из ПГУ.

И ПГУ по всем показателям должно было стать далеко не первым объектом, подвергшимся жесткой критике. Однако новое руководство КГБ начало пренебрежительно высказываться о работе Первого главного управления.

К Вадиму Бакатину я отношусь хорошо. Считаю его честным и порядочным человеком, в чем открыто расхо-

дился со своими новыми коллегами в руководстве ПГУ. Кстати, он искренне, хоть и наивно, думал, что, передавая США, с согласия руководства, схемы прослушивающих устройств, заложенных в бетонированные плиты здания их нового посольства в Москве, получит в ответ американские схемы и все это послужит установлению новых отношений. Но американские партнеры ограничились благодарностью.

Между тем американцы могли бы продемонстрировать в ответ «жест доброй воли». При желании им было бы нетрудно это сделать. Во время постройки нового комплекса нашего посольства в Вашингтоне в первой очереди здания – жилом доме и poste дежурного – было выявлено в квартирах и помещениях пять типов систем подслушивания с десятками микрофонов. В результате поисковых работ, проведенных по второй очереди – административное и представительское здания, помещение поста дежурных комендантов, – бригадами Центра было обнаружено полторы сотни микрофонов и датчиков, принадлежащих к различным системам прослушивания. В 19-этажном 256-квартирном жилом здании постпредства при ООН в Нью-Йорке были тоже найдены многочисленные системы прослушивания²⁹.

Причем на пресс-конференциях и в средствах массовой информации по оперативным соображениям сообщалось лишь о части выявленных систем. Следовательно, американцам было что «отдать», но спецслужбы США ограничились благодарностью. Мне представляется, что Бакатину не хватало реального, точного понимания обстановки. Искренне, как я уверен, борясь с теневыми сторонами деятельности КГБ в прошлом, он мог «с водой выплеснуть и ребенка»...

А из разведки продолжали уходить, в основном молодые кадры. Главное, что их подталкивало к этому, – неопределенность. В то же время хорошо подготовленных людей с отличным знанием иностранных языков с удо-

вольствием брали в коммерческие структуры, где платили намного больше.

Именно на фоне всего этого я посчитал первостепенной задачей улучшение материального положения разведчиков. Еще при моем назначении директором СВР Ельцин подписал распоряжение об одноразовом масштабном выделении нового жилья для остро нуждающихся сотрудников СВР. Все чрезвычайно высоко оценили это решение президента.

Пригласил на работу в СВР генерал-лейтенанта И.И. Гореловского (в 1997 году ему было присвоено звание генерал-полковника). Иван Иванович оказался просто незаменимым руководителем хозяйственно-финансовой структуры разведки. Несмотря на то что президент поддерживал просьбы СВР, в том числе и о надбавках к окладу офицеров разведки, реализовывать все это было ох как нелегко. Методично, нисколько не выпячиваясь, Иван Иванович делал все для закрепления кадров. Его труд был поистине титаническим. Впервые в истории разведки ее сотрудники реально получили столь большое число квартир, в том числе за счет организации собственного строительства, начали отдыхать семьями в приобретаемых СВР здравницах, улучшилось медицинское обслуживание, увеличились оклады. В результате можно считать, что СВР не проиграла по сравнению с другими службами в социально-бытовом плане после раздела КГБ.

Такой непростой период

Но общее финансирование отставало от реальных потребностей оперативной деятельности. ЦРУ получало на свои нужды 2 млрд долларов в год, и финансирование увеличивалось, а СВР – на порядок меньше. Если учесть,

что после распада Варшавского договора перестал существовать своеобразный разведывательный пул, а ЦРУ продолжало сотрудничать со спецслужбами целого ряда государств, то такой разрыв в финансировании был еще более ощутимым.

ЦРУ и английское СИС направили в свои резидентуры указания использовать в максимальной степени нелегкую ситуацию в российских спецслужбах для установления связей с отдельными их представителями³⁰. Чтобы еще больше расшатать положение в спецслужбах России, в первую очередь ЦРУ и СИС стали менять тактику и в отношении ранее завербованных сотрудников. Обычно – и это явствовало из ретроспективного анализа – предателей, вне зависимости от того, были они «добровольными заявителями»* или завербованы иностранной спецслужбой, как правило, пытались как можно дольше сохранять в виде «кротов» и лишь в случае угрозы провала вывозили в США, Англию, другие страны. Теперь,

---

* Пожалуй, одной из наиболее колоритных фигур «заявителей», то есть добровольно предлагающих свои услуги иностранной спецслужбе, был А.И. Кулак, полковник, сотрудник ПГУ, не просто участник Великой Отечественной, но получивший во время войны звание Героя Советского Союза. Находясь в заграникомандировке в США в 1962 году, он инициативно установил сотрудничество с ФБР. В предательстве Кулака не было ни грама от недовольства существовавшей в СССР системой – это хорошо знали и американцы. Но он был недоволен своим положением в этой системе, считая, что заслуживает много большего, чем быть заместителем начальника одного из отделов в ПГУ. Недовольство подогревалось постоянным и безудержным употреблением алкоголя.

Уже после ухода Кулака на пенсию поступило сообщение от одного источника разведки о его предательстве. Судя по реакции Центра (что явствовало из дела Кулака, хранящегося в архиве), этому сначала не поверили. Затем пришел абсолютно независимый параллельный сигнал в отношении Кулака. Когда Кулак умер в 1984 году, уже было известно о предательстве «Федоры» (Фэбээровский псевдоним Кулака). Тем не менее похоронили его с почестями из-за опасения за безопасность источников. Посмертно он был лишен государственных наград.

даже когда отдельных неразоблаченных предателей ждала перспективная работа, пренебрегая этим, подчас подталкивали к бегству из заграникомандировок.

Еще до моего прихода в разведку, в мае 1991 года, с помощью английских спецслужб перебрался в Англию находившийся в Норвегии под журналистским прикрытием подполковник Бутков. Моральный облик Буткова определяет хотя бы то, что в конце 1997 года он и приехавшая в Англию его любовница – жена другого сотрудника российского посольства в Осло, на которой он впоследствии женился (свою супругу Бутков бросил, она живет в России), – были арестованы британскими властями и осуждены к тюремному заключению за преступные финансовые махинации в их предпринимательской деятельности. А сколько в некоторых средствах массовой информации, в том числе российских, писалось об «идеологическом борце» Буткове, вынужденно связавшемся с английской разведкой, о «характерном для КГБ провале в Норвегии» и так далее и тому подобное.

В начале 1991 года не вернулись из заграникомандировки два сотрудника научно-технической разведки – подполковник Илларионов, работавший в Италии под прикрытием должности вице-консула в Генуе, который при содействии американских спецслужб выехал в США, и майор Гайдук, работавший старшим инженером в торгпредстве в Оттаве.

Уже при мне, в 1992 году, бежали в США два сотрудника СВР: из Бельгии и Финляндии. И самым, пожалуй, крупным предателем оказался полковник Ощенко, находившийся в командировке в Париже. Он был завербован английской спецслужбой и тайно вывезен в Великобританию. Все трое тоже были из научно-технической разведки, а Ощенко даже ждало повышение в Центре, куда он должен был вскоре прибыть, так как его заграникомандировка близилась к завершению.

Что сыграло основную роль в его поспешном бегстве? Ознакомившись с выводами специально созданной комиссии, я заключил, что, может быть, он побаивался возвращения, так как перед новым назначением в Центре должен был пройти очередную проверку, которая с большой вероятностью могла бы показать его преступную нечистоплотность, – как выяснилось, Ощенко уворовывал из средств, выделяемых ему для расчетов с источниками. Что касается наших достоверных данных, то мы знали: Ощенко представил своим хозяевам из СИС, наряду со списком агентуры, совершенно другую версию своего поспешного ухода из Парижа.

Необходимость ликвидации искусственных перегородок – «профильные», конечно, должны были существовать – подтвердила и комиссия, образованная для расследования причин предательства. К слову сказать, мы сразу же отступили от той практики наказания в той или иной форме тех, кто давал перебежчику положительные характеристики, начиная чуть ли не с учебных заведений. Жизнь показывала, что в ряде случаев те черты характера, которые приводили к измене, возникали не во «младенчестве». Мы стали анализировать недостатки в работе подразделений Центра и резидентур. Это было сделано со всей принципиальностью при участии А.А. Щербакова, курировавшего научно-техническую разведку.

Я здесь пишу о предателях. А сколько было неудавшихся вербовочных подходов за это время к сотрудникам наших спецслужб, особенно перед тем, как они заканчивали свою работу в загранучреждениях и возвращались в Россию.

Став директором СВР, я ознакомился с документом Центрального разведывательного управления США по методике вербовочной работы. ЦРУ создало своеобразную «модель вербуемости», выделяя такие черты объекта, как «двойная лояльность», самовлюбленность, тщете-

славие, зависть, карьеризм, меркантилизм, сексуальная неразборчивость, склонность к пьянству. Особое внимание обращалось на неудовлетворенность служебным положением, семейными отношениями, жизненные трудности, сопровождаемые стрессами.

В документе приводилось три типа объекта вербовочных устремлений: «авантюрист» – ориентируется на достижения максимального успеха любыми средствами, стремится к более существенной роли, которая, как он считает, соответствует его данным; «мститель» – месть за свои обиды либо конкретным людям (руководителям), либо обществу в целом; «герой-мученик», стремящийся любой ценой выйти из неблагоприятного для него стечения обстоятельств.

Что касается идеологической, политической подоплеку вербовки, то в «модели» ЦРУ она, должно быть, отсутствовала не случайно. По словам двух бывших директоров ЦРУ, Р. Хелмса и У. Колби, они не знали ни одного советского или российского перебежчика, который перешел на сторону противника по идеологическим соображениям.

С феноменом предательства я столкнулся еще задолго до того, как возглавил СВР. Был обозревателем в «Правде» в то время, когда арестовали Пеньковского – сотрудника Государственного комитета по науке и технике, полковника ГРУ. Масштабы того урона, который он нанес обороноспособности СССР, несомненно были более чем значительными. Его вербовка была успехом ЦРУ. Все это бесспорно. После того как советская контрразведка установила его связи с представителями Центрального разведывательного управления США и он был арестован, в зарубежной печати, как это обычно бывает, стали создавать вокруг него ореол героя.

В то время Пеньковский уже сидел на Лубянке, и одному из моих коллег по «Правде» предложили написать о нем материал в газету. Ему устроили встречу с Пень-

ковским, который тогда еще не знал, что объявлено во всеуслышание о его задержании, – очевидно, таков был прием следствия с целью получить как можно больше его признаний. Так или иначе, но, по словам корреспондента «Правды», Пеньковский принял его за представителя ЦК («где-то я вас видел») и умолял использовать его несомненные возможности и связи для двойной игры. «Я сделаю все, – говорил Пеньковский, – чтобы нанести соизмеримый с моим отступничеством вред американцам». Это ли не раскрывает истинный облик такого «героя»?

Нечто подобное было и с О. Гордиевским – бывшим заместителем резидента внешней разведки в Лондоне, которого завербовали еще во время его работы в Дании. Много интересного и необычного о деле Гордиевского мне рассказал один из бывших руководителей внешней контрразведки ПГУ. Гордиевский, который попал под подозрение, был вызван в Москву якобы для оформления его назначения резидентом. Во время продолжительного дебрифинга (активное целенаправленное собеседование), который проводил рассказывавший мне об этом генерал в отставке, Гордиевский был близок к признанию, и он стал зондировать возможность своего активного использования против англичан, даже предлагал различные «гарантии» того, что будет «надежно» действовать на этом направлении. Об этом результате первого дня работы с Гордиевским доложили руководству КГБ.

Работники внешней контрразведки были уверены, что на следующий день он полностью признается во всем. Но вдруг поступил приказ: дебрифинг прекратить, наружное наблюдение с Гордиевского снять, направить его на отдых в подмосковный санаторий. Оттуда он и сбежал и был английской разведкой тайно переправлен через границу с Финляндией³¹.

Я ознакомился с материалами дела Гордиевского. Любопытство подогрел вышеприведенный рассказ отставного контрразведчика. Широко распространена, например, версия о том, что сведения о шпионской деятельности Гордиевского были получены от О. Эймса. Этой версии придерживается и сам Гордиевский. Оказалось, что разоблачение Гордиевского носило далеко не «одноразовый» характер. Советской разведкой были получены в свое время сведения из Дании, страны, где Гордиевский находился в двух командировках. Датчане дали британским спецслужбам первичную информацию о нем как о «перспективном на вербовку» сотруднике советской разведки и помогли в 1974 году вывести на него британского резидента в Копенгагене Роберта Фрэнсиса Броунинга.

Эти сведения вначале подверглись сомнению. Затем насторожил косвенный сигнал уже из Великобритании от агента. Это подтолкнуло к серьезному анализу, одним из выводов которого был тот факт, что подозрительно «выводились из игры» те работники резидентуры в Лондоне, которые стояли выше Гордиевского: в 1983 году был выдворен заместитель резидента, его непосредственный начальник; в апреле 1984 года был объявлен персоной нон-грата резидент Аркадий Гук. Не расчищали ли таким образом Гордиевскому путь к руководству резидентурой?

Тогда и созрело решение вызвать его в Москву и поработать с ним непосредственно.

Дело Гордиевского еще больше утвердило в мысли о необходимости усилить и упорядочить работу внешней контрразведки. При этом нужно было обойти несколько «подводных камней». Такое усиление не должно было привести к атмосфере подозрительности в СВР и не разрушать обстановку доверия к сотрудникам. Одновременно следовало избавиться от любых проявлений беспечности. Не было сомнения в том, что служба безопасности

в разведке должна быть собственной, дабы к любому нашему сотруднику не могли бы подойти работники зарубежных спецслужб под «чужим флагом». Вместе с тем служба собственной безопасности СВР должна самым тесным образом взаимодействовать с ФСБ, на что и была сориентирована.

Наконец, далеко не простой вопрос с реализацией получаемой информации. Как сделать так, чтобы и не расшифровать наши ценнейшие источники, и срочно принять меры в отношении разоблаченных предателей. А бывало и так, что нами самими проявлялась нерасторопность, граничащая с халатностью. Вот, например, история предательства Резуна, с делом которого в архиве СВР я ознакомился.

В конце мая 1978 года советская внешняя разведка получила сообщение своего источника в британских спецслужбах (теперь об этом уже можно сказать) о том, что в течение года английская разведка через свою швейцарскую резидентуру и с использованием специально направляемых в Швейцарию сотрудников центрального аппарата ведет работу с завербованным ею сотрудником резидентуры ГРУ в Женеве.

Все началось с его обращения в июне 1977 года в офис одного английского издателя в Женеве, являвшегося агентом британской разведки (СИС), с просьбой подобрать для него литературу по последним разработкам в области вооружений. Он объяснил свой интерес тем, что публикует материалы по военной тематике в советских специализированных журналах, получая значительные гонорары. Воспользовавшись таким поворотом в разговоре, английский издатель предложил и Резуну «с такой же целью» дать сведения о советских танках. Советский дипломат согласился на их публикацию за соответствующее вознаграждение, но без ссылок на источник.

Получив эти данные, СИС решила вести дело к вербовке. Агенту поручили продолжить работу с нашим гражданином, предоставить ему необходимую литературу

ру, при этом всячески поощряя его к передаче сведений англичанам. Такая работа проводилась в течение еще нескольких встреч сначала в кафе и ресторанах, а затем на квартире женщины – агента британских спецслужб. Встречи на квартире легендировались якобы заинтересованностью Резуна (англичане уже предполагали его принадлежность к военной разведке) приобрести у дамы стереосистему.

Знакомясь с делом Резуна, я не мог не удивиться, с какой скрупулезностью наш источник информировал о мельчайших подробностях вербовочной работы, осуществляемой СИС. Только на пятой встрече агент-издатель сказал Резуну, что его информация высоко оценена и ему полагается вознаграждение. Тот пришел в большое волнение, заявил, что нуждается в деньгах и готов дать другие сведения на тех же условиях. Англичане решили, что настало время подключать к делу сотрудника-профессионала, и командировали в Женеву опытного разведчика, владеющего русским языком.

На состоявшейся встрече, организованной все тем же агентом, Резун признался в принадлежности к ГРУ, назвал свое воинское звание – капитан – и согласился сотрудничать с СИС.

Любопытно, что, несмотря на его разглагольствования о несогласии с режимом, утверждение о том, что отец и мать его были якобы репрессированы, британская разведка на основе изучения его личности пришла к четкому убеждению: основным мотивом его сотрудничества является материальная выгода.

Полученные сведения не вызывали ни грана сомнений в их достоверности. От этого же источника наша внешняя разведка получила полный список тех сотрудников СИС, которые работали по Резуну*. Однако, по-

---

* Кстати, в этом списке значился и Сесил Десмонд Хью. Так как весь период своей деятельности в британской разведке он специализировался на работе по советским, а затем российским гражданам,

сколько сведения были получены от особо оберегаемого источника, подключать к работе с ними можно было только очень ограниченный круг. Но дело было не только в этом. Речь шла о сотруднике ГРУ – другого разведывательного ведомства, и нужно было тщательно продумать согласование всех необходимых мероприятий. Не исключаю, что согласованию мешала существовавшая некоторая разобщенность между двумя нашими спецслужбами.

Так или иначе, но 8 июня 1978 года Резун связался со своими хозяевами из британской разведки, обрисовал ситуацию таким образом, что находится на грани провала, и был вывезен с семьей через аэропорт в Базеле в Великобританию.

Наш источник сообщил, что уход Резуна не привел СИС в уныние. Весь период сотрудничества с англичанами Резун постоянно боялся разоблачения, опасался досрочного отзыва в Москву за бездеятельность (он даже оказался неспособным реализовать предложение англичан помочь ему в вербовке иностранца для повышения престижа в резидентуре ГРУ).

Так подробно я рассказываю о деле Резуна еще и потому, что он сейчас фигурирует на Западе чуть ли не как крупный писатель, который в своих книгах и интервью, будучи «идейным борцом» за свободу, поведал миру о «невероятных преступлениях ГРУ».

Очень хорошо о мотивах предательства пишет в своей книге В. Кирпиченко: «Во всех известных случаях предательства никаких идеологических мотивов не просматривается. Причины его самые прозаические и низменные: казнокрадство и, как следствие, вербовка иностранной

к Хью было привлечено наше особое внимание. Это не помешало российской стороне после ухода Хью из разведки (даже, возможно, легендированного) дать ему визу на въезд в Россию, чем он неоднократно пользовался. Решение об этом было принято в расчете на взаимность. Однако расчет этот, к сожалению, не оправдался.

спецслужбой на основе компрометирующих материалов; бегство от больной или нелюбимой жены; уход от семьи с любовницей; пьянство и деградация личности на этой основе; трусость, проявленная при столкновении с иностранной спецслужбой; патологическая жадность к деньгам и вещам; половая распущенность; боязнь ответственности за промахи в служебной деятельности; бездушное или неприязненное отношение к своим ближайшим родственникам и даже желание отомстить своему начальнику ценой собственной измены. В этом далеко не полном наборе мотивов предательства возможны самые удивительные сочетания и комбинации»*.

Бросается в глаза схожесть черт объекта вербовки в модели ЦРУ с признаками предательства, описанными Кирпиченко. Очевидно, что и наши спецслужбы руководствуются аналогичным «набором» в своих вербовочных подходах. Конечно, заинтересованность в разработке и привлечении на свою сторону, особенно работников спецслужб других стран, проявляют все разведки мира. Но...

Почему прекратили вербовку Белгарда

В то время, когда я пришел в «Ясенево», уже обозначилось резкое снижение активности в той части работы, которая называется в разведке «человеческим фактором». После августа 1991 года многие находились в ожидании. Сказывалась не только некоторая растерянность в связи с реорганизациями и перестановками, – ряд руководителей спецслужб, в том числе ПГУ, а на первых порах и СВР, избегали таких острых мероприятий, как разработка сотрудников спецслужб противоположной стороны, чтобы не осложнить отношения с западными

---

* Кирпиченко В.А. Разведка: лица и личности. – М., 1998. – С. 316.

государствами. Все еще ждали, что и они пойдут хотя бы на изменение форм своей работы.

В этом отношении очень характерным было дело кадрового сотрудника ЦРУ Леонарда Хермана Белгарда, о котором мне подробно доложили. Судя по «файлу», мы знали всю его подноготную. Белгард, 1946 года рождения, в совершенстве владеющий русским языком, говорящий свободно на французском и испанском и в меньшей степени – на немецком и шведском, поступил на работу в Центральное разведывательное управление США в 1978 году. До этого он был юрисконсультom ряда филиалов западногерманских фирм в Соединенных Штатах. Еще во время его первой командировки в Мексику, где он работал под прикрытием третьего секретаря посольства США, Белгард, активно устанавливающий контакты с сотрудниками посольства СССР, попал в поле зрения нашей внешней разведки.

С июля 1981 по август 1983 года Белгард находился на работе в генконсульстве США в Ленинграде, с июля 1982-го был назначен руководителем опергруппы ЦРУ. Весь этот «ленинградский период» Белгарда был полностью прозрачным для КГБ – в результате потерпел провал один из его ценных агентов. В Лэнгли³², судя по всему, были далеки от определения истинной причины провала, и Белгард был в октябре 1983 года направлен в очередную командировку в Женеву под прикрытием сотрудника постоянного представительства США при Европейском отделении ООН. Располагая о нем значительным объемом информации, ПГУ активно отслеживало его и в Женеве. В частности, под непосредственным контролем нашей внешней разведки Белгард вел разработки двух советских граждан, а также девяти представителей ГДР, Чехословакии, Польши, Болгарии и Венгрии. Через этих лиц было доведено до Белгарда немало дезинформационных сведений.

С октября 1988 по июль 1991 года он уже находился в командировке в Швеции, получив повышение и работая заместителем резидента ЦРУ под прикрытием первого секретаря американского посольства. Мы знали, что, помимо своего главного интереса – установления отношений с сотрудниками советских учреждений в Швеции, – Белгард поддерживает связи с агентурой американских спецслужб из числа советских граждан, прибывающих на встречи в Швецию, другие скандинавские страны. При этом американец выступал под вымышленными фамилиями, менял свою внешность.

Хотя Белгард, судя по нашим данным, считался в ЦРУ опытным и удачливым специалистом, в результате одного из просчетов в работе с советским гражданином он был спешно переведен в Париж в сентябре 1991 года. В Лэнгли, наверное, посчитали, что «сбой» в Стокгольме – это единичная неудача Белгарда.

На основе многолетней игры была детально отработана операция с целью привлечения этого представителя ЦРУ к осознанному сотрудничеству с внешней разведкой России. Расчет делался на то, чтобы раскрыть американцу истинное положение вещей, когда в течение многих лет он практически работал под контролем ПГУ, а затем СВР, и одновременно предложить ему организовать «очередной успех», чтобы еще больше укрепить свою профессиональную репутацию. Операция, по мнению тех, кто ее готовил, имела большие шансы на успех. Однако было принято решение от мероприятия воздержаться. Правильно ли мы поступили? Не могу однозначно ответить сегодня на этот вопрос.

Вскоре после команды прекратить разработку Белгарда мы получили от нашего весьма надежного источника документальное подтверждение, что в зоне интересов ЦРУ была не только информация о раскладе в российском руководстве, его возможных действиях внутреннего и внешнего плана, претворении в жизнь договоренно-

стей о передислокации ядерного оружия с Украины и из Казахстана на территорию России, надежности охраны ядерных материалов, но и целенаправленная работа по разложению тех государственных структур, которые могли бы служить России для сохранения статуса великой державы, недопущению тесной группировки вокруг Москвы суверенных стран СНГ.

Все окончательно встало на свои места после выступления перед сотрудниками директора ЦРУ Гейтса, подчerkнувшего, что «человеческий фактор» остается основным в деятельности американской внешней разведки. А ведь был шанс хотя бы несколько притупить этот фактор, возможно, выработать новые правила поведения на разведполе. Но мяч оказался не в наших руках.

Еще раз убедился в этом во время своей поездки в США в ноябре 1991 года. Уже будучи директором Центральной службы разведки, принял участие в семинаре американо-советской рабочей группы по проблемам стратегической стабильности. С американской стороны во встрече участвовали ряд руководителей Госдепартамента, заместитель министра обороны П. Вулфовиц и его коллеги из руководства Пентагона, включая тогда еще заместителя председателя Комитета начальников штабов генерала Шаликашвили, некоторые высшие представители Совета национальной безопасности и, что было самым важным для меня, Фриц Эрмарт – председатель Национального совета разведки ЦРУ. Директор ЦРУ предпочел на том этапе со мной не встречаться, и это тоже воспринималось как определенный сигнал.

Выступая на встрече, я сказал о том, что существует большое поле совпадающих интересов для разведок двух стран – в противодействии международному терроризму, наркобизнесу, организованной преступности. Остановился и на конкретных способах осуществления такого сотрудничества: обмене развединформацией, разработке и осуществлении совместных мероприятий по предот-

вращению или розыску и задержанию исполнителей преступных акций, взаимодействию в пресечении распространения ядерного, химического и биологического ОМУ, а также незаконной торговли оружием.

Сказал и о «правилах поведения», среди которых назвал отказ от методов насилия (похищения отдельных лиц, принуждения к сотрудничеству), психотропных препаратов. Заявил, что формы и методы разведработы должны отвечать принципам гуманности, уважения прав человека и достоинства личности. Меня внимательно выслушали, но никакого конкретного ответа на свои предложения я не услышал.

Шанс был и потому, что во многом менялись настроения людей в нашей службе. Непосредственное влияние на них, несмотря на инерционность мышления наших западных партнеров, не мог не оказать отход от статичной идеологизированной модели международных отношений. Сохранение в неприкосновенности всего того, что было во время холодной войны, неминуемо привело бы нашу внешнюю разведку к невостребованности и в конечном счете к самоликвидации.

Но дело было, главным образом, не в стремлении «самосохраниться». Во внешней разведке работали люди, отлично осознающие смысл перемен, происходящих за ограждениями, которые отделяют штаб-квартиру СВР в Ясенева от остальной части страны. Да, были и те, кто жил старым, даже мечтал о возврате тех времен, когда КГБ занимал одно из важнейших мест в руководстве страной. Но таких было меньшинство. Большинство приветствовало перемены, расширение демократии, отказ от идеологической зашоренности.

Абсолютно беспочвенны примитивные суждения о «молчаливом неприятии» основной частью сотрудников СВР отхода от тоталитаризма в России, об «устойчивом консерватизме» или «профессиональной конфронтационности» разведчиков – а в начале 90-х годов об этом упорно твердили в ряде средств массовой информации.

Мои новые коллеги не раз с болью говорили о том, что разведка больше, чем любая другая структура, пострадала в сталинские времена. В 1937-м были репрессированы, расстреляны практически все работники зарубежных резидентур, почти все руководители в Центре. Основной костяк ныне работающих во внешней разведке не имеет ничего общего ни по своим настроениям, ни по своей профессиональной подготовке с менталитетом и уровнем некоторых «партийных назначенцев» в службе после этих репрессий и расстрелов.

Характерно, что руководитель архивного подразделения СВР по своей инициативе принес мне некоторые дела работников тех времен, как бы демонстрируя ту пропасть, которая отделяла нынешних сотрудников разведки от таких «назначенцев».

Несколько томов составляли дело «Захара» – псевдоним Амаяка Захаровича Кобулова. В деле значилось, что он окончил пять классов, курсы счетоводов, работал счетоводом на заводе, производящем бутылки для розлива боржоми, потом стал бухгалтером в НКВД Грузии, который в то время возглавлял Берия. Здесь и началась его головокружительная карьера – в 1940 году Кобулов был назначен резидентом в Берлин.

Меня заинтересовали эти тома и по другим соображениям. Как известно, много писалось о том, что Сталин не верил в возможность нападения Германии на СССР летом 1941 года, считая все поступающие сигналы об этом дезинформацией Англии. Оказывается, были и другие источники, которые убеждали Сталина в «ложности» таких сигналов.

В деле «Захара» находится, по-видимому продиктованное Кобуловым, донесение в Центр о вербовке Берлинга (псевдоним «Лицеист») – представителя одной из газет Латвии в Берлине. Это донесение, датированное 21 августа 1940 года, говорит само за себя:

«В одном из ресторанов Берлина я, “Лицеист” и «Философ» (один из оперработников берлинской резидентуры – *Е.П.*) затронули вопрос о новом государственном строе (в странах Балтии – *Е.П.*). “Лицеист” хотя и молодой, но очень культурный, образованный человек. Он сказал, что всецело поддерживает стремление советской власти, направленное на освобождение трудящегося человечества. После общего разговора я поставил перед ним вопрос о его дальнейших перспективах. “Лицеист” ответил, что он сам не знает, так как у него незаконченное высшее образование, русский язык знает весьма слабо, следовательно, ему будет очень трудно учиться в Советском Союзе. Весь вопрос упирается в материальные средства.

Он как корреспондент латвийской газеты с 01.10.40 освобождается от своих обязанностей, таким образом лишается источника существования. Тогда я сказал, что мы его поддержим, если он нам поможет, подчеркнув, что связь с ним должна носить тайный характер. Для выполнения наших заданий “Лицеист” должен остаться в Германии.

“Лицеист” был удивлен таким предложением, высказал опасения за свою жизнь, если узнают немцы... Я его успокоил и обещал в случае необходимости обеспечить выезд из Германии. Что касается опасения за расшифровку, предложил ему не болтать о связи с нами, даже своей жене. После некоторых колебаний “Лицеист” согласился... Хочу отметить, что “Философа” беру потому, что “Лицеист” плохо говорит по-русски, а я тоже не блещу немецким. “Философ” и я обоюдно разъясняем».

Читая этот примитивнейший рассказ о вербовке, я подумал о том, насколько огромен тот путь, который прошла наша разведка с тех злополучных годов – конца 30-х – самого начала 40-х – до сегодняшних дней.

Но вернемся к дальнейшей работе с «завербованным» «Лицеистом». В деле «Захара» находится протокол до-

проса 21 мая 1947 года арестованного Мюллера Зигфрида*, уроженца Штутгарта, 1916 года рождения, немца, с высшим образованием, бывшего члена национал-социалистической партии, служил в гестапо в отделении 4-Д, которое под руководством Шредера работало по советскому посольству и вообще по русским, находящимся в Германии, с 1940 года перешел в абвер.

Привожу выдержку из этого протокола:

На слова Мюллера: «Кобулов был нами довольно ловко обманут», – последовал такой диалог:

«Вопрос. В чем выражался этот обман?

Ответ. К Кобулову в августе 1940 года был подставлен агент германской разведки латыш Берлингс, который по нашему заданию длительное время снабжал его дезинформационным материалом.

Вопрос. Откуда у вас такая уверенность, что вам удалось обмануть Кобулова? Может быть, наоборот, Кобулов водил вас за нос?

Ответ. Я твердо уверен, что Кобулов не подозревал об обмане. Об этом свидетельствует тот факт, что Кобулов в беседах с Берлингсом выбалтывал ему некоторые данные о политике советского правительства в германском вопросе. Как мне известно со слов работника германской разведки, полковника СС Ликиуса, руководившего работой Берлингса, сведения, полученные из бесед с Кобуловым, представляли интерес для Германии и его донесения докладывались Гитлеру и Риббентропу.

Сам агент Берлингс удивлялся словоохотливости Кобулова и заявлял, что Кобулов поступает весьма неосторожно. Например, Берлингс говорил мне, что ему уда-

---

* Известно, что особенно в 50–60-х годах распространялись слухи в Германии и других странах: дескать, руководитель гестапо Мюллер находится в Советском Союзе. Это не соответствовало действительности. Я не исключаю при этом, что поводом для таких слухов был арест и задержание однофамильца Мюллера, который тоже работал в гестапо, но не на той должности.

лось настолько влезть в доверие к Кобулову, что последний рассказывал ему даже о том, что все его доклады он направляет лично Сталину и Молотову. Очевидно, все это позволило Гитлеру рассматривать Кобулова как удобную возможность для посылки дезинформации в Москву, в связи с чем он лично занимался этим вопросом. Материалы, предназначавшиеся для передачи Кобулову, прежде Риббентропом докладывались Гитлеру и только с его санкции вручались агенту Берлингсу, который после этого относил их Кобулову».

Так продолжалось с августа 1940 года вплоть до нападения Германии на Советский Союз.

Показания Мюллера не единственное свидетельство «игры» немцев через агента-двойника. В германских архивных документах, опубликованных после войны, есть ссылки на донесения Орестеса Берлингса, которому немецкой разведкой было присвоено кодовое имя «Петер». В сопроводилках его донесений, в том числе на имя Риббентропа, он называется «немецким агентом в советском посольстве».

А вот несколько выдержек из обобщенных документов Центра, основанных на информации, полученной от Кобулова со ссылкой на «Лицеиста», которые направлялись на самый советский верх.

«Свои задачи политики Германии видят в том, чтобы:

1. Избежать войны на два фронта. При этом важно обеспечить хорошие отношения немцев с Россией...
2. Урегулировать возникшую на Балканах проблему (в Румынии). Ситуация вызвала осложнение отношений с Россией. Но важно не допустить возникновения конфликта с ней из-за этого.

Создание Восточного Вала преследует цель оказать влияние на СССР и побудить его к мерам по укреплению дружеских отношений с Германией» (справка 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР с изложением агентурного сообщения «Лицеиста»).

За полтора месяца до этого Берия докладывал Сталину на основе информации, полученной от «Лицеиста», что 22 октября 1940 года Риббентроп обсудил с Гитлером подготовленный германским МИДом план, одним из элементов которого является заключение пакта СССР с Японией, «чтобы показать миру полный контакт и единение между четырьмя державами» (Германией, Италией, Японией и СССР).

В то время, когда надежные источники наших разведслужб – Шульце-Бойзен Харро («Старшина»), Харнак Арвид («Корсиканец») и другие «бомбили» информацией о готовившемся нападении Германии на СССР, о том, что именно этой цели служит концентрация немецких войск у его границ, а Ильзе Штебе («Альба») в феврале 1941 года сообщила об основных положениях плана «Барбаросса», направлениях готовившихся немецких ударов по СССР, нарком государственной безопасности Меркулов направил менее чем за месяц до начала войны (25 мая) записку на имя И.В. Сталина, В.М. Молотова и Л.П. Берия, в которой со ссылкой на донесения «Лицеиста», в частности, говорилось: «Война между Советским Союзом и Германией маловероятна, хотя она была бы очень популярна в Германии, в то время как нынешняя война с Англией не одобряется населением. Гитлер не может идти на такой риск, как война с СССР, опасаясь нарушения единства национал-социалистической партии... Германские военные силы, собранные на границе, должны показать Советскому Союзу решимость действовать, если ее к этому принудят. Гитлер рассчитывает, что Сталин станет в связи с этим более сговорчивым и прекратит всякие интриги против Германии, а главное, даст побольше товаров, особенно нефти».

Нужно сказать, что несколько профессионалов, продолжавших работать в 5-м отделе ГУГБ НКВД (внешняя разведка), судя по материалам дела «Захара», не были в восторге от деятельности резидента в Берлине. Но Кобу-

лов «мастерски» нейтрализовал такие настроения письмом в Центр, в котором намекал на свои тесные связи с Берия.

Полагаю, что определенное недоверие к «Лицеисту» нашло отражение и в указании начальника 5-го отдела П.М. Фитина Кобулову выяснить у Берлингса, какие части германской армии переброшены на границу с СССР. По словам Мюллера, когда Кобулов поставил соответствующую задачу перед Берлингсом, состоялся совет с абвером и выше. Решили, что в условиях готовящейся войны правдивую информацию давать нельзя, а дезинформация может быть установлена и Берлингс «сгорит». Поэтому было поручено ему сказать, что у него нет источников в военной сфере.

Как явствует из очередного донесения Кобулова в Центр, он счел такой ответ «показателем искренности «Лицеиста»». А в Центре в ответ промолчали...

Конечно, описанный эпизод с Кобуловым не мог характеризовать деятельность разведки в целом, даже в тот нелегкий предвоенный период, не говоря уже о военном и послевоенном времени, когда внешняя разведка встала на ноги и играла роль, которую трудно преувеличить.

Поэтому мои коллеги в то время, когда я пришел в СВР, сочетали в себе неприятие отрицательного прошлого с полным нежеланием отказываться от традиций. Большинство было далеко от огульного осуждения всего того, что было до них. Они одновременно не принимали низкопоклонства перед абстрактной западной цивилизацией и не разделяли стремления не замечать продолжающуюся практику враждебных действий иностранных спецслужб. Я не только понимал такое большинство, но чувствовал себя его частью.

И такая принадлежность ни в коей мере не мешала внедрять в деятельность разведки новые ориентиры, методы, способы работы. Наоборот, помогала этому.

И все-таки перемены

Прежде всего следовало исходить из того, что с окончанием холодной войны не ушло противоборство на межгосударственном уровне. Однако нам нужно было учесть, обязательно учесть, что суть, формы и направления такого противоборства изменились. Вместо разрушенной одной главной «баррикады», основывающейся на идеологическом фундаменте, появилось множество «баррикад», базирующихся на несовпадающих государственных интересах. Расклад таких «баррикад» динамичен, их контуры меняются.

В преломлении к разведке это сфокусировалось на новом понимании понятия «противник». Мы все в руководстве СВР хорошо представляли себе, что с окончанием холодной войны понятие «противник» не исчезает. Нет, как прежде, раз и навсегда обозначенного главного «противника» – ГП, как мы его в прошлом величали, но противники у нас могут быть в каждой ситуации, если акции других государств планируются или осуществляются вразрез с национальными интересами России. Разведка в таких условиях должна противодействовать противнику, однако не раз навсегда данному, а выявленному в результате его конкретной практики, которая наносит ущерб интересам России, в первую очередь таким жизненным, как территориальная целостность, обороноспособность, интеграционное сближение стран СНГ, стабильность ситуации по периметру границ, обеспечение условий, при которых Россия входит в мировую экономику как полноправный участник.

Одновременно мы приняли ту реальность, которая свидетельствовала: при отходе от конфронтационного противостояния значительно расширяются поля совпадения интересов между государствами, растет заинтересованность в международном сотрудничестве, направ-

ленном против общих для всех угроз – терроризма, организованной преступности, наркобизнеса, распространения оружия массового поражения. Мы не могли игнорировать и не игнорировали факт стремления ряда государств к урегулированию опасных межнациональных, межэтнических конфликтов. Мы хорошо понимали, что в политике России и многих других стран все отчетливее обозначается тенденция – защищать свои интересы без перевода межгосударственных отношений на конфронтационные рельсы.

Может быть, в таких условиях получает право на существование и такое понятие, как противник-партнер? Во всяком случае, разведка не могла и не может не учитывать диалектику меняющейся мировой обстановки.

Необходимость адаптироваться к новым реалиям вела к отходу от глобализма, тотальности в работе внешней разведки.

Во время холодной войны основным направлением ее деятельности было получение упреждающей информации о планируемых против СССР мероприятиях нашего в то время главного противника – Соединенных Штатов, а также добыча данных по вооружениям и их образцов, что усиливало нашу боеспособность. Именно это предопределяло глобализм в работе внешней разведки, ее, если хотите, «всеядность». Теперь приоритеты разведки явно смещались, диверсифицировались.

В ноябре 1991 года я дал указание отменить программу обнаружения признаков возможного ракетно-ядерного нападения на нашу страну (ВРЯН). В течение десяти лет большие финансовые и людские ресурсы затрачивались на подготовку формальных, но обязательных раз в две недели докладов в Центр об отсутствии показателей подготовки внезапной ядерной атаки, включая и такие «индикаторы», как число освещаемых в ночное время окон в Пентагоне и министерствах обороны других стран.

Эта программа была типичным анахронизмом. Но значит ли это, что мы отказываемся от отслеживания намерений других государств в военной области? В руководстве СВР не было колебаний по этому вопросу. В новых условиях в центр внимания была поставлена задача получения данных о развитии вооружений, особенно с учетом возможного выхода на новые системы, способные дестабилизировать обстановку. СВР должна была учитывать и тот факт, что Россия в военном отношении стала слабее, чем был Советский Союз. Когда мы справедливо отказались от непосильного для страны и народа военно-промышленного перекаса народного хозяйства, но делали и продолжаем делать это в условиях экономического кризиса и ряда серьезных недоработок, ошибок в конверсии и в военном строительстве, следовало исходить из того, что роль разведки в обеспечении безопасности России даже возрастает.

Вместе с тем оставалась приоритетной политическая разведка – получение информации о намерениях других государств, особенно в отношении России. Российское руководство, например, обоснованно интересовалось, действуют ли зарубежные круги и кто конкретно в направлении дезинтеграции России. СВР после тщательной проработки проблемы сообщила, что на время доклада не обладает данными о такой направленности государственной политики США и других ведущих западных стран. Слишком опасным считается подводить к черте, переход за которую может привести к непредсказуемым последствиям, тем более в стране, «напичканной» ядерными боеголовками. Но в целом СВР не отрицала существования внешней угрозы территориальной целостности России. Эта угроза (в максимально возможной степени приводились конкретные данные) исходит главным образом из тех зарубежных кругов, политических организаций националистического или религиозно-экстремистского толка, которые непосредственно

поддерживают сепаратистские настроения и движения в России.

Что касается положения в СНГ, то в этом случае мы пришли к однозначному выводу: руководители ряда западных стран действуют с целью не допустить особой роли России в стабилизации обстановки в бывших республиках СССР, сорвать развитие тенденций на их сближение с Российской Федерацией. Политики США склонны считать зоной своих особых интересов Латинскую Америку, даже Европу, однако ни в коей мере не были готовы, да и сейчас не готовы признать, что особые интересы России распространяются на ее так называемое ближнее зарубежье, но заключаются не в том, чтобы навязать кому бы то ни было свой диктат, а способствовать тому, чтобы по периметру российских границ не создавалось угрозы ее интересам и безопасности.

В то время мы обладали абсолютно достоверными сведениями о том, что спецслужбы США начали укреплять свои позиции в целом ряде стран СНГ и в виде создаваемых резидентур, основная задача которых – работа по России. Был зафиксирован целый ряд случаев вывода на связь агентуры из России в страны СНГ, а также в государства Балтии.

Или другой пример. В связи с расширением НАТО на фоне осуществляемой альянсом военной миссии в Боснии³³ перед СВР была поставлена задача выяснить, в какой степени Соединенными Штатами окончательно взят курс на навязывание России модели обеспечения безопасности в Европе через механизм НАТО. В соответствующие резидентуры были направлены задания.

Естественно, нас интересовали главным образом закрытые материалы, позволяющие российскому руководству сориентироваться по следующим проблемам:

Является ли практика в отношении Боснии и Герцеговины (самостоятельность натовских операций, ООН отводится роль лишь для изначального принятия решения

об их осуществлении; возможное участие ненаатовских стран, в том числе России, но лишь в контексте натовской операции, потребность в живой силе покрывается в основном США и при обязательном командовании всей операцией американским генералом) чисто «локальной» моделью либо прорабатывается универсальный сценарий, позволяющий Вашингтону сохранять и укреплять свои позиции после окончания холодной войны?

Каков аспект такой модели или сценария, обращенный к союзникам США, готов ли Вашингтон и в какой степени учитывать их мнения, не полностью совпадающие с линией США?

Каковы пределы маневрирования европейских союзников США?

Какова расстановка сил по этому вопросу в самих США (ведомства, лица) и их степень влияния на выработку общего курса?

Как связан этот курс с расширением НАТО? И так далее.

Отход от глобализма потребовал более точной и, я бы сказал, более тонкой постановки несомненно усложняющихся задач перед загранточками СВР. Взять хотя бы Афганистан. Раньше работа ПГУ на этом направлении была подчинена поддержке тех сил, которые считались наиболее просоветскими и одновременно наиболее дееспособными, дабы не допустить в случае их поражения заполнения «вакуума» противниками СССР в глобальной конфронтации. Ретроспективно значительно виднее стали наши недостатки – отсутствие необходимого расчета, несоответствие целого ряда наших действий реальностям Афганистана. В настоящее же время Афганистан начал рассматриваться в совершенно другом ракурсе. Объектом нашей заинтересованности стали перспективы ультраэкстремистских сил на приход к власти и ее удержание в этой стране. Это соотносится с дестабилизацией обстановки в бывших советских республиках

Средней Азии – в первую очередь в Таджикистане и Узбекистане. Афганистан превратился в базу подготовки боевиков, террористов, действующих далеко за его пределами, в том числе и в Боснии, и во время военных действий в Чечне и в Африке. Вполне обоснованно, что именно эти угрозы, обусловленные положением дел в Афганистане, стали в центр внимания СВР.

Требование глобального подхода заставляло нашу внешнюю разведку просматривать обстановку в Турции через призму ее членства в НАТО. В нынешних же условиях приоритетными для СВР стали выявление и противодействие пособничеству определенных кругов в Турции сепаратистским силам на Северном Кавказе, наступательной политике Анкары с антироссийским уклоном в Закавказье, Центральной Азии, на Кипре.

Получение подобной информации было, с нашей точки зрения, нормальной разведдеятельностью по «мировым стандартам». Ведь никто в Соединенных Штатах не был, например, шокирован, когда там объявили 23 августа 1998 года, что президента Б. Клинтона информировало ЦРУ на основе полученных сведений и анализа о грядущей замене правительства в России и даже о том, что на пост Председателя Правительства после С. Кириенко будет выдвинут В. Черномырдин?

Вместе с тем такая разведдеятельность «по мировым стандартам» для СВР исключала практиковавшуюся ранее игру «с нулевым результатом», которая была фундаментом нашего отношения к США и ряду других западных стран – дескать, что выгодно им, то чуть ли не автоматически невыгодно России и наоборот. Наши противники тогда «играли» по тем же правилам.

Смещение акцентов в задачах разведки требовало усиления аналитической работы СВР. Это сказалось и на качестве материалов, докладываемых руководству государства. Президент неоднократно подчеркивал это, в том числе выступая на коллегии МИДа. Нет необходимости

говорить, что подобные оценки вдохновляюще действовали на сотрудников СВР.

Но, несмотря на все это, для меня оставалась актуальной задача переломить достаточно укоренившееся положение, когда «матерые оперативники» как бы свысока смотрят на тех, кто занимается аналитической работой. Выступая на одном из совещаний в СВР и выражая общие взгляды моих коллег в руководстве, я сказал: «Извечный вопрос, кто важнее, разведчик-аналитик или разведчик-оперативник, должен быть раз и навсегда отброшен. Сегодня, как никогда, ясно, что без аналитического подхода невозможно успешно провести мало-мальски ценную разведывательную операцию. Без аналитического осмысления полученной первичной информации нельзя продолжать целенаправленную работу с источником. Без аналитического подхода невозможны многоходовые комбинации. Однако в то же время без использования специфических приемов и методов разведывательного проникновения в объекты нашей заинтересованности не может быть получена объективная ценная информация, составляющая фундамент любого настоящего анализа и прогноза».

Акцент на аналитическую сторону деятельности разведки отразился и на ее структуре: было создано новое управление, работе которого придавался особый смысл. Оно занималось обострившейся проблемой распространения ядерного оружия, других видов оружия массового уничтожения и средств их доставки, что чревато опасностями, сопоставимыми с угрозами, существовавшими при холодной войне. Новое управление под руководством Г.М. Евстафьева – общепризнанного специалиста, одного из лучших экспертов в этой области – начало углубленно заниматься вопросами распространения ОМУ.

Это управление, однако, было создано не как чисто аналитическое, а как оперативно-аналитическое. Может быть, такой профиль становился оптимальным не только в научно-технической, но и в политической разведке.

Управление развернуло широкую работу, направленную на оперативное получение данных, способных обозначить объективную картину в области распространения ядерного оружия. Были выработаны критерии, по которым определялась продвинутость к обладанию ядерным оружием государств, не входящих в ядерную пятерку.

В это время мы решили периодически публиковать и открытые доклады СВР с тем, чтобы знакомить не только руководство, но и широкую общественность – и российскую, и зарубежную – с выводами аналитиков разведки по самым животрепещущим проблемам. И не случайно, что из такого рода докладов два, в том числе первый, были посвящены угрозе распространения ядерного оружия.

В докладе СВР, опубликованном в 1992 году, говорилось о наличии трех «неофициальных ядерных государств» – Израиля, Индии и Пакистана³⁴. Потенциальные ядерные государства были обозначены как «пороговые» и «предпороговые». В докладе открывалась методика такой группировки, показатели, позволяющие относить те или иные государства к этим трем группам.

В приложении ко второму открытому докладу, опубликованному в начале 1995 года, давался список «пороговых» и «предпороговых» государств. Здесь впервые был зафиксирован новый подход, которым руководствовалась СВР: полная объективность вне зависимости от отношений, сложившихся у России с данным государством. Нам передали, например, что индийское руководство недовольно тем, что мы включили эту страну в группу «неофициальных ядерных государств». Ничего не поделаешь, СВР не могла исходить и не исходила из «двойных стандартов».

Нужно сказать, что работа СВР по проблемам распространения ядерного оружия вызвала большой интерес наших западных коллег и, как представляется, сыграла немаловажную роль в налаживании взаимодействия

с нашей внешней разведкой спецслужб целого ряда государств.

Однако созданному управлению совместно с другими подразделениями СВР пришлось одновременно не только раскрывать, но и противодействовать попыткам некоторых иностранных спецслужб проводить активные мероприятия по поводу «утечки ядерного сырья из России». Такие акции спецслужб, как правило, осуществлялись в интересах получения дополнительного финансирования или внутривнутриполитической борьбы в своих странах. Но при этом одна из их целей, безусловно, заключалась в компрометации российских властей, якобы оказавшихся не в состоянии обеспечить надежную охрану ядерного сырья. Одной из классических операций такого рода была разоблаченная провокационная акция германской разведки БНД, которая, действуя через своего агента, сама попыталась организовать приобретение в России плутония с тем, чтобы «перехватить» его в Мюнхене.

Так или иначе, но обвинения в утечке из России ядерного сырья вскоре заглохли. Тема эта сошла со страниц западных газет, и немудрено – я не знаю ни одного случая, когда сенсационные обнаружения «ядерных контейнеров» российского или якобы российского происхождения содержали в себе оружейный плутоний или обогащенный уран в таких количествах, которые можно было бы использовать для производства ядерного оружия.

Как трудно, но как важно

(контакты с ЦРУ, СИС, «дело Эймса»)

Может быть, самым «прорывным» в нововведениях внешней разведки России после окончания холодной войны было развитие контактов и взаимодействие со спецслужбами различных стран, в том числе входящих

в НАТО. Во время холодной войны ПГУ Комитета госбезопасности СССР сотрудничало в целом с партнерами из социалистических государств и ряда развивающихся стран, которые причислялись нами к антиимпериалистическому лагерю.

Сотрудничество было достаточно плотным, интенсивным, но не всегда означавшим полное открытие друг другу всех своих файлов, архивов и особенно агентуры. Так, например, разведка ГДР – Штази – проводила некоторые операции за спиной КГБ и в ряде случаев давала ПГУ дозированную информацию. Поэтому думать, что у нас в СВР находится чуть ли не полный архив Штази, просто-напросто наивно. Не могу сказать, что мы в свою очередь были абсолютно открытыми перед партнерами. Такова уж специфика разведки.

Но сотрудничество, повторяю, было весьма интенсивным и приносило обоюдную пользу. Теперь, однако, речь шла о качественно иной форме контактов – с теми, кто прежде рассматривался как противник.

Такие единичные случаи имели место и раньше. Например, во время визита М.С. Горбачева в США в 1989 году в числе сопровождавших был председатель КГБ В.А. Крючков, которого пригласили и хорошо приняли в штаб-квартире ЦРУ. Это была дань новому времени, происходившей разрядке международной напряженности. Но такой экстраординарный и демонстративный жест имел одноразовый характер и не афишировался с обеих сторон. О посещении Лэнгли Крючковым не знали даже многие члены нашей делегации, в число которых входил и я.

Нужно сказать, что вначале значительная часть сотрудников СВР считала, что выходить за рамки такого «уже продвинутого» общения ни в коей мере не следует. Когда приходилось выступать и говорить о том, что, при наличии широкого поля совпадающих интересов с целым рядом государств, естественным становится взаи-

модействие на постоянной основе с их спецслужбами, то многие в ответ предпочитали «не вдаваться в тему». А некоторые прямо и открыто выступали против этого, считая, что подобное сотрудничество означает если не конец разведдеятельности, то, во всяком случае, возникает реальная ей альтернатива. Думаю, даже знаю, что противников или по меньшей мере скептиков в оценках перспектив такого сотрудничества было много и в спецслужбах других государств.

Мы в руководстве СВР придерживались другого мнения. Было создано специальное управление ВС (внешняя связь), сориентированное на взаимодействие с иностранными партнерами. Главным принципом такого взаимодействия стало равенство в отношениях – обоюдное направление «открытых» представителей, выверенный «баланс» условий, масштабов, уровней их связей с другой стороной, участвующей в сотрудничестве, степени секретности информации, подлежащей обмену, договоренности о встречах экспертов (при этом каждая сторона могла выдвигать интересующие ее темы), визитах руководителей спецслужб.

Конечно, многое зависело от того, как пойдут дела в этом направлении у СВР с ЦРУ, а также с германской, французской, английской, испанской, итальянской и другими разведками.

Многие выжидали, пристально наблюдая за российско-американскими контактами в этой области. Мы тоже понимали, что от них зависит успех всего нового дела, во всяком случае на начальной стадии развития.

В соответствии с договоренностью директор центральной разведки США Роберт Гейтс посетил Москву и Санкт-Петербург 15–18 октября 1992 года. Его сопровождала весьма представительная делегация, в которую входили начальник центрального евро-азиатского оперативного управления ЦРУ Джон Макгаффин, начальник центрального евро-азиатского аналитического управле-

ния ЦРУ Джон Маклафлин и другие. Я попросил Ельцина принять Гейтса, который привез с собой послание президента США Буша. Состоявшаяся беседа была очень важной, так как президент России подчеркнул необходимость взаимодействия спецслужб в решении целого ряда важных для двух стран вопросов. Близкие к этому идеи содержались и в послании Дж. Буша. Все это воспринималось как одобрение политическим руководством двух стран контактов между их разведками.

Гейтс встретился с министром внутренних дел и министром безопасности, начальником Генерального штаба Вооруженных сил России. Особо хочу подчеркнуть то, что на последней встрече присутствовал начальник Главного разведывательного управления (ГРУ)³⁵. Как обычно говорится в этих случаях, беседы были взаимопользны, прошли в конструктивной обстановке. Гейтс пригласил меня посетить Вашингтон с ответным визитом.

Через полгода я был готов отправиться в США. Шел интенсивный обмен мнениями по программе визита, и прямо накануне отъезда мне сообщили, что президент США Б. Клинтон «из-за большой занятости» не сможет меня принять. Я решил не драматизировать ситуацию и сказал об этом представителю ЦРУ в Москве Д. Рольфу, которого пригласил на ланч. Но при этом не удержался и добавил: «Намерен в ноябре пригласить в Москву нового директора ЦРУ Дж. Вулси, и есть все основания надеяться, что президент России при всей своей перегруженности проблемами внутривнутриполитического и экономического характера найдет время для встречи с ним».

В этот же период происходили рабочие контакты СВР с ЦРУ, в том числе на уровне В.И. Трубникова и первого заместителя директора ЦРУ У. Студемана, а также экспертов. В целом в нашем сотрудничестве с американцами в 1993 году был достигнут заметный прогресс: стороны с большим доверием относились друг к другу. Ускорилось прохождение документов и ответов на запросы.

Укрепились личные отношения между представителями служб.

Одновременно стали более осязаемы некоторые недостатки нашего взаимодействия. Проявилось, например, стремление американцев больше получить от СВР и при этом меньше дать ей. Материалы, полученные от партнеров, часто представляли собой скорее вопросники, чем полноценные информационные сообщения. Мы на это обращали внимание американцев, и нужно сказать, что вскоре ситуация начала меняться. Тем более что представители ЦРУ довольно высоко оценивали материалы СВР, отмечая оперативность их подготовки. Нам сообщили, что отдельные информационные сообщения СВР докладывались президенту Б. Клинтону и принимались в учет при принятии им тех или иных решений.

Справедливости ради скажу, что и мы получали критику со стороны партнеров: слишком аналитический характер нашей информации, по их оценке, не содержал достаточно разветвленной фактуры.

Конечно, на пути обмена информацией стояли очень серьезные, а подчас и труднопреодолимые препятствия. Каждая из разведок опасалась включить в обмен такие данные, которые могли бы нанести ущерб источнику информации. Но в целом можно констатировать, что обоюдное стремление к взаимодействию постепенно возобладало над накопленной за многие годы предвзятостью.

Этому помогли периодические встречи экспертов по различным злободневным вопросам. Узким специалистам, профессионально занимающимся той или иной проблемой, всегда легче понять друг друга. Ретроспективно с большим удовлетворением я вспоминаю доклад руководителя группы экспертов с нашей стороны М.А. Дмитриева, который после очередной, в июле 1993 года, встречи со специалистами ЦРУ по югокризису докладывал о «высокой степени одинакового понимания про-

блемы нашими службами, в том числе в подходах к решению этих проблем». После подробнейшего рассмотрения в деталях и на основе богатого фактического материала положения дел в «эпицентре» конфликта – тогда это была Босния – эксперты СВР и ЦРУ пришли к выводу, что военного решения быть не может. Одна из причин этого – возможность цепной реакции, в результате которой конфликт неизбежно распространится на Сербскую Краину³⁶, Косово, Македонию.

Югославская тематика была возведена в ранг приоритетной при встрече на «высшем разведывательном уровне» между мной и новым директором ЦРУ Дж. Вулси, которая состоялась в США 12–18 июня 1993 года.

Со мной в Вашингтон вылетела группа ведущих сотрудников СВР, среди которых находился назначенный нами «открытый» резидент в Вашингтоне А.И. Лысенко. Обсуждали много тем: помимо упомянутого югокризиса, положение на Балканах, на Ближнем и Среднем Востоке, исламский экстремизм, проблемы борьбы с наркобизнесом, нераспространения оружия массового уничтожения. Обсуждения проходили в Лэнгли – штаб-квартире ЦРУ. Сам этот факт уже говорил о многом.

Устанавливались неплохие и личные отношения. Хорошо помню атмосферу на загородной даче нашего посла в Вашингтоне В.П. Лукина, где мы принимали американских коллег. Посольские кулинары, казалось, превзошли самих себя. Мы сидели на открытом воздухе, на лавках за сколоченными столами. Тут же готовился шашлык. Непрерывно произносили тосты, шутили, рассказывали анекдоты. Присутствие нескольких, не принадлежавших к нашей службе российских дипломатов еще больше разрядило обстановку, сделало ее абсолютно непринужденной. Со стороны мало кто мог подумать, что встречаются, мягко говоря, соперники.

Сказалось и то, что В.П. Лукин – мой старый приятель, будучи человеком раскрепощенным, на этот раз

вообще не ограничивал себя в остроумии. А между тем не все афишировали дружбу со мной. Мне очень хотелось пригласить на нашу встречу академика Р. Сагдеева, который со своей очаровательной женой Сюзан, внучкой Дуайта Эйзенхауэра, жил неподалеку. С Сагдеевым и его супругой меня связывали долгие годы тесного знакомства и взаимного расположения. Позвонил Ролику, но тот, едва услышав мой голос, сразу сказал, что, к сожалению, не может говорить, так как у него гости. Неужели его так испугала американская действительность? Но это был лишь эпизод. Позже мы встречались и подшучивали друг над другом по этому поводу.

Ответный визит директора ЦРУ и его коллег по разведке состоялся 7–10 августа 1993 года. Гости прилетели сначала в Санкт-Петербург, а потом в Москву. Визит был весьма полезным, насыщенным важным обменом мнениями. К сожалению, пребывание делегации ЦРУ в России пришлось сократить, так как в связи с убийством Ф. Вудраффа, резидента ЦРУ в Тбилиси, Вулси вылетел 10 августа в Грузию*.

Директор ЦРУ привез послание Б.Н. Ельцину от Дж. Буша, которое, с моей точки зрения, было важным по двум обстоятельствам. Во-первых, показывало, как высоко американский президент ценил набиравшие темп

---

* Сколько было противников нормальных отношений между разведками двух стран! И сколько провокационных сообщений пытались внедрить в сознание людей с этой целью! 18 августа в газете «Уолл-стрит джорнал» была опубликована статья московского корреспондента Терезы Рафаэль (Therese Raphael). В публикации, касающейся убийства в Грузии резидента ЦРУ, говорилось: «В тот день, когда Вудрафф был убит, директор ЦРУ Джеймс Вулси совершал беспрецедентный визит к своему московскому коллеге – директору Службы внешней разведки Евгению Примакову. По сообщениям западноевропейских источников, Госдепартамент теперь полагает, что это совпадение не является случайным и что убийство было организовано российскими специальными службами с тем, чтобы дать Вашингтону ясно понять, что он не должен заниматься региональными конфликтами».

контакты между спецслужбами двух стран. Во-вторых, по утверждению американских авторов, высшее руководство США больше года до ареста Эймса знало о том, что ФБР разоблачило «российского агента» и ведет его разработку. Следовательно, Дж. Буш был осведомлен о деле, которое впоследствии нанесло серьезный урон сотрудничеству СВР и ЦРУ, но, судя по факту направления послания, Буш не преувеличивал негативных результатов этого для взаимодействия наших спецслужб. А может быть, и не знал об Эймсе, а многомесячная слежка за ним – мистификация, призванная показать «непревзойденное профессиональное мастерство» ФБР?

Так или иначе, в послании Дж. Буша говорилось:

«Дорогой Борис!

Хотел бы воспользоваться визитом моего директора ЦРУ, Джеймса Вулси, чтобы подчеркнуть значительность развивающихся взаимоотношений разведывательных служб наших стран... Я очень рад, что наши разведывательные службы ведут продуктивные двусторонние беседы, и надеюсь, что эти плодотворные обмены будут продолжаться в будущем».

Вот выдержки из стенограммы переговоров делегаций СВР и ЦРУ. Я специально остановился на тематике югокризиса (хотя обсуждались и многие другие проблемы) для того, чтобы показать, насколько большое значение придавалось обмену мнениями именно по этой проблеме, как в результате «притирались» позиции. Думаю, что если бы продолжался обмен информацией и прогнозами развития событий, то, возможно, удалось бы в большей степени влиять на реальное положение дел на Балканах и не принимать таких исторически ошибочных решений, как натовские бомбардировки Югославии в 1999 году³⁷. Контакты разведок безусловно сыграли бы весьма положительную роль.

После подробного анализа обстановки в Боснии и Герцеговине состоялся такой обмен мнениями:

«**Вулси.** Обсуждение очень полезно. Мне хотелось бы продолжать его через каждые несколько месяцев. Можно было бы послать ваших специалистов по Югославии в Вашингтон. Больших расхождений не было. Невозможно найти такой подход, который все разрешит. И пусть уже Госдепартамент представит информацию о военном вмешательстве в Боснию и Герцеговину.

Примаков. По нашим данным, Милошевич сохраняет позиции, позволяющие контролировать ситуацию. Не исчерпал он и потенциал гибкости. Нельзя вести дело к тому, чтобы силовые приемы навредили. Я бы еще добавил, что взрыв ситуации вызовет мусульманское вмешательство извне. Внутреннее положение в наших странах может оказать сильное влияние в выборе решения. У нас идет сильное давление в поддержку сербов. С вашей стороны существует стремление показать твердость и решительность администрации.

Вулси. По моему анализу, нельзя сказать, что мы приближаемся к “концу игры”. Я предполагаю, что если даже соглашение в Боснии и Герцеговине и будет достигнуто, то вряд ли оно будет соблюдаться. Мне кажется, что и сербы, и хорваты, скорее всего, пойдут на объединение со своими государствами. И хотя мусульмане и желают сохранить федеративную систему, вряд ли это удастся. Они будут выступать против сербов и хорватов, таким образом динамика конфликта все-таки сохранится. Вопрос о военном вмешательстве все время будет подниматься, и возможно, что противодействовать этому станет все более и более сложно.

Примаков. Опасения заслуживают внимания. И нам необходимо, очевидно, продолжить обмен мнениями. Вы предлагаете послать несколько наших экспертов в Вашингтон. Я принимаю это приглашение. В практическом плане договоримся, когда это будет сделано».

Переговоры шли по многим другим вопросам.

Одной из тем стала перспектива обмена данными, в частности о финансовых сферах, позволявших различ-

ным фирмам и частным лицам незаконно приобретать и «отмывать» крупные финансовые суммы.

Вулси высоко оценил наше сообщение об американских обвинениях, связанных с производством оружия массового уничтожения в Иране. Доклад, который сделал Г.М. Евстафьев, был абсолютно объективным, и, как мне представляется, при продолжении обмена *реальной* информацией по этому вопросу отпали бы многие спекулятивные оценки и, во всяком случае, некоторым силам в США и вне их пределов было бы труднее использовать так называемый иранский фактор для осложнения российско-американских отношений.

Даже сопоставление дат визитов руководителей разведок – их разделяло всего несколько месяцев – показывает серьезную заинтересованность двух сторон в такой интенсивности.

Американцы стремились использовать этот канал и для получения достоверной информации о том, что происходит в России, – не исключаю, что в Вашингтоне хотели сопоставить свою информацию с эсвээровской интерпретацией той жесткой конфронтации, которая возникла в тот момент между президентом и парламентом. 24 сентября 1993 года я принял Дж. Морриса по его просьбе. Накануне ему позвонил из Вашингтона Вулси (по признанию резидента ЦРУ, сам этот факт достаточно необычен) и поручил обратиться к руководителю российской разведки с просьбой оценить происходящее в России для доклада президенту Клинтону.

Наши деловые беседы во время пребывания делегации ЦРУ во главе с Вулси в Санкт-Петербурге, куда я вылетел для встречи с американцами, перемежались культурными мероприятиями. После посещения Петродворца и Эрмитажа в доме приемов на Каменном острове состоялся ужин, на который был приглашен и директор Эрмитажа – он сам показывал нам экспонаты музея, – мой бывший коллега по Институту востокове-

дения, Михаил Борисович Пиотровский. Позже он мне сказал: «Ведь не поверят, что я сидел за столом между директорами СВР и ЦРУ».

В целом все складывалось неплохо. Настолько неплохо, что некоторые заговорили: а не пришло ли время отказаться от разведки, действующей традиционными методами, и не заменить ли все это сотрудничеством спецслужб?

Такая постановка прозвучала во время зондирующих контактов СВР с канадской разведкой (Королевской конной полицией). Нам сказали прямо: мы готовы на сотрудничество, если подпишем с вами соглашение о взаимном отказе от разведывательной деятельности.

«А как другие?» – спросили мы. Разведдеятельность может быть прекращена при абсолютно несбыточной ситуации: если соответствующее соглашение подпишут и, главное, будут соблюдать все страны. Нереальность этого показывает хотя бы то, что разведку в тех или иных формах и по тем или иным направлениям ведут в отношении друг друга даже отдельные страны – члены НАТО. А что касается «выборочного» прекращения согласно, например, канадскому предложению, то оно невозможно без всеобщего решения вопроса – развединформация будет в любом случае поступать через другие страны, например из соседних с Канадой Соединенных Штатов.

Однако видоизменить, но лишь строго на обоюдной основе, способы и методы разведдеятельности в новых условиях – такая задача вполне актуальна, о чем я уже писал выше. К сожалению, мы не были услышаны.

Но вернемся к отношениям между СВР и ЦРУ. Они развивались, я бы сказал, более чем нормально. Об этом свидетельствует хотя бы такой факт. После очередной поездки на Ближний Восток я направил 11 ноября 1993 года устное послание Дж. Вулси, в котором отмечал, что серьезные негативные последствия для всего ближневосточного урегулирования может иметь отсутствие про-

гресса на сирийском направлении, которое, как мне представляется, явно недооценивается США, особенно после некоторого успеха в переговорах израильтян и палестинцев. 19 ноября я получил ответное послание Вулси: «Я Вам очень благодарен за соображения по результатам Вашей поездки по Ближнему Востоку. Ваши комментарии очень интересны и заслуживают дальнейших обсуждений. Просил бы Вас лично принять в Москве Дж. Макгаффина и начальника ближневосточного управления Ф. Андерсона и обсудить с ними проблемы ближневосточного урегулирования, рассматривая это в качестве важного и первого шага во взаимодействии наших служб на этом новом для нас направлении. После этой встречи можно было бы организовать консультации на уровне экспертов».

Прилетев в Москву, Макгаффин сообщил, что мои соображения по Сирии были доведены до президента Клинтона, который ознакомился с ними «с большим интересом» и сказал, что «учет их при формулировании подходов администрации к мирному процессу на Ближнем Востоке».

Перелом в отношениях между СВР и ЦРУ произошел в связи с «делом Эймса»³⁸. Конечно, арест Эймса был пренеприятнейшим событием для нас – мы потеряли ценный источник в ЦРУ, но и для США тоже – выяснилось, что в течение многих лет он мог передавать нам важнейшую информацию. Хотя даже при всем при этом можно было «спустить эмоции на тормозах» – ведь никто не застрахован от подобных провалов в то время, когда никто не отказывается от разведдеятельности.

Но, по-видимому, как это часто бывает, возобладали внутриполитические интересы в США, и ЦРУ их вольно или невольно учитывало.

Фигура Эймса очень интересна. Прежде всего, я не принадлежу к тем, кто считает, что Эймс работал на Советы, а затем на Россию только ради материальной

выгоды. Конечно, получаемые им средства были немалыми, но есть доказательства совершенно иного рода. Известно, например, что Эймс под чужой фамилией пытался найти подход к корреспонденту «Правды» в США Т.А. Колесниченко. Кстати, когда Эймса арестовали и его портрет опубликовали в американских газетах, семья Колесниченко была шокирована: ведь он в течение нескольких лет бывал у них в доме. Томас Анатольевич и его супруга Светлана Яковлевна тогда и не подозревали об истинных целях такого внимания к себе. Но, вспоминает Колесниченко, Эймс мало-помалу стал проявлять все больше симпатий к происходящему в Советском Союзе, и это, по-видимому, уже не укладывалось в контекст его чисто разведывательной задачи. И Эймс, я это говорю со слов Т. Колесниченко, искренне радовался переменам в нашей стране, а ведь он, судя по всему, пришел вербовать ее гражданина. Не по этой ли причине Эймс резко оборвал свои отношения с семьей Колесниченко...*

---

* После ареста Эймс на непродолжительное время стал доступен для журналистов. Во время одной из таких встреч в тюрьме он сказал, что хотел бы дать интервью Т. Колесниченко. Это было опубликовано, и Томас Анатольевич обратился за визой в посольство США в Москве, но получил отказ. Уже в бытность мою министром иностранных дел я совершил в 1996 году поездку в США. Пригласил полететь, как это принято, группу журналистов, в том числе и от ИТАР-ТАСС Т. Колесниченко, который, чтобы «не осложнять ситуацию», заявил, что не будет ставить вопрос об интервью с Эймсом и ограничится лишь освещением моего визита. Тем не менее уже выданную Колесниченко американскую визу аннулировали накануне вылета. Однако, как мне рассказал наш тогдашний посол в США Ю.М. Воронцов, шеф американской полиции заявил встречавшим нас на аэродроме российским дипломатам, что не выпустит из моего самолета никого, пока не убедится в отсутствии на борту Колесниченко. Только твердое заявление с нашей стороны, что в таком случае визит российского министра будет сорван, остановило такую беспрецедентную операцию.

В этот же день рассказал о случившемся М. Олбрайт, подтвердив, что Колесниченко вообще не намерен ни в какой форме обращаться

Вместе с тем Эймса характеризует и то, что он не передавал никакой информации, кроме той, которая касалась американских агентов, завербованных во властных структурах или спецслужбах СССР, а затем России. Как наивно выглядят на этом фоне утверждения, будто Эймс подорвал безопасность Соединенных Штатов. В действительности он помог укрепить безопасность нашей страны, лишив американскую разведку агентуры в наиболее чувствительных государственных областях.

Я мог бы к этому добавить, и это к чести нашей разведки, что Эймса ни разу не удалось «взять с поличным». Он, например, выезжал для встречи с нашим связником в одну из латиноамериканских стран. Позже в США даже уверяли, что знали об этом, плотно опекали его, но так и не смогли зафиксировать факт встречи Эймса с нашим представителем. А встреча состоялась.

Российская разведка оказалась настолько высокопрофессиональной, что ФБР не удалось засечь ни одной тайниковой операции Эймса, а их было немало. Кстати, одна из них должна была состояться буквально за несколько дней до ареста Эймса. Но об этом тоже не знали, иначе ФБР предпочло бы взять его с вещественными доказательствами – это совершенно ясно.

Я не хочу судить о причинах провала этого важного для нас источника. Не исключено, что во время следственного процесса над арестованными по информации от Эймса американскими агентами кто-то из ведущих дело следователей мог сослаться на данные, полученные из-за

к кому бы то ни было с просьбой об организации интервью с Эймсом. Добавил, что могу гарантировать – Колесниченко никогда не был работником спецслужб. Через два дня Мадлен во время переговоров передала мне записку, в которой говорилось, что виза моему другу для освещения визита в США может быть выдана. Несмотря на то что до окончания пребывания оставалось всего два дня и к тому же Т. Колесниченко плохо себя чувствовал (может быть, сказалась нервотрепка), он из принципа прилетел на сутки. Назад, конечно, улетали вместе.

рубежа. А ведь некоторые из осужденных в нашей стране в 90-х годах были освобождены и даже выехали с разрешения властей за границу, в том числе в США. Очевидно, на каком-то этапе вычисления «крота» американским контрразведчикам помогла беспечность Эймса в отношении денежных затрат³⁹.

Так или иначе, но кольцо вокруг него начало сужаться, и он был арестован. «Признание» Эймса удалось добиться далеко не самым демократичным путем. Ему была предложена сделка: будешь сотрудничать со следствием – жена, знающая о твоей деятельности, получит меньший срок, сын будет с матерью; не будешь – сына ждет детский дом. Таким образом, заранее устанавливался срок заключения не только для Эймса, но и для жены, причем использовались такие средства давления, как любовь к ребенку.

24 февраля В.И. Трубников принял в штаб-квартире СВР представителей директора ЦРУ Дж. Макгаффина и У. Лоуфгрена, прибывших в Москву для обсуждения ситуации, сложившейся в связи с делом Эймса. В беседе американцы пытались оказать давление на нас, потребовав односторонне отозвать резидента СВР в Вашингтоне А.И. Лысенко, который, как они знали, не имел никакого отношения к Эймсу. Однако Трубников решительно отвел эти требования. Если американцы выдворят Лысенко, сказал первый заместитель директора СВР, то это не останется без ответа. Будут приняты «симметричные» меры к резиденту ЦРУ в Москве.

Приехавшие явно не рассчитывали на такую реакцию, но Лысенко все-таки был объявлен персоной нон-грата и в начале марта возвратился в Москву. В свою очередь персоной нон-грата был объявлен резидент ЦРУ Моррис, который покинул Россию. Попытка сыграть на деле Эймса, чтобы «поставить на место СВР», явно не удалась.

После всех этих событий нам стало известно, что ЦРУ осуществило вербовочный подход к резиденту СВР в Берне.

В операции принял участие Р. Моватт-Ларсен, тот самый, который поддерживал в 1992–1994 годах в Москве партнерские контакты ЦРУ с представителями СВР. Характерно, что в ответ на представление нашей разведки американская сторона, признав факт попытки вербовки, объяснила свои действия как «рутинное дело в работе спецслужб».

Встречи представителей СВР и ЦРУ происходили и после ареста Эймса. Но в свою бытность директором Службы внешней разведки я, к сожалению, пришел к выводу, что американская сторона, да и мы придерживались сугубо прагматичного, избирательного подхода к контактам друг с другом. Полный их потенциал так и не был задействован.

И дело здесь, конечно, не в Эймсе. Кстати, после истории с ним в ЦРУ последовал ряд отставок и увольнений. Настроения в американской разведке были далеко не самыми лучшими. Мы в руководстве СВР решили «не сыпать соль на раны» американских партнеров. Не было инициировано ни одного выступления в печати на тему о многолетнем достижении нашей внешней разведки. Мы не отказывались от своей заинтересованности в сотрудничестве с американскими коллегами. Может быть, как это ни покажется странным, сказала в какой-то степени и «корпоративность». Да и времена наступили новые, и мы не хотели своей непродуманной реакцией нанести ущерб межгосударственным отношениям.

О нелегком пути к равноправному взаимовыгодному партнерству в интересах стабильности и мира свидетельствует также история отношений СВР с самой опытной и опасной для нас английской СИС.

Англичане проявили инициативу в установлении первичного конфиденциального контакта с СВР. Было это сделано в 1991 году в Осло. Продолжались зондажные встречи по уточнению взаимных позиций до лета 1992 года.

Дальше англичане стали действовать по собственному «сценарию». В июне 1992 года меня посетил посол Великобритании Фолл, который не только информировал о том, что политическое руководство его страны приняло решение о сотрудничестве между российской и британской спецслужбами, но и «заодно» представил так называемую «группу связи» в Москве – резидента СИС Д. Скарлетта и представителя МИ-5 (британская контрразведка) Э. Слаттера. В начале 1993 года в посольстве Великобритании в Москве была развернута группа связи СИС в количестве трех человек. Это произошло «в явочном порядке», одновременно делалось все, чтобы заблокировать симметричные шаги с нашей стороны. Естественно, что такой дисбаланс нас не устраивал. Был направлен меморандум британской стороне, к которому мы приложили списки лиц (всего 13 человек, из них 10 британских разведчиков и 3 агента СИС), которые проявили вербовочную активность в отношении россиян. 9 марта сделали устное заявление резиденту СИС в Москве по поводу вербовочного подхода к резиденту СВР в Стокгольме.

Британские партнеры тянули время. А затем в своем ответе на наш меморандум практически отклонили предложение об открытии должности представителя СВР в Лондоне. Не было никаких вразумительных объяснений и по факту вербовочного подхода в Стокгольме. В таких условиях мы решили приостановить взаимодействие с СИС, показав бесперспективность навязывания нам неравноправных отношений.

И все-таки я решил написать письмо советнику-координатору при премьер-министре Великобритании по вопросу деятельности спецслужб Р. Брейтвейту, с которым поддерживал хорошие отношения во время его нахождения в Москве в качестве посла. В ответ сообщили, что для переговоров с директором СВР Р. Брейтвейт вылетает в Москву. Встреча состоялась 2 июня 1993 года.

Он признал оправданными наши оценки асимметрии, сложившейся в отношениях СВР–СИС, и проинформировал, что наши предложения будут удовлетворены, однако оговорился, что в Великобритании по-прежнему настаивают, чтобы вопрос о представительстве СВР в Лондоне рассматривался в одном пакете с деятельностью ГРУ.

Здесь я позволю небольшое отступление. Не только англичане, но и многие другие пытались во время моего пребывания на посту директора СВР «столкнуть лбами» внешнюю разведку с нашими военными коллегами. Этого им сделать не удалось ни разу. Что касается англичан, то я прямо сказал Брейтвейту, что ГРУ самостоятельная организация и они могли бы вступить в непосредственный контакт с ней для рассмотрения возникающих вопросов.

Решили перевести в практическую плоскость аморфные английские обещания. Заявили британской стороне, что в середине июля 1993 года будут поданы документы на визу сотруднику СВР, который назначается «открытым» резидентом для исполнения обязанностей по поддержанию контактов между СВР и СИС. Тут же оговорили, что, в случае отказа, резиденту СИС и его помощнику придется выехать из России.

23 июля по инициативе британской стороны состоялась моя очередная встреча с послом Фоллом, который заявил о готовности принять нашего резидента, но опять с оговорками: если его личность будет устраивать британскую сторону, если контакты будут сугубо конфиденциальными и так далее. Я назвал конкретную кандидатуру – заместителя директора СВР Гургенова В.И. и обратил внимание посла на то, что выбор резидента свидетельствует о важности, которую мы придаем нашим отношениям с СИС.

С учетом, как мы предполагали, позитивной позиции англичан рабочие контакты с СИС были активизированы.

Но оказалось, что англичане продолжали свою игру. 1 октября в газете «Дейли миррор» появилась публикация, в которой говорилось о нежелательности приезда в Лондон «крупного российского разведчика» Вячеслава Гургенова. Мы поняли, что ему готовится отказ в визе. Одновременно, справедливо опасаясь, что за этим последуют решительные действия, направленные на ликвидацию открытого присутствия британских разведчиков в Москве (к тому же, по нашим данным, они профессионально использовали свое пребывание под крышей посольства Великобритании), англичане предприняли обходные маневры. На фоне вновь замороженных отношений СВР с СИС стала просматриваться активность английской разведки в проведении консультаций с Министерством безопасности России, при этом исключалось прямое взаимодействие нашего Министерства безопасности с британской контрразведкой МИ-5. СИС замыкала все контакты на себя. Нам не стоило большого труда прервать такой примитивный маневр. Для этого было достаточно разговора СВР с Министерством безопасности, с которым у нас были тесные, доверительные отношения.

19 января 1994 года британская сторона вновь проявила инициативу и состоялась встреча директора СВР с послом Великобритании. Ссылаясь на инструкции из Лондона, посол предложил назвать нового кандидата на должность представителя СВР. Кандидатура Гургенова, мол, не является приемлемой, поскольку он якобы передавал иракским властям в период конфликта в Персидском заливе информацию от секретного источника, включая сведения об американском контингенте. Я сказал о полной необоснованности обвинений в адрес Гургенова, который сопровождал меня в Багдад во время кризиса в зоне Персидского залива. Добавил, что, по нашим данным, «открытый» представитель СИС в Москве Скарлетт имел отношение к вербовке Оценко.

В аналогичном ключе заявил, что мы обещаем без всякой задержки выдать визу новому английскому кандидату. А если британская сторона предпочтет не заменять господина Скарлетта, то мы оставим за собой право обратиться в печать. Присутствовавший при разговоре Скарлетт покрылся красными пятнами.

2 марта посол Великобритании в Москве был вызван во 2-й Европейский департамент Министерства иностранных дел России, где ему было сказано: в связи с невыдачей британской визы официальному представителю СВР в Лондоне «открытому» представителю СИС в Москве Скарлетту предложено покинуть Россию. Англичане в ответ потребовали выезда из Лондона советника посольства России Н.В. Явлюхина. Характерно, что в связи с публикациями в британской прессе Форин Офис отказался комментировать заявление о том, что Скарлетт является разведчиком.

После этого «лед тронулся». 8–9 сентября Москву посетили начальник регионального управления СИС Э. Фултон и директор МИ-5 Ч. Бленд⁴⁰. Англичан привезли в загородный санаторий «Барвиха», где я находился в очередном отпуске. Фултон в самом начале беседы подтвердил намерения британской стороны восстановить «искренние отношения взаимодействия с российскими спецслужбами, оставив позади неудачи, имевшие место по ряду известных причин». В ответ я сказал, что мы тоже заинтересованы в этом, но на основе полного равенства, также и по вопросам численности состава будущих представителей СВР и СИС в Лондоне и Москве.

Приводя «гипотетические примеры», решил «сыграть в простака» (естественно, твердо знал, что не подвожу ни одного нашего источника) и сказал англичанам, что у нас вряд ли бы были возражения против направления ими в Москву М. Шипстера (дело в том, что его действительно намечали к отправке в Россию в качестве «открытого резидента»), при том понимании, что он не будет,

как это делал в Индии, тайно вывозить на Запад завербованного сотрудника резидентуры чехословацкой разведки. Упоминание фамилии Шипстера произвело обезкураживающее впечатление на контрразведчика Бленда, что было видно по брошенному им взгляду в сторону разведчика Фултона. А когда я сослался на причастность Шипстера к операции в Индии, то мне показалось, что Бленд вообще на мгновение потерял контроль над своими эмоциями – уж такой утечки информации из СИС (а откуда еще!) британский контрразведчик явно не предполагал.

В «Барвихе» мы договорились и о восстановлении отношений, и об обмене информацией по организованной преступности, наркобизнесу, международному терроризму, нераспространению оружия массового поражения, развитию ситуации в «горячих точках».

Когда я уже был министром иностранных дел, находясь в Лондоне, встретился со своим старым приятелем еще по совместной работе на Ближнем Востоке Ющук-ом Р.В. – в эту пору «открытым» резидентом СВР в Великобритании. Он меня познакомил с Шипстером – своим партнером по контактам со стороны СИС. Я в шутку извинился перед Шипстером за то, что помешал его карьере в Москве.

Другим «сюрпризом», который ждал меня в Лондоне во время моего визита в английскую столицу в марте 1997 года в качестве министра иностранных дел, была встреча с одним из самых лучших – во всяком случае, я так считаю – авторов политических детективов Джоном Ле Карре. Наш посол А.Л. Адамишин пригласил по моей просьбе его с женой на обед. Встреча была абсолютно непринужденной. Мы с моей супругой получили огромное удовольствие от беседы с этим интереснейшим человеком. Как давнему почитателю творчества бывшего разведчика Дэвида Корнуэлла, снискавшего всемирную известность под именем Ле Карре, мне было особенно

приятно получить недавно вышедшую книгу «Люди Смайли» с надписью от автора: «Евгению Максимовичу Примакову с моими искренними теплыми пожеланиями и с надеждой на то, что мы будем жить в гораздо лучшем мире, чем тот, который описан здесь».

Обобщая написанное в этом разделе, можно сказать, что с трудом, но открывалась новая страница в деятельности внешней разведки России – партнерские взаимоотношения со спецслужбами других стран. Это приносило, безусловно, большую пользу. Дело ведь не только в обмене информацией, но и в установлении конфиденциального канала связи, которым нередко пользовались руководители России и других стран.

Промышленный шпионаж сегодня

В конце 1993 года меня пригласили выступить на президиуме Академии наук России. Многих присутствовавших на заседании крупнейших ученых, среди которых были и лауреаты Нобелевской премии, я хорошо знал в бытность членом президиума АН СССР. Некоторые из них продолжали возглавлять ведущие научно-исследовательские центры страны, другие стали советниками, но от активной научной жизни не отошли. Инициатором моего выступления, которое я озаглавил «Некоторые проблемы научно-технической разведки», был президент Академии Юрий Сергеевич Осипов.

Ученые, сидевшие в конференц-зале Российской академии наук – во всяком случае, многие из них, – хорошо знали о том, как внешняя разведка помогла созданию атомного оружия в СССР или, например, получению станков, позволивших решить стратегическую проблему снижения шумности подводных лодок. Однако надо

сказать, что я не принадлежал к тем, кто приписывал разведке чуть ли не все успехи, вольно или невольно принижая ту роль, которую играли наши ученые в производстве ядерного оружия или вообще в резком росте обороноспособности страны. Я выступал в стенах академии как раз в то время, когда появились мемуары некоторых участников «ядерного шпионажа», в которых содержались такие не соответствующие действительности акценты.

Но свой доклад решил не делать «ретроспективным». Хотел показать, как разведка работает в научно-техническом направлении в новых условиях, какие проблемы она «высвечивает» своими методами и как это отражается или может отразиться на развитии наукоемкой промышленности России, как это помогает или может помочь сконцентрировать наши научно-технологические усилия на наиболее перспективных направлениях.

Спецслужбы США, Англии, ФРГ, Франции, Израиля, Китая, Индии, Ирана и других государств по-прежнему интересуются образцами вооружений, технологиями, связанными с их изготовлением. На этом поле продолжает действовать и разведка России. Вместе с тем объектом разведдеятельности являются и гражданские научно-исследовательские центры и производства. В этом тоже нет ничего нового. Промышленным шпионажем занимаются все разведки мира. И он – хотим мы этого или нет – будет существовать до тех пор, пока существуют промышленные секреты, закрытые по военным или коммерческим соображениям.

Суммируя, можно сказать, что объектом внимания разведывательных служб является процесс создания принципиально новых технологий и продукции, оказывающих существенное влияние на положение дел не только в военной, но и в гражданской областях.

Мы внимательно изучали деятельность иностранных разведок в научно-технической области и пришли к вы-

воду, что все концентрируются лишь на некоторых стадиях инновационного процесса, объединяющего фундаментальные, прикладные исследования и внедрение в производство. Материалы, связанные с научным открытием, его теоретическими результатами, обычно публикуются в открытых изданиях. Их анализ – главным образом дело ученых, практиков. Но уже на стадии лабораторной демонстрации возможностей применения новых технологий или разработок, и особенно при создании прототипа, его масштабных испытаний и опытного производства, тематика жестко цензурируется или вообще исчезает из обсуждений на открытых научных симпозиумах, ограничивается возможность встреч с авторами публикаций. Вот тут в основном и работают разведки.

Могла ли Россия отойти и отказаться от подобной работы? Конечно нет. Между тем какой шум поднялся в связи с «откровениями» предателя Оценко, которого я уже упоминал, занимавшегося научно-технической разведкой, и какую приглушенную, чуть-чуть слышную реакцию в прессе вызвала высылка из той же Франции пяти сотрудников ЦРУ Соединенных Штатов, уличенных в промышленном шпионаже!

В 90-х годах наша научно-техническая разведка была нацелена, можно сказать, на аналитическую работу. Она осуществлялась по двум направлениям: во-первых, отслеживание изменений подходов к так называемым «критическим технологиям»*, корректировки их приоритетности в ведущих индустриальных государствах и, во-вторых, выявление реальной оценки ведущими зару-

---

* В начале 90-х годов в США, Японии, ведущих странах Западной Европы была окончательно осознана невозможность и контрпродуктивность попыток обеспечить технологическое лидерство на всех направлениях одновременно. В результате на основе коллективных экспертных оценок были определены перечни «критических технологий». Этот список периодически пересматривается.

бежными экспертами положения дел в различных отраслях науки и техники России и степени заинтересованности ведущих индустриальных государств в адресном сотрудничестве с Россией в конкретных областях. Понятно, что такая информация важна и для политического руководства страны, и Академии наук, так как способствует оптимизации усилий по перегруппировке наших, на сегодняшний день небольших, средств и возможностей. Одновременно такая информация содержала и контрразведывательный аспект.

В одном из конфиденциальных американских документов, добытых СВР, говорилось: «Все интересующие нас российские технологии были созданы военно-промышленным комплексом и имеют либо чисто оборонное, либо двойное назначение. Для ряда технологических разработок аналогов в американской промышленности не имеется». В документе при этом особое внимание проявлялось к созданию вихревых потоков, позволявших повысить теплоотвод в турбинных двигателях, ряду металлургических разработок, получению монокристаллических структур, созданию экзотических материалов, вопросам разработок антенных устройств и лазерных зеркал, обеспечению бесперебойной связи на этапе вхождения космических аппаратов в плотные слои атмосферы, очистке в условиях космоса медицинских материалов, разработке защитных покрытий для изоляторов, математическим алгоритмам обработки изображений и так далее.

Я не хотел бы, чтобы у читателя возникло подозрение, что, докладывая об этом документе, СВР имела в виду необходимость закрыть эти сферы для международного сотрудничества. Отнюдь. Мы отлично понимали, что после окончания периода холодной войны Россия втягивается в международное разделение труда и этот необратимый процесс развивается также в научно-технической сфере. Для СВР не было никаких сомнений в том, что

изоляция угрожает не только потерей позиций, завоеванных российской наукой и техникой, но и тупиком для научно-технического прогресса в нашей стране на будущее. Причем в создавшейся российской ситуации среди мотивов расширения сотрудничества с иностранными партнерами контрастно вырисовывалась задача сохранить научные кадры и достигнутый уровень исследований.

Знали мы и о том, что очень многие иностранные партнеры заинтересованно и честно развивают научные связи с Россией, оказывают помощь и поддержку нашей науке в столь тяжелое для нее время. Вместе с тем некоторые моменты сотрудничества российских научно-исследовательских учреждений с внешним миром вызвали у нас законную озабоченность.

В упомянутом мною докладе на заседании президиума Академии наук России я сказал:

«Служба внешней разведки далека от мысли видеть во всем происки “коварного врага”, если употреблять терминологию прошлого. Скорее, здесь сказываются объективные последствия того тяжелого материального состояния, в котором находятся российская наука и ученые. При этом, однако, не исключается и субъективное стремление определенных кругов зарубежных стран использовать это состояние с максимальной для себя выгодой».

Анализируя общую ситуацию с международным сотрудничеством России по научно-технической линии, СВР пришла к выводу о том, что без радикальных шагов по быстрому и эффективному восстановлению нормального жизнеобеспечения и научной деятельности кадров – хотя бы на первых порах в приоритетных, специально оговоренных областях научно-теоретической деятельности – иностранные партнеры поставят нашу науку по целому ряду позиций в неравные условия, получив за счет интересов России максимальные для себя выгоды».

На чем основывался этот вывод?

1. Происходит, по сути, физическое растаскивание российского интеллекта, «перекачка мозгов». Только в США в различных областях науки и техники работает около десяти тысяч высококвалифицированных российских специалистов, которые с полным основанием могут быть отнесены к научной элите.

2. В большинстве случаев валютное покрытие расходов иностранных заказчиков российским НИИ и КБ на порядок и даже несколько порядков ниже аналогичного уровня в развитой западной стране. По мнению экспертов разведки, иностранные партнеры в целом ряде случаев широко используют несовершенную российскую систему защиты интеллектуальной собственности.

3. Имеются большие подводные камни в научно-техническом обмене России с Западом. Управление военных программ министерства энергетики США в сентябре 1993 года, например, подготовило доклад, в котором говорилось, что через канал научно-технического сотрудничества с Россией, созданный «для стабилизации российской науки», будет осуществлен поиск уникальных технологий для передачи их в американскую промышленность и национальным лабораториям. Одновременно наблюдается стремление США и некоторых партнеров из других стран исключить доступ российских специалистов к передовым технологиям.

Естественно, что все эти положения были подкреплены многочисленными примерами.

Еще одним «новшеством» в СВР было создание самостоятельного управления экономической разведки. В числе его функций – контроль за выполнением зарубежными странами экономических соглашений, заключенных с Россией; определение объективных и субъективных причин, если такие соглашения не претворяются в жизнь; определение тех резервов, которыми обладают наши зарубежные партнеры при подготовке соответствующих

документов, их реальной, а не запросной позиции; действия, способствующие возвращению долгов России (они в сумме примерно равны российским долгам); проверка истинной дееспособности фирм, предлагающих свои услуги различным российским организациям, и так далее.

Особое значение в новых условиях приобрело обеспечение экономической безопасности страны. Диапазон этого понятия достаточно широк. Это – создание условий, при которых Россия входит в мировое хозяйство не в качестве его сырьевого придатка. Это – снятие искусственных препятствий, мешающих выходу на мировые рынки российской конкурентоспособной продукции. Это – противодействие попыткам выбить Россию с завоеванных позиций в области военно-технического сотрудничества с зарубежными странами и воспрепятствовать поискам новых рынков сбыта российских вооружений. Последнее особенно болезненно для России в нынешний период, так как от сбыта продукции ВПК за рубежом во многом зависят экономическое благосостояние двух с лишним десятков миллионов россиян и в целом социальная обстановка в обширных регионах Российской Федерации. Все это должно находиться в поле зрения экономической разведки.

Вот один из примеров. В 1995 году пакистанские представители настойчиво ставили вопрос о массовой закупке у России боевых самолетов. Эти вопросы были поставлены и перед директором СВР. К этому времени мы уже знали о том, что осуществляется многоцелевое активное мероприятие. Пакистан стремился оказать давление на США, которые, будучи недовольными его позицией в вопросах нераспространения ракетно-ядерного оружия, заблокировали 500 млн долларов, предназначенных для закупки Пакистаном средств ВВС в Соединенных Штатах.

Другим направлением этого активного мероприятия – возможно, даже первым – была Индия, и здесь Ислама-

бад, очевидно, действовал уже не в одиночку. Речь шла о попытке нанести серьезный урон российско-индийскому военно-техническому сотрудничеству.

Для того чтобы доложить политическому руководству России ситуацию в полном виде, пакистанцам по линии спецслужб был задан вопрос: обладают ли они необходимыми наличными средствами для закупки самолетов?

«Мы получили большой кредит из Саудовской Аравии», – последовал ответ.

Экономическое подразделение СВР проверило эту информацию и выявило, что никаких займов или кредитов Пакистан из Саудовской Аравии на эти цели не получал.

Мысли вслух

Может ли быть внешняя разведка идеологизированной? Однозначного ответа на этот вопрос, очевидно, не существует. Особенно если рассматривать практику разведки ретроспективно. Я был знаком, даже находился в приятельских отношениях с Дональдом Маклейном – одним из представителей блистательной «кембриджской пятерки», которой, наверное, нет равных в истории мировой разведки. Будучи заместителем директора Института мировой экономики и международных отношений, я много часов провел с этим незаурядным, талантливым человеком, который значился в институте как Марк Фрейзер, а после двадцатилетнего периода, отделявшего от появления в СССР, – он и его семья были вывезены из-под носа у английской контрразведки, которая напала на след высокопоставленного сотрудника Форин Офис, работавшего на Москву, – он снова стал Дональдом Маклейном, точнее, Дональдом Дональдовичем Маклейном, как его величали в ИМЭМО.

Шотландский лорд, он ни за какие деньги не связал бы свою судьбу с советской разведкой. Собственно, те средства, которыми он располагал, по-видимому, были бы достаточны для того, чтобы содержать внешнюю разведку СССР. Но Маклейн стал работать с ней из идеологических соображений. Я помню, как в ИМЭМО Дональд Дональдович выступал на ситуационных анализах – доктор исторических наук Маклейн, будучи одним из самых эрудированных сотрудников института, привлекался к обсуждению наиболее острых внешнеполитических вопросов, – говорил чисто по-русски, но с «неизлечимым» английским акцентом: «В интересах *нашего* государства» (то есть СССР) следовало бы сделать то-то и то-то.

Нельзя сказать, что Маклейн не любил Британию, особенно Шотландию. Но он был патриотом Советского Союза исходя из идеологических соображений. Однако не хотел бы упрощать Дональда Дональдовича. Вместе с нами он переживал драму развенчания Сталина, раскрытия преступлений, никоим образом не совместимых с идеологически чистым социализмом, в который он свято верил. Мы много говорили с ним на эту тему.

Неизлечимая болезнь, а Маклейн ей мужественно сопротивлялся, конечно не без помощи врачей, целое десятилетие, в конце концов увела этого замечательного человека из жизни. Весь институт, все его коллеги по внешней разведке провожали Маклейна в последний путь.

В ИМЭМО работал и продолжает работать научным сотрудником другой известнейшей разведчик, Джордж Блейк. Я был причастен к тому, что он был принят на работу в наш институт. Дональд Дональдович как-то сказал мне, что к нам очень хотел бы прийти бежавший из лондонской тюрьмы, где он должен был отбывать длительный срок за связь с советской разведкой, и «очутившийся» в Москве знаменитый Блейк – тот самый, который передал нам чертежи тоннеля, прорытого в Берлине

к кабелям секретной связи нашего военного командования, и сведения о том, как американцы прослушивают все разговоры, ведущиеся по этой связи. Узнав об этом, мы вели разговоры направленно, и, я думаю, нам удалось длительное время дезинформировать тогдашних наших противников. У Джорджа Блейка были и другие заслуги перед советской разведкой. Ходатайствуя за своего друга, Маклейн сказал, прищурившись: «Поверьте, хоть Блейк и контрразведчик, но он – умный». И в Великобритании разведчики, считающие себя в высшей степени интеллектуалами, любят подшучивать над своими коллегами из контрразведки.

Блейк действительно оказался очень умным, способным и обаятельным человеком. Он был прекрасно принят в ИМЭМО. Перейдя в разведку, я продолжал дружить с Георгием Ивановичем, так мы его называли. На всех торжествах в СВР Д. Блейк всегда был одним из самых желанных гостей. Да, собственно, о каких гостях может идти речь – он был плоть от плоти свой, и говорю об этом абсолютно без всяких натяжек.

Помню выступление Блейка перед командным составом СВР. Он сказал: «Если бы жизнь начинал снова, то хотел бы, чтобы она была той, которую прожил. Да, я верил в коммунистические принципы, хотя и отлично теперь понимаю, что, с одной стороны, это далеко не во всем то, что закладывалось на практике, и, с другой – очевидно, психологически человечество не доросло и еще долго не соединится с этими принципами».

Можно разделять или не разделять эту точку зрения, но совершенно ясно, что причина прихода Джорджа Блейка к сотрудничеству с советской разведкой была идеологической.

А как стало сейчас? Можно ли сказать, что после деидеологизации международных отношений единственной основой для привлечения иностранцев или сохранения их в качестве источников СВР является материальная

заинтересованность? Отрицательный ответ на этот вопрос дала жизнь.

Как-то мне доложили: наш источник, работающий весьма длительное время в одной из европейских стран, передал в Центр, что в связи с отказом России от коммунистической идеологии он не находит больше смысла продолжать свою работу на нашу разведку. Источник был ценный. К тому же, судя по характеру его обращения, это был человек несомненно честный. В аналогичных случаях отказа от работы обычно связи незамедлительно замораживаются, проводится многосторонний анализ всего периода сотрудничества и «подавшее на развод» лицо исключается из агентурной сети.

Я попросил не спешить. Продиктовал ему письмо, в котором попытался показать, насколько и в новых условиях важна для стабильности в мире сильная Россия и как этого не хотят некоторые круги, работающие в защиту тех интересов, которые не имеют ничего общего ни со стабильностью, ни с установлением справедливого миропорядка.

Ответ пришел не сразу. Его автор сообщил, что готов продолжать сотрудничество, и еще в течение многих лет, как я знаю, делал очень важную для нас работу. Правда, после своего ответа он 7 ноября поздравил сотрудников разведки с годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции. Затем такие поздравления прекратились...

Вообще история разведки свидетельствует о том, что «идейная» основа работы с источниками никогда не была «исключительно чистой», не сводилась лишь к одной коммунистической идеологии и всегда содержала в себе политический элемент. В различные годы нам предлагали свою помощь люди, движимые, например, ненавистью к фашизму или стремлением сохранить мир. Да и сейчас многие не хотят жить в однополярном мире, испытывать на себе никем не «сбалансированный» одно-

сторонний диктат. Нас поддерживают и в стремлении найти политические решения урегулирования кризисных ситуаций, с симпатией относятся к российской политике противодействия терроризму, экстремизму, религиозному фанатизму в целом.

А теперь другой вопрос: может ли внешняя разведка участвовать во внутриполитических процессах в своей стране? Категорически уверен, что не должна этого делать. Речь при этом идет в первую очередь о невозможности для разведчика принадлежать к той или иной партии, политической структуре – даже во «внеслужебное время». Жизнь показывает, что бывает абсолютно невозможно отделить внеслужебное времяпрепровождение от реальных рабочих дел.

Собственно, это даже не российская специфика. Известно, например, что при правительстве Г. Коля БНД возглавлял человек, ранее принадлежавший к социал-демократической партии⁴¹. Это ему нисколько не мешало служить государственным интересам (естественно, как он их понимал) и, во всяком случае, не расходиться с федеральным канцлером в его видении задач германской внешней разведки. Не думаю, что и в ЦРУ нет людей, внутренне симпатизирующих республиканцам, когда у власти находятся демократы, и наоборот. Но это тоже не приводит их к внутрипартийному соперничеству, которое особенно остро проявляется во время предвыборной кампании.

Внешняя разведка и как организация, как ведомство не должна принимать участие во внутриполитических делах. Но это можно обеспечить лишь в одном случае: если она не является частью любого правоохранительного органа, который в силу своих функций не может не вовлекаться во внутриполитические коллизии. Именно выделение СВР из КГБ привело к тому, что события октября 1993 года, вылившиеся в прямое столкновение парламента с президентом, задели «Ясенево» лишь «по

касательной». Естественно, мы не затыкали уши ватой, следили за происходившим не как посторонние наблюдатели, но не вмешивались в события. Я не собирал директорат для вынесения политических вердиктов. Созвал лишь совещание руководителей подразделений СВР, дав указание усилить охрану территории штаб-квартиры, а офицерам не выходить в город с табельным оружием. Любая политическая заангажированность в тот момент нам дорого стоила бы – мы могли потерять значительную часть своего агентурного аппарата.

Такую позицию понимал президент. Кстати, СВР была единственной спецслужбой, куда он во время разворота событий ни разу не позвонил.

Это, еще раз повторяю, не имело ничего общего с сознательным «уходом в кусты». Накануне событий, как известно, президент подписал Указ № 1400 о роспуске парламента. Я узнал об этом за несколько часов до встречи с друзьями в клинике Владимира Ивановича Бураковского – блестящего хирурга-кардиолога, поистине большого человека, которого все мы очень любили и часто собирались у него после работы. Ехал к нему по Ленинскому проспекту, когда в машину позвонил Ельцин.

– Как вы относитесь к моему указу? – спросил президент.

– Мне кажется, что он не до конца продуман.

– Я ожидал другого ответа от директора Службы внешней разведки.

– Я сказал вам так, как думаю. Было бы гораздо хуже, если бы руководитель Службы внешней разведки говорил неправду своему президенту. Но мое отношение к указу – это мое личное отношение. И я уверен, что вы не заподозрите СВР в антипрезидентских настроениях.

Ельцин положил трубку и больше ни разу не возвращался к этому телефонному разговору.

То, что внешняя разведка не принадлежит к правоохранительным органам, ее полная самостоятельность

важны еще и тем, что это дает ей возможность без всякой корректировки доводить свою точку зрения до политического руководства страны. Когда я был кандидатом в члены Политбюро и, позже, членом Президентского совета и Совета безопасности, мне не раз приходилось читать закрытые сообщения КГБ о внешнеполитической ситуации. Во многом они не имели ничего общего с той информацией, которую передавало ПГУ, не обладая правом прямого выхода на руководство страны, минуя руководителей Комитета госбезопасности. И этим подчас пользовались те, кто в своих внутривластных целях хотел представить положение в ракурсе, не отвечающем действительности. Сколько, например, наделали шума заявления о том, что ЦРУ имело в лице некоторых «перестроечных руководителей» своих «агентов влияния». Будучи директором СВР, я, отвечая на вопрос Генпрокуратуры РФ, дал задание тем подразделениям разведки, которые могли бы иметь подобные данные, тщательно проверить все материалы на этот счет. Ответ был однозначный – никаких данных такого рода не было и нет. А ведь ссылались на разведку.

До какой степени разведка должна быть открытой или, иными словами, где пределы гласности в ее работе? Строгое соблюдение секретности, конечно, необходимо для разведки. Критерием определения предела гласности было и остается ненанесение ущерба оперативной работе и людям, в нее вовлекавшимся или вовлеченным, их семьям, друзьям, окружению.

Исходя из этого, мы в 90-х годах начали по-новому относиться к архивам СВР. Специальное подразделение отфильтровывает и обнародует многие из закрытых ранее эпизодов жизни внешней разведки, показывает ее положительную роль, особенно в переломные моменты развития международной обстановки, возвращает истории неизвестные до настоящего времени имена разведчиков – самоотверженных борцов за интересы своего

народа. Начался выпуск и многотомных очерков по истории разведки России⁴².

Причем такой «луч гласности» был направлен не только в прошлое. Было создано Бюро СВР по связи с общественностью. Оно установило тесный контакт с журналистами, пишущими или снимающими фильмы о внешней разведке.

Но такие новшества не имели и не имеют ничего общего, я бы сказал, с аморальной «экзальтацией», даже обращенной в прошлое. Некоторые сотрудники упомянутого бюро многократно обращались ко мне с просьбой признать факт работы на КГБ известных по делу о так называемом «атомном шпионаже» супругов Розенберг, ссылаясь на такой, с позволения сказать, довод – «да об этом все пишут». Что ж... супруги Розенберг действительно опасались, что одностороннее владение США атомной бомбой может вовлечь все человечество в новую бойню. Но супруги Розенберг при этом даже ценой своей жизни категорически отвергли обвинения в том, что они «агенты КГБ». И погибли на электрическом стуле. В таких условиях никто, тем более российская разведка, не имеет морального права разглагольствовать о принадлежности супругов Розенберг к КГБ. Ни я, ни мои, уверен, преемники никогда не поступят таким образом.

В 1992 году внешняя разведка России приобрела легальный статус. Был принят Закон о внешней разведке, который вместе с поправками к нему, одобренными Государственной думой, создал правовую регламентацию деятельности СВР. С одной стороны, закон зафиксировал, что разведка действует на правовом поле и это дает ей определенные гарантии и права. С другой – по закону разведка подконтрольна парламенту. Это был еще один шаг, и немалый, создающий необходимые общественные условия работы такого непростого организма, как Служба внешней разведки.

II. Вереница лиц

За время пребывания в СВР у меня бывали закрытые или полуоткрытые поездки за рубеж. Эти поездки способствовали решению самых серьезных проблем. Не обо всех я могу рассказать в этой книге. Но самым большим впечатлением от этих поездок были встречи с выдающимися людьми. Со многими из них я подружился.

Первая встреча с Милошевичем

Мой переход в разведку совпал с набиравшим силу и калейдоскопически менявшим контуры конфликтом в Югославии, а после 1991 года – бывшей Югославии. Скажу несколько слов о том, что определило отношение к конфликту со стороны США и ряда европейских стран.

В 1990 году в Югославии впервые за послевоенный период были проведены выборы на многопартийной основе. В Словении, Хорватии, Македонии, Боснии и Герцеговине Союз коммунистов Югославии потерпел поражение. Коммунисты сохранили власть лишь на оставшейся территории бывшей Югославии – в Сербии и небольшой Черногории. В 1991 году из СФРЮ вышли и заявили о своей самостоятельности Словения, Хорватия, а несколько позже Македония и Босния и Герцеговина – здесь коммунисты проиграли выборы.

Таким образом, руководитель Сербии Слободан Милошевич приобретал для многих на Западе чисто идеологическую «окраску». «Идеологический подход» к нему со стороны руководителей США и некоторых западноевропейских стран стал еще более контрастным, когда Милошевич возглавил Социалистическую партию Сербии,

которая считается преемницей Союза коммунистов Югославии.

Настроения против Милошевича на Западе еще более усилились, когда Сербия проявила стремление удержать откалывающиеся части Югославии в лоне общего государства. Сначала произошли столкновения Югославской народной армии (ЮНА) с войсками словенской территориальной обороны; еще более жестоким и продолжительным оказался конфликт между ЮНА и хорватскими вооруженными формированиями. 10 тысяч человек были убиты, среди них несколько тысяч мирных граждан. Более 700 тысяч человек превратились в беженцев. Лишь вмешательство 14-тысячного контингента сил ООН позволило приостановить военные действия.

К середине 1992 года обострение югославского кризиса оказалось связанным с обстановкой в Боснии и Герцеговине (БиГ). Сербы, населявшие БиГ, отказались весной 1992 года принять участие в референдуме, в результате которого большинство проголосовало за создание независимого государства на всей территории Боснии и Герцеговины. Вместо этого сербы провозгласили создание своего государства – Республики Сербской, естественно тесно связанной с Белградом, руководимым Милошевичем. В БиГ начались кровавые столкновения, которые привели к беспрецедентной эскалации насилия. 70 процентов территории БиГ оказалось в руках сербов, что также непосредственно связывалось с политикой Милошевича.

Конечно, для этого были определенные основания. Но вместе с тем западные СМИ, односторонне показывая события, настраивали мировую общественность против сербов и в конечном счете против «коммуниста Милошевича». Несколько примеров. Правду об убийстве мусульманскими боевиками свыше 20 жителей Сараево, стоявших в очереди за хлебом, объявили лишь через несколько дней, когда уже за это преступление были осуж-

дены сербы. По западным телевизионным каналам в декабре 1992 года передавался репортаж о похоронах мусульман – «жертв сербского геноцида». Но похоронную процессию возглавляли православные священники. Потом извинились за неточность.

27 апреля 1992 года Сербия и Черногория учредили в своем составе Союзную Республику Югославию (СРЮ), приняв новую Конституцию страны. СРЮ буквально сразу же была подвергнута санкциям (май 1992 г.) по решению Совета Безопасности ООН.

20 декабря 1992 года в Сербии и Черногории состоялись многопартийные выборы депутатов республиканских и федерального парламентов. Одновременно избирались президенты двух республик. Особое внимание было приковано, естественно, к выборам президента Сербии – фигуре, определяющей политику новой федерации. За выборами следили 175 наблюдателей из различных международных организаций и 20 стран. Победила Социалистическая партия Сербии. Президентом Сербии был избран Милошевич.

Накануне выборов в Брюсселе состоялась сессия Совета НАТО, на которой раздались призывы применить против сербов силу. Многие связывали это с предстоящим голосованием, с попыткой оказать влияние на выборы. Но это была не просто пропагандистская акция. СВР имела все основания считать, что с приходом в Белый дом демократов позиция США ужесточается в отношении СРЮ, а это, несомненно, сказывается на позиции НАТО.

В таких условиях следовало попытаться переломить ситуацию. Определенные шансы на это давал план урегулирования в БиГ, выдвинутый 2 января 1993 года сопредседателями конференции по бывшей Югославии С. Вэнсом и Д. Оуэном. Первый представлял ООН, второй – Европейское сообщество. В Женеву на переговоры

были приглашены делегации трех конфликтующих сторон – мусульманской, хорватской и сербской.

4 января 1993 года я направил президенту Ельцину записку, в которой поставил вопрос о поездке директора службы или его заместителя в Белград для встречи с президентом Сербии Милошевичем. В записке, в частности, говорилось:

«На основе имеющихся данных С. Милошевичу можно было бы показать реальность силовой крупномасштабной акции против Сербии и ее последствия. Ему следовало бы также предложить осуществить значимые политические шаги, призванные разрядить обстановку.

Конструктивная позиция по политическому урегулированию, активно занятая президентом Сербии, может облегчить нашу деятельность в ООН по справедливому урегулированию в БиГ.

Такой разговор с С. Милошевичем представляется желательным и с точки зрения внутривнутриполитической обстановки в России. Президент РФ должен иметь возможность сказать, что сделал все, чтобы предотвратить удар по Сербии».

Согласие Б.Н. Ельцина было получено на следующий день, 5 января.

В результате переписки по спецканалу договорились, что встреча с Милошевичем состоится в Белграде 8 января в 20.00, через час после посадки самолета. Югославы подчеркнули, что время беседы не ограничивается. Но такая договоренность свидетельствовала о том, что сделано лишь полдела. Аэропорт в Белграде был закрыт, так как действовали санкции против Югославии. Запротировали специальный комитет ООН по санкциям о разрешении полета. Пришел встречный вопрос: кто летит? Ответили: группа российских дипломатов. Опять вопрос: кто поименно? Ответили, что не считаем обязательным перечислять все фамилии – это не предусмотрено никакими правилами. Тогда нам передали: полет не запре-

щен, но учтите, что аэродром Сурчин (Белград) давно не принимает самолеты.

Это мы почувствовали. Садись в темноте, «на свой страх и риск». Командир корабля Ту-134 Сергей Николаевич Фифилов – прекрасный летчик, в чем я убедился не только в тот раз, вывернул самолет из снежной пелены прямо над посадочной полосой. И сели как ни в чем не бывало.

В резиденции нас уже ждал С. Милошевич. Хоть встречались мы с ним первый раз, все располагало к откровенному дружескому разговору. По дороге к Милошевичу я разговаривал с очень симпатичным коллегой – руководителем сербской разведки, который сказал, что Слободан многого ждет от этой встречи и готов к самому серьезному обмену мнениями. Бросилось в глаза отсутствие чопорного протокола, который как-то отбивает – у меня, во всяком случае, – желание сразу переходить на деловой тон с собеседником. Милошевич предложил нам отдохнуть с дороги, перекусить, но без назойливости, тем более без показного радушия. Я ответил, что сначала лучше подробно переговорить, а затем мы воспользуемся его гостеприимством.

Разговор происходил один на один через переводчика. Понравилось и то, что Милошевич не начал беседу с многочисленных приветствий в адрес руководителей нашей страны и горячей благодарности за поддержку. В некоторых восточных странах эта часть беседы иногда очень затягивается или даже становится преобладающей над всем остальным. Сдержанный, не суетливый, медленно излагающий свои мысли, умеющий внимательно выслушивать партнера – таким зафиксировался у меня в памяти Милошевич. Эта характеристика, как мне кажется, подкреплялась и его внешним обликом: спокойное лицо с высоким лбом, живые глаза, которые прямо глядели на меня, когда я говорил с ним.

Сказал Милошевичу, что, по нашему мнению, стабильное положение в Сербии может быть подвергнуто испытанию, если не найти мирного решения в Боснии и Герцеговине. Есть внешняя опасность, есть и внутренняя. Прошедшие выборы показали усиление позиции крайних националистов. Для кого-то это оказалось неожиданным – для нас нет, так как их партию подпитывают кровавые столкновения в БиГ.

Мне показалось, что Милошевичу импонировала и прямая постановка мной вопроса о необходимости перечеркнуть делом его, к сожалению, устоявшийся образ человека, далекого от миротворчества.

Спросил, собирается ли он ехать в Женеву для трехсторонних переговоров по плану Вэнса – Оуэна. Он ответил отрицательно. Я не согласился с этим, подчеркнув, что участие Милошевича будет самым заметным событием и в конечном счете решит исход переговоров.

– Но с чем ехать в Женеву, если антисербский настрой доминирует в отношении БиГ, Югославии и особенно меня?

– Вот и нужно его поколебать, – заметил я. – А с чем ехать? В своих выступлениях вы не раз упоминали правильные идеи, которые могут проложить путь к миру, но делали это разрозненно. Даже если вы отберете и объедините эти уже высказанные вами идеи в одну систему, получится единая позиция, которая, я уверен, поможет принятию плана Вэнса – Оуэна.

– Но против этого плана выступают мусульмане.

– Тем более нужна активная поддержка плана со стороны сербов. Во-первых, при обозначении на карте 10 районов БиГ по плану сербам отводится более половины территории. Во-вторых, почему сербам нужно становиться в один ряд с теми, кто хочет торпедировать проект, поддерживаемый практически всем мировым сообществом? Ведь при нынешнем отношении к сербам все скажут, что его сорвали именно они, а не кто-либо другой.

Далее разговор пошел о планах Великой Сербии. Я подчеркнул, что они в нынешних условиях абсолютно неосуществимы, даже ценой большой крови. Милошевич с этим согласился.

Я сказал Милошевичу: хочет этого кто-то или нет, но такова реальность – он является ключевой фигурой и от него во многом зависит развитие событий на всей территории бывшей Югославии, а сегодня особенно в БиГ. Однако такая реальность должна быть со знаком «плюс». Иными словами, все должны представлять себе вполне определенно, что Милошевич является ключевой фигурой при решении проблем *мирного* урегулирования.

Конечно, не обошли отношения между нашими странами. Говоря об их прочном фундаменте, я заметил, что Россия вместе с тем не может автоматически следовать за кем-то – это необходимо принимать во внимание нашим партнерам, какими бы они ни были близкими.

Беседа, основную суть которой я изложил, не была, конечно, первым разговором российского представителя с Милошевичем. С ним шел интенсивный диалог по линии руководства МИДа. Но все-таки, очевидно, эта его встреча с директором СВР имела значение. Милошевич принял решение лететь в Женеву. Это сыграло решающую роль.

Р. Караджич, возглавлявший сербскую делегацию, лишь накануне отверг предлагаемые принципы конституционного устройства БиГ. В результате был практически заблокирован переход к обсуждению вопросов территориального разграничения. Положение резко изменилось после приезда в Женеву С. Милошевича. Сербская делегация приняла план конституционного устройства независимой Боснии и Герцеговины, разработанный ООН и Европейским сообществом, при условии его одобрения парламентом боснийских сербов.

С. Милошевич в интервью белградскому телевидению назвал достигнутые договоренности «очень важным

и необходимым шагом по пути к миру». Он особо выделил два принципа в проекте будущего конституционного устройства БиГ: признание равноправия трех народов и решение всех важных вопросов путем консенсуса.

14 января было дано поручение представителю СВР в Белграде довести до С. Милошевича, что президент России положительно отреагировал на его позицию по вопросу урегулирования боснийской проблемы и дал указание нашим службам и ведомствам предпринять ряд мер, направленных на то, чтобы добиться отказа некоторых стран Запада и мусульманского мира от негативного отношения к Белграду. Это должно способствовать продвижению к компромиссному урегулированию в БиГ.

На следующий день С. Милошевич отправил, через представителя СВР, в Москву послание, в котором говорилось о полном совпадении его взглядов с позицией российского руководства, а также благодарность за переданные ему соображения, «важность и ценность которых подтвердил последующий ход событий». «Сербское руководство, – отмечалось в этом послании, – заинтересовано в проведении в ближайшее время встреч с руководством РФ на всех уровнях, которые приемлемы для наших друзей в Москве».

Характерно, что Милошевич сохранил свою позицию, несмотря на то что вооруженные силы Хорватии начали активные действия в Сербской Крайне. Он не отказался от своей поддержки плана Вэнса – Оуэна и после того, как в конце апреля парламент боснийских сербов отверг этот план и постановил провести референдум для окончательного решения. Правительство Сербии, назвав это постановление «актом безответственности», объявило о прекращении главных видов экономической помощи боснийским сербам.

Думаю, что поддержанию этой линии, служащей мирному выходу из кризиса в БиГ в интересах всех трех общин, способствовала и вторая, закрытая встреча в Бел-

граде с президентом Милошевичем в марте 1993 года. Другие, уже открытые встречи с ним в моем качестве министра иностранных дел я описываю в следующем разделе книги.

Резюмируя, хотел бы сказать следующее: Россия всегда стремилась использовать свое влияние в Белграде для прекращения кровопролития и установления мира. В своих контактах на Западе мы постоянно подчеркивали возможность конструктивной договоренности с Белградом о мирном урегулировании конфликтов на территории бывшей Югославии. К сожалению, наши советы и рекомендации далеко не всегда воспринимались западными партнерами. Явно недооценили они и позитивный вклад Милошевича в выработку соглашения в Дейтоне, положившего конец кровавым столкновениям в БиГ.

Не хотел бы, чтобы создалось впечатление, будто Россия с С. Милошевичем составляют чуть ли не единое целое. Были у нас причины высказывать ему претензии, порой весьма серьезные, по поводу отдельных его действий, и мы это делали. Да и он не всегда был удовлетворен позицией России. Но главное заключается в том, что, если мы хотим стабильности на Балканах, нельзя подходить с предвзятыми мерками ни к отдельным народам, ни к их руководителям.

Подходы к таджикскому урегулированию (от Ахмад Шаха к Нури)

Самолет Ту-154 вылетел с аэродрома Внуково-2 в 9 утра 30 июля 1993 года. Через 4 часа 30 минут совершили посадку в Кабуле. Это была не первая моя поездка в Афганистан. Но в качестве директора СВР прилетел в Кабул впервые. На этот раз посадка ничуть не напоминала ту, которая была до вывода наших войск. Тогда все было

намного сложнее: делали крутые виражи, чтобы не пролетать над зеленой зоной, снижались очень быстро, выстреливали «ловушки», чтобы защититься от тепловоздушных ракет. Теперь без всяких «затей» сели на посадочную полосу. Правда, на следующий день, улетая из Кабула, взяли со взлетной полосы резко вверх, так как начался артиллерийский обстрел аэродрома. После ухода наших войск мирная жизнь в истерзанном войной Афганистане так и не наступила. Военные действия между различными группировками продолжались.

Донельзя дестабилизированная обстановка в Афганистане породила метастазы, которые распространились на соседние страны. Особенно опасным стало положение в Таджикистане, где разгорались кровавые междоусобные бои⁴³. Столкновения региональных кланов переплетались с борьбой Душанбе с оппозицией, окрашенной в исламские цвета. Она открыла антиправительственный фронт в самом Таджикистане, но базировалась в основном в Афганистане, откуда совершали дерзкие вылазки боевики, поступало оружие, деньги. Туда хлынули тысячи беженцев.

Положение для России было вдвойне тревожным, так как на таджикско-афганской границе стояли наши пограничники⁴⁴. Их присутствие там было неизбежным не только потому, что мы поддерживали законно избранного президента в Душанбе, не только из-за нашей заинтересованности в стабилизации положения в этой стране СНГ, но и в результате того, что таджикско-афганская граница была границей всего Содружества, да в определенной степени и самой России. Альтернативы этому в сложившихся условиях не было. Даже гипотетически не мог, по моему глубокому убеждению, рассматриваться вопрос «закрытия России» установлением границы с Казахстаном. Дело было не просто в материальной – обустройство границы на протяжении 6600 километров требует поистине огромных средств, – но и внутрители-

тической, моральной стороне вопроса, как в России, так и в Казахстане.

Между тем наши погранзаставы, которые создавали заслон для передвижений боевиков и дельцов наркоторговли, а подчас это были одни и те же люди, стали объектом постоянных нападений со стороны Афганистана. Росло число жертв. Пришлось в ответ подавлять огневые точки на афганской территории. Была задействована и авиация.

Мой приезд в Кабул был вызван всеми этими обстоятельствами. Остановились в полуразрушенной гостинице «Интерконтиненталь» – функционировала только одна ее часть. Сразу же скажу, что все мы почувствовали особо теплое отношение обслуживающего персонала к нам. А один из офицеров приставленной к нам афганской охраны подошел и тихо сказал по-русски: «Я учился в Советском Союзе, не забуду никогда».

Через несколько часов после прибытия мы отправились на встречу с президентом Раббани. Разговор с ним носил общий характер, за исключением его настойчивого призыва возобновить деятельность российского посольства в Кабуле. В это время, как бы в виде аргумента против его слов, раздалось несколько взрывов. Начался обстрел со стороны Хекматияра. Формальный премьер-министр коалиционного правительства, он выступил против Раббани и, главным образом, против Ахмад Шаха Масуда, под командованием которого была реальная вооруженная сила. Я знал, что здания нашего посольства, расположенные компактно на большой территории в Кабуле, после того как все сотрудники выехали на родину, были целиком разрушены, разграблены. Хотелось убедиться в этом и самому. Поэтому спросил президента, могу ли я посетить посольство. Мне под благовидным предлогом обеспечения безопасности не разрешили сделать это.

Причина, очевидно, заключалась в том, что наше посольство находилось в той зоне Кабула, которую уже оккупировали отряды Хекматияра. Раббани, по-видимому, не хотел, чтобы я убедился, что столица не находится полностью под его контролем. Я попросил дать мне возможность встретиться с Хекматияром. Однако такая встреча не состоялась, как мне объяснили, из-за невозможности связаться с ним. Да и вопрос о возобновлении работы нашего посольства возник в основном по престижным соображениям, хотя во время встречи с Ахмад Шахом Масудом я убедился в его стремлении развивать разносторонние отношения с Россией, особенно в области военно-технического сотрудничества.

И до приезда в Кабул я понимал, что основная беседа состоится с Ахмад Шахом Масудом (афганцы к его имени обязательно прибавляли слово «мухандис», что по-русски означает инженер).

Ахмад Шах – один из ведущих полевых командиров, который вел борьбу против нашей армии в Афганистане. В основном совершал набеги из своего неприступного ущелья Панджшер. Его называли «панджшерский лев». Так же как и Раббани, Ахмад Шах – таджик. Я думаю, что ситуация в Таджикистане эмоционально на них воздействовала больше, чем на других.

Но начал я свой разговор с ним не с таджикских событий. Когда ехал в его резиденцию, мой афганский коллега рассказал, что «охранник Ахмад Шаха из русских» на днях женился на афганской девушке, обрел семью. Этот рассказ меня заинтриговал. По моей просьбе Ахмад Шах позвал «русского охранника» в комнату, где мы находились вдвоем плюс приехавший со мной в Кабул переводчик И.Л. Токарев, прекрасно говорящий на дари. Вошел здоровенный парень в афганской одежде с автоматом. Черная окладистая борода (потом мне сказали, что он красит волосы и бороду в черный цвет) обрамляла уже не скажешь европейское, а с восточным налетом лицо.

Я стал расспрашивать его, он отвечал по-русски чисто, но с некоторым напряжением. С Ахмад Шахом и другими говорил совершенно свободно на дари. Ахмад Шах сказал, что только очень узкий круг людей знает о том, что его охранник – русский, остальные считают его афганцем. Сам «русский охранник» (я не хотел бы называть его фамилию) рассказал свою историю: был направлен в разведку, в бою был тяжело ранен, взяли в плен в бессознательном состоянии бойцы Ахмад Шаха, выходили («разве я могу это забыть!»), принял ислам, поступил в личную охрану инженера Ахмад Шаха («готов за него отдать жизнь!»), приезжали мать с сестрой, уговаривали хоть на время приехать домой, и начальник разрешил, но он отказался.

Однако русское (или украинское) нутро в нем все-таки осталось. Оставив нас с Ахмад Шахом, «русский охранник» вышел в другое помещение, где сидели прибывшие со мной из Москвы. Г.А. Хабаров позже рассказал мне, что во время разговора с ним – душевного, с подробностями о нашей стране, о нашем житье-бытье – «русский охранник» встал и быстро ушел. Геннадий Алексеевич заметил у него на глазах слезы...

Трехчасовой разговор с Ахмад Шахом получился максимально деловым. Я изложил ему наше видение ситуации в Таджикистане и в Афганистане. Сказал напрямик, что мы неизбежно усилим военные действия в том случае, если российские и таджикские пограничники будут подвергаться ударам. «Мы научены горьким опытом и, конечно, вводить войска на территорию Афганистана не собираемся. Но поверьте, Ахмад Шах, что у нас есть возможность защитить свои интересы без сухопутной интервенции», – сказал я.

Однако такая эскалация не отвечает интересам ни России, ни Афганистана, ни Таджикистана. С напряженным вниманием Ахмад Шах вслушивался в мои слова о том, что у нас есть информация о заинтересованности

в усилении конфронтации между Россией и Афганистаном тех сил, которые противятся стабильности в северной части его страны.

Сказал Ахмад Шаху, что мы стремимся к политическому, несилovому урегулированию в Таджикистане. При этом мы считаем, что нужно начинать переговоры между Душанбе и оппозицией при одновременном проведении многосторонних встреч с участием России, Афганистана, Таджикистана, Узбекистана и Ирана. Возможно участие и других центральноазиатских государств. Для создания наилучших условий мирного урегулирования следовало бы прекратить с двух сторон вооруженные действия на границе, отказаться от инфльтрации исламских боевиков в Таджикистан и начать процесс возвращения беженцев, гарантировав им безопасность и помощь в обустройстве.

Собеседник не только согласился со всем этим, но проявил живой интерес в организации моей встречи с руководителем таджикско-исламской оппозиции Нури. Конфиденциальный контакт с ним состоялся 31 июля. Это была первая встреча российского представителя с руководителем самой крупной таджикской антиправительственной силы, бросившей вооруженный вызов президенту Таджикистана Э. Рахмонову⁴⁵. Разговор состоялся предельно откровенный, но общались через переводчика, хотя позже, встречаясь с Нури в Москве, я убедился в том, что он вполне прилично говорит по-русски.

Нури оставил о себе хорошее впечатление. Мне рассказали, что он пришел в активную борьбу с правительством не сразу – был «рядовым» муллоу, но, может быть, отличался от других мулл тем, что начал открыто выступать против коррупции, и его посадили в тюрьму.

– Неужели вы не понимаете, – сказал я, – что не в ваших интересах включать Россию в действия против отрядов оппозиции, базирующихся в Афганистане? Мы будем вынуждены пойти на это, если они не прекратят обстрелы погранзастав и пограничников на границе

с Таджикистаном. Но этому есть реальная альтернатива. Россия готова способствовать вашим переговорам с президентом Рахмоновым.

Откровенность беседы была хорошо воспринята Нури. Он заявил, что «таджикское правительство в изгнании (а они уже создали его. – *Е.П.*) не ставит задачу свержения руководства в Душанбе, однако стремится к созданию там коалиционного кабинета со своим участием». По словам Нури, после нашей встречи, которая может открыть перспективу переговоров с руководством в Душанбе, он направит свои усилия на то, чтобы не осложнять положение на границе. «Но всех полевых командиров я не контролирую», – добавил он. Действительно, часть из них в то время начала отходить к Хекматияру.

Таким образом, Нури послал нам весьма важный «сигнал». Разговор с ним, пожалуй, можно было считать отправной точкой тяжелого, продолжительного, со многими отступлениями процесса урегулирования отношений таджикского руководства с исламской оппозицией. Дальнейшее развитие событий доказало правильность такого вывода. Уже в Москве и в Душанбе я продолжал встречаться с лидерами с двух сторон. Важнейшими считаю беседы с президентом Э. Рахмоновым, который буквально на глазах набирал вес как политический деятель, и вторым человеком в оппозиции, во многом задающим в ней тон, Тураджонзода. С ним удалось договориться о приблизительной пропорции представительства оппозиции и душанбинского руководства в органах власти – 30 процентов на 70. Рахмонов поддержал это соотношение. Тураджонзода тогда снял и другое препятствие с пути урегулирования. Он сказал, что оппозиция выступает за то, чтобы в Конституции Таджикистана было провозглашено: государство не может быть ни исламским, ни коммунистическим, но при этом должна быть свобода деятельности всех партий, придерживающихся Конституции, в том числе исламской ДИВТ⁴⁶.

К моменту написания книги мирный процесс в Таджикистане продвинулся далеко, пройдя через важнейшее соглашение, подписанное в 1996 году в Москве, в подготовке которого, равно как и в трудном многочасовом редактировании с целью «состыковать» позиции сторон, я принял самое прямое участие⁴⁷.

Но вернемся в Кабул, где в 1993 году в беседе с Нури закладывались основы процесса урегулирования. После этой беседы собралась вся наша делегация. Внимательно выслушал мнение отличных специалистов: К.В. Шувалова из МИДа, И.В. Муглера – представителя погранвойск, Г.Б. Малехова – из Министерства обороны. Все сошлись на том, что запланированный заранее полет из Кабула в Тегеран приобретает после беседы с Нури особое значение.

Вечером 31 июля наш Ту-154 совершил посадку на аэродроме иранской столицы.

1 августа состоялись встречи с президентом Рафсанджани, министром иностранных дел Велаяти, заместителем министра Ваэзи. С коллегами из иранских спецслужб не встречались – тогда к этому не было проявлено интереса ни одной стороной. Конечно, речь шла о развитии отношений между двумя государствами, особенно в экономической области. Большой интерес проявил к этому иранский президент. Я не буду останавливаться подробно на этом, так как в силу специфики нашей миссии в центре внимания оказался разговор вокруг возможностей Ирана сыграть позитивную роль в урегулировании в Таджикистане.

Самой запоминающейся была продолжительная беседа с Ваэзи. Если отвлечься от его мусульманской униформы – рубашка со стоячим воротником, без галстука, – он представлял и по своему образу мышления и по наружности (хотя и с обязательной, но коротко подстриженной бородкой) совершенно светский типаж. Говорить с ним было легко. Главное, в чем Ваэзи, да позже и Велаяти, согласился со мной, – это крайняя невыгод-

ность для наших стран дестабилизации обстановки в Таджикистане, который в силу обстоятельств стал одним из «переливающихся сосудов» – другим был Афганистан. Чувствовалось, что иранцев беспокоило ослабление их позиций в Афганистане. Тем более что там, как сказал Ваэзи, практически нет центрального правительства, усиливается взаимозависимость и солидарность между таджикскими боевиками и теми афганскими отрядами, которые близки им по национальному признаку. Это создает опасность раскола Афганистана. Неурегулированность в Таджикистане непосредственно способствует развитию этой тенденции.

Сошлись на том, что сепаратистские процессы, будь то в Афганистане или Таджикистане, чреватые в конечном счете дестабилизирующим воздействием на сам Иран. Сепаратизм – серьезный враг и для России, которая в то время столкнулась с трудными проблемами в Чечне. Ваэзи с пониманием отнесся к моим словам о том, что не следует считать религиозный фактор доминирующим при определении отношения к противоборствующим сторонам в конфликте, чреватом сепаратизмом.

И Ваэзи, и Велаяти сетовали и на то, что Иран якобы «отодвигается» нами от решения таджикской проблемы. Это тем паче необъяснимо, так как на его территории нашла временное убежище часть руководящей верхушки исламской таджикской оппозиции.

В ответ я предложил координировать деятельность по урегулированию в Таджикистане. Думаю, что в Тегеране с готовностью откликнулись на это предложение, так как оно соответствовало стремлению выйти из изоляции и принять участие в позитивных процессах на международной арене. Тем более что к этому времени стала ясной бесперспективность усиления иранских позиций в Таджикистане. Более того, иранское влияние в Душанбе и даже физическое присутствие там пошло на убыль.

Я считал, что все это можно и нужно использовать в интересах урегулирования в Таджикистане, и не ошибся в этом. И в Москве, и в Тегеране мы позже не раз обсуждали таджикскую ситуацию с иранскими представителями и, несмотря на некоторые непоследовательные действия со стороны Ирана, в целом приходили к согласию.

На следующий год после этой моей встречи состоялся в Тегеране раунд переговоров между правительством Таджикистана и оппозицией, на которых было принято решение о прекращении огня⁴⁸. И до и во время этих переговоров мы не раз контактировали с иранцами, и это оказалось небесполезным.

Первое мое посещение Тегерана с неофициальным визитом в 1993 году и второй приезд в иранскую столицу тоже в качестве директора СВР в феврале 1995 года еще раз убедили меня в том, что следует развивать отношения с этой страной не только в экономическом, но и в политическом плане. В мире не должно быть государств-изгоев. Вместе с тем игнорирование полезности политических контактов с Ираном несомненно ослабило бы – в этом для меня нет никаких сомнений – миротворческие усилия в первую очередь в Таджикистане, а также в Нагорном Карабахе.

Такие политические контакты были и остаются обоснованными и с учетом внутривнутриполитической динамики в Иране, где, несмотря на настойчивое стремление сохранить тотальное влияние ислама, укрепляются силы, понимающие несостоятельность и пагубность курса на экспорт «исламской революции».

Конечно, существует еще и «узбекский фактор», без учета которого невозможна нормализация обстановки в Таджикистане. Я неоднократно по этому поводу встречался и говорил по телефону с президентом И.А. Каримовым, который тонко и глубоко разбирается в таджикских делах. Его советы и договоренности о совместных подходах были просто необходимы. Немало полезного

сделали и президенты Казахстана Н.А. Назарбаев, Киргизии А.А. Акаев. Будучи директором СВР и министром иностранных дел, я обсуждал с ними не один час важную для всех нас проблему таджикского урегулирования. Находился в постоянном контакте и со специальным представителем Генерального секретаря ООН по Таджикистану Мерремом, сделавшим в сотрудничестве с нами много полезного для нормализации отношений между конфликтующими в Таджикистане силами.

Особенно хотел бы сказать о выдающемся человеке – скромном, даже застенчивом, умном и доброжелательном, очень современном и образованном, обладающем огромными возможностями и щедро приносящем их на алтарь поддержки своей общины. Речь идет о руководителе исмаилитов Кариме Ага Хане. В мире более 60 миллионов представителей этой ветви ислама, которые безусловно признают Ага Хана своим предводителем. Значительная группа исмаилитов проживает в Афганистане и Таджикистане, особенно в районах Бадахшана. Я многократно встречался с Каримом Ага Ханом и всегда черпал мудрые советы этого человека, без сомнения заинтересованного в мире и стабильности в этих двух странах. Немало сделал Карим Ага Хан и для того, чтобы поддержать в финансовом и экономическом отношении общины исмаилитов. Мы со своей стороны делали многое, чтобы облегчить осуществление этих столь необходимых гуманитарных акций.

У Фиделя Кастро

Когда 25 октября 1994 года я прилетел в Гавану, думал, что основным моим собеседником будет начальник Управления разведки МВД Кубы Эдуардо Дельгадо, с которым провел обстоятельный деловой обмен мнениями.

Конечно, я знал о предстоящих встречах с представителями высшего кубинского руководства, но считал, что они будут протокольными. На самом деле все оказалось не так. Самыми продолжительными стали встречи и беседы с Фиделем Кастро – в общей сложности около десяти часов, из них три часа – один на один, с Раулем Кастро, исполнительным секретарем Совета министров (фактически премьер-министром) К. Лахе, министром финансов Х. Родригесом, министром внутренних дел А. Коломе и другими.

Я думаю, что такой широкий круг собеседников был определен первой встречей с Фиделем Кастро.

Люди моего поколения, во всяком случае их преобладающая часть, видели Кубу в романтическом свете, искренне восхищались народом Острова свободы, отстаивающим свою независимость, находясь «под боком» у могущественных и враждебно настроенных Соединенных Штатов. Образ героической Кубы был связан в нашем сознании с ее лидером Фиделем Кастро. Воображение поражали его многочасовые выступления «без бумажки», на редкость эмоциональные, вызывающие бурное восприятие сотен тысяч людей, стекавшихся на центральную площадь Гаваны и близлежащие улицы. Очень импонировала его простота – все на Кубе обращались к нему «товарищ Фидель». Нигде не было портретов Фиделя, только Че Гевары. Романтикой была овеяна вся его жизнь, начиная с вынужденной эмиграции, затем победоносного возвращения на родину во главе вооруженных единомышленников, свергнувших ненавистный народу режим Батисты, разгрома сил интервенции. Помню те взрывы восторга, которые вызывали визиты Фиделя Кастро в Советский Союз.

Все это заслоняло другую сторону медали: тяжелую материальную жизнь кубинцев, жесточайшие ограничения, регламентирующие порядки в экономике, в обществе в целом. Много вызывалось тем, что Куба была подверг-

нута экономической блокаде со стороны США, которые до поры до времени могли осуществлять антикубинскую линию и в Организации американских государств. Пострадала Куба и в результате резкого ослабления экономических связей с Советским Союзом, странами Восточной Европы после того, как перестала существовать социалистическая система государств, а Россия и другие страны СНГ начали радикально пересматривать свой внешнеэкономический курс. Идеологические ценности перестали определять направленность этого курса, который во все большей степени увязывался с интересами рыночной экономики.

Тяжелое экономическое положение Кубы обусловливалось и субъективными причинами, главным образом догматическим консерватизмом в экономической политике, медленной адаптацией к новым международным реалиям. Но положение начало меняться к лучшему. Кубинское руководство приступило к экономическим реформам, которые включали в себя не только определенную либерализацию внутриэкономической жизни, но и создание условий для притока иностранных инвестиций. Значительные капиталовложения пошли на Кубу из Канады, Испании, Мексики, других стран.

Это была моя вторая поездка на Кубу – первый раз я был там в апреле 1981 года. Многое изменилось с тех пор. Но остался, возможно несколько смягченный, дух романтики. Именно этот дух или специфический характер кубинцев, а скорее и то, и другое, тесно связанное, и определяют радость на лицах людей, несмотря на все тяготы их жизни. Окружающая тебя жизнерадостность не может оставить равнодушным. Мне представляется, что все непредубежденные люди не могут не питать самые добрые чувства к Кубе и ее народу.

С Фиделем Кастро встречался впервые, и сразу он предложил поговорить наедине. Как только начался разговор, я понял, что Кастро испытывал настоящую по-

требность в откровенном товарищеском обмене мнениями, оценками, идеями. Очевидно, образовался «вакуум» в такого рода встречах с представителями российского руководства, и Фидель – человек непосредственный, не испорченный условностями – хотел максимально получить нужную ему информацию и поделился теми мыслями, что переполняли его.

– Товарищ Фидель, – начал я и почувствовал, что таким обращением уже приоткрыл дверь для доверительного разговора. – Хотел бы изложить вам мое видение прежде всего российско-кубинских отношений. Нам нужно понять (специально сказал: нам), что в новых условиях в них отсутствует идеологический фактор. И это – не какая-то историческая пауза. Идеологическая основа, на которой строились наши отношения раньше, уже не вернется. И мы сошли с нее, да и вы тоже. Но следует ли нам в таких условиях разбежаться в разные стороны? Конечно нет. И история, сблизившая наши народы, да и сегодняшние геополитические интересы однозначно приводят к такому выводу.

Фидель слушал внимательно. Одобрительно кивал, когда я говорил:

– Не только России, но и многим другим, особенно латиноамериканским странам, нужна независимая, свободная Куба. Вместе с тем с учетом новых реалий мы заинтересованы в нормализации отношений этой свободной Кубы с Соединенными Штатами. Прошло то время, – продолжал я, – когда мы рассматривали Кубу как антиамериканский форпост. При нормализации и развитии ваших отношений с Соединенными Штатами у Российской Федерации появляются новые возможности и в сложившихся условиях развивать свои связи с Республикой Кубой.

Фидель высказался незамедлительно:

– Я полностью разделяю эти взгляды. Вы должны знать, что мы не хотим обострять отношения с США и го-

товы к компромиссам. Более того, даже проявляемую американцами жесткость в отношении Кубы на нынешних переговорах по вопросам эмигрантов мы не драматизируем, связывая ее с промежуточными выборами 8 ноября во Флориде. Мы передали руководству США, что не откроем границы, чего они очень опасаются, так как в эмиграционную волну попадают далеко не лучшие люди.

По словам Ф. Кастро, он хорошо понимает, что должен исходить в своей политике из новых условий. Поэтому Куба отказалась от поддержки любых антиправительственных сил в Латинской Америке, пошла на прекращение всех операций на Африканском континенте. Нормализация отношений с США Кубе нужна и как прелюдия к снятию блокады, против которой уже выступают практически все латиноамериканские страны и Канада, многие европейские государства.

– Мы заинтересованы и в том, – сказал Фидель, – чтобы создалась ситуация, при которой кубинские эмигранты, проживающие в США, начали вкладывать свои капиталы в нашу экономику. По имеющимся данным, перемены имеют место и в умах кубинской эмиграции. Далеко не вся она противится нормализации отношений Кубы с США, в том числе по той же причине – хотят выгодного для себя экономического взаимодействия, иными словами, развернуть «эмигрантский бизнес» на Кубе. Но в эмиграции есть и «непримиримые». К огромному сожалению, именно эта группа выходит на администрацию США.

Ф. Кастро пошел в разговоре со мной еще дальше. Он попросил, чтобы российское руководство в своих контактах с американским довело до него готовность и желание Кубы улучшить отношения с Соединенными Штатами. «Мы вам будем очень признательны за это».

В дальнейшем выяснилось, что Ф. Кастро очень хорошо понимал, насколько важны для Кубы начавшиеся

реформаторские процессы в экономике, которые ведут к демократизации в обществе. Но мы будем делать все, чтобы она не сопровождалась «разрушительным вихрем».

– Тебе нужно подробно поговорить о наших экономических делах, о планах реформ с Лахе и Родригесом, – сказал он.

Очень внимательно отнесся Фидель к моим разъяснениям о процессах, происходящих в нашей стране. Я подчеркнул неизбежность перемен, рассказал о достигнутом, но и о трудностях, не сглаживая углы. Кастро живо интересовался деталями. По всему чувствовалось, что перемены в нашей стране рассматривались им через призму таких вопросов: останется ли Россия могущественной? будет ли она играть активную роль на международной арене?

Еще прямолинейнее высказался Рауль Кастро, с которым я встретился на следующий день в его кабинете в министерстве революционных вооруженных сил. С ним тоже как-то сразу установились товарищеские отношения.

– Даже если завтра вы решите стать монархией, – заметил он, – и тогда для нас самое главное, чтобы Россия была стабильной, сильной и дружественной Кубе державой.

На стене кабинета висели портреты всех советских военачальников, когда-либо находившихся на Кубе в качестве советников.

– А где фотография Дмитрия Язова? – спросил я.

– Ты знаешь, – с хитрой улыбкой ответил Рауль, – перед твоим приездом снял, не знал, какотреагируешь, а мы хотим иметь с вами отличные отношения. Но друзей не забываем. И, конечно, повешу этот портрет на его законное место.

И с братьями Кастро, и с другими говорили о перспективах развития торгово-экономических отношений между нашими странами. Понимая экономические трудности России, они тем не менее в неконфронтационной

манере давали понять, насколько важно для них, чтобы мы выполняли свои обязательства по уже заключенным в последний период сделкам и соглашениям. Особенно задевало их, что постоянно нарушаются договоренности по встречным поставкам нашей нефти на Кубу и их сахара в Россию. До поездки в Гавану я разговаривал с руководителями одной из крупных российских частных компаний, занимавшейся этим бизнесом. У нее были свои претензии – некачественный сахар-сырец, поступающий к нам. Сказал об этом кубинцам.

– А что нам делать? – отпарировали они. – Нам нужна нефть в момент сафры⁴⁹, а ваша компания, получая государственные квоты на поставку нефти – мы это знаем, – продает ее на Запад. Тогда мы вынуждены покупать, не ожидая ваших поставок, нефть в Латинской Америке и в результате продавать предназначенный вам к отправке высококачественный тростниковый сахар. Когда же с опозданием поступает нефть от вас, то остаются остатки этого сахара.

Особенно кубинцев возмутило, что в день моего приезда по одному из российских телевизионных каналов был передан комментарий, выставивший Кубу в самом неприглядном свете как торгового партнера. Вернувшись в Москву и встретившись с руководителями нашей компании, я выслушал извинения за эту публикацию, «подготовленную одним из клерков и непродуманную по времени передачи в эфир». Полученные мною заверения о том, что они уладят все разногласия с кубинцами, похоже, были выполнены.

Кубинские руководители в беседах со мной подчеркивали – и я уверен, что это действительно отражало их намерения, – свою готовность предоставить льготные условия для российских компаний в самых различных отраслях кубинской экономики. К большому сожалению, этот призыв оказался не услышан, а тем временем бурную активность на Кубе проявляют канадские, испанские и другие фирмы.

Талантливыми исполнителями, заинтересованными в успехе экономических реформ на Кубе, были К. Лахе и Х.Л. Родригес. После разговоров с ними у меня не осталось сомнений, что кубинцы достаточно твердо взяли курс на внедрение основных элементов рыночной экономики. Их особое внимание привлекали китайская и в определенной степени вьетнамская модели перехода к рынку, которые, по их словам, «позволяют во многом сохранить политическую базу». Между тем обратил на себя внимание больший акцент моих собеседников на государственные структуры в реформировании страны, чем на партийные. Я не думаю, что из этого можно было сделать вывод о противопоставлении «молодых реформаторов» «старому руководству». У меня сложилось впечатление, убежденность в том, что никто не ставит под сомнение факт бесспорного лидерства Фиделя Кастро, без инициативы которого никакие преобразования в стране были бы попросту невозможны, а «молодые реформаторы» действуют в меру самостоятельно, но под его «патронажем».

И Фидель, и Рауль проявили интерес к дальнейшим встречам со мной и моими коллегами – работниками СВР, прибывшими из Москвы. Ф. Кастро пригласил нас на прием в здание госсовета, на котором присутствовало практически все кубинское руководство. Незабываемым был ужин в нашем посольстве. Его устроил в нашу честь мой старый, добрый приятель, с которым еще в студенческие времена мы были внештатными лекторами Московского комитета комсомола, посол России на Кубе Арнольд Иванович Калинин. Кубинцы узнали, что в этот день мне исполнилось 65 лет. Я был очень тронут тем, что в посольство после долгого перерыва пришел Фидель Кастро. С ним вместе пришел и Рауль, несмотря на то что решением Политбюро им в интересах безопасности, как нам сказали, запрещается совместно посещать такого рода мероприятия. Вечер был чудесным. Гости сидели за

столом три часа. Говорили обо всем, шутили. Выяснилось, что Фидель любит гречневую кашу. Я обещал прислать ему гречиху. «Но как ее варить?» – спросил он. Тут же наши посольские девчата, помогавшие обслуживать за столом, бросились объяснять. Арнольд Иванович явно занервничал, когда Фидель сказал: «Поступим проще. Я вас всех приглашу к себе домой, и вы меня научите готовить гречневую кашу на месте». Закончилось групповой фотографией Фиделя Кастро с женским персоналом посольства. Женщины были в восторге.

Братья Кастро как-то выделяли моего помощника Роберта Маркаряна, особенно Рауль, который все время говорил, что он ему напоминает – не знаю почему, они совсем не похожи – Анастаса Ивановича Микояна. И тогда Фидель Кастро рассказал о встрече с Микояном во время Карибского кризиса. Это исторический эпизод, и я перескажу его подробнее.

– Общеизвестно, – начал Ф. Кастро, – что мы долго сопротивлялись размещению ракет с ядерными боеголовками и бомбардировщиков средней дальности, на чем настаивал Хрущев. В конце концов нас уговорили в интересах всего социалистического лагеря пойти на это. А потом вдруг приезжает Микоян и начинает уговаривать нас согласиться на вывоз ракет и бомбардировщиков. Идут трудные переговоры. Я не соглашаюсь на предлагаемый вариант, который скреплен лишь устной договоренностью с президентом США, что на нас после вывоза ракет не нападут.

В это время, – рассказывает Фидель, – мне на стол кладут записку. В ней сказано, что скончалась супруга Микояна. Я тут же объявил перерыв.

– Товарищ Микоян, должен сообщить вам прискорбную весть о кончине вашей жены. Я дам указание незамедлительно подготовить ваш самолет к полету.

– Я не полечу, – ответил Микоян. – Я не могу прервать переговоры. Слишком большие ценности стоят за нашими решениями – судьбы мира.

Микоян отошел к окну, повернувшись спиной, но Фидель видел, как по его щекам текут слезы.

– Объявляю перерыв законченным, – сказал он. – Мы согласны с советским предложением.

Вот так закрылась эта трагическая страница в международной жизни, которая могла поставить все человечество на грань уничтожения.

Мы были потрясены рассказом и смущены, мягко говоря, его продолжением.

– После того как Микоян ушел в отставку, – продолжал Фидель, – я, приехав в Москву, попросил сопровождавшего меня товарища из ЦК КПСС организовать встречу с Анастасом Ивановичем. Через несколько часов я получил ответ, согласно которому мне не рекомендовалось этого делать.

После возвращения в Москву я самым подробным образом доложил Б.Н. Ельцину о своих беседах и впечатлениях. Он одобрил результаты поездки и решил отдельным посланием проинформировать о них Б. Клинтона. Как я знаю, упор в этом послании был сделан на то, что мы считаем искренним стремление Ф. Кастро нормализовать отношения с США. А это, в свою очередь, способствовало бы не только стабилизации ситуации в Латинской Америке, но и демократическим преобразованиям на самой Кубе.

Идеи нормализации кубино-североамериканских отношений проводились и по другим каналам.

Мои первые встречи с Фиделем Кастро положили начало поистине дружеским, теплым отношениям. Кубинцы продемонстрировали доброе расположение ко мне и тогда, когда я посетил Кубу, будучи министром иностранных дел. Программа моего пребывания была сверстана таким образом, что сразу после обеда у Фиделя Кастро я должен был отправляться на аэродром. Хотел попрощаться с ним, но он сказал: «Я тебя провожу». Думал, до лестницы. Потом, когда спустились вниз, думал,

до машины. Потом, к моему удивлению, к крыльцу подъехал автомобиль Кастро и я услышал: «Садись со мной».

Представляю, как удивилась журналистская братия, приехавшая на аэродром, увидев у самолета вместе с российским министром иностранных дел Фиделя Кастро.

– Может быть, зайдём на борт и, как говорят по-русски, «на посошок»?

– Ну, ты уж вообще хочешь, чтобы журналисты подумали, что ты меня увозишь с Кубы, – улыбаясь ответил Кастро.

Когда я перестал быть Председателем Правительства, в 1999 году, и сделал операцию на тазобедренном суставе, получил трогательное приглашение от Фиделя Кастро приехать на Кубу с семьёй на отдых.

Я всегда, что бы ни произошло в жизни, буду очень тепло относиться к этому выдающемуся человеку.

У Цзян Цзэминя

С лидером КНР встречался не раз – в 1996 году, когда в качестве министра иностранных дел сопровождал президента Ельцина в Китай, и в 1997 году – во время визита Цзян Цзэминя в Москву, и в июле 1998 года – в Алма-Ате, где собрались руководители граничащих с Китаем государств – Казахстана, Киргизии и Таджикистана, а Россию представлял министр иностранных дел, и уже в качестве председателя правительства в октябре 1998 года – в Куала-Лумпуре, где, по поручению Ельцина, принял участие в совещании глав государств АТЭС, и через месяц в Москве, когда я не только участвовал в переговорах, но, опять-таки по поручению Ельцина, давал обед в честь высокого китайского гостя и его супруги – к сожалению, визит Цзян Цзэминя проходил в то время, когда

Б.Н. Ельцин находился в Центральной клинической больнице, где и состоялась их беседа.

За эти годы мы прошли огромный путь в развитии наших отношений с КНР. Вехами на этом пути, несомненно, были зафиксированные впервые в истории границы с Китаем, подписанные документы об укреплении доверия в военной области в районе границы и взаимном сокращении вооруженных сил в приграничных зонах. Масштабные задачи были поставлены в торговле, экономическом, военно-техническом сотрудничестве. Наладились постоянные политические консультации на всех уровнях, взаимодействие в международных организациях.

Во всем этом с китайской стороны ключевую роль сыграл Цзян Цзэминь. Я с гордостью вспоминаю, как он назвал меня своим другом в душевном разговоре во время приема в его честь в ноябре 1998 года.

Но первая встреча, которая позволила сблизиться с этим далеко не заурядным человеком – умным, широкомыслящим, точным в своих наблюдениях и выводах, обаятельным, веселым, прекрасно и от души поющим (во время приемов в Пекине и Москве) русские песни, которые он любил, находясь в юности на практике в СССР, причем знал слова многих наших популярных песен лучше, чем некоторые подпевающие русские, – произошла в бытность мою директором СВР в сентябре 1995 года.

Прибыли в Китай по приглашению руководителей разведки, которые, помимо плотных переговоров, предусмотрели и превосходную культурную программу. Мы находились в Нанкине, где должны были переночевать и провести следующий день, как вдруг ко мне подошел один из сопровождавших китайских коллег и сказал:

– Нам следует срочно возвратиться в Пекин.

– Что-нибудь случилось? – тревожно спросил я. В голову лезли мысли, не произошло ли несчастье с кем-нибудь из родных или близких.

– Нет, все в порядке, но программа вашего пребывания несколько меняется.

Увидев на моем лице недоумение – как это так, без моего участия меняется заранее согласованная по всем пунктам программа пребывания нашей делегации в КНР, – китайский коллега полушепотом сказал:

– С вами хочет встретиться наше высшее руководство. Кто – не уточнил.

Вьлетели в Пекин и тут же поехали в резиденцию Цзян Цзэминя. После того как я поблагодарил его за прием, сказав, что это тем более важно для нас, так как знаем, насколько он занят, Цзян сразу приступил «к делу». Сначала он накоротке поинтересовался, как развиваются наши отношения с разведывательными службами Китая. Но более всего его интересовало внутреннее положение в России. Я подробно отвечал на его вопросы, которые касались не только экономики, но и возможности развития разрушительных тенденций сепаратизма.

– У нас много общих проблем, – резюмировал Цзян Цзэминь, сделав особый упор на то, что внешние силы пытаются поддержать центробежные тенденции – экономические и политические – и в Китае, и в России. – Для КНР, – добавил он, – угрозу представляют идеи сепаратизма в Тибете, Синьцзяне. Неравномерность экономического развития различных регионов Китая при переходе к рынку, усиленная созданием в общем необходимых «свободных экономических зон», тоже подпитывает «местный национализм».

Одной из целей сохранения общекитайских политических структур, в первую очередь партии, он видел в обеспечении территориальной целостности страны. У меня создалось при этом впечатление, что основной акцент Цзян делал не на идеологическую сторону, а на функции этих структур, сплачивающих государство.

Откровенно говорил Цзян Цзэминь и о растущей коррумпции, которая затрагивает и руководящие кадры в Китае, о необходимости борьбы с ней.

Беседа, запланированная китайской стороной на 30 минут, вышла за пределы часа. Вполне естественно, что разговор пошел и о перспективах российско-китайских отношений.

– Вы знаете, это даже хорошо, что в их основе сегодня не лежат идеологические ценности, – сказал я. – Иначе наши отношения опять, как и прежде, зависели бы от идеологических споров, как правило, казуистических. Мы бы все время выясняли, кто из нас больше понимает и лучше интерпретирует в нынешних условиях марксизм, кто является отступником от него и кому больше пристало быть «лидером социалистического лагеря». А ведь в зависимости от такой схоластики оказывались отношения между двумя гигантскими государствами, влияющими на судьбы всего мирового сообщества.

– Я согласен с вами, – ответил Цзян. – Китайско-российские связи следует развивать на новой основе. Это необходимо и для наших стран, и для окружающего мира. Мы должны стремиться к тому, чтобы не появлялись «центры», которые пытаются диктовать всем свои условия. Я сторонник развития наших отношений во всех областях без исключения – экономической, политической, военно-технической. Вместе с тем, – добавил Цзян Цзэминь, – нужно, отказываясь от идеологической окраски, не отказываться от традиций. А много хорошего в отношениях между нашими странами и особенно народами было и в «идеологизированный период».

Я разделял эти взгляды.

Позже многократно убеждался в том, что Цзян Цзэминь стремится к развитию китайско-российских отношений. Под его руководством Политбюро ЦК КПК приняло формулу о стратегическом партнерстве наших стран, обращенном в XXI век.

Впоследствии это дало возможность выдвинуть идею «треугольника» – Россия, Китай и Индия. Никто при этом не подразумевал какого-то блока или контуров

формально создаваемой коалиции. Мы отлично понимали, что к этому никто не готов, на это не пойдет Китай, да и сама «блоковая идея» несовременна. Но улучшение и развитие отношений, связывающих углы этого «треугольника», российско-китайских, российско-индийских и особенно китайско-индийских отношений, так как по этой «линии» все еще остаются многие нерешенные проблемы, возможность определенной координации политики «трех гигантов» – разве это не в интересах мира и стабильности, разве это, как уже в ряде случаев показывает опыт, не служит противовесом деструктивным гегемонистским тенденциям на мировой арене?

Если мои встречи с Цзян Цзэмином внесли хоть какую-то, самую малую лепту в развитие связей между Россией и Китаем, то это еще раз свидетельствует и о разносторонней роли СВР, работа в которой позволила мне познакомиться с этим государственным деятелем.

В МИНИСТЕРСТВЕ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

I. Первые шаги

Из «Ясенева» на Смоленскую площадь

Утром 5 января 1996 года в кабинете директора Службы внешней разведки в «Ясеневе» зазвучал сигнал аппарата спецсвязи СК.

– С вами будет говорить Борис Николаевич.

Через несколько секунд в трубке раздался голос президента:

– Евгений Максимович, могли бы вы подъехать ко мне сейчас?

– Конечно, Борис Николаевич, возьму документы для доклада и сразу выезжаю.

– Нет, документы сегодня брать не надо.

По дороге обуревали вопросы: что стоит за столь необычным вызовом – не на очередной доклад и без объяснения причины?

Встретил президент, как всегда, приветливо. После обычного в таких случаях обмена общими фразами спросил:

– Как отнесетесь к назначению вас министром иностранных дел?

Не скрою, по дороге этот вариант тоже прокручивался в голове. По телевидению и в газетах много говорилось о том, что отставка А.В. Козырева дело предreshенное. Называли и кандидатуры преемников, одно время в их числе фигурировала и моя фамилия. Потом она из «списка претендентов» исчезла. Но я совершенно определенно

не хотел переходить в МИД и об этом сразу же сказал Борису Николаевичу. Причем привел, как мне показалось, убедительные доводы, среди которых не последнее место занимала легко прогнозируемая негативная реакция на Западе, где меня упорно называли «другом Саддама Хусейна», особенно после трех поездок в Багдад в 1990–1991 годах в попытках мирным путем решить кризис в зоне Персидского залива, открыто определяли как консерватора, «аппаратчика старой школы». Наконец, несмотря на то что руководителем ЦРУ в свое время был американский президент Дж. Буш, а К. Кинкель до назначения министром иностранных дел Германии тоже руководил разведкой – БНД, такого рода перемещение в России, да еще накануне президентских выборов, могло быть использовано недругами, особенно в пропаганде. А я сам сердцем «прикипел» к СВР, которой руководил к тому времени уже четыре года и четыре месяца.

Борис Николаевич выслушал все мои «против», а потом сказал:

– Может быть, те минусы, которые вы приводите, как раз и обернутся плюсами... Ну ладно, если категорически не хотите, повременим. Но вопрос я пока не закрываю.

Через четыре дня, в понедельник 9 января, я был у президента с очередным докладом. После того как проинформировал его об оценках источников и аналитиков разведки по ряду вопросов международной обстановки, президент спросил:

– Ну как, не передумали?

– Нет, – как можно категоричнее ответил я.

– А вот я передумал. Прошу вас принять мое предложение.

Предложение было слишком настойчивым, и я не смог его отвергнуть. Правда, мне было обещано, что еще месяц-два поработаю на старом месте. Но не успел я приехать к себе «в лес» (так называют место расположения СВР его сотрудники), как ко мне в кабинет вбежал дежурный по секретариату.

– Это правда? Только что сообщили в новостях по телевидению, что вы назначены министром иностранных дел!

Позже позвонил помощник Бориса Николаевича В.В. Илюшин и извинился: не успел предупредить – получил указание срочно передать содержание указа и уже во время эфира его текст дали диктору.

На следующий день на 12.00 была назначена коллегия МИДа в Кремле, где президент представил меня моим будущим ближайшим сотрудникам. Представление было кратким. В сжатой форме было сказано о важнейших задачах МИДа, подчеркнута то большое значение, которое это министерство имеет для современной России. Пожалуй, две темы прозвучали особо: во-первых, приоритетность отношений Российской Федерации с Содружеством Независимых Государств, с каждой страной СНГ и, во-вторых, необходимость перестроить дипломатическую работу так, чтобы она активно охватывала различные страны и регионы, – иными словами, диверсифицировать внешнюю политику. При этом подчеркнута значение и американского, и европейского, и китайского, и азиатско-тихоокеанского, и канадского, и ближневосточного, и других направлений российской политики.

Сдержанное молчание большинства членов коллегии было вполне естественным, и меня это не обескуражило. Я с самого начала знал, что в целом с мидовцами работаю. Не потому, что мое назначение было желанным для каждого из них. А потому, что с высоким уважением относился к их профессионализму и верил, что рано или поздно – лучше, конечно, рано – возникнет сотрудничество, даже, если хотите, общность, связанная с поисками оптимальных форм проведения внешней политики страны.

А вечером все-таки состоялась заранее запланированная встреча с бывшим руководителем разведки ГДР Маркусом Вольфом. Я много знал о нем – безусловно,

незаурядном человеке, который в течение многих лет руководил одной из самых эффективных разведывательных служб, был глубоким профессионалом, толковым аналитиком. «Миша» Вольф провел детство и юность в Москве, куда вынужденно переехали перед войной его родители-антифашисты. Учился в русской школе и без акцента говорит по-русски.

На этот раз М. Вольф выбрался на несколько дней в Москву со своей очаровательной женой сразу после того, когда его «промежаточно» до суда выпустили из тюрьмы, в которую он попал после объединения Германии. Был арестован вопреки всякой логике – служил своему государству, которое не было присоединено, а объединилось с другим; лично не был замешан ни в каких деяниях, которые могли бы ему быть инкриминированы как преступления. Собственно, занимался тем же, чем и его коллеги в Западной Германии, – ведь никому не пришло в голову их осуждать после объединения страны. Более того, в последние годы правления Хонеккера Вольф ушел в отставку, так как крупно разошелся во взглядах с руководством государства и не разделял его догматической линии*. Да и Москва чего-то не доделала. Когда велись переговоры об объединении Германии, не мешало бы «положить на бумагу» обязательство Бонна не преследовать людей лишь за то, что они в прошлом были связаны со структурами власти в ГДР.

На встречу поехали вместе с В.И. Трубниковым. Его будущее уже было предрешено. Во время последнего моего разговора с президентом он, подчеркнув, что знает и глубоко ценит Вячеслава Ивановича, принял мое настойчивое предложение назначить директором СВР действующего первого заместителя. Ельцин согласился и с тем, что разведка – особенно деликатно настраиваемый

---

* В 1996 году состоялся суд, который не нашел возможным посадить М. Вольфа за решетку, и он получил все права, включая право выезда за рубеж.

механизм, и поэтому нужно это сделать сразу, одновременно с освобождением меня от старых обязанностей. Это исключало раскачивание разведки неминуемыми слухами о кандидатурах возможных будущих руководителей.

Вечер прошел на славу. Кстати, это была моя первая встреча с Вольфом, и мы оба к ней стремились. Много шутили, в том числе по поводу превратностей судьбы – первую рюмку в честь нового министра иностранных дел выпили в этой компании. Запомнил слова Вольфа: «Будут, конечно, спекуляции по поводу того, что пришли в МИД из СВР. Но поверьте, серьезные политики оценят тот бесспорный факт, что работа во главе разведки, да еще в течение немало по нынешним временам периода, создает совсем неплохую информационную базу для руководителя внешнеполитического ведомства».

Возможность моего перехода на работу в Министерство иностранных дел, как уже писал выше, была на слуху, хотя я к этому никогда не стремился. По роду своей деятельности и на радио, и в газете «Правда», и в Институте мировой экономики и международных отношений, и в Институте востоковедения, и будучи академиком-секретарем отделения Академии наук СССР, в которое входили все научно-исследовательские институты международного профиля, и в Верховном Совете СССР, и в Президентском совете, и в Службе внешней разведки я был, естественно, органично связан с внешней политикой, во многом непосредственно работал на нее. Но о переходе в МИД не помышлял, и для этого, как мне всегда представлялось, не было сколько-нибудь серьезных побудительных мотивов. Может быть, сказывалась черта моего характера: где бы ни трудился, считал, что это если и не сверхважное, то, во всяком случае, далеко не самое незначительное звено в процессе выработки и осуществления внешней политики государства.

Тесно общался с дипломатами, находясь на посту корреспондента «Правды» на Ближнем Востоке, во время

многочисленных командировок за рубеж принимал участие в совместных конференциях, семинарах, ситуационных анализах. Многих хорошо знал лично, высоко ценил, с некоторыми тесно дружил. Хотел бы в этой связи особо выделить дипломатов старшего поколения, и среди них Анатолия Федоровича Добрынина и Олега Александровича Трояновского. Многократно встречался с ними и за рубежом, и в Москве. Особо ценил возможность обмениваться мнениями с ними по внутренней ситуации в США, Японии, перспективам развития наших отношений с этими странами, с Китаем, о той роли, которую играл или мог сыграть Советский Союз на Ближнем Востоке. Отдельные мысли, идеи, почерпнутые из разговоров с этими и некоторыми другими уникально профессиональными и остроумными людьми, очень помогали познавать кажущиеся вначале парадоксальными повороты или сдвиги, которые происходили или могли произойти в международной обстановке.

Определенные отношения сложились и с министрами иностранных дел. Об одном из них – Андрее Андреевиче Громько – хочется сказать особо. Встречался с ним не раз, работая в Академии наук. Продолжаю его высоко чтить и сегодня.

Глубоко тронуло меня его не формальное соболезнование, а сердечное, полное душевной теплоты письмо, когда в 1981 году я неожиданно потерял сына. Вспоминаю с благодарностью и то, что в своей монографии Андрей Андреевич процитировал вышедшую уже после смерти моего сына его книгу, о деятельности нефтяных компаний на Аравийском полуострове. Как не вяжется все это с обликом «сухаря», отрешенного от всего эмоционального, застегнутого на все пуговицы министра, каким представляют некоторые этого человека, просидевшего более четверти века на седьмом этаже высотного здания на Смоленской площади.

Очевидно, что собственное отношение к тому или иному лицу не может абсолютно не зависеть от того, как

он сам относится к тебе. Тем более если он занимает столь высокое положение в государственной иерархии. Но в своих оценках А.А. Громыко я руководствуюсь не только субъективными мотивами. Распространено, например, убеждение, что он был одним из трех лиц (Устинов, Андропов, Громыко), которые настояли на вводе наших войск в Афганистан. Возможно, его подпись и стоит под соответствующим документом, направленным в ЦК. Но отчетливо помню – и, конечно, не я один – коллегия МИДа в 1982 году, на которой я выступал в качестве директора Института востоковедения (существовала ведь еще в те непростые годы при А.А. Громыко такая практика) с докладом о внутренней ситуации в Афганистане после ввода туда наших войск.

Главная идея доклада заключалась в том, что в Афганистане напрочь отсутствует революционная ситуация. Естественно, для того времени эти доказательства выстраивались на базе марксистско-ленинской методологии: по Ленину, революционная ситуация возникает в стране, где низы уже не хотят жить по-старому, а верхи уже не могут управлять старыми методами. Я утверждал, приводя данные исследований сотрудников института, в первую очередь глубоко знавшего ситуацию в Афганистане профессора Ганковского, что в этой стране картина совершенно иная – только по-старому и может жить и управляться преобладающая часть населения. Отсюда делался вывод об авантюризме аграрной реформы, невозможности навязывания силой революционных преобразований.

Недоуменные и злые вопросы, реплики – так, явно с учетом присутствия министра, отреагировали на доклад некоторые из членов коллегии. Я думаю, что для них были неожиданными высказывания в заключительном слове А.А. Громыко, который солидаризировался со многими положениями доклада, по сути поддержав бесплодность, необоснованность с точки зрения внутренней

ситуации нахождения наших войск в Афганистане. А ведь официальная пропаганда – и в этом преуспевал главным образом аппарат ЦК – утверждала, что наши войска «не дают империализму задушить афганскую революцию».

Политика есть искусство возможного⁵⁰. Эту общеизвестную истину трактуют обычно как необходимость опоры политики на соответствующие экономические, военные, геополитические условия. Все это так. Но искусство возможного проявляется, по-видимому, и с учетом ограничений, которые создаются господствующей идеологией, характером режима, состоянием общества. Я уверен, что Андрей Андреевич был серьезно ограничен этими рамками и, не демонстрируя этого – таковы уж были «правила игры», – во многом ими тяготился.

Внешнеполитическое кредо

Я пришел в МИД в совершенно другую эпоху. Страна встала на путь рыночных преобразований и политического плюрализма. Идеология, да еще в ее догматической интерпретации, перестала господствовать в обществе. Народ легко, даже неожиданно легко, стяхнул ее со своих плеч. Это далеко не означало всеобщего ликования по поводу распада Советского Союза. Отнюдь. Многие, очень многие по-настоящему скорбели, переживали, потеряв себя в качестве граждан этой великой, могущественной многонациональной страны.

Преобразования в России привели к окончанию глобальной конфронтации. Распались Варшавский договор, Совет экономической взаимопомощи (СЭВ). Такова была «отправная точка».

Некоторые считали, что от нее начнется вполне определенное вписывание России в роли уже второразряд-

ной державы в «цивилизованный мир». По большей части молчаливо, но подчас и громогласно признавалось поражение в холодной войне Советского Союза, преемницей которого «со всеми вытекающими из этого последствиями» стала Россия. А раз так, то ее отношения с Соединенными Штатами должны складываться, скажем, наподобие того, как устанавливались отношения с ними государств, побежденных во Второй мировой войне, но после поражения объединившихся с теми же США в одно сообщество, – Германии, Японии. Ведь их политика после войны практически контролировалась Вашингтоном, и они не особенно этим тяготились.

Таковой была достаточно распространенная после 1991 года точка зрения среди демократических кругов в России. Более того, считалось, что подобное понимание внешнеполитического положения России поможет борьбе против «старых устоев» в стране.

Модными стали заявления о том, что и авторам экономических реформ приходится действовать в условиях «послевоенной разрухи» вследствие того, что Россия потерпела поражение в холодной войне. Полемизируя с такими высказываниями, известный политолог Рой Медведев пишет: «Наследство холодной войны нельзя сравнить с последствиями гражданской или Отечественной войны. Экономика СССР и России к концу холодной войны не была разрушена, и ее можно было разумно перевести на рельсы мирного производства... Разрушение экономики явилось не столько результатом холодной войны, сколько следствием ошибочной политики радикальных реформаторов. Можно при этом отметить, что даже в годы Отечественной войны инфляция никогда не достигала уровня 1993–1994 годов, а падение производства в стране в 1993–1994 годах было гораздо большим, чем в 1943–1944 годах»*.

---

* *Медведев Р.* Капитализм в России? – М., 1998. – С. 98.

«Пораженческая линия» ни во внутренней, ни во внешней политике не могла способствовать и не способствовала необходимому отмежеванию от той действительно неприемлемой части наследства, которая досталась России от Советского Союза, именно части, а не всего наследства. Борьба за демократизацию общественной жизни, за реформы могла быть тем более успешной, чем в меньшей степени мы бы уверяли себя и всех вокруг, что «у них» абсолютно все гармонично, устойчиво и справедливо и нам, дескать, просто нужно следовать «их примеру», а в результате идти за ними в их политике.

Такая констатация никоим образом не противоречит тому действительному факту, что после окончания холодной войны Советский Союз перестал существовать как сверхдержава. Формально возникла ситуация, при которой можно говорить о том, что на международной арене осталась одна супердержава. Но лишь формально. Следует четко представлять, что само понятие «супердержава» было атрибутом холодной войны. Никто не может спорить против того, что в постконфронтационном периоде США – самое могущественное государство в военном, экономическо-финансовом отношении. Но не та держава, которая, как и в предыдущий период, призвана возглавлять или подчинять себе других.

Неправомерно идентифицировать действительно мощные Соединенные Штаты с единственным в мироустройстве центром, вокруг и по указке которого формируются все сколько-нибудь значимые процессы и события на международной арене.

При таком подходе полностью игнорируется магистральная тенденция перехода от конфронтационного двухполюсного к многополярному миру, которая вообще-то проявилась еще задолго до окончания холодной войны в виде неравномерности экономического развития различных частей земного шара, но «глушилась» с двух сторон требованиями и закономерностями обоюдного противоборства.

Между тем после окончания холодной войны резко ослабли центроостремительные силы, притягивающие в прошлом значительную часть остального мира к каждой из двух сверхдержав. Вслед за распадом Варшавского договора, а затем и СССР страны Центральной и Восточной Европы перестали ориентироваться на Россию, выступившую в качестве преемницы Советского Союза. Основательно ослабли связи России и с суверенными странами СНГ – бывшими частями практически унитарного СССР. Одновременно подобные тенденции – правда, не в такой степени – начали развиваться и по отношению к США. Большую, чем прежде, самостоятельность стали проявлять страны Западной Европы, переставшие зависеть от американского «ядерного зонта»⁵¹. Их тяготение к интегрированному «евроцентру» – более динамичная и перспективная ориентация, чем трансатлантическая. На фоне быстро расширяющихся позиций Японии в мире ослабевают узы ее военно-политической зависимости от Соединенных Штатов.

Характерно, что происходит процесс укрепления самостоятельности и тех стран, которые как бы оставались вне двухполюсной конфронтации или, во всяком случае, не примыкали ни к одной из сверхдержав. В первую очередь этот вывод справедлив в отношении Китая, который быстро наращивает свой экономический потенциал. Этот вывод подкрепляется и реальной практикой по созданию региональных интеграционных союзов в Азиатско-Тихоокеанском регионе, Латинской Америке.

Вместе с тем необоснованными оказались прогнозы, согласно которым окончание лобовой конфронтации, конец идеологического противостояния чуть ли не перечеркивают противоречия, в том числе геополитические, военно-политические, между государствами, ранее принадлежавшими к двум противоположным мировым системам. В то же время самым негативным образом продолжает сказываться инерционность политического

мышления. Стереотипы, укоренившиеся за 40 лет холодной войны в сознании нескольких поколений государственных деятелей, пока не исчезли вместе с демонстражем стратегических ракет и уничтожением тысяч танков.

В силу своих убеждений никогда и ни при каких обстоятельствах не чернил предшественников. Не собираюсь этого делать и сейчас. Но для лучшего понимания настроения в руководстве МИДа начала 90-х годов приведу пересказ беседы министра иностранных дел России с экс-президентом США и комментарии последнего, о чем поведал американский политолог, президент Центра Никсона за мир и свободу Дм. Саймс: «Никсон попросил Козырева очертить для него интересы новой России. И Козырев ему сказал: “Вы знаете, господин президент (он обращался к Никсону, как обращаются в Америке к президенту, отслужившему свой срок), что одна из проблем Советского Союза состояла в том, что мы слишком как бы заклинились на национальных интересах. И теперь мы больше думаем об общечеловеческих ценностях. Но если у вас есть какие-то идеи и вы можете нам подсказать, как определить наши национальные интересы, то я буду вам очень благодарен”».

Никсон, почувствовавший себя «не очень комфортно», уже в машине наедине с Саймсом спросил его мнение об услышанном.

«Российский министр, – ответил Саймс, – человек, благожелательно относящийся к Соединенным Штатам, но я не уверен, насколько он понимает характер и интересы той державы, которую представляет, и это на каком-то этапе может привести к взаимным проблемам».

«Когда я был вице-президентом, а затем президентом, – отреагировал Никсон, – хотел, чтобы все знали, что я “сукин сын” и во имя американских интересов буду драться изо всех сил. Киссинджер был такой “сукин сын”, что я еще мог у него поучиться. А этот, – продолжал

Никсон, – когда Советский Союз только что распался, когда новую Россию нужно защищать и укреплять, хочет всем показать, какой он замечательный, приятный человек»*.

Естественно, далеко не каждому в МИДе, не говоря уже о других внешнеполитических ведомствах, было свойственно мышление, которое делило мир на «цивилизованных» и «шпану», считало главным для новой России любыми средствами добиться стратегического союза с «цивилизованными» – бывшими противниками по холодной войне, не исключая при этом конфигурацию ведущего и ведомого. Это становилось еще более опасным, так как отвечало реальным стремлениям ряда американских политиков. На уровне экс-госсекретарей или экс-помощников президента по национальной безопасности (а, как говорится, что у тех на языке, то у многих в администрации на уме) не делали никакого секрета из того, что именно такое соотношение должно быть определяющим между Вашингтоном и Москвой. Збигнев Бжезинский заявил в 1994 году следующее: «Я говорю, что зрелого партнерства с Россией сейчас нет и быть не может (заметьте, не только стратегического, но вообще зрелого. – *Е.П.*). Партнер – это страна, которая готова действовать со своими союзниками совместно, эффективно и ответственно. А Россия сейчас не партнер. Это – клиент...»**

Конечно, отношения с Западом, и особенно с Соединенными Штатами, после окончания глобальной конфронтации имели и продолжают иметь важнейшее значение для России. Но наша страна не может при этом игнорировать и не защищать свои интересы, абстрагироваться от исторического разворота к многополярному мироустройству, приносить в жертву накопленные за

---

* Международная жизнь. 1997. № 11–12. – С. 16–17.

** Диалог. 1994. № 11. – С. 4.

всю историю России позитивные ценности и традиции, в том числе и в «имперский», и в «советский» периоды.

Не сегодня изобретена и не мы авторы формулы, которой руководствовались и продолжает руководствоваться по сей день преобладающее число государств: нет постоянных противников, но существуют постоянные национальные интересы. В советский период мы часто отступали от этой жизненно важной истины, и в результате в таких случаях национальные интересы нашего государства приносились в жертву борьбе с «постоянными противниками» или поддержке «постоянных союзников».

Сегодня, в постконфронтационный период мирового развития, Россия вправе заботиться, как это делают и другие, о своих интересах, тем более о жизненных – безопасности, стабильности, территориальной целостности, создании условий, необходимых для экономического и социального прогресса, исключении для любых внешних сил возможности «вбивать клинья» между Россией и другими странами СНГ – в настоящее время наиболее актуальным в этом плане является укрепление отношений с Украиной, Белоруссией, Казахстаном, Узбекистаном, Азербайджаном, Грузией.

Сторонники сближения любой ценой с «цивилизованным Западом» исходили и исходят из того, что альтернативой этому в сложившихся условиях является неизбежное сползание к конфронтации. Это не так. Россия может и должна стремиться к равноправным партнерским отношениям со всеми, искать и находить поля совпадающих интересов, «вспахивать» такие поля с другими. А там, где они не совпадают – этого исключать, как показывает жизнь, нельзя, – стремиться найти такие решения, которые, с одной стороны, обеспечивают жизненно важные для России интересы и – с другой – не приводят к соскальзыванию к конфронтации. Очевидно, в этом и заключается диалектика внешней политики Российской Федерации в период после холодной войны.

Если поля совпадающих интересов игнорируются – это в лучшем случае вновь холодная война. Если нет – это партнерство.

Были – они остаются и по настоящее время – те, кто считал, что нынешней России вообще не по плечу активная внешняя политика. Нужно, дескать, полностью переключиться на внутренние дела, подтянуть экономику, провести военную реформу и лишь затем проявить себя во внешнеполитической области в качестве одного из основных игроков на международной арене. Такая точка зрения не выдерживает критики. Прежде всего потому, что без активной внешней политики России трудно, если вообще возможно, осуществлять кардинальные внутренние преобразования, сохранить свою территориальную целостность. России далеко не безразлично, каким образом и в каком качестве она, открыв экономику, войдет в мировое хозяйство – дискриминируемым сырьевым придатком или его равноправным участником. Ответ на этот вопрос также во многом относится к функции внешней политики.

После окончания конфронтационного периода на глобальном уровне не исчезла задача поддержания безопасности России и стабильности, особенно в окружающих ее регионах.

Наконец, как говорится, «свято место пусто не бывает». Трудно поверить в то, что, уйдя из активной внешней политики, Россия сохранит за собой возможность вернуться в нее в том же качестве великой державы, не потеряв инерции, не сдав свои с таким трудом завоеванные позиции на международной арене. Внешняя политика не терпит «вакуума». Возникшая пустота после ухода с первых ролей какого-либо государства вскоре заполняется другим или другими.

А если Россия сохраняется на международной арене в качестве одного из основных субъектов, то ей следует проводить многовекторную политику. Как говорится,

действовать по всем азимутам. Это и США, и Европа, и Китай, и Япония, и Индия, и Ближний Восток, и Азиатско-Тихоокеанский регион, и Латинская Америка, и Африка.

Хватит ли сил? Конечно, трудно использовать в общем-то ограниченные возможности на всех направлениях. Но если все-таки учесть объективно накопленное политическое влияние, особое геополитическое положение, вхождение на первых ролях в мировой ядерный клуб, статус постоянного члена Совета Безопасности ООН, потенциальные экономические возможности, далеко продвинутое военное производство, создающее надежные условия для военно-технического сотрудничества с многочисленными зарубежными партнерами, огромный интеллектуальный и научно-технический потенциал, то можно с уверенностью сказать, что многовекторная внешняя политика России имеет под собой необходимую основу.

Еще одним стимулом к ее проведению является бесспорное нежелание преобладающего числа государств согласиться с миропорядком, определяемым одной державой. Я это прочувствовал во время поездок не только в арабские страны, но и в Израиль, не только на Кубу, но и в Бразилию, Аргентину, страны Центральной Америки. В руководстве Венесуэлы – страны, которая вышла на первое место в североамериканском импорте нефти, Мексики, тысячными узами связанной с экономикой США, мне откровенно говорили, что хотят активизации внешней политики России для того, чтобы «сбалансировать» негативные результаты тенденции развития к одноплюсному миру.

В конце концов, может ли такое государство, с таким потенциалом, как Россия, игнорировать растущую взаимозависимость сегодняшнего мира, взаимопереплетение многих интересов?

Диверсификация внешних связей России в совокупности с ее активной внешнеполитической ролью имеет

большое значение и для нее самой, и для сохранения и укрепления международной стабильности и безопасности. Отход от идеологического противостояния и прекращение блоковой конфронтации стало отправным моментом продвижения к устройству стабильного и предсказуемого мира на глобальном уровне. Но при всем своем историческом значении это автоматически не привело к ликвидации зон межэтнических региональных конфликтов – более того, они расширились. Повсеместный шок вызвал взлет волны терроризма, уже происходит распространение оружия массового поражения. И все это обозначилось в период переходный – на смену «баланса сил», на котором основывался миропорядок во время холодной войны, еще не пришло равноправное партнерство. Способность мирового сообщества преодолеть новые опасности, угрозы и вызовы постконфронтационного периода непосредственно зависит от того, как в этот переходный период могут складываться межгосударственные отношения, особенно между теми странами, которые играют главные роли на мировой арене.

Чрезвычайно важно наличие, по крайней мере, двух условий для перехода к новому миропорядку.

Первое. Нельзя допустить, чтобы вместо старых фронтов противостояния появились новые разделительные линии. Это требование, как представляется, полностью оправдывает негативную позицию в отношении расширения НАТО на пространство бывшего и уже распавшегося Варшавского договора и попыток превратить Североатлантический альянс – далеко не универсальный по своему составу – в ось новой мировой системы. К чему это может привести – показала кровавая операция НАТО против Югославии, осуществленная и без санкции Совета Безопасности ООН, и за пределами стран, входящих в НАТО, и не имевшая ничего общего с целью обеспечения безопасности государств, участвующих в союзе.

Угроза новых разделительных линий проявляется не в одной Европе. Вполне понятная, например, нетерпи-

мость к экстремизму ряда исламских групп и течений не может перерасти в тенденцию зачислять чуть ли не весь мусульманский мир в стан противников современной цивилизации.

Слов нет, необходимо решительно противодействовать экстремистским и террористическим силам. Особенно опасно, когда они пользуются государственной поддержкой, и нужно сделать все, чтобы ни одно государство ее не оказывало – этому нет оправданий. Очевидно, даже назрела необходимость разработки в рамках ООН универсальной, охватывающей все государства конвенции, по которой лица, занимающиеся террористической деятельностью, должны быть лишены права политического убежища где бы то ни было. Однако никакие санкции не должны быть ни средством наказания народов, ни орудием свержения правительств. История уже показала контрпродуктивность силовых приемов, применяемых с целью подавления неугодных режимов, – вне зависимости от того, поддерживают они на деле деструктивные тенденции в международных делах или нет. Куда более эффективно приближать «свет в конце туннеля» тем, кто на деле принимает вырабатываемые мировым сообществом нормы поведения.

Второе условие продвижения к новому миропорядку – это скоординированное на деле – а для этого нужны эффективные механизмы – равноправное взаимодействие и сотрудничество международного сообщества для того, чтобы отвести от мира далеко не иллюзорные угрозы сегодняшнего дня.

Есть еще один важный вопрос, который, как я считаю, имеет определяющий характер для выработки «кредо» главного внешнеполитического органа России – Министерства иностранных дел. Внешняя политика органично связана с внутренней – это общеизвестная истина. Но это само по себе не означает, что внешняя политика в плюралистическом обществе, которое образовалось в Рос-

сии, должна осуществляться в интересах отдельных политических сил, партий или руководителей либо что ею могут манипулировать во внутривластной борьбе. Министр иностранных дел не должен позволять себе, вне зависимости от его внутренних симпатий или антипатий, делить российское общество на разные цвета: белые, красно-коричневые, зеленые и так далее. Я глубоко убежден в том, что внешняя политика России должна быть общегосударственной, основываться на согласии различных политических сил, не участвовать в их борьбе, защищать ценности, которые дороги всему обществу.

Эти идеи и принципы я, естественно в гораздо более сжатой форме, изложил президенту и не услышал никаких возражений с его стороны. Вдохновляюще прозвучали его слова: «Работайте больше с Думой, с Советом Федерации, с руководителями различных политических сил». Я понял: меня не собираются держать «на коротком поводке», что, признаюсь, было бы для меня неприемлемо.

Вместе с тем я с самого начала исходил из того, что президент является лицом, которому подчиняется МИД, что он – определяющая фигура в выработке и осуществлении внешнеполитического курса страны, что лояльность к президенту – обязательное условие функционирования того ведомства, руководителем которого я был назначен. Но с самого начала это понимание подкрепилось ощущением того, что Ельцин доверяет МИДу, не намерен сковывать его инициативу.

Заявления нового министра

Через три дня после назначения министром иностранных дел, 12 января 1996 года, состоялась пресс-конференция. Пресс-центр МИДа на Зубовской площади был

переполнен. Интерес журналистов подогревался и неоднозначными оценками решения о моем переходе в МИД, особенно в США и некоторых других странах. Отклики продолжали поступать и после пресс-конференции. Характерной была статья в «Нью-Йорк таймс» У. Сафайра, который писал: «Неожиданное появление Евгения Примакова в качестве министра иностранных дел России приводит в состояние озноба весь Запад. Выбор Борисом Ельциным этого дружелюбного змея, который возглавлял его шпионское агентство, сигнализирует, что пришел конец мистера Хорошего Парня в российской дипломатии»^{*}.

Не все придерживались таких оценок. Были и положительные отклики – в США в «Вашингтон пост», в лондонских газетах.

Подборку и тех, и других – негативных и позитивных откликов – мне сразу же прислал в Москву наш посол в Вашингтоне, мой старый приятель Юлий Михайлович Воронцов, с которым мы еще 15–16-летними мальчишками были курсантами Бакинского военно-морского подготовительного училища. Потом, уже в США, куда я приезжал в 70-х годах в командировку, мы смеялись над «превратностью судьбы»: в училище, которым командовал контр-адмирал Воронцов (кстати, тот самый военно-морской атташе в Берлине, который Сталину передал точную дату начала войны, но ему не поверили), его сын Юлий имел привилегию, отрастив небольшую шевелюру, в то время как мы ходили подстриженные под машинку, а теперь, в зрелом возрасте, «поменялись местами» – волос у нашего посла стало куда меньше.

Тронуло меня письмо моего товарища, которое он приложил к вырезкам из газет. Он писал, что рад моему назначению, но одновременно и жалеет меня – «ноша будет нелегкой, дела запутанные, аппарат разболтался,

---

^{*} The New York Times. Op-Ed. – January 15, 1996. – P. a-17.

молодежь талантливая есть (сужу по своему посольству), но ее нужно обкатать...»

Порадовала в целом и статья в «Общей газете» бывшего министра иностранных дел СССР А.А. Бесмертных, который вспомнил, как в 1987 году я «вел интенсивные, порой весьма горячие схватки с опытнейшими американскими дипломатами по основным направлениям глобальной политики» на встрече в верхах в Рейкьявике в качестве руководителя с нашей стороны подгруппы по региональным проблемам. Вместе с тем А. Бесмертных подчеркивал, что мое назначение – лучший выбор из непрофессионалов, и закончил статью словами: «Евгений Максимович может стать солидным профессионалом в дипломатии, если политическая судьба даст ему для этого достаточно времени»*.

Подтекст, связанный с предстоящими через полгода президентскими выборами в России, проявлялся и в других публикациях: сколько времени отведено новому назначенцу на Смоленской площади – шесть месяцев в связи с приходом новой команды или те же шесть месяцев, если будет вновь избран Б.Н. Ельцин, но захочет иметь новое лицо на посту министра иностранных дел?

Скажу абсолютно искренне: сроки нахождения в кресле министра надо мной совершенно не довели, более того, мало меня трогали. За всю свою жизнь, работая в разных должностях – и по многу лет, и в течение месяцев, – я никогда не ощущал себя «временщиком». Перейдя в МИД, также настроился на настоящую работу. Считал, что «стратегический заряд» должен быть отражен и в моем выступлении, и в ответах на вопросы на первой пресс-конференции.

Во вступительном слове я сказал о некоторых приоритетных задачах внешней политики России:

---

* Общая газета. 1996. 18–24 января.

«Первое. Создание наилучших внешних условий, благоприятствующих укреплению территориальной целостности нашего государства.

Второе. Укрепление центростремительных тенденций на территории бывшего СССР. Естественно, речь не идет и не может идти о возрождении Советского Союза в том виде, в котором он существовал. Суверенитет, полученный республиками, необратим. Но это не отрицает необходимости интеграционных процессов, в первую очередь в экономической области. За ними будущее.

Третье. Стабилизация международного положения на региональном уровне. Мы добились больших успехов в стабилизации международного положения на глобальном уровне, совместно победив – я хочу особо подчеркнуть, что здесь нет победителей и побежденных, – холодную войну. Теперь дело за урегулированием региональных, межнациональных, межэтнических и межгосударственных конфликтов. Российская внешняя политика будет делать для этого все возможное, и в первую очередь на территории СНГ и в югокризисе.

Четвертое. Развитие плодотворных межгосударственных отношений, препятствующих созданию новых очагов напряженности и особенно распространению оружия массового уничтожения. Эта проблема – наиважнейшая».

В свете процитированного мною У. Сафайра не было удивительно, что первый вопрос, заданный журналистом, касался «опасений относительно возможности перетекания кадров из Ясенева на Смоленскую площадь». Пришлось ответить так: «Я думаю, что на Смоленской уже есть кадры из Ясенева. Больше перетекать не будут».

Из ответов на другие вопросы я бы выделил следующие, так как они легли в основу той практической линии, которая начала сразу же продвигаться.

Вопрос. Какими вы видите российско-украинские отношения?

Ответ. Прежде всего я не считаю, что они находятся в кризисном состоянии. Имеются, правда, серьезные

проблемы, которые необходимо решить. Отношения с Украиной действительно приоритетны для России и должны быть развиты и улучшены.

Вопрос. Какова перспектива урегулирования грузино-абхазского конфликта?⁵²

Ответ. У России есть твердый подход к этой проблеме. Он базируется на двух моментах: первое – это признание территориальной целостности Грузии, второе – это необходимость иметь такой статус для Абхазии, который в границах Грузии надежно обеспечил бы ее интересы и самобытность ее народа. К этому мы стремимся, выполняя свою посредническую миссию. Я оптимист в этом деле и считаю, что должны быть найдены и будут найдены политические пути разрешения этого конфликта.

Вопрос. В связи с той дискуссией, которая ведется в парламентских кругах России вокруг Договора СНВ-2, каково ваше отношение к скорейшей ратификации этого документа?

Ответ. Я – за ратификацию Договора СНВ-2⁵³. Он действительно чрезвычайно важен для нашей страны. Однако мне хотелось бы отметить, что в конгрессе Соединенных Штатов ведутся разговоры по поводу возможности отступления от Договора по противоракетной обороне (ПРО). Это для нас неприемлемо. Мне кажется, что нужно во время моих первых контактов с американскими представителями еще раз поставить вопрос о том, что Договор по ПРО должен быть сохранен в неприкосновенности. Во многом от этого зависит и ратификация Договора СНВ-2 в нашей Думе.

Вопрос. Ваше назначение вызвало довольно настороженное отношение в средствах массовой информации США, если не сказать больше. Как бы вы могли это прокомментировать?

Ответ. Мне бы очень не хотелось быть персоной нон-грата для общественности США. Действительно, я считаю своей главной задачей активизацию работы МИДа

по защите национальных интересов России. Но это, с моей точки зрения, не входит в противоречие с другой целью – развитием отношений с США как с государством, которое обладает значительной силой, значительным влиянием в мире. При этом Россия будет развивать отношения и с другими странами. Мы бы хотели быть друзьями со всеми, но эта дружба должна базироваться на прочном фундаменте равноправия, обоюдном признании и ненарушении интересов друг друга.

Вопрос. В последний год политика правительства была направлена на большой экспорт топливно-энергетических ресурсов. Может ли это сказаться на внешней политике?

Ответ. Одна из задач внешней политики – способствовать экономическому развитию своей страны. И если экспорт или другие виды экономической деятельности служат благосостоянию России, то, естественно, внешняя политика будет стремиться создать условия, максимально благоприятные для этого.

Вопрос. В последнее время роль России в ближневосточном урегулировании носила формальный характер. Намерены ли вы активизировать участие России в этом процессе?

Ответ. Я думаю, что Соединенные Штаты выполняют очень важную работу по мирному урегулированию на Ближнем Востоке. Это нужно отметить. В то же время и Россия, будучи сопредседателем мирной конференции, могла бы сыграть большую роль. Из этого будем исходить.

Вопрос. Вы сказали, что политика должна быть более активной. Что это означает применительно к странам Центральной Европы, и, в частности, к Польше? Какая активность имеется в виду?

Ответ. Конечно, не посылка танков. Если у вас возникает сомнение такого рода, то вы можете быть спокойны – Россия не собирается этого делать. Под активностью политики подразумеваются регулярные политические кон-

сультации, в результате которых мы можем разъяснять свою позицию, искать и находить поля, где совпадают интересы между различными государствами, работать на этих направлениях. Речь идет о том, чтобы способствовать развитию многосторонних отношений между странами, в том числе, конечно, экономических.

Вопрос. В свое время Служба внешней разведки, которой вы руководили, подготовила доклад об опасности для России расширения НАТО на восток. Каково ваше отношение как министра иностранных дел к этой проблеме?

Ответ. Вы думаете, что я способен, как флюгер, менять свое отношение? Нет, я, безусловно, сохраняю его. Я негативно отношусь к возможности расширения НАТО. Считаю, что это контрпродуктивно для устойчивой стабильности в Европе и может сказаться не лучшим образом на геополитической ситуации для России.

Надежный тыл

22–23 января 1996 года в Москву прилетел министр иностранных дел Франции Эрве де Шаретт. С самого начала нашего разговора проявились симпатии друг к другу, что способствовало тесному сотрудничеству в дальнейшем. Дружеские чувства сохранились и после того, как де Шаретт ушел в отставку: на выборах победила оппозиция и правительство сменилось. Хороший контакт был установлен и с его преемником Юбером Ведрином, что оказалось весьма ценным, особенно во время обострения кризиса вокруг Ирака в ноябре 1997 и феврале 1998 года.

Откровенные, весьма дружеские отношения установились с министрами иностранных дел ФРГ Клаусом Кинкелем, Италии – Ламберто Дини, с которыми встречался семьями в непринужденной, неофициальной

обстановке, а также Канады – Ллойдом Эксуорси, Швеции – Леной Ельм-Валлен, Финляндии – Тарьей Халонен, Швейцарии – Флавио Котти, Мексики – Гурриа, Индии – Гуджралом, Японии – Икэдой и другими. С некоторыми министрами, например Египта – Мусой, Китая – Цянь Циченем, меня связывали многолетние теплые отношения.

За первые полгода министерского срока встретился с каждым из министров иностранных дел 39 государств.

Большинство из них побывало в Москве, с другими увиделся в их странах. Сопровождал президента во время его визитов в Шарм-эль-Шейх (Египет) и в Норвегию – в марте, в КНР – в апреле, возглавлял нашу делегацию в Страсбурге, где 28 февраля состоялась торжественная церемония по случаю вступления России в Совет Европы, принял участие в заседании в Москве Контактной группы по бывшей Югославии, провел два заседания министров иностранных дел стран СНГ (СМИД), участвовал уже в мае в заседании Комитета министров иностранных дел Совета Европы и в июне на сессии ССАС⁵⁴ на уровне министров иностранных дел. В общем, с головой окунулся в работу.

Такой же темп сохранился и в последующем. Так как географический охват визитов был заведомо широк, пришлось за одну поездку бывать в нескольких странах, а это возможно, только если резко ограничить пребывание в каждой из них – то есть жестко спрессовать время под переговоры. Конечно, в этом есть и минусы: не можешь поехать, посмотреть, но, как говорится, «по одежке протягивай ножки», а «одежка» министра иностранных дел совсем не предназначена для их вольготного вытягивания.

Министр иностранных дел великого государства должен, обязан, как бы это ни было сложно, проводить значительную часть своего времени в самолете, летая на Восток, Запад, Север и Юг, пересекая временные пояса,

адаптируясь каждый раз к новому режиму дня и ночи. Такие поездки не могут заменить обязательные посещения многих стран заместителями министра, руководителями департаментов, ответственными сотрудниками МИДа для участия в совещаниях, конференциях, двусторонних консультациях. Каждому, как говорится, свое. Но как быть с организацией работы в Центре, когда руководитель внешнеполитического ведомства должен «делать политику» с обязательным включением в свой график регулярных поездок за рубеж?

Как-то Ельцин при прежнем министре сказал, что для улучшения работы МИДа нужно укрепить звено заместителей министра. Придя на Смоленскую площадь, я понял, что сказанное скорее служило стремлению поддержать министра, который все более становился объектом критики в обществе. У Бориса Николаевича проявлялась – особенно в то доброе время, когда на кадровую политику значительно меньше, если вообще влияло его близкое окружение, – такая черта: если он верил своему соратнику, сотруднику, то поддерживал его, но если разуверился в нем – справедливо или несправедливо – это уже другое дело, на этом поддержка резко обрывалась. Слова президента о заместителях министра относились к тому периоду, когда он еще продолжал поддерживать А.В. Козырева.

Ознакомившись с обстановкой в МИДе, я понял, что преобладающее большинство руководящих работников, в первую очередь заместителей министра, – профессионалы, справедливо занимающие столь высокое положение в мидовской иерархии. Но нужна была определенная перегруппировка. Первым замом, в том числе дублирующим министра во время его нахождения вне Москвы и в целом работающим с ним в тандеме, был утвержден Игорь Сергеевич Иванов. Это полностью себя оправдало. Находясь за рубежом, поддерживал с ним постоянную связь, будучи абсолютно уверен в четком

и инициативном осуществлении оперативного руководства. С учетом важности СНГ на должность еще одного первого заместителя был выдвинут Борис Николаевич Пастухов – человек, обладающий большим опытом, незаурядными способностями и великим чувством ответственности.

Трудно было согласиться с тем, что такие важнейшие для внешнеполитического ведомства вопросы, как кадры и административно-хозяйственная деятельность, находились в «плавающем состоянии», переходя периодически в ведение от одного заместителя министра к другому. Поэтому я пришел в МИД вместе с Юрием Антоновичем Зубаковым, который принял предложение стать заместителем министра по кадрам. Из СВР со мной перешел в МИД еще один человек – мой бессменный помощник Роберт Вартанович Маркарян, который был назначен руководителем секретариата министра. Очень и по-настоящему был рад тому, что и Зубакова, и Маркаряна через считанные недели хорошо приняли в коллективе руководителей и сотрудников МИДа в целом. Одно время, правда, стала распространяться шутка, что теперь здание на Смоленской площади переименовано в адмиралтейство в честь вице-адмирала Зубакова*, но говорили это по-дружески.

Позже на пост заместителя министра по административно-хозяйственной части перешел из Управления по делам обслуживания дипломатического корпуса (УПДК) Иван Иванович Сергеев – прекрасный работник, критерием чего стало приобретение МИДОм (впервые в истории) за один лишь 1997 год 137 квартир, что позволило при повторном заселении обеспечить жилплощадью почти 200 сотрудников.

Надежно «закрывал» большие разделы оперативной работы блестящий профессионал, одаренный разносто-

---

* Перейдя на работу в МИД, Ю.А. Зубаков ушел в отставку.

ронными талантами, известный не только своими глубокими востоковедными знаниями, но и авторством и исполнением многих прекрасных песен Виктор Викторович Посувалюк*. Отлично действовали Николай Николаевич Афанасьевский, Георгий Энверович Мамедов, Сергей Борисович Крылов и заменивший его Александр Алексеевич Авдеев, Григорий Борисович Карасин, который пришел на смену направленному послом в Японию и всецело оправдавшему такое назначение Александру Николаевичу Панову. Честным, безупречно порядочным человеком проявил себя и Василий Сергеевич Сидоров, которому объективно – я это понимал – было совсем не легко, так как буквально в последние недели перед переменами на Смоленской площади он был переведен туда (после слов президента о необходимости усилить институт заместителей министра) из нашего представительства в Нью-Йорке и на его плечи сразу же навалили все основные вопросы, в том числе кадровые. После «перегруппировки» в верхнем эшелоне В.С. Сидоров до своего назначения руководителем представительства России в Женевском отделении ООН курировал, оставаясь замом, ооновскую тематику.

Так что «тыл» в Центре был обеспечен крепкий.

При президентстве Ельцина стали нормой личные встречи «без галстуков». Это дало немалую пищу некоторым средствам массовой информации в Москве, представляющим, что такие встречи проводятся ради сверхприятного времяпрепровождения. «Друг Борис», «друг Гельмут», «друг Жак» или «друг Билл» – сколько ерничанья, особенно на первых порах, было вокруг этих обращений на «ты» друг к другу. А ведь самые что ни на

---

* К моменту окончания работы над этой книгой Виктора Викторовича не стало. Он до последнего дня мужественно, я бы даже сказал героически, боролся за жизнь, зная, что болезнь неизлечима. Он до последнего дня продолжал работать – документы ему еще за неделю до кончины приносили из МИДа в больницу.

есть важные проблемы для судеб многих стран, развития международной обстановки в целом решались и решаются на подобных встречах.

Несколько наших газет иронизировали и в связи с моей поездкой с женой по приглашению Клауса Кинкеля на субботу и воскресенье в Рейнскую долину – поехали, мол, дегустировать вина (кстати, это было до операции, и из-за приступов желчной болезни я не мог выпить ни глотка прекрасного рейнского вина и только каждый раз поднимал и опускал наполненный бокал). А ведь во время этой поездки, равно как и тогда, когда мы принимали Клауса с его женой Урсулой под Москвой, не только обсуждались попытки развязок по НАТО, но и установились настоящие дружеские отношения, позволившие в будущем, когда это нужно, звонить по телефону друг другу, искать и находить достаточно сложные решения по самому широкому кругу вопросов.

То же самое произошло, когда я принял настойчивое приглашение Ламберто Дини провести день в его доме во Флоренции, а затем мы с радостью встретились с ним и его женой в России.

II. В центре внимания – НАТО

Закулисная история доклада разведки

Первое международное заседание, в котором я принимал участие как министр иностранных дел России, был СМВД – Совет министров стран СНГ. Первые мои поездки в январе, сразу же после назначения, были в страны СНГ – в Таджикистан, Узбекистан, Белоруссию, Украину. Ко всему этому я вернусь несколько позже. А сейчас хотел бы все-таки начать с «натовского клубка», который пришлось распутывать российской дипломатии.

Впрочем, не только дипломатии. В конце 1993 года Службой внешней разведки был подготовлен и публично представлен доклад о влиянии расширения НАТО на интересы России. Это произошло за два с лишним года до моего перехода на Смоленскую площадь. В то время в руководстве МИДа еще не сложилось четкого представления о значении этой проблемы или, точнее, о необходимости сосредоточиться на нейтрализации отрицательных последствий курса, уже взятого Западом на расширение Североатлантического союза.

Много спекулятивных рассуждений и о позиции в первой половине 90-х годов президента России по этому вопросу. Во время своего визита в Варшаву летом 1993 года Ельцин действительно сказал президенту Валенсе, что вопрос о вступлении его страны в НАТО находится в компетенции Польши, а не России. Может быть, обстановка не позволяла развернуть эту идею, дополнив ее аргументами против расширения НАТО. Так или иначе, но это высказывание сразу же подхватили – и за рубежом, и в России, – представив его чуть ли как не показатель того, что Москва если и не выступит в поддержку расширения Североатлантического альянса, то, во всяком случае, по сему поводу промолчит.

Дальнейшее изложение, на мой взгляд, показывает несостоятельность таких прогнозов. Причем описываемые события относятся приблизительно к тому самому периоду, когда было заявлено о суверенном праве Польши делать свой выбор.

В понедельник 15 ноября 1993 года, в 15.30 я в качестве директора СВР был у президента с еженедельным докладом. Первой темой были результаты только что состоявшейся моей закрытой поездки по приглашению коллег в Саудовскую Аравию, Объединенные Арабские Эмираты, Египет и Сирию. Можно было считать эти результаты обнадеживающими. Я встречался и с лидерами этих стран, и все они высказывали особую заинтересованность в развитии многосторонних связей с Россией.

Президент затронул ряд вопросов военно-технического сотрудничества и дал указание проработать их на межведомственной основе.

Докладывая о некоторых новых моментах, проявляющихся в США в отношении России, я начал с того, что в целом сохраняется прежняя линия поддержки Ельцина как ключевой фигуры в осуществляемых в РФ реформах. Вместе с тем в администрации США проявляются разногласия по вопросам концентрированной ставки на одного лидера без сохранения маневра на будущее. У разведки была возможность конкретизировать эту тему, равно как и шаги, предпринимаемые различными американскими службами с целью не допустить сближения ряда стран СНГ с Россией.

Президент был проинформирован и о подготовке СВР открытого доклада по проблеме расширения НАТО, так как эта тема начинала, по нашему мнению, вырисовываться в качестве одного из наиболее опасных раздражителей отношений России с Западом.

Не скрою: мы в это время имели абсолютно надежные свидетельства и того, что стратегическое военное планирование в штаб-квартире НАТО по-прежнему включает в себя «наихудший вариант» с применением ядерного оружия – против кого: России, Китая? – и что в натовских кругах берет верх подход, ведущий к тому, чтобы «Партнерство ради мира» (ПРМ)⁵⁵, провозглашенное и широко рекламируемое в качестве универсального процесса, в котором найдут свое место все, в том числе и Россия, превратить в «школу» для постепенного вступления в НАТО различных претендентов, но, естественно, без России*.

Инициатива ПРМ была выдвинута США на заседании министров обороны НАТО в Травемюнде в октябре 1993

---

* На гипотетической проблеме участия России в НАТО автор подробно остановится ниже.

года. На момент подготовки доклада СВР генеральный секретарь НАТО М. Вернер уже и открыто высказался об американской инициативе как о согласии с принципом расширения состава НАТО на перспективу. А ведь нам тогда «подкидывали» идею о том, что «Партнерство ради мира» связано со стремлением найти выход из сложнейшей ситуации с целью «спустить на тормозах» идею расширения НАТО.

В докладе СВР подчеркивалось:

– в условиях постконфронтационного периода и отсутствия так называемой блоковой дисциплины, которая существовала до ликвидации Варшавского договора, Россия не вправе диктовать суверенным государствам Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ), вступать ли им в НАТО либо другие международные объединения;

– процесс вхождения государств Центральной и Восточной Европы в НАТО, его характер, сроки, обязательства и права новых членов должны формироваться с учетом мнения всех заинтересованных сторон, в том числе России, перспектив укрепления основ коллективной безопасности на континенте, развития общеевропейского сотрудничества, а также необходимости обеспечения гарантий неукоснительного соблюдения всеми странами, претендующими на участие в Североатлантическом союзе, заключенных ими международных соглашений;

– лишь учет приведенных факторов способствовал бы созданию предпосылок и благоприятных условий для взаимодействия РФ с НАТО, перевода отношений между ними на уровень реального партнерства.

Борис Николаевич попросил текст доклада СВР и оставил его у себя, сказав, что после внимательного прочтения решит вопрос о его публикации.

Через неделю, во время следующей встречи, он санкционировал презентацию открытого доклада СВР в пресс-центре МИДа на Зубовской площади. Оценивая материал, Ельцин подчеркнул: «Считаю его актуальным,

нужно поставить точки над “і”; в то же время чувствуется, что разведка не “нагнетает страсти”, напротив, выступает за укрепление стабильности, в том числе в нормализуемых отношениях с Западом».

Пресс-конференция директора СВР для представления доклада «Перспективы расширения НАТО и интересы России» была назначена на 25 ноября. Утром вышла газета «Известия» со статьей, в которой говорилось, что у СВР и МИДа существуют противоречия по вопросу расширения НАТО. Я уже стоял в пальто, готовясь выехать на Zubovskuyu, когда позвонил Андрей Владимирович Козырев, попросивший высказаться на пресс-конференции по поводу этой «возмутительной публикации». Обещал ему, не упоминая о статье, сказать об отсутствии противоположностей в стратегических оценках. Обещание свое выполнил, ограничившись словами о том, что некоторые тактические различия естественны, но они не проявляются в главном, – взял на себя смелость заявить, что оба ведомства негативно относятся к расширению НАТО.

Каково же было мое удивление, когда через два часа после пресс-конференции СВР советник министра иностранных дел по контактам с общественностью созвала брифинг, где заявила, что доклад Службы внешней разведки – документ чисто ведомственный, а позиция МИДа, которая отражает мнение президента, заключается в следующем: НАТО не угрожает России; любое государство может обеспечивать свою безопасность так, как считает нужным; вступление стран Центральной и Восточной Европы в НАТО контрпродуктивно... без России.

Возможно, кое-кого дезориентировало то, что я во время представления доклада практически ушел от ответа на вопрос, знакомился ли с ним предварительно Ельцин. Сказал лишь, что идеи, заложенные в материал СВР, безусловно, докладывались главе государства. Так или иначе, но заключительный аккорд принадлежал

пресс-секретарю президента В.В. Костикову, который сразу же заявил, что Ельцин разделяет точку зрения разведки на проблему расширения Североатлантического альянса.

Представляя доклад, я сказал присутствовавшим на пресс-конференции:

«Это открытый документ Службы внешней разведки Российской Федерации, ее оценка и анализ одного из самых актуальных вопросов современности – проблемы расширения НАТО за счет переставшего функционировать Варшавского договора. Раньше “все было просто”: происходило противоборство двух блоков. Сегодня этой “простоты” уже, к счастью, нет. Но как будет обеспечиваться безопасность различных государств в постконфронтационный период – от этого зависят судьбы и Европы, и мира в целом. Предлагаемый вариант, который подвергается рассмотрению в документе, – увеличение зоны ответственности того блока, который представлял Запад в период противоборства. Насколько это оправданно, оптимально ли такое решение? СВР излагает свой взгляд на эту проблему с учетом всей ее неоднозначности и сложности.

Думаю, что оценки, высказанные в документе, найдут не только сторонников, но и тех, кто их не разделяет, хотя бы частично. Мы к этому готовы.

Наверняка возникнет вопрос, каковы источники данных этого анализа. Могу сказать прямо: это и открытая, и та информация, которая получена специфическими средствами разведки. Главное, как представляется, – в выводах аналитиков СВР на основе полученных данных, а эти выводы однозначны. Россия не индифферентна в отношении развития событий, которые затрагивают ее интересы. Россия имеет все основания соизмерять ход этих событий с возможными изменениями в геополитической и военной ситуации. Обновленная Россия вправе рассчитывать на учет своего мнения».

К сожалению, это мнение так и не было учтено до конца. Кто выиграет от этого – покажет будущее.

В первые дни пребывания на Смоленской площади я собрал совещание по НАТО. Для меня это совещание было очень важным. Я знал, что и до моего назначения министром ряд ведущих сотрудников МИДа четко заняли позицию против расширения Североатлантического альянса, но тогда оставались в меньшинстве. На этот раз картина изменилась. Лишь один из выступавших сказал примерно следующее: мы не сможем остановить страны Центральной и Восточной Европы, рвущиеся в НАТО, поэтому следует смириться с расширением и искать другие направления, где можно было бы развернуть сотрудничество с Западом.

Такая «страусиная» постановка вопроса была отвергнута. Преобладающее большинство высказалось за активную политику, направленную на то, чтобы мы обрели возможность реально влиять на процессы, связанные со стремлением расширить НАТО.

О чем поведали архивы

На следующий день ко мне зашел бывший в ту пору заместителем министра С.Б. Крылов и сказал, что в мидовских архивах есть записи бесед, которые свидетельствуют о том, что политика расширения НАТО родилась не в ходе холодной войны, а в результате ее окончания. Я попросил дать мне эти архивные материалы. Они относились к периоду объединения Германии, а затем распада Варшавского договора. Лидеры всех ведущих западных государств – членов НАТО тогда убеждали советских руководителей, что у них на уме нет идеи расширения. Делалось это по вполне понятным мотивам – стимулировать Москву на решение о выводе советских войск из

Восточной Германии и притупить возможно острую реакцию на распад Варшавского договора.

Вот документально те заявления, которые были сделаны западными лидерами в 1990–1991 годах.

Дж. Бейкер. Механизмом, обеспечивающим присутствие Соединенных Штатов в Европе, является НАТО. Если НАТО будет ликвидировано, то такого механизма присутствия США в Европе не будет. Мы понимаем, что не только Советскому Союзу, но и другим европейским странам важно иметь гарантии того, что если Соединенные Штаты будут сохранять в рамках НАТО свое присутствие в Германии, то не произойдет распространения юрисдикции или военного присутствия НАТО ни на один дюйм в восточном направлении.

Мы считаем, что консультации и обсуждения в рамках механизма «два плюс четыре» должны дать гарантии того, что объединение Германии не приведет к распространению военной организации НАТО на Восток. (*Запись беседы М.С. Горбачева с госсекретарем Дж. Бейкером 09.02.1990.*)

Обратите внимание, сам госсекретарь США подсказывал, что легализовать нерасширение НАТО можно через соглашение об объединении Германии.

Хорошо помню, как на заседании Политбюро ЦК весной 1990 года М.С. Горбачев говорил о том, что можно было бы попытаться связать наше согласие на вывод войск из ГДР с выходом объединенной Германии из НАТО. Это был один из немногих эпизодов, когда на заседании Политбюро – во всяком случае, в присутствии кандидатов в члены Политбюро, в числе которых был в то время я, и секретарей ЦК – затрагивались вопросы объединения Германии. Обычно они «обговаривались» между Генеральным секретарем ЦК и министром иностранных дел или на уровне «полных» членов Политбюро, которые вначале собирались в Ореховой комнате Кремля, а потом уже заходили в зал заседаний Политбюро, где их ждали, подчас довольно долго, остальные.

Было совершенно ясно, что такая увязка вывода наших войск с выходом ФРГ из НАТО была непроходимой. Выход объединенной Германии из НАТО означал бы конец Североатлантическому союзу, а на это Запад не согласится. Но, очевидно, Горбачев рассматривал это как «запросную позицию». За нее в конце концов мы получили зафиксированные в Договоре об объединении Германии гарантии против размещения на территории бывшей ГДР ядерного оружия и иностранных войск на постоянной основе. Но Бейкер-то говорил о большем – о гарантиях против распространения военной организации НАТО на Восток!

При этом заявлениям Бейкера заверения западных лидеров не исчерпывались.

Г. Коль. Мы считаем, что НАТО не должно расширять сферу своего действия. Надо найти здесь разумное урегулирование. Я правильно понимаю интересы безопасности Советского Союза и отдаю себе отчет в том, что вы, г-н генеральный секретарь, и советское руководство должны будете доходчиво объяснить происходящее населению СССР. Одно дело, когда говорим мы, а другое дело, когда говорят простые люди. Они помнят о судьбе своих отцов и братьев. *(Запись беседы М.С. Горбачева с федеральным канцлером Г. Колем 10.02.1990.)*

Как заявил премьер-министр Великобритании, он «не предвидит условий, чтобы в настоящее время и в будущем восточноевропейские страны могли бы быть в НАТО». *(Информация министра обороны СССР Д.Т. Язова М.С. Горбачеву о беседе с премьер-министром Великобритании Дж. Мейджором 06.03.1991.)*

Д. Херд заявил об отсутствии в НАТО планов присоединения стран Восточной и Центральной Европы к Североатлантическому договору в той или иной форме. *(Информация министра иностранных дел СССР А.А. Бесмертных об итогах рабочего визита в СССР министра иностранных дел Великобритании Д. Херда 26.03.1991.)*

Ф. Миттеран. Есть еще одно соображение. Каждое из упомянутых мною государств (речь шла о бывших членах Варшавского договора. – *Е.П.*) будет стремиться обеспечить свою безопасность путем заключения отдельных соглашений. С кем? Очевидно, что с НАТО. Но такая перспектива опять-таки не относится к СССР. Это также усилит ощущение изоляции и даже окружения у Советского Союза. Убежден, что такой путь не является правильным для Европы. (*Запись беседы М.С. Горбачева с президентом Франции Ф. Миттераном 06.05.1991.*)

Два момента хотел бы подчеркнуть.

Первый – заверения Ф. Миттерана давались уже в то время, когда Варшавский договор «дышал на ладан». И речь шла именно о стремлении стран Восточной Европы проситься в будущем в НАТО.

Второй – президент Франции прямо признавал, что речь не может идти о приеме СССР в НАТО, даже в перспективе.

К огромному сожалению, следует констатировать, что заверениям западных лидеров не была придана договорно-правовая форма. А ведь есть все основания считать, что в то время это могло бы быть сделано.

Но все-таки почему в последующем произошел такой кардинальный поворот в позиции стран, играющих ведущую роль в НАТО, и в первую очередь США? Почему они вопреки обещанному, причем подкрепленному, казалось бы, серьезной аргументацией против приема в НАТО стран Варшавского договора (ведь понимали же, судя по их словам, к чему это может привести), на 180 градусов развернулись в отношении своих прежних заверений? Ответ на эти вопросы не однозначен.

Действительно, руководители стран Центральной и Восточной Европы провозгласили свое настойчивое стремление вступить в НАТО. Судя по всему, это поддерживается если не большинством, то, во всяком случае, весьма значительной частью населения. Подтверждением

являются и опросы общественного мнения, и результаты референдума в Венгрии. Что стояло за этим? Опасения, что ситуация в России создаст угрозу их безопасности? Не думаю, что это основная причина или даже реальная. Да и многие лидеры этих стран подчеркнуто заявляют, что их выбор не предопределен опасениями каких-то агрессивных действий со стороны России. Сегодня, уже через многолетний период развития Российского государства и в корне изменившейся международной обстановки, при любой реальной – именно реальной – конфигурации сил, стоящих у власти в России, разговоры о возможной военной угрозе с ее стороны странам Центральной и Восточной Европы, равно как и другим странам, выглядят как элементарная мистификация.

Нелишне напомнить, что еще при существовании Советского Союза, да и в тот острейший период, когда начался процесс распада социалистического лагеря, Москва в преддверии того, что ее союзники выйдут из Варшавского договора, не давила на них и не собиралась этого делать. Я был на заседании Политбюро ЦК, на котором М.С. Горбачев рассказал, что забившийся в истерике Чаушеску (это было еще при существовании Варшавского договора) обратился с просьбой незамедлительно ввести войска в Румынию. Но на дворе был уже не 1968 год, ознаменовавшийся маршем танковых колонн на Прагу, а 1990-й, и дело ограничилось лишь информированием высшего советского руководства о призыве Чаушеску – ни у одного присутствовавшего даже не возникло вопроса о возможности военного вмешательства в Румынии. А в нынешних условиях говорить о такой перспективе не приходится и подавно.

Может быть, над кем-то довлеет груз воспоминаний? Согласен, с ними не так скоро и легко расстаются многие. Но такой груз прошлого – не решающий элемент в определении того, кто и как в нынешних условиях угрожает безопасности государства.

Что касается стран Центральной и Восточной Европы, то причина их стремления вступить в НАТО обусловлена, очевидно, другим. Они хотят быть идентифицированы как часть Европы – не Востока, а Запада, – войти в европейские структуры, главным образом в Европейский союз. Но прием в ЕС для них по многим причинам оказался труднодостижимым, во всяком случае на ближайшую перспективу. Есть основания считать, что в таких условиях присоединение к НАТО представлялось им кратчайшим и менее обременительным путем вхождения в европейские структуры.

Доля вины за все это лежит и на нас. После ликвидации Варшавского договора и Совета экономической взаимопомощи мы как-то не уделили должного внимания своим бывшим союзникам. Была и объективная причина: реформы в России на шкале приоритетов были куда выше, чем политика в отношении стран Восточной Европы. Но это не могло служить оправданием того, что, упраздняя СЭВ, мы «вместе с водой выплеснули и ребенка». Да, действительно, СЭВ был во многом несовершенен и вызывал нарекания со стороны его восточноевропейских участников. Однако были и сложившиеся в течение многих лет производственные связи с СССР, устойчивые рынки сбыта продукции восточноевропейских стран. Когда все это оборвалось, эти страны очутились как бы в пустоте.

Что и говорить, даже мощная в экономическом отношении Западная Германия не смогла одновременно «переварить» достаточно развитую экономику ГДР. В 1991 году представители «Дойче банк» обратились ко мне как к члену Совета безопасности, отвечающему за внешнеэкономическую тематику, с предложением предоставить нам кредиты для восстановления производственной кооперации с предприятиями ГДР, так как в Бонне опасались, что безработица в восточной части объединившейся страны создаст большие социальные проблемы,

а для интеграции в западногерманскую экономику этих предприятий нужен был немалый срок. К сожалению, нам в то время было не до восточногерманских, собственно, как и не до других восточноевропейских предприятий.

Элементарный и ничем не оправданный разрыв тысяч и тысяч связей, образовавшихся по линии СЭВ, больно ударил по экономическим интересам многих стран, в том числе и России. Но такова была действительность, и она способствовала тому, что восточноевропейские страны, сначала как бы находившиеся в оцепенении, приняли одностороннюю западноевропейскую ориентацию даже в условиях, когда в Западной Европе для их продукции не просматривалось никаких «ниш». В немалой степени этому, конечно, способствовал и политический фактор – изменение характера режимов в этих странах.

Не исключаю и того, что тяга некоторых стран Центрально-Восточной Европы в НАТО диктовалась их опасениями давления со стороны наращивающей мускулы Германии, хотя эта причина не видится в качестве реальной, особенно в условиях складывающейся системы европейской безопасности. Отдельные руководители стран ЦВЕ хотели вступить в НАТО, исходя из своих внутривнутриполитических интересов и пытаясь закрепить будущее за своими режимами.

Но ни одна страна и не помышляла бы о вступлении в НАТО, если б не понимала, что это ее стремление идет не поперек, а в унисон с политикой руководства Североатлантического союза. Давайте все-таки вернемся к записи беседы М.С. Горбачева с Дж. Бейкером. Вспомним, как тот сказал: «Если НАТО будет ликвидировано, то такого механизма присутствия США в Европе не будет». После окончания холодной войны НАТО сохранилось, но было ли этого достаточно для обеспечения в полном объеме присутствия США в Европе? Это не праздный

вопрос. Ситуация быстро менялась. Европа шла и идет по пути интеграции. Вырисовываются контуры одного из самых сильных центров многополюсного мира. Наиболее важные европейские страны тяготеют к большей самостоятельности в политике. Нередко это выражается в активизации их связей с Россией.

В этих условиях США в гораздо большей степени, чем раньше, испытывают необходимость активного присутствия в Европе. Сделать это через неизменный по своему охвату Североатлантический союз? Это могло бы быть, если бы НАТО сам по себе сохранялось в первоизданном виде, таким, каким он был в период холодной войны. Но в Североатлантическом союзе явно начинал «выпирать» европейский элемент, приобретающий историческую перспективу. Именно такая ситуация заставила Вашингтон думать над тем, как укрепиться в НАТО и, следовательно, в Европе. Расширение Североатлантического союза за счет принятия новых членов, коленопреклоненно относящихся к США, безусловно, давало немалый шанс американской политике на европейском направлении.

«Если и нужно было подтверждение вассальной зависимости Европы от США, оно ныне предоставлено предстоящим решением о расширении НАТО. В отличие от Буша, который еще ухитрился сдерживать себя, Клинтон оседлал боевого или, скорее, троянского коня. Американцы уже не скрывают, что расширение НАТО нацелено не на отражение русской угрозы (как известно, больше не существующей), а на создание в Европе новой стратегической ситуации – то есть упрочение своего контроля. Это лишний раз подтверждается тем, что расширение структур НАТО будет осуществляться за счет государств, чья безопасность в наименьшей степени подвергается угрозе».

Автором этой цитаты является не кто иной, как Юбер Ведрин. Он писал это в апреле 1997 года, то есть до того, как стал министром иностранных дел Франции. Конечно,

неминистерское качество давало ему большой простор для публичных высказываний.

Ситуация становилась все более ясной. В условиях, когда США взяли курс на расширение НАТО, нужно было принимать решение и нашей стороне. В таких условиях особое значение приобретала встреча с руководителем внешнеполитического ведомства США. Я, безусловно, сам бы инициативно поставил вопрос об этой встрече. Но меня опередил Государственный секретарь США У. Кристофер. Он позвонил из Иерусалима, где находился во время ближневосточного турне, и предложил встретиться в Женеве.

Мы не привыкли спать с ежом

Не скрою, я был рад этому звонку. Но как-то жестко был поставлен вопрос о месте встречи. Узнал – оказалось, что это не связано с тем, что Кристофер намерен быть в ближайший период в Женеве по другим делам. Я никогда не придавал какого-то особого значения протоколу. Но тут несколько насторожился. Помогли этому и сотрудники секретариата, по словам которых прошлая встреча Кристофера с бывшим российским министром состоялась тоже в Женеве и тоже с подачи госсекретаря.

Дальнейший обмен мнениями подтвердил, что настороженность была не совсем необоснованной. Возможно, что все, о чем расскажу, было продиктовано не самим госсекретарем. Может быть, «упражнялся» его аппарат. Но это был определенный почерк, который, кстати, никогда не проявлялся позднее при Мадлен Олбрайт – мы всегда легко договаривались по всем вопросам организации наших встреч.

Итак, подтвердив свою заинтересованность в обсуждении с госсекретарем США целого ряда двусторонних

и многосторонних проблем, я предложил на выбор три страны – Белоруссию, Болгарию или Финляндию. При этом подчеркнул, что это не отменяет официального визита У. Кристофера в Москву. Как и предполагал, Госдепартамент остановился на Финляндии. Финский министр иностранных дел Тарья Халонен тут же гостеприимно пригласила, что, понятно, было подобающим образом оценено.

Но на этом «протокольная дуэль» (кому она нужна?!) не закончилась. Из Вашингтона пришло новое «уточнение»: предлагалось провести переговоры в резиденции посла США в Хельсинки. Мы ответили, что последний раз встреча уже проходила в Женеве на американской территории – в представительстве США, а теперь очередь за нами. Поэтому опять на выбор: либо в резиденции российского посла, либо в гостинице в предместье Хельсинки, в которой я был намерен остановиться.

В ответ – несколько дней молчание. И только за сутки до намеченного на 9 февраля прибытия в Хельсинки поступило согласие американцев на наше предложение встретиться в отеле.

В гостиницу «Каластаяторппа», что по-фински означает «хижина рыбака», за пару часов до приезда госсекретаря подъехал представитель Госдепартамента, который изложил «сценарий»: я встречаю У. Кристофера на подходе к отелю, там уже будут десятки прибывших с госсекретарем американских репортеров, в основном телевизионщиков, я буду одет так же, как и он, в пальто, потом мы вместе заходим в отель, в одном из залов которого состоится беседа-обед.

Почему я должен быть в пальто? Неужели американский протокольщик так упорно беспокоится о моем здоровье – на улице действительно было минус 12 градусов по Цельсию! Додуматься до истинной причины такой заботы мне опять помогли наши сотрудники. Кристофер обычно обращал особое внимание на показную сторону

дела. Во всяком случае, его окружение предусматривало режиссуру освещаемого в буквальном и переносном смысле начала встречи так, чтобы было непонятно, кто к кому приехал. К сожалению, таким условностям придавалось столь большое значение.

Я встретил У. Кристофера с радушной улыбкой, в костюме, на пороге отеля – как и подобает встречать гостей.

Переговоры один на один происходили во время обеда. За столом сидело по два человека с каждой стороны – министры и записывающие беседу сотрудники. Кристофер говорил по-английски, я – по-русски. Беседа была запланирована на полтора часа, но продолжалась более трех.

Начался разговор с предложения госсекретаря перейти на «ты». «Друзья обычно зовут меня Крис», – сказал он. Чувствовалось, что У. Кристофер заинтересован в том, чтобы установить нормальные отношения и заодно «прощупать» меня. Такая двуединая задача сказалась на содержании беседы – сложилось впечатление, что он на этот раз решил не затрагивать инициативно острые проблемы. Что касается меня, то я не предполагал отказываться от прямых вопросов, которые у нас к этому времени успели вызвать озабоченность.

Выслушал самым внимательным образом, как много снега в той самой Северной Дакоте, где вырос Кристофер, узнал, что жена у него финка, а предки родом из Скандинавии, что он стал морским офицером во время Второй мировой войны, в которой, однако, не принимал участия. Говоря о войне, Кристофер подчеркнул, что США и Россия были и остаются самыми мощными державами.

Оттолкнувшись от этих слов, я перешел к конкретике и сказал: давайте договоримся о пяти пунктах, которые определяют отношения этих «самых мощных держав». Во-первых, постоянные консультации; во-вторых, взаимное информирование по вопросам, затрагивающим интересы другой стороны; в-третьих, предотвращение

«сюрпризов»; в-четвертых, выполнение достигнутых договоренностей и, в-пятых, поиски развязок по тем вопросам, где наши интересы не сходятся. При этом подчеркнул: у нас нет сомнений в том, что Россия должна иметь продвинутые, развитые, многопрофильные отношения с США, но, говоря откровенно, складывается впечатление, что американская сторона уделяет не столь уж большое внимание равенству двух субъектов наших отношений.

– Мне представляется обратное, – возразил Кристофер. – Никто, глядя на Клинтона и Ельцина, стоящих бок о бок на пресс-конференции, не может сказать, что наш президент относится к вашему не как к ровне.

Пришлось заметить «Крису», что любой глава иностранного государства, приезжая в США, стоит на подиуме рядом с американским президентом и это важный, но далеко не главный показатель их равенства.

Затем сказал о наших обеспокоенностях американской политикой в ряде областей. Начал с СНГ, подчеркнув, что Вашингтону следует правильно понимать интеграционные процессы на пространстве Содружества. Речь не идет о возвращении к Советскому Союзу, да это и невозможно. Даже в беседе с госсекретарем не использую термин «реинтеграция», так как не хочу быть неправильно понятым.

Вместе с тем я высказал опасения, что на Западе сегодня делают ту же ошибку, что и мы, когда на официальном уровне утверждали, что при капитализме не может быть никакой интеграции, так как между странами там существуют непреодолимые противоречия. А все, что происходит в Западной Европе, – это, дескать, дело рук США и направлено на создание экономической базы НАТО. Сегодня, подчеркнул я, совершается аналогичная ошибка, когда кое-кто на Западе заявляет, что интеграция в СНГ – это «имперские амбиции Москвы». Такая трактовка создает заторы в наших отношениях с США.

Привел и другой пример. Президенты двух стран не без труда договорились, что следует разграничить стратегическую и тактическую ПРО. Без этого не удастся сохранить Договор по ПРО 1972 года, а значит, продолжить сокращение стратегических вооружений. Однако США не дали никаких импульсов к переговорам, и договоренность повисла в воздухе.

Прерывая меня, У. Кристофер сказал:

– Давайте поручим сегодня решить этот вопрос находящимся здесь нашим заместителям Г.Э. Мамедову и Л. Дэвис.

– Нет, – ответил я, – это вопрос переговорный. С легкостью он не решается.

Отдельно остановился на Боснии. Сказал, что в Дейтоне проделана большая работа, и это во многом заслуга Государственного департамента США. Но один из немаловажных пунктов соглашения повис в воздухе. Мы договорились, что санкции с Югославии снимаются через 30 дней после того, как сербы отведут войска на свои позиции. К моменту моей встречи с госсекретарем США прошло уже 40 дней, а санкции не сняты. Предупредил: это очень важный вопрос и он должен быть решен, иначе мы будем односторонне выходить из санкций.

Хотя У. Кристофер вначале чисто по-адвокатски попытался трактовать или, вернее, запутать вопрос о том, что считать «зонами разъединения» в Боснии и Герцеговине, я все-таки понял – к словам о необходимости прогресса в вопросе о снятии санкций с Белграда он отнесся серьезно. При этом он даже отметил, что хотел бы усилить сотрудничество с нами не только в БиГ, но и в ближневосточном урегулировании и намерен для этого прислать в Москву для консультаций своего основного переговорщика – Дэниса Росса (кстати, Росс так в Москве и не появился).

Одной из самых главных проблем нашего разговора стало будущее НАТО.

– Известно, – сказал я У. Кристоферу, – что Россия не намерена стучать кулаком по столу, как, к сожалению, и вы и мы делали в эпоху холодной войны. Но это не снижает наших серьезных тревог в связи с расширением Североатлантического альянса. Нам заявляют, что НАТО не собирается вести военные действия против России. Предположим, мы согласны с таким аргументом. Но и вам известно, что российские ракеты не нацелены на США. Однако следует ли из этого, что Вашингтон был бы готов поддержать наращивание Россией ее ракетно-ядерного потенциала, не нацеленного на Соединенные Штаты? Так или иначе, само приближение НАТО к российским границам создает совершенно новую, крайне невыгодную для нас военно-политическую и геополитическую ситуацию.

Кристофер в ответ произнес целый набор уже хорошо известных нам заверений и аргументов, главным образом напирая на то, что процесс расширения НАТО не только не направлен на создание новых разделительных линий, но чуть ли не будет способствовать интеграции всех государств в Большую Европу.

В то же время в его голосе зазвучали и жесткие ноты.

– Начиная с 1993 года, – сказал госсекретарь, – президент Б. Клинтон ясно заявлял, что НАТО будет расширяться.

Принималась ли в расчет позиция России? По словам Кристофера, натовцы исходят из того, что Россия, во-первых, хотела бы, чтобы такое расширение было постепенным, и, во-вторых, что необходимо найти какие-то формы подключения самой России к НАТО. Так в Вашингтоне поняли «сигнал» из Москвы. Если он стал другим, то, как сказал Кристофер, «вам придется спать с ежом».

Я думаю, он не оценил моего ответа о том, что предпочитаю спать совсем не с ежом.

На следующий день состоялись переговоры в расширенном составе. Договорились о том, что Кристофер посетит Москву в марте того же года.

Остановились на «третьем варианте»

Разговор с У. Кристофером не оставил сомнений в том, что с нами решили не считаться при расширении НАТО. Аргументы были ясны, как божий день: России придется смириться с фактом расширения; повлиять на условия расширения она не сможет, так как в Североатлантическом союзе нет членов с разными правами; не процесс расширения будет происходить с учетом позиции России, а самой России придется адаптироваться к этому процессу.

Первым, пожалуй, сказал мне прямо о том, что в НАТО нет «пассажиров» разных классов, С. Тэлботт во время его посещения МИДа в январе 1996 года вместе с будущим американским послом в России Д. Коллинзом. Нужно отдать С. Тэлботту должное – он не стал спорить, а просто улыбнулся, когда я ему ответил:

– Струб, о чем вы говорите? Если НАТО сравнить с самолетом, то на нем не только летят пассажиры разных классов, но американцы сидят в кабине пилота. Это ли не свидетельство «равенства» всех и вся?

А если говорить об обязательствах и правах различных членов НАТО, которые якобы подстрижены под одну гребенку, – продолжал я, – то приведу пример Норвегии, на территории которой не размещено ядерное оружие и нет иностранных баз. Мне могут заметить, что это – самоограничение, а не продиктованное условие извне. Но как в этой связи смотрится ФРГ? Ведь согласно Договору об объединении США, СССР, Англия и Фран-

ция установили, что в восточных землях (бывшая ГДР) Германии не должно быть ни ядерного оружия, ни иностранных войск. Заметьте, это условие было продиктовано в том числе и СССР, который вообще не имел никакого отношения к НАТО.

Подобные аргументы во время контактов с западными собеседниками повисали в воздухе. Ну что же, тогда нужно было задать самим себе сакраментальный вопрос: что дальше?

Могло быть три варианта:

1. Выступить против расширения НАТО и отказаться от любых отношений с Североатлантическим альянсом. Этот вариант можно было считать «путем в никуда», а точнее, путем назад – пусть не сразу, но к возобновлению холодной войны. В то время, как известно, наш миротворческий контингент уже находился в Боснии в составе сил, осуществлявших операцию под эгидой НАТО, хотя наше подразделение и не подчинялось, а лишь координировало свою деятельность с натовским командованием. Следовало отказываться и от этого?

2. Признать или в крайнем случае не возражать против расширения НАТО и вести дело на этой основе к документальному оформлению отношений России с Североатлантическим союзом. К этому варианту нас подталкивали натовцы, в первую очередь США, да и некоторые отечественные политики, впоследствии рекомендовавшие М. Олбрайт «не обращать внимания на тех русских, которые выступают против расширения атлантического альянса, так как они борются за голоса избирателей» (?!). Такой вариант смахивал на капитуляцию и был чреват эскалацией тяжелых последствий. Это совершенно точно не приняли бы у нас в обществе. Однозначно против такого варианта выступили и президент, и Министерство иностранных дел, и Министерство обороны, и Служба внешней разведки – все без исключения

сотрудники, работавшие в то время на «натовском направлении».

3. Не сходить с негативной позиции в отношении расширения НАТО и одновременно вести переговоры с целью минимизировать последствия, в наибольшей степени угрожающие нашей безопасности и не отвечающие нашим интересам. Иными словами, сделать упор на воздействии на процесс расширения.

Сошлись на этом, третьем варианте, посчитав его оптимальным в сложившейся ситуации.

А теперь хотелось бы все-таки остановиться на возможности приема России в НАТО. Этот вопрос приобретал все большее значение, так как сторонники расширения Североатлантического союза в качестве чуть ли не главного аргумента в пользу своей позиции говорили: а почему бы самой России не вступить в НАТО? В статье, опубликованной в «Независимой газете» (не хотел бы полемизировать с ней всерьез – мне не доставляет удовольствия опровергать явные небылицы или обвинять поэпизодно автора во внешнеполитической безграмотности), К. Боровой писал, что «престижный клуб НАТО был открыт для России»*. Когда я выступал в Думе по проблемам наших взаимоотношений с НАТО, депутат Г. Старовойтова тоже задала вопрос: «А не вступить ли России в этот альянс?» Нужно сказать, что такая тема проскальзывала – именно проскальзывала – и в разговорах американцев с нами о будущем Североатлантического альянса (в том числе и на самом высоком уровне): настанет, мол, такое время, когда и Россия сможет претендовать на вступление в НАТО. Характерно при этом, что идея присоединения России к НАТО обозначалась в нарочито аморфной форме и тут же вполне конкретно подчеркивалось: подавайте заявку на вступление, определяйтесь, дескать, уже сейчас.

---

* Независимая газета. 1997. 6 февраля.

Мне очевидно, что никто из западных политиков не думал, да и не думает всерьез о возможности принятия России в НАТО. И дело здесь не только в том, что они понимают, насколько российское общественное мнение неоднозначно воспримет такую перспективу. Как мне сказал один из западноевропейских коллег, руководство НАТО исходит из того, что гипотетический прием России в эту организацию будет означать конец альянса. НАТО было создано для коллективной защиты своих членов от угрозы на европейском театре, и оно абсолютно не приспособлено к тому, чтобы давать гарантии России – а это будет необходимо при ее членстве – от возможных угроз и с азиатского направления. Да и вообще, несоизмеримо огромная Россия, расталкивающая плечами другие европейские страны, участвующие в НАТО?! Кстати, министр обороны ФРГ Ф. Рюе прямо призывал «понять ту простую истину, что Россия никогда не сможет стать членом НАТО. Она сама – мировая держава, причем и европейская, и азиатская одновременно, которая просто не может быть интегрирована в альянс...»

Нет, никто и никогда всерьез не помышлял о приеме РФ в эту организацию. Можно в этой связи процитировать и З. Бжезинского, который высказался в свойственной ему манере вполне определенно, отвечая на вопрос корреспондента французской газеты «Фигаро»: «НАТО является альянсом стабильных демократий, разделяющих одни и те же ценности. Я с трудом представляю себе Россию, которая будет отвечать этим критериям в ближайшие десять лет. НАТО является также интегрированным военным командованием при доминирующей роли США еще на долгое время. Я с трудом представляю себе, каким образом Москва могла бы ему подчиниться, не жертвуя тем представлением, которое Россия имеет о себе. Было бы ошибочно просто утверждать, что для России нет места в НАТО. Достаточно дипломатично объявить, что кандидатура Москвы будет рассмотрена тогда,

когда она подаст заявку на вступление и когда она выполнит необходимые условия»*.

Совершенно очевидно, что предлагался «ход», который имел целью облегчить расширение НАТО. Уж если Россия подает заявку на вступление, то как она может возражать против приема в альянс любого другого государства?

Итак, выбрали третий вариант: не сходить с позиции негативизма в отношении расширения НАТО и одновременно вести переговоры, дабы минимизировать ущерб от такого расширения, перспективы которого, в том числе в силу и наших просчетов в начале 90-х годов, становились все более реальными. Но с кем вести эти переговоры? Американцы, как это следовало из беседы с Кристофером, вообще не склонялись к идее реальных переговоров с нами о расширении НАТО. Если и вести переговоры, то, по их мнению, следовало бы оставить в стороне расширение – дело это, дескать, решенное и его условия не подлежат дискуссии, – а обсуждать можно было бы лишь отношения России с НАТО. Если мы согласимся с этим подходом, то следует вступить в контакт с генеральным секретарем НАТО Хавьером Соланой. Таковой выглядела в начале 1996 года позиция США.

Западногерманская и французская позиции не были столь категоричными. Руководители этих двух европейских стран хотели найти выход, так или иначе связывая вопрос расширения НАТО с нашими переговорами об отношениях с альянсом, но тоже кивали в сторону Х. Соланы. Правда, при этом давали нам понять, что хотели бы иметь параллельные контакты по этому вопросу – германо-российский и французско-российский. Позже проявила интерес к обмену мнениями с нами об отношениях России с НАТО и Великобритания.

---

* Фигаро. 1997. 27 мая.

В преддверии переговоров

В создавшейся ситуации мы вначале приняли линию на проведение конфиденциальных параллельных встреч зондажного характера с представителями каждой из ведущих стран альянса – США, ФРГ, Франции, Англии, а также с генеральным секретарем НАТО Х. Соланой. Велась консультация на эту тему и с другими заинтересованными натовцами – турками, греками, итальянцами, норвежцами.

Что касается наших партнеров, то они, очевидно, тоже преследовали в тот период «зондажные цели», пытаясь определить прочность российской негативной позиции по расширению НАТО. Это стало абсолютно ясно во время официального визита в Москву У. Кристофера 21–22 марта 1996 года. Буквально накануне приезда в Москву и встречи с президентом России и руководством российского МИДа госсекретарь США – очень небольшой процент вероятности того, что это было случайно, – сделал в Праге концептуальное заявление, в котором подчеркивались следующие моменты: для стран Центральной и Восточной Европы существует угроза; лидерство США в Европе – необходимое условие обеспечения ее стабильности; во втором эшелоне кандидатов на вступление в НАТО может присутствовать Украина в контексте ее интеграции в европейские структуры; никаких пауз в переговорах с новыми кандидатами для вступления в НАТО нет и быть не может – это непрерывный процесс.

В первом же разговоре я сказал Кристоферу, что президент Ельцин весьма резко отреагировал, когда ему доложили о содержании выступления в Праге. Сослался и на жесткий разговор Ельцина с генеральным секретарем НАТО Соланой, который был принят в Кремле за день до приезда госсекретаря США, и, по всей видимости, это тоже была реакция на пражское заявление Кристофера.

Добавил: не получается ли, что США делают ставку на проигрыш Ельцина на выборах? Если это действительно так, то там ошибаются.

Кристофер, который признался в том, что уже знает от Соланы о предельно жесткой российской позиции, стал оправдываться – мол, в Праге он говорил и о другом: о чрезвычайной важности установления нормальных, продвинутых отношений России с НАТО. Попросил «подготовить» его предстоящую на следующий день встречу с Ельциным. Чувствовалось, что он очень нервничает перед этой беседой.

Президент, видимо, счел, что сигнал, направленный и генеральному секретарю НАТО, и через меня Государственному секретарю, достаточен, чтобы отвести сомнения в «зыбкости» нашей позиции. Разговор Ельцина с Кристофером был благожелательным. Затронули вопросы проведения на должном уровне саммита по ядерной безопасности в Москве, трансформации «семерки» в «восьмерку» в Лионе.

Характерно, что во время переговоров в расширенном составе с У. Кристофером, которые сразу же начались в МИДе после его встречи в Кремле, ни госсекретарь, ни его коллеги ни словом не обмолвились о НАТО. Мы тоже не поднимали этого вопроса.

Иное было в Джакарте, где 23 июля 1996 года, в период очередного заседания форума АСЕАН по проблемам безопасности⁵⁶, я вновь встретился с госсекретарем США. Кристофер начал беседу со слов:

– Вопрос о расширении НАТО с третьими странами мы не обсуждаем, равно как и предоставление разных классов членства в НАТО.

– Не следует говорить с нами в ультимативной форме, – ответил я Кристоферу. – Если же вы нам твердите, что не хотите обсуждать эту тему, мы будем вынуждены сделать больший акцент на обеспечение нашей безопасности, в частности пересмотрев некоторые уже подписанные договоры по сокращению вооружений.

– Я не выдвигал ультиматумов, а просто разъяснял ситуацию, – отреагировал госсекретарь.

Несмотря на явное ужесточение постановки вопроса о НАТО, чувствовалось, что попытки лишить Россию влияния на расширение Североатлантического альянса становились уже «арьергардными». К этому времени состоялась целая серия бесед на уровне и министров, и заместителей министров – с нашей стороны Н.Н. Афанасьевского, Г.Э. Мамедова, руководителей департаментов С.И. Кисляка, О.Н. Белоуса, Н.Н. Спасского – с германскими, французскими, английскими коллегами, во время которых европейские партнеры уже категорически не отводили ту систему проблем, которую мы выдвигали в качестве основы для обсуждения и решения:

– военные вопросы, которые возникнут при возможном расширении НАТО. Для нас это гарантии неразмещения ядерного оружия на территории новых членов; отказ от размещения на постоянной основе иностранных войск и соответствующей военной инфраструктуры на их территории; определение «рамочных» принципов модернизации Договора об обычных вооруженных силах в Европе с учетом требования непродвижения в угрожающих размерах военной машины НАТО к нашим границам;

– создание консультативного механизма Россия–НАТО, который позволил бы принимать консенсусные решения по вопросам, затрагивающим интересы России;

– эволюция НАТО, отход от «традиционной» линии, усиление политического элемента в деятельности этой организации;

– придание документу, определяющему отношения России с НАТО, обязательного характера. Это не должна быть аморфная хартия или декларация, а документ, подписанный главами государств – России и членов НАТО.

Мы не идеализировали обстановку, понимая, что между всеми западными участниками «параллельных» контактов с нами, включая, естественно, США, существует

координация, происходит обмен мнениями, но одновременно осуществляется взаимовлияние, проявляется стремление – особенно между западноевропейскими партнерами – не отстать друг от друга, имея в виду важность отношений каждого с Россией. Наконец, далеко не все из них, хотя бы внутренне, считали безупречной крайнюю позицию, проталкиваемую У. Кристофером.

Вот лишь несколько примеров подобных диалогов, в которых мало-помалу выкристаллизовывались некоторые подвижки в западноевропейских идеях.

Во время первой встречи с министром иностранных дел Великобритании М. Рифкиндом, 27 февраля 1996 года в Страсбурге, решил предостеречь от двух неправильных представлений о российской позиции, так как они в то время приобретали широкое распространение на Западе. Сказал: возможно, вы считаете, что если Россия согласится на паузу в расширении НАТО с учетом президентских выборов, то она, мол, после будет готова детерминированно принять расширение. Это не так. Кто бы ни был в Кремле, никто позитивно не воспримет расширение НАТО. Вы ошибаетесь и в другом, если представляете, что наше сотрудничество с НАТО в Боснии подведет к тому, что Россия закроет глаза на расширение. Здесь тоже не должно быть никаких иллюзий.

Малкольм Рифкинд – блестящий адвокат – сыпал аргументами в пользу того, что расширение по природе присуще НАТО, что претенденты на членство и не думают угрожать безопасности кого бы то ни было и так далее и тому подобное. Но главное заключалось в следующих его словах: «Конечно же, если бы ядерное оружие было развернуто у российских границ, то мы могли бы понять вашу тревогу».

30 июля 1996 года в Париже, во время новой беседы с М. Рифкиндом, сказал ему: «В отношении расширения НАТО есть две “красные линии”, которые мы не перейдем. Вертикальная – для нас неприемлемо положение,

при котором военная инфраструктура за счет новых членов НАТО угрожающе приблизится к нашей территории. Горизонтальная – для нас неприемлемо участие в НАТО балтийских государств и других бывших республик Советского Союза».

В этой связи рассказал ему, как в мою бытность в 1989 году председателем Совета Союза Верховного Совета СССР обсуждался вопрос об экономической самостоятельности Прибалтийских республик. Помню разговоры со многими депутатами из Прибалтики, некоторые из них впоследствии сели в руководящие кресла своих уже независимых стран. Тогда они говорили: если Литве, Латвии и Эстонии будет предоставлена независимость, то они со всем пониманием отнесутся к военным потребностям Советского Союза и будут готовы сохранить стоянки ВМФ, аэродромы, станции раннего предупреждения, сооружения ПВО на своих территориях, переведя все это на договорную основу.

Однако при провозглашении суверенитета балтийских государств мы ликвидировали свое военное присутствие без каких-либо условий. Я сказал Рифкинд, что если последует присоединение этих стран к НАТО с использованием созданной нами военной инфраструктуры, то этого абсолютно не примет наша общественность. Более того, это приведет к созданию разделительных линий в Европе, и я вообще не уверен, какие дальнейшие действия могут быть предприняты в такой ситуации с нашей стороны.

Весьма интересен был ответ Рифкинда: диалог между вами и НАТО начался. Можно обсуждать в формате «16+1» вопросы неподвижения ядерного оружия⁵⁷. Но по более широким вопросам отношений между Россией и НАТО вам следует все-таки консультироваться и на двусторонней основе. Причем не только с США, но также с Великобританией и Францией. США, конечно, наиболее важный партнер, но они не могут говорить от имени всего НАТО.

Эта беседа состоялась спустя почти два месяца после встречи с натовскими министрами иностранных дел в Берлине в формате «16+1», о чем и упомянул Рифкинд. Эта встреча была знаменательна прежде всего тем, что накануне, 3 июня, состоялось заседание Совета Североатлантического сотрудничества, на котором провозгласили необходимость модернизации НАТО, большей ее приспособленности к новой ситуации. Обозначились два направления такой адаптации: усиление европейского элемента в НАТО и ее миротворческих функций. Это создало в некотором смысле благоприятную ситуацию для того, чтобы при сохранении позиционного противостояния по вопросу расширения альянса все же приступить к обсуждению ряда аспектов расширения.

Но, как справедливо считал Рифкинд, нам не следовало принимать чисто натовское направление контактов и отказываться от тех каналов диалога, которые уже были задействованы. Да мы и не собирались делать этого, отлично понимая и убеждаясь на практике, что многоканальные контакты (о переговорах еще не шла речь) дают целый ряд преимуществ.

Там же, в Париже, я беседовал с К. Кинкелем, с которым, как и с Э. де Шареттом, отношения становились все более близкими и доверительными. Сказал ему:

– Важно определить характер, направленность и темпы эволюции НАТО. Если речь идет о глубокой реформе альянса – усиление европейского компонента и перенесение центра тяжести на противодействие региональным угрозам, на миротворчество, то это открыло бы и новые возможности для отношений Россия–НАТО.

– То, что я сейчас скажу, я ни с кем не согласовывал, – ответил К. Кинкель. – Не подумать ли нам о создании Совета Россия–НАТО, где Россия была бы представлена на равноправной основе? Это мыслится как часть предложения о подписании хартии между Россией и НАТО.

Это была еще одна, новая и очень важная, постановка вопроса.

Но самым главным следует признать высказанную президентом Франции Ж. Шираком идею «цепочки»: реформирование НАТО, затем диалог между Россией и обновленным Североатлантическим союзом с целью установления особых отношений России–НАТО, а затем уже переговоры о его расширении, включая формы и содержание. Говоря об этом В.С. Черномырдину 28 июня 1996 года, во время встречи «восьмерки» в Лионе, Ж. Ширак подчеркнул, что идею такой «цепочки» разделяет и федеральный канцлер Г. Коль.

Я сказал де Шаретту, с которым встретился в Лионе, что мы готовы были бы пойти по этому пути*. Де Шаретт предложил в предстоящие месяцы «окунуться с головой» в работу по созданию архитектуры европейской безопасности. Он связал такую необходимость с тем, чтобы придать импульс коренному обновлению НАТО – этому французы придавали огромное значение.

На авансцене Солана – за кулисами США

Именно в это время проявилось некоторое раздражение американцев тем, что Россия ведет разговоры параллельно по многим линиям. Судя по реакции европейских собеседников, это раздражение было доведено и до них. Может быть, отсюда и росли корни американского предложения начать, не откладывая, переговорный процесс на натовском «треке», иными словами, с Х. Соланой.

---

* К сожалению, идея президента Ширака позже была размыта – ведь ее смысл, как мы понимали, заключался не только в фиксации трех направлений деятельности, но и последовательности их претворения в жизнь.

Мы готовились к этим переговорам серьезно. На протяжении лета 1996 года в тесном взаимодействии с представителями Министерства обороны и Службы внешней разведки были наработаны многовариантные позиции, согласована наша переговорная линия, которая была представлена президенту Ельцину и получила его одобрение. Однако, по нашему общему мнению, переговоры, как таковые, еще не вполне созрели. Следовало продолжать «зондажную работу».

Предстояли важнейшие встречи в Нью-Йорке, куда я должен был вылететь на заседание Генассамблеи ООН. Мне уже сообщили, что буду принят президентом Б. Клинтонем. А 20 сентября по пути в Нью-Йорк провел в Вене беседу с Х. Соланой.

Позже у меня установились хорошие отношения с Хавьером Соланой, хотя, как я понимал, он был обязан, находясь на своем посту, держаться «генеральной линии», диктуемой в основном Вашингтоном. Однако в тот раз все предвещало несовместимость собеседников. Когда я задавал конкретные вопросы, Х. Солана отвечал, что не может говорить от имени 16 стран – членов НАТО без предварительного обсуждения с ними. В то же время предлагал мне дать конкретные ответы на поставленные им вопросы, чтобы, как было совершенно ясно, досконально выявить резервы нашей позиции. Я сказал ему: «Вы не обижайтесь, но у меня такое впечатление, что оба мы в тюремной камере, но один из нас – подсадная утка».

Зная, что Россию весьма привлекла идея «цепочки», выстроенной Ж. Шираком, Солана заговорил о «параллельности». Я постарался объяснить ему, что мы понимаем трансформацию НАТО, выработку отношений между Россией и НАТО и проблему расширения альянса как влияющие друг на друга три процесса. Тогда Солана положил на стол в качестве «иллюстративного материала» три ручки и сказал: «Я, как физик, утверждаю, что

эти три параллельные линии пересекутся где-то в бесконечности». Я ответил, что, не будучи физиком, знаю геометрию Лобачевского, однако живу не в бесконечности, а на Земле и хочу, чтобы проблемы пересекались при их обсуждении. Было ясно, что Солана на тот момент не имел никакого мандата на переговоры, что еще раз убедило в правильности избранной нами линии: «торопиться не спеша».

В этом убедила и встреча с Кристофером 23 сентября в Нью-Йорке. Тот начал разговор с надрывом (я уже понимал: это был его переговорный стиль). «Сегодня мы проводим, возможно, одну из самых важных бесед за всю историю наших отношений, – сказал госсекретарь. – Наше время ограничено. Этой осенью произойдет много событий: встреча на высшем уровне в Лиссабоне, затем в декабре – руководителей стран НАТО. Сроки сжатые, и мы намерены способствовать убыстрению диалога между НАТО и Россией в целях расширения форм сотрудничества. Хорошо бы, чтобы это оказалось возможным сделать одновременно с приемом новых членов. Мы должны работать все более напряженно, так, чтобы к декабрю президенты смогли заложить основу конструктивных отношений Россия–НАТО».

Кристофер подчеркнул, что получил «противоречивые сигналы» о том, готово ли российское правительство двигаться по этому пути. Главное, что мы должны решить, – давать ли поручение Г.Э. Мамедову и С. Тэлботту разработать рамочный документ Россия–НАТО уже к середине ноября?

Стремясь хоть немного подсластить «пилюлю», госсекретарь добавил несколько слов о готовности обсудить проблему модернизации Договора об обычных вооруженных силах в Европе и в процессе обсуждения затронуть выдвигаемые нами вопросы, в частности в связи с уровнями развертывания, дислокацией войск и другими ограничениями.

Но дальше Кристофер поставил вопрос «в лоб»: намерены ли мы продолжать диалог с тремя странами – Францией, Англией и Германией? «Важно договориться, – сказал он, – что российско-американский канал является основным, но американцы могут и будут информировать своих союзников и Солану о проходящем процессе».

С общими разъяснениями выступил и я, спокойно отметив, что России нужен достаточно детализированный документ, уточняющий ее отношения с НАТО, а не декларации типа «не будем нападать друг на друга». Если мы создаем совместный политический орган Россия–НАТО, то надо знать заранее те принципы, на основе которых он будет действовать; какие проблемы будет рассматривать, а какие нет; какие принятые им решения обязательны, а какие нет. Подчеркнул, что рамочные принципы модернизации ДОВСЕ⁵⁸ должны быть отражены в самом документе, так как для нас неприемлемо соглашение с НАТО без решения вопроса о непродвижении военной машины альянса к нашей территории.

Если говорить об информации других партнеров по диалогу, то и мы будем это делать, но главное – исключить искажения. Добавил: для нас не самоцель закончить работу над документом в один месяц. Основное – подготовить документ, который определит взаимоприемлемое развитие наших отношений с НАТО, будет способствовать трансформации альянса от инструмента холодной войны к новой организации, а также минимизирует негативные для нас последствия возможного расширения. Если такой документ не получится, то другого мы не подпишем.

Кристофер решил в ответ «вылить ушат холодной воды», подтвердив, что не рассматривает готовящуюся хартию – он упорно проталкивал это название – как нечто обязательное и тем более конкретно детализированное.

Однако, должно быть почувствовав, что «перегнул палку», в начале последовавшей беседы в расширенном

составе заметил: «У нас состоялось хорошее и обстоятельное обсуждение с российским министром иностранных дел. Теперь имеется полное понимание позиций друг друга. Относительно расширения НАТО сохраняются различные взгляды, но наша совместная работа будет продолжена по каналам Мамедов–Тэлботт».

На следующий день я встретился с К. Кинкелем. Он спросил о моем впечатлении от беседы с американцами. Ответил: возникло ощущение, что наметилось движение вспять. Нам предлагают обсуждать особые отношения между Россией и НАТО, но при этом говорят, что такие обсуждения не должны влиять на планы, сроки, формат или характер расширения альянса.

Почувствовав мое настроение, К. Кинкель дружески положил мне руку на плечо.

– Я, как министр иностранных дел Германии, – сказал он, – отвергаю любой диктат по отношению к России. Мы не находимся в цейтноте, спешки никакой не будет.

К. Кинкель подтвердил, что необходимо говорить с Россией о деталях и условиях расширения НАТО, включая, естественно, и военную инфраструктуру на территории новых членов.

– Иное было бы абсурдным, – заключил он.

Таким образом, наши германские партнеры, может быть, лучше других понимали контрпродуктивность давления на нас и пытались вырлиться к соглашению.

Впрочем, не думаю, что такую, я бы назвал, тупо нажимную позицию одобряли все и в американском руководстве. Во всяком случае, в этом убедила встреча 24 сентября с президентом Клинтоном. Нас проинформировали, что он специально задержался после своего выступления на Генеральной Ассамблее в Нью-Йорке для разговора со считаемыми представителями других стран, в числе которых был и я.

Встреча произошла в здании миссии США при ООН – напротив Дворца Организации Объединенных Наций.

Шли пешком, проходя через огромное число охранных пропускных пунктов. Президент США встретил на пороге специально подготовленного помещения. Затем последовали обычные в таких случаях сменяющие друг друга волны фото- и телекорреспондентов. Кто-то из них выкрикивал через плечи охранников какие-то вопросы. Б. Клинтон терпеливо и с улыбкой отвечал – он прекрасно умеет работать с прессой. Наконец, остались без юпитеров. С президентом США на беседе, запланированной на двадцать минут, но длившейся почти час, присутствовали У. Кристофер, помощник президента по национальной безопасности Э. Лейк, М. Олбрайт, в то время постоянный представитель США при ООН, и С. Тэлботт. С нашей стороны – посол в США Ю. Воронцов, представитель России при ООН С. Лавров, Г. Мамедов, руководитель секретариата министра Р. Маркарян.

Б. Клинтон очень тепло заговорил о Б.Н. Ельцине, который в то время готовился к операции на сердце. Затем, упомянув, что госсекретарь доложил о нашей беседе по НАТО, президент США счел необходимым, очевидно, сгладить то впечатление, которое могло остаться после беседы с Кристофером.

– С первых дней пребывания на своем посту, – сказал Б. Клинтон, – я был привержен идее создания демократической России, чтобы она стала надежным и сильным партнером США в XXI веке. Это важно по целому ряду соображений.

При этом Б. Клинтон выделил – признаюсь, тогда неожиданно для меня – особое значение наших совместных, скоординированных действий, так как в течение предстоящих двадцати пяти лет, по его словам, вероятно возникновение конфликта между Индией и Пакистаном, с угрозой сползания к опаснейшей перспективе применения ядерного оружия.

– То же самое можно сказать о Ближнем Востоке, – добавил президент, – мирное урегулирование и здесь не-

возможно без совместного участия России и Соединенных Штатов.

Когда менее чем через два года после сказанного Индия и Пакистан произвели ядерные испытания, я еще и еще раз вспоминал и напоминал моим коллегам о словах американского президента. Действительно, перспектива расплзания ядерного оружия создавала принципиально новую и, я бы даже сказал, не менее опасную, чем в годы холодной войны, международную обстановку. Дело не ограничивалось даже индийско-пакистанским измерением. Ядерный характер могут приобрести и другие конфликты, в том числе и ближневосточный – Израиль, по всем оценкам, уже имеет ядерное оружие, а арабская сторона, во всяком случае отдельные арабские государства, будет стремиться к этому, особенно с учетом появления так называемой первой «исламской ядерной бомбы». Отсюда и чрезвычайная важность координации усилий двух самых мощных ядерных держав, чтобы, действуя по всем направлениям – дипломатическому, экспортно-ограничительному, выборочно-поощрительному, в том числе в виде помощи в использовании мирного атома, разоруженческому, демократизации международных отношений, – не допустить развития новой смертельной опасности для человечества.

Б. Клинтон органично перешел от «угроз XXI века» к современной европейской тематике, подчеркнув свое желание сделать все, чтобы помочь построить объединенную Европу, которая впервые стала бы таковой, придя на смену отдельным враждующим государствам. Такая Европа нужна для мира и спокойствия и за ее пределами.

– Это достижимо, – продолжал президент, – если мы сможем создать особые и четко очерченные отношения между Россией и НАТО, чему я глубоко привержен. Я сказал об этом не для того, – заключил Б. Клинтон, – чтобы вас распропагандировать. Это мое искреннее убе-

ждение, и я хотел, чтобы вы о нем знали, а Мамедов и Тэлботт должны продолжать экспертную работу, которую они уже начали.

Беседа явно затягивалась. Кристофер демонстративно смотрел на часы. Тогда я решил помочь своему коллеге и спросил президента, хотел бы он в конце нашей не запланированной на столь длительное время беседы, чему я, конечно, очень рад, услышать один из понравившихся мне анекдотов.

– Конечно, – ответил Клинтон.

– Курицу спросили о самом большом достижении в ее жизни. «Снесла яйцо весом пять килограммов», – сказала она. «А каково главное желание?» – «Снести яйцо весом семь килограммов».

На аналогичный первый вопрос петух ответил: «Подруга-курица снесла пятикилограммовое яйцо». – «А твое самое большое желание?» – «Набить морду страусу!»

Не помню, почему мне именно этот анекдот пришел в голову в качестве заключительного непринужденного «аккорда» беседы. Не исключаю, что «навеяло» уж слишком заметное стремление госсекретаря закончить беседу. Все рассмеялись. А президент, обращаясь к Олбрайт, со смехом спросил:

– Это не про меня?

Со свойственным ему дружелюбием Клинтон проводил нас до лифта и тепло попрощался.

Натоцентристская модель безопасности в Европе?

В шифртелеграмме о беседе с президентом Клинтоном, направленной в Москву, я подчеркнул его стремление вести дело к укреплению отношений США с Россией. Клинтон хорошо понимал тогда, что без устойчивости этих отношений не может быть ликвидирована или хотя бы

значительно ослаблена угроза стабильности в различных частях не только сегодняшнего, но и завтрашнего мира – мира XXI века. В этом контексте он, очевидно, был склонен рассматривать и предстоящие результаты переговоров между Россией и НАТО.

Есть основания считать, что, сохраняясь полностью в качестве сторонника расширения НАТО, президент США в то же время не разделял взгляды тех в американском истеблишменте, кто хотел бы Россию изолировать и исключить самую возможность ее влияния на условия расширения Североатлантического союза. В телеграмме говорилось, что это создает важное условие для подготовки документа, который в конечном счете может нас удовлетворить. Одновременно предлагалось активизировать внешнеполитическую деятельность в России в более широком масштабе, нацеленную на создание архитектуры европейской безопасности, так как такая всеохватывающая система могла бы нивелировать те новые разделительные линии, реальную угрозу появления которых порождает расширение НАТО в Европе.

К такой, более широкой постановке вопроса подталкивало не только заявленное Б. Клинтонем стремление к объединению Европы. Наряду с этим контрастно проявилась линия ряда представителей администрации США, да и других стран, направленная на то, чтобы сделать Североатлантический альянс сердцевиной модели европейской безопасности. Расширение НАТО не было единственным средством достижения этой цели. За последние годы НАТО буквально обрастало различными ответвлениями и связями. С помощью программы «Партнерство ради мира» (ПРМ) к НАТО подтягивались государства: и те, кто не ставил своей задачей вхождение в эту организацию, и те, кто добивался приема в НАТО, пройдя через ПРМ соответствующую «школу».

Наряду с ПРМ был создан Совет евроатлантического сотрудничества. Внешне все выглядело очень пристойно:

НАТО создавало политический форум, где и его члены и нечлены могли совместно обсуждать важные для безопасности и стабильности проблемы. Но все эти натовские организации были созданы уже в то время, когда действовали, и небезуспешно, и ОБСЕ⁵⁹, и Совет Европы.

Россия принимала и принимает участие в этих натовских структурах, используя их позитивный потенциал и вместе с тем рассчитывая, что при их универсализации они будут положительно влиять на изменение характера самого НАТО, видоизменяя те функции, ради которых Североатлантический союз был создан в годы холодной войны. Но участие России в ПРМ или в Совете евроатлантического сотрудничества не имело ничего общего с нашим согласием на «натоцентристскую модель» европейской безопасности.

С учетом всех этих идей я обратился к Ельцину с предложением о выступлении министра иностранных дел России на Постоянном совете ОБСЕ в Вене. Это рассматривалось одновременно и как важный предпереговорный шаг по вопросам отношений России с НАТО.

Подобные выступления практиковались многими, но российский министр выступал на этом форуме впервые. Большущий зал с огромным овальным столом, за которым расположились делегации 54 государств, был весьма внушительным. Среди присутствовавших было много знакомых лиц, в том числе из стран СНГ, которые вне зависимости от того, расположены они в Европе или Азии, стали членами этой уникальной по своему составу организации. Но не скрою, теплые приветствия через стол сменились некоторой внутренней отчужденностью, как только начались выступления. Дело было даже не в их содержании, а в том, что ряд выступавших, зная прекрасно русский язык и даже проработав не один год в советском МИДе, предпочитали говорить в микрофон, стоявший перед каждой делегацией, на ломаном английском или французском. А ведь синхронные перевод-

чики работали на всех шести рабочих языках ОБСЕ, в том числе на русском.

В своем выступлении я сказал, что события в Европе в постконфронтационный период доказывают необходимость нового механизма обеспечения ее безопасности. Тяжесть угроз сместилась с глобального на региональный уровень. За весь послевоенный период, за последнюю половину века, например, в Европе не возникало столь опасных межнациональных, межэтнических и межгосударственных конфликтов, как в последние годы.

Далее я остановился на некоторых чертах модели европейской безопасности, подчеркнув, что должны быть задействованы все международные организации, действующие в этой сфере: ООН, ОБСЕ, Совет Европы, НАТО в совокупности с ПРМ, ЕС, дополненное ЗЕС⁶⁰, СНГ, для чего необходимо проработать вопросы конкретного взаимодействия между ними.

Вместе с тем мы выступаем за то, чтобы центральную функцию новой модели выполняла ОБСЕ, в активе которой богатейший опыт и большие заслуги в налаживании диалога по укреплению доверия, развитию общения между противостоявшими друг другу во время холодной войны государствами. Роль стабилизатора международных отношений ОБСЕ выполнила и в период бурных перемен в СССР и Восточной Европе конца 80-х – начала 90-х годов, то есть на начальном драматическом этапе отхода континента от блоковой конфронтации.

И все это не случайно. ОБСЕ – единственная действительно универсальная организация европейских государств. В ней к тому же воплощена и глубокая связь интересов государств Европы и Северной Америки.

Не менее важно, что ОБСЕ – это организация, основанная на принципе консенсуса, гарантирующем права всех входящих в нее государств – больших и малых. Однако, вопреки поверхностным высказываниям некоторых политиков или журналистов, я не предлагал созда-

вать иерархическую систему безопасности во главе с ОБСЕ, которая чуть ли не командует другими организациями, в том числе и НАТО. Системообразующая, координирующая функция ОБСЕ – да, но не командная.

Это выступление состоялось в то время, когда уже всю развернулась подготовка к лиссабонскому саммиту ОБСЕ.

Встреча в верхах в Лиссабоне прошла 2–3 декабря 1996 года. В декларации «О модели общей и всеобъемлющей безопасности для Европы XXI века» говорилось о недопустимости попыток укрепления безопасности одних государств за счет других; об обязательном учете интересов безопасности государств, не входящих в военно-политические союзы, неприемлемости доминирования одной организации государств или группы государств. Лиссабон продемонстрировал, что к голосу России прислушиваются.

Встреча в Лиссабоне позволила начать работу над Хартией европейской безопасности, сопоставимой по значению с Хельсинкским заключительным актом. Вместе с тем уже в Лиссабоне стало ясно, что путь к созданию архитектуры европейской безопасности тернист, а принятие хартии дело нелегкое. Все, кто стоял за идеей расширения НАТО, хорошо осознавали, что они будут тем ближе к своим целям, чем меньше будет сторонников принятия Хартии европейской безопасности.

Но были и существуют другие настроения. Намного позже, 26 июня 1998 года, в Лондоне, где происходила встреча ЕС–Россия по формуле «3+1»*, я выступил в Чатем-Хаусе (Королевском институте международных

---

* Почему-то на Западе так любят это русское слово «тройка», применяя его к обоснованной и полезной модели руководства некоторыми международными организациями – бывший, нынешний и будущий председатель, – а ведь у нас в России «тройка» ассоциируется с противозаконным беспределом 30–40-х годов, когда без суда и следствия приговаривались, как правило, к расстрелу тысячи и тысячи ни в чем не повинных людей.

отношений). Это было уже не первое мое выступление в этом широко известном в мире исследовательском центре. Поддерживал с ним и с его директором адмиралом Дж. Эберли тесные связи еще в мою бытность руководителем ИМЭМО. У нас остаются дружеские отношения и после его отставки.

Помню, как, приехав на симпозиум в Москву, сэр Джеймс, который в свое время был командующим военно-морскими силами НАТО, сказал мне:

– Хотел бы увидеться с главкомом Чернавиным, но переданная через посольство Великобритании просьба осталась без ответа.

– Я обещаю, что встреча состоится, – сказал я. – С Чернавиным мы вместе были курсантами Бакинского военно-морского подготовительного училища. Я ему позвоню.

Позвонил, и, естественно, адмирал флота Чернавин принял адмирала Эберли. И не просто принял, а на подступах к своей штаб-квартире выставил на всех перекрестках матросов-сигнальщиков, показывающих дорогу, а у здания – почетный караул. Эберли был в восторге.

Я встречался с ним каждый раз и во время моих приездов в Лондон. Как-то он пригласил меня в кафе в неурочный час – было что-то около одиннадцати. Для себя сэр Джеймс заказал джин-тоник.

– Насколько я знаю, вы пьете виски, – сказал я.

– После полудня, – ответил адмирал.

Я был очень рад очередной встрече с ним, особенно тому, что новый директор Чатем-Хауса пошел навстречу его просьбе и сэр Джеймс председательствовал во время моего выступления. В заключение он подчеркнул:

– Почему бы не сконцентрироваться на идее объединения в будущем НАТО с ОБСЕ, особенно с учетом того, что последняя так много делает в превентивной дипломатии, в защите прав человека, в урегулировании конфликтов.

Может быть, и действительно это идея будущего?

Сказочное «Мещерино» и далее

Можно считать, что начало переговорного процесса по взаимоотношениям России с НАТО определилось в Брюсселе в середине декабря, где наша делегация участвовала во встрече с министрами иностранных дел стран, входящих в Североатлантический альянс по формуле «16+1», и в работе сессии Совета североатлантического сотрудничества. Одновременно в Брюсселе состоялись мои беседы с Х. Соланой, У. Кристофером и К. Кинкелем.

Накануне встречи «16+1», 10 декабря 1996 года, Совет НАТО сделал заявление об отсутствии у альянса «планов, намерений и причин» для продвижения ядерного оружия на Восток. Это могло служить хорошим предзнаменованием.

О результатах многочисленных бесед и наблюдениях доложил президенту Ельцину шифртелеграммой из Брюсселя: «Создается впечатление, что в позициях стран НАТО появляются удовлетворительные нюансы. Среди них согласие на модернизацию ДОВСЕ в увязке, правда пока не жесткой, с рассмотрением вопроса о военной инфраструктуре альянса на территории новых членов. Другой важный для нас момент – постоянный механизм консультаций с Россией предполагает обязательное наше участие в решениях по вопросам, которые затрагивают наши интересы. Обратила на себя внимание активная позиция Германии и Франции по продвижению идей консультаций. США также выступили в поддержку консультаций, уже не связывая их с изменением нашей позиции в отношении расширения НАТО».

Российское НТВ не так уж часто жаловало тогда министра иностранных дел. Тем более было приятно услышать, как меня сравнили с «политическим эквилибристом», когда пришлось решать в Брюсселе «сложное дипломатическое уравнение»: довести до лидеров НАТО

жесткую позицию Кремля, а на деле договориться об установлении особых отношений. Еще год назад, подчеркнул комментатор НТВ, с Россией в НАТО никто не разговаривал. Сейчас налицо изменения в позиции альянса из-за твердой и одновременно конструктивной позиции России.

Официальное предложение о начале переговоров по документу, который определил бы комплекс наших отношений с альянсом, было выдвинуто натовцами 11 декабря в ходе встречи министров по формуле «16+1». Принимая во внимание тот факт, что НАТО начало разворачиваться в сторону наших реальных озабоченностей, мы решили начать переговорный процесс.

Подчеркивая кардинальное значение этого решения, Б.Н. Ельцин сказал Г. Колю в Завидове 4 января 1997 года: «Дело очень серьезное, чтобы отделяться малозначительными фразами. Если не будут сняты наши озабоченности, то стратегическое положение России серьезно ухудшится, а наше доверие к Западу будет радикально подорвано».

Сказанное полностью отражало российский подход — мы рассматривали предстоящие переговоры как средство избежать коренного перелома в наших отношениях с Западом в худшую сторону. Действительно, наступал момент, когда и мы, и Запад стояли перед выбором, от которого во многом зависела судьба постконфронтационного мира.

Натовская делегация, возглавляемая генеральным секретарем Х. Соланой, прибыла в Москву. Не помню, кому пришло в голову провести встречу в подмосковном особняке МИДа «Мещерино», но эта идея полностью себя оправдала. Переговоры проводились вдали от журналистов, и никто не «играл на публику». Корреспондентам, правда, это не понравилось, и в ряде статей нас поругивали за то, что мы «скрылись от средств массовой информации» (не премину сказать, что у нас часто путают

необходимую закрытость конфиденциальных переговоров с отсутствием столь долгожданной гласности).

«Мещерино» – сказочное место. Великолепная старинная усадьба, в главном здании которой проходила наша встреча, построенная в 1830 году князем Мещерским, окружена огромным лесопарком, примыкающим одной стороной к берегу реки Пахры⁶¹. В январе река подо льдом. Кругом – блестящий от белизны снег. Сквозь его толщу прорвались гордые и зимой и летом хвойные и печальные, с оголенными ветвями, лиственные деревья. Все кругом было погружено в звенящую тишину. А в доме тепло потрескивали дрова в камине. Здесь, в гостиной, и начались переговоры, продолженные за русским обедом – с соленьями, грибами, пирогами, салатами, селедкой, вареной картошкой, похлебкой в горшочках – блюд не перечесть – и, конечно, водкой в запотевших бутылках. Все было заботливо приготовлено «мещерским персоналом» – жителями близлежащих деревень.

Диалог начался за рабочим столом, был продолжен во время обеда, а потом, как любят говорить мидовцы, в формате «один на один», когда мы около двух часов прогуливались с Соланой на морозном воздухе по очищенным от снега тропинкам леса.

Еще до начала переговоров я задумался о превратностях судьбы. Здесь, в том самом здании, где мы работали и обедали, с 1924 по 1946 год жил «всесоюзный староста», председатель ВЦИК, а потом Президиума Верховного Совета СССР М.И. Калинин, рядом – генеральный секретарь Коминтерна Г. Димитров. Здесь побывали Мао Цзэдун и Ким Ир Сен. А теперь сюда прибыла делегация Североатлантического союза, созданного в свое время для борьбы с коммунизмом и социализмом.

С самого начала с двух сторон, хочу это подчеркнуть – с двух, проявилось стремление сделать встречу максимально деловой. Может быть, в какой-то степени такую тональность наваял «мещерский дух», а может быть,

просто уже подошли к черте, когда по горло стали сыты взаимоповторяющимися аргументами, упреками, обвинениями.

Солана сразу же заявил – это было сделано в первый раз, – что он обладает мандатом на ведение переговоров от 16 государств – членов НАТО. Добавил, что считает своей задачей, с одной стороны, создавать и поддерживать консенсус между этими 16 государствами, а с другой – между ними и Россией.

Я чувствовал, что и камин, и даже зимний морозный лес чуть-чуть «растопили» Солану. В целом он оставался в несколько напряженном состоянии, может быть от ощущения того, что не располагал особой гибкостью, будучи зависимым от мнения руководителей НАТО и полученных инструкций. Но все-таки я впервые ощутил во время этой двухчасовой прогулки, что Солана хотел продвижения вперед, понимая значение этого, да и рефлексивного воздействия успеха или неудачи на ту его роль, которая так или иначе впишется в историю*.

Ряд положений, изложенных Соланой в подчеркнута общих выражениях, демонстрировал наметившееся сближение позиций. Он признал, что европейская стабильность и безопасность зависят от целого ряда институтов.

– Хотя НАТО – важный институт, но далеко не единственный, и я, – сказал Солана, – полностью разделяю этот тезис, зафиксированный в Лиссабоне.

Отношения Россия–НАТО, – продолжал Солана, – мне представляются в виде комплекса различных элементов. В то же время их нужно свести в целостную картину политических и некоторых юридических обяза-

---

* В этой связи не исключаю, что Солана был не в первых рядах зачинщиков натовских бомбежек Югославии в апреле 1999 года, несмотря на его публичные заявления в их поддержку. Думаю, что не без его инициативы было заявлено, что он уходит с поста генерального секретаря НАТО и будет работать теперь на практически аналогичном месте в Европейском союзе.

тельств, а также неофициальных и конфиденциальных взаимных заверений. Отсюда – роль хартии.

Содержание документа он предложил разбить на пять разделов: принципы взаимоотношений; области консультаций и сотрудничества; механизмы консультаций; механизмы связи между вооруженными силами сторон; другие области сотрудничества (наука, экология, борьба с терроризмом, незаконным оборотом наркотиков, конверсия и т. д.).

Солана высказал немало идей, способных нас заинтересовать. Однако генеральный секретарь НАТО упорно избегал обсуждения по существу военных вопросов – по видимому, на тот момент это не было санкционировано альянсом. Такое раздвоение, когда говорилось достаточно много о консультациях (правда, более аморфно о степени нашего участия в принятии конкретных решений), но в то же время упорно отодвигались на задний план военные проблемы, естественно, нас не устраивало. Видимо, Солана понимал наше настроение, и он произнес ключевую фразу, которая определила пределы его возможностей: «Вы встретитесь с американскими представителями, и важно уточнить их позицию на сей счет».

Солана уезжал из «Мещерина», как нам представлялось, не разочарованным. Но он повез с собой и наш главный «сигнал»: договоренности по военному блоку вопросов должны стать неотъемлемой частью общего документа. Очевидно, он вынес из бесед еще по крайней мере одно впечатление: как бы Россия ни была заинтересована в превращении «семерки» в «восьмерку», во вступлении в ВТО, Парижский и Лондонский клубы (о приближении этой перспективы в случае подписания хартии он так горячо говорил), мы не примем никакой «платы» за приглашение нашей позиции в интересах НАТО, и эти вопросы не должны иметь никакого отношения к подготавливаемому документу и тем более включаться в него.

Второй раунд переговоров последовал в Брюсселе. Прямо с самолета наши эксперты отправились в штаб-квартиру Североатлантического союза, на встречу с натовскими специалистами, которые имели на руках российские предложения. Затем к экспертам присоединились и главы делегаций. После «Мещерина» мы рассчитывали на серьезную дискуссию по конкретным вопросам. Но такого разговора не получилось. Мы поняли, что у натовцев пока отсутствовало видение того, на что альянс мог пойти по военным проблемам. Нам предлагались общие рассуждения или повторение отдельных заявлений НАТО о его политике и намерениях. Механическое перенесение всего этого в готовившийся документ нами отвергалось. Его военно-политическая составляющая должна была, по нашему мнению, быть центральной и содержать конкретные положения.

Ни в коей мере не компенсировало образующийся «военно-политический вакуум» некоторое продвижение по другим вопросам. Так натовцы, например, согласились с нашим требованием, чтобы документ был подписан главами государств – России и всех 16 членом НАТО. По нашему настоянию натовцы проявили готовность включить в документ положение о трансформации организации Североатлантического договора.

«А не ограничиться ли нам фиксацией уже согласованных вопросов политического и организационного плана, не отложить ли тяжелые военные проблемы “на потом”?» – такая идея принадлежала одному из наших дипломатов, но была отвергнута.

Дело не в том, что мы стояли на максималистских позициях – либо все, либо ничего. Нам было ясно, что мы не сможем обойтись без договоренностей по военным вопросам с целью реально уменьшить для нас издержки расширения НАТО. Это было главной задачей.

В таких условиях значительную тяжесть взяли на свои плечи не только мидовцы, в частности руководитель де-

партамента С.И. Кисляк и его сотрудники, но и коллеги из Министерства обороны: генерал-полковник Л.Г. Ивашов, генерал-лейтенант Н.Н. Зленко и контр-адмирал В.С. Кузнецов. Это весьма подготовленные, умные люди, сочетающие стремление отстаивать интересы безопасности России с пониманием реальной обстановки и необходимости поиска договоренностей, которые могут создать стабильность.

Должен сказать, что межведомственная координация, в которой участвовали также специалисты-аналитики из СВР, была незаменима на всем протяжении «переговорного марафона». Чувства высокой ответственности и профессионализма соединили сотрудников различных министерств и организаций в одну команду. Не помню ни одного случая, когда члены этой команды ставили бы свои ведомственные интересы – как бы они ни были важны – выше общегосударственных. Полное взаимопонимание существовало и на уровне руководства тех организаций, представители которых готовили и вели переговоры.

В Брюсселе мы передали натовцам в письменном виде свои проекты всех четырех разделов документа. Вписали в них все приемлемые для нас натовские наработки. Были уверены, что на следующей стадии переговоров надо уже начинать работу с текстами.

Третья встреча делегаций России и НАТО была назначена на 9 марта в Москве. Накануне к нам прибыл заместитель генсекретаря Г. фон Мольтке. Из его бесед с Н.Н. Афанасьевским выяснилось, что маятник опять качнулся в обратную сторону.

Это подтолкнуло к телефонному разговору с Соланой. Я сказал ему следующее:

– Мы ожидали конкретную и, как вы говорили в Брюсселе, конструктивную реакцию на переданные вам наши письменные соображения, которые рассчитывали положить в основу дискуссии. Однако высказанные

фон Мольтке устные замечания возвращают нас назад, например, изложение принципов из раздела о трансформации НАТО во многом отходит от содержания предыдущих договоренностей. Механизм консультаций, по словам Мольтке, предлагается нацелить на обмен мнениями и на стремление к достижению консенсуса, но при этом исключается обязательство принятия решений на консенсусной основе по вопросам, которые касаются совместного с Россией участия в деятельности по поддержанию мира.

Фон Мольтке и сопровождающий его представитель международного военного штаба НАТО вообще отказались обсуждать наши предложения по военным вопросам. Работу над разделом по модернизации ДОВСЕ предлагается отложить и ждать результатов переговоров в Вене, но мы не хотим, чтобы документ Россия–НАТО стал заложником дискуссии экспертов в Вене по модернизации ДОВСЕ. Не должно быть перелива вооружений и вооруженных сил из 16 стран – нынешних членов НАТО на новые территории.

– Вы помните, Хавьер, – заметил я, – мы договорились в Брюсселе, что вы выскажете замечания по предложенному нами перечню объектов военной инфраструктуры, но ваш военный представитель оказался не готов к этому. В целом, если вчерашние консультации между фон Мольтке и Н.Н. Афанасьевским не тактический прием, а ваше видение предложенных нами письменных соображений, то это разочаровывает и не сулит ничего хорошего.

Солана сослался на то, что не имел возможности поговорить с фон Мольтке, и сказал, что привезет с собой в Москву проект хартии, хотя, «может быть, туда и не войдут все обозначенные вами моменты».

– Я не сплю которую уже ночь, – пожаловался Солана и опять произнес сакраментальную фразу: – Собираетесь ли вы на следующей неделе поехать в Вашингтон?

И в Москве генеральный секретарь НАТО оказался не готов обсуждать наши предложения по военным проблемам. Ничего нового сказано не было по ядерному оружию. Работу над разделом по модернизации ДОВСЕ по-прежнему предлагалось отложить.

Складывалось впечатление, что наши партнеры из НАТО не спешат, а может быть, даже тормозят выход на предметные договоренности. Все четче стала проявляться и тактика наших партнеров, ориентированная, с одной стороны, на действительные попытки развязок общеполитического и организационного характера, а с другой – притормаживание решения военных проблем. Мы все чаще слышали рассуждения о необходимости решать военные вопросы в Вене в рамках структуры ОБСЕ (меры доверия), а также многосторонних переговоров по адаптации ДОВСЕ, другими словами – вне контекста подготовки документа, призванного определить отношения России с НАТО.

Во всяком случае, обозначилась явная пробуксовка наших переговорных усилий, и мы пришли к выводу, что натовская сторона ждала наших контактов с американцами. В Вашингтоне уже была намечена моя встреча с президентом Б. Клинтоном и госсекретарем США М. Олбрайт, но, главным образом, натовцы ждали результатов российско-американского саммита в Хельсинки, который был намечен на 20–21 марта 1997 года.

Мадлен Олбрайт – госсекретарь и человек

23 января 1997 года в так называемой «желтой гостиной», расположенной рядом с моим кабинетом, я принимал Струба Тэлботта. Буквально через несколько часов, по его словам, в США будут приведены к присяге новый государственный секретарь и новый министр обо-

роны. Оба набрали в Сенате 99 голосов «за» и ни одного «против». Накануне отъезда Тэлботт беседовал с Мадлен Олбрайт, которая просила передать мне, что будет добиваться дальнейшего продвижения наших отношений. Хотя она должна зарезервировать определенную гибкость в своем графике первых поездок за рубеж, Олбрайт надеется на скорую встречу, может быть здесь, в Москве, в конце февраля.

Одновременно Тэлботт сообщил, что на третий по значению пост в Госдепартаменте – заместителя госсекретаря по политическим вопросам – Олбрайт назначает Т. Пикеринга – бывшего посла США в Москве, а сам он остается второй фигурой в американском внешнеполитическом ведомстве. «Хотя Сенат утвердил меня не с таким счетом, как Олбрайт, но будь я договором, был бы ратифицирован», – сказал Тэлботт.

Я ответил, что рад, во-первых, предстоящей встрече с новым госсекретарем и, во-вторых, тому, что во главе Госдепартамента собирается команда из специалистов по России – это хороший признак намерения администрации развивать отношения с нами. Характерно, что при предшествовавшей встрече с Пикерингом, когда он уже знал, что кончается его срок пребывания в Москве, на мой вопрос, на каком месте собирается работать дальше, посол без всякого энтузиазма, но с не покидающей его чуть-чуть грустной улыбкой сказал:

– То, что мне предлагают в Госдепартаменте, – не для меня. Буду, наверное, продолжать заниматься Россией, но в одном из частных научно-исследовательских фондов.

Таким образом, выбор нового госсекретаря был явно противоположен решению ее предшественника.

Что представляет собой «железная леди»? Как сложатся отношения с этой первой в истории Соединенных Штатов женщиной-госсекретарем?

Уроженка Праги, дочь чехословацкого дипломата, перебравшегося в 1948 году с семьей в США, Олбрайт

выбрала для себя на своей второй родине внешнеполитическую стезю. При этом трудно было говорить о ее однозначных политических пристрастиях. С конца 70-х годов она консультировала по вопросам внешней политики представителей либерального крыла Демократической партии – сенаторов Э. Маски, Дж. Ферраро, М. Дукакиса. Вместе с тем тесные отношения связывали Олбрайт с консервативными демократами и республиканцами.

Многие подчеркивают, что политические взгляды Олбрайт сформировались под влиянием З. Бжезинского, который был не только ее преподавателем в университете, но, в бытность свою помощником президента по национальной безопасности, взял к себе на работу в СНБ⁶².

Думаю, что такое представление о формировании и, самое главное, устойчивой приверженности Олбрайт образу мышления, взглядам и идеям Бжезинского слишком поверхностно. С Бжезинским ее роднит разве только то, что она отстаивает «энергичное американское лидерство» в международных делах, резко критикуя изоляционистские настроения. В то же время она делает упор главным образом на использование «особого положения» США в международных организациях, американского доминирования в отношениях со странами-союзниками, нежелание многих стран противодействовать могущественным США. Думаю, что М. Олбрайт считает такой «арсенал» достаточным для проведения американской линии на международной арене. Во всяком случае, при всей своей жесткости в отстаивании интересов США (естественно, таких, какими они ей видятся) Олбрайт не принадлежит к тем, кто по любому поводу хватается за эфес сабли, и тем более к тем, кто не спешит ее вновь вернуть в ножны.

Совершенно случайно я узнал, что научным консультантом по диссертации, которую писала Олбрайт, был Северин Биаллер. Разговорились об этом с Мадлен, когда сидели за общим столом прощального ужина в Ма-

ниле, где в июле 1998 года состоялось заседание форума стран АСЕАН по безопасности. «Я считаю себя до некоторой степени ученицей Биаллера», – сказала Олбрайт, тогда еще не зная, насколько я был близок с этим исключительно интересным человеком в бытность свою заместителем директора в ИМЭМО.

С. Биаллер во время Второй мировой войны был в польском Сопротивлении. За это имел советскую военную награду. Был не просто членом Польской объединенной рабочей партии, но одно время техническим секретарем ее Политбюро. Как только возвели Берлинскую стену, бежал на Запад. В США стал одним из самых крупных советологов. Возглавлял институт международных отношений в Колумбийском университете, где считался основным антиподом З. Бжезинского, работавшего там же. Мне представляется, что в течение многочисленных встреч с Северином – и в Москве, и в Суздале, и в Нью-Йорке, и в Вашингтоне, и в других советских и американских городах, в которых проходили совместные симпозиумы, состоявшие не только из дискуссий, но и свободного времяпрепровождения с искренним обменом мнениями по самому широкому кругу вопросов, – я хорошо понял суть этого человека. Добавлю лишь, что он даже лучше нас знал слова всех советских песен о Красной армии, освободившей – и в этом он несомненно так же, как и мы, был уверен – мир от «коричневой чумы».

И на посту постоянного представителя США в ООН, и будучи госсекретарем Олбрайт жестко и напористо проводит внешнеполитическую линию США. Нередко привносит в работу и личные эмоции, и пристрастия в отношении тех или иных международных событий. По ее собственному признанию, она видит свою задачу в скорейшем подключении стран Центральной и Восточной Европы к евроатлантическим структурам. Не сказываются ли здесь и чувства эмигрантки из Праги? Но одновременно – абсолютно уверен в этом – Олбрайт нельзя

назвать, как Бжезинского, антироссийски настроенным человеком.

Уже после знакомства с Мадлен Олбрайт я прочел ее выступление на слушаниях в Сенате 23 апреля 1997 года, которое, как представляется, отражает неоднолинейное мышление госсекретаря. Олбрайт подчеркнула, что «невозможно построить неразделенную и свободную Европу, если демократическая Россия не будет ее полноценным участником». И это – не дань риторике. «Мы сможем работать вместе с Россией, – сказала Олбрайт, – борясь с распространением вооружений, обеспечивая безопасность ядерных арсеналов и реагируя на гуманитарные кризисы и угрозы миру».

Вместе с тем, не будучи антироссиянкой, Олбрайт ни на йоту не отступила от многих стереотипов, свойственных американским политикам. Заявив, что подозрения в «имперских амбициях России», учитывая ее историческое прошлое, в «какой-то мере оправданны», Олбрайт одновременно признала: Россия имеет право защищать свои интересы. Однако тут же добавила, что США «никогда не признают ее права на так называемые сферы влияния вне пределов российских границ» (!).

По словам госсекретаря, США намерены и дальше оказывать содействие России, но далеко не бескорыстно. Одна часть такой «корысти» нас вполне бы устраивала. Олбрайт сказала, что «от Москвы в этой связи ожидается продолжение курса на демократические и рыночные реформы, полное уважение суверенитета соседей». Однако и к этому она добавила: «...а также взаимодействие с США по широкому кругу мировых и региональных проблем». Думаю, что, говоря это, Олбрайт имела в виду не только взаимодействие, базирующееся на совпадении интересов двух держав. Трудно предположить, что в данном случае она готова была бы отказаться от идеи «безусловного и бесспорного» лидерства США.

За полтора года госсекретарства Мадлен Олбрайт я виделся с ней раз двадцать; много было и телефонных разговоров. Многочисленные беседы, личное общение с госсекретарем позволили мне узнать ее гораздо лучше.

20 февраля 1997 года Мадлен Олбрайт приехала в Москву. Я сразу же почувствовал, что говорить с ней надо напрямую, без двусмысленностей, топтания на месте, стремления обойти острые углы. Такой стиль деловых отношений укрепился и в будущем. Уверен, что так же, как и я, Мадлен Олбрайт понимала, если кто-то из нас говорит «да», то это действительно означает не только его сугубо личное, тем более абстрактное, мнение, но и намерение действовать для претворения в жизнь достигнутого согласия. В то же время мы оба, очевидно, поняли, что «нет» с такой же определенностью означает – партнер по переговорам честно обозначает черту, за которую без движения с другой стороны он не перейдет.

В первой же беседе один на один я сказал госсекретарю: считаю препятствием на пути развития партнерства между нашими странами подход США к процессам интеграции на территории бывшего Советского Союза – мы не хотим, чтобы пытались «греть руки» на непростых и неоднозначных отношениях России с рядом бывших республик СССР. Другим раздражителем является вопрос расширения НАТО.

От первого вопроса Олбрайт практически ушла. По НАТО повторила, что график постоянного расширения будет соблюдаться, но сказала, что при подготовке документа Россия–НАТО навстречу нам следует предпринять ряд шагов, в частности по линии адаптации ДОВСЕ. Высказанные мною замечания Олбрайт достаточно четко суммировала в четырех областях: неподвижение военного присутствия, консультации и их механизм, положение о неподвижении ядерного оружия, трансформация НАТО. «Можно взять это, – сказала она, – за основу нашей дальнейшей работы. У нас есть идеи по каждому из этих четырех направлений».

Мне показалось, что особое значение она придавала следующим своим словам: «Известно, что в прошлом для улучшения отношений с Россией были возможности, но они оказались упущенными. Давайте не упускать их сейчас».

На этой же теме Олбрайт остановилась во время встречи с Ельциным 21 февраля. «Когда я занималась преподаванием, – рассказала Олбрайт, – то читала лекции об упущенных возможностях в американо-советских отношениях, объясняя, как можно было бы избежать их ухудшения. Полагаю, что мы согласны с тем, что у нас есть все основания не повторять ошибок прошлого и формировать отношения партнерства между нашими странами».

Судя по содержанию и атмосфере беседы с Олбрайт и по впечатлениям, которыми Борис Николаевич поделился позже, она несомненно ему импонировала.

Накануне приезда Олбрайт в Москву у меня родилась внучка. Узнав об этом, Мадлен передала фотографию, где она была запечатлена вместе с президентом Клинтон, с припиской: «Машенька, когда ты родилась, мы с твоим дедом пытались сделать что-нибудь, чтобы мир, в котором ты будешь жить, был лучше».

Навряд ли Бжезинский мог бы быть автором этих строк.

Другие черты Мадлен Олбрайт – отсутствие напыщенности, располагающая непосредственность. Как не похожа она в этом отношении на своего предшественника! На заключительном вечере форума АСЕАН по безопасности в Джакарте в 1996 году, где все делегации демонстрировали номера своей самодеятельности (это ежегодный ритуал), Кристофер выскочил на сцену в спортивной форме с американским флагом в руках, демонстрируя победу американцев на проходившей в то время Олимпиаде. А как взорвался аплодисментами зал, когда на следующий год в Куала-Лумпуре Мадлен в со-

проведении своей делегации прекрасно исполнила песню Мадонны на специально написанный остроумный текст о внешней политике США!

«Приоритетные контакты» в Вашингтоне

Во время одного из разговоров по телефону Б.Н. Ельцина с Б. Клинтоном состоялась договоренность, что перед встречей в верхах в Хельсинки мне предстоит поехать в Вашингтон и с М. Олбрайт продвигаться в согласовании документов саммита: совместных заявлений президентов по вопросам европейской безопасности; по дальнейшему сокращению ядерных вооружений; по укреплению Договора по ПРО, о российско-американских экономических инициативах. Каждый из этих документов был чрезвычайно важным. Что касается первого – по вопросам европейской безопасности, – то в нем практически должны были быть найдены «рамочные» развязки по тем проблемам отношений Россия–НАТО, которые все еще были далеки от того, чтобы «лечь на бумагу».

Но все документы были, по сути, взаимосвязанными. Договоренность о серьезном прогрессе в сокращении вооружений несомненно способствовала бы согласованию целого ряда проблем отношений России с НАТО. Об этом несколько позже в открытую заявила и М. Олбрайт. Так что разоруженческие проблемы, имевшие важнейший самостоятельный характер, приобретали и иной аспект, связанный с подготовкой документа Россия–НАТО.

Программа в Вашингтоне была более чем насыщенной. Встретился и с М. Олбрайт, и с С. Тэлботтом, потом С. Тэлботт пригласил меня с послом Ю. Воронцовым, Г. Мамедовым и М. Олбрайт к себе домой, где мы целый вечер проговорили о делах. Симпатичная хозяйка – жена Струба – подчеркнуто не участвовала в разговоре, появляясь каждый раз в гостиную с очередным сверхострым

мексиканским блюдом. Но оказалось, что она была далеко не безразлична к тому, о чем мы говорили. С. Тэлботт сказал на следующий день, что его супруга с огромным интересом слушала, как «делается история».

Несмотря на то что Б. Клинтон накануне перенес операцию по поводу травмы ноги и был малоподвижен, он пригласил на встречу, которая длилась более часа. Сам факт приглашения в жилые апартаменты Белого дома президентом, который все время принимал обезболивающие пилюли, да и, конечно же, характер беседы показывали, что Клинтон был искренне заинтересован в успехе переговоров с Ельциным.

Экстраординарным было посещение в Пентагоне «ситуационной комнаты». Мне сказали, что впервые министр иностранных дел другого государства «допущен» в эту «святая святых» военного ведомства США на встречу с американскими министром обороны и начальниками штабов всех родов войск. К слову сказать, нашего военного атташе туда не пригласили, но генерал-лейтенант Н.Н. Зленко, который приехал со мной из Москвы, был вместе с нами. Докладывали начальники штабов, иллюстрируя те или иные положения диаграммами, которые проецировались на широкий экран.

Военные всегда прямолинейнее политиков, и это чувствовалось по характеру выступлений. Я вынес два впечатления. Пентагон заинтересован в продвижении процесса сокращения ядерных вооружений, иными словами, в проработке, связанной с будущим договором СНВ-3. А главные усилия по противоракетной обороне направлены на создание ПРО, способной, как сказал один из докладчиков, надежно защитить американских солдат в случае региональной операции, подобной «Буре в пустыне»⁶³.

По первому вопросу наши интересы очевидно стыковались, но оставалась проблема сбалансированности сокращений с учетом сохранения безопасности сторон

и стабильности на глобальном уровне в целом. Что касается ПРО, то нам надлежало найти такое решение, которое не вело бы при создании нестратегической ПРО к образованию оружия для «звездных войн».

Американцы, особенно на первом этапе переговоров, придерживались нажимной тактики. Были попытки исключить из проекта совместного заявления президентов по европейской безопасности положения о неподвижности обычных вооруженных сил к территории России, ограничившись цитированием туманного и потому не устраивающего нас заявления НАТО (оно было сделано в Брюсселе накануне наших переговоров в Вашингтоне). Проявилось стремление добавить в заявление по европейской безопасности констатацию того, что любое государство может присоединиться к любому военно-политическому альянсу, – это могло бы интерпретироваться как наше согласие на вступление в альянс стран Балтии и, возможно, других республик бывшего СССР.

Во время переговоров по разоруженческим вопросам, которые с нашей стороны проводил высокий профессионал Г.Э. Мамедов, американцами продвигался ряд не отвечающих нашим интересам идей. Я согласился с Мамедовым, что для нас неприемлемо включение в совместное заявление президентов по ПРО тех положений, которые могли бы быть интерпретированы как узаконивающие испытания американцами высокоскоростных систем в обход Договора по ПРО. Неприемлемым для нас было и предложение определить срок продления Договора СНВ-2 лишь в Договоре по СНВ-3, переговоры по которому, в свою очередь, предлагалось начать после ратификации Договора СНВ-2.

В результате трудных дискуссий все же удалось:

– подтвердить обязывающий характер документа об отношениях Россия–НАТО, который будет подписан высшими руководителями России и всех стран НАТО;

– было впервые получено согласие включить в совместное заявление заверение от имени президента США, что не произойдет наращивания вблизи России постоянно размещенных боевых сил НАТО;

– американцы согласились не только отразить в заявлении по европейской безопасности положение о неподвижности ядерного оружия, но и зафиксировать необходимость включения этого заверения и в документ Россия–НАТО;

– в совместное заявление было включено положение об ОБСЕ как универсальной организации, которая может играть особую роль в системе европейской безопасности, и констатация необходимости разработки хартии европейской безопасности на основе решений Лиссабонского саммита ОБСЕ;

– согласовать в целом приемлемый текст заявления двух президентов по стратегическим наступательным вооружениям.

Оно включило в себя продление сроков сокращения вооружений по Договору СНВ-2 (американцы предлагали – до 2006 года, мы – до 2008-го; договорились, что развязка остается за президентами). Само продление сроков, по нашему настоянию, зафиксировано именно в совместном заявлении президентов без механической увязки с подписанием Договора СНВ-3. Устанавливались потолки по СНВ-3 в 2000–2500 боеголовок.

Документ по ПРО – единственный, который тогда еще не получился, хотя во время дискуссий в Вашингтоне и обозначилась область согласия, которую в крайнем случае можно было бы отразить в устных заявлениях президентов на пресс-конференции в Хельсинки: приверженность сторон необходимости Договора по ПРО, причем не только в настоящее время, но и в будущем. Вместе с тем чувствовалось, что американцы придают особое значение выработке документа по ПРО, который, естественно, был нужен и нам.

Экономические вопросы в основном затрагивались во время беседы с президентом США. Б. Клинтон подтвердил намерение поддержать вступление России в ВТО, Парижский клуб, придать особый характер «восьмерке», но сделал это сугубо тезисно. Очевидно, он собирался развернуть позицию по всем этим вопросам во время встречи с Ельциным в Хельсинки.

Можно было в общем и целом считать, что двери в Хельсинки практически открыты.

Два «послеоперационных» президента в Хельсинки

– Борис, пожалей калеку, – такой фразой ответил президент Клинтон на упреки Ельцина в связи с упорной линией США на расширение НАТО.

Клинтон обладает большим чувством юмора. Он сделал над собой невероятное усилие, перелетев через океан и приняв участие во встрече в верхах в Хельсинки. С трудом, на костылях Клинтон дошел до специальной коляски, вытянул ногу и... улыбнулся, хотя было совершенно очевидно, что ему, несмотря на регулярно принимаемые медикаменты, было очень больно.

Ельцин перенес незадолго до этой встречи намного более тяжелую операцию – на сердце. Это тоже была его первая поездка за рубеж после операции. Не знаю, что помогало ему в большей степени – могучий организм, усилия сопровождавших его врачей, чувство ответственности, порождаемое обстановкой саммита, или все это, вместе взятое, но выглядел он отлично. Я бы даже сказал, лучше, чем до операции.

А ведь можно было ожидать всего. Вспоминаю предвыборную кампанию Ельцина. Я был в числе тех, кто встречал президента на аэродроме Внуково-2 во время его поездки по стране накануне первого тура голосо-

ния. В этот день он с головокружительной быстротой «прошелся» по нескольким городам и, возвратившись в Москву, тут же на аэродроме решил обменяться мнениями. За стол, накрытый в специальном помещении, нас пригласили всех – и сопровождающих, и встречающих. Здесь были и Наина Иосифовна, и А. Коржаков, и О. Сосковец, и П. Грачев, и М. Барсуков, и П. Бородин, и В. Шевченко, и другие. За столом царило, мягко говоря, приподнятое настроение. Такие поездки президента были действительно продуктивными. День ото дня в их результате рейтинг Ельцина поднимался в опросах общественного мнения по России все выше. Не знаю, как угораздило меня включиться в разговор, привнеся в него «ложку дегтя». Может быть, очевидная, бросающаяся в глаза беспечность нерасчетливых восторгов.

– Борис Николаевич, – сказал я, – в первом туре, как мне кажется, вы не победите. Но во втором, очевидно, пройдете.

– Я не очень готов физически действовать в таком же темпе перед вторым туром, – ответил президент. – И не готов к этому психологически.

Выходя из зала аэропорта, где мы пробыли очень короткое время, и Наина Иосифовна, и А. Коржаков, молчавшие за столом, каждый поблагодарили меня за эту реплику. Было ясно, что самые в то время близкие к Борису Николаевичу люди небезосновательно беспокоились о его здоровье.

Уже потом, после того, когда Ельцин победил во втором туре, я прочел во многих воспоминаниях о перипетиях предвыборной кампании, об «авторах» победы, о различных точках зрения, среди которых были идеи вообще отказаться от выборов. Это уже позже стало известно, что Ельцин в середине марта сначала хотел принять указ о роспуске Государственной Думы, запрете компартии и переносе срока выборов, а потом отказался от этой идеи. Бывший министр внутренних дел А.С. Куликов

рассказал подробно об этом, назвав всех, кто по этому поводу вызывался к Ельцину. Министра иностранных дел среди них не было, и я не посвящался в хитросплетения замыслов в связи с президентскими выборами, хотя кое о чем догадывался.

Между двумя турами Ельцин слег. Но тем не менее победил на выборах, хотя неумолимо надвигалась необходимость хирургического вмешательства. Операция на сердце была сделана российской бригадой врачей во главе с хирургом Р. Акчуриным.

И вот два «послеоперационных» президента встретились в Хельсинки. Ельцин выглядел и действовал, надо сказать, безупречно. Судя по его виду, он даже наслаждался тем, что чувствует себя бодро. Обмен приветствиями был традиционно дружеским, но Борис Николаевич начал с констатации того, что от результатов встречи зависит, не начнем ли мы вновь сползать к холодной войне. По первоначальным замечаниям Б. Клинтона тоже чувствовалось, что он считает исключительно важной именно эту встречу с российским президентом, так как от нее во многом зависело решение целого комплекса вопросов – двусторонних и мировых.

Кульминационным моментом можно считать обсуждение документа по разграничению стратегической и тактической ПРО. В Хельсинки Б. Клинтон, явно действуя по «домашней заготовке», фактически обусловил продвижение по другим важнейшим разоруженческим направлениям (да и в целом успех хельсинкских переговоров) принятием заявления двух президентов по этому сложному вопросу.

Переговоры по противоракетной обороне шли уже четыре года. Их целью было сохранение Договора по ПРО, заключенного в 1972 году, который даже объективно подвергался обходу в условиях, когда распространение ракет и ракетных технологий, особенно в нестабильных регионах, продиктовало необходимость работать над не-

стратегической ПРО. В процессе ее создания неизбежно возникают элементы, которые могли бы быть использованы и для стратегической ПРО. А раз так, то это означает не просто обход договора по ПРО, но перечеркивает возможность значительного и последовательного сокращения стратегических наступательных вооружений. Совершенно ясно, что если одна сторона усиливает оборону против стратегических ракет, то другая будет стараться иметь их столько и такими, чтобы обрести возможность достигать цели вопреки наращиваемой ПРО.

Российские и американские эксперты в Женеве решили вопросы разграничения стратегической и нестратегической ПРО в отношении низкоскоростных систем. Однако подобное разграничение в отношении высокоскоростных систем застопорилось. И оказалось, что только на самом высоком уровне можно развязать две остающиеся принципиальными проблемы. Во-первых, американцы предлагали «смягчить» обязательность некоторых ограничений по созданию нестратегической ПРО – в результате этого ряд важных ограничительных параметров переводился в разряд сугубо желательных «мер доверия». Во-вторых, наши партнеры хотели сделать это «разграничительное» соглашение последним, но тогда при неизбежном появлении в будущем новых технологий выход на производство стратегической ПРО был бы ничем не ограничен и Договор по ПРО оказывался незащищенным.

После трудных обсуждений президенты объявили небольшой перерыв и поручили нам с Олбрайт попытаться выйти из тупика. Уходя, Ельцин повернулся в мою сторону и сказал: «Найдите решение». Мы с Г.Э. Мамедовым и нашими военными специалистами с головой окунулись в поиски взаимоустраивающей формулы, но именно взаимоустраивающей – решили твердо не сдавать позиций.

Было совершенно ясно, что в обсуждение требуется вовлечь свежие силы с американской стороны, поскольку

«штатные переговорщики» исчерпали потенциал гибкости – исходили из того, что, коли президент дал нам строгое указание, мы в конце концов «слиняем». С помощью Олбрайт удалось привлечь к переговорам обычно державшегося в тени председателя Объединенного комитета начальников штабов Дж. Шаликашвили, пользующегося большим авторитетом у американских военных. С трудом наконец родились формулы, учитывающие и наши, и американские озабоченности.

Был обозначен целый ряд критериев, которые ставят преграду на пути создания стратегической ПРО: ограничения на параметры баллистических ракет – мишеней, используемых при испытаниях, на скорость ракет-перехватчиков, запрет на ракеты-перехватчики космического базирования и компоненты на новых физических принципах, способных заменить такие ракеты-перехватчики, и так далее. Были обозначены численные параметры, которые не должны превышаться в ходе испытаний нестратегической ПРО. Одновременно была достигнута договоренность о механизме, позволяющем в будущем, по мере развития техники, определять соответствие любой вновь создаваемой системы Договору по ПРО. Состоялась договоренность об обмене информацией и о приглашении наблюдателей на испытания систем ПРО.

Выявилось также понимание, что работа по Договору по ПРО не заканчивается подписанием этого конкретного соглашения – она будет продолжаться по мере совершенствования технологий нестратегической ПРО.

Переговоры происходили далеко «не плавно». Казалось бы, уже договорились, причем договоренность подтвердили и госсекретарь, и председатель Объединенного комитета начальников штабов. Ударили, как говорится, по рукам. Вдруг возвращается один из американских переговорщиков и требует внесения дополнительной поправки. Мы не соглашаемся. Наступает драматический момент, когда все повисает на тонкой ниточке. Олбрайт

заявляет, что если мы не примем не устраивающую нас американскую формулировку, вообще не будет никаких хельсинкских документов, в том числе и совместного заявления по европейской безопасности. Отвечаю: не надо нас загонять в угол.

Наконец страсти остывают и удается найти формулировку, которая, хотя и не полностью, как нам сказали американцы, удовлетворительна, но все-таки для них приемлема.

Первым после перерыва в помещение для переговоров в коляске въехал президент Клинтон. Он искренне обрадовался, что решение найдено и встреча будет теперь успешной. Ельцин в свою очередь поблагодарил всех участников этих «нелегких на финише» переговоров за проделанную работу.

Итак, все проекты, подготовленные к встрече в верхах в Хельсинки, превратились в документы. Все «белые пятна» были «заштрихованы». В совместном заявлении о параметрах будущих сокращений ядерных вооружений были зафиксированы такие сроки: для ликвидации стратегических носителей ядерного оружия по Договору СНВ-2 до 31 декабря 2007 года; для их деактивации путем отстыковки ядерных боеголовок или принятия других совместно согласованных шагов – до 31 декабря 2003 года. Президенты пришли к взаимопониманию в том, что после вступления в силу Договора СНВ-2 Россия и США незамедлительно приступят к переговорам по соглашению СНВ-3, которое предусматривает понижение к 31 декабря 2007 года суммарных уровней для каждой из сторон в 2000–2500 стратегических ядерных боезарядов.

Позднее, в сентябре того же года, в Нью-Йорке мы с Олбрайт подписали на основе хельсинкских заявлений юридические соглашения по СНВ и ПРО, открывшие дорогу для ратификации Договора по СНВ-2 и начала переговоров о более глубоких сокращениях стратегических наступательных вооружений РФ и США в рамках СНВ-3.

Конечно, открытие дороги еще не означало ратификации Договора по СНВ-2 Государственной думой. Но можно смело сказать, что подписанные документы во многом отвечали тем требованиям, которые ранее выдвигались Думой в качестве обязательных условий ратификации: и продление срока ликвидации ракет по Договору СНВ, что было отодвинуто на целых пять лет, и непрерывность процесса сокращений СНВ, что обеспечивается началом уже происходящих консультаций, а в дальнейшем полномасштабных переговоров по СНВ-3, и обязательства по необходимости Договора по ПРО.

Последний шаг – он трудный самый

26 марта позвонил Хавьер Солана. Конечно, он уже знал об итогах встречи в Хельсинки, но, очевидно, хотел услышать об этом и от меня, возможно, чтобы сопоставить оценки.

Я сказал генеральному секретарю, что позитивно оцениваем достигнутые в Хельсинки договоренности, придя к единому с американцами пониманию многих важных проблем, относящихся к выработке документа Россия–НАТО. Теперь основная тяжесть переносится на натовский переговорный «трек». Думаю, что работу на нем следует интенсифицировать.

Также я счел необходимым сказать Х. Солане, в чем, с нашей точки зрения, состоит задача, которую следует решать: во-первых, получить замечания на переданные нами письменные предложения по принципам трансформации НАТО, российско-натовского механизма консультаций и принятия решений, а также по областям сотрудничества между нами. Так как по всем этим проблемам позиции сторон довольно близки, то хорошо, если бы мы могли непосредственно приступить к согласо-

ванию текстов соответствующих разделов документа Россия–НАТО. Во-вторых, и это самое главное, следует сосредоточиться на военно-политическом разделе, к которому мы фактически еще не подступились. Предложил Солане еще до следующей нашей встречи, намеченной на 15 апреля, хотя бы очертить контуры военно-политического раздела, имея ясное представление, в чем мы согласны, а что пока «ставим в скобки»*.

Х. Солана в общем согласился с таким подходом.

За несколько дней до этого телефонного разговора состоялся первый контакт между нашими и натовскими военными. Приехавший в Москву заместитель председателя военного комитета НАТО К. Науманн произвел хорошее впечатление своей рациональностью и открытостью. Некоторые его соображения были близки нашим. Это обнадеживало, но в отсутствие предложений от Х. Соланы по военным вопросам в письменной форме говорить о прогрессе в военной переговорной области было еще очень рано. После того как в Хельсинки мы договорились с американцами о неподвижности ядерного оружия с территории 16 стран – членов НАТО и о том, что в сторону наших границ не будут продвинуты на постоянной основе силы НАТО в угрожающих размерах, нужна была конкретизация этих положений и договоренность об условиях для их претворения в жизнь.

В связи с неподвижением вооруженных сил НАТО в центре внимания оказалась проблема рамочных принципов модернизации Договора об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ). Что касается ядерного оружия, то мы предлагали дополнить договоренность о его неподвижении обязательством со стороны НАТО не создавать предпосылки для его размещения и хранения.

---

* Так в проектах документов на стадии переговоров отмечаются те места в тексте, по которым на данном этапе не достигнуто согласие сторон.

Нужно отметить, что генерал К. Науманн в Москве в этом соглашался с нами. Но Н.Н. Афанасьевский, который уже после этого встретился в Брюсселе с фон Мольтке, информировал, что натовцы не проявляют готовности пойти на фиксацию отказа от создания соответствующих хранилищ и использования для хранения ядерного оружия инфраструктуры, оставшейся после Варшавского договора на территории «потенциальных» членов НАТО.

Опять лабиринт, из которого выбраться не так просто. Б.Н. Ельцин обменялся мнениями по телефону по этому вопросу с рядом европейских лидеров, что несомненно имело значение. Я получил приглашения от своих коллег прибыть с краткосрочными визитами в Германию и во Францию. Это было особенно важно в расчете на то, что мои коллеги К. Кинкель и Э. де Шаретт успеют переговорить с Х. Соланой до его поездки в Москву, и действительно, каждый из принимавших меня министров проявил готовность помочь продвижению переговоров и считал, что генеральный секретарь приедет в Москву не с пустыми руками. Эрве де Шаретт даже назвал дату и место для подписания документа о взаимоотношениях России с НАТО – 27 мая, в Париже.

9 апреля я был принят президентом Франции Жаком Шираком. Состоялся очень заинтересованный разговор. Чувствовалось, что французский президент хотел быть максимально полезным в том, чтобы снять препятствия для подписания документа именно в Париже и именно 27 мая, то есть за пару недель до того, когда в Мадриде состоится сессия НАТО, на которой будет объявлено о предстоящем расширении альянса. Мы тоже были заинтересованы в том, чтобы подписать документ, ставящий определенные условия расширения альянса и нейтрализующий некоторые наиболее неблагоприятные для нас последствия этого, не дожидаясь объявления о пополнении натовского союза. Однако сказал президенту Шираку, что сроки подписания не имеют для нас самодовлеющего значения.

Позже, в интервью члену редколлегии журнала «Новое время» Андрею Грачеву, находившемуся в Париже, я подчеркнул, что по срокам подписания документа Россия–НАТО у нас нет «социалистических обязательств». То время, когда мы обязывались выполнять пятилетку в четыре года, а производственные планы – к очередной годовщине или юбилею, осталось в далеком прошлом. Нам нужен был всесторонне продуманный и взвешенный, хорошо сбалансированный и отвечающий нашим интересам документ – вот что главное.

Итак, развязки предстояло найти на четвертой встрече с генсекретарем НАТО в Брюсселе 15 апреля. Но и здесь натовская позиция по военной части документа нас разочаровала. В ней были отдельные конструктивные моменты, однако в целом наши предложения либо не учитывались, либо их хотели подменить «заявлениями о намерениях». Предлагалось перенести в документ без всяких конкретных обязательств натовской стороны перед Россией тексты заявлений Совета НАТО о ядерном оружии от 10 декабря 1996 года и об обычных войсках и вооружениях от 14 марта 1997 года. Прочитывать их. Только и всего. Мы ясно сказали, что это нас не устраивает.

Особое значение приобрело согласование позиций по ДОВСЕ. Все мы понимали, что модернизировать этот договор необходимо: он был подписан в то время и для того времени, когда в Европе противостояли друг другу два военных блока. Мы приняли переход на так называемые «национальные потолки», понимая под этим ограничители по всем пяти видам обычных вооружений для каждой страны, участвующей в договоре. Но при этом россиянам было совершенно ясно, что необходимы дополнительные ограничители, которые могли бы гарантировать от увеличения «совокупных» обычных вооруженных сил НАТО в процессе его расширения. Таких гарантий нам не давали, обвиняя в «блоковом мышлении». А как было

мыслить иначе, если НАТО продолжало существовать как военный блок?

В области военной инфраструктуры натовцы ограничивались предложениями о «транспарентности». Мы не были против открытости, как таковой, но необходимо было четко договориться о том, что НАТО не будет развивать за пределами нынешних членов альянса инфраструктуру, обеспечивающую размещение сил и оперативное развертывание ударных группировок, создающих угрозу безопасности других государств. На такую договоренность партнеры не шли.

На переговорах практически сложилась тупиковая ситуация. В связи с этим была достигнута договоренность о проведении в Москве двусторонней российско-американской встречи 1–2 мая.

В столицу России прибыла госсекретарь США М. Олбрайт. Вскользь замечу – судьба распорядилась так, что самые что ни на есть интенсивные переговоры выпадали на наши праздничные дни: 1–2 мая, 23 февраля, 8 марта. Наши партнеры, конечно, не были связаны с нашими традициями, а мы в результате проводили время за «праздничным столом переговоров».

С приехавшей в Москву американской делегацией встретились 1 мая в особняке МИДа на Спиридоновке – с госсекретарем М. Олбрайт, первым заместителем госсекретаря С. Тэлботтом, заместителями госсекретаря Л. Дэвис, Дж. Корнблумом, специальным советником госсекретаря по делам СНГ Дж. Коллинзом, специальным помощником президента и директором европейского отдела Совета национальной безопасности А. Вершбоу, начальником управления Госдепа по военно-политическим вопросам К. Данкерли, представителем Госдепа по связи с прессой Н. Бернсом, зам. заместителя министра обороны Й. Лодалом и Д. Куком, помощником председателя Комитета начальников штабов Р. Майерсом и другими.

С нашей стороны присутствовали: министр иностранных дел, заместители министра Н.Н. Афанасьевский и Г.Э. Мамедов, специально вызванный в Москву посол РФ в США Ю.М. Воронцов, директора пяти департаментов – С.И. Кисляк, Р.В. Маркарян, Н.Н. Спасский, О.Н. Белоус, Г.П. Тарасов, начальник главного управления международного военного сотрудничества Минобороны Л.Г. Ивашов, начальник международно-договорного управления ГУМВС В.С. Кузнецов и другие.

Я специально привел список американцев и наших участников, чтобы показать, что с обеих сторон придавалось этой встрече кардинальное значение.

Ее важный характер подчеркнул Ельцин, позвонив по телефону в мидовский особняк. Его разговор с Олбрайт, а затем со мной нацеливал на достижение договоренностей.

Переговоры в расширенном составе хотел бы пересказать подробно. Они показывают достаточно выпукло не только позиции и аргументацию сторон, но и ту атмосферу, которая господствовала за переговорным столом. Думаю, что это интересно и для «широкого читателя», – ведь далеко не все знают, через какие дебри и с каким трудом пробиваются дипломаты для того, чтобы «притереть» позиции и достичь в конце концов удовлетворительных с точки зрения национальных интересов договоренностей.

Начал со слов:

– Мы с Государственным секретарем согласны в том, что сейчас необходимо сделать все возможное для достижения прорыва. Но для этого надо решить ряд первоочередных вопросов. Они относятся к рамочному соглашению по адаптации ДОВСЕ, которое мы хотим включить в документ Россия–НАТО. Мы хотим этот договор модернизировать, но не отменить. Ликвидировать достигнутое при подписании договора в 1990 году было бы в корне неверно. Согласно ДОВСЕ устанавливались

лимиты для НАТО и Варшавского договора. Сейчас нужно стремиться к тому, чтобы не было впечатления, будто мы ликвидируем абсолютно апробированные элементы, а при расширении НАТО создается возможность беспредельного роста «потолков».

Для того чтобы показать нашу конструктивность на деле, принимаем ваше предложение о переходе на национальные ограничения. Принимаем также вашу идею о том, что «национальные потолки» всех государств – участников ДОВСЕ устанавливаются и пересматриваются и, возможно, изменяются, допустим, каждые пять лет. Но далее должно следовать положение, что сумма «национальных потолков» в любом военном союзе не будет превышать на пятилетие лимита по ДОВСЕ, как он был подписан в 1990 году. И все. Это касается и России, которая, как вы понимаете, тоже может вступать в союзы.

Я не вижу причин не соглашаться с такой постановкой вопроса. Хотел бы, чтобы эксперты с обеих сторон совместно поискали решение.

– Здесь у нас по-прежнему фундаментальное различие в подходах, – сказала в ответ Олбрайт. – То, что вы соотносите какую-то суммарную величину с лимитом 1990 года, исходит из концепции, от которой мы стараемся уйти: блок против блока. Это – старое мышление. Пределы 1990 года были рассчитаны на противостояние между военными блоками. Вы по-прежнему воспринимаете НАТО как противника, а наш подход другой. Мы предлагаем установить строгие пределы на национальные уровни обычных вооружений. К тому же в целом наземные силы альянса во всей Европе сократятся. Это должно помочь снять ваши озабоченности.

– Да, но вся Европа – это не НАТО.

– Согласна, что нашим экспертам полезно подумать над этим. Но нам с вами нужно сейчас согласиться в том, что мы не будем смотреть на вещи через призму межблокового противостояния, а будем основываться лишь

на принципе «национальных потолков». Тогда, мне кажется, наши эксперты смогут прийти к взаимоприемлемым результатам. А сам механизм договоренности таков: согласие 30 государств – участников ДОВСЕ по новым «национальным потолкам», и их сумма ясно покажет, что военные силы в Европе не будут расти. Де-факто будет установлен лимит на общий уровень сил НАТО. Если мы пойдем по этому пути, участники ДОВСЕ могли бы пересматривать «национальные потолки» на конференциях каждые пять лет – в 2001, 2006 годах.

Когда вы говорили о российском подходе к проблеме, был сделан намек на возможность вступления России в военный союз. Но это полностью противоречит тому, о чем договорились наши президенты в Хельсинки. Они выступили с новым видением единой и неразделенной Европы. Ваши же слова подразумевают, по сути, новый раздел континента.

– Ваши аргументы, – ответил я, – не основываются на реальном положении дел. Можно подумать, что НАТО – это не военная, а аморфная политическая организация. В НАТО – единое военное командование, единый военный потенциал, то есть речь идет о военном блоке, который к тому же сейчас будет расширяться. Мы не можем абстрагироваться от этого факта. Только через механизм «национальных потолков» для 30 участников ДОВСЕ военный потенциал НАТО ограничить нельзя. Если вам не нравятся «потолки» договора 1990 года, давайте вести отчет от реального положения с уровнями в 16 странах НАТО. Сейчас у 16 стран НАТО, например, в наличии 17 тысяч танков при разрешенных 20 тысячах. Давайте «плясать» от этой цифры. Нам нужно исключить возможность беспредельного роста военного потенциала НАТО.

– Я снова и снова буду подчеркивать, – сказала М. Олбрайт, – что вы должны по-другому воспринимать НАТО. Это – новый альянс. Лишь один пример – наше взаимо-

действие в Боснии. НАТО уже не военный блок, чья цель – обороняться против Советского Союза. Борис Ельцин говорил о «новой России». Речь идет и о новом альянсе, не направленном против вас. Именно в этом контексте нужно рассматривать целесообразность установления «национальных потолков».

Пришлось опять взять слово.

– Когда мы с вами обсуждали вопрос об инфраструктуре, обслуживающей возможное размещение боевых сил за пределами 16 нынешних членов НАТО, вы сказали мне, что она должна создаваться «на случай чрезвычайной необходимости». Почему же и мы не должны думать о такой необходимости и воспринимать НАТО как ангела, который обрел крылья? Согласен, что нам нужно идти к сотрудничеству и росту доверия. Но у нас уже есть действующий договор, который ограничивает обычные вооруженные силы НАТО. Сейчас же нам предлагают снять такие ограничения и мотивируют это тем, что НАТО не будет действовать против нас. Эту позицию трудно защитить. Вопрос носит принципиальный характер. Как мы можем согласиться с тем, что раньше ограничения были, а теперь при расширении НАТО их нет?

– Но по сути, – сказала М. Олбрайт, – такие ограничения будут существовать де-факто, как сумма «национальных потолков». Нам тоже не нужна гонка вооружений. Наша общая цель на переговорах по адаптации ДОВСЕ – постараться обеспечить, чтобы посредством «национальных потолков» военные силы оставались под контролем. По нашему подходу все государства – участники ДОВСЕ должны дать согласие на то, чтобы та или иная страна увеличила свой «национальный потолок». Мы исходим из того, что индивидуальные страны будут объединены общей целью снижения угрозы, повышения стабильности. «Национальные потолки» лучше подходят к этой ситуации, потому что все решения будут приниматься консенсусом, а у вас будет право вето.

Слово взяла главный специалист Госдепа по вопросам вооружений Л. Дэвис, и это было хорошо, так как она заговорила о механизме установления «национальных потолков», что помимо ее воли показало беспочвенность разговоров о возможности реального ограничения вооружений НАТО по предлагаемой американцами схеме.

– Установление «национальных потолков» будет представлять собой процесс, – сказала она. – Каждая страна будет вносить предложения относительно тех уровней, которые она хотела бы иметь. Другие страны – участницы договора будут рассматривать их и совместно решать, могут ли такие уровни быть понижены. Каждая из 30 стран должна дать на это свое согласие. Россия также сможет рассмотреть предлагаемые уровни 16 нынешних членов НАТО или других «комбинаций» стран, включая те, которые вызывают у России озабоченность. Когда все 30 государств достигнут согласия в отношении «национальных потолков», они становятся обязательными.

– Процесс, о котором вы говорите, займет вечность, – вступил в разговор Г. Мамедов.

– Конечно, этот процесс займет определенное время, – вынужденно согласилась Л. Дэвис.

– Аналогичным образом, если принять вашу схему применительно к договоренностям по СНВ, – сказал я, – мы могли бы просто исходить из своего желания иметь определенное число боеголовок. А вы бы сделали свою заявку. Нас бы это не устроило, и процесс согласования стал бы бесконечным. Необходимо договориться об установлении четких лимитов, которые не должны будут превышать. При этом речь идет именно о всех обычных вооружениях, включая и авиацию, от чего вы хотите уйти.

Поняв, что начинаем, как говорится, «идти по кругу», перешел к следующему вопросу – о размещении ядерного оружия, а также боевых сил в угрожающих размерах за пределами 16 членов НАТО. Сказал, что по этим

вопросам есть согласие наших президентов, что нашло четкое отражение в хельсинкском заявлении. Однако остается важный для нас аспект, который заключается в том, чтобы не создавались структуры для хранения ядерного оружия и обслуживания запрещенных к постоянному размещению боевых сил.

– Что касается временного перемещения обычных вооруженных сил с целью проведения маневров или миротворчества, то нам ясно, что в каком-то объеме такая структура вам необходима для совместимости управления, связи, ПВО. Но экспертам нужно определить разделительную линию между необходимой именно для этих целей инфраструктурой и той, которая создавалась бы для обеспечения запрещаемого постоянного базирования сил.

– Мы готовы показать, что любая новая инфраструктура не представит для вас угрозы, – ответила Олбрайт. – Наши эксперты, включая генерала Майерса, готовы обсудить меры укрепления доверия, которые отвечали бы вашим озабоченностям в этом плане.

– Главный фактор, показывающий, что инфраструктура не будет носить угрожающий характер, – это ее масштабы, – парировал я. – Далее, если нам удастся также найти решение последнего остающегося вопроса, то можно считать, что мы будем близки к завершению работы над документом Россия–НАТО. Речь идет о том, в какой степени будет допустимым перелив обычных вооружений из нынешних 16 членов НАТО под «национальные потолки», устанавливаемые для «новых» стран. Пусть эксперты обсудят и этот момент. Должен еще раз со всей определенностью подчеркнуть, что все перечисленные мной элементы договоренности представляют собой единый пакет.

– В Хельсинки был достигнут прогресс по вопросу о размещении сил. Формулировки выбирались очень аккуратно, и, думаю, от них не должно быть отхода, – сказала Олбрайт.

– Полностью согласен с вами.

– Мы должны поручить экспертам работать быстро и эффективно, – продолжала Олбрайт. – Время поджидает. Наши президенты рассчитывают, что в Париже соглашение будет подписано. В соответствии с указанием президентов мы должны развязать оставшиеся вопросы. Думаю, мы близки к достижению прорыва, который будет иметь историческое значение.

– Прошу экспертов с нашей стороны приступить к работе и вести ее максимально конструктивно.

Американцы передали «в качестве основы для обсуждений» на экспертном уровне свои предложения, в которых был безусловно позитивный момент – предусматривалось значительное снижение уровней «национальных потолков» по сравнению с нынешним. Но опять-таки не содержалось никаких групповых ограничений. Территориальные ограничения существовали, но лишь в виде «фланговых». Там, где было выгодно нашим партнерам, они не отступали от столь третируемой ими «блоковой психологии». На все наши доводы о том, что отход от «блоковых зачетов» предполагает и ликвидацию фланговых ограничений, нам отвечали, что это – неприемлемо.

Несмотря на все сложности, решили «идти по тексту» американских предложений. Однако вскоре стало ясно, что наши конкретные замечания по формулировкам не принимаются. Особенную несговорчивость проявила при этом Л. Дэвис.

Вечером 1 мая я пригласил группу переговорщиков и с американской, и с нашей стороны к себе домой на ужин. Были предложения моих коллег отужинать либо в особняке, либо в ресторане, но мне хотелось напоследок (М. Олбрайт с ее окружением намерены были улететь рано утром на следующий день) пообщаться с американскими партнерами в домашней обстановке. Моя супруга приготовила все с помощью подруги, а подавала на стол сама – никаких поваров и официантов.

До приезда гостей наша улица была полностью очищена от припаркованных автомобилей – таково было указание охраны. Проверили и быстро подремонтировали лифт (кстати, через несколько дней комендант нашего дома спросил мою жену, не могли бы мы за счет города заменить лифт на новый – это было бы «издержкой» приема столь почетных гостей, но коменданта ждало разочарование). Олбрайт и другие приехали с многочисленной группой телохранителей. Я попросил моего бессменного уже в течение десяти лет начальника охраны полковника Г.А. Хабарова заняться его коллегами, и они, по-моему, неплохо пообщались, находясь в моем кабинете.

Ужин удался на славу. Строуб Тэлботт восхищался пельменями, под которые так неплохо шла водка. Много шутили. Мадлен Олбрайт, которая понимает по-русски, прислушивалась к телепередаче. Как раз шел репортаж о российско-американской встрече. Репортер стоял у ворот мидовского особняка на Спиридоновке и резко критиковал мидовцев за то, что его, «как обычно», не впустили на переговоры, – «вот вам и гласность!». Но он все-таки сумел «из надежных источников» узнать суть произошедшего: приехала «железная леди» и продиктовала российской стороне условия, сказав, что «резервов для уступок больше нет». Что оставалось российскому министру? Он не мог противостоять такой жестко-напористой Мадлен Олбрайт, которая не только хорошо представляет, но и прекрасно умеет отстаивать свои позиции.

Я спросил Мадлен:

– Скажите честно, в США вам поют такие же дифирамбы?

– Никогда, – ответила Мадлен улыбаясь.

Между блюдами сделали небольшой перерыв. Олбрайт, Тэлботт, Воронцов и я отошли в сторону. Произошел откровенный разговор.

– Вы понимаете, – сказал я, – не могу, просто не могу пойти в Думу, – а мы обязаны будем это сделать, – заявив

там, что приняли предложение, согласно которому отступаем от Договора по ограничению обычных вооруженных сил в Европе и соглашаемся на то, что уровень вооружений НАТО будет возрастать по мере расширения альянса. Это тот случай, – продолжал я, – когда вы подрываете все возможности взаимодействия и вообще нормальных отношений России с НАТО. Тот случай, когда неизбежно Европа, да и не только Европа, прочеркнется разделительной линией.

– Что нужно сделать, чтобы избежать этого? – спросила госсекретарь.

– Нужна формула, ограничивающая рост военного потенциала НАТО при неизбежном переходе на «национальные потолки». Ничего большего я не придумую.

Олбрайт подозвала Дэвис:

– Давайте еще раз подумаем о такой формуле. – А затем, обратившись к нам с Воронцовым, сказала: – Я откладываю свой отъезд из Москвы. Мы могли бы еще раз встретиться завтра утром?

2 мая, продолжая переговоры, теперь уже в здании МИДа на Смоленской площади, госсекретарь дала согласие на внесение в документ положения о необходимости учитывать «все уровни», установленные первоначальным Договором об ОВСЕ. Вкупе с принципом консенсуса при установлении новых «национальных уровней» это позволяло фиксировать предел суммарным количествам всех видов обычных вооружений НАТО в случае ее расширения.

Мы обменялись также и новыми компромиссными формулировками по вопросу ограничения будущей военной инфраструктуры в Центральной и Восточной Европе. В результате в основополагающем акте появилось положение о том, что эта инфраструктура должна быть «адекватна» обязательству, принятому Б. Клинтонот от имени НАТО еще в Хельсинки, не размещать дополнительно на постоянной основе «существенных» боевых сил альянса на территории новых членов.

В целом майский этап переговоров с Государственным секретарем США стал основой последующего выхода на договоренность по ключевой для нас разоруженческой «корзине» документа Россия–НАТО.

Финишная прямая

До подписания документа в Париже оставалось все меньше времени. Его нехватку мы почувствовали при встрече с Х. Соланой в Люксембурге 6 мая, но совсем по другому случаю: люксембургский аэропорт, как выяснилось, закрывался в полночь, и генеральному секретарю во что бы то ни стало надо было поспеть на свой самолет и вылететь до этого срока.

Какие-то смутные, тревожные впечатления остались от переговоров в Люксембурге. Вроде продвинулись, закрепили в тексте ряд важных моментов из достигнутых договоренностей с американцами. Вместе с тем оставалось еще много несогласованного. Солана явно нервничал, постоянно перешептывался с сидящим рядом с ним заместителем по политвопросам фон Мольтке. Во время одного такого затянувшегося перешептывания пришлось даже сказать: «Друзья, для чего мы приехали в Люксембург – “играть в посиделки” или вести переговоры?»

Условились о встрече в Москве, которая, как понимали и мы, и натовцы, и определит, будут ли найдены взаимоприемлемые развязки, а во многом и будущее отношений России и НАТО.

Борис Николаевич, как всегда, оставался «непроницаемым». Во всяком случае, никак не проявлялась нервозность ни при встречах со мной, ни при телефонных разговорах с западными лидерами. Очень спокойно отреагировал Ельцин и на телефонный звонок Ширака как раз накануне приезда в Москву Соланы: «Должен тебе сказать, что работа над документом идет непросто, я бы

сказал, тяжело. Я попросил Примакова быть как можно конструктивнее. Сейчас важно доработать документ, чтобы не обсуждать его в Париже перед подписанием, а иметь уже готовый текст».

Как только я встретился с Соланой 13 мая, и по его настроению, и по первым словам о том, что он прибыл в Москву не искать, а найти развязки, понял: политическое решение идти в Париж с готовым документом в НАТО принято. Проблем для расчистки оставалось, однако, немало.

Работа шла до глубокой ночи. С обеих сторон в выверку формулировок самым активным образом включались военные. Причем параллельно формулировки согласовывались с заседавшим в то же время в Брюсселе Советом НАТО на уровне послов, которые, в свою очередь, постоянно находились на связи со своими столицами. Натовцы звонили из Москвы в Брюссель, используя мобильные телефоны прямо из двора особняка МИДа на Спиридоновке. В другом углу особняка наши военные также по телефонам согласовывали формулировки по чувствительнейшим вопросам непосредственно с нашим Генеральным штабом. Какая уж тут секретность!

Удалось подчистить политическую часть документа. В основном стал проясняться и блок принципиальных пониманий по военным вопросам. Но вдруг, отходя от того, что проговаривалось ранее как с Соланой, так и с участниками НАТО, наши партнеры стали «под занавес» усиливать акценты на сохранении «при всех обстоятельствах» так называемых фланговых ограничений ДОВСЕ. Причем формулировки, предлагавшиеся Соланой, были прямым откатом от компромиссов, которые вырисовывались до Люксембурга и даже в Люксембурге. В результате блок по обычным вооружениям терял сбалансированность. Напряженный разговор, телефонная сверка позиций наших собеседников в реальном масштабе времени с Брюсселем все же позволили снять и эту обост-

рившуюся проблему. Уж если что-то и должно решаться в Вене, то это прежде всего судьба флангов. Если весь договор будет адаптироваться к новым реалиям в Европе, то трудно себе представить, как это может делаться без дополнительного совместного взгляда на один из его ключевых элементов – фланговые ограничения. Фактически мы так и сделали – отнесли вопрос в Вену.

На следующее утро президент Ельцин провел телефонный разговор с Соланой. В конце концов, можно считать, документ родился. Однако одновременно с этим еще не было единого мнения о том, как его называть. Натовцы стремились закрепить наименование «Хартия», что предоставило бы в будущем им больше маневра для интерпретации обязательности принимаемых условий. Для нашей стороны оптимальным было название «Соглашение» или «Договор». В итоге было принято решение, что документ, который подпишут главы государств и правительств России и стран – членов НАТО, будет называться «Основополагающий акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и Организацией Североатлантического договора».

Итак, переговорный марафон, который позволил нам свести до минимума отрицательные последствия расширения НАТО для интересов безопасности России, а западным государствам избежать опасного обострения отношений с Москвой, закончился. Как только счастливые переговорщики вышли на ступеньки перед зданием мидовского особняка на Спиридоновке, на лужайку хлынули журналисты с телекамерами, фотоаппаратами, диктофонами. Началась импровизированная пресс-конференция. Потом все участники переговоров сфотографировались на этих ступеньках у входа в особняк.

23 мая я стоял на трибуне, выступая перед депутатами Государственной Думы. Знал, что некоторые из них, будучи профессионалами-международниками, политоло-

гами, хорошо понимали значение достигнутого. Но были и такие, кто считал, что это – наша «неудача», даже провал, так как не удалось «остановить расширение НАТО».

Выступить было очень нелегко. Постарался в сжатой форме донести принципиальные моменты подготовленного документа.

Судя по вопросам, депутатов помимо военных проблем интересовало, не согласились ли мы на такой механизм консультаций, который даст возможность натовцам диктовать нам свои условия. Характерно, что этот же вопрос, но в «зеркальном» изображении рьяно ставился конгрессменами в США: не получает ли Россия право вето на действия НАТО?

Разъяснил, что каждая сторона без всяких ограничений может предлагать темы для консультаций на Совместном постоянном совете (СПС), за исключением тех, которые касаются внутренних дел России или НАТО. При этом по всем решениям о совместных действиях необходим консенсус. Очень важным является и то положение Основопологающего акта, которое фиксирует прямое российское участие на всех стадиях миротворческих операций, осуществляемых НАТО совместно с РФ, начиная от планирования и заканчивая осуществлением. Это положение, на котором мы настояли, положило конец затянувшимся спорам о том, каково соотношение между командованием российской бригады в Боснии и общим командованием натовской операции, могут ли без участия командования российской бригады определяться ее перемещения или конкретные действия, скажем использование в несвойственных ей полицейских целях.

Атмосфера в Госдуме была неоднозначной, но, несомненно, в общем благожелательной. Было принято постановление, в котором практически выразилось согласие на подписание документа.

Основопологающий акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федера-

цией и Организацией Североатлантического договора был подписан 27 мая в Парадном зале Елисейского дворца. Это – самое главное помещение резиденции французских президентов, построенное более века назад, где происходили и происходят высочайшие приемы и другие церемонии. Перед рядами, заполненными министрами, другими официальными представителями многих стран, членами дипкорпуса, журналистами, полукругом с разрезом посередине был установлен президиум. Места в нем заняли главы 16 государств – членов НАТО. Посередине, «в разрезе» между двумя частями полукруга, сидели Ельцин, Ширак и Солана.

Открыл торжественную церемонию президент Франции, как и было положено «хозяину» страны, где происходило событие. Затем он предоставил слово для десятиминутного (в два раза больше, чем всем остальным) выступления Ельцину. Президент подчеркнул взвешенный и сбалансированный характер документа, достигнутый в ходе трудных переговоров, который дает возможность при нашем неизменном осуждении расширения НАТО, сохранении той принципиальной позиции, которой мы придерживались с самого начала, оградить свои национальные интересы. При этом мы не скатываемся к конфронтации, которая неизбежно повлекла бы большие расходы на вооружение, новую милитаризацию политического мышления, резюмировал Ельцин.

Приподнятое настроение всех присутствовавших на церемонии подписания, а затем на официальном приеме от имени Жака Ширака подчеркивало чрезвычайную важность – не хочу говорить исторический характер, уж слишком часто мы употребляем эти слова и по делу, и не по делу, – произошедшего события.

В Париже состоялись и двусторонние встречи Ельцина с главами других государств. Многие поздравляли президента России, уговаривали его приехать в Мадрид, где на саммите НАТО предстояло объявить о начале переговоров по расширению альянса.

– Если ты будешь там, – говорил ему Ширак, – на задний план отойдет проблема расширения, а на первый выйдет открытие заседания Совместного постоянного совета Россия–НАТО. Российский президент будет главной фигурой, как и в Париже.

В связи с настойчивым призывом к Ельцину ехать в Мадрид уже со стороны Клинтона – в двусторонней встрече участвовали и министры иностранных дел – я не выдержал и включился в разговор:

– Мне представляется, что президенту нет необходимости этого делать. Несомненно привлекательная идея открыть заседание СПС не перетягивает на чаше весов другую – негативную, особенно для общественного мнения России, – присутствовать в Мадриде в то время, когда НАТО объявит о своем расширении.

– Видишь, Билл, – сказал Борис Николаевич, – не все так просто.

Во время приема сидевший за столом рядом с Ельциным Гельмут Коль склонился в его сторону и сказал тихо:

– Борис, я понимаю твоё решение не ехать в Мадрид, ты абсолютно прав.

Начало лета 1997 года было ознаменовано переходом к практическому сотрудничеству в рамках СПС. Еще предстояло договориться о формуле председательствования на его заседаниях. Решили, что председательствовать на совете будут совместно представители России, генеральный секретарь НАТО и, в порядке ротации, представитель одного из государств – членов НАТО.

Впервые я взял в свои руки молоток и утвердил повестку дня встречи СПС на министерском уровне 26 сентября 1997 года в Нью-Йорке. Конечно, кое для кого все происходящее было за пределом допустимого. Представитель России предоставлял слово министрам иностранных дел стран НАТО, включая и госсекретаря США, а затем после каждого выступления комментировал его, выделяя главные идеи и предлагая остальным на них со-

средоточиться. Оказывается, такая форма ведения заседаний в НАТО ранее была не принята, но нужно было считаться с полным равноправием всех участников Основопологающего акта.

Г. Киссинджер – и он был не одинок в этом – не преминул заключить, что Основопологающий акт означает начало конца НАТО. Это, естественно, было не так. Но нам-то было ясно: от того, как пойдет сотрудничество Североатлантического союза с Россией, будет во многом зависеть не только реальная стабилизация ситуации в различных регионах, но и направление и темпы эволюционных изменений как в НАТО, так и в Российской Федерации.

Далеко не без понимания этого различные круги по-разному подходили к работе СПС. Существовала тенденция превратить СПС в «дискуссионный клуб», чем-то напоминающий классический «прототип» из бессмертного произведения Ильфа и Петрова «Золотой теленок», где провинциальные «пикейные жилеты» постоянно встречаются для обсуждения мировой ситуации и, поочередно поднимая указательный палец, глубокомысленно провозглашают: «Бриан – это голова».

Нас СПС в виде клуба для дискуссий не устраивал. Не устраивает такая «модель» и некоторых членов НАТО.

Прошел год со дня начала работы СПС, и мы встретились с Х. Соланой в Люксембурге на приеме в честь министров иностранных дел, принимавших участие в Совете евроатлантического партнерства. Отошли в сторону. Я сказал Хавьеру:

– Мне кажется, что если бы не было расширения НАТО, на которое все время мы оглядываемся – и Россия, и вы, ожидая друг для друга неприятных сюрпризов, – то СПС мог бы стать центром европейской безопасности.

– Я тоже думаю об этом, – отвечал Солана.

Кстати, на эту же тему я позже говорил со Струобом Тэлботтом, и он, ну чтобы быть абсолютно точным, отнюдь не отрицал этой идеи.

Помню наше совместное с американской делегацией выступление в Маниле в июле 1998 года после окончания АРФ – Асеановского регионального форума по безопасности, ежегодное участие в котором принимают страны АСЕАН и так называемые полноправные партнеры по диалогу, в число которых входят США, Россия, Китай, Индия, Япония, Канада, Австралия, Новая Зеландия, Южная Корея, Европейский союз и другие. Я уже писал о том, что по традиции во время последнего обеда каждая делегация во главе с министром иностранных дел представляет свой художественный «номер». На этот раз решили выступить вместе с делегацией США, о чем в принципе договорились чуть ли не за год до этого, переписывались, «утрясали» текст, но репетировали только раз незадолго до выхода на публику в Маниле.

– НАТО включило в себя Венгрию, – пропела Мадлен Олбрайт на музыку Бернштейна «Вестсайдская история».

– Это самая большая ошибка, – пропел я в ответ на ту же музыку.

Зал, в котором присутствовали все делегаты, «одобрительно неистовствовал».

Два сценария

Перечитал эту главу о тяжелых и длительных переговорах, которые в итоге привели к подписанию основополагающего акта, и подумал: а стоит ли включать ее в книгу? Ведь с того момента произошли беспрецедентные события. НАТО осуществило многодневные бомбардировки Югославии. Впервые в истории Североатлантический альянс применил силу не для обороны своих союзников, ради чего он, как неоднократно объявлялось, и создавался. Впервые военную машину НАТО использовали за пределами входящих в союз государств. Впервые

НАТО применило военную силу без согласия Совета Безопасности ООН, и ракетные обстрелы и бомбовые удары наносились не только по военным, но и по гражданским объектам. Такая «неразборчивость», напоминавшая практику Второй мировой войны, служила одной цели – запугать Югославию, подтолкнуть ее к капитуляции.

И все это, вместе взятое, выдавалось за необходимость действовать так в условиях этнических чисток, проводимых С. Милошевичем в Косове. Не намерен оправдывать антиалбанские действия в этом югославском крае. Более того, российские представители, и я в том числе, многократно говорили президенту Югославии о необходимости предоставления Косову широкой автономии. Наши призывы оставались без внимания.

Но все же: приблизительно два-полтора года назад именно американские официальные представители считали так называемую Армию освобождения Косова террористической организацией.

Только за первые две недели натовских бомбардировок беженцами стало по меньшей мере в семь раз больше косоваров, чем за все время «этнических чисток», которые, как было заявлено, вызвали эти бомбардировки.

После начала «миротворческой» операции Косово стали покидать, спасаясь от террористов, десятки тысяч сербов.

Бомбардировки Югославии нанесли серьезнейший удар по отношениям России с НАТО. Может быть, в таких условиях следовало бы признать ошибкой те огромные усилия, которые были предприняты нами, чтобы добиться конструктивного взаимопонимания с Североатлантическим союзом? Я однозначно отвечаю на этот вопрос отрицательно. Прежде всего потому, что кровавая операция НАТО была прервана в решающей степени благодаря той роли, которую сыграла Россия. И смею утверждать, что Россия не могла бы с такой силой и так

эффективно заявить о себе на миротворческом поприще, если б не было в истории ее дипломатии изнурительных, но в конечном счете полностью оправданных переговоров с целью подготовки и подписания основополагающего акта.

Возможность достижения компромисса России с НАТО, доказанная подписанием этого акта, безусловно, прибавила число тех, кто посчитал натовскую операцию против Югославии грубейшей ошибкой. А неизбежность перспективы резкого ухудшения отношений с Россией, в частности прекращения деятельности Совета постоянного сотрудничества (СПС), как представляется, способствовала сдерживанию эскалации военных действий, предотвратила сухопутную операцию НАТО против Югославии.

Наконец, не следует забывать, что события вокруг Югославии уже стали той отправной точкой, которая определит развитие международной обстановки, во всяком случае на первое десятилетие XXI века, по одному из двух сценариев.

Сценарий I. Европейские государства – члены НАТО, а вслед за ними и США придут, как бы ни интерпретировались результаты натовской военной операции против Югославии, к пониманию того, что лишь по решению Организации Объединенных Наций и ее Совета Безопасности могут осуществляться вооруженные действия. В НАТО будут происходить позитивные изменения, которые выразятся, в частности, в усилении европейского элемента, укреплении связей с региональными организациями, особенно с ОБСЕ.

Продолжится процесс сокращения ядерных вооружений. После ратификации Россией Договора СНВ-2 будет подписан Договор СНВ-3, который резко уменьшит количество боеголовок у США и России. Приблизится тот предел, когда к сокращению ядерных вооружений присоединятся Англия, Франция, Китай. Создадутся благо-

приятные условия для присоединения к Договору о нераспространении ядерного оружия и Договору о всеобщем прекращении ядерных испытаний так называемых неофициальных ядерных государств. Будет подписано соглашение об ограничении обычных вооружений. Мировое сообщество объединит усилия для урегулирования конфликтов, выстроит мощный заслон экстремизму во всех его проявлениях, терроризму, организованной преступности, наркобизнесу.

Но существует и другой сценарий, и было бы неправильно и опасно закрывать глаза на его возможность.

Сценарий II. После югославских событий развивается ставка Вашингтона на «натоцентризм». При той или иной степени согласия европейских участников НАТО эта организация вытесняет ООН или нейтрализует ее в качестве важнейшего механизма в системе международных отношений, опирающегося в своей деятельности на универсальные принципы международного права. В результате создания США противоракетной обороны страны, что прямо нарушает положения Договора по ПРО, затормозится или остановится сокращение наступательных ядерных вооружений. Будет весьма трудно вернуться к плодотворному переговорному процессу в этой области. Россия, испытывая недостаточные финансово-экономические возможности, в условиях международной неопределенности будет наращивать боеспособность, действуя асимметрично. Общая неблагоприятная обстановка отразится на внутривнутриполитической ситуации в нашей стране, затруднит демократизацию и реформы, будет способствовать изоляционистской тенденции, противоречащей интересам россиян и мирового сообщества в целом.

Затормозятся процессы демократизации и в Китае, Индии, других странах. Будет проявляться стремление к групповой защите от новой роли НАТО, претендующего на вмешательство во внутренние дела других стран.

Совершенно естественно, что Россия боролась и будет бороться за то, чтобы события развивались по первому сценарию. А в лоно этой борьбы органично вписываются и те переговоры с целью заключения основополагающего акта, о которых я столь подробно рассказал.

III. Региональная дилемма: сила или другие методы

Становится все яснее, что это – один из центральных вопросов международных отношений после окончания холодной войны. Жизнь убеждает в этом. Речь, по сути, идет о возможных мерах, направленных на нейтрализацию негативной политики некоторых государств.

В период холодной войны применение силы практически исключалось только между двумя супердержавами, так как это грозило всеобщим ядерным столкновением. Вместе с тем сила использовалась как способ решения тех или иных задач и Соединенными Штатами, и Советским Союзом (война в Корее, война во Вьетнаме, бомбардировки Камбоджи, подавление восстания в Венгрии, ввод танков в Прагу, войск в Афганистан). СССР и США резко критиковали друг друга. Можно сказать, вели друг против друга пропагандистские войны. Помогали или пытались помочь тем, против кого применяла силу другая супердержава. Хотя прямого вовлечения в конфликты не происходило, международная обстановка обострялась. Могут ли себе позволить США и Россия и в новых условиях действовать по той же схеме – с «развязанными руками», уповая на то, что наличие оружия массового уничтожения удержит противоположную сторону от прямого столкновения?

К силе прибегали во время холодной войны и другие государства, относящиеся к западному лагерю, действуя

иногда без США или даже вопреки им. Примером могут служить англо-франко-израильское нападение на Египет в 1956 году, война Англии против Аргентины из-за Фолклендских островов в 1982 году. Но как быть сейчас, когда продолжаются локальные конфликты и нередко их участники скатываются к курсу, идущему вразрез с общепризнанными нормами международного права? Уповать на военную силу или проходить мимо этих явлений в международной жизни? Не то и не другое.

Нет ни одного исторического примера, когда даже при массивном применении силы, используя самые современные электронные способы ведения военных действий, удавалось бы заменить те или иные «неудобные режимы». Вместе с тем новые условия, возникшие после окончания эры глобальной конфронтации, делают возможными скоординированные меры на политическом поле – решительные, подчас жесткие, которые позволяют добиваться, чтобы любое государство придерживалось общепризнанных цивилизованных норм поведения.

Реальность решения этой задачи политическими приемами доказывает развитие событий в связи с иракским и косовским кризисами, прерванное и в одном и в другом случае силовыми мерами, инспирированными США. Находясь на посту министра иностранных дел России, я описываю все это не как сторонний наблюдатель или человек, почерпнувший информацию из вторых или третьих рук.

Во время холодной войны любую позицию нашей страны в конфликтных ситуациях связывали с противоборством СССР и США. После окончания холодной войны этот аргумент потерял всякий смысл, равно как и попытки представить дело так, будто российская позиция продиктована в иракском случае стремлением получить дивиденды в экономической области после снятия санкций с Багдада⁶⁴, а в югославском – историческими симпатиями

к сербам. В действительности главная причина, по которой Россия действовала именно так, а не иначе, заключалась в стратегической ставке на политические приемы урегулирования.

Трудно осуществлять такую линию? Несомненно, особенно если учитывать подчас спонтанные, иногда вызывающие, абсолютно неоправданные шаги тех, от кого неимоверными усилиями пытаются отвести угрозу военного удара. Однако это не должно перечеркивать ставку на мирное урегулирование даже самых сложных региональных ситуаций.

Ирак: история не повторяется?

В урегулирование иракского конфликта я был вовлечен намного раньше перехода на Смоленскую площадь и даже в «Ясенево».

После операции «Буря в пустыне» я написал книгу, которая в России вышла под заголовком «Война, которой могло не быть». До сих пор считаю, что при всей сложности обстановки тогда можно было привести дело к тому, чтобы Ирак вывел свои войска из Кувейта без войны в зоне Персидского залива. У меня были основания для такого вывода, так как во время кризиса я три раза был в Багдаде, где встречался с Саддамом Хусейном.

Поездки не были бесплодными. Прежде всего, удалось вывезти из Ирака около пяти тысяч советских людей – специалистов и их семьи, – которым в начале кризиса было запрещено возвращаться на родину. Удалось убедить иракское руководство не превращать в «живой щит» и западных граждан, находившихся в стране, – им тоже разрешили вылететь домой. Правда, за это была заплачена «цена» в виде соответствующих заявлений М.С. Горбачева и Ф. Миттерана во время их общей пресс-

конференции в Париже о том, что они выступают за политические методы выхода из иракского тупика. Я связывался с Парижем из Багдада для того, чтобы обговорить примерную фразеологию этих параллельных заявлений.

Когда я во второй раз посетил уже затемненный Багдад в октябре 1990 года и встретился с Саддамом Хусейном, последний давал понять, что при «сохранении лица» уйдет из Кувейта. «Сигнал» иногда подавался в карикатурной форме. Но это не должно было отвлечь от поисков мирного решения вопроса.

Мы с нашим тогдашним послом в Багдаде В.В. Посуvaluком, Р.В. Маркаряном, С.В. Кирпиченко, придя на встречу с Саддамом, были удивлены, увидев его в окружении всех членов Совета революционного командования Ирака.

– Я хочу, чтобы ты видел, – сказал он в ответ на мой недоуменный вопрос, – что среди иракского руководства есть не только ястребы, но и голуби.

На мою реплику о том, что предпочел бы иметь дело только с голубями, отреагировал вице-президент Рамадан:

– Тогда придется нам всем уйти отсюда, оставив вас наедине с нашим любимым лидером.

Саддам, казалось, был удовлетворен таким началом разговора. Но заявил о готовности вывести войска из Кувейта только во время моей третьей поездки в Багдад. Саддам все время запаздывал – так получилось и тогда.

Но все-таки войны могло не быть – ни смертоносных бомбардировок и обстрелов, ни пожаров на нефтепромыслах Кувейта, ни жертв во время сухопутных столкновений. Мировая печать подчеркивала, что погибло не так уж много – «всего» сто с лишним человек среди антииракских сил и несколько десятков тысяч иракцев. Однако можно ли вообще измерять горе, страдания, сломанные судьбы людей?

Констатация того, что можно было в 1991 году обойтись без войны, не имеет ничего общего ни с одобрением

действий иракского лидера, ни со всепрощенчеством, ни тем более с готовностью смириться с тем, что Ирак овладел или стремится овладеть оружием массового поражения.

Почему не обошлось тогда без применения военной силы? Во-первых, в Вашингтоне уже сделали свой выбор и хотели примерно наказать Багдад, дабы и другим неповадно было, чтобы все чувствовали «тяжесть американской руки» – новейшие виды вооружений испытывались не в лабораториях, а демонстративно, на поле боя. Во-вторых, Вашингтон, очевидно, решил воспользоваться уникальным феноменом в виде образовавшейся широкой антииракской коалиции, в которую вошли не только «традиционные» близкие партнеры США, но и другие государства, в том числе арабские – уж слишком Багдад испугал всех, решив насильно присоединить к себе соседнюю страну. В-третьих, в советском руководстве сложилась ситуация, когда одна его часть стремилась предотвратить войну, а другая занимала прямо противоположную позицию.

В данном случае хотел бы объяснить сложившееся положение, сославшись на книгу «На самом высоком уровне» Майкла Бешлосса и Струоба Тэлботта, где они описывают контакты между МИДом СССР и Госдепартаментом накануне моего приезда в Вашингтон, куда я был направлен М. Горбачевым для того, чтобы проинформировать президента Дж. Буша о результатах своей первой поездки в Багдад и некоторых идеях относительно того, как обеспечить без применения военной силы безусловный вывод иракских войск из Кувейта: «Разгневанный тем, что Горбачев позволил Примакову предпринять эту миссию, Шеварднадзе решил вставить последнему палки в колеса. Накануне прибытия Примакова в Вашингтон Тарасенко (помощник Э. Шеварднадзе. – *Е.П.*) передал Деннису Россу через Роберта Зеллика (два самых приближенных работника к госсекретарю США Д. Бейкеру. – *Е.П.*):

– Сообщите Деннису, что Примаков направляется с предложением, которое не нравится ни министру, ни мне.

Зеллик сказал Россу, что, в его понимании, эта рекомендация означает: “Наплюйте на него с высокой колокольни”.

Это была новая веха в отношениях между двумя странами – советский министр иностранных дел и Госдепартамент США тайно объединились против специального посланника Кремля»* – к такому заключению пришли два американских автора, наблюдавшие за развитием событий «изнутри».

В конце 1997 года на «высокой колокольне» в Соединенных Штатах находились другие люди, да и я стал министром иностранных дел России. Собственно, один из авторов этой книги, в которой я был представлен в качестве «антигероя», С. Тэлботт, теперь находился со мной в добрых, приятельских отношениях, надеюсь, ретроспективно пересмотрев некоторые свои взгляды. Так что обстановка стала другой. Но насколько гарантирована неповторяемость силовых приемов? События конца 90-х годов показывают, как нелегко однозначно ответить на этот жизненно важный вопрос.

На Совете Безопасности 23 октября 1997 года обсуждался очередной доклад Спецкомиссии, созданной после эвакуации иракских войск с территории Кувейта для инспекции различных объектов Ирака с целью выявления и ликвидации оружия массового уничтожения. До обсуждения доклада у нас была оживленная переписка и телефонные разговоры с представителем России в ООН С. Лавровым. Мы знали, что настроения среди постоянных членов, да и вообще членов Совета Безопасности различны. Хотя все заинтересованы в том, чтобы Спецкомиссия успешно справлялась со своими обязанностями,

---

* *Бешлосс М.-Р., Тэлбот С.* На самом высоком уровне. Закулисная история окончания холодной войны / Пер. с англ. – М., 1994. – С. 232.

однако некоторые считали, что она работает недостаточно эффективно не только потому, что в отдельных случаях мешают иракцы, но и потому, что ее руководство подчас запрограммировано на негативный результат.

Незадолго до этого председателя Спецкомиссии Экеуса, у которого с Ираком неплохо шли дела, заменили на бывшего представителя Австралии в ООН Р. Батлера, имевшего хорошую репутацию и поэтому поддержанного при назначении всеми, в том числе и Ираком. Но первоначальные оценки его деятельности вскоре во многом начали размываться.

До обсуждения доклада Спецкомиссии на Совете Безопасности Батлер хотел предварительно поговорить с нами о положении дел с иракскими разоруженческими досье: ядерным, ракетным, химическим и биологическим. Он приехал в Москву, и встреча произошла на Смоленской площади. Разговор начался с ядерного досье. По мнению многих, оно уже «созрело» для того, чтобы перевести инспекции в постоянный мониторинг (именно об этом шла речь, а не о «закрытии» того или иного досье, как это часто представлялось в средствах массовой информации). Р. Батлер предпочел отмалчиваться. Тогда мы перешли к ракетному досье, и я задал вопрос:

– Есть ли у вас какие-либо данные, свидетельствующие о том, что Ирак сохранил пусковые установки для ракет или их двигатели?

– Нет, – ответил Р. Батлер.

– В таком случае почему вы настаиваете на сохранении инспекционной фазы и противитесь переходу на постоянный мониторинг? Вместо этого вы наращиваете вопросы, обращенные к иракской стороне. Ведь дело можно довести до абсурда, скажем, если Спецкомиссия при отсутствии пусковых установок и двигателей потребует найти и представить... чехлы от ракет, потом, может быть, крючки, которыми закрепляют эти чехлы, и т. д. и т. п.

Ответ Р. Батлера меня обескуражил.

– Все зависит от того, договоритесь ли вы с Соединенными Штатами, – сказал он.

– Позвольте, но эта договоренность возможна только после того, как вы дадите нам объективную информацию, а не наоборот – мнение членов Совета Безопасности не может предопределить характер информации Спецкомиссии и ее выводы?!

Эти слова повисли в воздухе.

Итак, 23 октября Совет Безопасности ООН десятью голосами при пяти воздержавшихся (Россия, Франция, Китай, Египет, Кения) принял по докладу Спецкомиссии резолюцию № 1174, в которой были осуждены неоднократные случаи отказа иракских властей разрешить допуск на объекты, указанные Спецкомиссией, и действия иракцев, создающие угрозу безопасности ее персоналу. Хотя во время работы над резолюцией нам, главным образом вместе с Францией, Китаем и Египтом, удалось исключить немедленный ввод санкций против Ирака, резолюция тем не менее провозглашала, что если Ирак и в дальнейшем будет игнорировать свои обязательства, то будут приняты меры, направленные против въезда в другие государства иракских официальных лиц, которые несут ответственность за несоблюдение резолюции.

Выступая по мотивам голосования, С. Лавров заявил о несбалансированности резолюции: не удалось настоять, чтобы она отразила ряд существенных элементов выполнения Ираком требований Спецкомиссии; в резолюции также отсутствовало упоминание о докладе МАГАТЭ, который констатировал значительный прогресс в ядерной сфере.

Дальше события развивались достаточно бурно. Иракский парламент 27 октября принял решение рекомендовать Совету революционного командования заморозить сотрудничество со Спецкомиссией. Мы с самого начала считали такое решение абсурдным, заводящим ситуацию в тупик. Поэтому на следующий день на бри-

финге в МИДе было подчеркнуто, что Россия выступает за строгое выполнение резолюций Совета Безопасности по Ираку. Было заявлено, что конструктивное сотрудничество иракского руководства со Спецкомиссией – это единственно верный, реалистичный путь, ведущий к снятию санкций.

Однако Багдад начал нагнетать обстановку. 29 октября иракское руководство приняло решение не допускать участия американских граждан в деятельности Спецкомиссии в Ираке и потребовать прекращения полетов американского самолета У-2 и замены его на самолеты других государств.

В ответ Совет Безопасности *единогласно* – я хочу это подчеркнуть – поддержал заявление своего председателя, который потребовал от Ирака в полной мере, без условий или ограничений, сотрудничать со Спецкомиссией в рамках ее мандата и предупредил о «серьезных последствиях, если Ирак не будет немедленно и полностью выполнять свои обязательства»...

Россия продолжала действовать, пытаясь остановить явно контрпродуктивные действия иракского руководства. К первому заместителю министра И.С. Иванову был приглашен посол Ирака в Москве, которому было заявлено, что решение Ирака ввести ограничения на деятельность Спецкомиссии квалифицируется нами как неприемлемое.

С 25 по 31 октября я находился на Ближнем Востоке в заранее запланированной поездке, которая была посвящена главным образом поискам путей урегулирования арабо-израильского конфликта. Но естественно, что, посетив ряд арабских стран, я говорил с их руководством и о ситуации вокруг Ирака. Сирия и Египет во время войны в районе Персидского залива были, как известно, в антииракской коалиции. Теперь, как явствовало из бесед с президентами Мубараком и Асадом, министрами иностранных дел, они полностью сознавали не только не-

продуктивность, но опасность военных действий против Ирака. Все считали, что Ирак должен выполнять резолюции Совета Безопасности, но и Спецкомиссия обязана улучшить свою работу, чтобы не перечеркивать перспективу снятия санкций в случае конструктивной реакции Багдада.

На следующий день после моего возвращения по заранее достигнутой договоренности в Москву прибыл министр иностранных дел Франции Ю. Ведрин. После консультаций с ним появилось российско-французское заявление, в котором мы призвали иракское руководство отказаться от решения, с тем чтобы Спецкомиссия могла продолжить выполнение своего мандата. Одновременно, и это очень важно, в совместном заявлении стороны твердо высказались за то, чтобы любые новые шаги в отношении Ирака рассматривались и принимались строго в рамках Совета Безопасности ООН.

Такое заявление было весьма актуальным. 8 ноября президент Б. Клинтон сказал, что не исключает принятия «любых мер» против Ирака в ответ на его нарушение резолюции СБ. Премьер-министр Великобритании Т. Блэр в послании Б. Клинтону заверил его в полной поддержке американской позиции в отношении Ирака.

Из-за отказа иракцев в допуске на объекты американцев инспекционные работы Спецкомиссии были фактически заморожены. В результате была *единогласно* – опять подчеркиваю это – принята резолюция № 1137 Совета Безопасности с осуждением Ирака и введением запрета на поездки за рубеж иракских официальных лиц и военнослужащих, которые несут ответственность за невыполнение обязательств по резолюциям СБ.

До принятия этой резолюции Россия неоднократно обращалась к иракскому руководству с призывом отменить решение от 29 октября и вернуться к нормальным отношениям со Спецкомиссией. Такие обращения делались в виде устных и письменных посланий Т. Азизу и от

моего имени. Россия была одним из инициаторов идеи о направлении в Багдад миссии Генсекретаря ООН. В Совете Безопасности, осуждая Ирак, мы одновременно добивались должной реакции на любые позитивные подвиги в поведении Ирака.

Наконец, Россия выступила с инициативой созвать чрезвычайную сессию Спецкомиссии для обсуждения вопроса о повышении эффективности ее работы. Мы считали, что таким путем можно было бы попытаться разрядить обстановку, естественно, при условии, что Ирак будет строго соблюдать все резолюции Совета Безопасности. Генеральный секретарь ООН К. Аннан на встрече с С. Лавровым поддержал нашу инициативу.

Между тем на совместном заседании Совета революционного командования и регионального руководства партии Баас⁶⁵ было принято решение немедленно выслать из Ирака граждан США, работающих в Спецкомиссии. Вслед за этим Р. Батлер эвакуировал из Ирака всех ее сотрудников, за исключением восьми человек, оставленных в багдадском Центре мониторинга.

В результате мировое сообщество опять оказалось у развилки: либо применение военной силы против Ирака, либо продолжение давления на него с целью заставить сойти с позиции, неизбежно ведущей к эскалации напряженности.

Соединенные Штаты начали интенсивную подготовку военного удара по Ираку. В Персидском заливе сосредоточивались американские авианосцы, вспомогательные суда ВМС. М. Олбрайт совершила поездку в Катар, Бахрейн, Кувейт и Саудовскую Аравию, пытаясь заручиться их поддержкой, однако безоговорочное «да» Соединенным Штатам не сказал никто. Но это, судя по всему, не считалось Вашингтоном препятствием для нанесения удара.

9 ноября, в воскресенье, президент Ельцин вылетал в Пекин. На аэродроме Внуково-2 его провожали бли-

жайшие сотрудники. Обычно такие неформальные проводы использовались для обсуждения наиболее жгучих вопросов. Естественно, что на этот раз разговор коснулся ситуации вокруг Ирака. Ельцин сказал, что очень обеспокоен.

Сопровождал президента в этой поездке и я. Летели на новом президентском самолете, который вызывал всеобщее восхищение и по своим летным качествам, и по интерьеру. Мы сидели во втором отсеке. Как только самолет набрал высоту и погасло табло, требующее находиться на местах, ко мне наклонился адъютант президента и сказал: «Борис Николаевич ждет вас у себя». Взял документы, связанные с предстоящей поездкой в Китай. Они оказались нужны, так как президент сразу же заговорил о чрезвычайной важности наших отношений с этой великой страной и предложил «сформулировать по-особенному» их перспективу. Именно в самолете при его участии была отработана формулировка «доверительные отношения, нацеленные на стратегическое партнерство в XXI веке», одобренная позже и китайским руководством.

Но разговор на этом не закончился. Я по просьбе Ельцина подробно изложил свое видение обстановки на Ближнем Востоке и сказал, что нужно предпринять экстраординарные меры для того, чтобы сбить напряженность и одновременно заставить Ирак выполнять предписания мирового сообщества, зафиксированные в резолюциях Совета Безопасности ООН. Именно здесь родилась идея направить послание Б.Н. Ельцина лидеру Ирака Саддаму Хусейну.

Из Пекина я полетел в Японию. После возвращения в Москву 15 ноября, в субботу, состоялся телефонный разговор с президентом, во время которого он подтвердил свое намерение направить послание Саддаму Хусейну и добавил, что на следующий день у него состоится разговор по телефону с Б. Клинтонем.

16 ноября дали указание нашему послу в Багдаде Н. Картузову срочно передать через одного из высших должностных лиц Ирака послание Ельцина Хусейну. Послание было коротким. В нем говорилось о критическом моменте и о том, что от Ирака зависит дальнейшее развитие событий. «Просил бы Вас не только публично подтвердить то, что Ирак не отказывается от сотрудничества со Спецкомиссией, но и предложить инспекторам Спецкомиссии вернуться в Ирак для нормального продолжения работы. Естественно, при этом имелось бы в виду возвращение их в прежнем составе», – говорилось в послании. Ельцин подчеркнул, что в случае позитивного ответа Хусейна Россия предпримет ряд шагов для того, чтобы добиться улучшения работы Спецкомиссии, а при конструктивной работе Ирака – вести дело к закрытию ядерного досье.

«Прошу Вас очень серьезно отнестись к этому посланию» – такова была его заключительная фраза.

Б. Ельцин проинформировал Б. Клинтона о своем обращении к иракскому лидеру и еще раз призвал воздержаться от применения силы. Клинтон ответил по телефону, что применение силы не является приоритетным и что он желает успеха дипломатической миссии России.

Между тем 17 ноября через Суэцкий канал по пути к Персидскому заливу проследовал американский авианосец «Дж. Вашингтон». В этот же день состоялся мой телефонный разговор с министром иностранных дел Ирака М. Сахафом. Он сказал, что после обсуждения на Совете революционного командования С. Хусейн утвердил ответ на послание Б.Н. Ельцина и этот ответ мог бы быть через несколько дней привезен в Москву.

– Почему через несколько дней? Неужели вы не понимаете, насколько остра ситуация? Пусть Тарик Азиз привезет этот ответ сразу.

– Тарик Азиз в Марокко, – сказал Сахаф. – Ему придется сначала прилететь в Амман, так как багдадский аэродром закрыт, а уже потом лететь в Москву.

Такое рассуждение выглядело по меньшей мере странным.

– Неужели Багдад не может передать информацию Т. Азизу через Рабат шифросвязью? Не говоря уже о возможности таким же образом переправить ответ в иракское посольство в Москве.

Я сказал твердо:

– Завтра Азиз должен быть здесь.

18 ноября Т. Азиз прилетел в Москву. Переговоры с ним длились два дня. Были они непростыми. Я сразу же сказал ему:

– Тарик, мы с тобой хорошо знаем обстановку, поэтому давай прямо, по существу.

Высказав претензии к работе Спецкомиссии, Т. Азиз тем не менее сначала прозрачно намекнул, а после того, как запросил Багдад, прямо заявил о согласии на возвращение Спецкомиссии в полном составе, включая американцев.

Совершенно естественно, что и Россия должна была взять на себя ряд обязательств, но не от имени постоянных членов Совета Безопасности, на что не имела никаких полномочий, и мы это хорошо понимали, а от своего имени. Среди них можно назвать обязательство России поставить вопрос о сбалансированном характере состава Спецкомиссии, особых формах инспекции на так называемых чувствительных объектах в Ираке, об использовании дополнительных самолетов. Мы договорились и о том, что после чрезвычайной сессии Спецкомиссии Россия поставит в Совете Безопасности ООН вопрос перехода от инспекций к мониторингу в ядерной и ракетной сферах, а также об ускорении работы Спецкомиссии в химической и биологической сферах. Эту деятельность Спецкомиссии должны были подкрепить научные семинары с участием иракских представителей.

19 ноября Ельцин принял Азиза в своей резиденции «Горки». Мы рассказали президенту о проделанной ра-

боте, познакомили его с проектом совместного российско-иракского заявления. Он положительно отреагировал на сообщение Азиза о том, что на следующий день, 20 ноября, в 10 часов утра со ссылкой на это заявление в Багдаде будет объявлено о решении Совета революционного командования вернуть в Ирак сотрудников Спецкомиссии в полном составе.

Тут же связался по телефону с Олбрайт, Куком и Ведрином, проинформировав их о радикальных изменениях в позиции Ирака, что вселяло надежды на позитивное развитие событий. Надо заметить, что реакция на это сообщение была неоднозначной. Больше всех был удовлетворен мининдел Франции, с которым во время подготовки дипломатической акции мы находились в тесном контакте. Олбрайт и Кук сомневались в том, что Хусейн выполнит обещания, и предлагали не только ужесточить общую позицию, но и обозначить угрозы применения силы в случае, если Багдад отступит от достигнутых договоренностей. И Ведрин, и Кук, и Олбрайт настаивали на встрече министров иностранных дел стран – постоянных членов Совета Безопасности.

Ситуация складывалась тяжелая. 19-го поздно вечером я должен был лететь в Латинскую Америку, в Бразилию, где планировалась встреча с президентом. Олбрайт, находившаяся в Дели, звонила мне в этот день несколько раз. Сказала, что готова сократить свое пребывание в Индии, чтобы организовать в Женеве в ночь на 20 ноября встречу министров США, России, Англии, Франции и посла Китая. На этом же настаивали Кук и Ведрин. В конце концов договорились о встрече в два часа ночи в Женеве на аэродроме.

Я прибыл туда раньше, и первая беседа состоялась с Ведрином. Выслушал несколько добрых советов, которые помогли, как мне кажется, снять напряженность нашего последующего «коллективного» разговора. Так как расстояние от аэропорта до отделения ООН в Женеве

было небольшим, решили провести «встречу пяти» во Дворце наций ооновского комплекса.

Такое число корреспондентов, приехавших в это ночное время из всех близлежащих стран, я видел нечасто, и все они терпеливо ждали пресс-конференции.

Точно изложил своим коллегам то, что было проделано за последние дни российской дипломатией. При этом подчеркивал, что мы рассматриваем российскую миссию как часть общих усилий мирового сообщества. Мадлен Олбрайт отвела меня в сторону и спросила:

– Евгений, не стоит ли за вашей договоренностью с Багдадом нечто иное?

– Мадлен, – ответил я, – можешь твердо считать, нет. Я тебя ни в чем не обманываю и даже не пытаюсь приукрасить положение дел.

Мы представили проект «заявления пяти». Согласовали каждое предложение. Положительную роль в достижении компромисса сыграл Р. Кук, председательствовавший на нашей встрече. После ее окончания я сказал ему, что, учитывая его несомненный талант, каждый раз будем предлагать ему председательствование на трудных дискуссиях. Он тоже, шутя, отпарировал:

– За нелегкое дело должен быть вознагражден.

– Не знаю, как в Великобритании, но у нас в России на вредных производствах выдают рабочим молоко.

Думаю, что это разъяснение не очень вдохновило Робина.

Российские участники посматривали на часы. Безбожно затягивался вылет, а ведь уже один раз пришлось перенести время встречи с руководством Бразилии. Но китайский посол должен был получить согласие Пекина на формулировки совместного заявления и без этого не мог поставить под ним свою подпись. А Олбрайт была на связи с помощником президента по национальной безопасности С. Бергером. В конце концов текст был подписан. Вот как он звучит:

«В ночь на 20 ноября в Женеве состоялась встреча министров иностранных дел Великобритании, Российской Федерации, США, Франции и представителя министра иностранных дел КНР.

Участники встречи подчеркнули важность солидарных усилий пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН в целях безусловного и полного выполнения Ираком всех соответствующих резолюций СБ ООН.

Они приветствовали дипломатическую инициативу, предпринятую Россией в контакте со всеми остальными постоянными членами Совета Безопасности, которая, как надеются участники встречи, приведет к безусловному решению руководства Ирака о возвращении персонала Спецкомиссии Совета Безопасности ООН в прежнем составе для работы на основе резолюции Совета Безопасности № 1137.

Участники встречи поддержали намерение Специальной комиссии Совета Безопасности ООН провести встречу 21 ноября в Нью-Йорке в целях обсуждения и выработки рекомендаций – среди других важных вопросов – о путях повышения эффективности работы Спецкомиссии на основе резолюций Совета Безопасности ООН. Рекомендации этой сессии будут представлены на одобрение СБ ООН».

Таким образом, одна из опаснейших страниц в кризисе вокруг Ирака была закрыта. Но, к сожалению, эта страница оказалась далеко не последней, хотя ничто, казалось, не предвещало грозowych туч.

21 ноября состоялась чрезвычайная сессия Спецкомиссии, которая приняла рекомендации по повышению эффективности своей работы (фиксация возможности перехода от инспекции к мониторингу, проблема прояснения остающихся вопросов о расширении числа стран, принимающих участие в работе Спецкомиссии, возможность использования дополнительных самолетов и др.). На следующий день возобновилась работа инспекционных групп в Ираке. Возобновились и полеты самолетов У-2.

Ирак решил допустить в президентские дворцы и «чувствительные объекты» представителей стран – членов Совета Безопасности, дабы убедить их в отсутствии там запрещенных материалов и документации. Однако при этом оговаривалось, что в состав «гостей» не могут входить члены инспекционных групп Спецкомиссии. И это вновь повело к эскалации напряженности, чреватой новой реальной возможностью удара по Ираку.

Б. Ельцин направил послания по Ираку Б. Клинтону, Т. Блэру, Г. Колю, Цзян Цзэминю и Ж. Шираку. В них подчеркивалось, что Спецкомиссия должна, безусловно, выполнять свои обязанности, но с уважением относиться к озабоченностям Ирака, связанным с обеспечением его безопасности, суверенитета и достоинства. Опять ставился вопрос о необходимости найти политическое, дипломатическое решение.

В середине декабря в Багдад вылетела делегация Спецкомиссии во главе с Батлером, который заявил, что проблему инспекции президентских объектов решить не удалось. По докладу Батлера было принято заявление председателя Совета Безопасности ООН, в котором отказ Ирака предоставить Спецкомиссии безоговорочный доступ на любые объекты квалифицировался как неприемлемый и нарушающий резолюции Совета Безопасности. Лишь только закончились рождественские каникулы, как Ирак приостановил работу инспекционной группы, объясняя это решение «несбалансированностью ее состава».

В Багдад снова вылетел Батлер, Великобритания направила в район Персидского залива авианосец «Инвинсибл», усилив формировавшуюся здесь ударную группировку. Т. Азиз назвал число (восемь) и местоположение президентских объектов, дал их описание, но отверг все предлагаемые варианты их посещения до окончания технического оценочного совещания, то есть по меньшей мере до апреля.

24 ноября Б. Клинтон одобрил план военной операции против Ирака, как писала газета «Нью-Йорк таймс». Проект под названием «Гром в пустыне» предусматривал четырехдневные круглосуточные бомбардировки иракских военных объектов с использованием самолетов и крылатых ракет.

А в это время и Батлер подсыпал пороха в огонь. В интервью «Нью-Йорк таймс» он заявил, что Ирак обладает бактериологическим оружием, способным уничтожить Тель-Авив, и средствами его доставки. Заявление Батлера разошлось по всему миру, в то время как категорическое опровержение Багдада практически замолчали.

В такой обстановке в Багдад в качестве спецпредставителя президента России прибыл заместитель министра иностранных дел Виктор Викторович Посувалюк, чтобы способствовать политической развязке возникшего кризиса, подтолкнуть иракское руководство к компромиссным решениям. Несмотря на высочайшее мастерство Посувалюка, эта задача выглядела трудновыполнимой, поскольку во время предшествовавших переговоров дворцы президента не включались в сферу инспекции. Для иракцев речь шла о чрезвычайно чувствительном вопросе – угрозе потери лица на самом высоком уровне, и они неоднократно категорически отказывались допустить инспекторов во дворцы. Со своей стороны Вашингтон был, по всей видимости, настроен на то, чтобы на этот раз нанести военный удар.

28 января я вылетел в Париж, где состоялись переговоры с Ю. Ведрином. Затем был принят президентом Ж. Шираком. Ж. Ширак заявил о готовности объединить усилия Франции и России для того, чтобы вновь добиться политического результата без применения силы.

– Господин президент, – сказал я Ж. Шираку, – мы ведь выводим из угла и самих американцев. Если они нанесут удар – резко изменится вся международная обстановка. Арабские страны выступают против этого. Сау-

довская Аравия вряд ли пропустит американские самолеты через свое воздушное пространство. Не случайно министр обороны США Коэн вылетел туда. Собирается опять побывать в регионе и Олбрайт, но не думаю, что это приведет к радикальным изменениям в позиции арабов. Знаю, что негативной линии в отношении военных акций придерживается Каир. Недавно говорил по телефону с министром иностранных дел Египта Мусой, и он прямо сказал об этом.

В случае удара по Ираку под вопрос будет поставлена американская посредническая миссия в ближневосточном мирном процессе. Недавно в Москве побывал один из палестинских руководителей Абу Мазен, отнюдь не экстремистски настроенный деятель. Пожалуй, он даже один из тех, кого причисляют к «голубям». Но и он сказал, что после военной акции США против Ирака будет затруднено американское посредничество в ближневосточном урегулировании. Соответствующим образом будут реагировать Сирия и Ливан.

Да и у нас в стране разовьются антиамериканские настроения, а в этом мы не заинтересованы.

Вчера в Брюсселе мы встретились с министрами иностранных дел стран Европейского союза, – продолжал я, – среди них совершенно не пользуются популярностью идеи силового варианта. Робин Кук тоже несколько колебался. Конечно, все осуждали Хусейна, но, повторяю, никто не поддерживал использование силы.

Ж. Ширак сказал, что разделяет такую оценку. Он согласился также и с той мыслью, что в Багдаде могут попытаться извлечь пользу в случае удара.

– По информации Посувалюка из Багдада, – подхватил я, – иракцы готовы к такому повороту событий, а может быть, даже хотят этого. Очевидно, что в этом случае они порвут свои связи со Спецкомиссией, а также прекратят выполнение соответствующих резолюций СБ ООН.

– В общем, – заключил Ж. Ширак, – очевидно, нужно довести до сведения всех членов СБ: для того, чтобы Ирак был лишен возможности производить оружие массового уничтожения, необходим контроль за его деятельностью – это бесспорно. Но для сохранения такого контроля нельзя давать основания С. Хусейну для моратория на деятельность Спецкомиссии. Хусейн отнюдь не настроен на поиск необходимых развязок, когда слышит о том, что эмбарго будет сохраняться до тех пор, пока он находится у власти.

Ж. Ширак согласился с идеей предложить следующий формат для осмотра восьми президентских объектов: Специальная комиссия в присутствии представителей пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН.

Я сказал президенту, что предусматривается встреча Посувалюка с Хусейном, которому он привез послание от Ельцина.

– Вы думаете, что Посувалюку удастся встретиться с Хусейном? – спросил Ж. Ширак.

– Да, я так думаю. Скажу больше, само послание было задумано таким образом, чтобы Посувалюк мог встретиться с ним лично. Очень важен прямой контакт с Хусейном.

Очевидно, что после разговора с Ю. Ведрином М. Олбрайт сказала мне 30 января во время нашей встречи в Мадриде:

– Согласна с тем, что политическое решение иракского кризиса пока не исчерпано.

2 февраля В. Посувалюк был принят С. Хусейном. В ходе его ежедневных контактов с иракцами была достигнута договоренность о привлечении к поискам урегулирования кризиса Генерального секретаря ООН К. Аннана – опытного политика с мировым именем.

В это время нужно было преодолеть два препятствия.

Американцы и англичане стремились провести жесткую антииракскую резолюцию в Совете Безопасности,

включающую в себя слова «material bridge», что не только констатировало «существенное нарушение» резолюции СБ Ираком, но и приближало использование против него силы. Такая резолюция могла зажечь «зеленый свет» для удара по Ираку. И в Совете Безопасности, и в посланиях, и во время многочисленных контактов по телефону с Олбрайт и Куком мы заявили о неприемлемости такой резолюции.

Вот отрывок из моего письма Олбрайт от 6 февраля:

«Согласен, что следует не останавливаться на достигнутом, а продолжить работу с Ираком для того, чтобы сделать его позицию еще более приемлемой. Готов и дальше вести эту работу в тесном контакте с тобой.

Вместе с тем – я буду абсолютно откровенен – мы не можем поддержать резолюцию с формулировкой “существенное нарушение”. Мне кажется, что вообще идея принятия резолюции – какой бы то ни было – в период, когда продолжаются дипломатические усилия, контрпродуктивна. Что касается угрозы применения силы, то Хусейн знает о ней и без резолюции.

Мы продолжаем вести активную работу с руководством Ирака. Посувалюк для этого будет находиться в Багдаде».

Вторым осложняющим моментом была попытка сорвать миссию К. Аннана, а затем, когда не удалось помешать этой поездке, превратить его в своеобразного «почтальона», задача которого заключалась в «технической» передаче ультимативных требований подчиниться всем резолюциям ООН.

В этой связи особо хочу остановиться на совместном заявлении Б.Н. Ельцина и премьер-министра Италии Р. Проди в пользу политического урегулирования и подключения дипломатических усилий К. Аннана, которое было опубликовано во время официального визита президента России в Италию 10 февраля. Бывший министр иностранных дел Италии С. Аньелли, ознакомившись с заявлением, подошла ко мне и сказала:

– Будь я министром иностранных дел, никогда не пропустила бы его.

– Почему, Съюзен? – спросил я.

– Потому что оно противоречит линии удара по Ираку. Надо наказать Саддама за все, что он сделал.

К счастью, министром иностранных дел в то время был уже Л. Дини, а премьер-министром Р. Проди. Несмотря на возражения некоторых чиновников итальянского МИДа, премьер-министр распорядился считать с трудом согласованный текст окончательным. Это был серьезный прорыв, который во многом способствовал поездке К. Аннана.

Но американцы продолжали сопротивляться.

Во время телефонного разговора 12 февраля Олбрайт сказала мне:

– Я считаю, что Аннану еще рано ехать в Багдад. До тех пор пока Ирак не будет готов сотрудничать, поездка будет контрпродуктивной. Надо отложить его поездку до тех пор, пока мы не будем убеждены в том, что реально достигнуто действительное решение.

– У меня есть полная уверенность, – ответил я, – в том, что, если Генеральный секретарь поедет в Багдад со своим планом, который может быть обсужден, несколько видоизменен к пользе сторон, документ будет принят. Надо добиться ясности по всем пунктам, по которым существуют хоть какие-нибудь сомнения, в этом с тобой согласен. Сегодня Посувалюк опять встречался в Багдаде с Азизом и сказал ему от имени руководства нашей страны, что поездка К. Аннана должна увенчаться успехом – другого выхода из нынешней ситуации мы не видим.

Не буду говорить о всех дальнейших перипетиях.

Однако об основных элементах проделанной работы скажу. В. Посувалюк согласовал в общих чертах с Т. Азизом формат проведения осмотра восьми президентских объектов. Проект не предусматривал отстранения Спецкомиссии или Батлера и содержал в себе все те элементы,

которые необходимы для инспекции. Иракцы пошли на серьезные уступки. Мы убеждали их, что, если дело дойдет до силового варианта, при любых обстоятельствах будет перечеркнут тот позитив, который был наработан за все предшествовавшие переговоры.

Усиливал активность и К. Аннан. Пройдя через встречу в Совете Безопасности с «большой пятеркой», он получил подтверждение Батлера о том, что предложенные Генеральным секретарем «наброски идей» модальности осмотра президентских объектов обеспечивают эффективность работы Спецкомиссии без ущерба ее мандату и авторитету.

19 февраля Хусейну вручили новое послание Ельцина с призывом приложить максимум усилий и обеспечить успех миссии Генсекретаря ООН, который по дороге в Багдад провел переговоры с президентом Франции Ж. Шираком в Париже.

21 февраля в Багдаде состоялась встреча К. Аннана с С. Хусейном. По ходу переговоров Генсекретарь неоднократно общался с В. Посувалюком, который, в свою очередь, связывался с Т. Азизом и другими представителями иракского руководства.

23 февраля К. Аннан и Т. Азиз подписали Меморандум о взаимопонимании. Ирак подтвердил свои обязательства о сотрудничестве со Спецкомиссией и дал согласие на проведение полномочной инспекционной деятельности по всей стране. Допуск на восемь президентских объектов обеспечивался для «специальной группы», формируемой Генеральным секретарем ООН в консультации с председателем СК и генеральным директором МАГАТЭ⁶⁶. Одновременно отмечалась необходимость повышения эффективности и транспарентности работы Спецкомиссии и подтверждались ее обязательства уважать права Ирака, касающиеся его суверенитета, территориальной целостности и национальной безопасности.

С. Хусейн передал глубокую благодарность президенту России за его внимание и последовательную позицию в дипломатической развязке кризиса. Аналогичная благодарность была направлена в адрес президента и К. Аннаном, который позвонил мне ночью из Багдада на квартиру и сказал по-русски два слова: «Спасибо, Россия».

Можно ли на этом поставить точку? К сожалению, нет. 5 августа Багдад вновь ограничил деятельность Спецкомиссии. Какие бы мотивы при этом ни излагались, одностороннее решение Ирака вновь накалило обстановку и опять столкнулись две линии: одна – на то, чтобы заставить, именно заставить общими усилиями Багдад невоенными средствами выполнить резолюции Совета Безопасности ООН; вторая – подготовка и применение против Багдада военной силы.

Безусловно, проявилась и проявляется общая заинтересованность в том, чтобы Ирак выполнил разоруженческие резолюции Совета Безопасности и ликвидировал оружие массового уничтожения. Однако к этой цели можно идти по-разному. Россия стоит за то, чтобы осуществлять это последовательно, шаг за шагом. По мере исчерпания вопросов к иракской стороне и удовлетворительных ответов, полученных на эти вопросы, переходить по каждому разоруженческому досье от стадии инспекций к постоянному мониторингу. Скажем, «созрели» для такого перевода ядерное и ракетное досье – их следует выводить из-под режима инспекции, одновременно сосредоточиваясь на оставшихся досье по другим видам ОМУ – химическому и биологическому.

Такая тактика, как мы считаем, показывает, что происходит движение, открывающее перспективы отмены санкций с экспорта иракской нефти. Это подтолкнет Багдад к конструктивному сотрудничеству.

Другая точка зрения заключается в том, чтобы дотянуть до того момента, когда созреют условия для постоянного мониторинга по всем четырем разоруженческим

досье, вместе взятым. Эта тактика чревата осложнениями, ведь Ирак не получает должного стимула. Более того, события показали, что это провоцирует такие импульсивные, малопродуманные действия Багдада, как отказ от сотрудничества со Спецкомиссией и даже с представителями МАГАТЭ, пока они не выполнят ультимативные требования иракской стороны.

Некоторые наши западные партнеры считали, будто ставка на сбалансированное политико-дипломатическое решение будет использоваться Ираком для ужесточения его позиции. В Багдаде, однако, хорошо понимали, что в таком случае он объединяет против себя всех постоянных членов Совета Безопасности. И если Багдад все-таки шел на необоснованное обострение, то он лишь проигрывал в конечном счете. К такому выводу тоже неизбежно приходили в Багдаде.

Очередной кризис вокруг Ирака – и не менее опасный, чем два предыдущих, – возник в самом конце октября 1998 года. 30 октября Совет Безопасности одобрил предложение Генерального секретаря ООН о проведении обзора выполнения Ираком резолюций СБ. Основные параметры такого обзора были согласованы с иракской стороной. К этому времени я уже был Председателем Правительства, работал в Белом доме, а министром иностранных дел стал И.С. Иванов. Я продолжал внимательно следить за событиями, и мы с Ивановым не раз обсуждали ситуацию вокруг Ирака.

Мы оба считали, что проведение такого обзора при условии отмены Багдадом своего решения о существенном ограничении деятельности Спецкомиссии ООН по разоружению Ирака позволило бы не только обсудить выполнение иракских обязательств, но и наметить вехи на пути к снятию санкций. Особое значение придавалось тому, что в письме председателя Совета Безопасности Генеральному секретарю ООН подчеркивалось: выполнение Ираком обязательств по соответствующим резо-

людям позволит Совету «осуществить свое намерение действовать согласно соответствующим положениям резолюции № 687 в отношении длительности запретов, которые упомянуты в этой резолюции».

Однако вместо отмены решения от 5 августа иракское руководство 31 октября объявило о полном прекращении деятельности Спецкомиссии ООН на иракской территории. Иракцы сослались на то, что под давлением англосаксов Совет якобы отверг возможность снятия санкций. Несмотря на то что мы через наше посольство в Багдаде и через нашего представителя в ООН находились в повседневной связи с иракским руководством, нас не уведомили о том, что готовится это решение. Такие «сальто-мортале» вообще в практике Багдада, и я неоднократно говорил Тарику Азизу о неприемлемости подобных неожиданных шагов, тем более если иракское руководство исходит из того, что Россия будет в дальнейшем прилагать все силы, чтобы в очередной раз разрядить обстановку.

Совет Безопасности в заявлении председателя для печати незамедлительно отреагировал на возникшую ситуацию единогласно, включая Россию, Китай и Францию, осудив шаг Ирака и квалифицировав его как нарушение резолюции Совета.

31 октября через нашего посла в Багдаде мы довели до иракского руководства нашу глубокую озабоченность и призвали взвесить все тяжелые последствия принятого решения. Вместе с тем началась кропотливая интенсивная работа с целью удержать ситуацию в политико-дипломатическом русле. МИД России имел контакты с ведущими членами Совета Безопасности, в том числе США, Францией, Китаем, Великобританией, а также арабскими странами, Лигой арабских государств, Бразилией, ЮАР, возглавляющей Движение неприсоединения, и другими.

5 ноября единогласно была принята резолюция Совета Безопасности № 1205, в которой осуждалось решение

Ирака, квалифицированное как вопиющее нарушение резолюций СБ. Потребовав от Ирака немедленно и безоговорочно отменить решения от 5 августа и 31 октября, Совет подтвердил свою готовность провести после этого всеобъемлющий обзор выполнения Ираком его обязательств.

США заявили, что все варианты, в том числе силовой, остаются открытыми, и начали практическую подготовку для нанесения ударов по Ираку. По нашим данным, удар намечался на 14 ноября.

13 ноября С. Хусейну было передано личное послание Б.Н. Ельцина, сопровождаемое моим обращением с настойчивыми призывами немедленно восстановить в полной мере сотрудничество со Спецкомиссией ООН и МАГАТЭ. В этот же день иракцы передали российской стороне, а также Франции и Китаю так называемые «девять пунктов», в которых содержались явно запросные условия относительно целей и параметров всеобъемлющего обзора.

Мы сообщили в Багдад, что нельзя поднимать «планку» требований. Одновременно опять большую активность развил российский представитель в ООН С. Лавров, дено и ночью поддерживающий связь со своими коллегами, Генеральным секретарем ООН и, конечно, со Смоленской площадью в Москве. 13 ноября К. Аннан направил письмо С. Хусейну, призывая возобновить сотрудничество со Спецкомиссией, что позволило бы провести всеобъемлющий обзор, который при условии сотрудничества иракцев показал бы им «свет в конце тоннеля».

Министр иностранных дел Иванов в это время находился в Куала-Лумпуре, где состоялась его встреча с М. Олбрайт. Туда же 16-го должен был вылететь и я для участия в заседании глав государств и правительств Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) – после долгих мытарств и дипломатических усилий Россию приняли в эту организацию. Перед встре-

чей Иванова с Олбрайт я переговорил с ним по телефону, сказав, что в случае американской военной акции против Ирака не поеду в Куала-Лумпур, где на 17 ноября уже был запланирован мой длительный разговор с президентом Клинтоном, а потом, когда из-за событий вокруг Ирака он отменил свою поездку, с вице-президентом Гором.

После встречи с М. Олбрайт Игорь Сергеевич сообщил мне, что у него сложилось впечатление, что американский удар еще не стоит в повестке дня. Во всяком случае, по его мнению, Олбрайт не принадлежала к тем, кто настаивал на военном решении. Возможно, она лучше других понимала всю тяжесть последствий: против военного решения выступали страны Европейского союза, даже Лондон колебался, только что усилиями главным образом американской дипломатии была достигнута в Вашингтоне важная израильско-палестинская договоренность, продвинувшая процесс мирного урегулирования, но еще далеко его не закрепившая, не сделавшая его необратимым, весь арабский мир фактически был категорически против применения военной силы.

Наконец появились признаки благоразумия и со стороны Багдада. 14 ноября после заседания иракского руководства Т. Азиз направил послание на имя К. Аннана, в котором заявил о решении Ирака «возобновить нормальное сотрудничество со Спецкомиссией ООН и МАГАТЭ и разрешить им осуществлять их нормальную деятельность согласно соответствующим резолюциям Совета Безопасности ООН» и на основе Меморандума о взаимопонимании, заключенного с Генеральным секретарем ООН 23 февраля 1998 года. В письме отмечалось, что это решение было принято с учетом «посланий Б. Ельцина и Е. Примакова». Вместе с тем в письме Т. Азиза отмечалось, что для проведения обзора необходимо опираться на те основные моменты, о которых иракская сторона информировала Россию, Францию и Китай 13 ноября.

Иракское решение было позитивно расценено многими членами Совета Безопасности, однако американцы заявили о его неприемлемости, поскольку оно «сопровождается рядом условий».

Положение явно обострялось. Виктор Посувалюк позвонил мне в три часа ночи. После этого всю ночь шли переговоры по телефону с Багдадом, Нью-Йорком, Куала-Лумпуром, где еще находился Иванов. Я дал твердые указания Виктору Викторовичу обратиться к иракскому руководству и сказать, что есть предел нашей поддержке. Одновременно я попросил Посувалюка дать соответствующие указания Лаврову, чтобы он учел любой положительный сигнал из Багдада. Это была бессонная ночь.

15 ноября Багдад выступил с официальными разъяснениями, в том числе в письме постпреда Ирака в ООН председателю СБ, о том, что иракские пожелания о параметрах всеобъемлющего обзора не связаны с «ясным и безусловным решением» иракского правительства возобновить сотрудничество с СК и МАГАТЭ.

15 ноября президент Б. Клинтон, к нашему общему удовлетворению, заявил, что удалось добиться безусловного подчинения Ирака требованиям международного сообщества. Он сообщил, что США и Великобритания уже отдали приказ нанести удары по Ираку 14 ноября, которые, однако, в самый последний момент были отложены в связи с согласием Багдада на возобновление сотрудничества со Спецкомиссией. Б. Клинтон сказал, что «хотя Ирак отступил, этого недостаточно». Он потребовал от Багдада на деле доказать, что тот выполняет свои обязательства, не допускать «вмешательства» в работу Спецкомиссии и МАГАТЭ. Обосновывая свое решение об отказе от ударов, Клинтон заявил, что «военная акция позволила бы существенно уменьшить способности С. Хусейна развивать ОМУ», однако такой вариант означал бы «конец Спецкомиссии».

Неужели это была лишь оговорка и через месяц, нанеся серии ударов по Ираку – на этот раз без видимых и, уж во всяком случае, достаточных причин для такой реакции, – США и последовавшая за ними Великобритания полностью проигнорировали последствия такой акции?

Опять бессонная ночь на 16 декабря – звонки по спецкоммутатору от президента Ельцина, телефонные переговоры с И.С. Ивановым, который находился в Мадриде, начальником Генштаба Вооруженных сил России А.В. Квашниным. Все это началось за несколько часов до удара и продолжалось в то время, когда «томагавки», запущенные с американских кораблей, уже рвались в Багдаде.

Вашингтон не проинформировал нас о часе «X», но Генштаб России фиксировал все перемещения американских военно-морских сил и авиации, и Ельцин ночью позвонил Шираку в надежде уговорить американцев не идти на столь опрометчивый шаг. Французский президент согласился с тем, что удар по Ираку без видимых причин, да еще в тот момент, когда в Нью-Йорке проходило заседание Совета Безопасности ООН, созванное по вопросу об отношениях Ирака со Спецкомиссией, абсолютно контрпродуктивен. Вместе с тем Ширак сказал, что остановить американцев не сможет. По его словам, удар был намечен на 4 часа в переводе на московское время. Крылатые ракеты и самонаводящиеся бомбы начали взрываться в Багдаде почти на три часа раньше.

Оценивая обстановку в ООН, наш представитель Лавров обратил внимание на то, что американцы в Совете Безопасности не могли привести ни одного довода в пользу своего решения. Они ссылались на непонятно какой доклад Батлера, которому, как выяснилось позже, было в конечном счете дано указание из Вашингтона немедленно вывезти из Ирака членов Спецкомиссии. О том, что представляет собой Батлер, я писал выше по следам моей встречи с ним в то время, когда был мини-

стром иностранных дел. За две недели до удара по Ираку (американские любители кодовых наименований при-своили этой операции «титул» – «Лиса в пустыне») Батлер посетил Москву и, как мне рассказывал наш министр иностранных дел, уверял, что может сразу после предстоящего расширенного обсуждения на заседании Совета Безопасности закрыть три из четырех разоруженческих досье по Ираку – ядерное, ракетное и химическое. Он демонстрировал свой оптимизм во время встреч с российскими дипломатами. А затем?

Через несколько дней после ударов по Ираку, завершившихся (или приостановленных?) 19 декабря с началом мусульманского священного праздника Рамадан, по британскому радио выступил американский эксперт в области разоружения С. Риттер, который до августа 1998 года входил в состав руководства Спецкомиссии. Он обвинил администрацию США и лично Батлера в преднамеренном провоцировании вооруженного нападения на Ирак. Характеризуя в целом работу Спецкомиссии, С. Риттер заявил, что объекты для инспекции в Ираке выбирались не по соображениям их проверки на наличие оружия, а скорее в провокационных целях. По словам Риттера, от Ирака ждали соответствующей реакции, чтобы можно было создать повод для военной акции. Именно Батлер «позволил Соединенным Штатам манипулировать работой ЮНСКОМ (Спецкомиссией. – *Е.П.*) в интересах оправдания удара с воздуха».

Многие в США и в других странах считали, что администрация Клинтона, принявшая решение об ударе по Ираку, руководствовалась чисто внутривластными соображениями – через два дня предстояло голосование в палате представителей конгресса США по импичменту президенту. Трудно с достаточной степенью уверенности принять такую версию. Думаю, что у Б. Клинтона много надежных и опытных аналитиков, способных просчитать и сопоставить плюсы и минусы приказа перед голосо-

нием по импичменту о начале операции, которую, по сути дела, поддержали лишь Лондон (на деле) и Токио (на словах), а все остальные выступили – кто более мягко, кто более резко – против. Голосование в конгрессе было отложено лишь на несколько дней и состоялось не в пользу президента. Неужели такой итог был неожиданным для тех, кто подталкивал Б. Клинтона к военному удару по Ираку?

Между тем удары подорвали с таким трудом отлаживавшийся процесс ликвидации политическим путем оружия массового уничтожения в этой стране. Получился «заколдованный круг»: для оправдания своей военной акции Вашингтон заявил, что они нанесли огромный ущерб способности Ирака создавать ОМУ, чуть ли не сорвали самую эту возможность на ближайшую перспективу. Но, следуя этой логике, нужно незамедлительно снимать санкции против Ирака, связанные с разоруженческим досье. А как быть со Спецкомиссией, с начавшей действовать системой мониторинга?

Если в Вашингтоне надеялись, что военные удары ослабят режим С. Хусейна, то вышло все наоборот – Багдад получил дополнительную поддержку и в арабском мире.

Удары по Ираку сорвали намеченную на 25 декабря ратификацию Договора СНВ-2 в Госдуме. Возглавляемое мною правительство сделало все для того, чтобы ратификация, которая должна была открыть путь для дальнейшего сокращения стратегических вооружений, состоялась. Были проведены переговоры с соответствующими комитетами Госдумы, партийными фракциями, депутатами, и появились реальные основания считать, что обсуждение в парламенте завершится успехом. После военных ударов по Ираку правительство не могло настаивать на ратификации, так как нас ждала стопроцентная неудача.

Конечно, к вопросу о ратификации Госдумой Договора СНВ-2 мы вернемся – это и в интересах России, – но ведь

труднейшая задача с учетом определенного настроя общественного мнения в нашей стране была практически уже предпрешена.

Может быть, исходили из того, что Россия, испытывающая серьезные экономические трудности и заинтересованная в финансовой поддержке тех международных организаций, в которых тон задает Вашингтон, отбросит свою принципиальную позицию? Таким прогнозам не суждено сбыться. Мы далеки от мысли отказываться от необходимости развивать свои отношения с США, понимая их значение и для России, и для стабильности мира в целом, но не принося при этом в жертву принципиальные вопросы построения международных отношений в XXI веке.

В этой связи я хотел бы привести выдержки из записи моего телефонного разговора с вице-президентом США А. Гором. Он мне позвонил поздно вечером 17 декабря 1998 года.

Примаков. Ал, я буду с вами совершенно откровенен, вы делаете огромную ошибку, нанося удары по Ираку в обход СБ ООН. Я знаю, что сейчас начнется вторая волна удара. Вы должны понимать, что такая политика очень опасна.

Гор. Евгений, главное, чего мы хотели бы избежать – это того, чтобы ситуация вокруг Ирака не испортила бы наши отношения с Россией. Вы должны понимать, что эти отношения очень важны для нас. Наш с вами разговор в Куала-Лумпуре произвел на меня очень хорошее впечатление. Полагаю, что у нас с вами сложились отношения взаимного уважения и доверия. Это позволяет мне надеяться, что отношения между нами и между нашими странами смогут выдержать тот вызов, который нам бросает Ирак, руководство которого стремится нас поссорить.

Я знаю, что у министра иностранных дел Иванова состоялся очень трудный разговор с госсекретарем Ол-

брайт. Как информировал наш посол в Москве Коллинз, сегодня заместитель министра иностранных дел Мамедов предупреждал его, что многие, важные для наших отношений, вопросы находятся сейчас под угрозой.

Я хочу, чтобы вы понимали: США сделали то, о чем давно предупреждали. В ноябре, когда Саддам Хусейн отказывался сотрудничать со Спецкомиссией ООН, мы позволили себя убедить, что надо дать ему последний шанс. Но и тогда мы предупреждали, что, если Хусейн нарушит свои обещания, мы будем действовать. При этом, как неоднократно заявлял наш президент, у нас есть все необходимые решения СБ для того, чтобы действовать немедленно. Приняв решение о нанесении удара, мы должны были использовать преимущества неожиданности и поэтому не могли никого предупредить заранее, за исключением самого узкого круга стран, непосредственно задействованных в подготовке и осуществлении ударов.

Примаков. Я также очень хорошо вспоминаю нашу встречу в Куала-Лумпуре. Я разделяю ваше мнение о том, что у нас сложились теплые отношения.

Со всей откровенностью хочу вам сказать о моем видении происходящего. Вы ссылаетесь на ситуацию с Ираком в ноябре. Тогда у вас, может быть, было какое-то основание для острой реакции, такие основания были и в августе. В тот момент, однако, мы действовали вместе, и это позволило всем нам с успехом выйти на оптимальное решение – политическое урегулирование.

Воспринимать доклад Батлера всерьез было бы по меньшей мере наивным. Несколько дней назад в Москве он говорил совсем о другом, делал противоположные выводы о ситуации в Ираке. Он – необъективный человек и действует на основании указаний. То, что вы сейчас делаете, к сожалению, ставит под угрозу все, что было достигнуто в иракском урегулировании в предшествующие годы.

Гор. Хочу сразу сказать по поводу Батлера. Мы не знали, что он готовит, что будет в окончательном тексте его доклада. Никто в Вашингтоне не знал, пока мы не получили текст. Батлер заявил Совету Безопасности, что Ирак не выполняет свои обязательства, что Спецкомиссия не может выполнить свои обязанности. Как мы могли иначе реагировать на подобное заявление?

Я знаю о ваших серьезных усилиях, направленных на то, чтобы добиться от Ирака выполнения его обязательств. Но Саддам не стал их выполнять. В результате, если бы мы не начали действовать немедленно, все режимы контроля развалились на наших глазах.

Примаков. Ваши слова могли бы звучать убедительно, но не для нас. У нас есть информация, что вы заранее готовились к нанесению этих ударов. Этого бы не было, если бы выводы Батлера были для вас неожиданными.

Могу констатировать, что ваши действия нанесли серьезный ущерб тем в России, кто хочет иметь хорошие отношения с США.

Уверен, что вы знаете, какая у нас реакция на удары по Ираку. Кому это нужно?

Надо подумать, как нам всем из этого положения выходить. Первое, что для этого необходимо, – это прекратить удары по Ираку. Во-вторых, следует перевести ситуацию в плоскость политических обсуждений в Совете Безопасности ООН. При этом должно быть ясно, что Батлер теперь стал для всех персоной нон-грата. Это совершенно понятно. Необходимо искать выход, иначе ущерб будет невосполнимым.

Наши представители не поехали, просто не могли поехать на очередное заседание СПС Россия–НАТО. А сколько мы добивались его создания?

Ваши действия подрывают всю систему международных отношений, сложившуюся после Второй мировой войны. Даже во времена холодной войны не было такого игнорирования полномочий Совета Безопасности.

Гор. Сразу возражу по последнему вопросу. Мы уверены, что Совет Безопасности дал нам все полномочия, необходимые для использования силы. Мы не считаем, что своими действиями создаем прецедент для игнорирования решений Совета Безопасности.

Я полагаю, что наши две страны должны найти путь для того, чтобы улучшить отношения, не допустить ситуацию, при которой события вокруг Ирака привели бы к их ухудшению. Мы с вами должны предпринимать все для того, чтобы свести к минимуму ущерб для наших отношений.

Готов ответить и на другой ваш вопрос. Вы сказали, что мы заранее готовились к операции. Да, мы были готовы. Мы были готовы уже с ноября. Тогда мы заявили, что даем Саддаму последний шанс и будем готовы к нанесению удара в любую минуту, если он не выполнит своих обязательств. Мы были готовы больше шести недель. Мы ждали доклада Батлера. Наш президент не принимал никаких решений об активных действиях до того, как Батлер его представил. Наши действия основаны на выводах Батлера, который заявил, что С. Хусейн не выполняет своих обязательств и что Спецкомиссия не способна выполнить свой мандат. Мы должны были действовать, чтобы не допустить худшего.

Вновь повторю, что наши отношения с Россией остаются для нас важнейшим приоритетом.

Примаков. Согласен, что наши отношения важны и для наших народов, и для всего мира. Но мяч сейчас на вашей стороне поля. От вас сейчас зависит их дальнейшее развитие.

Мы должны сделать все для улучшения наших отношений, но мы не сможем сделать шаг вам навстречу, пока продолжаются удары по Ираку.

Боюсь, что вы не до конца понимаете, какая реакция в Москве – у нашего президента, не говоря уже о Думе, – на последние события. Боюсь, что вы ее недооцениваете.

Вашими ударами вы ничего не добьетесь. Я прочитал ваше интервью Си-эн-эн. Вы там не ставите своей целью свержение С. Хусейна.

Гор. Что вас не устраивает в моем интервью?

Примаков. Дело не в вашем интервью, меня не устраивает то, что вы бьете по Ираку! Силой свергнуть кого-то невозможно. Это не политика конца XX, тем более XXI века.

Вы не можете действовать по своему усмотрению против любой страны. К чему это приведет? Именно такой подход и ведет ко всеобщей дестабилизации. Вы заявляете, что хотите ликвидации ОМУ в Ираке. Неужели вы полагаете, что в результате ваших ударов улучшатся условия для работы Спецкомиссии? Мы с огромным трудом добились проведения мониторинга в Ираке. Вы уверены, что мониторинг сохранится? У нас с вами единая цель – добиться ликвидации ОМУ в Ираке. Поймите, ваши удары не способствуют достижению этой цели.

Гор. Мы уже согласились с вами в том, что у нас разный подход к этой ситуации. Тем не менее не соглашусь с вашим заявлением, что США считают, что имеют право по собственному усмотрению прибегать к силе. В этом я вижу наше главное расхождение. Мы глубоко убеждены, что действуем в соответствии с мандатом Совета Безопасности ООН. Мы об этом неоднократно заявляли.

Примаков. С этой вашей позицией не согласна не только Россия, но и Китай, Франция, Бразилия, Коста-Рика, другие страны. Все они считают, что должны были быть другие резолюции, которые позволили бы вам наносить удары по Ираку.

Гор. Мы будем поддерживать с вами контакт. Хочу, чтобы вы понимали, что мы совершенно искренне считаем, что у нас есть все основания для наших действий...

В конце разговора договорились, что контакты между нами будут продолжены.

В прицеле Косово

В 1996 году я говорил президенту Слободану Милошевичу: «Обратите внимание на Косово, там складывается взрывная ситуация, с которой будет трудно справиться». Уверен, что был не одинок в этом выводе. Президента Сербии многие предупреждали о потенциальной косовской угрозе.

Он эту угрозу не замечал или просто от предупреждений отмахивался. Может быть, несколько вскружило голову заигрывание с Милошевичем в то время американцев, понимавших, что без него никто не смог бы произвести на белый свет Дейтонские соглашения, положившие конец войне в Боснии и Герцеговине. Милошевич вполне мог почувствовать себя всемогущим политиком и потому, что ему практически никто не мог противостоять ни в Сербии, ни в Югославии в целом. Одним словом, Косово его тогда не очень беспокоило.

Однако положение дел в Косове накалялось.

Сначала немного истории.

Когда в начале 90-х годов уполовинилась послевоенная Югославия отделением от нее Хорватии, Словении, Македонии, Боснии и Герцеговины, мировое сообщество, и, к сожалению, в том числе Россия, как-то сразу, без особого напряжения и опасений за будущее не просто признало, но и приветствовало все это. Между тем нож раздела расчленил на части народы. Межэтническая чересполосица стала основой кровавых конфликтов. Особенно остро это проявилось в масштабных военных действиях между сербами и хорватами и в начавшейся войне между сербами, хорватами и босняками в Боснии и Герцеговине, так как эти три народности – даже не знаю, правильно ли так их называть – имеют практически общий язык, общие этнические корни. Вначале их разделяла только религия: сербы – православные, хор-

ваты – католики, босняки – мусульмане. После размежевания опять-таки религиозные различия затронули образ жизни. Но какие жестокие формы приняла война между ними, какие незаживающие раны нанесла, какое огромное число людей покинули свои родные очаги, сколько человеческих судеб было сломано!

С огромным трудом удалось замирить стороны в Боснии. На основе Дейтонских соглашений и действий международных сил, в которые вошла и российская бригада, удалось удержать прекращение огня, повести дело к выборам в органы власти, начать создавать их структуры как в Республике Сербской, в хорватско-мусульманской федерации, так и на уровне, объединяющем эти два государственных образования в Боснии в единое целое. Еще далеко до завершения этого процесса, точно так же, как и до возвращения беженцев. Но постепенно положение начало стабилизироваться. Постепенно, хотя и неспешно, нормализуются отношения и между Белградом и Загребом, Белградом и Любляной.

Но в Косове ситуация развивалась по-другому. Конфликт сначала тлел, а потом запылал. Еще во времена Иосипа Броз Тито Косово с его преимущественно албанским населением было в составе Югославии. Вместе с тем по Конституции СФРЮ 1974 года автономный край Косово обладал широкими правами – прямым представительством в руководящих структурах федерации, правом вето на изменение федеральной конституции и другими, имел собственные парламент, правительство, конституционный суд.

После расчленения Югославии положение начало быстро меняться и в отношении Косова.

В июле 1990 года краевой парламент одобрил так называемую Конституционную декларацию, провозгласившую Косово равноправным субъектом новой югославской федерации. Однако в том же июле 1990 года Скупщина Сербии, которая стала играть главную роль

в новой Югославии, приняла специальные законы, упразднившие косовские парламент и правительство. В Косове был введен так называемый режим особого управления. Руководство краем перешло в руки Особой дирекции во главе с заместителем председателя правительства Сербии.

Дальше события там развивались как бы параллельно. В сентябре 1990 года новая Конституция Сербии значительно урезала права края, но сохранила за ним статус автономии.

В ответ в 1990 году созданная албанцами края так называемая скупщина (парламент) Косова приняла декларацию о независимости, а также Конституцию самопровозглашенной Республики Косово. В мае 1992 года состоялись «выборы президента» и «парламента» так называемой Республики Косово. «Президентом» стал И. Ругова – лидер ведущей партии косовских албанцев Демократического союза Косова.

В крае Косово и Метохия, который сербы считают историческим центром своей государственности и духовности (еще в XII веке там были основаны древнейшие сербские монастыри) и не без основания доказывают, что албанцы превратились в большинство населения лишь в результате насильственных действий сначала в течение пяти веков турецкого владычества, а затем во время Второй мировой войны, практически сложилось двоевластие. Белград признавал свои властные структуры. Приштина отказывалась им подчиняться и создавала свои органы власти. Но Ругова придерживался умеренной линии. Албанский экстремизм еще был в зародыше. Югославская или, точнее, сербская полиция, по сути, контролировала ситуацию, и Милошевич, как уже говорилось, отвергал предостережения о возможности взрыва.

Но рядом – Албания, и албанцев в Косове от албанцев в соседней стране отделяет лишь линия государственной границы, которая далеко не везде «на замке». Когда я в

1957 году сопровождал в качестве корреспондента Московского радио (не знаю, по каким соображениям направили в эту командировку меня – главного редактора вещания на арабские страны; может быть, кто-то подумал, что Албания – одна из этих стран) Н.С. Хрущева в Тирану, нам показали памятник Сталину и объяснили, что албанцы чтут его, так как он спас независимость Албании от посягательств Тито. Тот действительно готовил присоединение Албании к Косову, а ультимативное предупреждение Сталина остановило уже подготовленную операцию.

Теперь некоторые вынашивали планы великой Албании, но в противоположном варианте – присоединение Косова к Албании. Собственно, в первой половине 90-х годов таких было не так уж много. Ругова, например, вначале не помышлял об отделении от Югославии и тем более о присоединении к Албании. Дело в том, что уровень жизни в Косове был намного выше, чем в соседнем государстве. Однако нежелание Белграда серьезно заняться косовской проблемой, надежда на то, что все само собой образуется, объективно усиливали позиции албанских сепаратистов, которые начали применять против сербских властей и полиции террористические методы. Кстати, на первых порах, о чем я писал выше, те же американцы считали так называемую Освободительную армию Косова (ОАК) террористической организацией.

Но постепенно отношение Запада к происходящему в Косове стало меняться. Вначале роль первой скрипки здесь сыграла Германия, которая действительно была встревожена быстрым ростом числа албанских эмигрантов, в том числе из Косова, где участились вооруженные столкновения, а так как албанские боевики притаились в своих селах, то страдать начало и мирное население. Не самым умным образом вели себя и сербские полицейские, в ряде случаев «зачищавшие местность».

В это время расшаталась донельзя ситуация в самой Албании, и в результате потоком пошли добровольцы и вооружения на помощь «братьям» в Косове. Метаморфоза произошла и во взглядах Тираны. Во время сессии Генеральной ассамблеи ООН я встречался в Нью-Йорке с министром иностранных дел Албании, который, отвечая на мой вопрос, твердо заявил, что его страна рассматривает возможность решения косовской проблемы лишь в рамках и границах Югославии. Вскоре албанские лидеры от такой позиции отошли, несмотря даже на то, что ни США и ни одна из европейских стран не высказались, во всяком случае открыто, за отделение Косова от Югославии.

Еще во время развала СФРЮ и в разгар боевых действий на ее территории была создана так называемая контактная группа, в которую вошли Россия, США, ряд ведущих европейских стран. 24 сентября 1997 года в рамках 52-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН состоялось заседание этой группы на уровне министров иностранных дел, в котором принял участие и я. Здесь впервые Клаус Кинкель предложил принять отдельное заявление по Косову. Мы поработали над текстом. Он в конце концов обрел достаточно объективный характер. Было единогласно принято заявление, в котором выражалась тревога в связи с возможным развитием событий, содержался призыв к примирению и обращение к Белграду, который нес ответственность за безопасность в крае. Мы голосовали за эту резолюцию, так как она исходила из того, что косовская проблема – внутренняя для Югославии, и выражала лишь озабоченность в связи с неурегулированностью положения.

Свою позицию, которая в основном состоит из трех элементов, Россия последовательно отстаивала на всем протяжении кризиса: во-первых, Косово – внутреннее дело Югославии; во-вторых, о выходе края из состава Югославии не может быть и речи; в-третьих, необходимо

прекращение враждебных действий и начало переговоров о статусе Косова в Югославии.

Такая точка зрения была отражена в итоговом документе Совета по выполнению мирного соглашения по Боснии и Герцеговине на заседании, состоявшемся 9–10 декабря 1997 года в Бонне. Обеспокоенный обострением этнической напряженности в Косове, Совет призвал стороны воздержаться от действий, которые могли бы усугубить существующие трудности, и приложить все усилия для поиска взаимоприемлемых решений путем ответственного диалога.

Между тем в конце февраля 1998 года произошло резкое обострение ситуации в крае. Поводом послужило нападение группы террористов из так называемой Освободительной армии Косова на сербский полицейский патруль. Эта акция, а также ответные действия спецподразделений полиции привели к человеческим жертвам с обеих сторон. С этого времени в Косове не прекращались различного рода столкновения.

В таких условиях 9 марта 1998 года в Лондоне состоялось заседание контактной группы. США, Великобритания, ряд других европейских стран высказали предложение о введении экономических и иных санкций против Югославии. И на самом заседании, и в кулуарах имел место откровенный обмен мнениями. Я уговаривал моих коллег отказаться от экстремистской постановки вопроса в отношении Белграда. В этом мы видели возобновление попыток «принизить» или вообще убрать Милошевича. Россия зарезервировала особую позицию по ряду неприемлемых моментов, поддержав лишь положения, предусматривающие временные ограничения на поставки в СРЮ оружия и техники военного назначения, исходя из того, что они будут в полной мере распространяться и на территорию Косова, куда для албанских боевиков потекло вооружение из различных стран.

Уговаривать западников не обострять ситуацию в Косове непродуманными действиями было абсолютно необходимо, но явно недостаточно.

17 марта, в рамках рабочего визита по четырем бывшим югославским республикам, я встретился в Белграде с С. Милошевичем. Обсуждение «один на один» было горячим. Р. Маркарян вместе с другими был в соседней комнате и позже сказал мне, что, когда начали говорить на повышенных тонах, один из югославских помощников президента подошел к двери и попробовал еще более плотно закрыть ее.

Я убеждал Милошевича выступить с инициативными шагами в отношении автономного статуса Косова, отвести воинские части в места их постоянной дислокации, взять на себя ответственность за начало переговоров с Руговой и объявить об этом, согласиться на приезд в Косово группы наблюдателей ОБСЕ.

Милошевич спорил, не соглашался с тем, чтобы группу возглавил бывший премьер-министр Испании Гонсалес, который до этого уже был в Югославии в качестве эмиссара ОБСЕ, когда накалилась обстановка между руководством Милошевича и оппозицией. Главным аргументом Милошевича против Гонсалеса было то, что тот, находясь в Югославии считанные дни, представил в ОБСЕ отчет о положении в двадцати с лишним городах. Но он ведь был с командой, пытался я объяснить югославскому президенту. К тому же Гонсалес – объективно настроенный человек.

Доводы в данном случае не помогли, но обнадеживало то, что Милошевич все время делал для себя записи.

Вечером во время ужина, который дал в нашу честь недавно избранный президентом Сербии Милутинович (до этого он был министром иностранных дел, я часто встречался с ним, что предрасполагало к откровенному разговору), он признал, что сербское руководство «упустило время» – все следовало делать раньше. Милутино-

вич пришел на место Милошевича, который был избран президентом Югославии, перенеся с собой на новый пост всю полноту власти.

Милутинович сказал нам, что Милошевич принял наши предложения. Однако утром объявление о стремлении начать переговоры с албанской стороной было сделано от имени Милутиновича. Милошевич как бы оказался в стороне, лишь обозначив свое участие тем, что в переговорную делегацию был введен заместитель премьер-министра Югославии. Несмотря на то что многие высказанные нами идеи не нашли отражения в заявлении Милутиновича, мы были довольны результатом, так как Белградом был сделан шаг вперед.

Хотя напряженность в Косове несколько ослабла, наши западные партнеры по контактной группе требовали наращивать давление на Белград. При этом нам говорили, что не хотят, чтобы в Косове произошло в полном масштабе то, что случилось в Боснии, где кровавые события не были предотвращены «из-за пассивности мирового сообщества», которое лишь позже смогло сыграть свою роль.

У США и некоторых других членов контактной группы проявлялась явная несбалансированность подходов к сторонам конфликта в Косове. Албанских террористов начали представлять чуть ли не борцами за справедливость. В немалой степени албанский сепаратизм подогревался и настойчивым стремлением избежать в документах контактной группы упоминания о необходимости решения косовской проблемы в рамках Сербии. Представители США особенно рьяно настаивали на этом, и у нас появилось подозрение, что дело ведется к «промежуточному» решению – превратить Косово наряду с Сербией и Черногорией в третью республику в составе Югославии, а потом...

Собственно, в это время мы уже обладали информацией о заигрывании американских политиков с черно-

горским руководством, чему – по справедливости нужно сказать это – объективно способствовала не во всем продуманная политика Белграда в отношении этой маленькой республики (характерно, что, когда на встречу со мной в Белград прибыл президент Черногории, который давно не был в союзной столице, это совершенно замолчали официальные белградские СМИ).

Так или иначе, но у нас возникло ощущение того, что косовская проблема рассматривается западными партнерами через призму возможности окончательного развала Югославии при резком ослаблении Сербии. Важно в этой связи отметить, что и в Боснии делалось многое, чтобы не дать примириться двум ветвям власти в Республике Сербской – Баня-Луке с Пале⁶⁷.

В это время одно заседание контактной группы следовало за другим. Мы решили принимать в них самое активное участие, чтобы не допустить решений, дестабилизирующих ситуацию в целом.

25 марта в Бонне состоялось заседание контактной группы на уровне министров иностранных дел. Это было бурное заседание. Мадлен Олбрайт жестко настаивала на эскалации требований и мер в отношении Белграда, и ее трудно было убедить в ошибочности такой линии. Возник даже кульминационный момент, когда я сказал – подписывайте что хотите, но Россия заявит во всеуслышание, что мы против и выходим из контактной группы. «Хозяин» нашей встречи Клаус Кинкель прервал заседание и попросил меня пройти с ним в его кабинет. Разговаривали без переводчика, по-английски.

– Давай согласуем те формулировки, которые для тебя приемлемы, – сказал Кинкель.

Мы вместе с ним сделали это. Кинкель позвал своего политдиректора, очень толкового и доброжелательного человека, Ишингера, и поручил ему «обкатать» эти формулировки с другими участниками.

Когда мы сидели в кабинете Клауса Кинкеля, за окнами бушевали страсти: албанская колония организовала демонстрацию, выкрикивали антисербские лозунги, требовала коллективного похода на Белград.

– Ты видишь, – сказал мне Клаус, – под каким прессом нам приходится жить.

– Я хочу тебе посоветовать, – ответил я, – объяви, что ты дал указание переписать фамилии всех демонстрантов, просто скажи об этом в громкоговоритель, и ты увидишь, как их ряды не только поредеют, но и вообще исчезнут. Ведь больше всего эти люди боятся, что им придется уехать назад – в Югославию, Албанию. Неужели ты думаешь, что при самом высоком статусе Косова или даже гипотетической независимости этого края туда возвратятся из Германии албанские беженцы? Неужели ты считаешь, что они готовы будут заменить на «дым отечества, который сладок и приятен» свой высокий уровень жизни в Германии?

Чувствовалось, что Кинкель достаточно реалистично расценивает обстановку, но надвигались парламентские выборы, в которых активно разыгрывались карта албанских беженцев и идея необходимости «навести порядок в Косове» с целью их возвращения домой.

А между тем функционеры из Армии освобождения Косова заставляли албанских беженцев переводить три процента всех своих заработков на содержание ОАК, и Клаус, хоть и отлично понимал, что эти финансовые потоки, на которые закупалось оружие для боевиков, нужно перекрыть, разводил руками: трудно проконтролировать, так как албанские беженцы живут автономной общиной.

Однако в результате в первую очередь настойчивой позиции К. Кинкеля в Бонне удалось принять документ, в котором констатировалось, что решение косовской проблемы должно базироваться на сохранении территориальной целостности СРЮ, соблюдении стандартов

ОБСЕ, принципов Хельсинки и Устава ООН. Объявленные 9 марта санкционные меры сохранялись, но не более того.

31 марта Совет Безопасности ООН принял резолюцию № 1160 о запрете на поставки вооружений в Югославию, в том числе для сепаратистов в Косове, и предусматривающую создание механизма международного контроля за соблюдением этого решения СБ.

29 апреля на римской встрече контактной группой был одобрен так называемый пакет стабилизационных мер. По настоянию России в итоговый документ внесли осуждение терроризма со стороны косовских албанцев, положение о территориальной целостности государств региона. Одновременно мы выступили против экономических санкций в отношении Белграда, но, придя к выводу о том, что не сможем воспрепятствовать принятию соответствующих положений, а также для того, чтобы сохранить явно позитивный заряд другой части резолюции, решили не торпедировать ее, а зафиксировать в документе свое несогласие с решением о немедленном замораживании зарубежных авуаров правительств Сербии и Югославии, а также о запрете на новые иностранные инвестиции. По нашему настоянию это было сделано, что оставляло России полную свободу рук.

В такой же формулировке, подчеркивающей несогласие России с замораживанием зарубежных авуаров и введением запрета на инвестиции, была принята еще одна резолюция по Косову – 9 мая в Лондоне на встрече министров иностранных дел контактной группы (с участием остальных членов «восьмерки»).

Одновременно начались параллельные миссии – американская, осуществляемая Р. Холбруком и Р. Гелбардом, и российская – Н. Афанасьевским. Параллельные «челночные» поездки в Белград и Приштину, но при достаточно тесном сотрудничестве, принесли свои плоды. 15 мая в Белграде С. Милошевич и И. Ругова договори-

лись о начале переговоров по политическому урегулированию косовской проблемы между делегациями представителей сербского и югославского руководства и албанской общины в Косове.

16 мая на заседании контактной группы в Бирмингеме было заявлено о намерении западных стран приостановить реализацию ранее принятого ими решения об экономических санкционных мерах в отношении Югославии и Сербии.

22 мая в Приштине прошло первое рабочее заседание делегаций сторон. Но ровно через неделю ситуация в Косове снова взорвалась. Спровоцировали взрыв – в этом нет никаких сомнений – албанские боевики из ОАК, которые предприняли попытку перерезать в нескольких местах транспортную магистраль Печ–Дечане–Джаковица и установить свой контроль в приграничных с Албанией районах края.

В ответ сербы провели широкомасштабную полицейскую операцию в районах Западного Косова. Были жертвы как среди албанцев, в том числе и гражданских лиц, так и среди сербов. Значительно возросло число перемещенных лиц и беженцев в Албанию.

Лидеры косовских албанцев отказались от участия в дальнейших переговорах.

Как и в прежние времена, по телевидению в западных странах показывали разрушенные дома, несчастных беженцев. Общественное мнение однозначно настраивалось против сербов. Во многом такой настрой предопределил тот факт, что 8 июня в Люксембурге Совет министров Евросоюза отменил свое прежнее постановление о приостановке запрета на инвестиции в Сербию, а в конце июня принял решение о запрете полетов югославских авиаперевозчиков в страны ЕС.

12 июня министры иностранных дел стран – членов контактной группы съехались на ее заседание в Лондоне. Перед Белградом был выдвинут ряд требований: прекра-

тить все действия сил безопасности, затрагивающие гражданское население; предоставить возможность осуществления действенного и непрерывного международного мониторинга в Косове; способствовать по согласованию с Управлением верховного комиссара по делам беженцев (УВКБ) и Международным комитетом Красного Креста (МККК) возвращению беженцев и перемещенных лиц и обеспечению свободного и беспрепятственного доступа в Косово гуманитарных организаций и гуманитарных поставок; достичь прогресса в диалоге с руководством косовских албанцев. Была подчеркнута важность скорейшего запуска миссии специального представителя действующего председателя ОБСЕ для налаживания диалога по всему спектру отношений СРЮ с ОБСЕ, включая возвращение долгосрочной миссии этой организации.

Именно в это время акцент в российской позиции был сделан на то, чтобы не допустить применения силы НАТО против Югославии. Опасность такого сценария становилась все более очевидной, хотя мы понимали, что осуществить его не так-то легко. Целый ряд европейских государств, в том числе членов НАТО, колебались.

Многим вообще не было понятно, как, против кого и с какими результатами применять силу. Бить с воздуха по Косову? Высаживать войска? Как представлялось, не так уж много желающих было пойти на неизбежные (в случае сухопутной акции) потери. Некоторые европейские политики не могли не задумываться и над тем, что применение натовской силы могло укрепить позиции тех, кто мечтает о Великой Албании, в составе которой видит не только Косово и Санджак⁶⁸, но и мусульманскую часть Боснии и албанскую часть Македонии.

Я как-то сказал М. Олбрайт: «Россия присутствует на Балканах много лет. Когда американцы хотят навязать Балканам свои рекомендации, не советуясь с нами, или решить по-своему существующие здесь конфликты, то

это может быть сопоставимо с тем, если бы мы, к примеру, предпринимали какие-то усилия в отношении, скажем, Мексики, не принимая во внимание или абсолютно абстрагируясь от опыта США».

В момент самого накала страстей Ельцин обратился с посланием к Милошевичу и срочно пригласил его в Москву. Встреча президентов состоялась в Кремле 16 июня 1998 года. По ее итогам договорились принять совместное заявление, текст которого тут же в Кремле отработывали Милошевич с его коллегами, министры иностранных дел и обороны России со своими коллегами.

Мы добились того, что югославская сторона заявила о готовности продолжить переговоры по всему комплексу проблем, включая формы автономии края; не осуществлять репрессивные действия против мирного населения; для налаживания доверия обеспечить свободу передвижения на всей территории Косова; гарантировать полный доступ в край гуманитарных организаций, включая Международный комитет Красного Креста (МККК) и Управление верховного комиссара по делам беженцев (УВКБ); не ограничивать возможности ознакомления с ситуацией дипломатическим представителям иностранных государств, аккредитованных в СРЮ, и международным организациям. Было заявлено также о беспрепятственном возвращении всех беженцев и перемещенных лиц на основе программ, согласованных с УВКБ и МККК.

Самым болезненным стал вопрос о выводе из Косова югославского спецназа. На наши настойчивые просьбы Милошевич отвечал: «Поймите, что без прекращения активных действий ОАК даже объявление о возможности такого вывода приведет теперь уже к волне сербских беженцев из Косова». В конце концов остановились на такой формулировке: по мере прекращения террористической активности силы безопасности будут сокращать свое присутствие вне мест постоянной дислокации.

Было объявлено также о готовности СРЮ начать переговоры с ОБСЕ о приеме ее миссии в Косове одновременно с восстановлением членства СРЮ в этой организации.

Это был прорыв. Все объективные наблюдатели пришли к выводу, что Россия дипломатическими средствами сняла перспективу применения силы против Белграда. Однако еще в течение длительного срока опасность удара существовала и даже нередко искусственно создавались драматические ситуации, которые якобы принуждали НАТО повышать степень готовности к осуществлению военных действий. Главным «аргументом» было не реальное развитие обстановки в Косове, а несогласие Милошевича вывести спецназ.

А в Косове после совместного заявления, подписанного в Москве, положение начало улучшаться, чему способствовали поездки в различные районы края дипломатов и представителей гуманитарных организаций, аккредитованных в Белграде. Российский посол рассказывал, что западные коллеги после таких поездок часто не разделяли настроения в их столицах, где продолжали превалировать пессимистические и явно односторонние оценки.

В таких неоднозначных условиях мы на Смоленской площади пришли к следующим выводам:

- продолжать контакты с Милошевичем с целью подвигнуть его к выполнению в полном объеме московских договоренностей, – эта часть работы успешно осуществлялась в дальнейшем И.С. Ивановым;

- установить и развивать диалог с албанской стороной для того, чтобы способствовать началу, а в дальнейшем – успеху переговоров;

- активизировать контакты с действующим председателем ОБСЕ министром иностранных дел Польши Б. Геремеком, добиваясь сближения позиций этой организации с Белградом – я встречался и говорил много раз по телефону с Брониславом Геремеком, найдя в его лице

умного и ответственного партнера, правда, не всегда обладающего свободой маневра;

– в контактной группе сосредоточиться на выработке формулы о будущем статусе Косова в рамках Югославии с целью предложить ее сторонам в качестве основы для переговоров – этим занимался главным образом Н.Н. Афанасьевский;

– поощрять и поддерживать параллельные дипломатические усилия США с тем, чтобы максимально использовать их в интересах дела и постараться вовлечь американцев в лоно политического урегулирования конфликта.

Дальнейшая хронология важнейших событий следующая.

С 6 июля в Косове начала работу Международная дипломатическая миссия наблюдателей.

8 июля в Бонне контактная группа приняла заявление по Косову с призывом прекратить враждебные действия и возобновить прерванные переговоры. Было одобрено также конфиденциальное приложение, касающееся будущего статуса края.

21 июля в Лондоне эксперты контактной группы обсудили документ о возможных вариантах статуса Косова. Окончательный вариант документа был передан сторонам англичанами от имени группы в начале августа.

При содействии «негласного посредника» – посла США в Македонии К. Хилла 13 августа было объявлено о формировании новой переговорной команды косовских албанцев. До этого с Хиллом тесно контактировал Афанасьевский. В конце августа К. Хилл передал С. Милошевичу и И. Ругове проект Промежуточного соглашения по Косову.

Казалось бы, дело идет к политической развязке. Но в этот момент над Белградом вновь была занесена угроза натовского удара. Центром борьбы стал Совет Безопас-

ности ООН, где англосаксы упорно хотели провести резолюцию по Косову со ссылкой на главу VII Устава ООН, которая предусматривает в случае угрозы международному миру эскалацию санкций вплоть до применения силы. Глава VII была использована один раз – для санкционирования под флагом ООН войны в Корее. Тогда наш представитель отсутствовал и резолюция не была заветирована. Теперь мы постарались учесть уроки прошлого и открыто заявили о том, что будем такую резолюцию ветировать.

В сентябре я отдыхал на Черном море, в Сочи. Собственно, назвать это отдыхом было не совсем правильно. Во всяком случае, ко мне приезжали, в том числе для переговоров, абхазский лидер Ардзинба и другие, все время я связывался с Москвой или мне звонили оттуда, и не только из Москвы. Так, Кинкель попросил закрыто принять его представителя Ишингера, который «должен привезти и прокомментировать архиважное личное послание по Косову». Германия, как известно, не являлась членом Совета Безопасности, но из телефонных разговоров с нашим представителем в ООН (с ним я тоже был на связи из Сочи, и не раз), а также с И.С. Ивановым, который в МИДе остался, как говорят, «на хозяйстве», я понял, что в этот момент ратовали за удар по Косову и, следовательно, были заинтересованы в принятии резолюции со ссылкой на главу VII в наибольшей степени, пожалуй, немцы.

Договорились с Клаусом: чтобы не привлекать внимания прессы, встречусь с Ишингером в аэропорту. Он прилетел на рейсовом самолете из Москвы 21 августа и вручил мне послание министра иностранных дел Германии. Вот выдержки из этого послания:

«...Международное сообщество, и здесь мы все в одной лодке, оказывается перед угрозой не найти решения кризиса в Косове. Все больше нас упрекают в том, что мы

должны были бы извлечь уроки из событий в Боснии и что не может быть, чтобы мы все вместе не решили проблему Косова. К сожалению, должен тебе сказать, я опасаясь, что это может иметь отрицательные последствия для России, потому что – по крайней мере, есть много таких высказываний – российская политика по отношению к Косову не в состоянии поддержать решительные действия международного сообщества.

Я вижу приближение значительных рисков для:

- отношений между Западом и Россией, включая отношения между Россией и НАТО;
- позиции России в Совете Безопасности и способности России играть свою роль в урегулировании международных кризисов;
- роли России в контактной группе;
- нашей способности конструктивно и сообща сотрудничать в других областях, включая экономические и финансовые вопросы.

Я вижу опасность обособления России, если она будет противиться решительным мерам по Косову в Совете Безопасности.

Растет давление общественности в столицах государств – членов НАТО, требующей рассмотреть возможность военного решения без предварительного принятия резолюции по главе VII. Существует опасность, что барьеры окончательно разваливаются. У меня такое ощущение, что я, настаивая на правовой позиции, которую по-прежнему считаю правильной, могу попасть в трудное положение, если Россия продолжит препятствовать принятию решения вопроса Косова в Организации Объединенных Наций. В этой связи я настоятельно призываю тебя одобрить принятие в Совете Безопасности резолюции по главе VII.

...Президент Милошевич не выполнил свои обещания, данные президенту Ельцину. Президент Милоше-

вич, кроме этого, обещал тройке ЕС, что очередного сербского наступления не будет. На следующий день наступление началось. Кроме того, у меня не сложилось впечатления, что Белград намерен вести переговоры по существу вопроса. Что касается косовских албанцев, то ОАК все больше переходит к партизанской тактике. Естественно, это является последствием последнего наступления сербских сил безопасности. Делегация на переговорах в нынешнем составе не имеет поддержки ни оппозиции, ни воинствующих элементов, ни независимых личностей.

В такой обстановке шансы на перспективный диалог, который приведет к конкретным результатам, крайне низкие.

Честно говоря, при всей интенсивности усилий, приложенных, в частности, и президентом Ельциным, тобою и замминистра Афанасьевским, эти международные усилия почти не увенчались успехом. Все усилия, приложенные контактной группой, тройкой ЕС и ОБСЕ, а также двусторонние усилия не приблизили нас к политическому урегулированию.

Как будем поступать дальше?

Достижение политического урегулирования возможно только в том случае, если международное сообщество повысит нажим на обе стороны с тем, чтобы они договорились о перемирии и вели переговоры по существу. Этого лучшим образом можно достичь, приняв в Совете Безопасности резолюцию по главе VII Устава ООН. Такая резолюция должна была бы показать политический путь, о котором договорилась контактная группа, затронуть гуманитарные проблемы и открыть дорогу к принятию принудительных мер, поддерживаемых всем международным сообществом, и – подчеркиваю, как *ultima ratio* – к военным принудительным мерам.

Мы нуждаемся в такой реакции, чтобы продемонстрировать решимость международного сообщества как

единого целого по отношению к Белграду и косовским албанцам. Если это не удастся, то санкции в большей степени окажутся неэффективными. Если, наконец, события сводятся к тому, что НАТО провело бы принудительные военные меры без резолюции по главе VII, то политическая слабость России стала бы очевидной. Я уже не хочу говорить о серьезных последствиях для роли Совета Безопасности как органа, несущего ответственность за сохранение мира и стабильности, а также для способности России активно сотрудничать в урегулировании международных кризисов.

В общественном мнении в Германии – и в других западных странах – усиливается представление, что Россия препятствует осуществлению решительных действий международного сообщества. И мне все чаще задают следующие вопросы: действительно ли в российских интересах, чтобы ее восприняли как “протектора” Милошевича? В чем заключаются последствия для роли России как партнера на международной арене, если международная безопасность и стабильность поставлены под угрозу? Как же Запад сможет проявить солидарность с Россией и впредь? Поверь мне, что эти вопросы все чаще и чаще оказывают влияние на возможности наших политических действий.

Если решение в соответствии с главой VII приниматься не будет, то это воспримут как карт-бланш для политики Милошевича, направленной на вооруженное угнетение и запугивание косовских албанцев, в частности подавляющего большинства мирного населения, которое не участвует в вооруженных действиях ОАК. Германские средства массовой информации требуют быстрого ответа на эту гуманитарную катастрофу. Германская общественность все в большей мере обеспокоена растущим числом беженцев, устремляющихся в Германию (мы исходим из того, что 400 тысяч косовских албанцев проживают в

Германии и ежемесячно добавляются 2 тысячи лиц, ходатайствующих о получении убежища).

Я пишу все это тебе как человек, который действительно пытается вдуматься в ситуацию в России и которому, как ты знаешь, очень близки отношения с Россией. Именно потому, что я очень озабочен, я думаю, что я как друг обязан так откровенно тебе все сказать...

Желаю твоей стране, чтобы она скоро выбралась из финансовых трудностей. Тебе желаю приятных дней в Сочи».

Совершенно очевидно, что Кинкель – с согласия партнеров по контактной группе или без этого – хотел в максимальной степени оказать на нас давление. Такой вывод можно было сделать не только из беспрецедентного по своей жесткости, чуть завуалированной товарищеской откровенностью, содержания письма, но и из способа его передачи. Прочел письмо при Ишингере. Его комментарии свелись к повторению написанного.

Выслушав все, я сказал:

– Передайте Кинкелю, что мы расходимся в понимании происходящего в Косове. Напряженность там не возрастает, положение несколько стабилизировалось. Следует продолжать поиск политического выхода – и нам, и американцам, и Европейскому союзу. Согласен, что необходимы срочные меры гуманитарного плана. Позиция России постоянна. Она, образно говоря, состоит из четырех «нет»: натовской вооруженной операции против Белграда; выходу Косова из Югославии; эскалации санкций против СРЮ; сохранению нынешнего статуса Косова, который не предоставляет автономии этому краю. Необходимо добиваться немедленного прекращения огня с двух сторон и начать переговоры.

Добавил, что наша позиция, естественно, не может измениться под грузом переживаемых Россией серьезных экономических трудностей. А вообще-то прошу передать большой привет моему другу Клаусу.

27 августа российская сторона подготовила рабочий план по предотвращению гуманитарной катастрофы в Косове. Аналогичные документы были предложены также Соединенными Штатами Америки и Европейским союзом.

После моего назначения Председателем Правительства России были продолжены успешные усилия по политическому урегулированию в Косове под руководством нового министра иностранных дел И.С. Иванова.

4 октября он совместно с министром обороны и первым заместителем директора СВР вылетели в Белград, где сразу же встретились с С. Милошевичем. Такой состав делегации подчеркивал экстраординарный характер российского демарша. Положение вокруг Белграда складывалось угрожающее. Милошевичу было вручено послание Ельцина, в котором говорилось о необходимости принятия Белградом срочных мер по выправлению ситуации в крае, в частности по прекращению вооруженных действий, отводу подразделений армии и сил безопасности в места постоянной дислокации, по преодолению гуманитарного кризиса и обеспечению условий для возвращения беженцев, продолжению переговорного процесса.

Белград дал согласие на прием миссии ОБСЕ (на сей раз – без увязки с возобновлением участия СРЮ в работе Организации), которая могла бы на месте оценивать обстановку и оказывать содействие в поисках выхода из кризисной ситуации.

Одновременно была возобновлена миссия спецпредставителя президента США Р. Холбрука, которой оказали поддержку министры стран контактной группы на встрече в Лондоне 8 октября. В результате 16 октября в Белграде действующим председателем ОБСЕ Б. Геремekom и министром иностранных дел Югославии Ж. Йовановичем было подписано соглашение об учреждении

миссии ОБСЕ по проверке ситуации в Косове. Накануне, 15 октября, было подписано соглашение между СРЮ и НАТО о воздушном контроле за ситуацией на территории Косова. Президент Сербии М. Милутинович сделал одностороннее заявление о принципах политического урегулирования в Косове.

Тем самым была еще раз отведена угроза нанесения силовых ударов по Югославии, процесс косовского урегулирования постепенно возвращается в политическое русло.

24 октября 1998 года Совет Безопасности ООН принял резолюцию № 1203 по Косову, которая запустила реализацию соглашений СРЮ с ОБСЕ (о миссии по проверке) и с НАТО (о воздушном наблюдении). В резолюции зафиксировано, что в случае чрезвычайных обстоятельств могут приниматься только такие меры обеспечения безопасности международного персонала данных миссий, которые одобрены Белградом в рамках упомянутых соглашений. Одновременно в резолюции ужесточались требования к косовским албанцам, включая немедленное прекращение террористической деятельности. Но так как в тексте в целом не отвергалась идея применения силы против Белграда, Россия и Китай воздержались.

27 октября 1998 года Совет НАТО принял решение оставить в силе на неопределенный срок свое политическое решение от 13 октября 1998 года о задействовании силы (Activation Order). Москва заявила, что отмена этого решения является условием российского участия в миссии по проверке с воздуха. Одновременно мы подчеркнули свою заинтересованность в скорейшем запуске миссии ОБСЕ по проверке (МПК), в которой готовы активно участвовать.

Югославские власти в соответствии с белградскими соглашениями и резолюциями СБ ООН возвратили в места постоянной дислокации, в том числе за пределы

Косова, спецподразделения и части югославской армии, убрали блокпосты с путей сообщения. Число полицейских было сведено к уровню начала марта 1998 года. Заметно стабилизировалась гуманитарная ситуация в Косове. Практически был решен вопрос о размещении людей, находившихся под открытым небом.

На фоне выполнения С. Милошевичем требований международного сообщества еще контрастнее стала выглядеть провокационная, дестабилизирующая деятельность подразделений так называемой Освободительной армии Косово, пытающихся заполнить «вакуум», который возник после вывода югославских сил безопасности. Характерно, что на заседании экспертов контактной группы в Лондоне 11 ноября была выражена озабоченность стран-участниц позицией и действиями косовских албанцев, препятствующих началу переговоров.

Так на момент написания этой главы выглядели события вокруг Косова. Ситуация, конечно, была еще далека от нормализации. Но совместными усилиями, в которых далеко не последнее место занимала Россия, все же удавалось зажечь свет в конце тоннеля этого одного из самых опасных международных конфликтов конца XX века.

Свет этот был погашен натовским ударом по Югославии. Это было настоящим потрясением для России. Все российские политические силы без исключения выступили против развязанной НАТО войны. Как руководитель правительства я летел в США на встречу совместной комиссии, возглавляемой с американской стороны А. Гором. Соединился с ним по телефону с борта самолета (это было за несколько дней до американского – я не ошибся: скорее американского, чем натовского – удара по Югославии). Вице-президент Гор на прямо поставленный мною вопрос не мог дать гарантии, что удар не будет осуществлен хотя бы во время моего пребывания в США.

Вызвав командира корабля, я сказал: возвращаемся.

– Как, не будем садиться в Вашингтоне, ведь до посадки три с половиной часа?

– Нет, в США садиться не будем. Если не хватит горючего до Москвы, совершим промежуточную посадку.

Самолет развернулся над Атлантическим океаном и промежуточно сел в Шеноне.

Очень понравился мне комментарий остроумного Н. Фоменко, который «пересыпает» своими шутками рекламные объявления «Русского радио» – люблю слушать его передачи, находясь в автомашине. Перефразируя Гоголя, Фоменко сказал: «Не всякий премьер долетит до середины Атлантики».

Другие отозвались на мое решение по-разному. Но в обществе в целом – я это почувствовал – несомненно преобладала поддержка.

IV. Ближневосточное урегулирование: неиспользованные возможности

О ближневосточном конфликте мне писать и легко и трудно. Занимался я им годами, наблюдал ситуацию и с близкого и с дальнего расстояния, писал о нем и в репортажах, и в статьях, и в книгах. Вроде бы, кажется, знал немало. Но как трудно разобраться в хитросплетении ближневосточных событий, даже будучи, как тебе представляется, знакомым с историей, с характером людей, с истинными причинами многих коллизий.

И тем не менее ретроспективный анализ, да и сегодняшние наблюдения и оценки приводят к выводу об упущенных возможностях, неиспользованных ситуаци-

ях, непродуманных решениях. Это относится не только к тому периоду, когда ближневосточный конфликт рассматривался через призму конфронтации двух сверхдержав, но справедливо для времени, которое наступило после окончания холодной войны.

Мифы и реальность

В немалой степени этому способствовали неверные предположения, «мифы», укоренившиеся в сознании политиков и широко распространившиеся в мире.

Первый из них – предположение, будто на Ближнем Востоке могло или может утвердиться состояние «ни войны, ни мира», которое в конечном итоге приведет к закреплению территориального статус-кво.

Я был в Москве главным редактором радиовещания на арабские страны во время тройственного англо-франко-израильского нападения на Египет в 1956 году, последовавшего за национализацией Гамаль Абдель Насером компании Суэцкого канала. Тогда все мы были на грани мирового столкновения. Такой уникальный и сверхэффективный демарш, как совпавшие во времени серьезный окрик со стороны Вашингтона в адрес Англии, Франции и Израиля и предупреждение СССР о возможной перспективе удара ракетами по напавшим на Египет, остановил войну, но не предотвратил развитие событий, которые уже при перегруппировке (США однозначно приняли сторону Израиля) вели к веренице новых вооруженных столкновений.

При этом происходило медленное изменение соотношения сил сторон. Или, точнее, при сохраняющемся военном превосходстве Израиля он платил все большую цену за военную победу или за контроль над ситуацией, возникшей после вооруженного столкновения.

В 1967 году я был в Каире корреспондентом «Правды» во время так называемой шестидневной войны, начатой Израилем после неудачной и неоправданной «игры мускулами» Каира⁶⁹. Может быть, Насером и была неправильно интерпретирована неумная фраза маршала А.А. Гречко, в то время командующего войсками Варшавского договора, который, очевидно, желая показать, насколько хорошо работают советские военные советники в Египте, сказал ему, что египетская армия «может успешно решить любую задачу на данном театре». Но СССР не подталкивал Египет к силовому нажиму на Израиль – нас зря обвиняли в этом.

Мы, находившиеся в Каире, хорошо знали от наших военных специалистов о положении дел и настроениях в египетской армии, о необходимости многолетней работы для достижения должного уровня ее боеспособности.

Между тем в 9 часов утра 6 июня срывающимся от волнения голосом я передавал по телефону в газету, что на моих глазах сбит самолет. Это было действительно так: ракета прочертила ярко-голубое небо, вспышка – и самолет рухнул на глазах у ликующих каирцев. Радио непрерывно передавало фантастические цифры об израильских потерях, но самолет оказался египетским, и ракета была египетская. У меня на квартире собрались каирские друзья, а я в это время уже знал от наших специалистов, приехавших с военно-воздушной базы «Каиро-Вест», о том, что египетская авиация, которую так и не подняли в воздух, была уничтожена на земле. Узнав об этом, многие египтяне плакали.

Полный и унижительный для Каира разгром армии, захват Израилем не только Синайского полуострова и сектора Газы, но и западного берега реки Иордан и Восточного Иерусалима, казалось, надолго отодвинули перспективу новой войны. Многие американцы, в том числе занимающиеся проблемами Ближнего Востока в администрации США (за исключением, может быть, Г. Кис-

синджера, но об этом потом), по-видимому, исходили из того, что установившийся после шестидневной войны территориальный раздел продлится десятилетия, а за это время политически все утрясется.

Мы думали иначе. В мае 1973 года В.В. Журкин и я выступали в Нью-Йорке в Национальном совете внешней политики. Аудитория была высокопрофессиональной, состояла из политологов-ученых, аналитиков из Государственного департамента, ЦРУ, других организаций, государственных и частных, связанных по своей деятельности с Ближним Востоком. В штыки были встречены наши прогнозы о неизбежности арабо-израильской войны в ближайшее время, о том, что инициатором могут выступить арабы и впервые применить «нефтяное оружие», заблокировав поставки нефти на Запад. Одна из присутствовавших высмеяла такую «схему», сказав: «Израильтяне полностью контролируют ситуацию, арабы никогда не посмеют и не смогут начать вооруженные действия и тем более бросить вызов всему западному миру». Когда события через полгода стали развиваться по изложенному нами сценарию, – естественно, никто заранее не знал о намерениях арабов, – это было неожиданно даже для наших военных советников в Египте и Сирии и стало причиной серьезного недовольства советского руководства – нам с Журкиным не захотели в очередной приезд в США продлевать визу, и помогло лишь влияние нашего друга Маршалла Шульмана, работавшего тогда в Госдепе.

Между тем в 1973 году во время октябрьской войны я прилетел в Бейрут, а затем на автомобиле приехал в Дамаск, где на моих глазах залпом зенитной установки были сбиты теперь уже три израильских самолета. Но и та война закончилась не в пользу арабов⁷⁰.

Многие западные политики считали, что военные поражения заставят арабов согласиться на условия, продиктованные Израилем. Так, наряду с мифом о возмож-

ности установления на Ближнем Востоке на длительный период состояния «ни войны, ни мира» возник еще один миф, который тоже не выдержал столкновения с действительностью.

Каскад войн не предвещал изменения менталитета ни одной из сторон. В этом убеждали меня многочисленные разговоры и дискуссии со многими лидерами стран этого региона, с которыми установились доверительные, а порой и дружеские отношения.

23 февраля 1966 года, когда к власти в Дамаске пришло левое крыло баасистской партии – это был, пожалуй, первый кровавый переворот в Сирии, – я сразу же получил указание из редакции «Правды» отправиться на место. Аэродром в Дамаске был закрыт. Я прилетел на борту чешского самолета, совершившего техническую посадку. Меня хотели тут же выслать, но помог телефонный звонок к одному из тех, кто пришел к власти, – Абдель Кериму Джунди, с которым был хорошо знаком*. В результате стал первым иностранцем, встретившимся на следующий день с новым премьер-министром. А 8 марта во время парада в честь баасистской партии меня познакомили с командующим ВВС Хафезом Асадом. Я продолжал с ним многократно встречаться и часами беседовать и в дальнейшем, в бытность его уже президентом Сирии.

С Ясиром Арафатом, Абу Айядом, Абу Мазеном, Ясиром Абд Раббо и другими палестинцами знаком, много беседовал, спорил, дружил с конца 60-х – начала 70-х годов до нынешних времен. Степень дружеских отноше-

---

* Братья Джунди к тому времени играли заметную роль в баасистском движении. Абдель Керим после переворота 1966 года стал руководителем службы безопасности. Вскоре покончил жизнь самоубийством. Я в качестве корреспондента «Правды» встречался с братьями Джунди в 1965 году и с их слов написал о «многослойности» в партии Баас в статье «Многоэтажный Дамаск», которая вызвала много шума в Сирии.

ний подчеркивает хотя бы то, что, совершая первую поездку в Багдад в 1990 году в начале кризиса в зоне Персидского залива, остановился в Аммане не только чтобы встретиться с королем Хусейном, но и попросил прилететь туда из Туниса Ясира Арафата. Он прибыл в назначенное время со всем руководством Организации освобождения Палестины. Сначала Арафат безоговорочно одобрял насильственное присоединение Кувейта к Ираку, говорил, что в поддержку Саддама выступят народные массы и в арабских странах создастся принципиально иная – революционная ситуация. Чувствовалось, что не все в руководстве, например Абу Айяд*, Абу Мазен и некоторые другие, придерживались аналогичных взглядов. Но, по-видимому, окончательно охладили пыл Абу Аммара (так называли Я. Арафата его близкие) мои слова: «Помнишь, как мы сидели в маленькой комнате на твоей походной железной кровати в Дамаске накануне “черного сентября”** 1970 года? Нарастала напряженность в Иордании, в воздухе витала угроза боевых действий, ты тогда мне тоже говорил, что совершенно не опасешься, если события приведут к столкновению палестинцев в Иордании с королевской армией – офицеры в ней-де палестинцы, да и в арабских народных массах начнутся революционные процессы “как во Вьетнаме”, а те арабские режимы, которые не поддержат ООП⁷¹,

---

* Абу Айяд – второй по значению лидер в ООП, руководивший военными операциями. За время многих встреч сложилось впечатление о нем как о человеке непростом, эволюционирующем в сторону реализма. Был убит в Тунисе при неизвестных обстоятельствах в 1992 году.

** «Черный сентябрь» – такое название получили события, начавшиеся с захвата заложников и насильственной посадки террористами четырех самолетов на амманский аэродром с угрозой взорвать их с пассажирами, а затем широкомасштабными вооруженными столкновениями иорданской армии с палестинскими боевиками. Стремление Сирии прийти на помощь палестинцам было пресечено угрозой вторжения в Иорданию израильской армии. В результате столкновений палестинские вооруженные отряды, равно как и штабы их политических организаций, были вынуждены покинуть территорию Иордании.

будут под “народным огнем”. Что из этого получилось, хорошо известно».

После этих слов Арафат приказал подготовить свой самолет к вылету в Багдад и обещал, что проведет «нужную по тону» беседу с Саддамом Хусейном до моего приезда.

Иракское руководство я знал с конца 60-х – об этом уже писал. С ливанскими руководителями – и мусульманскими, и христианскими, разведенными гражданской войной по разные стороны баррикады, – был знаком практически со всеми: с Шамуном, Пьером Жмайелем, их сыновьями, Джумблатом – отцом и сыном, Рашидом Караме и другими.

Вместе с покойным Г. Беляевым проговорили три часа с Анваром Садатом в декабре 1975 года в его загородной резиденции на Барраже. Получив международную премию имени Насера за книгу о выдающемся египетском руководителе, мы были приглашены для откровенного разговора и практически стали последними советскими людьми, с которыми Садат встречался. Не из-за характера нашей дискуссии, напротив – она была весьма дружеской по форме, но Садат уже принял к этому времени решение повернуться спиной к Москве.

Три ночные (он обычно принимал гостей ночью) продолжительные встречи состоялись с саудовским королем Фахдом, который подарил мне свои четки, сопроводив это словами: «Я – хранитель двух главных мусульманских святынь, и смотри не передаривай эти четки никому». Я так и поступил. Король Фахд в 1991 году мне говорил, что любит смотреть по телевизору московскую программу «Время», которая, по его словам, справедливо освещала события на Ближнем Востоке, и спросил: «Нельзя ли организовать ежедневный перевод этой программы на арабский язык?»

В музей короля Фейсала я привез уникальную документальную киноплёнку, на которой был запечатлен приехавший в Москву в 1930 году тогда еще не король,

а министр иностранных дел Саудовской Аравии, которого на железнодорожном вокзале встречал заместитель наркома иностранных дел Крестинский. За это меня благодарили сыновья покойного короля Фейсала, занимавшие в конце нашего столетия высшие посты в саудовском правительстве.

Многokrатно встречался и испытывал самые добрые чувства к иорданскому королю Хусейну. Можно считать, что обоюдная симпатия или – возьму на себя смелость сказать – дружеские отношения зародились, когда первый раз опоздал к нему на прием в 1970 году. Король встретил меня в цветастой рубашке с закатанными рукавами и засмеялся, когда я, объясняя причину опоздания, сказал: «Виноваты вы сами: Иордания – единственная арабская страна, где не проедешь на красный свет». О близости отношений свидетельствовал хотя бы такой факт: однажды был у иорданского премьера, и Хусейн, узнав, что я у него, приехал, сам управляя мотоциклом (прекрасно водил и самолеты различных марок), и за ним примчались взбешенные до ярости, безумно испуганные за своего по-настоящему любимого сюзерена черкесы из личной охраны.

С братом короля, Хасаном, переписывался годами. В добрых отношениях был и с другим прямым наследником пророка Мухаммеда – марокканским королем Хасаном II, сыгравшим, особенно на «палестинском направлении», выдающуюся роль в попытках сблизить позиции сторон. К сожалению, обоих – и короля Хусейна, и короля Хасана II – уже нет в живых.

Откровенные и доверительные отношения установились с президентом Египта Мубараком, начальником его канцелярии Усамой эль-Базом. Конфиденциально встречался с Голдой Меир, Моше Даяном, Шимоном Пересом, Ицхаком Рабином, Менахемом Бегин^{*} и уже открыто –

---

^{*} Он единственный из всех говорил по-русски, провел в ссылке у нас на Севере около двух лет, написав об этом позже книгу, и был освобожден, поступив на службу в польскую армию Андерса.

с Шамиром, Нетаньяху, Вейцманом, Леви, Щаранским, Шароном. Да разве всех перечислишь?

Окунувшись, как говорится, с головой в ближневосточный водоворот, я впитывал в себя информацию, получаемую от самых что ни на есть осведомленных людей, как говорится, из первых рук. И именно потому, что много крови было пролито, так много судеб людей сломлено, такое море ярости накопилось и ненависть застилала столь многим глаза, твердо усвоил для себя: без активного вмешательства извне ближневосточное урегулирование невозможно.

Конечно, холодная война была далеко не самым лучшим фоном для такого мирного вмешательства.

В той или иной степени своей деятельностью на различных постах я влиял на формирование нашей ближневосточной политики и в советский период, и после этого.

В условиях холодной войны при выработке ближневосточного курса и двусторонних отношений нам приходилось принимать во внимание существовавшую в тот период глобальную конфронтацию, а порой и исходить из нее. То же самое – смею это утверждать – делали и наши тогдашние противники. Это несомненно привносило определенную нюансировку в подходы и США с их союзниками, и СССР к процессу ближневосточного урегулирования. Но мне представляется, что, несмотря на это, обе стороны были заинтересованы в том, чтобы события окончательно не дестабилизировали обстановку в этом регионе. Помимо «местных» мотивов – неизбежная угроза для близких к одной или другой супердержаве государств Ближнего Востока, влияние на проблемы, связанные с нефтью (как это остро произошло, например, в результате войны 1973 года), опасения активизации терроризма, – СССР и США объективно объединяло стремление не допустить такого развития событий, которое могло бы выйти из-под контроля и перерасти в глобальное столкновение.

Это создавало определенные лимиты для политики, которые не могли не учитываться. Вместе с тем СССР и США имели свои несомненные интересы – экономические, политические, военные, – связанные с отдельными государствами региона.

И в этой связи начал, теперь уже с нашей, советской стороны, культивироваться еще один «миф», который объективно мешал ближневосточному урегулированию: арабо-израильский конфликт подчас окрашивался в идеологические тона. Нет, речь шла не только о геополитическом соперничестве, свойственном тому периоду истории. Была выдвинута теория «социалистической ориентации», которая получила «законное», да и обязательное, право на существование, после того как попала в партийные документы.

Я не принадлежал к авторам этой теории, которая провозглашала предсоциалистическую фазу развития Египта, Сирии и ряда других стран так называемого третьего мира, хотя никогда не отвергал ее. Собственно, против этой теории во время ее появления (и то не открыто) выступали только те, кто догматически связывал социалистические преобразования с диктатурой пролетариата. Однако, правды ради, следует сказать, что моя докторская диссертация, защищенная в конце 1969 года, называлась «Внутренние противоречия стран социалистической ориентации (на примере Египта)». О спорности этого идеологического штампа прозрачно говорится и в моей книге «Восток после краха колониальной системы», изданной в 1982 году.

Протянутую им «идеологическую руку» ухватили некоторые арабские лидеры, многие из которых, пользуясь нашими тогдашними комплексами, стали играть – именно играть – роль идеологических партнеров, ублажая наш слух столь приятными словами типа «весь социалистический (или прогрессивный) мир во главе с Советским Союзом», «СССР – лидер мирового национально-освободительного движения» и так далее и тому подобное.

Представляет несомненный интерес, что Сталин, дав указание Громыко незамедлительно признать в 1948 году государство Израиль, также исходил во многом из «идеологических соображений». Он рассчитывал на то, что Израиль, впитав в себя эмигрантов главным образом из социалистических стран и создав у себя такие «коммунистические» образования, как кибуцы, будет «социалистической ячейкой» на Ближнем Востоке. Вскоре, однако, стала совершенно ясной несостоятельность столь смелых предположений. Иллюзорность идеологических подходов к сторонам конфликта полностью проявилась к началу 90-х годов.

Все было так, но тем не менее могу сказать со знанием дела, что мы и в советский период были заинтересованы в установлении арабо-израильского мира. Не только были заинтересованы, но работали в этом направлении, не забывая (этого вообще никто не забывал) о своих многогранных интересах на Ближнем Востоке.

Но как добиться этого урегулирования? Конечно, в Москве хорошо понимали, что без компромиссов не обойтись. Но каков предел компромисса, который может привести к урегулированию и, самое главное, удержать его на плаву? В наиболее общем виде такой компромисс был найден и отражен в формуле: территории, оккупированные Израилем во время шестидневной войны, в обмен на мир арабских стран с Израилем, включая не только признание этого государства, но и установление полноправных дипломатических и иных отношений с ним. Должен сказать, что фиксация такого подхода в качестве основы арабо-израильского урегулирования на Мадридской мирной конференции 1991 года⁷² означала всеобщее признание той с самого начала бесспорной для нас истины, что освобождение Израилем арабских территорий, с одной стороны, и безопасность Израиля – с другой, являются единственным путем к урегулированию на Ближнем Востоке.

Но эта формула не работает до сегодняшнего дня, и процесс политического урегулирования растянулся на десятилетия. Сказывается менталитет вовлеченных в кровавый конфликт сторон, сложившийся на протяжении целого века. Вместе с тем, как мне представляется, удлинняет путь к миру и делает проблематичными его стабильность и общий характер тактики США, заключавшейся с самого начала в комбинациях, призванных подтянуть к миру с Израилем одну арабскую страну за другой, а также отдельно и палестинцев.

Теоретически такая тактика выглядит безукоризненной. Практически, особенно в настоящее время, она приводит к целому ряду неиспользованных возможностей, особенно когда такая тактика накладывается еще на один «ближневосточный миф» – уверения в том, что Соединенные Штаты обладают способностью в одиночку, без координации действий с Россией, Европейским союзом привести дело к ближневосточному урегулированию.

Упущенный шанс

Известно, что одним из самых больших ближневосточных достижений Г. Киссинджера – в этом ему, безусловно, помог бывший президент Египта Анвар Садат – было использование войны 1973 года для подготовки сепаратного соглашения Египта с Израилем. В уже упомянутой мной беседе с Садатом в конце 1975 года египетский премьер, рассказывая о войне, нарисовал такую картину ее последних дней.

– Фронт представлял собой «слоеный пирог», – говорил Садат. – Моя третья армия была окружена израильскими войсками на Синае. В свою очередь, египетскими войсками были окружены танки генерала Шарона, прорвавшиеся на западный берег Суэцкого канала. Их связывали с

основными израильскими силами шестикилометровый «коридор» и несколько понтонов через канал. Египетские генералы оказывали на меня давление, требуя перерезать «коридор» и ударить по плацдарму Арика Шарона. Все было для этого – двойной перевес в стволах артиллерии и танках. Но в это время в Египет прибыл Генри Киссинджер. Он сидел здесь, в этом самом доме, там, где вы сидите сейчас. Генри сказал мне: «Господин президент, если советское оружие одержит победу над американским, то Пентагон этого никогда не простит и наша «игра» с вами будет кончена».

– Какая «игра»? – в один голос спросили мы с Беляевым.

Садат, уйдя от ответа, перешел на другую тему...

На следующий день мы были уже в Аммане, где ситуацию уточнил король Хусейн и находившийся с ним премьер-министр З. Рифаи. Во время неофициального завтрака, на который мы были приглашены с И.П. Беляевым и советником посольства СССР Р.В. Ющуком, беседа перешла на египетскую тему и я рассказал о разговоре с Садатом.

– Нисколько не сомневаюсь, – заметил иорданский король, – что «игра» действительно имела место. Когда-нибудь ее контуры станут известны истории.

– Вспоминаю свое посещение Каира за шестнадцать месяцев до начала войны, – вступил в беседу премьер-министр З. Рифаи. – Я тогда приехал к Садату, чтобы восстановить дипломатические отношения, прерванные за год до этого египетской стороной. Садат разоткровенничался и сообщил, что у него существует секретный контакт с Киссинджером. Потом Садат поделился своей идеей о «размораживании» конфликта с Израилем. «Это можно сделать, – сказал он, – с помощью ограниченной акции, нацеленной на захват небольшого плацдарма на восточном берегу канала. После этого я могу сесть за стол переговоров».

Наконец, точки над «i» расставил президент Сирии Х. Асад. Во время встречи с ним 2 июня 1983 года мы говорили о многих сторонах ближневосточного конфликта. Речь зашла и о возможностях его урегулирования сразу же после войны 1973 года. Х. Асад сказал:

– У нас была предварительная договоренность с Садатом честно действовать вместе. Разумеется, он не информировал нас о своих подлинных целях, о том, что он задумал войну лишь как средство сдвинуть ситуацию с мертвой точки и вступить в переговоры.

Мы в Сирии понимали, что конечным результатом войны должно быть политическое урегулирование на основе решений Совета Безопасности ООН. Однако планы свои мы строили на том, что к моменту вмешательства ООН нам удастся на обоих фронтах освободить территории, оккупированные Израилем в 1967 году. В действительности, – заключил Асад, – все получилось по-другому.

Г. Киссинджер говорил о том, что любит приступать к урегулированию конфликтов, когда они находятся «в горячем состоянии». В своих мемуарах он отрицает, что заблаговременно понимал мысли Садата, «направленные не на территориальный выигрыш, а на то, чтобы породить кризис, который мог бы изменить замороженные позиции сторон и тем самым открыть путь к переговорам»*. Мне представляется такое неведение, «прозрение» в последний момент сомнительным, хотя бы в силу того, что Киссинджер, когда ему сообщили о неизбежности начала войны в ближайшие часы, по словам его биографов, сосредоточился на контактах с израильтянами, чтобы не допустить превентивного удара**. Но даже если он не «играл» с Садатом с самого начала, госсекретарю США импонировала, судя по всему, такая схема: размораживание конфликта с помощью крайне ограниченной

---

* *Kissinger H. Years of Upheaval.* – Boston; Toronto, 1982. – P. 460.

** См.: *Kalb M. and Kalb B. Kissinger.* – Boston; Toronto, 1974. – P. 459.

локализованной акции Садата; американский контроль над ситуацией; создание престижных условий для Садата, чтобы тот смог согласиться на переговоры, сориентированные на сепаратную договоренность.

Находясь в Москве перед принятием совместно разработанной СССР и США резолюции Совета Безопасности № 338 о прекращении огня на Ближнем Востоке, Киссинджер согласился с мнением советского руководства о необходимости увязать в ней окончание войны с началом процесса всеобъемлющего урегулирования. Однако на деле он как раз и отошел от этой «увязки». Это полностью проявилось в оценке того места, которое должна была занять, по Киссинджеру, мирная конференция, созванная в Женеве.

«Женевская конференция, – пишет Киссинджер, – не оставляя никаких сомнений в своих истинных целях и намерениях, была средством собрать в одну упряжку все заинтересованные стороны для одного символического акта и посредством этого сделать так, чтобы каждый мог проводить сепаратный курс, хотя бы на некоторое время. Было сложно и собрать такую большую встречу, и после этого держать ее в бездейственном состоянии (!), в то время как дипломатия возвратится к двусторонним каналам»*.

Так был упущен первый реальный шанс начала процесса общего урегулирования ближневосточного конфликта. А ведь он существовал.

Конечно, в 1978 году, уже когда Киссинджер ушел с поста госсекретаря, был подписан договор о мире между Египтом и Израилем. Трудно, да и не нужно ретроспективно отрицать его значение. Однако важно подчеркнуть, что договор не только не создал обстановку, благоприятствующую *общему* урегулированию, но, напротив, в тот момент затруднил его. Возвращение «ненужных» –

---

* Kissinger H. Years of Upheaval. – P. 747.

об этом многократно говорили израильские руководители – земель на Синае объективно укрепило позиции Израиля в отношении оккупированных территорий на Западном берегу, в Газе и на Голанах.

К тому же сепаратный договор Израиля с Египтом не положил конец череде войн и вооруженных столкновений. В 1982 году была осуществлена израильская интервенция в Ливане, сопоставимая по масштабам вооруженных столкновений и по жертвам сторон с предшествовавшими войнами на Ближнем Востоке. Вплоть до сегодняшнего дня происходят многочисленные обстрелы, бомбардировки, вооруженные столкновения, террористические акты – и в Ливане, и на Западном берегу, и в Газе, и в Восточном Иерусалиме. После Кэмп-Дэвидского соглашения в течение двадцати лет не было результативных перемен в мирном процессе на Ближнем Востоке. Это само по себе уже показатель.

Единственный путь

Естественно, всеобъемлющее урегулирование такого застарелого конфликта, да еще с таким числом участников, – дело далеко не простое. А если к этому добавить еще и нежелание ряда участников сблизить свои позиции, то перспективы подобного решения покажутся еще более мрачными. Вместе с тем жизнь, практика подвели к необходимости выработки именно всеобъемлющего урегулирования с участием всех стран и сил, вовлеченных в многолетнюю борьбу.

Можно считать, что эта линия восторжествовала в 1991 году, когда была созвана в Мадриде Мирная конференция по Ближнему Востоку. Характерным был выработанный нами совместно с США формат этой конференции – ведение переговоров между Израилем и отдельными арабскими государствами на двусторонней и многосто-

ронней (по общим проблемам) основе, а по Западному берегу и сектору Газа – Израилем с иорданско-палестинской делегацией, но все это рассматривалось как подходы к решению общей задачи достижения всеобщего мира. Такой формат свидетельствовал о том, что отказ от сепаратных шагов отнюдь не означал игнорирования шагов частичных, но в контексте всеобъемлющего решения. Это была та точка зрения, которой наша страна придерживалась и ранее.

В Мадриде, казалось, американская дипломатия отошла от попыток монополизировать миротворческую активность на Ближнем Востоке – сопредседателем конференции стала наряду с США и Россия.

Не случайно, что при таких условиях согласие на работу в конференции впервые дали все участники конфликта – Сирия, Египет, Иордания, Израиль и Ливан. Центральный совет ООП одобрил список палестинских участников совместной иордано-палестинской делегации, состоящей из видных общественных деятелей с оккупированных территорий, формально не связанных с ООП. В список не вошли представители палестинской диаспоры из Восточного Иерусалима. Такая формула позволила обойти жесткие возражения Израиля против участия ООП и «внешних палестинцев» в мирном процессе в любой форме.

Несомненным достижением было провозглашение в Мадриде формулы: «территории в обмен на мир» в качестве основы всеобщего урегулирования. Мадридская конференция вылилась в постоянно действующий процесс с целью продвижения по всем направлениям, ведущим к миру.

Мадридская конференция дала импульс для активизации усилий и самих сторон в конфликте. В середине 90-х годов в Осло состоялось несколько серий конфиденциальных встреч представителей Израиля и Организации освобождения Палестины. Я в то время находился

во главе Службы внешней разведки, и мы были в курсе происходившего из наших собственных источников, но не от палестинцев, которые при всей разветвленности и продвинутости наших отношений не информировали нас о секретных переговорах. Некоторые из моих коллег возмущались, тем более в связи с тем, что палестинские руководители при каждой встрече с российскими представителями подчеркивали необходимость активизации роли нашей страны в ближневосточном мирном процессе. Но я стремился охладить страсти, подчеркивая, что важен результат, а он несомненно положителен – впервые на таком уровне и по таким проблемам мирных решений, включая вывод израильских войск, состоялся непосредственный диалог между Израилем и ООП.

Обозначилось продвижение и по сирийскому направлению, но не выходящее за рамки зондажа. Между тем при всей важности продвижения по палестинскому «треку» без решения вопросов урегулирования с Сирией мир на Ближнем Востоке недостижим. Мы в Москве это хорошо понимали. Расчет на то, что урегулирование с палестинцами может стать локомотивом, который вытаскивает весь поезд, был ошибочным. Более того, нерешение сирийских проблем создавало реальную угрозу отката и на палестинском «треке». Во время одного из разговоров с Х. Асадом я рассказал ему о своем видении сирийской позиции. С одной стороны, Сирия не хочет быть первой, пришедшей к урегулированию с Израилем, а с другой – последней, так как в таком случае она объективно остается с ним один на один. Такая «диалектика» создает очень узкое поле для маневрирования. Согласившись со мной, Х. Асад сказал:

– Может быть, мы и не можем самостоятельно привести дело ко всеобщему урегулированию, но уж во всяком случае в состоянии не допустить такой ситуации, когда Сирия останется одинокой лицом к лицу с Израилем.

В 1993 году я встретился в Москве, как я считаю, с одним из лучших американских специалистов по ближне-

восточным делам Эдвардом Джереджяном. Мы с ним периодически виделись – когда он был и послом США в Сирии, и заместителем госсекретаря в Вашингтоне. Помню, как, находясь в Дамаске, в отеле «Аш-Шам», я позвонил американскому послу. «Откуда-то» прознавшие об этом служащие отеля настойчиво предлагали мне встретиться с Джереджяном в специально выделенной для этого комнате. Я предпочел посидеть с ним в холле. От кофе отказались. От чая и фруктов тоже. Тогда подошел официант и поставил перед нами вазочку с цветами. Но мы, конечно, не пытались договариваться о чем-то за спиной радушных хозяев. Разговор был чисто светский. Делились воспоминаниями, спрашивали друг друга об общих знакомых.

А вот в 1993 году, когда мы вместе с Маркаряном принимали Джереджяна в гостевом доме СВР в центре Москвы*, весь разговор был целиком посвящен перспективам ближневосточного урегулирования. В центре внимания была Сирия. Я сказал Эдварду, что главное, как мне кажется, разрешить сирийские проблемы в рамках общепарабского подхода к построению новых отношений с Израилем. Вместе с тем следует решать и чисто сирийский вопрос, без которого Дамаск не согласится на мир с Израилем, – это освобождение Голанских высот, пусть последовательно, по частям, в привязке к определенным шагам навстречу и с сирийской стороны, но с обязательно

---

* В этом же с виду невзрачном доме в Колпачном переулке я ланчевал с З. Бжезинским, в другой раз – с моим старым другом, известным телевизионным комментатором Питером Дженнингсом, который в то время остро переживал свой развод с милойшей Кетти, способной журналисткой и писательницей, ставшей потом женой Р. Холбрука, – поистине «мир тесен». А сенатора Смита, который собирал сведения о судьбе американских военнопленных во времена вьетнамской войны, я принимал в другом доме – в Ясенева. Этот высокий приветливый человек очень удивился тому, что его пригласили в «российское Лэнгли». «Я первый американец, посетивший этот дом?» – спросил он. «Первый не агент», – ответил я.

обозначенной уже в начале процесса перспективой ухода израильтян со всех Голан⁷³. Такой подход мог включать в себя и вопросы демилитаризации, и создание наблюдательных постов, и совместное патрулирование, и другие меры, о которых, естественно, следует договариваться с Дамаском.

Я был очень удивлен тем, что для Джереджяна постановка вопроса о возможном согласии сирийцев на поэтапный уход израильтян была в диковинку. Он делал пометки в своем блокноте во время всего нашего разговора. Вспоминая об этой чрезвычайно полезной, во всяком случае для меня, беседе, я еще раз думаю, как далеко мы могли бы продвинуться с урегулированием на Ближнем Востоке, если б работали вместе – Россия и США, США и Россия, если б координировали свои дипломатические и политические усилия.

Но центральной фигурой выработки и осуществления ближневосточной политики США стал Дэнис Росс, который мыслил, судя по всему, совсем другими категориями.

К этому моменту, когда я перешел из Ясенева на Смоленскую площадь, ситуация на Ближнем Востоке оставалась сложной и даже взрывоопасной, несмотря на то что некоторый оптимизм имел право на существование. Произошло сближение позиций Израиля и ООП – были намечены этапы вывода израильских войск со значительной части Западного берега, обговорены основы самоуправления палестинцев, некоторые конкретные вопросы – создание коридора между Газой и Западным берегом, строительство аэродрома в Газе и так далее. По словам сирийских руководителей, они получили твердое заверение от США, сославшихся на израильское руководство, о готовности в конечном счете вывести израильские войска с Голанских высот.

Но к этому времени стало ясно, что США вновь упорно повели сольную партию в миротворческом процессе. На этот раз Вашингтон не только, по сути, повернулся спи-

ной к российскому сопредседателю Мадридской мирной конференции, но не пожелал взаимодействовать в своей миротворческой миссии на Ближнем Востоке и с европейцами.

Я уже писал, что ближневосточная тематика фигурировала во время моих разговоров и с Кристофером, а также с Олбрайт, но не более того.

В качестве министра иностранных дел России я совершал «турне» по Ближнему Востоку три раза. 20–22 апреля 1996 года побывал в Дамаске, Бейруте, Иерусалиме. В Москве находились главы «большой восьмерки» в то время, как вызревал и разразился кризис в Ливане⁷⁴. Обмен ударами – боевиков «Хизбаллы» из «катюш» по Северной Галилее и израильской авиации и артиллерии по селам южного Ливана – предвещал эскалацию военных действий. Кое-кто предрекал даже масштабную израильскую сухопутную операцию.

Ж. Ширак настойчиво рекомендовал направить меня на место конфликта. В Ливане уже находились госсекретарь США Кристофер, министр иностранных дел Италии С. Аньелли. Туда вылетел и мой французский коллега Э. де Шаретт. Клинтон тоже поддержал идею посещения Ливана, добавив, что даст указание Кристоферу плотно работать со мной и другими. Ельцин санкционировал поездку, и я буквально на следующий день уже был в Бейруте.

Сразу попросил соединить меня по телефону с Кристофером. Думал, что после поручения Клинтона он быстро развернется в сторону совместных усилий, чтобы использовать все возможности для разрядки напряженности. Однако госсекретарь очень сдержанно отреагировал на мое предложение встретиться всем четверем министрам и обсудить координацию действий. Вместе с тем Эрве сказал мне, что предварительно договорился с Кристофером и Сюзанной Аньелли о встрече вечером в резиденции французского посла, и попросил меня тоже

приехать. Я приехал в пустую резиденцию – Шаретт и Аньелли, оказывается, срочно были приглашены в американское посольство, мне тоже предложили поехать туда, но, не получив приглашения лично от Кристофера, я не считал возможным спешно менять место встречи. Собирался уже уходить, когда вернулись явно раздосадованные мои коллеги. Эрве, с которым я к тому времени уже был в дружеских отношениях, в сердцах поделился со мной тем, что госсекретарь замкнулся, не открывает «карты», не проинформировал даже о характере переговоров с сирийскими руководителями – словом, потянул одеяло на себя. Сюзана тоже выглядела несколько обескураженной.

Ну что ж, решили информировать друг друга и пытаться, действуя параллельно, помочь урегулированию. У меня и у Шаретта были для этого немалые возможности, которые мы активно использовали. Прежде всего, несмотря на то что официальный Дамаск был явно настроен в пользу США, что, естественно, нас абсолютно не смущало, у россиян и у французов были, я бы сказал, особые отношения с президентом Асадом и с министром иностранных дел Сирии Ф. Шарая. Но главное даже не в этом. В Дамаск прибыл министр иностранных дел Ирана А. Велаяти, который безусловно оказывал влияние на «Хизбаллу». С ним увиделся де Шаретт, с ним несколько раз встречался я, а Кристофер этого сделать не мог. Мои беседы с Велаяти были абсолютно откровенными, без грана дипломатии. Все называлось своими именами. Сказалось то, что такая встреча была далеко не первой – с ним и его заместителем Ваэзи я многократно контактировал, и с успехом, особенно по вопросам стабилизации обстановки в Таджикистане.

И наконец, была только для меня организована встреча с членом Политбюро «Хизбаллы» Халилем, приехавшим для этого из Бейрута. Меня приятно удивили незаангажированность этого человека, умение внима-

тельно слушать собеседника, реалистичный подход к ситуации. Разговор был весьма нужным и полезным. После него Халиль срочно вернулся в Бейрут.

Таким образом, создалась ситуация, при которой вроде бы США, действуя в одиночку, привели дело к компромиссу, заключавшемуся в том, что обе стороны взяли на себя обязательство прекратить обстрелы и бомбежки и была создана международная комиссия наблюдателей (в которую, кстати, американцы Россию не включили, но нужно сказать, что мы и не стремились к этому, считая комиссию «мертворожденным дитятею», что подтвердило время). На самом деле авторов урегулирования было больше, но не на виду. Кстати, такой анонимности способствовали и сами сирийцы. Им оказалась выгодна ограниченность возможностей США, которые могли повлиять на руководство «Хизбаллы» и иранцев только через Дамаск.

Еще раз почувствовал, насколько мы теряем от нежелания или неумения договариваться о совместных усилиях в вопросах ближневосточного урегулирования.

Во время беседы в Иерусалиме 22 апреля 1996 года с премьер-министром Ш. Пересом, который незадолго до этого виделся с Кристофером, он мне сказал прямо: «Нам нужен только один посредник, и им должны быть Соединенные Штаты». Однако я убедился, что такое однозначное, «с металлом в голосе» заявление далеко не отражает отношения всего спектра главных политических сил Израиля к роли России в деле урегулирования с арабами.

31 октября, во время моей следующей поездки на Ближний Восток, я встретился в Тель-Авиве с новым премьер-министром Израиля Б. Нетаньяху, о котором много слышал ранее. Он произвел впечатление прямого, волевого человека и, как мне показалось – знаю, что в этом расхожусь во мнении с очень многими политиками и специалистами, – способного к неожиданным полити-

ческим поворотам, причем не всегда с негативным результатом.

Нетаньяху сказал, что заинтересован в активной роли России, которая, как он подчеркнул, наряду с США является сопредседателем Мадридской мирной конференции.

С приходом к власти в Израиле правительства Ликуда положение с мирным урегулированием начало резко ухудшаться. Нетаньяху отходил от договоренностей, состоявшихся при его предшественниках – Рабине, убитом еврейским террористом, и Пересе. Арабские лидеры, с которыми встречался в это время, как правило, подчеркивали, что с Нетаньяху продвинуться к миру не удастся, так как с ним невозможно не только договориться, но и осуществить договоренность, если даже ее достичь. У американцев тоже «сводило скулы».

Я, честно говоря, придерживался других взглядов. Отнюдь не потому, что не был настроен активно против того поворота, который осуществил Нетаньяху в политике урегулирования. Сказал об этом ему прямо, без всяких двусмысленностей. Подчеркнул свое отношение также тем, что каждый раз после этой и следующей встречи с Нетаньяху в Иерусалиме, состоявшейся через год, ездил в Газу, где меня принимало палестинское руководство во главе с Арафатом, и заявлял во время пресс-конференции (собственно, говорил об этом публично и в Иерусалиме), что Россия категорически настаивает на выполнении Израилем мадридской формулы «территории в обмен на мир» и выступает против любых попыток израильского руководства отойти от уже достигнутых соглашений. Вместе с тем мне казалось, что Нетаньяху «не стоит на месте», и это создавало определенную перспективу. Характерно, что уже во время моей второй встречи с ним, в Москве, где он был с официальным визитом, а затем в Иерусалиме он пытался убедить, что «не отступает от соглашений в Осло». На деле было не так, но вначале он вообще отрекся от этих договоренностей.

Однако вернемся к моей поездке по Ближнему Востоку в конце 1996 года. Перед Израилем я посетил Сирию, Ливан и Египет, а после Израиля Иорданию. В МИДе России мы провели серию совещаний со специалистами и пришли к выводу о необходимости предложить сторонам конфликта придерживаться определенных «правил поведения», которые позволят удержать процесс урегулирования и создать условия для его оживления, как только появятся для этого предпосылки. Такая инициатива представлялась необходимой, так как с приходом к власти в Израиле партии Ликуд было трудно рассчитывать на быстрые решения в пользу урегулирования на палестинском и сирийском направлениях. В таких условиях нужно было вначале сосредоточиться на том, чтобы миротворческий процесс не повернулся вспять, а для этого всем сторонам конфликта договориться по двум вопросам. Во-первых, об обязательствах соблюдать преемственность в достигнутых при их предшественниках договоренностях – с учетом длительного характера процесса урегулирования это приобретает стратегическое значение не только для арабов, но и для Израиля, который тоже не может не думать о необходимости преемственности политики при грядущей смене руководителей в ООП и в некоторых арабских странах. Во-вторых, о параллельном продвижении по всем направлениям урегулирования с учетом вовлеченности всех арабских участников конфликта.

Нами был подготовлен документ, который мы предлагали подписать в рабочем порядке, не собираясь для этого всем вместе. При этом учитывался и тот факт, что в Израиле начали ратовать за созыв конференции «Мадрид-2», а за этим было нетрудно разглядеть попытку ревизовать решения основной Мадридской конференции, которая у некоторых стояла как «кость в горле».

Президент Мубарак и министр иностранных дел Египта Муса полностью согласились с идеей, содержанием

и инициативой в целом. В Дамаске, приняв идею, хотели внести в документ формулировки, под которыми вряд ли поставил бы свою подпись Израиль. После бесед с Х. Асадом, а потом и с израильским руководством я убедился, что «с колес» инициатива (мы ее называли «крестом»: по вертикали – преемственность, по горизонтали – одновременность продвижения) не может быть закреплена документально. Но, несомненно, ее выдвижение, разговоры вокруг нее с лидерами вовлеченных в конфликт сторон пользу принесли.

Что касается Ливана, то здесь на передний план вышли и другие проблемы. Приехав в Бейрут, я почувствовал некоторую растерянность отдельных местных руководителей в связи с заявлениями в Израиле о том, что он может под давлением своей общественности, обеспокоенной постоянными и возрастающими потерями в живой силе, вывести своих солдат из Ливана. Такой односторонний вывод без договоренности с Сирией, как ни парадоксально это звучало, мог бы погрузить Ливан в очередную гражданскую войну. А если учесть, что положение в этой стране во многом контролируется сирийцами, то они могли бы стать стороной в этом внутреннем конфликте. Не говоря уже о том, что, даже в случае ухода, Израиль продолжал бы оказывать всестороннюю помощь дислоцированной в так называемой зоне безопасности на юге Ливана местной армии генерала Лахуда, созданной, вооруженной и направляемой израильтянами.

При первой встрече с Нетаньяху в Тель-Авиве вскоре мы остались с ним беседовать один на один. Не скажу, что беседа была легкой, но несомненно откровенной. После его слов о желании активизировать роль России в мирном процессе я поделился с ним идеей «креста». Не помню, чтобы Нетаньяху очень возражал против необходимости соблюдения и «вертикали» и «горизонтали» в процессе урегулирования. Вместе с тем он ставил все в зависимость от того, получит ли Израиль в его пони-

мании безопасность. Трудно было, например, убедить его, что безопасность Израиля создаст не наличие его войск на Голанских высотах, а мир с Сирией, который невозможен без эвакуации израильской армии. Естественно при этом, что вывод войск может и должен быть сопряжен с условиями, создающими стабильность в отношениях двух стран и их безопасность. Сказал Нетаньяху: «Послушайте, почему бы вам не объявить, что вы будете согласны вывести свои войска с Голан при многих “если”. Сформулируйте эти “если” по вопросам безопасности Израиля – пусть их будет много, но их выполнение должно быть заранее связано с вашей готовностью полностью уйти с оккупированных высот». Нетаньяху не мог переступить через себя. Не помогла и моя ссылка на то, что покойный Рабин через американцев уже дал соответствующее заверение сирийцам.

По палестинцам он был настроен чуть более сговорчиво. Что касается одностороннего вывода войск из Ливана, то сказал, что понимает мою аргументацию о пагубности такого шага без договоренности с Дамаском.

Через год в Иерусалиме мы с Нетаньяху уже встретились как старые знакомые. Непринужденный разговор шел и о двусторонних отношениях, и, конечно, о мирном процессе. В это время на лицах многих израильтян была написана тревога. В средствах массовой информации муссировали сообщение о переброске сирийских элитных частей, готовых вот-вот совершить бросок на Голаны. Уже через несколько месяцев в израильской прессе опубликовали разоблачения в связи с тем, что их военная разведка, стремясь гиперболизировать свои агентурные возможности, дезинформировала руководство о якобы готовившейся сирийской военной операции с целью захватить плацдарм на Голанах. Однако это было через несколько месяцев. А в момент моей встречи с Нетаньяху 26 октября 1997 года он, не называя источника, утверждал, что обладает достоверными сведениями

о сирийских намерениях. Даже, может быть, подсознательно он не исключал, что мы осведомлены и, возможно, поддерживаем сирийский план. Когда после беседы мы вышли к журналистам, он прилюдно радостно отреагировал на мой ответ на один из вопросов: Россия против любого, с любой стороны, нарушения состояния прекращения огня на Голанах.

Я сказал Нетаньяху, что не верю в инициативную вооруженную акцию сирийцев. Однако ситуация действительно обострилась обоюдными подозрениями. Ведь в конце концов у сирийского руководства тоже могла появиться мысль о готовившемся израильском ударе. Перед приездом в Израиль я был в Дамаске и мне говорили, что израильская армия, получив подкрепление, провела демонстративные маневры на высотах.

– Не могли бы вы передать в Дамаск, что мы не намерены осуществлять военную акцию первыми? – спросил Нетаньяху.

– Лучше сделаю это сам, лично, еще раз увидевшись с Хафезом Асадом, – ответил я.

И вот «челночный полет» в Сирию, встреча с президентом, который через меня передал израильтянам аналогичные заверения.

Даже не только этот эпизод, но вообще весь ход событий еще и еще раз убеждал в том, что мирный процесс на Ближнем Востоке много теряет без активного взаимодействия всех заинтересованных сил.

Американцы несомненно преуспели, подключив в виде «тяжелой артиллерии» президента Клинтона, совершившего специальный визит на Ближний Восток и многократно принимавшего лидеров Израиля и Организации освобождения Палестины в Вашингтоне. Именно в присутствии Б. Клинтона палестинский парламент исключил из своей хартии положение о ликвидации государства Израиль как цели движения. С помощью госсекретаря Олбрайт удалось нащупать договоренность о содержании

различных этапов вывода израильских вооруженных сил с Западного берега. Мы приветствовали все эти дипломатические и политические успехи США – я об этом неоднократно говорил и Мадлен, и публично на пресс-конференции.

Но разве это конец мирного процесса? Разве уже пришло время праздновать победу? Между тем Россия обретала все большие возможности для активной роли в урегулировании. Давно прошло то время, когда мы стояли «на одной ноге», не имея, по сути, никаких позиций в Израиле. Я много раз встречался с Натаном (Анатолием Борисовичем, как мы его традиционно называли) Щаранским, тем самым Щаранским, который просидел в советское время девять лет в тюрьме и в лагерях за сионистские идеи, а затем уехал в Израиль, создал «русскую партию» эмигрантов из СССР и России и стал министром в правительстве Нетаньяху. Щаранский не без гордости говорил мне, что представляет почти миллионную общину, что пресса на русском языке – самая интересная и популярная в Израиле, что «русские эмигранты» (так они сами себя и их так называют в Израиле) набирают все больший политический вес, что они испытывают ностальгию по России и уверены в ее способности сыграть важную роль в ближневосточном мирном процессе.

О возрастающих возможностях российского влияния свидетельствовал и тот факт, что во время моего второго пребывания в Израиле в качестве министра иностранных дел я получил документы о передаче Российской Федерации «Русского подворья» в Иерусалиме – это действующий собор Святой Троицы, построенный еще в середине XIX века, и здания, принадлежавшие ранее Русской духовной миссии в Палестине. Одновременно нам вернули и земельный участок в центре Иерусалима.

Этим еще далеко не исчерпывалась проблема возвращения законному владельцу крупной недвижимости в Израиле. Я имею в виду в первую очередь Сергиевское

подворье – участок земли напротив Дамасских ворот Восточного Иерусалима и обширную территорию вблизи от храма Гроба Господня, которую занимает Александрийское подворье с церковью Александра Невского. Пока израильское руководство не созрело до возвращения всего этого России, но очень важно, что первый шаг уже сделан.

«Русское подворье» правительство РФ обязалось передать Русской православной церкви. Не скрою, были и противники этого, даже в нашем посольстве, – считали, что следует все оставить в государственной собственности и по мере возможности использовать, в том числе для пополнения бюджета. Я был абсолютно против этой идеи, так как, помимо всего прочего, знал историю – до 1917 года огромное имущество, в том числе участки земли площадью около 150 гектаров, были закуплены в Палестине Русской духовной миссией и общественно-религиозной организацией Императорское православное палестинское общество. Эти земли закупались в основном на средства православных верующих.

В конце 90-х годов в ближневосточный миротворческий контекст ворвалась иранская тема. Со всех сторон посыпались обвинения в том, что мы – нет, не официальные власти, а отдельные предприятия, институты, ученые – способствуем созданию иранских ракет земля–земля, способных достигать цели на расстоянии в две тысячи километров. Главным источником таких сообщений, многократно тиражировавшихся Вашингтоном, Лондоном, была израильская военная разведка. Незначительная часть переданной нам американцами информации действительно подтвердилась. Некоторые специалисты индивидуально могли выехать из России, других стран СНГ и попасть «окружным путем» в Иран. Среди них не было экспертов, занимавшихся производством оружия массового поражения, – для таких существует срок запрета на выезд из России, все они на учете,

и, по сведениям ФСБ, никто не нарушил предписанного режима. Но почему, например, не мог выехать ученый, читающий лекции по турбулентности?

Тем не менее мы очень серьезно отнеслись к иранской теме. Ельцин дал указание ужесточить режим секретности и строжайшим образом контролировать экспорт предметов двойного назначения. ФСБ, действуя без всяких иностранных «наводок», обезвредила группу лиц, пытавшихся получить военные технологии. Так или иначе, но Россия, как и многие другие страны, отнюдь не заинтересована в том, чтобы у Ирана появились ракеты с большим радиусом действия.

Вместе с тем создается впечатление и об искусственно нагнетаемой кампании вокруг «помощи россиянам» в производстве Ираном своих ракет. Некоторым такая кампания стала нужна особенно в тот момент, когда США начали хотя бы чуть-чуть оказывать давление на правительство Нетаньяху, которое не во всем поддержало их миротворческие усилия на Ближнем Востоке.

В мае 1999 года выборы в Израиле привели к смене правительства. Премьер-министром стал Барак. В мире возросли надежды на продолжение мирного процесса. Не в последнюю очередь успех в продвижении по этому нелегкому пути будет зависеть от внешней поддержки. Мне представляется, что следует в этой связи говорить о США, России, Европейском союзе, несколько не преуменьшая при этом значение арабских стран, особенно Египта.

V. Проблемы СНГ

Они заняли не только много времени, но и стали одними из самых главных для министра иностранных дел России.

Интеграция: неудачи и перспективы

Уверен, что развал Советского Союза был катастрофически негативным явлением. Не думаю, что самое продуктивное в настоящее время искать виновных в этом. Сказались, безусловно, различные и далеко не одномоментные причины.

Образование Содружества Независимых Государств (СНГ) было продиктовано скорее стремлением притупить остроту негативной внутренней реакции – внешняя в основном была противоположной – на распад великого государства. Вместе с тем Содружество не ставило задачу восстановить уже на новой рыночной основе единое масштабное поле, столь необходимое для развития производства во всех странах СНГ. Можно было многое сделать в 1992–1993 годах, но и они оказались упущенными – России, к сожалению, было не до того, а другие государства СНГ не проявляли должного стремления к сближению экономик, к созданию единых рыночных инфраструктур. В результате произошла переориентация экономических связей, что еще больше отдаляло получившие суверенитет бывшие советские республики от идей сохранения единого экономического пространства. За первые пять лет взаимный товарооборот стран СНГ упал более чем на 60 процентов, а доля государств, не входящих в Содружество, к 1997 году достигла половины внешнеторгового оборота стран СНГ. Удельный вес России во внешнеторговых связях остальных стран СНГ снизился, составив менее 40 процентов.

Большинство стран СНГ понимает, что их экономическая ситуация была бы еще хуже без Содружества. Значительные суммы экономятся за счет сохранения единых систем транспорта, энергетики, связи, производственно-кооперативных отношений между рядом предприятий, отказа от сплошного обустройства «внутренних» границ

в Содружестве. Но, как показывает практика, такого понимания явно недостаточно. Необходимо четко продуманное, динамичное, поэтапное, с определением временных границ продвижение от более простого к более сложному на пути возвращения, но уже в принципиально новых условиях, к единому экономическому полю. Однако пока всего этого нет.

Сложилась ситуация, когда одноразово уже невозможно создать единое экономическое пространство в Содружестве. Ретроспективный взгляд показывает, как много зависит от выполнения уже принятых решений и последовательности продвижения к более сложным. 15 апреля 1994 года, например, было подписано Соглашение о зоне свободной торговли. Его осуществление не просто тормозилось, а быстрыми темпами отставало от развития экономической ситуации в странах СНГ. Между тем без реализации этого соглашения мы стали принимать решения о следующих ступенях экономической интеграции.

Опыт Европейского союза, да и всех других интеграционных объединений свидетельствует о том, что наряду с регулированием интеграционных процессов на межгосударственном уровне происходит развитие межнациональных частнопредпринимательских структур в виде транснациональных компаний. Эти два взаимосвязанных потока и создают наилучшие условия для развития производительных сил в современном мире. В СНГ процесс образования транс- или межреспубликанских компаний тоже находится лишь в зачаточном состоянии.

К тому моменту, когда я перешел в высотное здание на Смоленской площади, перед МИДом стояли две главные задачи в связи с СНГ: создание условий для продвижения интеграционного процесса и урегулирование конфликтных ситуаций – грузино-абхазской, грузино-южноосетинской, вокруг Нагорного Карабаха, приднестровской проблемы, междоусобного кризиса в Таджикистане.

Что касается первой задачи, то появились кое-какие позитивные признаки, однако одновременно стали более контрастными негативные моменты. К обнадеживающим я бы отнес в первую очередь подписание Договора о союзе России и Беларуси, Российско-украинского договора, Таможенного союза четырех государств – России, Беларуси, Казахстана, Киргизии, к которым позже присоединился Таджикистан⁷⁵. К негативным – стремление значительного числа стран СНГ, в первую очередь Украины, Узбекистана, Туркмении, Азербайджана, Грузии, развивать отношения в рамках Содружества не на многосторонней, а на двусторонней основе.

Именно это и предопределило в конечном счете «разноскоростную» интеграцию в рамках СНГ. Само по себе такое явление не было ни отрицательным, ни чисто российским. На многие ступеньки интеграции в Западной Европе, например, поднимались не сразу все страны, участвующие в процессе. Но обязательность подняться всем на эти ступеньки оставалась бесспорной. У нас в СНГ такой бесспорности не было и нет.

Как представляется, для будущего сближения стран СНГ в наибольшей степени важно претворение в жизнь тех принципов, которые были заложены в фундамент союза России и Белоруссии. Этот союз впервые после ликвидации СССР начал разрушать созданные при «тотальной суверенизации» преграды, мешающие свободному переливу рабочей силы, капиталов, услуг, товаров, приводить к выравниванию законодательно-правовой базы, равенству в правах населения двух стран. Что касается собственно России и Белоруссии, то заключение союза означало восстановление единства двух исторически близких народов, открывало путь к их государственному единению, положительным образом сказалось на развитии экономических связей. Был чрезвычайно важным и геополитический аспект единения – после распада СССР Россия оказалась отодвинутой от Центральной Европы.

У союза с Белоруссией были и, очевидно, будут противники, как внутренние, так и внешние. К внешним относятся те, кто считает необходимым препятствовать сближению стран, образовавшихся на пространстве бывшего Советского Союза. Внутренних противников с российской стороны я бы разделил на несколько категорий: одна из них – это те, кто принадлежит к так называемому неоиоляционистскому лагерю и исходит из того, что России не следует слишком сближаться в экономическом плане с любыми другими странами СНГ, так как это пойдет во вред ее рыночному реформированию и благосостоянию населения*. Другая – это те, кто настроен против «авторитарного стиля» белорусского руководителя. Третья – те, кто думает не о государственных, а о личных интересах, по определенным причинам не совпадающих с единением двух стран. Не берусь судить об истинных мотивах противников союза с белорусской стороны. Мне кажется, что их еще меньше, чем с российской, хотя и у нас они образуют очень тонкий, можно даже сказать – тончайший слой.

Особо хотел бы сказать об отношении Ельцина к процессу единения с Беларусью. Не соответствует действительности попытка представить дело так, будто он не выказывал заинтересованности в этом или вынужденно «плыл по течению». Некоторых находившихся вблизи от Ельцина в то время, когда готовились и согласовывались документы о союзе, действительно можно было отнести если не к прямым противникам сближения, то, во всяком случае, к недоброжелателям этого процесса. Но уверен, что никто из них не осмеливался «в лоб» высказываться президенту против союза. Может быть, здесь сказывался у Ельцина и «беловежский комплекс», когда в одночасье были приняты далеко не во всем продуман-

---

* Удельный вес торговли со странами Содружества в ВВП России в 1997 году был почти в 3 раза меньшим, чем в 1990-м, упав с 14,7 до 3,6 %.

ные решения, но так или иначе Ельцин был – у меня нет в этом никаких сомнений – за союз с Беларусью.

Во время одного из докладов Ельцину – это было незадолго до первого тура выборов в 1996 году – зашел разговор о Белоруссии. На мои слова о том, что нельзя в телевизионных передачах оскорблять главу дружественного, братского государства, тем более того, с которым мы ведем переговоры о союзе, Ельцин отреагировал бурно: сразу же подошел к селектору, нажал кнопку связи с одним из своих главных помощников и резко сказал ему: «Прекратите это вопиющее безобразие». Борис Николаевич при этом сослался на то, что сам смотрел «возмутительную передачу» про Лукашенко. Но определить, кто находился в это время в кабинете президента, было нетрудно, и в течение нескольких недель против меня велась разнузданная и лично оскорбительная кампания в субботней аналитической передаче «Время».

Противники сближения с Белоруссией вообще не сидели сложа руки. Они использовали любую оплошность белорусского лидера, но чаще даже сами создавали предлоги для того, чтобы оттолкнуть Ельцина от идеи единения. Настойчиво пытались убедить его в неподготовленности документов – Договора и Устава Союза, уговаривали отстранить от дел людей, которые были связаны с их подготовкой. Дошло до того, что Борис Николаевич позвонил В.С. Черномырдину и потребовал снятия в то время заместителя Председателя Правительства В.М. Серова, а затем мне – с тем же требованием в отношении моего заместителя Б.Н. Пастухова. И Черномырдин, и я не согласились. Обычно Ельцин не принимал такого рода возражений. Однако на этот раз – и я просто уверен, что это произошло из-за его стремления все-таки добиться реальных сдвигов в сближении с Минском, а не нагромождать препятствия на этом пути, – в разговоре со мной повесил трубку, но всех оставил на своих местах. Справедливости ради, не совсем всех – сво-

его помощника, тоже заангажированного в подготовке документов, он все-таки снял с работы, но мне кажется, что к этому дело шло давно и белорусский эпизод лишь подтолкнул решение.

Перед тем как подписать договор и устав, в Минск, по указанию Б.Н. Ельцина, был направлен я – руководитель того учреждения, которое последовательно выступало за создание союза. Это тоже было весьма характерно. Предстояло снять последние препятствия. К тому моменту в предварительном заключении находились журналисты московской телевизионной компании ОРТ, которые нарушили белорусско-литовскую границу. Все понимали, что это скорее был «ответ» за ту кампанию, которую развязали против президента А.Г. Лукашенко. Но Москва жестко настаивала на изменении меры пресечения, а в дальнейшем прекращении судебного преследования журналистов.

Другим «раздражителем» в отношениях между Москвой и Минском было стремление белорусской стороны создать исполнительные органы союза на паритетных началах с обязательным исполнением их решений на территории двух государств. Противники союза эффективно использовали в этой связи такой «аргумент»: мы готовы были бы поддержать эту идею, но в условиях создания федеративного государства, а Минск, как вы видите, не готов отказаться от своего суверенитета.

Между тем Лукашенко не мог, да и не должен был ставить вопрос об отказе его страны от суверенитета и поэтому лишь неопределенно говорил о возможной эволюции союза в будущем. Мне было совершенно ясно, что он был не в состоянии поступить иначе с учетом в том числе своей борьбы с оппозицией. Но в таких условиях не следовало бы настаивать на паритетных началах руководства с обязательным исполнением принимаемых решений для двух государств.

К тому времени, когда я прилетел в Минск, у меня уже сложились очень хорошие отношения с А.Г. Лукашенко. Мы часто встречались с этим безусловно одаренным, целеустремленным и искренним, пользующимся поддержкой преобладающей части населения республики, но подчас субъективно воспринимающим действительность человеком. Я понимал, что для формирования этой уникальной политической фигуры нужны время и среда. А. Лукашенко окружали – это случается со многими государственными руководителями – не только те, кто мог ему подсказать что-то или даже иногда подправить. Между тем из практики моего общения с ним сложилось впечатление, что он сам нередко тянулся к откровенным разговорам, сам искал, конечно небезропотно и не без желания оспорить, разбора своих действий. Во всяком случае – и это очень сильная черта его характера – не замыкался, был открыт для откровенного разговора.

Немалое значение имеет и импульсивность характера Александра Григорьевича. Сказали ему в марте 1998 года во время зимних Олимпийских игр в Японии, что его личное присутствие на хоккейном матче может вдохновить игроков и обеспечить бронзовую медаль белорусской команде, и он уже летит в эту страну (в Токио, где лишь создавалось белорусское посольство, российские представители, как говорится, стояли на ушах, получив совершенно неожиданно и буквально перед самым полетом указание из Москвы обеспечить все многочисленные формальности)*. Или непродуманные до конца действия, направленные на выдворение иностранных дипломатов из дачного местечка Дрозды.

Одновременно по-человечески импонируют некоторые его абсолютно неординарные поступки. Помню, как

---

* В декабре 1998 года Лукашенко в теплом, дружеском разговоре со мной признался, что «погорячился», но объяснил: «Дал заранее слово игрокам хоккейной сборной Белоруссии – выйдут во второй круг, значит, прилечу. От своего слова отступить не мог».

весной 1996 года он ненадолго прилетел в Москву и позвонил мне из машины, предложив встретиться в тот же вечер. Я, к сожалению, не мог подъехать, как он предлагал, к нему в резиденцию, так как у меня были гости. Пригласил Александра Григорьевича присоединиться к нам, если он сможет. Лукашенко приехал ко мне на квартиру прямо с аэродрома...

Несомненно, сказались и тесные связи между нашими МИДами. Можно говорить об очень высокой степени взаимопонимания и взаимной заинтересованности в том, чтобы на задний план оттолкнуть все наносное, мешающее единению России и Беларуси. Это все в полной мере относится и к личным отношениям между министрами иностранных дел. Иван Иванович Антонович – человек широкой эрудиции, умеющий схватывать главное, безусловно, с аналитическим складом ума. Частое общение с ним было не только весьма полезным, но доставляло истинное человеческое удовольствие.

Мой прилет в Минск начался с весьма продолжительной и непростой беседы с Александром Григорьевичем. Сказал, что хотя бы потому, что он намного младше по возрасту, ему первому следует позвонить Борису Николаевичу и объясниться. При мне он позвонил Ельцину. В состоявшемся разговоре спорные вопросы были сняты и путь к подписанию российско-белорусских документов открыт.

Само подписание 2 апреля 1997 года, последовавший за этим прием в Кремле вылились в великолепное, вдохновляющее торжество.

Не все шло гладко в дальнейшем. Но главное в том, что состоялся первый реальный шаг единения двух государств, что, несомненно, сказалось на судьбе их народов. Забегая вперед, скажу, что, став в сентябре 1998 года Председателем правительства России, я одновременно занял пост председателя Исполнительного комитета Союза России и Белоруссии. С интервалом в несколько

недель состоялись встреча в Минске и заседание Исполкома в Москве. По общему мнению, мы в эти два приема на практике продвинулись в решении многих взаимовыгодных хозяйственных вопросов, которые оставались в подвешенном состоянии долгое время. Потенциал сближения двух государств чрезвычайно велик. И его нужно обязательно использовать в интересах двух народов.

9 декабря 1998 года я получил конфиденциальное письмо от нашего посла в Минске Валерия Васильевича Лощина – прекрасного работника, искренне стремящегося к сближению двух стран. Посол писал, что у него состоялся почти часовой телефонный разговор с Лукашенко, во время которого президент сказал, что просит прозондировать через меня возможность встречи с Борисом Николаевичем, во время которой он готов поставить вопрос о дальнейшем продвижении процесса единения с перспективой создания общего государства. Я доложил Ельцину. Договорились никого не вводить в курс дела, дабы не нагромождать препятствий. Аналогичную просьбу довел через Лощина и до Лукашенко.

Президент Белоруссии прибыл в Москву 17 декабря. В этот же вечер мы с ним встретились. На следующий день состоялась теплая и весьма плодотворная беседа Лукашенко с Ельциным. Через неделю, 25 декабря, Лукашенко вновь приехал в Москву, где были подписаны важнейшие документы, провозглашавшие создание равных условий субъектам хозяйственной деятельности на территориях обоих государств, предстоящий переход к единой валюте, образование наднациональных структур.

Некоторые газеты, как и предполагалось, незамедлительно взяли под обстрел эти документы и стали изощряться во всевозможных домыслах, обвинениях, прогнозах. 25 декабря я снова встретился с Александром Григорьевичем перед его отлетом в Минск. На его лице была печать и радости и некоторой грусти одновременно. Лукашенко больно переживал нападки прессы, особенно

бесстыдные обвинения в адрес белорусов в «нахлебничестве», в том, что они будут «гирей» на ногах у России. Как мог, успокоил его. Дело ведь в конечном счете в реакции народа – я был уверен, что россияне так же, как и белорусы, от всей души приветствовали новый шаг к единению.

Очень сложно складывались после распада СССР российско-украинские отношения. Искать глубинные корни взаимных обвинений Москвы и Киева, подчас проявляющейся неприязни на официальном уровне было бы недобрым занятием. Собственно, таких корней нет. Смешанные браки, русские с украинскими фамилиями и украинцы с русскими, двуязычное население обширных территорий, украинцы на высших командных постах в российской армии, на флоте и наоборот – все это свидетельство органичной близости России и Украины. Но были и остаются подпитывающие друг друга злые тенденции: шовинизм и узколобый национализм.

Оставалась и объективная причина, разделяющая два государства, – Крым, который в 50-х годах – тогда этому придавалось мало значения, так как все находились в едином Советском Союзе, – был передан по инициативе Хрущева Украинской ССР. А в Крыму, помимо всего прочего, расположен город русской славы – порт-крепость Севастополь. В сердцах преобладающей части русских, не только составляющих большинство населения этого города, но вообще русских, нахождение Севастополя вне России вызывало остро болезненную реакцию.

Что делать в таких условиях? МИД твердо выступал против любых территориальных претензий к Украине, считая, что это приведет к крайне негативным последствиям и создаст, возможно, непреодолимое препятствие на пути развития наших отношений. Вместе с тем мы не могли игнорировать и столь сильно проявившиеся настроения в российском обществе. В таких условиях единственно правильным виделось решение в виде дол-

госрочной аренды Севастополя в качестве главной базы российского Черноморского флота.

Очень трудно и очень долго шли переговоры. Договаривались президенты, даже обозначая те бухты, которые будут использованы для стоянки кораблей этого флота, но, как только дело опускалось хотя бы на этаж ниже, все стопорилось. Многократно по спирали достигали исходных позиций. В конце концов все-таки после нескольких лет переговоров пришли к соглашению по флоту. Это открыло путь и к большому Российско-украинскому договору, который был подписан, а затем ратифицирован – сначала на Украине, а потом, в декабре 1998 года, в России. Ратификация в Госдуме проходила непросто, но в конце концов вняли доводам хорошо и обдуманно выступившего министра иностранных дел И.С. Иванова и победил здравый смысл.

Победа здравого смысла была закреплена решением Совета Федерации ратифицировать договор. Но и это решение далось нелегко. Мне в качестве Председателя правительства пришлось выступать несколько раз. Видимо, неплохо сработал против противников договора такой аргумент: давайте его ратифицируем, а вступит он в действие после ратификации Верховной радой Украины трех соглашений по Черноморскому флоту. Так удалось преодолеть это самое большое препятствие на пути развития отношений между двумя странами.

До этого, находясь в Киеве еще в бытность министром иностранных дел, спросил президента Кучму: почему до сих пор не внесены эти соглашения на ратификацию в Раду? Кучма недоумевающе развел руками: «Без всякого умысла. Я обещаю, что сделаем это незамедлительно». Правда, прошло время после этого разговора, но он свое обещание все-таки выполнил. После ратификации Российско-украинского договора были ратифицированы и соглашения по Черноморскому флоту.

В будущем, как представляется, все будет зависеть от исполнителей. А нам всем, очевидно, нужно во многом менять психологию. Россиян не должно возмущать, что говорящие лучше по-русски, чем по-украински (пока!), киевские мидовцы пишут нам ноты на украинском языке и на этом же языке проводят пресс-конференции. Нужно привыкать к закономерности этого – они представляют самостоятельное и именно украинское, а не какое-либо другое государство. Не нужно нервно реагировать и тогда, когда наши украинские коллеги ставят вопрос о делимитации, а не демаркации (обозначение именно по карте, а не на местности) границы между двумя государствами. А вот если украинский дипломат – это в полной мере относится и к российскому – позволяет себе публичные выпады против другого государства, обвиняя его в несуществующих грехах, либо (это уже не относится к российскому), вопреки стратегически партнерским отношениям между двумя странами, заявляет о том, что его государство держит курс на вступление в НАТО, так как опасается «могущественного соседа», то это уже из рук вон плохо, это способно лишь сеять недоверие.

Нагорный Карабах: есть ли шанс на урегулирование?

Прежде всего хотел бы отметить, что нагорно-карабахский конфликт, подобно многим другим, проявившимся после окончания конфронтационного на глобальном уровне периода, возник как внутригосударственный. Это не помешало ему сразу же приобрести и межгосударственное, армяно-азербайджанское измерение.

Мир давно уже стоит перед дилеммой: либо сохранение многонациональных государств, либо их раздробление по национальному признаку. В период существования колониальных империй национальный вопрос был

тесно связан с колониальным. В целом ряде многонациональных государств, особенно в XIX – первой половине XX века, национальный вопрос возник также как реакция на неравноправное положение различных национальностей. В таких условиях и было провозглашено право наций на самоопределение. Это положение в дальнейшем оказалось отражено и в Уставе ООН, и в ряде других документов международного и межгосударственного характера.

Теоретически право наций на самоопределение включало в себя и право на отделение. Вместе с тем – и это очень важно подчеркнуть, – во-первых, никогда отделение не рассматривалось как обязательное при претворении в жизнь права наций на самоопределение. Во-вторых, теоретиками и политиками и в тот период подчеркивалось, что выбор формы самоопределения должен решаться в многонациональных государствах с учетом интересов не только нации, претендующей на это право, но всего общества в целом.

Во второй половине XX века изменился контекст решения национального вопроса. Если учесть, что две тысячи различных наций и народов проживают более чем в 150 государствах, то можно прийти к универсальному выводу, что магистральным путем является обеспечение прав национальных меньшинств в многонациональных государствах. Но как, с какой степенью самостоятельности, в какой форме – все это зависит от конкретики.

Уже в 1970 году в Декларации принципов международного права, которая была принята Организацией Объединенных Наций на основе консенсуса, был сделан серьезный шаг вперед навстречу реальности. Принцип самоопределения, подчеркнута в Декларации, «не должен трактоваться как санкционирующий или поощряющий расчленение, частичное или полное нарушение территориальной целостности или политического единства суверенных и независимых государств, действующих

с соблюдением принципа равноправия и самоопределения».

Диапазон решения вопроса национальных меньшинств велик – от культурной автономии до федеративного или конфедеративного устройства общего государства.

Нужно сказать, что попытка обозначить содержание и форму самоопределения, или, иначе, точку отсчета в этом диапазоне, ссылками на историю абсолютно непродуктивна. Об этом я говорил на закрытом заседании Президиума Верховного Совета СССР 1 марта 1990 года. И действительно, если бы, например, существовал такой критерий, как принадлежность Нагорного Карабаха к Армении или к Азербайджану, скажем, в XIX или в любом другом веке и из этого делался вывод о современной его принадлежности к одному из этих государств, то все было бы проще. В жизни, однако, все сложнее. Обе стороны могут, и не без основания, использовать «исторические аргументы». Как быть в таких условиях?

Выступая на заседании Президиума Верховного Совета СССР, я предложил вести дело к созданию автономной Нагорно-Карабахской республики, повысив ее статус – она была в то время автономной областью в составе Азербайджанской ССР.

Вообще мирный процесс политического урегулирования нагорно-карабахской проблемы можно было бы разбить на три части: попытки решить вопрос до начала широкомасштабных военных действий; сложная деятельность по прекращению огня; дипломатические усилия с целью добиться стабильного всестороннего урегулирования уже с учетом последствий войны. Я в той или иной степени имел отношение к процессу урегулирования этого конфликта еще задолго до перехода на работу в МИД, так что довелось кое-что видеть и кое о чем судить не понаслышке.

Еще до моего выступления на заседании Президиума Верховного Совета СССР, весной 1989 года, в Москве

встретился с двумя реальными руководителями карабахского движения – я не говорю о тех, кто выдавал себя за таковых, находясь вдали от Степанакерта⁷⁶, и подчас играл подстрекательскую роль, но никогда и ни при каких обстоятельствах не рисковал собой, обходя стороной пламя поджигаемого им пожара. На встречу с одним из руководителей ЦК КПСС прибыли Роберт Кочарян и Максим Мирзоян. После бесед на Старой площади они через Нами Микоян, с которой у меня и моей покойной жены была тесная дружба, попросились в частном порядке на беседу со мной, тогдашним Председателем Совета Союза Верховного Совета СССР.

Встретились у меня на квартире. Сразу спросил: готовы ли к откровенному разговору? Ответили согласием. В обстоятельном и откровенном диалоге я высказал мнение, что наилучшим выходом был бы особый автономный республиканский статус Нагорного Карабаха в границах Азербайджана. Добавил, что, по нашей информации, азербайджанское руководство, особенно после антиармянского взрыва в Сумгаите⁷⁷, который потряс общественность СССР, к этому готово. Подчеркнул, что новый статус даст карабахцам большие преимущества, но, что, может быть, еще важнее, с учетом развивающихся процессов на территории СССР этот республиканский статус сулит им еще больше прав в границах Азербайджана в будущем.

При разговоре присутствовали мой друг со студенческой скамьи обозреватель «Известий» Костя Гейвандов, Н. Микоян и ее сын, уже известный музыкант Стас Намин. Гостеприимной хозяйкой была моя дочь Нана, унаследовавшая эту прекрасную черту от своей матери.

Беседа была настолько непринужденной, что я сказал, не рискуя обидеть своих гостей: армяне исторически славились как ученые, негоцианты, деятели культуры и искусства, полководцы, но не политики. Может быть, поэтому были такие потери, как Западная Армения, ото-

шедшая к Османской империи. Сегодня нужно быть очень зрелыми политиками.

Максим Мирзоян склонялся к тому, что, возможно, на сегодняшний день статус автономной республики – наилучшее решение. Роберт Кочарян отпарировал: наш народ в Нагорном Карабахе этого не примет.

Между тем обстановка накалялась. Областной совет Нагорно-Карабахской автономной области (НКАО) принял постановление о выходе из состава Азербайджана и присоединении к Армении. Ереван выразил готовность принять НКАО в свой состав, ссылаясь на действовавшую Конституцию СССР. Со ссылкой на ту же Конституцию Баку выступил категорически против. В результате страсти в регионе накалились до предела.

С самого начала было ясно, что у компромиссного решения проблемы нет альтернативы. 12 января 1989 года был принят Указ Верховного Совета СССР о введении в НКАО особого управления и создания в этих целях Комитета особого управления (КОУ) во главе с многоопытным Аркадием Ивановичем Вольским, который уже в течение года находился в Степанакерте как представитель Верховного Совета СССР. На основе этого указа были распущены обком партии и областной совет НКАО. Полнота власти передавалась Комитету особого управления. Но в полулегальной обстановке продолжали действовать местные органы, контролируемые карабахскими армянами. Начинались вооруженные стычки.

А.И. Вольский призывал Центр к более масштабному вмешательству. Об этом он говорил 29 июля 1989 года на Политбюро ЦК КПСС в своем докладе, который содержал конкретные рекомендации и предложения. Параллельно работала комиссия по Нагорному Карабаху, созданная Верховным Советом СССР. Но ситуация оставалась критической.

Армянское население НКАО уже выступало против административно-хозяйственного управления областью

со стороны Баку. Один из высказываемых при этом мотивов заключался в том, что жилищное и промышленное строительство осуществлялось лишь в азербайджанской части Нагорного Карабаха. По мнению местных армян, это создавало предпосылки для изменения демографической ситуации в области. Выражалось открытое недовольство и тем, что ликвидация областного исполнительного комитета лишила местное население самоуправления.

Что касается азербайджанцев, то они исходили из того, что создание КОУ лишает Азербайджан его суверенитета. Враждебно воспринимались любые хозяйственные и иные контакты Нагорного Карабаха с Арменией. Особую тревогу вызывал тот факт, что Армения не пускала к себе ни одного беженца и отказывалась выплачивать, несмотря на решение Совета министров СССР, компенсацию за их имущество, что провоцировало постоянное давление на азербайджанское руководство со стороны азербайджанцев – беженцев из Армении, требовавших выселения армян из Баку, Кировабада, вообще с территории Азербайджана.

Есть основание считать, что, несмотря на крайне тяжелую обстановку, в тот момент не сработал Центр. Среди конкретных предложений, содержащих меры по нормализации положения, была и моя записка, которую я направил М.С. Горбачеву 22 августа 1989 года.

По моему глубокому убеждению, сложность и запущенность проблемы Нагорного Карабаха требовала к тому моменту уже не одноразового, а поэтапного решения. После бесед с тогдашним первым секретарем ЦК Компартии Азербайджана А. Везириным, А. Вольским, с которыми меня связывали долгие товарищеские отношения, председателем президиума Верховного Совета Армении Г. Восканяном, прибывшим по моей просьбе конфиденциально в Москву, председателем Степанакертского горисполкома М. Мирзояном, а также депутатом Верховного Совета СССР Т. Исмаиловым, трагически

погибшим через два года во время вертолетной катастрофы, и некоторыми армянами и азербайджанцами-москвичами, хорошо знавшими ситуацию, я предложил в записке:

восстановить облисполком, но подчинить его КОУ, то есть непосредственно Центру;

создать в областном совете две палаты – условно говоря, армянскую и азербайджанскую – с правом вето каждой из них на принимаемые решения в отношении «своей» части населения;

установить жесткие миграционные ограничения одновременно в отношении обеих частей населения НКАО;

обеспечить деблокирование дороги в Нагорный Карабах и Нахичевань (в первом случае блокаду осуществляла азербайджанская сторона, во втором – армянская).

Все предлагаемые меры должны были быть зафиксированы в виде наделенного широчайшими автономными правами Нагорного Карабаха «в границах Азербайджана». Если после объявления этих мер экстремистские националистические элементы спровоцируют межнациональные столкновения, в записке предлагалось применить против них репрессивные действия.

Ради правды хочу признать – моя записка на имя М. Горбачева заканчивалась словами: «Вообще-то мы катастрофически упустили время».

Между тем в связи с событиями в Нагорном Карабахе летом 1989 года резко обострилась ситуация в Азербайджане. 16 июля в Баку состоялась учредительная конференция Народного фронта Азербайджана (НФА), который, умело используя недовольство масс, открыто прибирал к рукам власть и в столице, и на периферии, создавая собственные, параллельные официальным органы управления. В Баку в середине января 1990 года произошли армянские погромы. В центре города на многотысячном митинге выступал один из руководителей НФА, а в сотне метров заживо сгорел в контейнере человек, и никто даже не призвал броситься спасать несчастного.

14 января встречали Горбачева, прилетевшего из Литвы. На аэродроме Крючков доложил ему о ситуации в Баку. «Нужно направить на место заместителя председателя Совмина, – сказал Горбачев. Потом задумался и – я как чувствовал – уточнил: – Пусть поедут трое: Примаков, секретарь ЦК КПСС Гиренко и заместитель предсовмина Догужиев».

Вылетели в Баку рано утром 15 января в воскресенье, чтобы уже на следующий день вернуться и доложить обстановку на Политбюро. Но пробыли вместе с Гиренко в Баку две недели. Организовывали эвакуацию армян, главным образом по Каспию до Краснодарска, вели переговоры с НФА.

Должен сказать, что М. Горбачев ориентировал нас на мирные переговоры с Народным фронтом. Встречались несколько раз с А. Алиевым (будущим президентом Эльчибеем), И. Мамедовым, И. Гамбаровым, Н. Панаховым. Все уговоры разблокировать советские воинские части, отказаться от насилия ни к чему не приводили.

Между тем страсти нагнетались. У здания ЦК, где мы находились, шли ежедневные митинги. Подстрекатели призывали к насилию. Во время одного из митингов притащили несколько виселиц. Группа митингующих прорвалась и стала раскачивать железные ворота, пытаются ворваться во двор здания. Митинги шли и на центральной площади Баку.

Ко мне в здание ЦК пришла делегация женщин-врачей с просьбой выйти и выступить. Меня отговаривали, но я согласился. Как сейчас помню, подбежал ко мне И. Мамедов и сказал: «Выступайте с балкона», – видимо, он искренне боялся эксцессов толпы. Я ответил, что буду говорить с парапета, откуда выступали все. Никогда не забуду, как передо мной стал в бронежилете азербайджанский парень. Все ребята из моей охраны тоже были рядом. Начал с того, что как востоковед могу к ним обратиться, процитировав суру Корана. Что и сделал. Но могу

и просто сказать так, как мы тогда начинали свои выступления: «Дорогие товарищи!»

Слушали внимательно. Я подчеркнул, что, если будет снята блокада с казарм и аэродромов, никакой эскалации со стороны властей не будет. Именно в этот момент, очевидно опасаясь, что устанавливается связь между выступавшим и слушавшими, Казиев* прокричал в мой микрофон: «Перед вами выступает член мафии!» После этого не без труда я прорвался в здание. Милые, хорошие азербайджанские женщины были обескуражены, и нам их пришлось успокаивать.

В это время уже боевики НФА ввели «чрезвычайное положение» в Баку. При въездах и выездах из города их патрули проверяли машины. Команды передавались через радиосвязь таксомоторного парка. В Баку находился один из руководителей союзного КГБ Ф.Д. Бобков. Человек с большим опытом, он понимал, что любыми путями следует избежать кровопролития.

Но напряженность росла не по дням, а по часам.

19 января с секретарем ЦК Компартии Азербайджана Везириным я был у него в кабинете, когда позвонил Горбачев. Он сообщил, что состоялось решение Президиума Верховного Совета СССР и в Баку будут введены войска. Я сказал Михаилу Сергеевичу, что военными действиями руководить не могу. Последовал ответ: через час в Баку вылетят министр обороны Язов и министр внутренних дел Бакатин.

Это были страшные дни. При вводе войск погибло сто с лишним азербайджанцев, в основном боевиков, но были жертвы и среди мирного населения – отвечали огнем по окнам, из которых стреляли. Армия, одетая в броню, тоже потеряла 38 человек убитыми. Чрезвычайное положение, комендантский час, ночной пленум ЦК, на котором

---

* Позднее стал военным министром в правительстве Народного фронта. При Г.А. Алиеве был арестован и осужден за преступление.

А. Везирова освободили от обязанностей первого секретаря и избрали А. Муталибова, – жизнь еще долго не входила в нормальное русло.

Скажу честно, я был по-настоящему счастлив, когда позвонил Горбачев и, сославшись на необходимость того, чтобы не было видимости, будто Муталибов работает «под контролем», сказал: «Возвращайтесь с Гиренко в Москву».

События в Баку несомненно прибавили мне седых волос. Я провел в этом городе в юности два года в Военно-морском подготовительном училище. У меня там было, да и по сей день остается много друзей. Я искренне любил и люблю Азербайджан, и вне зависимости от того, кто виноват в произошедших событиях, они были настоящей трагедией и для меня.

Раздражителем, который не давал нормализовать обстановку в Азербайджане, оставалась нерешенная проблема Нагорного Карабаха. Была ли возможность ее решить?

В то время я особенно тесно сотрудничал с профессором Тофиком Исмаиловым – человеком умным, доброжелательным, с широким кругозором, горячо любящим свою Родину, но свободным от всяких предубеждений. Мы договорились о «малых шагах»: Азербайджан, например, открыл «газовую трубу» в Армению – к сожалению, это не нашло положительной реакции в ереванских средствах массовой информации. Тем не менее было принято предложение о первой встрече руководителей двух республик.

10 ноября 1990 года в Кремль в кабинет председателя Совета Союза были приглашены два главных руководителя Азербайджана и Армении – А. Муталибов и Л. Тер-Петросян. Я предложил им хотя бы вчерне согласовать документ – компромиссный «пакет» мер, которые, как представлялось на тот момент, позволяли выйти из кризиса. Сидели над этим «пакетом» с Муталибовым и Тер-

Петросяном часа четыре. Предложения не раз за это время уточнялись, изменялись к обоюдному согласию и перепечатывались.

Суть «пакета» состояла в том, чтобы вначале считать утратившими силу все решения Армении, Азербайджана, НКАО и Союза, принятые по НКАО начиная с 20 февраля 1988 года, и сделать об этом совместное заявление. Вслед за этим заявлением предполагалось ликвидировать КОУ, восстановить органы власти в Нагорном Карабахе и с этой целью провести выборы.

В документе предлагалось Верховному Совету Азербайджанской ССР принять соответствующий закон (заранее согласованный) по статусу НКАО и гарантиям ее автономии. Одновременно отменялось чрезвычайное положение, введенное на территории Азербайджана, в том числе в НКАО.

«Пакет» предусматривал нормализацию отношений между Армянской ССР и Азербайджанской ССР. На первоначальной стадии по просьбе двух республик предлагалось ввести с каждой стороны пятикилометровую зону особого режима при временном нахождении в ней подразделений Советской армии и внутренних войск. Распускались все вооруженные незаконные формирования с обеих сторон. Снимались все виды блокады с республиканских артерий, включая железнодорожный, автомобильный, авиационный транспорт. В случае возобновления экономических санкций одной из сторон предлагалось незамедлительно рассмотреть этот вопрос на союзном уровне с принятием необходимых мер.

Высшие органы законодательной и исполнительной власти двух республик должны были компенсировать ущерб всем лицам, вынужденно покинувшим ее территорию, за счет средств каждой республики и начинать налаживать нормальные контакты в политической, экономической, культурной сферах.

Оба руководителя согласились с этим «пакетом», но сказали, что хотели бы заручиться поддержкой своих депутатских групп в Верховном Совете СССР. Расставаясь с моими партнерами, я был заряжен оптимизмом. Уезжая в командировку, договорился с Р.Н. Нишановым, что переговоры с депутатскими группами он возьмет на себя. С ними первоначально он тоже договорился. Но на следующее после этой договоренности утро депутаты, подогреваемые экстремистами с двух сторон, отказались поддержать предлагаемое решение.

В середине 1991 года еще предпринимались шаги с целью избежать широких военных действий. Среди этих шагов можно назвать обращение к президенту Азербайджанской Республики группы руководителей районов НКАО с призывом «перехода от конфронтации к диалогу с союзными органами и властями Азербайджана». Баку не устраивал предлагаемый формат диалога и некоторые условия его начала: переговоры между политическими силами всех уровней – союзных, республиканских (Азербайджан, Армения), Нагорного Карабаха, который должен быть представлен «лишь его государственными органами в лице утвержденной ими группы людей, что вызывает необходимость до начала переговоров восстановить полномочия областного Совета народных депутатов и его исполкома».

Несмотря на то что А. Муталибов 8 сентября 1991 года был избран президентом Азербайджанской Республики, он все в большей степени обнаруживал неспособность овладеть ситуацией. В Азербайджане установилось двоевластие с тенденцией его перехода к образовавшемуся Милли меджлису (Национальному собранию), в котором НФА уже обладал 50 процентами голосов. В марте 1992 года А. Муталибову пришлось добровольно отказаться от власти. Хотя в мае 1992 года он вернул президентскую власть, но лишь на два дня, так как был свергнут. В военном перевороте приняли участие НФА, Партия националь-

ной независимости и «Серые волки» – азербайджанское отделение тюркистской одноименной партии с центром в Турции. 7 июня 1992 года состоялись новые выборы, в результате которых победил лидер НФА А. Эльчибей.

В это время уже начались масштабные боевые действия, которые выхлестнулись за пределы Нагорного Карабаха. Руководство Народного фронта оказалось полностью некомпетентным и в управлении страной, и на военном поприще, и в деле поисков политического урегулирования. Такое тяжелое наследство досталось Гейдару Алиеву, в течение долгих лет возглавлявшему Азербайджан в советский период, затем переведенному на руководящую работу в Москву (член Политбюро, первый заместитель председателя Совета министров СССР), вынужденному уйти в отставку, а затем вернувшемуся в Азербайджан, но не в Баку, а на свою «малую родину» Нахичевань, где он был избран председателем Верховного Совета. В начале июля 1993 года, отвечая на многочисленные просьбы азербайджанской общественности, Г. Алиев прибыл в Баку. Сначала его избрали председателем Милли меджлиса, а 3 октября 1993 года, на досрочных выборах, – президентом Азербайджанской Республики.

С приходом Г. Алиева наметились кое-какие перспективы перемирия, хотя война продолжалась и в результате семь районов Азербайджана, население которых превратилось в беженцев, были оккупированы.

Вообще этот конфликт привел к массовому исходу и армян, и азербайджанцев. В январе 1990 года из Баку бежало более 300 тысяч армян. Опустели азербайджанские дома в Шуше в Нагорном Карабахе, на оккупированных азербайджанских землях вне его пределов, в приграничных районах Армении. Война унесла 30 тысяч человеческих жизней.

Огромные усилия понадобились для того, чтобы привести стороны к соглашению о прекращении огня, и Рос-

сия сыграла в них самую что ни на есть значительную роль. Еще в сентябре 1991 года Б. Ельцин и Н. Назарбаев совершили поездку в район карабахского конфликта, а затем в Железноводске встретились с лидерами конфликтующих сторон. Можно считать, что с этого момента акцент был сделан на безусловное прекращение огня, которое рассматривалось как отправная точка процесса политического урегулирования. Россия стремилась к этой цели, действуя по всем каналам – в СНГ, ООН, Совещании по безопасности и сотрудничеству в Европе (позже ставшем ОБСЕ), которое в середине 1992 года создало для прекращения военных действий сторон, вовлеченных в нагорно-карабахский конфликт, так называемую «минскую группу». Одновременно российские представители усилили свою собственную посредническую миссию, в результате деятельности которой, а также усилий «минской группы» и Казахстана устанавливалось несколько краткосрочных перемирий, но вооруженные действия каждый раз возобновлялись.

15 апреля 1994 года по инициативе России Совет глав государств СНГ с участием президентов Азербайджана и Армении принял решение, в котором говорилось: «Главный приоритет, императив урегулирования – незамедлительное прекращение огня, всех военных действий и вслед за этим его надежное закрепление. Без этого не перейти к ликвидации последствий трагического противоборства». С учетом упорного нежелания представителей всех стран встретиться и скрепить единый документ, подписи были получены раздельно на трех листах с идентичным текстом – 9 мая в Баку министра обороны Азербайджана, 10 мая в Ереване министра обороны Армении и 11 мая в Степанакерте командующего армией Нагорного Карабаха. Обращаясь к России как к государству-посреднику, каждый из них брал обязательства прекращения огня.

Но что же дальше?

МИД России, руководствуясь неоднократными указаниями Ельцина, пытался развязать этот тугой узел, понимая всю хрупкость в конечном счете решения о прекращении военных действий. Нам, россиянам, трудно в чем-то себя упрекнуть. Мы в МИДе исходили только из стремления найти тот выход, который устроил бы всех. И опять действовали по всем направлениям, в том числе в качестве сопредседателя «минской группы».

Продолжали активно работать и самостоятельно. В 1996 году удалось, например, провести обмен пленными, – «всех на всех», по списку Красного Креста, – которые несколько лет томились в неволе в Азербайджане, Нагорном Карабахе и Армении. «Заочно» это было сделать трудно. В Баку некоторых пленных приговорили к высшей мере наказания, в Степанакерте не отпускали несколько человек, включенных в списки Красного Креста, так как «они были осведомлены о расположении средств ПВО». Я решил лететь на место – сначала в Баку, потом в Ереван – прямо с аэродрома вертолетом в Степанакерт, – затем уже основательно в Ереван, затем снова в Баку.

В Баку сразу же встретился с Гейдаром Алиевичем Алиевым, с которым был не просто знаком, а поддерживал теплые товарищеские отношения уже несколько десятилетий. Еще будучи руководителем Азербайджана, он выделялся необыкновенной целеустремленностью, тонким и точным видением обстановки, умением находить решения при достаточно сложных обстоятельствах, сильной волей. Судьба в последние годы Советского Союза не всегда была к нему справедливой, и не без влияния превратностей этой судьбы Г. Алиев перенес тяжелый инфаркт. Я был искренне рад тому, что в свои семьдесят с лишним лет Гейдар Алиевич выглядел отлично. Я всегда относился и буду относиться к нему с большим уважением.

Президент Алиев по моей просьбе дал указание включить в группу обмена и тех, кто находился в камере смертников. А ведь без этого обмен вообще не мог бы состояться.

Сопровождать пленных до Еревана, чтобы сдать их там по списку, назначили азербайджанского заместителя министра юстиции Чингиза Амирова. Этот приятный, судя по всему добрый, человек очень волновался – ведь летел в Ереван, где должен был оставаться один до моего возвращения из Степанакерта. Я сказал ему, что может остановиться в российском посольстве. Но армянские представители обиделись, окружили его особым вниманием, и чувствовалось, что делается это от всего сердца. На обратном пути в Баку заместитель министра был в приподнятом настроении. Мы с ним в самолете даже выпили по рюмке, хотя, как он уверял, раньше не пил водки. Я был искренне огорчен, узнав, что через несколько месяцев этот такой симпатичный человек умер.

В Степанакерте тоже удалось уговорить отпустить всех. Далось это нелегко, так как среди вернувшихся в Ереван, по словам карабахцев, было мало их земляков, в то время как основной поток пленных, воевавших на стороне Азербайджана, возвращался в Баку именно из Степанакерта. Обмениваемых пленных из Степанакерта отправляли сначала в Ереван в автобусах. Потом они сели в мой самолет, направляющийся в Баку. До этого момента все еще волновался: а вдруг вернут с полдороги?!

В результате привез в столицы Армении и Азербайджана двести с лишним человек. Страшно было смотреть на многих из этих людей – и тех и других, – оборванных, голодных, избитых. Слезы были на глазах, не смог их удержать, когда, входя в общий отсек самолета, слышал крики: «Спасибо России!»

Было среди военнопленных и несколько русских ребят. Их сразу же передали нашим посольствам в Ереване и Баку с указанием купить им авиабилеты и немедленно отправить домой, в Россию.

В 1996 году на Смоленской площади родился проект комплексного, «пакетного» урегулирования, который мы решили «челночно» доводить до всех трех сторон, погруженных в конфликт. К сожалению, одобрительно к нему отнеслись только в Ереване, посчитав, что он может служить основой для переговоров, но в Баку и в Степанакерте его категорически отвергли.

В целом этот комплексный проект, который, естественно, предлагался в качестве основы для переговоров, содержал в себе принципы урегулирования одного из самых кровавых и затянувшихся конфликтов.

Признание Арменией и Нагорным Карабахом территориальной целостности Азербайджана и нерушимости его государственных границ связывалось с самоопределением населения Нагорного Карабаха в рамках Азербайджана в качестве государственного образования с самой высокой степенью самоуправления.

Предусматривались практические меры с двух сторон: согласие Азербайджана на ликвидацию «анклавного» характера Нагорного Карабаха и установление между ним и Арменией беспрепятственного сообщения через так называемый Лачинский коридор⁷⁸, а также согласие Армении на свободное железнодорожное сообщение Азербайджана с Нахичеванской областью.

Предполагалось подписание между Азербайджаном и Нагорным Карабахом соглашения, по которому Нагорный Карабах будет иметь свою конституцию. Она не должна содержать положений, противоречащих основным принципам, зафиксированным в соглашении сторон (об урегулировании нагорно-карабахского конфликта); одновременно парламент Азербайджана должен внести соответствующие изменения в Основной закон государства.

В выработанной российским МИДом схеме предусматривалось, что законы Азербайджана действительны на территории Нагорного Карабаха, если они не противоречат его Конституции и законам, Нагорный Карабах

самостоятельно формирует свою законодательную, исполнительную и судебную власти, будет иметь собственный флаг, герб и гимн, силы обеспечения безопасности (национальная гвардия) и полицию.

Вместе с тем население Нагорного Карабаха должно выбирать своих представителей в центральный парламент Азербайджана, а также принимать участие в выборах президента Азербайджана. Граждане Нагорного Карабаха будут иметь паспорта Азербайджана со специальной надпечаткой «Нагорный Карабах».

При этом подчеркивалось, что будут действительными только те решения центральных властей в отношении суверенных прав, безопасности, территориального деления и границ Нагорного Карабаха, которые получают одобрение нагорно-карабахского парламента и правительства.

Определялось, что на территории Нагорного Карабаха будет создана свободная экономическая зона с хождением в ней валюты других государств, Нагорный Карабах будет иметь право на осуществление непосредственных внешних связей в области экономики, культуры, спорта, политических (кроме дипломатических) отношений с иностранными государствами и международными организациями, иметь за рубежом свои соответствующие представительства.

Предусматривалось возвращение беженцев (за исключением зоны Лачинского коридора) и гарантии соглашения между Азербайджаном и Нагорным Карабахом со стороны России, США, а также других членов ОБСЕ, являющихся постоянными членами Совета Безопасности ООН.

Так как предложенный Россией комплексный проект урегулирования был отвергнут и Азербайджаном, и Нагорным Карабахом, сопредседатели «минской группы» – Россия, США и Франция совместно выступили с планом поэтапного выхода из кризиса. Сохранялись многие элементы комплексного подхода, но с учетом то-

го, что Нагорный Карабах отвергал в качестве отправной точки формулу: «признание территориальной целостности Азербайджана при предоставлении Нагорному Карабаху самого широкого самоуправления», и была предложена поэтапность. На первом этапе предусматривалось: ликвидация анклавного характера Нагорного Карабаха путем сохранения Лачинского коридора, освобождение оккупированных семи азербайджанских районов, возвращение беженцев (но не в зону Лачинского коридора и не на территорию Нагорного Карабаха), создание зоны безопасности, контролируемой международными силами, снятие всех видов блокады с Армении, сохранение статус-кво в режиме Нагорного Карабаха. На втором этапе – определение его статуса в границах Азербайджана.

Президент Алиев и президент Тер-Петросян согласились с этим проектом. Нагорный Карабах заявил, что категорически его не приемлет даже в качестве основы для дальнейших переговоров и считает, что необходим... комплексный подход, который позволит с самого начала определить статус Нагорного Карабаха.

Президент Тер-Петросян – высокообразованный умный человек – ушел в отставку. На его место был избран бывший лидер Нагорного Карабаха, который перед президентскими выборами уже стал премьер-министром Армении, – Роберт Кочарян.

От этого, безусловно, волевого лидера, прошедшего через нелегкую войну, во многом зависит будущее развитие событий. Нельзя забывать, что существует колоссальная разница между победой в сражении и победой в войне, и, наконец, нельзя игнорировать фактор времени.

В целом не в пользу Нагорного Карабаха изменяется и международная обстановка. На одну чашу весов ложится такой весомый фактор, как поддержка влиятельной армянской диаспоры, хотя, как показывает жизнь, не всегда готовой принести себя в жертву этой поддержке. Однако на другой чаше весов – растущее недовольство неконструктивной позицией сторон в конфликте, которое посте-

пенно приобретает несбалансированный характер. Это произошло, например, во время встречи в верхах ОБСЕ в декабре 1996 года, где армянская делегация оказалась в одиночестве, отказавшись поддержать формулу выхода из конфликта: территориальная целостность Азербайджана при самоуправлении Нагорного Карабаха. Азербайджанская делегация, возглавляемая Г. Алиевым, столкнувшись с консолидированной позицией всех (кроме Армении) стран – членов ОБСЕ и представителей международных организаций, посчитала необходимым согласиться с предложенной формулой, несмотря на то что ранее категорически выступала против термина «самоуправление», настаивая на «автономии».

Немалое значение имеет и «нефтяной фактор», который во все большей степени соприкасается с нагорно-карабахским конфликтом или, точнее, оказывает на него все большее влияние. Это и заинтересованность иностранных компаний в получении контрактов на нефтедобычу на Каспии, это и стремление прочертить карту региона линиями нефте- и газопроводов, что непосредственно зависит от стабильности во всех частях ныне конфликтной зоны. Без четкого понимания этой «нефтяной игры» не могут ныне выработываться позиции сторон в нагорно-карабахском конфликте.

Россию связывают с Арменией и с Азербайджаном самые тесные отношения. Я говорил о перспективах их развития и с лидерами двух стран, и с моими коллегами – министрами иностранных дел Армении и Азербайджана. Во время моего нахождения на Смоленской площади азербайджанских министров было двое – Г. Гасанов и Т. Зульфугаров; армянских – трое: В. Папазян, А. Арзуманян и В. Осканян. И со всеми я находил общий язык при обсуждении, казалось бы, самых жгучих проблем.

Один из таких откровенных разговоров состоялся 9 июля 1998 года с В. Осканяном. Этот симпатичный человек и хороший профессионал приехал в Армению из США. Большое уважение вызывало его стремление изучить

русский язык, в чем он, несомненно, преуспел, предпочитая слушать своего собеседника без переводчика.

– Вы говорите о нашем стратегическом партнерстве, – сказал я, – но ведь оно подразумевает учет каждой стороной не только своих, но и интересов партнера. Разве не ясно при этом, что Ереван должен считаться со стремлением Москвы не отталкивать от себя Азербайджан, развивать добрые отношения и с ним. Но для этого нам нужно сохранить абсолютно объективную позицию в отношении конфликта. Россия, как и прежде, будет против сепаратизма, но за то, чтобы Нагорный Карабах обрел все права, гарантирующие благополучие и процветание его населения.

Несмотря на огромные трудности в урегулировании конфликта вокруг Нагорного Карабаха, я сохраняю оптимизм. И он, как представляется, не беспочвен. Состоялись плодотворные армяно-азербайджанские встречи на высшем уровне. После перехода на высший государственный пост в Армении Р. Кочарян, безусловно, растет как политик. Думаю, что увеличивается стремление найти выход из тупиковой ситуации и у Г. Алиева. Хочется надеяться на то, что положительно скажутся прошедшие в 1999 году парламентские выборы в Армении и особенно назначение на пост премьер-министра бывшего министра обороны В.З. Саргсяна. В телефонном разговоре он сказал мне, что не на словах, а на деле будет добиваться договоренности с Баку, а это человек достаточно влиятельный в Армении и так же, как и Кочарян, в Нагорном Карабахе.

Россия и грузино-абхазский конфликт

6 июня 1998 года мне позвонил вечером домой министр иностранных дел Грузии Ираклий Афиногенович Менагаришвили и сказал, что Э.А. Шеварднадзе поручил ему

вылететь из Тбилиси и поговорить со мной «как можно быстрее». Я смотрел в это время информационный выпуск ОРТ, где показывали секретаря Исполкома СНГ Б.А. Березовского в Тбилиси, сопровождаая «зрительный ряд» текстом диктора о том, что его «челночные броски» в столицу Грузии и в Сухуми подготовили встречу Шеварднадзе с Ардзинбой.

С Менагаришвили договорились увидеться в Москве на следующий день, в воскресенье, в 8 вечера, так как в понедельник, 8 июня, я должен был сопровождать президента Ельцина в его поездке в Бонн. Спросил у своего грузинского коллеги, как обстоят дела с принятием документа, над которым вот уже неделю плотно работали с представителями двух сторон на Смоленской площади, в МИДе.

Подписание очередного грузино-абхазского документа стало необходимостью после событий, произошедших в двадцатых числах мая в Гальском районе. Туда через реку Ингури проникли люди из формирований грузинского «Белого легиона», «Лесных братьев» и спецназа. Абхазы перебросили в этот район дополнительные подразделения МВД. В боевых действиях были применены стрелковое оружие, крупнокалиберные пулеметы и минометы. Тяжелую технику – танки, бронетранспортеры, артиллерию – в зону боев с двух сторон российские миротворческие силы не пропустили, что и позволило в конечном счете локализовать вооруженные столкновения.

Однако сотни домов, расположенных в зоне боевых действий, были уничтожены. Многие сожжены, в основном абхазскими «факельщиками». На другой берег Ингури бежало 25–30 тысяч мирных жителей. Тбилиси обвинил абхазскую сторону в том, что она пытается окончательно перечеркнуть то демографическое положение, которое существовало в Абхазской автономной республике: там до войны проживало около девяноста тысяч абхазов, более трехсот тысяч грузин и двести тысяч русских, украинцев, армян, греков, евреев, эстонцев и т. д.

В результате боев грузинские формирования в основном оказались вытесненными. Я не думаю, что Шеварднадзе был информирован во всех деталях об этой операции, которая с самого начала была обречена, так как, по признанию самого президента Грузии, небоеспособная армия не смогла ее поддержать. Но ведь подобные действия осложняют миротворческий процесс. Получилось так и на этот раз. Дело в том, что после окончания в 1994 году широких грузино-абхазских боевых действий в Гальский район, населенный в основном грузинами, «неорганизованно» возвратилось около 70 тысяч покинувших его во время войны. При всех трудностях они начали восстанавливать свои дома, хозяйства, но теперь, уже во второй раз, превратились в беженцев.

25 мая после переговоров в Сухуми и Гагре был подписан Протокол о прекращении огня, разведении вооруженных формирований. Абхазская сторона взяла на себя обязательство не допускать силовых действий в отношении мирного населения Гальского района. Со своей стороны, приняв на себя обязательство вывести все вооруженные формирования из Гальского района, официальный Тбилиси фактически признал то, о чем мы знали давно, – так называемые партизанские формирования «Белый легион», «Лесные братья» руководились соответствующими государственными структурами. А ведь мы неоднократно обращали внимание наших грузинских коллег на недопустимость деятельности этих формирований, тем более что на устанавливаемых ими минах подрываются мирные жители. Жертвами становились и российские миротворцы, так как мины и другие взрывные устройства устанавливались в контролируемой ими зоне безопасности.

Протокол о прекращении огня имел одноразовое значение. Нужно было срочно выходить на документ со значительно большим охватом вопросов, без которых при всем желании и искусстве «параллельных посредников»

встреча президента Грузии и абхазского лидера сразу состояться не могла.

Между тем документ рождался, можно сказать, в муках. Б.Н. Пастухов делал все для того, чтобы сблизить позиции грузин и абхазов, которые вновь, в который уже раз, отвергали различные варианты компромиссной формулы. Вначале сказывалось главным образом ужесточение линии В. Ардзинбы, который стремился по максимуму использовать сложившуюся обстановку. Абхазы перенесли центр тяжести уже не на общий процесс возвращения тех, кто бежал во время войны 1994 года, а на разрешение вернуться второй, «майской волне» беженцев. Такая позиция отвергалась грузинской стороной. Мы упорно искали развязки.

8 июня проговорили с Ираклием Менагаришвили до поздней ночи. Этот обаятельный, интеллигентный человек понимает и нашу аргументацию, и, как представляется, ту роль, что играет Россия в урегулировании конфликта, от которого во многом зависит судьба Грузии. Мы оба хорошо ориентировались и в другом: российско-грузинские отношения переживали не самый лучший период в их истории, и во многом это связано с неурегулированностью Грузии с Абхазией.

У меня с этим конфликтом, как говорится, особые отношения. Вырос в Тбилиси, где окончил среднюю школу. Эдуарда Амвросиевича хорошо знаю с того времени, когда он был еще первым секретарем ЦК Компартии Грузии. Встречались часто и в то время, и позже. Когда я трижды был без его согласия направлен М. Горбачевым в Багдад во время кризиса в зоне Персидского залива, отношения натянулись, но после этого выровнялись. Он даже позвонил по телефону и спросил о моем мнении в отношении переезда из Москвы в Тбилиси, куда его усиленно звали на пост главы республики. Конечно, я поддержал, ссылаясь, будучи в то время директором СВР, на объективную информацию, которая свидетельствовала

о широких прошеварднадзевских настроениях в Грузии. Понимал тогда, да и сейчас, что он единственный лидер, который смог бы вытянуть страну из «гамсахурдиевского болота».

Связывала нас и общая дружба со многими людьми, один из которых – бывший секретарь ЦК Компартии Грузии Солико Хабеишвили – в результате интриганских хитросплетений попал в тюрьму, и мы вместе – кто меньше, кто больше – боролись за его освобождение (это было при М.С. Горбачеве). Впоследствии Солико был убит в Тбилиси уже в то время, когда он вышел из тюрьмы и работал в близком окружении президента Грузии, и мы – тут уж точно одинаково – переживали эту тяжелую утрату.

Кстати, по инициативе Эдуарда Амвросиевича, в бытность его лидером советской Грузии, я стал Почетным гражданином Тбилиси, чем очень горжусь. Я думаю, что некоторая периодическая натянутость в наших отношениях имела своей причиной, может быть, и наговоры отдельных близких к Шеварднадзе людей о том, что я хочу занять его место министра иностранных дел СССР. Так или иначе, но он говорил госсекретарю США Дж. Бейкеру, что Горбачев готовит меня ему на смену. Как-то раз, в 1990 году, отвечая на мой прямой вопрос по телефону: «Почему у нас происходит спад в отношениях, неужели вы думаете, что я хочу сесть в ваше кресло?» – Шеварднадзе сказал: «Да об этом все говорят в МИДе».

Будучи министром иностранных дел Союза, Эдуард Амвросиевич ни разу не привлекал меня к делам внешней политики – мы могли разговаривать и разговаривали на любые другие темы, – а ведь во время перехода Шеварднадзе на этот пост совсем с другой работы я возглавлял Институт мировой экономики и международных отношений, который по праву считался выдающимся центром, объединяющим сильнейших ученых-аналитиков. Между тем я всегда относился к нему как к человеку, безусловно, неординарному, талантливому.

Впрочем, один раз он меня все-таки «привлек». Шеварднадзе, Дж. Бейкер – в ту пору госсекретарь США – и я поужинали в доме у нашего общего товарища известного скульптора Зураба Церетели. Обстановка, кстати, была совершенно непринужденной. Но это было еще в 1988 году.

Судьба свела меня и с В.Г. Ардзинбой. Он был научным сотрудником в Институте востоковедения Академии наук, который я возглавлял в конце 70-х годов. С ним в то время тоже не обошлось без коллизий. Я воспрепятствовал тому, чтобы на работу в институт взяли его супругу, так как она не написала диссертации в отведенный на это аспирантский срок. Сам же Владислав Григорьевич был очень способным, эрудированным ученым, занимавшимся с успехом Древним Востоком.

От этих двоих людей – Э. Шеварднадзе и В. Ардзинбы – практически зависит, будет ли надежно ликвидирован конфликт, который уже причинил столько горя двум народам, да к тому же создал крайне нежелательную ситуацию и для России. Конечно, им нелегко. Довлеет груз прошлого, накопленный и до войны, и во время грузино-абхазских боевых действий. В советский период, особенно в то время, когда в Грузии командовал Берия, абхазы были отодвинуты со всех сколько-нибудь важных постов. На них, собственно, как и на грузин, обрушились сталинские репрессии, но абхазов было меньше, и, возможно, это сказалось на их судьбе больше. Что и говорить, автономный статус Абхазии в составе Грузии был формальным.

Что касается начала военных действий в 1993 году, то они во многом были подготовлены националистическим режимом З. Гамсахурдия, находившимся у власти в Тбилиси, хотя и начались в ту пору, когда руководителем Грузии уже стал Э. Шеварднадзе. Но справедливости ради нужно сказать, что тогда он еще не полностью владел обстановкой и, самое главное, не контролировал ее. Ввод

грузинских боевиков в Абхазию возглавил позже попавший в тбилисскую тюрьму Китовани якобы для охраны железной дороги, проходящей из России в Грузию, а затем в Армению. Между тем боевики обрушились на мирное население. Потом поджоги, убийства, мародерство было повторено в отношении грузинского населения абхазскими боевиками, получившими подкрепление с Северного Кавказа, главным образом из Чечни.

И не только с Северного Кавказа. Я знаю, что российское руководство, в первую очередь президент, никогда и ни при каких обстоятельствах не санкционировали участие российских военных – прямое или косвенное – на одной из сторон конфликта. В марте 1999 года, будучи Председателем Правительства, я находился на борту сторожевика «Сочи», командир которого рассказывал, что во время вооруженных действий корабль обстреливался с двух сторон – и когда вывозил абхазских беженцев, и когда эвакуировал грузинских. Но ведь это факт, что грузинские позиции обстреляли с воздуха «неопознанные» самолеты – их не было у абхазов. Не исключаю, что это было делом рук преступной кучки коррумпированных российских военных, но именно отдельных отщепенцев, и конечно же не могло повлиять на исход войны.

Был момент, когда война могла быть остановлена. Бывший в ту пору министром обороны П. Грачев предложил ввести две дивизии и разоружить обе стороны. Грузинское руководство отказалось, позже признав свой отказ ошибкой. За этим последовало взятие Сухуми и отступление грузинских частей за реку Ингури. Тысячам и тысячам беженцев были отданы гостиницы, дома отдыха в Тбилиси, других городах Грузии. Большинство из беженцев лишились средств к существованию.

Так сложился далеко не благоприятный фон для урегулирования. Большие надежды возлагались и возлагаются на Россию. Она действительно делает многое для того, чтобы не размылось хрупкое перемирие и стороны

пришли к взаимопониманию. Достаточно сказать, что российские миротворцы, которые находятся в зоне конфликта, к моменту написания этой книги уже потеряли около 70 человек убитыми и более 150 человек ранеными. Много ли в мире стран, которые после этого незамедлительно не выведут своих солдат из такой губительной зоны? Но в Москве хорошо понимают, что неподготовленный вывод неизбежно привел бы к возобновлению масштабного грузино-абхазского вооруженного столкновения. И поэтому, именно поэтому мы соглашались все это время на саммитах СНГ (миссия российских миротворцев получила мандат стран СНГ) продлевать нахождение наших солдат в Абхазии. Причем несмотря на то, что грузинская сторона, особенно парламент и его председатель, упражнялась в обвинениях в их адрес и даже требовала их немедленного вывода, что не мешало грузинским мидовцам, да и руководству повыше, нередко тоже круто критиковавшим россиян, просить нас – но не публично – о продлении мандата миротворческих сил.

Как я уже подчеркивал, главной своей целью Россия, российский МИД считали недопущение срыва перемирия, возобновления военных действий. Здесь были достигнуты более или менее обнадеживающие результаты. Подписано несколько документов, в которых стороны подтвердили свои соответствующие обязательства. А дальше все упиралось в те позиции, которые далеки от возможного компромисса и с которых они не хотели сходить.

С большим трудом нам удалось убедить Ардзинбу принять формулу, по которой стороны согласны жить в общем государстве в границах Грузинской ССР (фактическое признание территориальной целостности Грузии). Вместе с тем абхазами отводилось все, что не укладывалось в схему равносубъектности двух сторон, составляющих это государство.

Не принимая такую равносубъектность, что мне кажется оправданным, грузинская сторона одновременно

пыталась ввести в готовившийся с нашей помощью для подписания документ ряд моментов, которые могли вызвать подозрение у абхазов в стремлении вернуть дело к прежнему, довоенному положению. Например, настойчивое требование об общей конституции, не довольствуясь договором, определяющим отношения двух сторон и имеющим силу конституционного закона.

Уперлись и в проблему возвращения беженцев. Абхазы связывали с началом процесса организованного возвращения беженцев получение международной экономической помощи, обращение к России с двух сторон об открытии границы с РФ по реке Псоу (была закрыта в связи с событиями в Чечне, но осталась полузакрытой уже с учетом грузино-абхазского конфликта) и возобновление движения по железной дороге. Грузия же настаивала на том, что все это должно произойти в увязке с окончанием процесса возвращения беженцев. Не проходила и наша компромиссная формула об «увязке» с созданием механизма для возвращения и его работой, удовлетворяющей обе стороны.

Неприемлемой для России была постановка вопроса Тбилиси о том, чтобы, изменив мандат миротворцев, поручить им обеспечить силой возвращение беженцев и их охрану. Иными словами, требование превратить миссию миротворчества, основывающуюся на том, что ее принимают обе стороны в конфликте, в навязывание мира силой, то есть в полицейскую операцию. Мы на это пойти не могли и не можем по многим причинам: с учетом неизбежности серьезных потерь, настроений в России и, наконец, того, что подобный мандат на применение силы может быть выдан только Советом Безопасности ООН.

Руководство Грузии неоднократно предпринимало попытки привлечь к посредничеству в конфликте международные организации. Наша дипломатия, как и в других случаях, не противилась этому, и в результате в конфликтной зоне расположилась миссия многочис-

ленных наблюдателей ООН. Что касается вооруженных миротворцев, то на деле никто не торопился ни заменить россиян, ни тем более повторить то, что было осуществлено НАТО в Боснии.

Тем не менее, а может быть, именно в силу всего этого начали сверху раздуваться антироссийские настроения в Грузии. На этом фоне особое раздражение у российской общественности вызывали заявления о причастности Москвы к покушениям на Э. Шеварднадзе, о «вине» России за неурегулированность конфликта. Председатель парламента Грузии З. Жвания, например, заявил 5 июля 1998 года о своей готовности «в ближайшее время сообщить на весь мир, что разведслужбы России активизировали в последнее время свою деятельность с целью свержения нынешнего руководства Грузии». Председатель парламента Грузии при этом, да и в последующем, не стал называть какие-либо конкретные факты и свидетельства для доказательства своих утверждений. А председатель одного из комитетов парламента Грузии договорился даже до того, что приказ об убийстве грузинского лидера был дан президентом России своим спецслужбам.

Такие неслыханные, беспрецедентные высказывания не находили адекватной реакции со стороны высшего грузинского руководства. Возмущение в России вызвало и заявление Министерства внутренних дел и государственной безопасности Грузии по поводу террористического акта, совершенного 12 июля 1998 года, когда направленным фугасным взрывом было убито пятеро российских военнослужащих из состава коллективных сил СНГ по поддержанию мира и несколько ранено. Руководители этих двух ведомств не нашли ничего лучшего, как использовать этот повод для обвинения российских солдат и офицеров, находящихся с миротворческой миссией в Гальском районе, в «семи смертных грехах», в том числе в потворстве (!) расстрелам мирных жителей во время майских 1998 года событий, мародерстве и так далее и тому подобное.

Кстати, практически в момент поступившего сообщения о трагической гибели наших миротворцев в моем кабинете в МИДе находился министр иностранных дел Грузии, который в очередной раз говорил о необходимости продления их мандата, а также продолжении поисков путей выхода из кризиса с обязательным активным участием России.

Собственно, и в Москве усилились антигрузинские настроения, в том числе недостойные статьи в некоторых средствах массовой информации. И то и другое било и бьет по живому: отношения между россиянами и грузинами имеют большую историческую глубину, близость русских и грузин прочно выразилась в близости культур, взаимовлиянии интеллигенции.

Россия продолжала предпринимать усилия для урегулирования грузино-абхазского конфликта. Может быть, дополнительным стимулом для этого стало успешное продвижение с нашей помощью мирного процесса в Южной Осетии – урегулирование другого конфликта, тоже вооруженного, между грузинами и югоосетинами. Но на сухумском направлении добиться положительного результата было значительно труднее.

Мы в МИДе пришли к выводу, который нам представлялся бесспорным: лишь сами стороны смогут подойти к соглашению, а для этого нужны встречи двух лидеров. Несколько таких нерезультативных встреч уже произошли до моего перехода в МИД, но на российской территории. Мне казалось, что значительно большего прогресса можно будет достичь, если Э. Шеварднадзе и В. Ардзинба встретятся в Тбилиси, а затем в Абхазии. Эту мысль я высказал Владиславу Ардзинбе в Сочи, куда он подъехал во время моего отдыха в августе 1997 года. Вначале я не получил определенного ответа. Было очевидно, что В. Ардзинба хотел посоветоваться со своими коллегами. Через день по телефону он сказал, что готов лететь в Тбилиси.

Я тут же перезвонил Борису Николаевичу, который безоговорочно поддержал мое намерение полететь вместе с Ардзинбой. Позвонил я и Эдуарду Амвросиевичу, попросив его не вводить в курс дела никого, кроме тех, кому о приезде абхазского лидера было необходимо знать. Опасения по вопросам безопасности не были беспредметными. Тбилиси переполняли десятки тысяч беженцев из Абхазии – неустроенных, озлобленных. Были и небегенцы, кто потерял родных или близких во время войны. Самого Ардзинбу чуть ли не объявили вне закона. По телефону он меня в шутку спросил: «Не брать ли с собой теплые вещи?»

Должен сказать, что произошел курьезный случай – такая важная поездка чуть не оказалась сорвана. Когда самолет в Сочи уже вырулил на взлетную полосу, перед ним встал военный уазик. Командир самолета, специально прибывшего из Москвы, доложил, что взлететь не может, так как из машины передали: в Гудауты можно лететь только с разрешения командующего воздушной армией (штаб в Ростове), а такой команды не поступило. Задержка была абсолютно ни к чему, все было рассчитано буквально по минутам. Я, не выдержав, зашел в кабину летчиков, взял переносные наушники-микрофон и сказал... впрочем, не буду повторять дословно то, что сказал вгорячах, но смысл был таков: «Если в течение 10 секунд машина не уйдет с полосы, – я разговаривал с дежурным по штабу полковником Имярек, – то вы будете без погон». Машина ушла.

В. Ардзинба со своей «командой» в Гудаутах благополучно сел в самолет, на котором я летел в Тбилиси. Когда мы сходили по трапу в аэропорту столицы Грузии, встречавшие нас журналисты, увидев Владислава Григорьевича, были ошеломлены. По моей просьбе посадили его не в отдельную машину, а со мной рядом. Встречавший меня председатель парламента З. Жвания занял место в этой же автомашине на переднем сиденье. Кавалькада

въехала в ворота загородной правительственной резиденции Крцаниси, где нас ждал Эдуард Амвросиевич. Там же начались переговоры – и один на один, и в присутствии членов двух делегаций. Переговоры шли долгие часы – я в них нарочито не участвовал. Поехал на могилу матери, потом на квартиру к родственникам моей покойной жены, где собрались мои друзья детства, затем к отцу моего зятя – академику В.И. Бахуташвили, с которым меня связывают самые теплые отношения. В общем, вернулся в Крцаниси, поднялся на второй этаж дома, где шли грузино-абхазские переговоры, только по просьбе двух лидеров. Там помог в меру своих возможностей довести до взаимоприемлемого варианта документ, подтверждающий прекращение огня и нацеливающий обе стороны на дальнейшие контакты. Это все, что удалось на тот момент «выжать». А «выжимал» я достаточно решительно, что во время позднего ужина подтвердили все участники.

Кавказ есть Кавказ. Когда даже противники сидят за одним столом, произносятся теплые тосты, и это, как правило, в тот момент делается от души. Но часто только в тот момент.

Вслед за встречей в Тбилиси последовали обнадеживающие поездки грузинских правительственных делегаций в Сухуми, абхазов – в столицу Грузии. Но постепенно этот переговорный ручеек пересыхал. Стороны опять упирались в свои «неразрешимые» проблемы.

Оставалось лишь надеяться на то, что здравый смысл в конце концов заставит стороны быть более сговорчивыми. Сложившаяся реальность такова, что стремление сохранить унитарный характер грузинского государства – непродуктивно. Представляется, что идеи федерализации Грузии все шире распространяются и в самом грузинском руководстве. Но все зависит от наполнения этих идей конкретным содержанием, которое предопределил отношения центра с субъектами федерации.

Такие отношения в Грузии, кстати, так же как и в России, не могли и не могут быть универсальными. Как тут не вспомнить, что еще в Российской империи – конечно, там и речи не было о федерализме – выстраивалась своеобразная «этажерка», на различных ступенях которой находились разные части общего государства: гораздо в большей степени самоуправляющиеся Финляндия и Польша или Грузия, которая двумя губерниями – Тифлисской и Кутаисской – непосредственно входила в Россию, как и другие русские и частично нерусские губернии. Разница в статусе была весьма большой. Так, например, известный российский террорист начала XX века Б. Савинков пишет, что съезд партии эсеров провели в конце 1905 – начале 1906 года в Финляндии, так как там «не был принят тогда закон о выдаче политических преступников и члены съезда могли, не боясь за свою безопасность, спокойно работать в течение нескольких дней»*.

Что касается абхазов, то им, должно быть, нужно исходить из того, что перспектива независимой или присоединившейся к России Абхазии абсолютно нереальна. На это не согласится Россия. Этого не признают и все другие государства. И опять трудное решение практически в качестве единственного варианта: признание территориальной целостности многонационального государства при предоставлении максимальных прав национальным меньшинствам.

Именно по такой схеме МИД России наращивает свою работу не только с целью разрешения грузино-абхазского, грузино-южноосетинского или нагорно-карабахского конфликтов, но и с неменьшими усилиями добивается урегулирования конфликта молдавско-приднестровского. В отношении последнего все время свербит мысль: были бы мы в Москве понастойчивее еще в 1989–1990 годах, этот конфликт давно бы ушел в историю.

---

* Савинков Б. Воспоминания. – М., 1990. – С. 205.

В то время, когда я был председателем Совета Союза Верховного Совета СССР, пригласили в Москву председателя Президиума Верховного Совета Молдавской ССР М. Снегура и уговаривали его не вводить Закон о языке, сплошь дискриминирующий русскоговорящее население Приднестровья. Тогда с решением этого вопроса могла бы наступить разрядка. Помню, как говорил Снегуру: «Вы требуете, чтобы все руководящие лица, в том числе директора предприятий, знали молдавский язык. Но представьте себе такую ситуацию: вы пригласили руководить предприятием, допустим, англичанина, прекрасного менеджера, и он приехал с переводчиком. Что же, вы его выпроводите назад?»

М. Снегур не пошел на уговоры, а у нас не хватило настойчивости в проведении единственно возможной линии. В результате накручивался «снежный ком». Чем больше, тем дальше дело уходило в конфликтные дебри.

Но это было в ту пору. А как сегодня? В настоящее время, как мне представляется, и в грузино-абхазском, и в других конфликтах все больший упор следует делать на непосредственные переговоры сторон. Никакое «навязывание урегулирования» невозможно, когда конфликты так затянулись во времени, тем более прошли военную фазу. А посреднические «добрые услуги» не могут и не должны рассматриваться самостоятельно, без тесной увязки с переговорным процессом и поисками договоренностей самими участниками конфликтных ситуаций.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

10 сентября 1998 года президент Ельцин предложил мне возглавить правительство. Для меня это предложение было абсолютно непредвиденным, хотя я понимал, что создалась по-настоящему опаснейшая ту-пиковая ситуация и нужны были неординарные или даже экстраординарные меры со стороны главы государства.

Прошло около пяти месяцев с тех пор, как неожиданно для всех (ну, может быть, за исключением небольшой группки в администрации президента) в отставку был отправлен Председатель Правительства В.С. Черномырдин. На его место была выдвинута кандидатура С.В. Кириенко. Дума, не желавшая голосовать за него, перед третьим туром дрогнула – еще одно «нет» грозило ей роспуском. Кириенко – молодой, энергичный – встал у руля кабинета. Мне представлялось, что он понимал многое из того, что следовало делать в экономике, но не мог позволить себе проявить самостоятельность.

Давила и невероятная тяжесть «достижений» «младолибералов». При сокращении за период 1992–1998 годов ВВП почти на 40 процентов объем розничной торговли снизился лишь на 12 процентов. Это было отражением, мягко говоря, специфической модели экономики, жестко сориентированной на экспорт сырьевых ресурсов и удовлетворение значительной части конечного спроса за счет импорта. Больших масштабов достигла диспропорция между наличными мощностями и степенью их загрузки, потребностями развития и низким уровнем инвестиций. Не обеспечивалось даже простое воспроизводство основного капитала, не говоря уже о пополнении собственных

оборотных средств или о модернизации и обновлении производственной базы. Реальный сектор экономики быстро деградировал. Одновременно катастрофически рос государственный долг. Страна была посажена на «иглу» внешних заимствований при превосходящем эти заимствования противозаконном вывозе капиталов за рубеж. Метастазы организованной преступности и коррупции пронизали общество, проникли во все государственные сферы.

Создалась многомесячная задолженность перед бюджетниками, пенсионерами. Обнищание основной массы населения набирало темпы.

Не знаю, кому в голову в этих условиях впервые пришло объявить мораторий на выплату огромной суммы вкладчикам в ГКО – своим и иностранным. Мне говорили позже, что к Ельцину пришла небольшая группа людей и убедила его в необходимости этого решения, которое, дескать, даст в бюджет более 80 млрд рублей, а негативные последствия сведены к мизеру. На самом деле после 17 августа паралич охватил всю банковскую систему, резко подскочила инфляция, цены, свалился рубль в отношении доллара. Встали многие из тех предприятий, где еще как-то теплилась жизнь. Сократился импорт, замаячил недостаток продовольствия и лекарств. В это время президент решил отправить в отставку правительство Кириенко и предложил возглавить новый кабинет опять В.С. Черномырдину.

На этот раз Госдума заняла безоговорочно отрицательную позицию. После того как кандидату в председатели правительства не удалось в течение двух туров даже приблизиться к рубежу «50 процентов плюс один голос», Черномырдин твердо решил идти на третий тур, хотя было ясно, что его опять забаллотировать. Президент был в растерянности. Он тоже склонялся третий раз внести в Думу кандидатуру Черномырдина. Маячил роспуск Думы со всеми возможными последствиями.

Виктор Степанович обратился ко мне (я был и остаюсь с ним в теплых, товарищеских отношениях) и к Ю.Д. Маслюкову с предложением согласиться стать его первыми заместителями. Мы оба были министрами в правительстве Кириенко. Я согласился. Думу это с места не сдвинуло. Создавалась ситуация, когда события могли всплеснуться на улицу. В этих условиях и последовало предложение мне возглавить кабинет. 10 и 11 сентября меня вызывал по этому поводу Ельцин. Я отказался самым категорическим образом, не оставляя никаких «резервов». Были и телефонные звонки. Они тоже не дали результата.

Мне сообщили, что 12-го в 10 утра Ельцин ждет в Кремле в своем кабинете. Был абсолютно уверен, что предстоит обсуждение общего положения дел, но опять последовало настойчивое предложение согласиться принять пост премьера. Я опять категорически отказался. Не помог сдвинуть с места и разговор президента сразу с Черномырдиным, Маслюковым и мною. Черномырдин сказал, что готов не настаивать на третьем раунде выдвижения своей кандидатуры только в том случае, если будет внесена моя кандидатура. Юрий Дмитриевич Маслюков, которому Ельцин после моего повторяемого не раз отказа тоже предложил пост премьера, заявил, что готов только к одному решению – работать первым заместителем в правительстве, возглавляемом мною. На этом обсуждение в кабинете президента закончилось.

Вышел в коридор и направился к выходу, хотел скорее возвратиться на Смоленскую площадь. Ко мне подошли Валентин Борисович Юмашев – в ту пору руководитель администрации президента, Татьяна Борисовна Дьяченко и Владимир Николаевич Шевченко – мой старый хороший товарищ, возглавлявший президентский протокол. Говорил Володя. Говорил крайне эмоционально.

– Как вы можете думать только о себе! Разве вам не понятно, перед чем мы стоим? 17 августа взорвало эко-

номику, правительства нет. Дума будет распущена. Президент может в любой момент физически не выдержать. Разве не видите, что мы на грани полной дестабилизации?

– Как ты мог согласиться? – позже спросила меня сквозь слезы жена.

– Только потому, что на какое-то время отошел на задний план разум и победили чувства.

Конечно, я не знал тогда, в каких условиях мне придется работать в правительстве, иначе даже «чувства» бы не захлестнули.

Итак, переносимся к событиям через восемь месяцев. 12 мая 1999 года. Пришел на очередной доклад к президенту. Сразу же после обмена приветствиями насторожило его замечание пресс-секретарю Д.Д. Якушкину: «Почему нет журналистов?» Потом, когда они быстро вошли в кабинет, обращение уже к ним: «Спрашивайте меня, если вас интересуют дела в правительстве. – И далее, в ответ на журналистский вопрос, будут ли перемены в кабинете: – Будут, и значительные». После этого сцена с журналистами закончилась.

Не буду пересказывать весь разговор. На неожиданные для меня слова о решении отправить кабинет в отставку (хотя об этом говорилось как о деле решенном во многих СМИ, но я не верил, так как привык за всем видеть какой-то логический смысл) ответил: «Мне кажется, что вы делаете ошибку». На предложение написать заявление об отставке, «чем облегчу ситуацию», я сказал: «Этого не сделаю. Вы можете подписать указ как президент», – что и было совершено в моем присутствии.

Чувствовалось, что Борис Николаевич переживает происходящее. Сказал, обращаясь ко мне: «Давайте останемся друзьями».

А о тех восьми месяцах, которые разделили мой приход в правительство и уход из него, – в следующей книге...

Р.С. Что на душе: стихи разных лет

* * *

Я твердо все решил: быть до конца в упряжке,
Пока не выдохнусь, пока не упаду.
И если станет нестерпимо тяжело,
То и тогда с дороги не сойду.

Я твердо все решил: мне ничего не надо –
Ни высших должностей, ни славы, ни наград,
Лишь чувствовать дыханье друга рядом,
Лишь не поймать косой, недобрый взгляд.

Я много раз грешил, но никогда не предал
Ни дела, чем живу, ни дома, ни людей.
Я много проскакал, но не оседлан,
Хоть сам умею понукать коней.

Мы мчимся, нас кнутом подстегивает время,
Мы спотыкаемся, но нас не тем судить,
Кто даже ногу не поставил в стремя
И только поучает всех, как жить.

* * *

Жизнь кружится,
Жизнь вертится,
Не все сбудется,
Но все стерпится.

Блеск молнии,
Шум, гам кругом,
Все ж спокойнее,
Когда грянул гром.

Дым стелется,
Дым ест глаза,
Но развеется,
С глаз сойдет слеза.

Днем прожитым
Ночь близится.
Коль не умер я,
Значит, свидимся.

* * *

Давлю в себе раба – работы нет труднее,
Ведь сразу не поймешь, кого в себе давить –
Того, кто от металлорока сатанеет,
Того, кто осызает поколений нить?

Или того, кто ходуном заходит,
Когда стране пощечины дают,
Хотя себе он места не находит,
Коли облыжно хвалят или безбожно врут.

Давлю в себе раба, работаю в три смены,
Но прежним остаюсь в поступках и делах.
Быть может, наперед запрограммировали гены
До самого конца жить в кандалах?..

* * *

Комом к горлу, комом к горлу
Прожитые годы.
Комом радости и горе,
Свадьбы и разводы.
Комом смерти, комом роды,
Прожитые годы.

Время сушит, время рушит,
Что казалось вечным.
Время беспощадно душит,
Время лезет в наши души
Нагло, бессердечно.

Все быстрее и быстрее наступают зимы.
Все мятежники на реях,
Остальные живы.
Одиночеству навстречу
Выступают зимы.

1987 г.

* * *

Стежки-дорожки
Прошел и проехал.
Мелкие сошки
Приветствуют сверху.

Стежки-дорожки
Прямо иль креном.
Все время на дрожках,
Усланных сеном.

А думают, вроде
Лечу на ракете.
Неужто в народе
Так верят газете?

Стежки-дорожки,
Доколе вас хватит,
На весны помножим,
По зимам разгладим.

* * *

Другу А.С.Д.

Остановись, прислушайся –
Жизнь рядом бьет ключом.
Не к случаю от случая,
Не в темень кирпичом.

Остановись, послушай тех,
Кто рядом песнь поет
О том, как падал мягкий снег,
О счастье быть вдвоем.

Без дерганья, без критики,
Нацеленной под дых,
Без подлостей политики,
Без мерзостей интриг.

Всем этим мы накушались
И наигрались всласть.
Годами дурью мучались,
Той, что зовется «власть».

Давай подольше проживем
Без шишек, синяков,
Грибов корзину соберем,
Подышим глубоко.

Пойдем к друзьям на огонек –
Там рады нам всегда.
Никто не спустит вслед курок,
Согреет тамада.

К сердцам протянет легкий мост
Из добрых, теплых слов,
Витиеватый скажет тост
За дружбу и любовь.

Неужто и отсюда нам
Захочется назад
В людскую толчею, бедлам,
В мир окриков, команд.

Но если так произойдет,
Грош ломаный цена
Мне и тебе, а может, рок
Нам все испытать до дна?

1991 г.

* * *

Опять труба зовет в дорогу,
Но, как всегда, трублю я сам.
Не для меня сидеть в берлоге
Или вымаливать у Бога
Сонливых радостей мещан.
Цыганский дух вселился в тело,
Хотя плясать и не горазд.
Под звук гитары надоело,
Под дудку не согнуть колени,
А на ходу в кибитку – враз.

Вдогонку не бросайте камни,
Ведь все равно не долетят.
А если уж кого и ранит,
То бумерангом в наказанье,
А кони вдаль кибитку мчат.

* * *

Война остается в песнях,
В выпитом в память погибших,
В мыслях, которым тесно,
В воспоминаньях о бывшем.

Война остается в вере,
Что дальше все будет лучше,
Что не напрасны жертвы –
Свое все равно получим.

Война остается в соли,
Что сыплет себе на раны.
Для некоторых – жажда крови,
Для некоторых – жажда правды.

Война остается в играх
Детей в войну против немцев,
В просветах стай журавлиных,
В людях с непрожитым детством.

Война неотступно с нами,
Хотя без нее уж полвека.
Трудно рубцуются раны
Те, что в душе человека.

* * *

Родная Грузия стала не той,
Страну захлестнуло мутной волной,
Задергалась в пляске святого Витта
Вся многослойная палитра

Центральных, местных властей и партий.
Хоть кто-нибудь подойдите к карте
Или к дому с заросшим порогом,
В конце концов спросите у Бога,

Как быть с бедой, чьи корни все глубже,
Сняли с ковров кинжалы и ружья,
В пятнах крови белые скатерти,
Черное горе в глазах у матери.

Беда прорастает в ткани быта.
Непостижимо, что будут забыты
Многоязычье тбилисских дворов,
Сомкнутых в радость и горе столов.

Соседи в Сухуми – не рядом, а вместе,
Не изменяя ни дружбе, ни чести.
Не все, очевидно, прошли эту «школу»,
Иначе сочли бы страшной крамолой

Вершить от традиций крутой поворот,
Одних возвышать, другим – от ворот.
Река все равно в свое русло вернется,
Вода, опрокинув преграды, прорвется.

Нет аналогий в истории старой:
Давид Строитель, царица Тамара,
Чудится мне, что слышу их стоны –
При них страна не знала погромов.

* * *

Уходим, уходим, уходим в Россию,
Сняв с солдатских могил посты.
Нам никто не стреляет в спину,
Но никто не сказал прости.

Разум диктует – остаться не можем.
Но разве в разуме дело,
Если все чувства морозом по коже
Напряжены до предела.

Вслед раздается, что нет побежденных.
Ответить хочется матом.
В затылок глядят вермахта колонны,
Встречает страна в заплатах.

Печатая шаг, уходим в Россию,
Уходим с сердцами пустыми.
Приказ: отставить взгляды косые,
Салютовать холостыми!

* * *

Доктор, как хорошо, что вы рядом,
Дело даже не в медицине,
Может, важнее на целый порядок
То, что глаза у вас синие-синие.

Серые, вдруг чуть-чуть зеленые,
Гамма, а не единый цвет.
В них – степное, размашисто вольное
В Прикавказье прожитых лет.

Вы прошли частокол испытаний
Сквозь начальников – пациентов.
Глаза стали немного печальнее,
Но по-прежнему многоцветны.

Доктор, с вами мне стало надежнее.
Дело даже не в медицине,
Просто жизнь у всех очень сложная,
А глаза у вас все-таки синие...

1991 г.

НА ВЫСТАВКЕ СЕРА

Проще простого: находился в Париже,
Зашел на выставку Сера,
И все другое стало жиже и ниже.
В душу вонзились как стрела

Безмолвные дали и одиночество
Людей, погруженных в вечность.
Ни с кем не сравнимый рисунок точечный
Высвечен светом свечки.

Во многих картинах предчувствие смерти?
С версией спорить не буду.
Непостижимо, но – верьте не верьте –
Сера рисовал оттуда.

* * *

Любит – не любит...
Сказала ромашка,
Что приголубит.
Родился в рубашке.

Любит – не любит...
На гуще кофейной
Слились в поцелуе.
Попробуй не верить.

Любит – не любит...
Пасьянс однозначный:
Вовек не забудет.
Цыганке – без сдачи.

Было – не было –
Спросил напрямую.
Как отрубила:
Любите другую.

ПРЕИМУЩЕСТВО ЛЕТ

Когда годов отстукало немало,
То любишь или рубишь не сплеча,
Идешь «на вы» не с поднятым забралом.
Давно уже не дружишь с кем попало
И не осудишь сгоряча...

Смириться можно с возрастом любым,
Коль ощущаешь каждое «мгновенье»,
А не плывешь от юбилея к юбилею
И только вниз, и «по теченью спин».

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «КПСС подтачивали прежде всего внутрипартийные пороки – полное отсутствие внутрипартийной, в том числе внутриаппаратной, демократии, бесконтрольная монополизация власти в руках только исполнительных партийных (бюро) и их штатного аппарата, составлявших десятые, а то и сотые доли процента общей численности партии, обстановка строжайшей секретности. Именно по этой причине 19 миллионов коммунистов были отчуждены от формирования партийной политики, принятия ее важнейших решений, выступали лишь послушными исполнителями команд и указаний свыше. Они были полностью лишены общественной самостоятельности, самоуправления, самостоятельности. Партия была превращена Сталиным и сохранена всеми его преемниками как политический инструмент единовластного партийно-государственного управления страной и народом» // Цит. по: *Оников Л.А.* КПСС: Анатомия распада. Взгляд изнутри аппарата ЦК КПСС. – М.: Республика, 1996. – С. 11.

² Статья А.М. Румянцева «Партия и интеллигенция» была опубликована в «Правде» 21 февраля 1965 года.

³ 21 июля 1965 года на должность главного редактора газеты «Правда» был назначен Михаил Васильевич Зимянин.

⁴ Институт США и Канады АН СССР был основан Г.А. Арбатовым в 1967 году.

⁵ Институт мирового хозяйства и мировой политики АН СССР существовал с 1924 по 1947 гг. В 1947 г. был ликвидирован по решению Политбюро ЦК ВКП(б).

⁶ Научные сотрудники ИМЭМО Андрей Фадин и Павел Кудюкин были арестованы по обвинению в антисоветской деятельности 6 апреля 1982 г. Официальное помилование

А. Фадина и П. Кудюкина было осуществлено по представлению КГБ и Прокуратуры СССР указом Президиума ВС СССР от 25 апреля 1983 г.

⁷ Письмо членов Академии наук СССР с осуждением деятельности А.Д. Сахарова («Письмо 40 академиков») было опубликовано в газете «Правда» 29 августа 1973 года.

⁸ В 1983–1990 гг. министром автомобильного транспорта РСФСР был Юрий Сергеевич Сухин.

⁹ Девятнадцатая Всесоюзная конференция КПСС проходила в Москве с 28 июня по 1 июля 1988 года.

¹⁰ Ср.: *Ленин В.И.* Пролетарская революция и ренегат Каутский // Полное собрание сочинений. – Т. 37. – М., 1967. – С. 235–338.

¹¹ Вероятно, имеется в виду цитата из работы 1899 г.: «Признание борьбы против самодержавия за политические свободы – первой политической задачей рабочей партии особенно необходимо, но для пояснения этой задачи следует, по нашему мнению, охарактеризовать классовый характер современного русского абсолютизма и необходимость ниспровержения его не только в интересах рабочего класса, но и в интересах всего общественного развития. Такое указание необходимо и в теоретическом отношении, ибо, с точки зрения основных идей марксизма, интересы общественного развития выше интересов пролетариата...» // *Ленин В.И.* Проект программы нашей партии // Полное собрание сочинений. – Т. 4. – М., 1967. – С. 220.

¹² Институт Европы был основан в декабре 1987 года решением Президиума Академии наук СССР.

¹³ Пагуошское движение зародилось в 1955 году, когда 11 известных ученых, в т.ч. А. Эйнштейн, Ф. Жолио-Кюри, Б. Рассел, выступили с манифестом, в котором призвали созвать конференцию против использования ядерной энергии в военных целях; с 1957 года Пагуошские конференции проводятся регулярно в различных странах мира. Дартмутские встречи – неофициальные двусторонние переговоры советских и американских представителей по вопросам урегулирования мира – начались с конференции в Дартмут-

ском колледже в октябре 1960 года; последняя встреча состоялась 22 июля 1990 г.

¹⁴ Сын Е.М. Примакова Александр скончался в 1981 году от сердечного приступа.

¹⁵ В соответствии с советско-японской совместной декларацией, подписанной 19 октября и вступившей в силу 12 декабря 1956 года, остров Шикотан и острова Хабомаи должны были быть переданы Японии после подписания мирного договора.

¹⁶ Тайные бомбардировки авиацией США территории Камбоджи в ходе Вьетнамской войны, известные также как «операция “Меню”», осуществлялись с 18 марта 1969 по 26 мая 1970 года.

¹⁷ Ирано-иракская война началась 22 сентября 1980 года. Перемирие, окончившее конфликт, было подписано 20 августа 1988 года.

¹⁸ «Новое политическое мышление» – внешнеполитическая доктрина СССР в период Перестройки. См. также: *Горбачев М.С.* Перестройка и новое политическое мышление для нашей страны и всего мира. – М., 1988; *Яковлев А.Н.* и др. Перестройка и современный мир / Отв. ред. Т.Т. Тимофеев. – М.: Международные отношения, 1989.

¹⁹ Большие двусторонние встречи Михаила Горбачева и Рональда Рейгана проходили четыре раза: 19 ноября 1985 года в Женеве, 12–13 октября 1986 года в Рейкьявике, 8 декабря 1987 года в Вашингтоне и с 29 мая по 2 июня 1988 года в Москве.

²⁰ Визит М.С. Горбачева в Индию состоялся с 25 по 28 ноября 1986 года, в Китай – с 15 по 18 мая 1989 года.

²¹ Демонстрации на площади Тяньаньмэнь продолжались с 15 апреля по 4 июня 1989 года; их главными участниками были студенты. 4 июня демонстрация была разогнана армейскими подразделениями, в результате чего сотни протестующих погибли.

²² XXVIII съезд КПСС проходил в Москве со 2 по 13 июля 1990 года. Стал последним съездом партии перед ее упразднением 6 ноября 1991 г.

²³ Межрегиональная депутатская группа (МДГ) – «демократическая» фракция на Съездах народных депутатов СССР.

²⁴ К 1991 году имущество Западной группы войск оценивалось в 30 миллиардов немецких марок. Вывод войск осуществлялся в рамках объявленного в декабре 1988 года одностороннего плана по сокращению Вооруженных Сил СССР и последовавшего подписания 12 сентября 1990 года министрами иностранных дел ФРГ, ГДР, СССР, США, Франции и Великобритании Договора об окончательном урегулировании в отношении Германии («Два плюс четыре»).

²⁵ В 1994 году указанным улицам были возвращены исторические названия: улице Щусева – Гранатный переулок, улице Качалова – Малая Никитская улица.

²⁶ Султаном Омана с 9 августа 1970 года является Кабус бен Саид (р. 1940).

²⁷ ПГУ – Первое главное управление КГБ СССР – подразделение Комитета государственной безопасности Советского Союза, ответственное за внешнюю разведку. В ноябре 1991 года было преобразовано в Центральную службу разведки СССР, независимую от КГБ.

²⁸ Ср.: «In the 1950s, while working for the Russian broadcasting authority, he was trained by the Soviet KGB as an Oriental scholar and speaker of Arabic and English» // Цит. по: *Cohen A. The "Primakov Doctrine": Russia's Zero-Sum Game with the United States // FYI No. 167 (December 15, 1997). – Washington D.C.: Heritage Foundation, 1997.*

²⁹ Вероятно, имеется в виду жилой комплекс «Ривердейл» в нью-йоркском районе Бронкс, построенный для проживания сотрудников Постоянного представительства СССР при ООН и членов их семей (сегодня в здании проживают сотрудники постпредства РФ).

³⁰ ЦРУ – Центральное разведывательное управление США; СИС – Секретная разведывательная служба (англ. Secret Intelligence Service, SIS; известно также как MI6) – государственный орган внешней разведки Великобритании.

³¹ По утверждению О.А. Гордиевского, он сбежал не из санатория, а из своей квартиры в Москве, где находился под наружным наблюдением.

³² Лэнгли – район в штате Виргиния, в котором находится штаб-квартира Центрального разведывательного управления США.

³³ Во время Боснийской войны НАТО предприняла ряд вооруженных акций, в том числе – воздушные бомбардировки позиций боснийских сербов в августе–сентябре 1995 года (операция «Обдуманная сила»). В конце 1995 года, согласно Дейтонскому соглашению о прекращении огня, в целях поддержания мира на территорию Боснии и Герцеговины было направлено 60 тысяч солдат НАТО.

³⁴ Индия и Пакистан официально признали себя обладателями ядерного оружия в 1998 году, после проведения подземных испытаний ядерных взрывных устройств. Израиль не комментирует информацию о наличии в стране ядерного оружия, однако, по некоторым данным, владеет ядерными боезарядами с конца 1960-х годов.

³⁵ Начальником ГРУ с августа 1992 по май 1997 года являлся Федор Иванович Ладыгин.

³⁶ Республика Сербская Краина (РСК) существовала в 1991–1995 гг. на территории Хорватии. Независимость РСК не была признана ни одним государством.

³⁷ Бомбардировки Югославии силами НАТО осуществались в период с 24 марта по 10 июня 1999 года, во время войны в Косове. Операция была проведена без санкции Совета Безопасности ООН.

³⁸ 21 февраля 1994 года советский агент Олдрич Эймс был арестован сотрудниками ФБР в Арлингтоне. «Дело Эймса» стало причиной громкого политического скандала в США.

³⁹ В 1993 году совместная комиссия ФБР и ЦРУ установила, что после возвращения из служебной командировки в Рим Эймс купил дом в окрестностях Вашингтона за 540 тыс. долларов, приобрел на имя своей жены ферму и две квартиры, а также автомобиль «Ягуар» и предметы роскоши на сумму 455 тыс. долларов.

⁴⁰ Генеральным директором МИ5 в 1992–1996 годах являлась Стелла Римингтон. Данные о должности Ч. Бленда в тот период отсутствуют.

⁴¹ С 3 октября 1990 года по 31 марта 1996 года БНД (Федеральную разведывательную службу Германии) возглавлял Конрад Порцнер, член СДПГ (находившейся в оппозиции в период правления Коля – председателя Христианско-демократического союза).

⁴² Очерки истории российской внешней разведки: в 6 т. – М.: Международные отношения, 1997–2006.

⁴³ Гражданская война в Таджикистане продолжалась с 5 мая 1992 по 27 июня 1997 года. Наиболее ожесточенное противостояние имело место с конца августа 1992 года по июль 1993 года. 7 сентября 1992 года законно избранный президент Таджикистана Рахмон Набиев, под давлением Объединенной таджикской оппозиции (ОТО), подписал заявление о своей отставке.

⁴⁴ В 1993 году боевики таджикской оппозиции неоднократно пытались совершить прорыв таджикско-афганской границы, на которой несли службу российские пограничники. 13 июля, в ходе одной из подобных акций, отряд афганских моджахедов и боевиков таджикской оппозиции прорвался на территорию Таджикистана, вступив в бой с 12-й заставой российских погранвойск. К вечеру дня к месту конфликта прибыли части российской 201-й мотострелковой дивизии, которые выбили моджахедов с занимаемых позиций и восстановили целостность границы. В результате нападения погибли 25 российских пограничников, несколько военнослужащих 201-й дивизии, а также большое число местных жителей.

⁴⁵ Эмомали Рахмонов стал президентом Таджикистана позже, 16 ноября 1994 года. В описываемый период он был Председателем Верховного совета Таджикистана.

⁴⁶ ДИВТ – Движение за исламское возрождение Таджикистана – радикальная исламистская организация; оппозиционная политическая партия Таджикистана.

⁴⁷ 23 декабря 1996 года в Москве Эмомали Рахмоновым и Саидом Абдулло Нури было подписано соглашение, предусматривавшее включение оппозиции в правительство.

⁴⁸ Имеется в виду раунд переговоров между Правительством Таджикистана и ОТО, проходивший с 18 по 25 июня 1994 года.

⁴⁹ Сафра (исп. safra) – сезон уборки и переработки сахарного тростника на Кубе.

⁵⁰ Цитата первого канцлера Германской империи Отто фон Бисмарка из интервью газете «St. Petersburgische Zeitung» 11 августа 1867 г.

⁵¹ «Ядерный зонтик» – политика расширенного ядерного сдерживания Соединенных Штатов.

⁵² Напряженность в отношениях между руководством Грузии и руководством Абхазии, стремившимся к независимости от Грузии, вылилась в вооруженный конфликт, продолжавшийся с августа 1992 по сентябрь 1993 года. Россия с самого начала участвовала в процессе урегулирования грузино-абхазского конфликта, выступая в качестве посредника при заключении соглашений о прекращении огня и обсуждения вопроса о политическом статусе Абхазии.

⁵³ Договор о сокращении стратегических наступательных вооружений СНВ-2, запрещающий использование баллистических ракет с разделяющимися головными частями, был подписан президентами Джорджем Бушем и Борисом Ельциным 3 января 1993 года. Договор был ратифицирован Конгрессом США 26 января 1996 года; российская сторона ратифицировала СНВ-2 14 апреля 2000 года, но 14 июня 2002 года вышла из договора в ответ на расторжение США договора по ПРО (подписанного США и СССР 26 мая 1972 года).

⁵⁴ ССАС – Совет североатлантического сотрудничества. Был создан в 1991 году. 29 мая 1997 года, в качестве его преемника, был создан Совет евроатлантического сотрудничества.

⁵⁵ «Партнерство ради мира» – программа сотрудничества НАТО с европейскими государствами и бывшими советскими республиками Закавказья и Центральной Азии, не являющимися членами организации. Программа начала свою работу после саммита НАТО в Брюсселе 10–11 января 1994 года. Впервые об инициативе было объявлено на встрече министров обороны стран НАТО в Травемюнде 20–21 октября 1993 года.

⁵⁶ АСЕАН – Ассоциация государств Юго-Восточной Азии. Была образована в 1967 г.

⁵⁷ В 1996 году членами НАТО являлись 16 стран. В 1999–2009 гг. в альянс вступило еще 12 государств.

⁵⁸ ДОВСЕ – договор об обычных вооруженных силах в Европе. Был подписан представителями шестнадцати стран НАТО и шести государств-участников Организации Варшавского договора 19 ноября 1990 года. Вступил в силу 9 ноября 1992 года.

⁵⁹ ОБСЕ – Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (до 1995 г. имела название «Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе»).

⁶⁰ ЗЕС, или Западноевропейский союз – организация, существовавшая в 1948–2011 годах для сотрудничества в сфере обороны и безопасности.

⁶¹ В действительности во второй половине XIX века пустошь Дугино приобрел купец первой гильдии, потомственный почетный гражданин Василий Ефремович Мещерин, основатель Даниловской мануфактуры и отец художника Николая Мещерина. В.Е. Мещерин и построил усадьбу, названную Мещерино.

⁶² СНБ – Совет национальной безопасности США. Был создан в 1947 году.

⁶³ «Буря в пустыне» – военная операция, проведенная в январе–феврале 1991 года во время войны в Персидском заливе.

⁶⁴ Экономические санкции в отношении Ирака были введены Советом безопасности ООН 6 августа 1990 года.

⁶⁵ Баас, или Партия арабского социалистического возрождения – политическая партия, основанная в Сирии Мишелем Афляком в 1947 году.

⁶⁶ МАГАТЭ – Международное агентство по атомной энергии – организация, основанная в 1957 году для развития сотрудничества в области мирного использования атомной энергии.

⁶⁷ Город Пале был известен как столица Республики Сербской во время боснийской войны, город Баня-Лука яв-

ляется фактической столицей Республики Сербской после подписания Дейтонских мирных соглашений 1995 года. Оба города расположены на территории Боснии и Герцеговины.

⁶⁸ Новопазарский Санджак – исторический регион на границе Сербии и Черногории.

⁶⁹ Шестидневная война – военный конфликт между Израилем, с одной стороны, и Египтом, Сирией, Иорданией с другой, продолжавшийся с 5 по 10 июня 1967 года.

⁷⁰ Октябрьская, или Четвертая арабо-израильская война между коалицией арабских стран и Израилем продолжалась с 6 по 24 октября 1973 года. Окончилась победой Израиля.

⁷¹ ООП – Организация освобождения Палестины – политическая организация, основанная в 1964 году решением Лиги арабских государств с целью предоставления законных прав арабскому населению Палестины.

⁷² Мадридская мирная конференция при участии представителей Израиля, Палестины и арабских стран проходила с 30 октября по 1 ноября 1991 года по совместной инициативе США и СССР. Конференция являлась попыткой достижения соглашений об урегулировании арабо-израильского конфликта. Вскоре после конференции были начаты двусторонние израильско-палестинские переговоры, приведшие в итоге к подписанию соглашений в Осло в 1993 году.

⁷³ Голанские высоты являются спорной территорией на Ближнем Востоке, в Леванте. Израиль в одностороннем порядке провозгласил суверенитет над этой областью в 1981 году. Совет Безопасности ООН, в то же время, считает Голанские высоты сирийской территорией, оккупированной Израилем (резолюция № 497 от 17 декабря 1981 г.).

⁷⁴ Речь идет об операции «Гроздь гнева», проведенной Армией обороны Израиля 11–27 апреля 1996 года против группировки «Хизбалла».

⁷⁵ Договор о Союзе Белоруссии и России был подписан 2 апреля 1997 года; Договор о дружбе, сотрудничестве и партнерстве между Российской Федерацией и Украиной – 31 мая 1997 года; Договор о создании Таможенного союза

был подписан Россией, Белоруссией, Казахстаном, Киргизией и Таджикистаном в 1995 году.

⁷⁶ Город Степанакерт является столицей непризнанной Нагорно-Карабахской республики.

⁷⁷ 27–29 февраля 1988 года в городе Сумгаит Азербайджанской ССР произошли беспорядки на этнической почве, сопровождавшиеся массовым насилием в отношении армянского населения, грабежами, убийствами и уничтожением имущества.

⁷⁸ Лачинский коридор – горный коридор, соединяющий Армению и Нагорный Карабах. До мая 1992 года контролировался Азербайджаном.

ИМЕННОЙ КОММЕНТАРИЙ

Абалкин, Леонид Иванович (1930–2011) – российский экономист. Профессор и заведующий кафедрой политической экономики Академии общественных наук (АОН) при ЦК КПСС в 1976–1985 гг.; директор Института экономики АН СССР / РАН в 1986–1989 и 1991–2005 гг. Заместитель Председателя Совета Министров СССР в 1989–1990 гг.

Авдеев, Александр Алексеевич (р. 1946) – российский дипломат. Начал работу в МИД СССР в 1968 году. В 1987–1990 гг. – посол СССР в Люксембурге, в 1992–1996 гг. – посол России в Болгарии. С 1996 года – заместитель, с 1998 по 2002 год – первый заместитель министра иностранных дел РФ. В 2002–2008 гг. – посол России во Франции. В 2008–2012 гг. – министр культуры РФ. С января 2013 г. – посол России в Ватикане.

Ага Хан IV, Карим (р. 1936) – имам мусульманской общины исмаилитов-низаритов (с 1957 года); мультимиллионер, спонсор благотворительных проектов.

Адамишин, Анатолий Леонидович (р. 1934) – российский дипломат. Начал работу в МИД СССР в 1957 году. Заместитель министра иностранных дел СССР в 1986–1990 гг.; посол СССР / РФ в Италии в 1990–1992 гг.; первый заместитель министра иностранных дел РФ в 1992–1994 гг.; посол РФ в Великобритании в 1994–1997 гг.; министр по сотрудничеству с государствами СНГ в 1997–1998 гг., вице-президент АФК «Система» в 1998–2005 гг. С 2004 года – президент Ассоциации евроатлантического сотрудничества.

Азиз, Тарик (1936–2015) – иракский политический деятель. С 1957 года – член партии «Баас». В 1971–1979 гг. – главный редактор газеты «Аль-Тавра». В 1974–1979 гг. – министр информации, в 1983–1991 гг. – министр иностран-

ных дел; в 1979–2003 гг. – заместитель премьер-министра Ирака. С 1977 года – член Совета революционного командования Ирака. Являлся одним из ближайших соратников президента Ирака Саддама Хусейна.

Айяд, Абу (1933–1991) – лидер террористической организации «Черный сентябрь».

Акаев, Аскар Акаевич (р. 1944) – президент Киргизии в 1991–2005 гг.

Акчурин, Ренат Сулейманович (р. 1946) – российский кардиохирург, академик РАМН (с 1997 г.) и РАН (с 2011 г.). В ноябре 1996 года выполнил операцию коронарного шунтирования сердца президенту РФ Б.Н. Ельцину.

Александров-Агентов, Андрей Михайлович (1918–1993) – советский дипломат и партийный работник. С 1966 по 1986 годы – помощник по международным делам Генерального секретаря ЦК КПСС.

Алиев, Гейдар Алиевич (1923–2003) – президент Азербайджана в 1993–2003 гг.

Аллилуева, Светлана Иосифовна (1926–2011) – советский филолог-переводчик. Дочь И.В. Сталина. В 1966 году эмигрировала из СССР в США.

Алисон, Грэхам (р. 1940) – американский политолог, профессор Высшей школы государственного управления им. Джона Ф. Кеннеди при Гарвардском университете.

Амиров, Чингиз (1949–1996) – заместитель министра юстиции Азербайджана в 1993–1996 годах.

Андерс, Владислав (1892–1970) – генерал польской армии.

Андерсон, Фрэнк – руководитель отдела Ближнего Востока ЦРУ США в 1991–1994 годах.

Андреотти, Джулио (1919–2003) – итальянский политик. Председатель Совета министров Италии в 1972–1973, 1976–1979 и 1989–1992 годах.

Андропов, Юрий Владимирович (1914–1984) – генеральный секретарь ЦК КПСС в 1982–1984 годах.

Аннан, Кофи (р. 1938) – генеральный секретарь Организации объединенных наций в 1997–2006 годах.

Аньелли, Сюзанна (1922–2009) – министр иностранных дел Италии в 1995–1996 годах.

Арафат, Ясир (1929–2004) – председатель Организации освобождения Палестины в 1969–2004 гг., председатель Палестинской национальной администрации в 1994–2004 гг.

Арбатов, Георгий Аркадьевич (1923–2010) – советский и российский историк, основатель Института США и Канады АН СССР / РАН.

Ардзинба, Владислав Григорьевич (1945–2010) – абхазский государственный деятель, советский историк-востоковед. В 1969–1987 годах работал в Институте востоковедения АН СССР. В 1990–1994 гг. – председатель Верховного Совета, в 1994–2005 гг. – президент Абхазии.

Арзуманян, Анушаван Агафонович (1904–1965) – советский экономист. Заместитель директора Института экономики АН СССР в 1953–1956 гг., директор Института мировой экономики и международных отношений АН СССР в 1956–1985 гг.

Арзуманян, Александр Робертович (р. 1959) – министр иностранных дел Армении в 1996–1998 гг.

Асад, Хафез (1930–2000) – сирийский военный и политический деятель. Член партии Баас с 1946 года. В 1966–1972 гг. – министр обороны, в 1971–2000 гг. – президент Сирии.

Афанасенко, Питер (р. 1946) – переводчик Государственного департамента США в 1972–2010 гг.

Афанасьевский, Николай Николаевич (1940–2005) – советский и российский дипломат. Посол СССР / РФ в Бельгии в 1990–1994 гг., заместитель министра иностранных дел России в 1994–1998 гг., посол РФ во Франции в 1998–2002 гг., посол РФ в Польше в 2002–2005 гг.

Багров, Николай Васильевич (1937–2015) – председатель Верховного Совета Крымской АССР в 1991–1994 гг.

Бакатин, Вадим Викторович (р. 1937) – министр внутренних дел СССР в 1988–1990 гг., председатель Комитета государственной безопасности СССР в августе – декабре 1991 года.

Барак, Эхуд (р. 1942) – израильский военный и политический деятель. Премьер-министр Израиля в 1999–2001 гг.

Барзани, Мулла Мустафа (1903–1979) – курдский военный и политический деятель, лидер национально-освободительного движения в Иракском Курдистане. Председатель Курдской демократической партии в 1946–1979 гг.

Барсуков, Михаил Иванович (р. 1947) – директор Федеральной службы безопасности России в 1995–1996 гг.

Батиста, Фульхенсио (1901–1973) – кубинский военный и политический деятель. Организатор государственных переворотов 1933 и 1952 годов, президент Кубы в 1940–1944 и 1952–1959 гг. Был свергнут в ходе Кубинской революции 1 января 1959 года.

Батлер, Ричард (р. 1942) – представитель Австралии в ООН в 1992–1997 гг., председатель Спецкомиссии ООН по разоружению Ирака в 1997–1999 гг.

Бахуташвили, Владимир Иванович – академик Академии Наук Грузинской ССР.

Бахуташвили, Мария Александровна (р. 1997) – внучка Е.М. Примакова.

Бегин, Менахем (1913–1992) – премьер-министр Израиля в 1977–1983 гг.

Бейкер, Джеймс (р. 1930) – американский политик. Глава администрации президента США в 1981–1985 и 1992–1993 гг.; государственный секретарь США в 1989–1992 гг.

Белгард, Леонард Херман (р. 1946) – сотрудник Центрального разведывательного управления США. С июля 1981 по август 1983 года работал в опергруппе ЦРУ в Ленинграде, которую возглавил в июле 1982 года.

Белоус, Олег Николаевич (р. 1951) – российский дипломат. Директор Департамента общеевропейского сотрудничества МИД России в 1996–1997 гг., постоянный представитель РФ при Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) в Вене в 1998–2001 гг., директор Первого Европейского департамента МИД РФ в 2001–2013 гг. С 25 января 2013 года – посол России в Португалии.

Бергер, Сэнди (р. 1945) – советник президента США по национальной безопасности в 1997–2001 годах.

Березовский, Борис Абрамович (1946–2013) – российский предприниматель и политик. Исполнительный секретарь СНГ в 1998–1999 гг. В 2000 году эмигрировал из России в Великобританию.

Берия, Лаврентий Павлович (1899–1953) – советский политический деятель, маршал Советского Союза, член Политбюро ЦК ВКП(б) в 1946–1953 гг. Входил в ближайшее окружение И.В. Сталина.

Берлингс, Орестес (1913 – не ранее 2004) – берлинский корреспондент латвийской газеты «Брива земе». Агент-двойник германских (псевдоним «Петер») и советских (псевдоним «Лицеист», поскольку в Риге учился во Французском Лицее) спецслужб. После войны проживал в США.

Бернс, Р. Николас (р. 1956) – американский дипломат. Официальный представитель Государственного департамента США в 1995–1997 гг., посол США Греции в 1997–2001 гг., постоянный представитель США при НАТО в 2001–2005 гг.

Бессмертных, Александр Александрович (р. 1933) – советский дипломат. Министр иностранных дел СССР в январе–августе 1991 года.

Бешлосс, Майкл (р. 1955) – американский историк. Соавтор книг «На самом высоком уровне: закулисная история окончания холодной войны» и «Измена в Кремле: протоколы тайных соглашений Горбачева с американцами» (со Струбом Тэлботтом).

Бжезинский, Збигнев (р. 1928) – американский политолог и государственный деятель. Советник президента США по национальной безопасности в 1977–1981 гг.

Биаллер (Бялер), Северин (р. 1926) – американский политолог, специалист по истории Советского Союза и Польши. Участник польского Сопротивления в годы Второй мировой войны.

Блейк, Джордж (р. 1922) – бывший офицер английской разведки, по собственным убеждениям перешедший

на сторону советской разведки и работавший в качестве двойного агента. После разоблачения в 1961 году был приговорен в Великобритании к 42 годам тюремного заключения, но в 1965 году бежал из тюрьмы и переехал в СССР.

Блэр, Тони (р. 1953) – бывший лидер Лейбористской партии, премьер-министр Великобритании с 1997 по 2007 год.

Бобков, Филипп Денисович (р. 1925) – начальник 5-го управления КГБ СССР в 1969–1983 гг., заместитель председателя КГБ СССР в 1983–1985 гг., первый заместитель председателя КГБ СССР в 1985–1991 гг.

Бовин, Александр Евгеньевич (1930–2004) – советский и российский журналист и дипломат. Руководитель группы консультантов отдела ЦК КПСС в 1963–1972 гг., политический обозреватель газеты «Известия» в 1972–1991 гг., посол РФ в Израиле в 1991–1997 гг.

Болдин, Валерий Иванович (1935–2006) – руководитель аппарата Президента СССР в 1990–1991 гг.

Боровой, Константин Натанович (р. 1948) – российский предприниматель и политик. Депутат Государственной Думы 2-го созыва (1995–2000 гг.), председатель Партии экономической свободы в 1992–2003 гг.

Бородин, Павел Павлович (р. 1946) – советский и российский государственный деятель. Управляющий делами Президента РФ в 1993–2000 гг., государственный секретарь Союзного государства в 2000–2011 гг.

Бояров, Виталий Константинович (р. 1928) – заместитель начальника 2-го главного управления КГБ СССР в 1973–1985 гг.

Брежнев, Леонид Ильич (1906–1982) – первый секретарь ЦК КПСС в 1964–1966 годах, генеральный секретарь ЦК КПСС в 1966–1982 годах.

Брейтвейт, Родрик (р. 1932) – британский дипломат. Посол Великобритании в СССР / РФ в 1988–1992 годах, руководитель Объединенного разведывательного комитета Великобритании в 1992–1993 годах.

Броз Тито, Иосип (1892–1980) – генеральный секретарь ЦК Союза коммунистов Югославии в 1949–1980 го-

дах, президент Югославии в 1953–1980 годах, генеральный секретарь Движения неприсоединения в 1961–1964 годах.

Бронштейн, Михаил Лазаревич (р. 1923) – эстонский экономист, академик АН Эстонии, народный депутат СССР в 1989–1991 годах.

Бураковский, Владимир Иванович (1922–1994) – директор Института сердечно-сосудистой хирургии им. А.Н. Бакулева в 1966–1994 годах.

Бурбулис, Геннадий Эдуардович (р. 1945) – российский государственный деятель, ближайший соратник Б.Н. Ельцина в 1990–1992 годах. В 1991–1992 гг. – Государственный секретарь РСФСР и Первый заместитель Председателя Правительства РСФСР.

Бурлацкий, Федор Михайлович (1927–2014) – заместитель директора Института социологических исследований АН СССР в 1969–1972 гг., политический обозреватель «Литературной газеты» в 1982–1991 гг.

Буткова-Ньюмен (Гремицких), Мария Николаевна – вторая жена М.В. Буткова, вместе с ним бежавшая в Англию. В 1996 г. арестована и в 1998 г. приговорена к полутора годам заключения за финансовые махинации в компании «Линкольн маркетинг».

Бутков, Михаил Владимирович (Майкл Ньюмен) (р. 1958) – майор Первого главного управления КГБ СССР. Работал в Норвегии под прикрытием корреспондента газеты «Труд». В 1991 году бежал в Англию вместе с будущей женой. Основал компанию «Линкольн маркетинг». В 1996 г. арестован и в 1998 г. приговорен Высоким судом Лондона к 3 годам заключения за финансовые махинации. Впоследствии утверждал, что вынужден был сделать признание под давлением МИ-6, а в действительности не был виновен.

Буш, Джордж Герберт Уокер (р. 1924) – вице-президент США в 1981–1989 гг., президент США в 1989–1993 гг.

Бхутто, Беназир (1953–2007) – премьер-министр Пакистана в 1988–1990 и 1993–1996 годах.

Быков, Олег Николаевич (1926–2015) – заместитель директора ИМЭМО АН СССР / РАН в 1977–1998 годах.

Валенса, Лех (р. 1943) – президент Польши в 1990–1995 годах, первый руководитель профсоюза «Солидарность».

Варга, Евгений Самуилович (1879–1964) – советский экономист, директор Института мирового хозяйства и мировой политики АН СССР в 1927–1947 годах.

Ваэзи, Махмуд (р. 1952) – иранский политик, заместитель министра иностранных дел Ирана в 1990–1997 годах.

Ведрин, Юбер (р. 1947) – французский дипломат, министр иностранных дел Франции в 1997–2002 годах.

Вейцман, Эзер (1924–2005) – президент Израиля в 1993–2000 годах.

Велаяти, Али Акбар (р. 1945) – иранский политик, министр иностранных дел Ирана в 1981–1997 годах.

Велихов, Евгений Павлович (р. 1935) – физик, академик, вице-президент АН СССР / РАН в 1978–1996 годах. С 1992 года – президент НИЦ «Курчатовский институт».

Вершбоу, Александр (р. 1952) – американский дипломат. Специальный помощник Президента и директор по европейским делам в Совете национальной безопасности США в 1994–1997 гг., представитель США в НАТО в 1998–2001 гг. Посол США в РФ в 2001–2005 гг. и в Южной Корее в 2005–2008 гг. Заместитель министра обороны США по вопросам международной безопасности в 2009–2012 гг. С 2012 года по настоящее время – заместитель генерального секретаря НАТО.

Вольский, Аркадий Иванович (1932–2006) – депутат Верховного Совета СССР в 1986–1989 гг., народный депутат СССР в 1989–1991 гг. Президент Российского союза промышленников и предпринимателей в 1990–2005 годах.

Вольф, Маркус (1923–2006) – начальник Главного управления разведки Министерства государственной безопасности ГДР в 1958–1986 годах.

Воронцов, Михаил Александрович (1900–1986) – один из руководителей советской военно-морской разведки, вице-адмирал.

Воронцов, Юлий Михайлович (1929–2007) – советский и российский дипломат. Посол СССР в Индии в 1977–1983 гг., во Франции в 1983–1986 гг. и в Афганистане в 1988–1989 гг.; посол России в США в 1994–1998 гг.

Восканян, Грант Мушегович (1924–2005) – председатель Президиума Верховного Совета Армянской ССР в 1985–1990 годах.

Воскобой, Алексей Саввич (р. 1926) – генерал-майор КГБ, резидент КГБ в Турции в 1955–1968 годах.

Вудрафф, Фредерик – представитель ЦРУ по делам Кавказа. Убит 8 августа 1993 года в окрестностях Тбилиси.

Вулси, Роберт Джеймс (р. 1941) – директор Центральной разведки США в 1993–1995 годах.

Вулфовиц, Пол (р. 1943) – заместитель министра обороны США в 1989–1993 и 2001–2005 годах.

Вышинский, Андрей Януарьевич (1883–1954) – советский государственный деятель. Прокурор СССР в 1935–1939 гг., министр иностранных дел СССР в 1949–1953 гг.

Вэнс, Сайрус (1917–2002) – американский государственный деятель, государственный секретарь США в 1977–1980 годах. В январе 1993 года совместно с Дэвидом Оуэном представил план по урегулированию военного конфликта в Боснии.

Гамбаров, Иса (р. 1957) – один из основателей и руководителей Народного фронта Азербайджана, председатель Национального собрания Азербайджана в 1992–1993 годах.

Гамсахурдия, Звиад Константинович (1939–1993) – президент Грузии в 1991–1992 годах, один из лидеров грузинского национального движения.

Ганковский, Юрий Владимирович (1921–2001) – историк, специалист по странам Среднего Востока.

Гантман, Владимир Израилевич (1925–1988) – политолог, руководитель сектора теоретических проблем исследования и прогнозирования международных отношений ИМЭМО АН СССР.

Гасанов, Гасан (р. 1940) – премьер-министр Азербайджана в 1991–1992 гг., министр иностранных дел Азербайджана в 1993–1998 гг.

Гашек, Ярослав (1883–1923) – чешский писатель и драматург.

Гевара, Эрнесто Че (1928–1967) – команданте Кубинской революции 1959 года и кубинский государственный деятель.

Гейвандов, Константин Ервандович (р. 1930) – советский журналист-международник.

Гейтс, Роберт (р. 1943) – директор Центральной разведки в 1991–1993 гг., министр обороны США в 2006–2011 гг.

Гелбард, Роберт С. (р. 1944) – американский дипломат, посол США в Боливии в 1988–1991 гг. и в Индонезии в 1999–2001 гг. Специальный представитель президента и госсекретаря США на Балканах по выполнению Дейтонских соглашений в 1997–1999 гг.

Герашенко, Виктор Владимирович (р. 1937) – председатель Центрального банка РФ в 1992–1994 и 1998–2002 годах.

Геремек, Бронислав (1932–2008) – министр иностранных дел Польши в 1997–2000 годах.

Гиренко, Андрей Николаевич (р. 1936) – секретарь ЦК КПСС в 1989–1991 годах.

Гитлер, Адольф (1889–1945) – председатель НСДАП в 1921–1945 гг., рейхсканцлер Германии в 1933–1945 гг. Основатель диктатуры Третьего рейха.

Глушко, Валентин Петрович (1908–1989) – советский инженер. Академик АН СССР с 1958 года, главный конструктор космических систем с 1974 года.

Гольданский, Виталий Иосифович (1923–2001) – советский и российский физик, академик АН СССР / РАН с 1981 года.

Гонсалес, Фелипе (р. 1942) – премьер-министр Испании в 1982–1996 годах.

Гор, Альберт (р. 1948) – вице-президент США в 1993–2001 годах.

Горбачев, Михаил Сергеевич (р. 1931) – генеральный секретарь ЦК КПСС в 1985–1991 годах, президент СССР в 1990–1991 годах.

Гордиевский, Олег Антонович (р. 1938) – резидент внешней разведки КГБ СССР. С 1974 по 1985 гг. тайно работал на британскую разведку. В 1985 году бежал из СССР.

Гореловский, Иван Иванович (р. 1942) – председатель КГБ Азербайджанской ССР в 1988–1989 гг., генерал-полковник СВР.

Грачев, Андрей Серафимович (р. 1941) – заместитель заведующего Международным отделом ЦК КПСС в 1989–1991 гг., пресс-секретарь Президента СССР М.С. Горбачева в августе–декабре 1991 года, собственный корреспондент журнала «Новое время» в Париже с 1994 года.

Грачев, Павел Сергеевич (1948–2012) – министр обороны РФ в 1992–1996 годах.

Гришин, Виктор Васильевич (1914–1992) – первый секретарь Московского городского комитета КПСС в 1967–1985 гг., член Политбюро ЦК КПСС в 1971–1986 гг.

Громыко, Андрей Андреевич (1909–1989) – министр иностранных дел СССР в 1957–1985 гг., председатель Президиума Верховного Совета СССР в 1985–1988 гг.

Гуджрал, Индер Кумар (1919–2002) – индийский государственный деятель. Министр иностранных дел Индии в 1989–1990 годах, премьер-министр Индии в 1997–1998 годах.

Гук, Аркадий Васильевич – резидент КГБ в Лондоне в 1980–1984 годах.

Гургенов, Вячеслав Иванович (1935–1994) – заместитель начальника ПГУ КГБ СССР в 1989–1991 гг., заместитель директора СВР России в 1991–1994 гг.

Гурриа, Хосе Анхель – министр иностранных дел Мексики в 1994–1998 гг., генеральный секретарь Организации экономического сотрудничества и развития с 2005 года.

Данкерли, Крейг (р. 1947) – американский дипломат.

Даян, Моше (1915–1981) – израильский военный и государственный деятель. Министр обороны Израиля в 1967–1974 годах, министр иностранных дел Израиля в 1977–1979 годах.

Делор, Жак (р. 1925) – министр экономики и финансов Франции в 1981–1984 гг., председатель Европейской комиссии в 1985–1995 гг.

Дельгадо, Эдуардо – начальник Управления разведки МВД Кубы с 1994 года по настоящее время.

Дженнингс, Питер (1938–2005) – американский журналист, ведущий «Мировых новостей» телеканала ABC в 1978–2005 годах.

Джереджян, Эдуард (р. 1939) – американский дипломат. Заместитель госсекретаря по ближневосточным делам в 1991–1993 гг., посол США в Израиле в 1993–1994 гг.

Джумблат, Валид (р. 1949) – ливанский политик, руководитель Прогрессивно-социалистической партии Ливана с 1977 года.

Джумблат, Камаль (1917–1977) – ливанский политик, основатель Прогрессивно-социалистической партии Ливана. Отец Валида Джумבלата.

Джунди, Абдель Керим (1932–1969) – сирийский офицер, руководитель службы безопасности сирийской ветви партии Баас в 1966–1969 годах.

Дзасохов, Александр Сергеевич (р. 1934) – посол СССР в Сирии в 1986–1988 гг., член Политбюро ЦК КПСС в 1990–1991 гг., президент республики Северная Осетия – Алания в 1998–2005 гг.

Димитров, Георгий Михайлович (1882–1949) – генеральный секретарь исполнительного комитета Коминтерна в 1935–1943 гг., руководитель Международного отдела ЦК ВКП(б) в 1943–1945 гг., председатель Совета министров Народной республики Болгария в 1946–1949 гг.

Дини, Ламберто (р. 1931) – председатель Совета министров Италии в 1995–1996 гг., министр иностранных дел Италии в 1996–2001 гг.

Дмитриев, Михаил Аркадьевич (р. 1947) – глава информационно-аналитического управления СВР России в 1991–2000 годах.

Добрынин, Анатолий Федорович (1919–2010) – советский дипломат. Посол СССР в США в 1962–1986 годах, секретарь ЦК КПСС в 1986–1988 годах.

Догужиев, Виталий Хуссейнович (р. 1935) – министр общего машиностроения СССР в 1988–1989 гг., заместитель председателя Совета министров в 1989–1991 гг.

Донован, Хидли (1914–1990) – главный редактор журнала «Time» в 1964–1979 годах.

Дукакис, Майкл (р. 1933) – американский политик, губернатор штата Массачусетс в 1975–1979 и 1983–1991 годах. В 1988 году был кандидатом в президенты США от Демократической партии.

Дынкин, Александр Александрович (р. 1946) – российский экономист, академик РАН, директор ИМЭМО РАН с 2006 года.

Дьяченко (Юмашева), Татьяна Борисовна (р. 1960) – советник президента РФ в 1996–2000 годы. Дочь Б.Н. Ельцина.

Дэвис, Линн Этеридже (р. 1943) – заместитель государственного секретаря США по вопросам контроля вооружений и международной безопасности в 1993–1997 гг.

Евстафьев, Геннадий Михайлович (1938–2013) – руководитель управления СВР России по контролю за вооружением.

Ельм-Валлен, Лена (р. 1943) – министр иностранных дел Швеции в 1994–1998 годах.

Ельцин, Борис Николаевич (1931–2007) – президент Российской Федерации в 1991–1999 годах.

Ельцина, Наина (р. 1932) – вдова Б.Н. Ельцина.

Елютин, Вячеслав Петрович (1907–1993) – министр высшего образования СССР в 1954–1959 гг., министр высшего и среднего специального образования СССР в 1959–1985 гг. Член-корреспондент АН СССР с 1962 года.

Емельянов, Василий Семенович (1901–1988) – советский ученый и государственный деятель, председатель Государственного комитета Совета Министров СССР по использованию атомной энергии в 1960–1962 годах.

Ерин, Виктор Федорович (р. 1944) – министр внутренних дел РФ в 1992–1995 годах, заместитель директора Службы внешней разведки в 1995–2000 годах.

Жвания, Зураб (1963–2005) – председатель Парламента Грузии в 1995–2001 годах, премьер-министр Грузии в 2003–2005 годах.

Жданов, Андрей Александрович (1896–1948) – советский государственный деятель, член Политбюро ЦК ВКП(б) в 1939–1948 годах.

Жданов, Юрий Андреевич (1919–2006) – советский ученый, ректор Ростовского государственного университета в 1957–1988 годах. Сын А.А. Жданова.

Журкин, Виталий Владимирович (р. 1928) – заместитель директора Института США и Канады в 1968–1987 годах, директор Института Европы в 1987–1999 годах.

Загладин, Вадим Валентинович (1927–2006) – советник М.С. Горбачева в 1988–1991 годах.

Зайцев, Владимир Павлович – руководитель представительства КГБ в Афганистане в 1987–1989 годах.

Зеллик, Роберт (р. 1953) – заместитель госсекретаря США Д. Бейкера в 1989–1991 годах. Президент Всемирного банка в 2007–2012 годах.

Зленко, Николай Николаевич (р. 1945) – заместитель начальника Главного управления международного военного сотрудничества Министерства обороны РФ в 1992–2001 годах.

Зорин, Валентин Сергеевич (р. 1925) – советский и российский журналист, политический обозреватель.

Зубаков, Юрий Антонович (р. 1943) – заместитель директора Службы внешней разведки РФ в 1991–1996 гг., заместитель министра иностранных дел в 1996–1998 гг., руководитель аппарата Правительства в 1998–1999 гг. в правительстве Е. Примакова. Посол РФ в Литве в 1999–2003 гг. и в Молдове – в 2003–2004 гг. Заместитель секретаря Совета безопасности РФ в 2004–2011 гг.

Зульфугаров, Тофик (р. 1959) – министр иностранных дел Азербайджана в 1998–1999 годах.

Иванов, Игорь Сергеевич (р. 1945) – российский дипломат и государственный деятель. Посол СССР / РФ в Испании в 1991–1995 гг., первый заместитель министра иностранных дел РФ в 1995–1998 гг., министр иностранных дел в 1998–2004 гг., секретарь Совета Безопасности в 2004–2007 гг.

Ивашов, Леонид Григорьевич (р. 1943) – начальник Главного управления международного военного сотрудничества Министерства обороны России.

Икэда, Юкихико (1937–2004) – министр иностранных дел Японии в 1996–1997 годах.

Илларионов, Сергей – сотрудник резидентуры внешней разведки по научно-технической линии в Италии. Бежал на Запад в январе 1991 года.

Илюшин, Виктор Васильевич (р. 1947) – первый заместитель Председателя Правительства Российской Федерации в 1996–1997 годах.

Иноземцев, Николай Николаевич (1921–1982) – заместитель главного редактора газеты «Правда» в 1961–1966 гг., директор ИМЭМО АН СССР в 1966–1982 гг.

Иноки, Масамити (р. 1914) – японский социолог и философ, профессор, член Советом по вопросам безопасности («Ампокэн»), президент Академии Национальной обороны Японии в 1970–1978 гг.

Исмаилов, Тофик Кязимович (1933–1991) – народный депутат СССР, государственный секретарь Азербайджана в 1991 году. Погиб 20 ноября 1991 года при полете на вертолете Ми-8, сбитом тепловой ракетой.

Ишингер, Вольфганг Фридрих (р. 1946) – немецкий дипломат. Директор политического департамента министерства иностранных дел Германии в 1995–1998 гг., заместитель министра иностранных дел в 1998–2001 гг., посол Германии в США в 2001–2006 гг., посол Германии в Великобритании в 2006–2008 гг. Председатель ежегодной Мюнхенской международной конференции по безопасности с 2009 года.

Йованович, Живадин (р. 1938) – министр иностранных дел Югославии в 1998–2000 годах.

Йост, Чарльз (1907–1981) – американский дипломат. Представитель США в ООН в 1969–1971 годах.

Казиев, Рагим – министр обороны Азербайджана в 1992–1993 годах.

Кайфу, Тосики (р. 1931) – премьер-министр Японии в 1989–1991 годах.

Калинин, Арнольд Иванович (1929–2011) – советский и российский дипломат. Посол СССР в Португалии в 1974–1982 гг., посол СССР в Анголе в 1983–1987 гг., посол СССР / РФ на Кубе в 1991–2000 гг.

Калинин, Михаил Иванович (1875–1946) – советский государственный и партийный деятель. Председатель ВЦИК в 1919–1938 гг., председатель Президиума Верховного Совета СССР в 1938–1946 гг.

Калугин, Олег Данилович (р. 1934) – сотрудник КГБ СССР в 1952–1989 годах. В 1995 году эмигрировал в США. В 2002 году заочно осужден к 15 годам лишения свободы за государственную измену.

Караганов, Сергей Александрович (р. 1952) – официальный эксперт Комитета по международным отношениям Верховного Совета СССР в 1989–1991 гг. С 1991 года – член Совета по внешней политике МИД РФ, с 2006 года – декан факультета мировой экономики и мировой политики Высшей школы экономики.

Караджич, Радован (р. 1945) – президент Республики Сербской в 1992–1996 годах.

Караме, Рашид (1921–1987) – ливанский политический деятель. С 1955 по 1987 год восемь раз занимал должность премьер-министра Ливана.

Карасин, Григорий Борисович (р. 1949) – российский дипломат. Посол России в Великобритании в 2000–2005 годах, заместитель министра иностранных дел в 1996–2000 годах и с июня 2005 года по настоящее время.

Каримов, Ислам Абдуганиевич (р. 1938) – президент Республики Узбекистан с 1990 года.

Каргузов, Николай Васильевич (1943–2004) – посол России в Ираке в 1994–1999 и в Египте – в 2002–2004 годах.

Кастро, Рауль (р. 1931) – председатель Совета министров Кубы с 2008 года, первый секретарь ЦК Коммунистической партии Кубы с 2011 года. Брат Фиделя Кастро.

Кастро, Фидель (р. 1926) – председатель Совета министров Кубы в 1959–2008 годах, первый секретарь ЦК Коммунистической партии Кубы в 1961–2001 годах.

Катушев, Константин Федорович (1927–2010) – секретарь ЦК КПСС в 1968–1977 гг., заместитель Председателя Совета Министров СССР в 1977–1982 гг., председатель Государственного комитета СССР по внешним экономическим связям в 1985–1988 гг., министр внешних экономических связей СССР в 1988–1991 гг.

Каутский, Карл (1854–1938) – немецкий экономист, теоретик классического марксизма.

Квашнин, Анатолий Васильевич (р. 1946) – первый заместитель министра обороны Российской Федерации в 1997–2004 годах.

Кеннеди, Эдвард («Тэд») (1932–2009) – сенатор США от штата Массачусетс в 1962–2009 годах. Младший брат президента США Джона Кеннеди.

Ким Ир Сен (1912–1994) – основатель Корейской народно-демократической республики. Председатель кабинета министров КНДР в 1948–1972 гг., президент КНДР в 1972–1994 гг.

Кинкель, Клаус (р. 1936) – министр иностранных дел Германии в 1992–1998 годах.

Кириенко, Сергей Владиленович (р. 1962) – Председатель Правительства России в апреле–августе 1998 года. С 2005 года – генеральный директор государственной корпорации по атомной энергии «Росатом».

Кирпиченко, Вадим Алексеевич (1922–2005) – советский разведчик, первый заместитель начальника ПГУ КГБ СССР в 1979–1991 годах.

Кирпиченко, Валерия Николаевна (1930–2015) – российский литературовед-востоковед.

Кирпиченко, Сергей Вадимович (р. 1951) – советский и российский дипломат. С 1973 года работал на различных должностях в центральном аппарате МИД СССР и РФ и в дипломатических представительствах за рубежом. С 2011 года – посол России в Египте. Сын Вадима Алексеевича и Валерии Николаевны Кирпиченко.

Кисляк, Сергей Иванович (р. 1950) – российский дипломат. Директор Департамента по международному научному и техническому сотрудничеству МИД России в 1993–

1995 г., директор Департамента по вопросам безопасности и разоружения в 1995–1998 гг. Посол России в Бельгии в 1998–2003 гг. Заместитель министра иностранных дел РФ в 2003–2008 гг. С июля 2008 года – посол РФ в США.

Киссинджер, Генри (р. 1923) – государственный секретарь США в 1973–1977 годах.

Клинтон, Билл (р. 1946) – президент США в 1993–2001 годах.

Кобулов, Амаяк Захарович (1906–1955) – руководящий работник советских органов государственной безопасности. В 1940 году легальный резидент НКВД в Берлине.

Козырев, Андрей Владимирович (р. 1951) – министр иностранных дел РСФСР / РФ в 1990–1996 годах.

Колби, Уильям (1920–1996) – директор Центральной разведки США в 1973–1976 годах.

Колесниченко, Томас Анатольевич (1930–2003) – советский журналист-международник. Являлся членом редколлегии газеты «Правда», ее корреспондентом в странах Африки, США, Великобритании.

Колесниченко, Светлана Яковлевна – вдова Т.А. Колесниченко, жена В.Н. Войновича.

Коллинз, Джеймс Франклин (р. 1939) – специальный советник госсекретаря США по делам СНГ в 1993–1997 годах, посол США в России в 1997–2001 годах.

Коломе, Абелардо Ибарра (р. 1939) – министр внутренних дел Кубы с 1989 года по настоящее время.

Коль, Гельмут (р. 1930) – федеральный канцлер ФРГ в 1982–1998 годах.

Коржаков, Александр Васильевич (р. 1950) – руководитель Службы безопасности президента России в 1991–1996 годах.

Корнблюм, Джон (р. 1943) – американский дипломат. Помощник государственного секретаря США по делам Европы и Канады в 1996–1997 гг, посол США в Германии в 1997–2001 гг.

Корнуэлл, Дэвид (псевдоним: Джон Ле Карре) (р. 1931) – английский писатель, автор шпионских романов. Сотрудник разведслужбы МИ-6 в 1959–1964 годах.

Корниенко, Георгий Маркович (1925–2006) – советский дипломат, первый заместитель министра иностранных дел СССР в 1981–1986 годах.

Костиков, Вячеслав Васильевич (р. 1940) – российский дипломат и журналист, пресс-секретарь Президента Российской Федерации в 1992–1994 годах.

Котти, Флавио (р. 1939) – швейцарский политик. Начальник департамента внутренних дел в 1987–1993 годах, начальник департамента иностранных дел в 1994–1999 годах. Член Федерального совета Швейцарии в 1986–1999 годах, президент Швейцарии в 1991 и 1998 годах.

Кочарян, Роберт (р. 1954) – один из лидеров Арцахского движения, боровшегося за выход Нагорно-Карабахской Автономной области из Азербайджанской ССР и ее последующее включение в состав Армении. Премьер-министр Нагорно-Карабахской республики в 1992–1994 гг., президент Нагорно-Карабахской республики в 1994–1997 гг., премьер-министр Армении в 1997–1998 гг., президент Армении в 1998–2008 гг.

Коэн, Ариэль (р. 1959) – американский политолог, ведущий эксперт фонда Heritage Foundation.

Коэн, Уильям (р. 1940) – министр обороны США в 1997–2001 годах.

Крестинский, Николай Николаевич (1883–1938) – советский политический деятель, заместитель и первый заместитель наркома иностранных дел СССР в 1930–1937 годах.

Кристофер, Уоррен (1925–2011) – государственный секретарь США в 1993–1997 годах.

Крылов, Сергей Борисович (р. 1949) – заместитель министра иностранных дел РФ в 1993–1996 гг., представитель России в ООН в 1996–1997 гг., посол РФ в Германии в 1997–2004 гг. С 2004 года – руководитель департамента международных связей АФК «Система».

Крючков, Владимир Александрович (1924–2007) – начальник Первого главного управления КГБ СССР в 1974–1988 гг., председатель КГБ СССР в 1988–1991 гг.

Кузнецов, Валерий Алексеевич (р. 1937) – в годы перестройки первый помощник члена Политбюро А.Н. Яковлева.

Кузнецов, Валентин Сергеевич – вице-адмирал ВМФ, начальник международно-договорного управления – заместитель начальника Главного управления международного военного сотрудничества Минобороны РФ в 1996–2002 гг., военный представитель России при НАТО в 2002–2008 гг.

Кук, Дэвид О. (1920–2002) – помощник министра обороны США по делам администрации в 1971 г., заместитель помощника министра обороны США по делам администрации в 1971–1988 гг., директор по администрации и менеджменту в офисе министра обороны США в 1988–2002 гг., представитель министерства обороны США на переговорах с Россией в 1997 г.

Кук, Робин (1946–2005) – британский политик, член Лейбористской партии, министр иностранных дел Великобритании в 1997–2001 гг.

Кулак, Алексей Исидорович (1922–1984) – полковник государственной безопасности СССР. В 1962–1970 годах сотрудничал с ФБР США. Посмертно лишен всех званий и наград.

Куликов, Анатолий Сергеевич (р. 1946) – министр внутренних дел РФ в 1995–1998 годах.

Кучма, Леонид Данилович (р. 1938) – украинский политик. Премьер-министр Украины в 1992–1993 гг., президент Украины в 1994–2005 гг.

Лавров, Сергей Викторович (р. 1950) – постоянный представитель России при ООН в 1994–2004 гг., министр иностранных дел РФ с 2004 года.

Лахе, Карлос (р. 1951) – секретарь Совета министров Кубы в 1986–2009 гг., вице-председатель Государственного совета Кубы в 1993–2009 гг.

Леви, Давид (р. 1937) – израильский политик, депутат Кнессета в 1969–2006 гг., министр иностранных дел Израиля в 1990–1992, 1996–1998 и 1999–2000 гг.

Лейк, Энтони (р. 1939) – советник президента США по национальной безопасности в 1993–1997 годах.

Ленин (Ульянов), Владимир Ильич (1870–1924) – один из главных организаторов и руководителей Октябрьской революции 1917 года, председатель Совета Народных Комиссаров РСФСР в 1917–1924 гг. Основатель СССР.

Леонтьев, Василий Васильевич (1905–1999) – американский экономист российского происхождения, лауреат Нобелевской премии по экономике 1973 года.

Лодал, Йен М. – заместитель заместителя министра обороны США по политическим вопросам в 1994–1998 гг., президент Атлантического Совета в 2005–2006 гг. Главный научный сотрудник Центра Брента Скоукрофта по международной безопасности Атлантического совета с 2007 г.

Лоуфгрэн, Уильям С. – резидент ЦРУ в Индии в 1969–1971 гг., в Ливане в 1971–1973 гг., на Кипре в 1973–1975 гг., в Греции в 1975–1977 гг., в Дании в 1977–1979 гг. Начальник отдела Центральной Евразии ЦРУ в 1993–1996 гг. Глава компании Shenandoah Consultants с 1996 г.

Лощинин, Валерий Васильевич (р. 1940) – российский дипломат, посол России в Белоруссии в 1996–1999 годах.

Лукашенко, Александр Григорьевич (р. 1954) – президент Республики Беларусь с 1994 года.

Лукин, Владимир Петрович (р. 1937) – российский политик. Посол России в США в 1992–1994 гг., уполномоченный по правам человека в РФ в 2004–2014 гг.

Лукьянов, Анатолий Иванович (р. 1930) – первый заместитель председателя Верховного Совета СССР в 1989 году, председатель Верховного Совета СССР в 1990–1991 годах.

Лучинский, Петр Кириллович (р. 1940) – член Политбюро ЦК КПСС в 1990–1991 гг., председатель парламента Молдавии в 1993–1997 гг., президент Молдавии в 1997–2001 гг.

Лысенко, Александр Иосифович – легальный резидент советской разведки в Дели в 1981–1987 гг., легальный резидент российской разведки в Вашингтоне в 1992–1994 гг.

Любченко, Владимир Иванович – сотрудник ИМЭМО; соавтор Е.М. Примакова в разработке методики ситуационного анализа международных отношений.

Мазен, Абу (также известен как Махмуд Аббас; р. 1935) – палестинский политик, председатель Организации освобождения Палестины в 2004–2015 гг., президент частично признанного Государства Палестина с 2013 года.

Майерс, Ричард (р. 1942) – генерал ВВС США, помощник председателя Объединенного комитета начальников штабов в 1996–1997 гг. и его председатель – в 2001–2005 гг.

Маклафлин, Джон – глава евро-азиатского аналитического управления ЦРУ США в 1988–1995 гг., заместитель директора Центральной разведки в 1997–2004 гг.

Маклейн, Дональд (1913–1983) – британский дипломат, с 1934 года сотрудничавший с советской разведкой. В 1951 году переехал в СССР, с 1961 года работал в Институте мировой экономики и международных отношений АН СССР.

Макнамара, Роберт (1916–2009) – министр обороны США в 1961–1968 годах.

Маленков, Георгий Максимиллианович (1902–1988) – секретарь ЦК ВКП(б) в 1939–1953 гг., председатель Совета министров СССР в 1953–1955 гг., заместитель председателя Совета министров в 1955–1957 гг.

Малруни, Брайан (р. 1939) – премьер-министр Канады в 1984–1993 годах.

Мамедов, Георгий Энверович (р. 1947) – российский дипломат, заместитель министра иностранных дел РФ в 1991–2003 гг., посол России в Канаде в 2003–2014 гг.

Мамедов, Ибрагим Исмаил оглы (1958–1994) – азербайджанский офицер.

Мамедов, Энвер Назимович (р. 1923) – советский дипломат и журналист, первый заместитель председателя Гостелерадио в 1962–1985 годах. Отец Г.Э. Мамедова.

Мао Цзэдун (1893–1976) – китайский государственный деятель, основатель Китайской народной республики, председатель ЦК КП Китая в 1945–1976 годах.

Маркарян, Роберт Варганович (р. 1949) – научный сотрудник Института востоковедения АН СССР в 1980–1985 гг., научный сотрудник ИМЭМО в 1985–1989 гг., по-

мощник Е.М. Примакова (в Президентском совете СССР, в СВР России) в 1990–1996 гг. Посол России в Сирии в 1999–2006 гг., посол России в Хорватии в 2009–2015 гг.

Марков, Моисей Александрович (1908–1994) – советский физик-теоретик, академик АН СССР с 1966 года.

Маргон, Кетти (р. 1949) – американский журналист. Супруга П. Дженнигса в 1979–1993 гг. и Р. Холбрука в 1995–2010 гг.

Мартынов, Владлен Аркадьевич (1929–2008) – директор Института мировой экономики и международных отношений АН СССР / РАН в 1989–2000 годах.

Маски, Эдмунд (1914–1996) – американский политик-демократ, сенатор от штата Мэн в 1959–1980 гг., государственный секретарь в 1980–1981 гг.

Маслюков, Юрий Дмитриевич (1937–2010) – первый заместитель председателя Совета министров СССР в 1988–1991 гг., первый заместитель Председателя Правительства РФ в 1998–1999 гг.

Масуд, Ахмад Шах (1953–2001) – министр обороны Афганистана в 1992–1996 гг.

Матвиенко, Валентина Ивановна (р. 1949) – советский и российский политик, дипломат. Председатель Комитета Верховного Совета СССР по делам женщин, охраны семьи, материнства и детства в 1989–1991 гг., посол СССР / РФ в Республике Мальта в 1991–1994 гг., посол России в Греции в 1997–1998 гг., заместитель Председателя Правительства РФ в 1998–2003 гг., губернатор Санкт-Петербурга в 2003–2011 гг., председатель Совета Федерации с 2011 года.

Медведев, Вадим Андреевич (р. 1929) – советский ученый-экономист, член Политбюро ЦК КПСС в 1988–1990 гг.

Медведев, Михаил Викторович (р. 1961) – российский дипломат. Атташе посольства КНР в 1985–1989 гг., генеральный консул России в КНР с 2011 года.

Медведев, Рой Александрович (р. 1925) – советский и российский публицист, автор ряда политических биографий.

Медяник, Яков Прокофьевич (1917–1996) – генерал-майор, сотрудник КГБ СССР в 1954–1987 гг. В 1975–1987 гг. занимал должность заместителя начальника ПГУ КГБ СССР по Ближнему и Среднему Востоку и Африке.

Меир, Голда (1898–1978) – израильский государственный деятель. Министр иностранных дел Израиля в 1956–1966 гг., премьер-министр Израиля в 1969–1974 гг.

Мейджор, Джон (р. 1943) – британский политик, премьер-министр Великобритании в 1990–1997 годах.

Менагаришвили, Ираклий Афиногенович (р. 1951) – министр иностранных дел Грузии в 1995–2003 годах. С 2003 года – директор Центра стратегических исследований в Тбилиси.

Меркулов, Всеволод Николаевич (1895–1953) – советский политический деятель. Народный комиссар государственной безопасности СССР в 1941 и 1943–1946 гг., министр государственного контроля СССР в 1950–1953 гг. Входил в ближайшее окружение Л.П. Берия.

Меррем, Герд Дитрих (р. 1938) – специальный представитель ООН в Таджикистане в 1996–1998 годах.

Микоян, Анастас Иванович (1895–1978) – советский государственный деятель. Народный комиссар внешней торговли СССР в 1938–1949 гг., первый заместитель председателя Совета министров СССР в 1955–1964 гг., председатель Президиума Верховного Совета СССР в 1964–1965 гг.

Микоян, Нами Артемьевна (р. 1928) – историк-музыковед, журналист.

Миллиончиков, Михаил Дмитриевич (1913–1973) – советский ученый, академик АН СССР с 1962 года, председатель Верховного Совета РСФСР в 1967–1973 гг.

Милошевич, Слободан (1941–2006) – президент Сербии в 1989–1997 годах, президент Союзной республики Югославия в 1997–2000 годах.

Милутинович, Милан (р. 1942) – президент Сербии в 1997–2002 годах.

Мильштейн, Михаил Абрамович (1910–1992) – советский военачальник, генерал-лейтенант. Сотрудник Института США и Канады АН СССР с 1972 года. Член советской

делегации Пагуошского движения ученых и Дартмутских встреч ученых.

Мирзоян, Максим Михайлович (р. 1947) – председатель Степанакертского городского Совета народных депутатов в 1988–1991 годах.

Миттеран, Франсуа (1916–1996) – первый секретарь Социалистической партии Франции в 1971–1981 годах, президент Франции в 1981–1995 годах.

Моватт-Ларсен, Рольф – сотрудник ЦРУ США в 1982–2009 годах.

Молотов, Вячеслав Михайлович (1890–1986) – советский государственный деятель. Председатель Совета народных комиссаров СССР в 1930–1941 годах, народный комиссар / министр иностранных дел СССР в 1939–1949 и 1953–1956 годах.

Мольтке, Гебхардт фон (р. 1938) – немецкий дипломат. Заместитель генерального секретаря НАТО в 1991–1997 гг., посол Германии в Великобритании в 1997–1999 гг., постоянный представитель ФРГ в НАТО в 1999–2003 гг.

Моран, Чарльз Уилсон (1882–1977) – личный врач У. Черчилля.

Морозов, Григорий Иосифович (1921–2001) – советский правовед, профессор кафедры международного права МГИМО, главный научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений АН СССР. Первый муж С.И. Аллилуевой.

Моррис, Джеймс – сотрудник ЦРУ, советник по региональным вопросам посольства США в России в 1993–1994 гг. Был объявлен персоной нон грата 28 февраля 1994 года.

Московский, Юрий Сергеевич (1987–1992) – председатель правления Внешэкономбанка СССР в 1987–1992 годах.

Мубарак, Хосни (р. 1928) – египетский военный и политический деятель. Вице-президент Египта в 1975–1981 годах, президент Египта в 1981–2011 годах.

Муса, Амр (р. 1936) – египетский дипломат. Министр иностранных дел Египта в 1991–2001 годах, председатель Лиги арабских государств в 2001–2011 годах.

Муталибов, Аяз (р. 1938) – председатель Совета Министров Азербайджанской ССР в 1989–1990 гг., первый секретарь ЦК Компартии Азербайджанской ССР в 1990–1991 гг., президент Азербайджана в 1991–1992 гг.

Мюллер, Генрих (1900–1945) – начальник IV отдела (гестапо) Имперского главного управления безопасности (РСХА) в 1939–1945 гг., группенфюрер СС. Покончил с собой.

Мюллер, Зигфрид (р. 1916) – сотрудник гестапо и абвера в нацистской Германии.

Наджибулла, Мохаммад (1947–1996) – афганский государственный деятель. Начальник службы государственной безопасности в 1980–1985 гг., президент Афганистана в 1987–1992 гг.

Назарбаев, Нурсултан Абишевич (р. 1940) – председатель Совета министров Казахской ССР в 1984–1989 гг., первый секретарь ЦК КП Казахстана в 1989–1991 гг., президент Казахстана с 1991 года.

Накасонэ, Ясухиро (р. 1918) – премьер-министр Японии в 1982–1987 годах.

Намин, Стас (настоящее имя: Анастас Алексеевич Микоян) (р. 1951) – советский и российский музыкант. Сын Н.А. Микоян, внук А.И. Микояна.

Насер, Гамаль Абдель (1918–1970) – президент Египта в 1954–1970 годах, генеральный секретарь Движения неприсоединения в 1964–1970 годах.

Науманн, Клаус (р. 1939) – немецкий генерал в отставке. Генерал-инспектор Бундесвера в 1991–1996 годах, председатель военного комитета НАТО в 1996–1999 годах.

Нетаньяху, Биньямин (р. 1949) – израильский политик. Премьер-министр Израиля в 1996–1999 годах и с 2009 года по настоящее время.

Никсон, Ричард (1913–1994) – сенатор от штата Калифорния в 1950–1953 годах, вице-президент США в 1953–1961 годах, президент США в 1969–1974 годах.

Нисияма, Такихико – японский дипломат, сотрудник министерства иностранных дел Японии.

Нишанов, Рафик Нишанович (р. 1926) – советский дипломат, первый секретарь ЦК Коммунистической партии

Узбекской ССР в 1988–1989 гг., председатель Совета национальностей Узбекской ССР в 1989–1991 гг.

Новицкий, Владимир Иванович – генерал-майор, заместитель начальника Управления КГБ по Москве и Московской области в 1976–1986 годах.

Нури, Саид Абдулло (1947–2006) – таджикский политический деятель, лидер Партии исламского возрождения Таджикистана (также известной, как ДИВТ – Движение за исламское возрождение Таджикистана) в 1993–2006 гг. Возглавлял Объединенную таджикскую оппозицию во время Гражданской войны в Таджикистане.

Олбрайт, Мадлен (р. 1937) – постоянный представитель США при ООН в 1993–1997 годах, государственный секретарь США в 1997–2001 годах.

Оников, Леон Аршакович (1924–2000) – советский журналист; в 1960–1991 годах работал в аппарате ЦК КПСС.

Осипов, Юрий Сергеевич (р. 1936) – советский и российский математик, механик. Президент Российской академии наук в 1991–2013 годах.

Осканян, Вардан Минасович (р. 1955) – министр иностранных дел Армении в 1998–2008 годах.

Оуэн, Дэвид (р. 1938) – британский политик. Министр иностранных дел Великобритании в 1977–1979 годах, председатель Социал-демократической партии Великобритании в 1983–1987 годах. В январе 1993 года совместно с Сайрусом Вэнсом представил план по урегулированию военного конфликта в Боснии.

Ощенко Виктор (р. 1940) – полковник СВР России, советник посольства СССР / РФ во Франции в 1985–1992 годах. В июле 1992 года бежал в Великобританию.

Памфилова, Элла Александровна (р. 1953) – российский политический деятель. Секретарь комиссии по вопросам привилегий и льгот в 1990–1991 гг., министр социальной защиты РФ в 1991–1994 гг., уполномоченный по правам человека с 2014 года.

Панахов, Неймат (р. 1962) – азербайджанский политический деятель, активист Народного Фронта Азербайджана.

Панов, Александр Николаевич (р. 1944) – российский дипломат. Начальник Департамента Тихоокеанского региона и Юго-Восточной Азии МИД СССР / РФ в 1988–1992 гг., посол России в Республике Корея в 1992–1993 гг., заместитель министра иностранных дел России в 1993–1996 гг., посол России в Японии в 1996–2003 гг., посол России в Норвегии в 2004–2006 гг., ректор Дипломатической академии МИД РФ в 2006–2010 гг.

Папазян, Ваган Акопович (р. 1957) – министр иностранных дел Армении в 1993–1996 годах.

Пастухов, Борис Николаевич (р. 1933) – советский и российский дипломат. Посол СССР в Дании в 1986–1989 гг., посол СССР в Афганистане в 1989–1992 гг. В 1992–1996 гг. – заместитель, в 1996–1998 гг. – первый заместитель министра иностранных дел РФ. В 1998–1999 годах – министр Российской Федерации по делам СНГ.

Пеньковский, Олег Владимирович (1919–1963) – полковник Главного разведывательного управления Генерального штаба Вооруженных сил СССР. В 1963 году обвинен в шпионаже (в пользу США и Великобритании), расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР.

Перес, Шимон (р. 1923) – израильский политик. Министр иностранных дел Израиля в 1986–1988, 1992–1995 и 2001–2002 гг., министр транспорта в 1970–1974 гг., министр финансов в 1988–1990 гг., министр обороны в 1974–1977 и 1995–1996 гг., премьер-министр Израиля в 1984–1986 и 1995–1996 гг., президент Израиля в 2007–2014 гг.

Пикеринг, Томас (р. 1931) – американский дипломат. Посол США в Иордании в 1974–1978 гг., в Нигерии в 1981–1983 гг., в Сальвадоре 1983–1985 гг., в Израиле в 1985–1988 гг., в Индии в 1992–1993 гг. и в России в 1993–1996 гг. Представитель США при ООН в 1989–1992 гг., заместитель госсекретаря США по политическим вопросам в 1997–2000 гг.

Полозков, Иван Кузьмич (р. 1935) – советский государственный деятель, первый секретарь ЦК КП РСФСР в 1990–1991 годах.

Попов, Гавриил Харитонович (р. 1936) – председатель Московского городского Совета народных депутатов в 1990–1991 гг., мэр Москвы в 1991–1992 гг.

Попов, Юрий Иванович (1923–1994) – генерал-майор КГБ, главный резидент КГБ в Токио в 1969–1973 гг., заместитель начальника ПГУ КГБ по Дальнему Востоку в 1973–1989 гг.

Посувалюк, Виктор Викторович (1940–1999) – советский и российский дипломат. Посол СССР в Омане в 1988–1990 гг., посол СССР / РФ в Ираке в 1990–1992 гг., директор Департамента Ближнего Востока и Северной Африки МИД РФ в 1992–1994 гг., заместитель министра иностранных дел и специальный представитель Президента России по ближневосточному урегулированию в 1994–1999 гг. Посвящал свободное время творчеству в жанре авторской песни.

Примакова, Анна Яковлевна (1896–1972) – мать Е.М. Примакова.

Примакова, Ирина Борисовна – вторая жена Е.М. Примакова.

Примакова, Нана Евгеньевна – дочь Е.М. Примакова.

Проди, Романо (р. 1939) – премьер-министр Италии в 1996–1998 и 2006–2008 годах, председатель Европейской комиссии в 1999–2004 годах.

Пуго, Борис Карлович (1937–1991) – председатель КГБ Латвийской ССР в 1980–1984 гг., первый секретарь ЦК КП Латвии в 1984–1988 гг., председатель Комитета партийного контроля при ЦК КПСС в 1988–1991 гг., министр внутренних дел СССР в 1990–1991 гг. Член ГКЧП в августе 1991 года. Покончил жизнь самоубийством.

Пуго, Валентина Ивановна (1938–1991) – жена Б.К. Пуго.

Раббани, Бурхунаттин (1940–2001) – президент Афганистана в 1992–2001 гг.

Раббо, Ясир Абд (р. 1944) – палестинский политик, член исполнительного комитета Организации освобождения Палестины.

Рабин, Ицхак (1922–1995) – премьер-министр Израиля в 1974–1977 и 1992–1995 годах. Был убит ультраправым экстремистом Игалем Амиром 4 ноября 1995 года.

Рамадан, Таха Ясин (1938–2007) – вице-президент Ирака в 1991–2003 годах.

Рафаэль, Тереза – журналист, корреспондент и редактор изданий The Wall Street Journal Europe, Bloomberg View.

Рафсанджани, Хашеми Акбар (р. 1934) – министр внутренних дел Ирана в 1979–1980 гг., председатель Меджлиса Ирана в 1980–1989 гг., президент Ирана в 1989–1997 гг.

Рахмонов, Эмомали (р. 1952) – председатель Верховного Совета Таджикистана в 1992–1994 годах, президент Таджикистана с 1994 года.

Резун, Владимир Богданович (р. 1947) – сотрудник легальной резидентуры ГРУ СССР в Женеве в 1974–1978 годах. В 1978 году бежал в Великобританию. С 1981 года – автор книг под псевдонимом Виктор Суворов.

Рейган, Рональд (1911–2004) – американский политик, губернатор штата Калифорния в 1967–1975 гг., президент США в 1981–1989 гг. До начала политической карьеры получил известность как актер и радиоведущий.

Риббентроп, Иоахим фон (1893–1946) – министр иностранных дел нацистской Германии в 1938–1945 гг. Приговорен к смертной казни Нюрнбергским трибуналом в октябре 1946 года.

Риджуэй, Розанна – американский дипломат. Посол США в Финляндии в 1975–1977 годах, посол США в ГДР в 1983–1985 годах. Помощник государственного секретаря США по делам Европы и Канады в 1985–1989 годах.

Риттер, Скотт (р. 1961) – инспектор Спецкомиссии ООН в Ираке в 1991–1998 годах.

ар-Рифаи, Зайд (р. 1936) – премьер-министр Иордании в 1973–1976 и 1985–1989 годах.

Рифкинд, Малкольм (р. 1946) – британский политик. Министр транспорта в 1990–1992 гг., министр обороны в 1992–1995 гг., министр иностранных дел в 1995–1997 гг., председатель комитета по разведке и безопасности Парламента Великобритании в 2010–2015 гг.

Родригес, Хосе Луис (р. 1946) – министр финансов Кубы в 1994–1995 годах, министр экономики и планирования Кубы в 1995–2009 годах.

Рожков, Владимир Михайлович – первый заместитель начальника Первого главного управления КГБ СССР в 1991 году, позднее – легальный резидент СВР России в Бонне.

Розенберг, Этель (1915–1953) и **Юлиус** (1918–1953) – американские граждане, обвиненные в передаче СССР информации об американской атомной бомбе и приговоренные к смертной казни за шпионаж в 1953 году.

Рокфеллер, Дэвид (р. 1915) – американский банкир и общественный деятель. Президент банка Чейз Манхэттен в 1961–1981 гг. С 1947 года – директор Совета по международным отношениям и в 1970–1985 годах – председатель его совета директоров. Участник Дартмутских встреч. Внук основателя Стандарта Ойл Джона Д. Рокфеллера.

Рольф, Дэвид (р. 1948) – представитель ЦРУ в Восточном Берлине в 1988–1990 гг., представитель ЦРУ в Москве в 1991–1993 гг.

Росс, Деннис (р. 1948) – американский дипломат, глава отдела планирования Государственного департамента США в 1989–1992 годах.

Ростропович, Мстислав Леопольдович (1927–2007) – советский и российский виолончелист, дирижер. В 1978 году он и его жена Г.П. Вишневецкая были лишены советского гражданства (оно было возвращено им в 1990 году).

Ругова, Ибрагим (1946–2009) – лидер партии «Демократическая лига Косова» в 1989–2006 годах, президент частично признанной республики Косово в 1992–2000 и 2002–2006 годах.

Румянцев, Алексей Матвеевич (1905–1993) – советский экономист. Руководил Отделом науки (науки и культуры с 1953 г.) ЦК КПСС с 1952 по 1955 год. Академик АН СССР с 1960 года, вице-президент АН СССР в 1967–1971 гг., директор Института конкретных социальных исследований АН СССР в 1968–1972 гг.

Руцкой, Александр Владимирович (р. 1947) – российский политический деятель, генерал-майор авиации.

Член Президиума Верховного Совета РСФСР в 1990–1991 гг., вице-президент РФ в 1991–1993 гг., губернатор Курской области в 1997–2000 гг.

Рыжков, Николай Иванович (р. 1929) – секретарь и заведующий Экономическим отделом ЦК КПСС в 1982–1985 гг., председатель Совета министров СССР в 1985–1991 гг.

Рюе, Фолькер (р. 1942) – немецкий политик, член Бундестага в 1976–2005 годах, генеральный секретарь ХДС в 1989–1992 годах, министр обороны ФРГ в 1992–1998 годах.

Савинков, Борис Викторович (1879–1925) – террорист, революционер, один из лидеров партии эсеров.

Садат, Анвар (1918–1981) – президент Египта в 1970–1981 годах.

Саймс, Дмитрий (р. 1947) – американский политолог советского происхождения. Научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений АН СССР в 1967–1973 годах. В 1973 году эмигрировал в США, работал советником президента Никсона по вопросам внешней политики. С 1994 года – президент Никсоновского центра.

Саргсян, Вазген (1959–1999) – армянский военный и политический деятель. Министр обороны Армении в 1991–1992 и 1995–1999 гг., министр по вопросам обороны, безопасности и внутренних дел Армении в 1993–1995 гг. Премьер-министр Армении в июне–октябре 1999 г. Погиб в результате террористического акта 27 октября 1999 года.

Сатюков, Павел Алексеевич (1911–1976) – советский журналист и партийный деятель, главный редактор газеты «Правда» в 1956–1964 годах, главный редактор научно-популярных и учебных программ Центрального телевидения СССР в 1970–1976 годах.

Сафайр, Уильям (1929–2009) – политический колумнист газеты The New York Times в 1973–2005 годах.

Сахаров, Андрей Дмитриевич (1921–1989) – советский физик, академик АН СССР, один из создателей первой советской водородной бомбы, лауреат Нобелевской премии мира 1975 года. С конца 1960-х годов являлся одним из ли-

дерев правозащитного движения в СССР. В 1989 году был избран народным депутатом СССР.

ас-Сахаф, Мухаммед Саид (р. 1940) – министр иностранных дел Ирака в 1992–2001, министр информации в 2001–2003 годах.

Саэки, Киити (1913–1999) – японский профессор исследовательского института Номура, советолог, член Совета по вопросам безопасности («Ампокэн»).

Семенов, Николай Николаевич (1896–1986) – советский ученый, академик АН СССР с 1932 года, лауреат Нобелевской премии по химии 1956 года.

Сергеев, Иван Иванович (р. 1941) – российский дипломат, заместитель министра иностранных дел РФ в 1997–2001 годах.

Серов, Валерий Михайлович (р. 1940) – советский и российский государственный деятель. Председатель Государственного строительного комитета СССР в 1989–1991 гг., министр по делам сотрудничества со странами СНГ в 1995–1996 гг., заместитель Председателя Правительства РФ в 1996–1998 гг.

Сидоров, Василий Сергеевич (р. 1945) – российский дипломат, заместитель министра иностранных дел РФ в 1995–1998 гг., постоянный представитель РФ при ООН в 1998–2001 гг.

Силаев, Иван Степанович (р. 1930) – министр авиационной промышленности СССР в 1981–1985 гг., заместитель председателя Совета министров СССР в 1985–1990 гг., председатель Совета министров РСФСР в 1990–1991 гг.

Симонян, Райр Райрович (р. 1947) – российский экономист и бизнесмен, в 1974–1991 годах – сотрудник Института мировой экономики и международных отношений АН СССР.

Ситарян, Степан Арамаисович (1930–2009) – первый заместитель Министра финансов СССР в 1974–1982 гг., первый заместитель Председателя Госплана СССР в 1983–1989 гг., заместитель Председателя Совета Министров СССР и постоянный представитель СССР в СЭВ в 1989–1990 гг.

Скарлетт, Джон (р. 1948) – руководитель Секретной разведывательной службы Великобритании в 2004–2009 годах, ее представитель в Москве в 1991–1994 годах.

Скоков, Юрий Владимирович (1938–2013) – первый заместитель Председателя Совета Министров РСФСР в 1990–1991 годах, секретарь Совета Безопасности РФ в 1992–1993 годах.

Скотт, Хью (1900–1994) – американский политик, сенатор от штата Пенсильвания в 1959–1977 годах.

Скоукрофт, Брент (р. 1925) – генерал-лейтенант ВВС США, советник президента США по национальной безопасности в 1975–1977 и 1989–1993 годах.

Смит, Роберт (р. 1941) – американский политик, сенатор от штата Нью-Гэмпшир в 1990–2003 годах. Вице-председатель специального комитета Сената США по делам военнопленных и пропавших без вести в 1991–1993 годах.

Снегур, Мирча Иванович (р. 1940) – молдавский политик. Секретарь ЦК КП Молдавской ССР в 1985–1990 гг., председатель Президиума Верховного Совета Молдавской ССР в 1989–1990 гг., президент Молдавии в 1990–1997 гг.

Солана, Хавьер (р. 1942) – испанский ученый и политический деятель. Министр культуры Испании в 1982–1988 гг., министр образования и науки Испании в 1988–1992 гг., министр иностранных дел Испании в 1992–1995 гг., генеральный секретарь НАТО в 1995–1999 гг., генеральный секретарь Совета Европейского союза и Верховный представитель Европейского союза по иностранным делам и политике безопасности в 1999–2009 гг.

Солдатов, Александр Алексеевич (1915–1999) – советский дипломат, посол СССР в Ливане в 1974–1986 годах.

Солженицын, Александр Исаевич (1918–2008) – писатель, публицист, лауреат Нобелевской премии по литературе 1970 года. В 1974 году был лишен советского гражданства и выслан из СССР (восстановлен в гражданстве в 1990 году).

Соломатин, Борис Александрович (1924–2005) – советский разведчик, генерал-майор. Легальный резидент

КГБ в Дели в 1960–1963 гг., в Вашингтоне в 1965–1968 гг., в Нью-Йорке в 1971–1975 гг. и в Риме в 1975–1988 гг. Заместитель начальника Первого главного управления КГБ в 1968–1971 годах.

Сондерс, Гарольд (р. 1930) – американский дипломат. Заместитель государственного секретаря США по разведке и исследованиям в 1975–1978 годах и по делам Ближнего Востока – в 1978–1981 годах.

Сосковец, Олег Николаевич (р. 1949) – первый заместитель Председателя Правительства РФ в 1993–1996 годах. С 2011 года – президент Российского союза товаропроизводителей.

Спаский, Николай Николаевич (р. 1961) – российский дипломат. Директор департамента Северной Америки МИД России в 1994–1997 гг., посол РФ в Италии в 1997–2004 гг., заместитель секретаря Совета Безопасности России в 2004–2006 гг. С 2008 года – заместитель генерального директора корпорации «Росатом» по международной деятельности.

Спольников, Виктор Николаевич – генерал-майор КГБ, руководитель представительства КГБ в Афганистане в 1980–1982 годах.

Сталин (Джугашвили), Иосиф Виссарионович (1878–1953) – генеральный секретарь ЦК ВКП(б) в 1922–1953 годах, председатель Совета народных комиссаров СССР в 1941–1946 годах, председатель Совета министров СССР в 1946–1953 годах.

Старовойтова, Галина Васильевна (1946–1998) – российский политик и правозащитник, депутат Госдумы РФ в 1995–1998 годах. Была убита 20 ноября 1998 года в подъезде своего дома в Санкт-Петербурге.

Столяров, Николай Сергеевич (р. 1947) – российский экономист, генерал-майор авиации, депутат Госдумы РФ в 1993–1999 годах.

Студеман, Уильям (р. 1940) – директор Агентства национальной безопасности США в 1988–1992 гг., заместитель директора Центральной разведки в 1992–1995 гг.

Суслов, Михаил Андреевич (1902–1982) – секретарь ЦК КПСС в 1947–1982 годах, член Президиума / Политбюро ЦК КПСС в 1952–1953 и 1955–1982 годах. Считался главным идеологом партии.

Суэцугу, Итиро (1923–2001) – председатель научно-исследовательского совета по вопросам национальной безопасности Японии («Ампокэн») в 1972–2001 годах.

Сяопин, Дэн (1904–1997) – китайский политик, председатель Центральной комиссии советников КПК в 1982–1987 годах. Сяопин никогда не занимал пост главы государства или правительства, но был фактическим руководителем Китая с 1978 по 1992 годы.

Танака, Какуэй (1918–1993) – японский политик, премьер-министр Японии в 1972–1974 годах.

Тарасенко, Сергей Петрович – помощник министра иностранных дел СССР Э.А. Шеварднадзе в 1985–1990 годах.

Тарасов, Геннадий Павлович (р. 1947) – российский дипломат. Посол СССР / РФ в Саудовской Аравии в 1990–1996 гг., директор Департамента информации и печати МИД РФ в 1996–1998 гг., посол РФ в Португалии в 1998–2002 гг., посол РФ в Израиле в 2002–2007 гг.

Твардовский, Александр Трифонович (1910–1971) – советский писатель и поэт, главный редактор журнала «Новый мир» в 1950–1954 и 1958–1970 годах.

Тер-Петросян, Левон Акопович (р. 1945) – председатель Верховного Совета Армении в 1990–1991 годах, президент Армении в 1991–1998 годах.

Топчиев, Александр Васильевич (1907–1962) – советский химик, академик АН СССР с 1949 года.

Трапезников, Сергей Павлович (1912–1984) – советский партийный деятель и историк, заведующий Отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС в 1965–1983 годах.

Трояновский, Олег Александрович (1919–2003) – советский дипломат. Помощник Председателя Совета министров СССР по внешнеполитическим вопросам в 1958–1967 гг., посол СССР в Японии в 1967–1976 гг., постоянный

представитель СССР при ООН в 1976–1986 гг., посол СССР в КНР в 1986–1990 гг.

Трубников, Вячеслав Иванович (р. 1944) – сотрудник КГБ СССР в 1967–1992 гг., первый заместитель директора СВР России в 1992–1996 гг., директор СВР в 1996–2000 гг., первый заместитель министра иностранных дел РФ в 2000–2004 гг., посол РФ в Индии в 2004–2009 гг.

Тураджонзода, Ходжи Акбар (р. 1954) – заместитель руководителя Объединенной таджикской оппозиции в 1993–1998 годах, первый заместитель премьер-министра Таджикистана в 1998–2005 годах.

Тэлботт, Струоб (р. 1946) – заместитель государственного секретаря США в 1994–2001 годах. С 2002 года по настоящее время – президент Брукингского института в Вашингтоне.

Тягуненко, Виктор Леонидович (1920–1975) – советский экономист, сотрудник Института мировой экономики и международных отношений АН СССР в 1957–1973 годах.

Умалатова, Сажи Зайндиновна (р. 1953) – советский и российский политический деятель, депутат Верховного Совета СССР в 1984–1991 годах.

Устинов, Дмитрий Федорович (1908–1984) – народный комиссар и министр вооружения СССР в 1941–1953 гг., министр оборонной промышленности СССР в 1953–1957 гг., министр обороны СССР в 1976–1984 гг. Секретарь ЦК КПСС в 1965–1976 гг., член Политбюро ЦК КПСС в 1976–1984 гг.

Фахд, ибн Абдул-Азиз (1921–2005) – король Саудовской Аравии в 1982–2005 годах.

Федоров, Владилен Николаевич (1924–2003) – советский разведчик, генерал-майор КГБ.

Федоров, Николай Васильевич (р. 1958) – министр юстиции РСФСР / РФ в 1990–1993 гг., президент Чувашской республики в 1994–2010 гг., министр сельского хозяйства России в 2012–2015 гг.

Фейсал, ибн Абдул-Азиз (1906–1975) – министр иностранных дел в 1930–1960 и 1962–1975 годах, король Саудовской Аравии в 1962–1975 годах.

Ферраро, Джеральдин (1935–2001) – американский политик, член Палаты представителей от штата Нью-Йорк в 1979–1985 годах.

Фитин, Павел Михайлович (1907–1971) – руководитель внешней разведки СССР в 1939–1946 годах, министр государственной безопасности Казахской ССР в 1951–1953 годах.

Фолл, Брайан (р. 1937) – британский дипломат, посол Великобритании в России в 1992–1995 годах.

Фоменко, Николай Владимирович (р. 1962) – российский музыкант, актер, радио- и телеведущий.

Фултон, Эндрю (р. 1944) – британский дипломат, сотрудник внешней разведки Великобритании.

Хабаров, Геннадий Алексеевич – начальник охраны Е.М. Примакова.

Хабешвили, Солико (1935–1995) – грузинский политик, секретарь ЦК КП Грузинской ССР в 1972–1985 гг. Был убит 20 июня 1995 года у подъезда своего дома в Тбилиси.

Халиль, Хусейн – политический советник лидера «Хезболлы» Хасана Насраллы.

Халонен, Тарья (р. 1943) – финский политик. Министр социальной защиты и здравоохранения Финляндии в 1987–1990 гг., министр юстиции в 1990–1991 гг., министр иностранных дел в 1995–2000 гг. Президент Финляндии в 2000–2012 годах.

Харадзе, Лаура Васильевна (1930–1987) – первая жена Е.М. Примакова.

Харадзе, Надежда Васильевна (1912–1999) – грузинская оперная певица. Тетя Л.В. Харадзе.

Харламов, Михаил Аверкиевич (1913–1990) – заведующий отделом печати МИД СССР в 1958–1962 гг., председатель Государственного комитета Совета Министров СССР по радиовещанию и телевидению в 1962–1964 гг., заместитель главного редактора Издательства политической литературы в 1964–1968 гг., начальник Историко-дипломатического управления МИД СССР в 1968–1975 гг., первый

заместитель постоянного представителя СССР при ООН в 1975–1980 гг.

Харнак, Арвид (1901–1942) – немецкий юрист и антифашист, участник подпольного сопротивления в гитлеровской Германии, с 1935 года сотрудничавший с советской разведкой.

Хасан II (1929–1999) – король Марокко в 1961–1999 годах.

Хекматияр, Гульбеддин (р. 1947) – премьер-министр Афганистана в 1993–1994 гг., лидер Исламской партии Афганистана.

Хелмс, Ричард (1913–2002) – директор Центральной разведки США в 1966–1973 годах, посол США в Иране в 1973–1977 годах.

Хемингуэй, Эрнест (1899–1961) – американский писатель, журналист, лауреат Нобелевской премии по литературе 1954 года. Автор романов «Прощай, оружие», «По ком звонит колокол», «Старик и море». Покончил жизнь самоубийством.

Херд, Дуглас (р. 1930) – британский политик, министр внутренних дел Великобритании в 1985–1989 годах, министр иностранных дел в 1989–1995 годах.

Хилл, Кристофер (р. 1952) – американский дипломат. Посол США в Македонии в 1996–1999 гг., посол США в Польше в 2000–2004 гг., посол США в Южной Корее в 2004–2005 гг., помощник государственного секретаря по делам Восточной Азии и Океании в 2005–2009 гг., посол США в Ираке в 2009–2010 гг.

Холбрук, Ричард (1941–2010) – американский дипломат, помощник государственного секретаря США по делам Восточной Азии и Океании в 1977–1981 гг., посол США в Германии в 1993–1994 гг., помощник государственного секретаря США по делам Европы и Канады в 1994–1996 гг., постоянный представитель США при ООН в 1999–2001 гг. Управляющий директор журнала «Foreign Policy» в 1972–1976 гг., управляющий директор инвестиционного банка Lehman Brothers в 1985–1993 гг.

Хонеккер, Эрих (1912–1994) – немецкий политик, генеральный секретарь ЦК СЕПГ в 1971–1989 годах. Основатель Союза свободной немецкой молодежи и его председатель в 1946–1955 годах. Один из организаторов строительства Берлинской стены.

Хрущев, Никита Сергеевич (1894–1971) – председатель ЦК КПСС в 1953–1964 годах, председатель Совета министров СССР в 1958–1964 годах.

Хусейн ибн Талал (1935–1999) – король Иордании в 1952–1999 годах.

Хусейн, Саддам (1937–2006) – президент Ирака в 1979–2003 годах.

Хью, Сесил Десмонд (р. 1941) – сотрудник дипломатической службы Великобритании в 1970–1995 годах.

Церетели, Зураб Константинович (р. 1933) – советский и российский скульптор.

Цзян Цзэминь (р. 1926) – китайский государственный деятель, генеральный секретарь ЦК КП Китая в 1989–2002 годах.

Цянь Цичень (р. 1928) – министр иностранных дел КНР в 1988–1998 годах.

Чаушеску, Николае (1918–1989) – генеральный секретарь ЦК КП Румынии в 1965–1989 годах, президент Социалистической Республики Румыния в 1974–1989 годах. Режим Чаушеску был свергнут в ходе революции.

Червоненко, Степан Васильевич (1915–2003) – советский дипломат. Посол СССР в КНР в 1959–1965 гг., в Чехословакии в 1966–1973 гг., во Франции в 1973–1982 гг. Заведующий Отделом ЦК КПСС по работе с иностранными кадрами и выездам за границу в 1982–1988 годах.

Чернавин, Владимир Николаевич (р. 1928) – советский военачальник, адмирал флота. Начальник Главного штаба ВМФ в 1981–1985 годах, главнокомандующий ВМФ в 1985–1992 годах.

Черномырдин, Виктор Степанович (1938–2010) – советский и российский политический деятель. Председатель Правительства РФ в 1992–1998 годах, посол России на Украине в 2001–2009 годах.

Черняев, Анатолий Сергеевич (р. 1921) – помощник генерального секретаря ЦК КПСС, затем президента СССР М.С. Горбачева по международным делам в 1985–1991 годах.

Черчилль, Уинстон (1874–1965) – британский политический деятель, премьер-министр Великобритании в 1940–1945 и 1951–1955 годах, лауреат Нобелевской премии по литературе 1953 года. Наиболее известный литературный труд – мемуары «Вторая мировая война».

Шаликашвили, Джон (1936–2011) – генерал Армии США, председатель Объединенного комитета начальников штабов в 1993–1997 годах.

Шамир, Ицхак (1915–2012) – израильский политик. Председатель Кнессета в 1977–1980 годах, премьер-министр Израиля в 1983–1984 и 1986–1992 годах.

Шамун, Камиль Нимр (1900–1987) – президент Ливана в 1952–1958 годах, один из главных христианских лидеров во время гражданской войны в Ливане 1975–1990 годов.

Шараа, Фарук (р. 1938) – министр иностранных дел Сирии в 1984–2006 годах, вице-президент Сирии с 2006 года по настоящее время.

Шаретт, Эрве де (р. 1938) – министр иностранных дел Франции в 1995–1997 годах.

Шарон, Ариэль (1928–2014) – израильский военный и политический деятель, генерал-майор армии, премьер-министр Израиля в 2001–2006 годах.

Шаталин, Станислав Сергеевич (1934–1997) – советский экономист, руководитель рабочей группы по созданию программы перехода к рыночной экономике – программы «500 дней» – в 1990–1991 годах.

Шахназаров, Георгий Хосроевич (1924–2001) – советник Президента СССР М.С. Горбачева в 1990–1991 годах, президент Советской ассоциации политических наук в 1973–1991 годах.

Шебаршин, Леонид Владимирович (1935–2012) – начальник Первого главного управления КГБ СССР в 1989–1991 годах.

Шеварднадзе, Эдуард Амвросиевич (1928–2014) – советский и грузинский политический деятель. Первый секретарь ЦК КП Грузии в 1972–1985 годах, министр иностранных дел СССР в 1985–1990 годах, президент Грузии в 1995–2003 годах.

Шевченко, Владимир Николаевич (р. 1939) – руководитель служб протокола президента СССР в 1990–1991 и президента РФ в 1991–1999 годах, советник Президента РФ в 2000–2011 годах.

Шенаев, Владимир Никитович (1929–2010) – советский и российский экономист, сотрудник ИМЭМО АН СССР в 1957–1988 годах, заместитель директора Института Европы АН СССР / РАН в 1988–2010 годах.

Шипстер, Майкл (р. 1951) – британский дипломат, сотрудник дипломатической службы в Великобритании с 1977 года.

Ширак, Жак (р. 1932) – французский политик, мэр Парижа в 1977–1995 годах, премьер-министр Франции в 1974–1976 и 1986–1988 годах, президент Франции в 1995–2007 годах.

Шишлин, Николай Владимирович (1926–1994) – советский журналист-международник, руководитель группы консультантов Международного отдела ЦК КПСС по связям с коммунистическими партиями капиталистических стран в 1960–1990 годах.

Шредер, Эрих (1901–?) – руководитель сектора IV-D (ответственного за «иностранцев из враждебных государств») в Гестапо в 1939–1941 годах.

Штебе, Ильзе (1911–1942) – немецкая журналистка, участница немецкого движения Сопротивления, агент советской военной разведки.

Шувалов, Константин Викторович (р. 1953) – российский дипломат. Заместитель начальника управления Департамента Западной и Южной Азии МИД РФ в 1993–1994 гг., первый заместитель директора Третьего департамента Азии МИД РФ в 1994–1997 гг., посол РФ в Иране в 1997–2000 гг., директор Третьего департамента стран СНГ

МИД РФ в 2001–2005 гг., посол РФ в Боснии и Герцеговине в 2005–2009 гг.

Шульман, Маршалл (1916–2007) – американский советолог, сотрудник Госдепартамента США в 1949–1953 гг., один из основателей Института изучения СССР им. Гарримана при Колумбийском университете и его руководитель в 1982–1987 гг.

Шульце-Бойзен, Харро (1909–1942) – обер-лейтенант люфтваффе, участник подпольного сопротивления в гитлеровской Германии, с 1936 года передававший советской разведке секретную информацию через А. Харнака.

Щаранский, Натан (р. 1946) – диссидент, израильский государственный и общественный деятель, министр промышленности и торговли Израиля в 1996–1999 годах, министр внутренних дел Израиля в 1999–2000 годах.

Щербаков, Алексей Анатольевич (р. 1941) – генерал-полковник внешней разведки. Заместитель директора СВР России по экономической и научно-технической разведке в 1992–1996 годах, первый заместитель директора СВР в 1996–2000 годах.

Щербаков, Владимир Иванович (р. 1949) – в 1991 году заместитель и первый заместитель премьер-министра СССР, а также министр экономики и планирования СССР.

Эберли, Джеймс (р. 1927) – британский адмирал, командующий флотом Великобритании в 1979–1981 годах, председатель Чатем-хауса (Королевского института международных отношений) в 1983–1990 годах.

Эймс, Олдрич (р. 1941) – начальник контрразведывательного подразделения ЦРУ, агент СССР / РФ в 1985–1994 годах. В феврале 1994 года был арестован сотрудниками ФБР; приговорен к пожизненному заключению, которое в настоящее время отбывает в тюрьме особо строгого режима Алленвуд (штат Пенсильвания).

Экеус, Рольф (р. 1935) – шведский дипломат, председатель Спецкомиссии ООН в Ираке в 1991–1997 годах, верховный комиссар по делам национальных меньшинств в ОБСЕ в 2001–2007 годах.

Эксуорси, Ллойд (р. 1939) – канадский государственный деятель, министр иностранных дел Канады в 1996–2000 годах.

Эль-Баз, Усама (1931–2013) – египетский дипломат, политический советник президента Египта Х. Мубарака в 1981–2011 годах.

Эльчибей, Абульфаз (1938–2000) – лидер Народного фронта Азербайджана, президент Азербайджана в 1992–1993 годах.

Энто, Револьд Михайлович (р. 1931) – советский и российский экономист, научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений АН СССР / РАН с 1961 года, академик РАН с 1994 года.

Эрмарт, Фриц (р. 1941) – сотрудник ЦРУ в 1973–1998 годах, председатель Национального совета по разведке в 1993–1998 годах.

Юмашев, Валентин Борисович (р. 1957) – российский журналист, руководитель администрации Президента РФ в 1997–1998 годах.

Ющук, Ростислав Васильевич – генерал-лейтенант СВР России.

Явлинский, Григорий Алексеевич (р. 1952) – советский и российский экономист, политик. Участник рабочих групп по созданию экономических программ «500 дней» и «Согласие на шанс» в 1990–1991 годах, лидер политической партии «Яблоко» в 1993–2008 годах.

Явлюхин, Николай Борисович (р. 1949) – советник посольства РФ в Лондоне в 1994 году.

Язов, Дмитрий Тимофеевич (р. 1924) – министр обороны СССР в 1987–1991 годах, член ГКЧП в августе 1991 года.

Яковлев, Александр Николаевич (1923–2005) – советский политический деятель, один из главных идеологов перестройки. Посол СССР в Канаде в 1973–1983 гг., директор ИМЭМО АН СССР в 1983–1985 гг., заведующий отделом пропаганды ЦК КПСС в 1985–1986 гг., член Политбюро ЦК КПСС в 1987–1990 гг.

Якушкин, Дмитрий Дмитриевич (р. 1957) – российский журналист, пресс-секретарь Президента РФ в 1998–2000 годах. Директор по внешним связям британско-канадско-российского золотодобывающего холдинга Highland Gold Mining с 2006 года по настоящее время.

Якушкин, Дмитрий Иванович (1923–1994) – советский разведчик, генерал-майор. Заместитель начальника 1-го отдела ПГУ КГБ СССР в 1969–1971 гг., начальник 3-го отдела ПГУ в 1971–1975 гг., главный резидент ПГУ в Вашингтоне в 1975–1982 гг., начальник 1-го отдела ПГУ в 1982–1986 гг. Отец Д.Д. Якушкина.

Янаев, Геннадий Иванович (1937–2010) – вице-президент СССР в 1990–1991 годах, член ГКЧП в августе 1991 года.

Ясин, Евгений Григорьевич (р. 1934) – советский и российский экономист, заведующий отделом Государственной комиссии по экономической реформе при Совете Министров СССР в 1989–1991 годах, член рабочей группы по созданию программы «500 дней» в 1990–1991 годах. Министр экономики РФ в 1994–1997 годах. Научный руководитель Высшей школы экономики с 1998 года по настоящее время.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Абалкин Л.И. – 80, 527
Авдеев А.А. – 266, 527
Ага Хан IV, Карим – 223, 527
Адамишин А.Л. – 189, 527
Азиз Т. – 130, 370, 373–375, 378,
383, 384, 387, 389, 527
Айяд А. – 427, 428, 528
Акаев А.А. – 223, 528
Акчурин Р.С. – 332, 528
Александров-Агентов А.М. – 37,
38, 528
Алиев Г.А. – 108, 472, 473, 477,
479, 480, 483–485, 528
Аллилуева С.И. – 528, 551
Аллисон Г. – 110, 528
Амиров Ч. – 480, 528
Андерс В. – 528
Андерсон Ф. – 180, 528
Андреотти Дж. – 116, 528
Андропов Ю.В. – 22, 123, 244,
528
Аннан К. – 371, 381–385, 388,
389, 528
Аньелли С. – 382, 443, 444, 529
Арафат Я. – 427–429, 446, 529
Арбатов Г.А. – 22, 26, 30, 50, 63,
517, 529
Ардзинба В.Г. – 415, 486, 488,
490, 492, 495, 496, 529
Арзуманян А.А. – 24–26, 28,
529
Арзуманян А.Р. – 484, 529

Асад Х. – 130, 369, 427, 436,
440, 444, 448, 450, 529
Афанасенко П. – 109, 529
Афанасьевский Н.Н. – 266, 294,
317, 318, 338, 341, 409, 414,
417, 529

Б

Багров Н.В. – 119, 529
Бакатин В.В. – 96, 123–126, 138,
139, 473, 529
Бакулев А.Н. – 533
Барак Э. – 453, 530
Барзани М.М. – 129, 530
Барсуков М.И. – 331, 530
Батиста Ф. – 224, 530
Батлер Р. – 367, 371, 378, 379,
383, 384, 391, 392, 395–397,
530
Бахуташвили В.И. – 497, 530
Бахуташвили М.А. – 530
Бегин М. – 430, 530
Бейкер Д. – 109, 110, 274, 275,
279, 365, 489, 490, 530, 540
Белгард Л.Х. – 150–152, 530
Белоус О.Н. – 294, 341, 530
Беляев Г. – 429
Беляев И.П. – 132, 435
Бергер С. – 376, 531
Березовский Б.А. – 486, 531
Берия Л.П. – 155, 159, 160, 490,
531, 550
Берлингс О. – 155, 157, 158, 160,
531

Бернс Р.Н. – 340, 531
Бессмертных А.А. – 111, 258, 275, 531
Бешлосс М. – 365, 366, 531
Бжезинский З. – 250, 290, 321–323, 325, 441, 531
Биаллер (Бялер) С. – 321, 322, 531
Бисмарк О. фон – 523
Блейк Дж. – 198, 199, 531
Бленд Ч. – 188, 189, 521
Блэр Т. – 370, 378, 532
Бобков Ф.Д. – 473, 532
Бовин А.Е. – 22, 26, 30, 532
Болдин В.И. – 101, 532
Боровик А. – 13, 14
Боровой К.Н. – 289, 532
Бородин П.П. – 331, 532
Бояров В.К. – 49, 532
Брежнев Л.И. – 26, 27, 30, 36, 55, 92, 532
Брейгвейт Р. – 185, 186, 532
Броз Тито И. – 400, 402, 532
Бронштейн М.Л. – 97, 533
Броунинг Р.Ф. – 146
Бураковский В.И. – 120, 202, 533
Бурбулис Г.Э. – 127, 533
Бурлацкий Ф.М. – 22, 533
Бутков М.В. – 142, 533
Буткова-Ньюмен М.Н. – 533
Буш Дж. Г.У. – 66, 67, 71, 109, 110, 112, 172, 175, 176, 239, 280, 365, 523, 533
Бхутто Б. – 66, 533
Быков О.Н. – 63, 534

В

Валенса Л. – 534
Варга Е.С. – 28, 534
Ваэзи М. – 220, 221, 444, 534
Ведрин Ю. – 280, 370, 375, 534
Вейцман Э. – 431, 534
Веляти А.А. – 220, 221, 444, 534

Велихов Е.П. – 61, 534
Вернер М. – 270
Вершбоу А. – 340, 534
Вишневская Г.П. – 557
Войнович В.Н. – 544
Вольский А.И. – 123, 469, 470, 534
Вольф М. – 240–242, 534
Воронцов М.А. – 181, 257, 534
Воронцов Ю.М. – 257, 303, 326, 341, 348, 349, 535
Восканян Г.М. – 470, 535
Воскобой А.С. – 131, 535
Вудрафф Ф. – 175, 535
Вулси Р. Дж. – 172, 174–180, 535
Вулфовиц П. – 153, 535
Вышинский А.Я. – 31, 535
Вэнс С. – 207, 210, 212, 535, 553

Г

Гайдук – 142
Гамбаров И. – 472, 535
Гамсахурдия З.К. – 490, 535
Ганковский Ю.В. – 244, 535
Гантман В.И. – 56, 535
Гасанов Г. – 484, 535
Гашек Я. – 38, 536
Гевара Э.Ч. – 224, 536
Гейвандов К.Е. – 132, 468, 536
Гейтс Р. – 153, 171, 172, 536
Гелбард Р. – 409
Гелбард Р.С. – 536
Герашенко В.В. – 106, 536
Геремек Б. – 413, 420, 536
Гиренко А.Н. – 472, 474, 536
Гитлер А. – 157–159, 536
Глушко В.П. – 31, 536
Гоголь Н.В. – 598
Голубев С.М. – 131
Гольданский В.И. – 50, 536
Гонсалес Ф. – 405, 536
Гор А. – 389, 394, 396–398, 422, 536

Горбачев М.С. – 14, 26, 27, 32, 36, 38, 58–62, 67–70, 72, 76, 79, 80, 82–85, 87–91, 96–98, 100–103, 108–112, 115, 118, 119, 123–127, 170, 274–277, 279, 363, 365, 470–474, 488, 489, 519, 531, 536, 537, 540, 567
Гордиевский О.А. – 145, 146, 520, 537

Гореловский И.И. – 140, 537
Грачев А.С. – 331, 339, 491, 537
Грачев П.С. – 537
Гришин В.В. – 29, 30, 537
Громыко А.А. – 243, 244, 433, 537
Гуджрал И.К. – 263, 537
Гук А.В. – 146, 537
Гургенов В.И. – 133, 137, 186, 187, 537
Гурриа Х.А. – 263, 537

Д

Данкерли К. – 340, 537
Даян М. – 430, 537
Делор Ж. – 113, 537
Дельгадо Э. – 223, 538
Дженнингс П. – 441, 538
Джереджян Э. – 441, 442, 538
Джумблат В. – 429, 538
Джумблат К. – 429, 538
Джунди А.К. – 427, 538
Дзасохов А.С. – 121, 538
Димитров Г.М. – 313, 538
Дини Л. – 262, 267, 383, 538
Дмитриев М.А. – 173, 538
Добрынин А.Ф. – 243, 538
Догужиев В.М. – 472, 538
Донован Х. – 51, 539
Дукакис М. – 321, 539
Дынкин А.А. – 36, 539
Дьяченко (Юмашева) Т.Б. – 502, 539
Дэвис Л. – 285, 340
Дэвис Л.Э. – 345, 347, 349, 539

Е

Евстафьев Г.М. – 167, 178, 539
Ельм-Валлен Л. – 263, 539
Ельцин Б.Н. – 14, 82, 83, 88–91, 95, 96, 102, 103, 122, 124–129, 137, 140, 172, 175, 202, 208, 232–234, 238–241, 256–258, 264–266, 268–272, 284, 292, 293, 299, 303, 307, 311, 312, 325–327, 330–333, 335, 338, 341, 344, 350, 352, 354, 355, 371–374, 378, 381, 382, 384, 388, 389, 391, 412, 416, 417, 420, 443, 453, 457–459, 461, 462, 478, 479, 486, 496, 500–503, 523, 528, 533, 539
Ельцина Н. – 539
Елютин В.П. – 31, 539
Емельянов В.С. – 50, 539
Ерин В.Ф. – 135, 539

Ж

Жвания З. – 494, 496, 539
Жданов А.А. – 21, 540
Жданов Ю.А. – 21, 540
Жолио-Кюри Ф. – 518
Журкин В.В. – 47, 50, 52, 426, 540

З

Загладин В.В. – 111, 540
Зайцев В.П. – 131, 132, 540
Зеллик Р. – 365, 366, 540
Зимянин М.В. – 25, 26, 517
Зленко Н.Н. – 317, 327, 540
Зорин В.С. – 23, 540
Зубаков Ю.А. – 106, 137, 265, 540
Зульфугаров Т. – 484, 540

И

Иванов И.С. – 264, 369, 386, 388–391, 394, 413, 415, 420, 464, 540

- Ивашов Л.Г. – 317, 341, 541
Икэда Ю. – 263, 541
Илларионов С. – 142, 541
Ильф И. – 356
Илюшин В.В. – 240, 541
Иноземцев Н.Н. – 23–27, 29, 30, 36, 37, 44, 45, 50, 541
Иноки М. – 52, 541
Исмаилов Т.К. – 470, 474, 541
Ишингер В.Ф. – 407, 415, 419, 541
- Й**
Йованович Ж. – 420, 541
Йост Ч. – 51, 541
- К**
Каганович Л.М. – 92
Казиев Р. – 473, 541
Кайфу Т. – 115, 541
Калинин А.И. – 230, 542
Калинин М.И. – 313, 542
Калугин О.Д. – 133, 542
Караганов С.А. – 63, 542
Караджич Р. – 211, 542
Караме Р. – 429, 542
Карасин Г.Б. – 266, 542
Каримов И.А. – 222, 542
Картузов Н.В. – 373, 542
Кастро Р. – 224, 228, 230, 231, 542
Кастро Ф. – 14, 223–228, 230–233, 542
Катушев К.Ф. – 106, 543
Каутский К. – 40, 518, 543
Квашнин А.В. – 391, 543
Кеннеди Дж. Ф. – 528, 543
Кеннеди Э. – 52, 543
Ким Ир Сен – 313, 543
Кинкель К. – 239, 262, 267, 297, 302, 311, 338, 403, 407, 408, 415, 419, 543
Кириенко С.В. – 166, 500–502, 543
Кирпиченко В.А. – 130, 131, 133, 137, 149, 150, 543
Кирпиченко В.Н. – 130, 543
Кирпиченко С.В. – 364, 543
Кисляк С.И. – 294, 317, 341, 543
Киссинджер Г. – 249, 356, 426, 434–437, 544
Клинтон Б. – 166, 172, 173, 178, 180, 232, 280, 284, 286, 299, 302–306, 319, 325–327, 330, 332, 335, 349, 355, 370, 372, 373, 378, 379, 389, 390, 392, 393, 443, 450, 544
Кобулов А.З. – 155, 157, 158, 160, 544
Козырев А.В. – 238, 249, 264, 271, 544
Колби У. – 144, 544
Колесниченко С.Я. – 181, 544
Колесниченко Т.А. – 181, 182, 544
Коллинз Дж. Ф. – 287, 340, 395, 544
Коломе А.И. – 224, 544
Коль Г. – 113, 118, 201, 275, 298, 312, 355, 378, 522, 544
Коржаков А.В. – 331, 544
Корнблум Дж. – 340, 544
Корниенко Г.М. – 61, 545
Корнуэлл Д. – 189, 544
Костиков В.В. – 272, 545
Котти Ф. – 263, 545
Кочарян Р. – 468, 469, 483, 485, 545
Коэн А. – 130, 545
Коэн У. – 380, 545
Крестинский Н.Н. – 430, 545
Кристофер У. – 281–287, 291–293, 295, 300, 301, 303, 305, 311, 325, 443–445, 545
Крылов С.Б. – 266, 273, 545

Крючков В.А. – 138, 170, 472, 545
 Кудюкин П. – 517, 518
 Кузнецов В.А. – 120, 546
 Кузнецов В.С. – 317, 341, 546
 Кук Д. – 340, 375, 546
 Кук Р. – 376, 380, 382, 546
 Кулак А.И. – 141, 546
 Куликов А.С. – 331, 546
 Кучма Л.Д. – 464, 546

Л

Лавров С.В. – 303, 366, 368, 371, 388, 390, 391, 546
 Лахе К. – 224, 228, 230, 546
 Леви Д. – 431, 546
 Лейк Э. – 303, 547
 Ленин В.И. – 18–20, 22, 39, 40, 42, 45, 91, 244, 518, 547
 Леонтьев В.В. – 44, 547
 Ликиус – 157
 Лодал Й. – 340, 547
 Лоуфгрэн У. – 183, 547
 Лощинин В.В. – 462, 547
 Лукашенко А.Г. – 458–462, 547
 Лукин В.П. – 174, 547
 Лукьянов А.И. – 87, 96, 102, 547
 Лучинский П.К. – 119, 547
 Лысенко А.И. – 174, 183, 547
 Лубченко В.И. – 56, 547

М

Мазен (Махмуд Аббас) А. – 380, 427, 428, 548
 Майерс Р. – 340, 346, 548
 Маклафлин Дж. – 172, 548
 Маклейн Д. – 197–199, 548
 Макнамара Р. – 60, 548
 Маленков Г.М. – 21, 548
 Малехов Г.Б. – 220
 Малруни Б. – 115, 117, 548

Мамедов Г.Э. – 266, 285, 294, 300, 302, 303, 305, 326, 328, 333, 341, 345, 395, 548
 Мамедов И.И. оглы – 472, 548
 Мамедов Э.Н. – 24, 548
 Мао Цзэдун – 313, 548
 Маркарян Р.В. – 81, 137, 231, 265, 303, 341, 364, 405, 441, 548
 Марков М.А. – 50, 549
 Маргон К. – 549
 Мартынов В.А. – 80, 549
 Маски Э. – 321, 549
 Маслоков Ю.Д. – 106, 502, 549
 Масуд А.Ш. – 215–218, 549
 Матвиенко В.И. – 86, 549
 Медведев А.Н. – 120
 Медведев В.А. – 97, 549
 Медведев М.В. – 70, 246, 549
 Медведев Р.А. – 246, 549
 Медяник Я.П. – 131, 550
 Меир Г. – 430, 550
 Мейджор Дж. – 112, 115–117, 275, 550
 Мельников – 92
 Менагаришвили И.А. – 485, 486, 488, 550
 Меркулов В.Н. – 159, 550
 Меррем Г.Д. – 223, 550
 Мещерин В.Е. – 524
 Мещерин Н.В. – 524
 Микоян А.А. см. Намин С. – 552
 Микоян А.И. – 28, 231, 232, 550, 552
 Микоян Н.А. – 468, 550, 552
 Миллионщиков М.Д. – 50, 550
 Милошевич С. – 177, 205–213, 358, 399, 401, 404–406, 409, 412–414, 416–418, 420, 422, 550
 Милутинович М. – 405, 406, 421, 550
 Мильштейн М.А. – 50, 550
 Мирзоян М.М. – 468–470, 551

Миттеран Ф. – 114, 116, 118, 276, 363, 551
Моватт-ларсен Р. – 184, 551
Молотов В.М. – 108, 158, 159, 551
Мольтке Г. фон – 317, 318, 338, 350, 551
Моран Ч.У. – 46, 551
Морозов Г.И. – 47, 48, 50, 551
Моррис Дж. – 178, 183, 551
Московский Ю.С. – 106, 551
Мубарак Х. – 369, 430, 447, 551, 570
Муглер И.В. – 220
Муса А. – 263, 380, 447, 551
Муталибов А. – 474, 476, 552
Мюллер Г. – 552
Мюллер З. – 157, 158, 160, 552

Н

Наджибулла М. – 64, 552
Назарбаев Н.А. – 223, 478, 552
Накасонэ Я. – 53, 54, 552
Намин С. – 468, 552
Насер Г.А. – 57, 130, 424, 425, 429, 552
Насралла Х. – 564
Науманн К. – 337, 338, 552
Нетаньяху Б. – 431, 445, 446, 448–451, 453, 552
Никсон Р. – 51, 249, 250, 552, 558
Нисяма Т. – 54, 552
Нишанов Р.Н. – 82, 87, 119, 476, 552
Новицкий В.И. – 49, 553
Нури С.А. – 213, 218–220, 522, 553

О

Олбрайт М. – 14, 66, 181, 281, 288, 303, 305, 319–326, 333–335, 340–344, 346–349, 357, 371, 375, 376, 380–383, 388,

389, 395, 407, 411, 443, 450, 553
Оников Л.А. – 19, 121, 517, 553
Осипов Ю.С. – 190, 553
Осканиян В.М. – 484, 553
Оуэн Д. – 207, 210, 212, 535, 553
Ощенко В. – 142, 143, 187, 192, 553

П

Памфилова Э.А. – 90, 553
Панахов Н. – 472, 553
Панов А.Н. – 266, 554
Папаян В.А. – 484, 554
Пастухов Б.Н. – 265, 458, 488, 554
Пеньковский О.В. – 144, 145, 554
Перес Ш. – 430, 445, 446, 554
Петров Е. – 356
Пикеринг Т. – 320, 554
Пиотровский М.Б. – 179
Полозков И.К. – 95, 554
Попов Г.Х. – 44, 555
Попов Ю.И. – 131, 555
Посувалюк В.В. – 266, 364, 379–384, 390, 555
Примаков А.Е. – 519
Примаков Е.М. – 13, 14, 24, 80, 82, 110, 129, 175, 177, 190, 257, 351, 365, 366, 389, 394–398, 472, 519, 540, 547, 549, 555, 564
Примакова А.Я. – 33, 555
Примакова И.Б. – 75, 555
Примакова Н.Е. – 555
Проди Р. – 382, 383, 555
Пуго Б.К. – 119, 555

Р

Раббани Б. – 215, 216, 555
Раббо Я.А. – 427, 555
Рабин И. – 446, 449, 555
Рамадан Т.Я. – 364, 392, 556

- Рассел Б. – 518
 Рафаэль Т. – 556
 Рафсанджани Х.А. – 220, 556
 Рахмонов Э. – 218, 219, 522, 556
 Резун В.Б. – 147–149, 556
 Рейган Р. – 59, 62, 63, 66, 519, 556
 Риббентроп И. фон – 157–159, 556
 Риджуэй Р. – 62, 556
 Риттер С. – 392, 556
 ар-Рифаи З. – 435, 556
 Рифкинд М. – 295–297, 556
 Родригес Х.Л. – 224, 228, 230, 557
 Рожков В.М. – 134, 135, 557
 Розенберг Э. – 204, 557
 Розенберг Ю. – 204, 557
 Рокфеллер Д. – 50–52, 557
 Рокфеллер Дж. Д. – 557
 Рольф Д. – 172, 557
 Росс Д. – 285, 365, 366, 442, 557
 Ростропович М.Л. – 17, 557
 Ругова И. – 401, 402, 405, 409, 557
 Румянцев А.М. – 19–22, 517, 557
 Руцкой А.В. – 124, 125, 557
 Рыжков Н.И. – 36, 558
 Рюе Ф. – 290, 558
- С**
- Савинков Б.В. – 498, 558
 Сагдеев Р. – 175
 Садат А. – 57, 429, 434–437, 558
 Саймс Д. – 249, 558
 Саргсян В. – 485, 558
 Сатюков П.А. – 24, 25, 558
 Сафайр У. – 257, 259, 558
 Сахаров А.Д. – 17, 32, 518, 558
 Сазки К. – 52, 559
 Семенов Н.Н. – 50, 559
 Сергеев И.И. – 265, 559
 Серов В.М. – 458, 559
 Сидоров В.С. – 266, 559
- Силаев И.С. – 124, 125, 559
 Симонян Р.Р. – 36, 559
 Ситарян С.А. – 104, 106, 108, 111, 559
 Скарлетт Дж. – 185, 187, 188, 560
 Скоков Ю.В. – 103, 560
 Скотт Х. – 51, 560
 Скоукрофт Б. – 109, 547, 560
 Слатгер Э. – 185
 Смит Р. – 441, 560
 Снегур М.И. – 499, 560
 Солана Х. – 291–293, 298–301, 311–315, 317, 318, 336–338, 350–352, 354, 356, 560
 Солдатов А.А. – 132, 560
 Солженицын А.И. – 17, 560
 Соломатин Б.А. – 131, 560
 Сондерс Г. – 50, 561
 Сосковец О.Н. – 331, 561
 Спасский Н.Н. – 294, 341, 561
 Спольников В.Н. – 131, 561
 Сталин И.В. – 18–21, 28, 33, 42, 48, 155, 158, 159, 198, 257, 402, 433, 517, 528, 531, 561
 Старовойтова Г.В. – 289, 561
 Столяров Н.С. – 124, 561
 Студеман У. – 172, 561
 Суслов М.А. – 20, 21, 562
 Суэцугу И. – 52–54, 562
 Сяопин Дэн – 68, 562
- Т**
- Танака К. – 55, 562
 Тарасенко С.П. – 365, 562
 Тарасов Г.П. – 341, 562
 Твардовский А.Т. – 73, 74, 562
 Тер-Петросян Л.А. – 474, 475, 483, 562
 Токарев И.Л. – 216
 Топчиев А.В. – 50, 562
 Трапезников С.П. – 30, 562
 Трояновский О.А. – 243, 562

Трубников В.И. – 135–137, 172,
183, 241, 563
Тураджонзода Х.А. – 219, 563
Тэлботт С. – 287, 300, 302, 303,
305, 319, 320, 326, 327, 340,
348, 356, 365, 366, 563
Тягуненко В.Л. – 28, 563

У

Умалатова С.З. – 102, 563
Устинов Д.Ф. – 244, 563

Ф

Фадин А. – 517, 518
Фахд ибн Абдул-Азиз – 429, 563
Федоров В.Н. – 131, 563
Федоров Н.В. – 124, 563
Фейсал ибн Абдул-Азиз – 429,
430, 563
Ферраро Дж. – 321, 564
Фитин П.М. – 160, 564
Фифилов С.Н. – 209
Фолл Б. – 185, 186, 564
Фоменко Н.В. – 423, 564
Фултон Э. – 188, 189, 564

Х

Хабаров Г.А. – 217, 348, 564
Хабеишвили С. – 489, 564
Хаку Р. – 55, 56
Халонен Т. – 263, 282, 564
Харадзе Л.В. – 51, 73–75, 564
Харадзе Н.В. – 51, 564
Харламов М.А. – 23, 24, 564
Харнак А. – 159, 565, 569
Хасан II – 430, 565
Хекматияр Г. – 215, 216, 219,
565
Хелмс Р. – 144, 565
Хемингуэй Э. – 52, 565
Херд Д. – 275, 565
Хилл К. – 414, 565
Холбрук Р. – 409, 420, 441, 565

Хонеккер Э. – 241, 566
Хрущев Н.С. – 23, 24, 28, 231,
402, 463, 566
Хусейн ибн Талал – 428, 430,
435, 566
Хусейн С. – 14, 129, 239, 363,
364, 372, 373, 375, 380–382,
384, 385, 388, 390, 393, 395,
397, 398, 429, 528, 566
Хью С.Д. – 148, 149, 566

Ц

Церетели З.К. – 111, 490, 566
Цзян Цзэминь – 14, 233–237,
378, 566
Цянь Цичень – 263, 566

Ч

Чаушеску Н. – 277, 566
Червоненко С.В. – 72, 566
Чернавин В.Н. – 310, 566
Черномырдин В.С. – 166, 298,
458, 500–502, 566
Черняев А.С. – 97, 111, 119, 567
Черчилль У. – 46, 551, 567

Ш

Шаликашвили Дж. – 153, 334,
567
Шамир И. – 431, 567
Шамун К.Н. – 132, 429, 567
Шараа Ф. – 444, 567
Шаретт Э. де – 262, 297, 298,
338, 443, 444, 567
Шарон А. – 431, 434, 435, 567
Шаталин С.С. – 97, 567
Шахназаров Г.Х. – 97, 119, 567
Шебаршин Л.В. – 134, 567
Шеварднадзе Э.А. – 51, 61, 62,
68, 73, 365, 485–487, 489, 490,
494, 495, 562, 568
Шевченко В.Н. – 331, 502, 568
Шенаев В.Н. – 29, 568

Шипстер М. – 188, 189, 568
Ширак Ж. – 298, 299, 338, 350,
354, 355, 378–381, 384, 391,
443, 568
Шишлин Н.В. – 22, 120, 121, 568
Шредер Э. – 157, 568
Штебе И. – 159, 568
Шувалов К.В. – 220, 568
Шульман М. – 426, 569
Шульце-Бойзен Х. – 159, 569

Щ

Щаранский Н. – 431, 451, 569
Щербаков А.А. – 133, 143, 569
Щербаков В.И. – 106, 109, 111,
569

Э

Эберли Дж. – 310, 569
Эйзенхауэр Д. – 175
Эймс О. – 146, 169, 176, 180–184,
521, 569

Эйнштейн А. – 518
Экеус Р. – 367, 569
Эксурси Л. – 263, 570
Эль-Баз У. – 430, 570
Эльчибей А. – 472, 477, 570
Энтов Р.М. – 49, 570
Эрмарт Ф. – 153, 570

Ю

Юмашев В.Б. – 502, 570
Юшук Р.В. – 189, 435, 570

Я

Явлинский Г.А. – 108–111, 570
Явлюхин Н.Б. – 188, 570
Язов Д.Т. – 228, 275, 473, 570
Яковлев А.Н. – 27, 58, 72, 73, 87,
97, 519, 570
Якушкин Д.Д. – 503, 571
Якушкин Д.И. – 131, 571
Янаев Г.И. – 121, 571
Ясин Е.Г. – 97, 571

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Абхазия – 58, 260, 488, 490–492, 495, 496, 498, 523, 529
Австралия – 357, 367, 530
Аден – 25
Азербайджан – 251, 456, 467–471, 473–485, 526, 528, 535, 537, 540, 541, 545, 552, 553, 570, 592
Албания – 23, 401–403, 408, 410, 411
Алма-Ата – 233
Амман – 373, 428, 435
Амурская область – 76, 78, 79
Англия см. Великобритания – 141, 142, 155, 159, 191, 287, 292, 301, 359, 362, 375, 424
Анкара – 166
Аравия – 25, 243
Аргентина – 253, 362
Армения – 467–470, 474–481, 483–485, 491, 526, 529, 535, 545, 553, 554, 558, 562
Атлантический океан – 423
Афганистан – 64–66, 131, 165, 166, 213–218, 221, 223, 244, 245, 361, 535, 540, 549, 552, 554, 555, 561, 565

Б

Багдад – 129, 187, 239, 362–365, 369–371, 373–376, 378–380, 382–391, 393, 428, 429, 488

Базель – 149
Баку – 469–474, 476–481, 485
Балканы – 158, 174, 176, 213, 411
Баня-Лука – 407, 524
Башкирия – 105
Бейрут – 131, 132, 426, 443–445, 448
Белград – 132, 206, 208, 209, 212, 213, 285, 400–410, 413, 414, 417–421
Беларусь – 251, 267, 282, 456–458, 460–462, 525, 526, 547
Бельгия – 142, 529, 544
Берлин – 44, 155, 156, 159, 198, 257, 297, 544, 557
Босния; Босния и Герцеговина – 164, 166, 174, 176, 177, 205–208, 210–213, 285, 288, 295, 344, 353, 399, 400, 404, 406, 407, 411, 416, 494, 521, 525, 535, 553, 569, 590
Благовещенск – 79
Болгария – 151, 282, 527, 538
Бонн – 126, 135, 241, 278, 404, 407, 408, 414, 486, 557
Бостон – 110
Бразилия – 253, 375, 376, 387, 398
Брест – 77
Бронкс, район Нью-Йорка – 520
Брюссель – 207, 311, 316–318, 328, 338, 339, 351, 380, 523

В

- Вашингтон – 49, 59, 63, 66, 109, 139, 165, 172, 174, 175, 177, 178, 183, 246, 250, 257, 280, 282, 284, 286, 299, 318, 319, 322, 326, 328, 329, 360, 365, 371, 373, 379, 389, 391, 393, 394, 396, 423, 424, 441, 442, 450, 452, 519, 521, 547, 561, 563, 571
- Великобритания – 142, 146, 149, 185–189, 199, 275, 291, 295, 296, 310, 370, 376–378, 387, 390, 391, 404, 520, 527, 531, 532, 541, 542, 544, 546, 550, 551, 553, 554, 556, 560, 564–566, 568, 569, 591, 592
- Вена – 299, 307, 318, 319, 352, 530
- Венгрия – 22, 151, 277, 357, 361
- Венесуэла – 253
- Вьетнам – 77, 361, 428

Г

- Гавана – 223, 224, 229
- Гагра – 487
- Гальский район (Абхазия) – 486, 487, 494
- ГДР – 151, 170, 240, 241, 274, 275, 278, 288, 520, 534, 556, 590
- Генуя – 142
- Голанские – 525
- Голаны – 438, 449, 450
- Грузия – 51, 52, 73, 93, 94, 155, 175, 251, 260, 456, 485–498, 509, 523, 530, 535, 539, 550, 564, 568
- Гудауты – 496

Д

- Дальний Восток – 75–79, 94, 555

- Дамаск – 130, 426–428, 441–445, 448–450
- Дания – 145, 146, 554
- Дейтон – 213, 285
- Дели – 68, 73, 375, 547, 561
- Дечане – 410
- Джакарта – 293, 325
- Джаковица – 410
- Дофар – 25
- Дрозды, деревня в Белоруссии – 460
- Душанбе – 214, 218, 219, 221

Е

- Египет – 126, 130, 263, 268, 362, 368, 369, 380, 424–426, 430, 432, 434, 435, 437–439, 447, 453, 525, 542, 543, 551, 552, 558, 570
- Ереван – 469, 478–481, 485

Ж

- Женева – 59, 60, 147, 148, 151, 207, 210, 211, 281, 282, 333, 375, 377, 437, 519, 556

И

- Иерусалим – 281, 425, 438, 439, 443, 445, 446, 449, 451, 452
- Израиль – 168, 191, 253, 304, 424–426, 433–442, 445–451, 453, 521, 525, 530, 532, 534, 537, 538, 546, 550, 552, 554, 555, 562, 567, 569
- Ингури, река – 486, 491
- Индия – 67, 68, 71–73, 168, 189, 191, 196, 236, 253, 263, 303, 304, 357, 360, 375, 519, 521, 535, 537, 554, 563
- Иордан, река – 425
- Иордания – 130, 428, 430, 439, 447, 525, 554, 556, 566

Ирак – 57, 129, 133, 262, 363–375, 377–398, 428, 524, 528, 530, 542, 555, 556, 559, 565, 566, 569, 593
Иран – 57, 126, 178, 191, 218, 220–222, 444, 452, 453, 534, 556, 565, 568
Исламабад – 197
Исландия – 62
Испания – 225, 405, 536, 540, 560
Италия – 105, 142, 159, 262, 382, 443, 527–529, 538, 541, 555, 561

К

Кабул – 65, 213–216, 220
Казахстан – 92, 153, 214, 215, 223, 233, 251, 456, 478, 526, 552
Каир – 380, 425, 435
Камбоджа – 57, 361, 519
Канада – 26, 46, 116, 179, 225, 227, 263, 357, 517, 529, 540, 544, 548, 550, 556, 565, 570, 591
Каспий – 472
Кения – 368
Киев – 463, 464
Кипр, остров – 166
Киргизия – 93, 223, 233, 456, 526, 528
Кировабад (с 1989 г. – Гянджа) – 470
КНДР – 77, 543, 591
Китай – 64, 66–71, 75, 77, 191, 233–237, 243, 248, 253, 263, 269, 357, 359, 360, 368, 372, 375, 377, 387–389, 398, 421, 519, 548, 549, 562, 563, 566, 591
Копенгаген – 146
Косово – 174, 358, 399–401, 403, 405, 406, 411, 422, 557, 592

Красноводск – 472
Крцаниси – 497
Крым, полуостров – 124, 463
Куала-Лумпур – 233, 325, 388–390, 394, 395
Куба – 223–230, 232, 233, 253, 523, 530, 538, 542, 544, 546, 557
Кувейт – 126, 363–366, 371, 428
Курдистан – 25, 530

Л

Латвия – 155, 296, 555
Ливан – 132, 380, 438, 439, 443, 447–449, 538, 542, 560, 567
Лидзаве – 58
Лион – 293, 298
Литва – 296, 472, 540
Лондон – 110, 111, 119, 145, 146, 185–189, 309, 310, 389, 393, 404, 409, 410, 414, 420, 422, 452, 537, 570
Лэнгли – 151, 152, 170, 174, 441, 521
Люблина – 400
Люксембург – 350, 351, 356, 410, 527

М

Мадрид – 338, 354, 355, 381, 391, 438, 439, 447
Македония – 174, 205, 399, 411, 414, 565
Манила – 322, 357
Марокко – 373, 565
Маскат – 130
Мексика – 151, 225, 253, 263, 412, 537
Метохия – 401
Минск – 458–462
Молдавия – 92, 499, 547, 560
Москва – 32, 44, 46, 48, 49, 55, 56, 59, 63, 64, 76, 81, 88, 92, 93, 111–113, 115, 116, 119–126, 132,

139, 145, 146, 149, 153, 158, 171, 172, 175, 180, 181, 183–185, 187–189, 197, 198, 212, 217–220, 222, 229, 230, 232–234, 241, 243, 250, 257, 262–264, 266–268, 273, 277, 282, 284–287, 290, 292, 293, 305, 310, 312, 317–320, 322–325, 327, 331, 337, 338, 340, 341, 349–352, 367, 369, 370, 372–374, 380, 388, 392, 395, 397, 412, 413, 415, 421, 423, 424, 429, 433, 437, 440, 441, 443, 446, 459–463, 467, 470, 474, 477, 485, 486, 488, 492, 494–496, 498, 499, 518, 519, 522, 553, 555, 557, 560
 Мюнхен – 169

Н

Находка – 77
 Нижний Новгород (в 1932–1990 гг. – Горький) – 32
 Нагорный Карабах – 222, 455, 465, 467–471, 474–479, 481–485, 526, 592
 Новая Зеландия – 357
 Норвегия – 142, 263, 287, 554
 Нью-Дели – 72
 Нью-Йорк – 139, 257, 266, 299, 300, 302, 322, 335, 355, 377, 379, 390, 391, 403, 426, 561, 564

О

Объединенные Арабские Эмираты – 126, 268
 Оман – 130, 520, 555
 Осло – 142, 184, 439, 446, 525
 Оттава – 142

П

Пакистан – 168, 196, 197, 303, 304, 521, 533
 Пале – 407, 524

Париж – 142, 143, 152, 295, 297, 338, 339, 347, 350, 351, 354, 355, 364, 379, 384, 512, 537, 568
 Пахра, река – 313
 Пекин – 79, 234, 235, 371, 372, 376
 Персидский залив – 133, 187, 239, 363, 369, 371, 373, 378, 428, 488, 524
 Петродворец (с 1997 г. – Петергоф) – 178
 Печ – 410
 Польша – 114, 151, 261, 268, 413, 498, 529, 531, 534, 536, 565
 Прага – 22, 27, 277, 292, 293, 320, 322, 361
 Приднестровье – 499
 Приморский край – 76, 78, 79
 Приштина – 401, 409, 410
 Псоу, река – 493

Р

Рейкьявик – 59, 62, 258, 519
 Ростов – 496
 Румыния – 158, 277, 566
 Рустави – 92

С

Санкт-Петербург (в 1924–1991 гг. – Ленинград) – 171, 175, 178, 549, 561
 Сараево – 206
 Саудовская Аравия – 126, 197, 268, 371, 380, 430, 562, 563
 Сахалин, остров – 77
 Сахалинская область – 76
 Севастополь – 463, 464
 Сектор Газа – 425, 438, 439, 442, 446
 Сербия – 205–208, 210–212, 399–401, 405–407, 409, 410, 421, 525, 550
 Сеул – 56
 Синай – 425, 434, 438

Синьцзян, Синьцзян-Уйгурский автономный район (КНР) – 235
Сирия – 130, 180, 268, 369, 380, 426–428, 432, 436, 439–441, 444, 447–450, 524, 525, 529, 538, 549, 567
Словения – 205, 399
Сочи – 415, 419, 491, 495, 496
Степанакерт – 468, 469, 478–481, 526
Стокгольм – 152, 185
Страсбург – 263, 295
Судан – 130
Сумгаит – 468, 526
Сухуми – 486, 487, 491, 497, 510
Суэцкий канал – 373, 424, 434
США, Соединенные Штаты – 24, 26, 35, 44, 46–52, 58–60, 62–66, 71, 72, 75, 76, 79, 108, 117, 136, 139, 141–144, 151, 153, 162–166, 170–172, 174, 176, 178–183, 191, 192, 195, 196, 204, 205, 207, 224–227, 229, 231, 232, 243, 246–250, 253, 257, 260, 261, 269, 274, 276, 279–288, 290–294, 296, 298, 302–306, 308, 311, 319–324, 326, 327, 329, 330, 335, 340, 341, 348, 350, 353, 355, 357, 359–362, 365, 366, 368, 371, 375, 377, 380, 387, 388, 390–392, 394–396, 398, 403, 404, 406, 412, 414, 420, 422–426, 431, 432, 434, 436–439, 441–446, 451, 453, 482, 484, 489, 490, 517, 519–521, 523–525, 528–531, 533–536, 538–548, 550–554, 556–558, 560, 561, 563, 565, 567, 569, 590–593

Т

Таджикистан – 166, 214, 216–223, 233, 267, 444, 455, 456, 522, 526, 550, 553, 556, 563, 591

Тбилиси – 33, 51, 52, 175, 486–491, 493, 495–497, 535, 550, 564
Тель-Авив – 379, 445, 448
Тибет, Тибетский автономный район (КНР) – 235
Тирана – 402, 403
Травемюнде – 269, 523
Тунис – 428
Туркмения – 456
Турция – 126, 166, 477, 535

У

Узбекистан – 166, 218, 251, 267, 456, 542
Украина – 92, 114, 153, 251, 260, 267, 292, 456, 463, 464, 525, 546, 566

Ф

Финляндия – 142, 145, 263, 282, 498, 556, 564
Фолклендские острова – 362
Форос – 96, 119, 124, 125
ФРГ, Германия – 36, 106, 155–159, 191, 239, 241, 246, 262, 273–275, 278, 279, 287, 288, 290, 292, 301, 302, 311, 338, 402, 408, 415, 418, 419, 520, 522, 536, 541, 543–545, 551, 552, 556, 558, 565, 569, 590, 592, 593

Х

Хабаровск – 78
Хабаровский край – 76, 79
Хабомай, острова – 55, 519
Харьков – 21
Хельсинки – 282, 319, 326, 329, 330, 332, 335–337, 343, 346, 349, 409
Хорватия – 205, 212, 399, 521, 549

Ч

- Черногория – 205, 207, 406,
407, 525
Черное море – 415, 510
Чехословакия – 103, 114, 151,
566
Чечня – 491

Ш

- Швейцария – 147, 263, 545
Швеция – 36, 152, 263, 539
Шенон – 423
Шикотан, остров – 55, 519
Шотландия – 198
Штутгарт – 157
Шуша – 477

Э-Ю

- Эстония – 296, 533
Югославия – 176, 177, 205–208,
210, 211, 213, 254, 263, 285,
314, 357–359, 399–411, 414,
419–422, 521, 533, 541, 550,
593
Южная Корея – 56, 357, 554
Южная Осетия – 495, 538

Я

- Япония – 35, 37, 52–56, 75, 77,
78, 115, 159, 192, 243, 246, 248,
253, 263, 266, 357, 372, 460,
519, 541, 552, 554, 562
Ясенево, район Москвы – 128,
150, 201, 363

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН – Академия наук

АСЕАН – Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (англ. Association of Southeast Asian Nations, ASEAN)

АРФ – Асеановский региональный форум по вопросам безопасности

АТР – Азиатско-Тихоокеанский регион

АТЭС – Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество

АЭС – атомная электростанция

БиГ – Босния и Герцеговина

БНД – Федеральная разведывательная служба Германии (нем. Bundesnachrichtendienst, BND).

ВВП – валовой внутренний продукт

ВВС – военно-воздушные силы

ВМС – военно-морские силы

ВМФ – военно-морской флот

ВПК – военно-промышленный комплекс

ВРЯН – внезапное ракетно-ядерное нападение

ВТО – Всемирная торговая организация

ГАИ – Государственная автомобильная инспекция

ГДР – Германская Демократическая Республика

Генпрокуратура – Генеральная прокуратура

генсек – генеральный секретарь

ГКО – государственные краткосрочные облигации

ГКЧП – Государственный комитет по чрезвычайному положению

горисполком – исполнительный комитет городского Совета народных депутатов

Госдеп; Госдепартамент – Государственный департамент США

Госдума – Государственная Дума РФ

- Госплан – Государственный плановый комитет Совета Министров СССР
- Гостелерадио – Государственный комитет СССР по телевидению и радиовещанию
- ГРУ – Главное разведывательное управление
- ГУГБ – Главное управление государственной безопасности НКВД СССР
- ДИВТ – Движение за исламское возрождение Таджикистана
- ДОВСЕ – Договор об обычных вооруженных силах в Европе
- ЕБРР – Европейский банк реконструкции и развития
- ЕС – Европейский союз
- ЗЕС – Западноевропейский союз
- ИМЭМО – Институт мировой экономики и международных отношений
- ИСКАН – Институт США и Канады Академии наук СССР
- исполком – исполнительный комитет
- КБ – конструкторское бюро
- КГБ – Комитет государственной безопасности СССР
- КНДР – Корейская Народно-Демократическая Республика
- КНР – Китайская Народная Республика
- компартия – коммунистическая партия
- КОУ – Комитет особого управления Нагорно-Карабахской автономной области
- КПК – Коммунистическая партия Китая
- КПСС – Коммунистическая партия Советского Союза
- КПРФ – Коммунистическая партия Российской Федерации
- МАГАТЭ – Международное агентство по атомной энергии
- МБРР – Международный банк реконструкции и развития
- МВД – Министерство внутренних дел
- МВФ – Международный валютный фонд
- МВЭС – Министерство внешних экономических связей
- МГК – Московский городской комитет
- МГУ – Московский государственный университет
- МИ5 – Служба безопасности Великобритании (англ. Military Intelligence, Section 5)
- МИД – Министерство иностранных дел

- Минздрав – Министерство здравоохранения
МККК – Международный комитет Красного Креста
млн – миллион
млрд – миллиард
МПК – Миссия ОБСЕ по проверке в Косово
нарком – народный комиссар
НАТО – Организация Североатлантического договора (англ. North Atlantic Treaty Organization, NATO)
НИИ – научно-исследовательский институт
НКАО – Нагорно-Карабахская автономная область
НКВД – Народный комиссариат внутренних дел
НФА – Народный фронт Азербайджана
ОАК – Освободительная армия Косова
облсполком – исполнительный комитет областного Совета народных депутатов
ОБСЕ – Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе
ОМУ – оружие массового уничтожения
ООН – Организация Объединенных Наций
ОТО – Объединенная таджикская оппозиция
ОЭСР – Организация экономического сотрудничества и развития
партком – партийный комитет
ПВО – противовоздушная оборона
ПГУ – Первое главное управление КГБ СССР
ПРМ – «Партнерство ради мира»
ПРО – противоракетная оборона
РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
РФ – Российская Федерация
СБ – Совет Безопасности ООН
СВР – Служба внешней разведки Российской Федерации
СДПГ – Социально-демократическая партия Германии
СИС – Секретная разведывательная служба Великобритании (англ. Secret Intelligence Service, SIS)
СМИД – Совет министров иностранных дел СНГ
СНБ – Совет национальной безопасности США

- СНВ – стратегические наступательные вооружения
СНГ – Содружество Независимых Государств
Совмин – Совет министров
Спецкомиссия – Специальная комиссия СБ ООН по разоружению Ирака
спецназ – подразделения специального назначения
СПС – Совместный постоянный совет Россия – НАТО
СРЮ – Союзная Республика Югославия
ССАС – Совет североатлантического сотрудничества
СССР – Союз Советских Социалистических Республик
США – Соединенные Штаты Америки
СФРЮ – Социалистическая Федеративная Республика Югославия
СЭВ – Совет экономической взаимопомощи
ТНК – транснациональная компания
торгпредство – торговое представительство
УВКБ – Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев
ХДС – Христианско-демократический союз
ЦК – центральный комитет
ЦРУ – Центральное разведывательное управление США
ЦСР – Центральная служба разведки СССР
ЦЭМИ – Центральный экономико-математический институт
ФБР – Федеральное бюро расследований США
ФРГ – Федеративная Республика Германия
ФСБ – Федеральная служба безопасности Российской Федерации
ЮНСКОМ (англ. UNSCOM) – см. Спецкомиссия

**АЛФАВИТНЫЙ
УКАЗАТЕЛЬ
произведений,
вошедших в собрание
сочинений
Евгения Максимовича
ПРИМАКОВА**

Анатомия ближневосточного конфликта	Том 1
Биобиблиография Е.М. Примакова	Том 10
Война, которой могло не быть	Том 2
Восемь месяцев плюс...	Том 4
Вызовы и альтернативы многополярного мира: роль России	Том 8
Восток после краха колониальной системы	Том 1
Годы в большой политике	Том 3
Избранные доклады, статьи, интервью, эссе	Том 9
История одного сговора	Том 2
Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами	Том 5
Минное поле политики	Том 6
Мир без России?	Том 6
Мир после 11 сентября	Том 4
Мысли вслух	Том 7
Россия. Надежды и тревоги	Том 7

Научное издание

Евгений Максимович ПРИМАКОВ

Собрание сочинений.

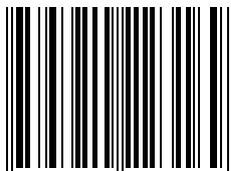
В 10-ти томах.

Том 3:

Годы в большой политике

Компьютерная верстка и техническое редактирование – С. П. Щербина

ISBN 5 91 0223 16 - X

9 785910 122316 9

Налоговая льгота –
Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2;
953000 – книги, брошюры

Научно-исследовательский центр АИРО-XXI
E-mail: andmak@airo-xxi.ru
www.airo-xxi.ru

Подписано в печать с оригинал-макета 05.04.2016
Формат 60×90/16. Усл. изд. л. 37,0
Тираж 1000 экз. Зак.